



НАУКА  
МИРОВОЗЗРЕНИЕ  
ЖИЗНЬ

---

Н. П. ФЕДОРЕНКО

ВСПОМИНАЯ  
ПРОШЛОЕ,  
ЗАГЛЯДЫВАЮ  
В БУДУЩЕЕ

---



НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ  
ФЕДОРЕНКО



Н. П. ФЕДОРЕНКО

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ,  
ЗАГЛЯДЫВАЮ  
В БУДУЩЕЕ





НАУКА  
МИРОВОЗЗРЕНИЕ  
ЖИЗНЬ

---

*Серия основана в 1979 году*

Редакционная коллегия серии:

академик Ю. С. ОСИПОВ (председатель)

академик Ж. И. АЛФЕРОВ

академик А. Ф. АНДРЕЕВ

академик А. С. БОРОВИК-РОМАНОВ

академик В. Л. ГИНЗБУРГ

академик В. Т. ИВАНОВ

академик В. А. КАБАНОВ

академик В. Н. КУДРЯВЦЕВ

академик А. М. ПАНЧЕНКО

академик Р. В. ПЕТРОВ

академик Б. С. СОКОЛОВ

академик Л. Д. ФАДДЕЕВ

академик Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

академик В. Л. ЯНИН

доктор экономических наук

В. Е. АПЕРЬЯН (ученый секретарь)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Н. П. ФЕДОРЕНКО

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ,  
ЗАГЛЯДЫВАЮ  
В БУДУЩЕЕ



МОСКВА «НАУКА»

1999

УДК 330  
ББК 72.3  
Ф 32

Рецензенты

член-корреспондент РАН В.Л. ПЕРЛАМУТРОВ  
доктор экономических наук В.Г. ГРЕБЕННИКОВ

**Федоренко Н.П.**

Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. – М.: Наука.  
1999. – 480 с. – (Сер. “Наука. Мировоззрение. Жизнь”)  
ISBN 5-02-013699-9

В книге на фоне автобиографического повествования раскрываются взгляды автора на 50-летнюю историю развития отечественной экономической науки и народного хозяйства, дана галерея портретов известных ученых и политических деятелей. Особое внимание уделено развитию экономико-математического научного направления, становлению ЦЭМИ РАН, созданию теории СОФЭ. Автор размышляет о путях дальнейшего развития экономической теории и практики на пороге нового тысячелетия.

Для широкого круга читателей.

ТП 98-II-№310

Научное издание

**Федоренко Николай Прокофьевич**

**ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ, ЗАГЛЯДЫВАЮ В БУДУЩЕЕ**

Утверждено к печати редколлекцией серии “Наука. Мировоззрение. Жизнь”

Заведующая редакцией “Наука–экономика, философия, право” *Р.С. Головина*

Редактор *В.С. Баковецкая*. Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *А.Б. Васильев, Ю.Л. Косорыгин, Е.Л. Сысоева*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 18.11.98. Формат 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл.печ.л.30,1. Усл.кр.-отт. 30,1. Уч.-изд.л. 38,9. Тип. зак. 240

Издательство “Наука” 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография “Наука” 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-013699-9

© Н.П. Федоренко, 1999

© Российская академия наук  
и издательство “Наука”, серия “Наука.  
Мировоззрение. Жизнь” (разработка,  
художественное оформление),  
1979 (год основания), 1999

# СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге и ее авторе (академик Д.С. Львов).....	9
От автора.....	15
<b>1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ.....</b>	<b>21</b>
О родине и предках.....	21
Дед Макар – "враг Советской власти".....	25
Сельская школа и первые суровые уроки жизни.....	29
Урожай смерти тридцать третьего года.....	36
<b>2. СТУДЕНЧЕСКАЯ ПОРА.....</b>	<b>42</b>
Первые "гастроли": в "Тимирязевке" и Большом театре.....	42
Студент агрохимического факультета ТСХА.....	46
За решеткой с Бенедиктом Спинозой.....	49
Наука как общественная нагрузка.....	51
Становлюсь инженером-химиком.....	55
<b>3. ВОЗМУЖАНИЕ.....</b>	<b>58</b>
На фронт добровольцем.....	58
В Академии химической защиты.....	60
Я – офицер химических войск.....	63
День рождения в поверженном Берлине.....	68
Высшая партийная школа: решающий поворот на жизненном пути.....	73
<b>4. В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....</b>	<b>79</b>
"Некрасовская задачка" и кандидатская диссертация.....	79
"Реакция превращения" химика в экономиста.....	83
Первое столкновение с принципом системности.....	88
"Покой нам только снится...".....	94
О Станиславе Густавовиче Струмилине.....	105
Химия как классовая наука.....	111
Перестраиваю учебный процесс ...за океаном.....	114
"Плюс химизация".....	124

От экономических проблем "большой" химии к "большой" экономической науке .....	134
Конференция в Иране.....	138
<b>5. ПЕРВЫЕ ШАГИ В АКАДЕМИИ НАУК.....</b>	<b>140</b>
На пороге храма отечественной науки .....	140
Трагедия честного марксиста .....	143
Зарождение ЦЭМИ.....	145
Наши предшественники.....	145
О Василии Сергеевиче Немчинове .....	148
Россия – родина межотраслевого баланса и линейного программирования.....	149
ЦЭМИ родился!.....	156
Кадры решают все .....	157
Как организовать работу?.....	167
<b>6. ЦЭМИ ВЫБИРАЕТ ПУТЬ .....</b>	<b>173</b>
С чего начать?.....	173
Вперед, к новой экономической науке!.....	178
Романтика ЕГСВЦ.....	178
"АСУнизация".....	181
Может ли планирование быть оптимальным? .....	184
Заводы надо строить там, где харч дешевле.....	191
Так когда же у нас должен был наступить коммунизм?.....	198
Если бы ученых слушали.....	203
Затраты, результаты, эффективность.....	209
Ренессанс межотраслевого баланса.....	215
Математическое моделирование и бриллианты.....	218
Цены – главный рычаг хозяйственного механизма .....	221
Реальные экономические эксперименты .....	223
Экономика – музыка цифр .....	225
Корабль ЦЭМИ испытывают на плавучесть.....	230
Эконометрика за морями и горами.....	236
В Японии.....	236
В США.....	240
В Канаде.....	246
В Англии.....	248
Воздвигаем собственную трибуну и выступаем с нее.....	253
Строим собственный дом .....	260
<b>7. НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ.....</b>	<b>270</b>
"Беспокойное хозяйство" .....	270

"Дачные бдения" или "сенокосы" .....	272
Комиссии и советы, секции и комитеты.....	275
Небольшой самоотчет.....	283
О моих преемниках.....	294
Околонаучная возня: формы и методы .....	298
Выборы в Академию.....	303
В "родном" проблемном Совете.....	307
Посланники и "первопроходимцы" московской науки .....	311
На Украине.....	312
В Грузии.....	316
В Молдавии.....	318
В Узбекистане .....	319
В Чехословакии.....	321
<b>8. ОТ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРИМЕНТОВ К НОВОЙ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА .....</b>	<b>322</b>
Зарождение СОФЭ.....	322
Развитие СОФЭ.....	326
Экономика – важнейшая часть системы общественных отношений..	328
Человек в экономической системе .....	330
Новый взгляд на денежно-финансовую систему .....	334
Народное хозяйство как часть мировой экономической системы .....	336
Конкретизация положений новой теории .....	338
Есть ли у СОФЭ перспективы?.....	340
Ответ оппонентам.....	349
Еду за океан делиться опытом социалистического хозяйствования .....	359
Комиссия "Восток – Запад".....	360
С лекциями в Мексике.....	367
Комплексная программа научно-технического прогресса.....	368
НТП и эффективность производства.....	369
"Булочки с изюмом".....	370
Как соединить НТП с преимуществами социализма .....	372
Как, где и кем разрабатывалась программа.....	375
Природа глазами экономиста .....	384
Сохранение природы: не пассивная защита, а активная борьба!.....	385
Воспроизводство природных ресурсов – "пятая" сфера материального производства.....	388
Экономика и экология – единая метасистема.....	391
В рублях или в баллах?.....	394
Сегодняшние проблемы экономики природопользования.....	398

<b>9. ТЕОРИЯ СОФЭ И СОВРЕМЕННОСТЬ .....</b>	<b>403</b>
Устарела ли теория СОФЭ? .....	403
СОФЭ и рыночные реформы .....	408
Как сегодня использовать идеи СОФЭ?.....	412
Перелистывая десяти томик .....	414
<b>10. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ.....</b>	<b>420</b>
О теории социалистической рыночной экономики.....	420
Экономическая теория и экономическая политика .....	430
<b>11. ОБ ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: КАМО ГРЯДЕШИ? .....</b>	<b>437</b>
М.С. Горбачев и его "перестройка" .....	437
Н.И. Рыжков и его "радикальная" реформа.....	443
Г.А. Явлинский и его программа "500 дней" .....	450
Е.Т. Гайдар и его "либерализация" .....	451
<b>12. ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ .....</b>	<b>456</b>
На пороге тысячелетия .....	456
От "латания дыр" к федеральной социально-экономической программе	469

## ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Перед вами, уважаемый читатель, *необычная*, в чем-то *уникальная*, но, главное, очень *нужная* сегодня книга.

В последние годы возникла необходимость в поиске ориентиров, “начал и концов”, без которых невозможно определить, что есть прогресс, регресс или застой в общественном движении материи. Поэтому всем нам – гражданам Великой России – сегодня так важно отречься от беспамятства, пренебрежения опытом предшественников, задуматься над уроками собственной истории, внимательно и спокойно оглядеться по сторонам: а не сохранилось ли где-то поблизости следов той тропы, которую торили славные предки, превратившие Россию в мировую державу еще два столетия назад.

К сожалению, в имеющейся в нашем распоряжении “оруэлловской” историографии так много вранья, что общество дезориентировано чуть ли не по всем проблемам своего прошлого. Не разобравшись в этом прошлом, в его достижениях и подвигах, ошибках и преступлениях, не дав ему честную и правильную оценку, мы обречены и далее плутать в “трех соснах” – политике, экономике и социологии, чем “успешно” и занимаемся в последние десятилетие. Тут, думаю, уместно напомнить высказывание выдающегося русского историка Л.Н. Гумилева: “Именно взгляд в прошлое, не замутненный фальсификациями и подлогами, способен приоткрыть завесу будущего”<sup>1</sup>.

Книга мемуаров академика Н.П. Федоренко нужна сегодняшнему читателю потому, что он не только, “вспоминая прошлое, заглядывает в будущее”, но и говорит *правду*. Эта книга нужна потому, что не только раскрывает перед читателем многокрасочную картину развития нашей экономической науки на фоне панорамы новейшей отечественной истории, но и дает ему возможность взглянуть на нее глазами выдающегося ученого, гражданина и патриота. И если, как пишет автор, в ней читатель не найдет прямых ответов на все животрепещущие вопросы современности, то места, где эти ответы нужно искать, на мой взгляд, в ней указаны. Нужно только не лениться прочесть эту книгу внимательно от начала до конца.

Уникальность этой книги в том, что она представляет собой первые опубликованные мемуары ученого, занимавшего в течение многих лет лидирующее положение в отечественной экономической науке, мемуары, охватывающие фактически весь советский период ее исто-

---

<sup>1</sup> Гумилев Л.Н. Черная легенда. М.: Экспресс, 1994. С. 299.

рии. В этом смысле воспоминания других наших “патриархов”: академика С.Г. Струмилина “Из пережитого” (М., 1957) и академика К.В. Островитянова “Думы о прошлом” (М., 1967) не в счет, так как те и другие завершаются ноябрем 1917 г. В отличие от воспоминаний некоторых других отечественных экономистов, как правило, несущих на себе отпечаток фрагментарности, книга академика Н.П. Федоренко представляет собой, по сути, цельный, хотя и субъективный взгляд на историю советской экономической науки со всеми ее достижениями, неудачами, поисками и противоречиями. Ее уникальность еще и в том, что этот период в развитии экономической науки рассматривается не оторванно от общей исторической канвы. Автор тщательно и умело протягивает нити логических связей от первого известного русского экономиста петровской эпохи И.Т. Посошкова, через рассказ о выдающихся русских экономистах XIX в. и “отцах нэпа”, до описания дискуссий с “ортодоксами” советской догматической политэкономии и оценки деятельности нынешних “молодых реформаторов”.

Но главную ценность для читателя представляют воспоминания академика Н.П. Федоренко о том, чему он был, по его словам, “участником и активным свидетелем”, а также его рассказы о людях, сыгравших разную роль в его личной судьбе, в судьбе страны, в развитии отечественной науки. Свидетельства Н.П. Федоренко тем более ценны, что он не был сторонним наблюдателем происходившего, находился не просто в гуще событий, а сам сделал для развития отечественной экономической науки столько, сколько, наверное, не сделал кто-либо другой. И дело не в том, что он дольше, чем кто бы то ни было (15 лет), руководил Отделением экономики Академии наук, и не в том, что он создал Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ), получивший мировое признание в качестве лидера экономической науки страны, и более 20 лет успешно им руководил. Главная заслуга Н.П. Федоренко в том, что им был создан *новый тип экономического мышления*, который некоторые метко называют “живой экономической наукой”, в том, что, благодаря его усилиям, отечественная экономическая наука, преодолев упорное сопротивление, вырвалась из пут догматизма и сделала мощный рывок на передовой мировой уровень.

Если бегло прочесть оглавление этой книги, то ее структура представляется обычной для мемуарного жанра (“детство, отрочество, юность” и т.д.). Внимательное же чтение книги показывает, что по своему содержанию она далеко не тривиальна. Последовательное неспешное изложение биографии крестьянского паренька из бедного запорожского села, рассказ о постепенном превращении его в гражданина, формировании его как ученого перемежается с политическими и мировоззренческими оценками, теоретические выкладки – с юмористическими деталями, а временами на страницах этой книги мы сталкиваемся с эпизодами, которые я бы отнес к принципиально новому жанру литературы – “экономическому детективу”.

На мой взгляд, и это, надеюсь, заметит внимательный читатель, в книге Н.П. Федоренко явно прослеживается несколько “слоев” или главенствующих тем. Первая из них – это *раздумья ученого* о судьбах отечественной экономической науки, о реальных приложениях резуль-

татов исследований самого автора и его соратников, имеющих большое и непреходящее значение для вооружения реальной хозяйственной практики, поиска многочисленных направлений повышения эффективности реального сектора экономики. В этом смысле очень ценны и интересны как рассказ Н.П. Федоренко об истории создания теории системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), так и его размышления о возможностях ее практического применения четверть века тому назад и в нынешних условиях.

Вторая тема – *гражданская оценка* того, что же на самом деле происходило в отечественной экономике и экономической науке на протяжении описываемого в книге периода, оценка того, что могло бы быть и какова была бы судьба отечественных науки и хозяйства, если бы их нормальному развитию не мешали власть, догматическая в своей основе, и официальная наука – догматическая вдвойне. Современный читатель должен знать, почему так низок был коэффициент полезного действия отечественной экономической науки, как и почему передовые идеи и передовые ученые становились объектом “разносной” критики и преследований. Наверное, Н.П. Федоренко неприятно вспоминать детали идеологического погрома, незаслуженно учиненного его любимому детищу – ЦЭМИ и возглавлявшемуся им целому научному направлению в 1983–1985 гг., и поэтому он не рассказывает об этом достаточно подробно. Я же хочу подчеркнуть, что эта позорная акция, которой, к сожалению, пока еще не дано справедливой официальной оценки, отбросила научную мысль назад на несколько десятилетий и лишила развитие народного хозяйства плодотворной теоретической базы в самый важный момент, когда эта база была нужнее всего – накануне “перестройки”. Что-то подобное происходит и сейчас. Обидно, что на протяжении столетия провидение дважды произвело на живой ткани экономики страны свои бездарные эксперименты. В этом одна из причин всех наших бед.

Третья тема – формирование Н.П. Федоренко как *личности* – развита в книге, на мой взгляд недостаточно, но это и понятно: об этом должны писать и говорить другие. Конечно, описание личности такого человека нельзя втиснуть в рамки предисловия. Поэтому здесь я ограничусь только несколькими характеристиками, оставляя биографам обширное поле для заполнения.

Все, кто работал и общался с Н.П. Федоренко, безусловно, признают за ним выдающиеся человеческие качества и экстраординарную популярность в истинном и буквальном значении этого слова. Думаю, что это признание он получил прежде всего за его собственное отношение к людям. Вот несколько цитат из интервью, данных сотрудниками и коллегами Н.П. Федоренко накануне его 80-летнего юбилея: “за советом и помощью к нему ходили всегда, ходят и сегодня”, “все, кто работал с ним вместе, всегда говорили, что им повезло; старались работать из уважения к нему”, “умел сплотить и повести за собой”, “говорить с ним можно было обо всем”, “все удары принимал на себя, никого никогда не подставлял”, “смотрел на проблемы широко и давал свободу творчества”, “нормальный, жутко целеустремленный мужик”, “выстроил здание, выстраивал умы и души”, “таких людей посылает Бог,

когда это нужно”, “женщины из технического персонала ревновали и спорили о том, к кому Николай Прокофьевич относится лучше”, “и по-сегодня, о чем бы ни шла речь, всегда думают: а как бы сделал он?”, “Н.П. Федоренко – из исчезающего класса людей–созидателей, сродни титанам эпохи Возрождения. Такие люди не созерцают, не отрицают, а способны создать работающее целое. То, что сделал он, не мог бы сделать никто”. Завершу этот ряд высказываний словами того, кого Николай Прокофьевич считает одним из главных своих учителей, – академика В.С. Немчинова. Когда Василия Сергеевича спросили, почему на должность директора вновь создаваемого ЦЭМИ он рекомендует Н.П. Федоренко, он среди другого сказал: “Я выбрал Федоренко потому, что этот человек ни разу в жизни не совершил подлости”.

Четвертая тема, также достойная отдельного развития и дальнейшей разработки, – это Н.П. Федоренко как *организатор и воспитатель*. Она раскрыта в книге достаточно подробно. Я же хочу здесь отметить то, что признано всеми: не было бы Федоренко, не было бы ни ЦЭМИ, ни возглавляющегося этим институтом научного направления, не было бы и осуществленного ими прорыва в экономической теории.

Николай Прокофьевич не любит, когда говорят о научной школе Федоренко, и называет ее школой ЦЭМИ. Не буду спорить, но спрошу: а кто создал то, что называют “ковчегом”, “крепостью” или “империей” ЦЭМИ; кто сумел создать такие условия для творчества, чтобы самые способные теоретики стремились в этот “ковчег” со всех сторон; кто умел подхватывать и продвигать самые передовые и плодотворные идеи и не боялся своим телом прикрывать идеологические амбразуры; кто синтезировал новый образ экономического мышления; кто еще из ученых мира может похвастаться тем, что большая часть действующего правительства (так же, кстати, как и главная идейная его оппозиция) “прошла через его руки”; наконец, какой еще из российских экономических институтов, кроме ЦЭМИ, упомянут в “Американской энциклопедии”? Думаю, что *школа Федоренко* существует, и о ней с полным основанием можно сказать словами великого русского хирурга Н.И. Пирогова, что она “славна не числом, а славою своих учеников”.

Н.П. Федоренко из породы сеятелей. На заре своей жизни ему приходилось заниматься этим в буквальном смысле. Нива, которую он возделал, став ученым, плодоносит более 30 лет и будет плодоносить еще долго. И не только потому, что брошенные им в эту ниву семена “доброе и вечное” продолжают давать ростки, но еще из-за того, что на ней сегодня трудятся его ученики, которые никогда не забудут его уроков.

*Академик Д.С. Львов*

*Посвящаю  
моей дочери Елене*



“Глядя в прошлое – обнажите головы, глядя в будущее – засучите рукава”

*Б. Шоу*

“Сердце мое говорит, что книга моя нужна и что она может быть полезна. Я думаю так не потому, что имел высокое о себе понятие и надеялся на умение свое быть полезным, но потому, что никогда еще доселе не питал такого сильного желанья быть полезным”

*Н.В. Гоголь*

“Я пишу потому, что видел людей и вещи, о которых мне хочется рассказать. Я даже думаю, что обязан об этом рассказать”

*Э. Колдуэлл*

## ОТ АВТОРА

Мне, как и многим, всегда нравился кинофильм “Парень из нашего города”, снятый в 1942 г. по незатейливой пьесе Симонова. В нем рассказывается о судьбе танкиста Сергея Луконина, которого с душой и азартом играет любимый мною актер Николай Афанасьевич Крючков. Милое и наивное, по нынешним временам, кино. Но когда сегодня я смотрю его по телевидению, то в одном месте невольно вздрагиваю. Я имею в виду эпизод, когда Луконин на рыбалке возмущается решением своего племянника Петьки стать *экономистом*. И, видимо, не зря, поскольку Петька впоследствии оказывается трусом, паникером и чуть ли не предателем. По сценарию выходит, что экономисты – это “так себе” людишки...

К поэту Константину Симонову по этому поводу у меня претензий нет. Он не сам это придумал, а отразил “художественным методом” не только сталинское, но и общественное отношение к этой профессии и этой науке, бытовавшее тогда и нередко бытующее у нас в стране до сих пор.

Такого рода штампы живучи. В 40–50-х годах правдинский фельетонист Семен Нариньяни сделал чуть ли не синонимами два слова: “доцент” и “подлец”? Вот с тех пор ни в одном романе, фильме или пьесе вы не найдете положительного героя с таким ученым званием. Профессорам и академикам, правда, от писателей и драматургов доставалось и достается поменьше, но большинство из них, как правило, из комического амплуа (все эти профессора должны быть обязательно очень рассеянными и абсолютно беспомощными в быту людьми) не выходят. Отвлекаясь, замечу, что живучесть такого рода штампов объясняется отчасти и особенностью нашего национального характера, заключающегося в недоверии и отрицательном отношении к тому, чего не понимаешь. И с гордостью, и с грустью приходится признавать, что у нашего народа, выдвинувшего из своих рядов таких титанов научной мысли, как Ломоносов, Менделеев, Павлов, Вавилов, Королев, Кел-

дыш, Капица, Семенов и многие другие, до сих пор нет страшнее ругательств, чем: “ах! так ты у-умный?!” или “смотрите, грамотный нашелся!”. Ну тут уж ничего не поделаешь...

Общественное отношение к экономистам выражалось и в народном творчестве. Был анекдот про людоедский магазин, где мозги экономистов стоят в 100 раз дороже мозгов физиков и математиков и где хозяин магазина объясняет это тем, что для того, чтобы добыть килограмм мозгов, нужно перебить экономистов на два порядка больше, чем всех других людей. Честно говоря, на наш народ за такие анекдоты обижаться нельзя, поскольку его большинство уже (со времен Салтыкова-Щедрина и до него) живет, по мировым стандартам, на грани бедности, с чувством глубокой безысходности и непреходящим недоумением – почему? Неужели никогда не прервется вечная страда русского человека, который, надрываясь и проливая кровавый пот, получает за это кусок мякинского хлеба? Неужели на этот щедринский вопрос никогда не будет другого ответа, кроме: “не твое дело”?

Не думаю, что читатель найдет полный ответ на него в моей книге, поскольку она не научный труд, не публицистика, а воспоминания. Здесь рассказывается о судьбе босоногого хлопчика из бедного запорожского села, разделившего радостную и печальную судьбу своей Родины и прошедшего большой жизненный путь от крестьянской хаты до вершин академической науки, ставшего ученым-экономистом. В ней описывается его нелегкая, но в общем-то счастливая жизнь и излагаются некоторые его взгляды на эту жизнь и окружавших его людей.

Повторяю, готовых ответов на многие вопросы читатель здесь не найдет. Но одно, думаю, читатель поймет однозначно: есть экономисты-ученые, дающие рекомендации, есть экономисты-хозяйственники, принимающие конкретные решения в установленных законом рамках, и есть власть, решающая, “что есть истина”, устанавливающая эти самые законодательные и иные рамки, а также определяющая требования и к ученым, и к хозяйственникам. Так же как, с одной стороны, есть гениальные физики, открывшие тайну атомного ядра, и химики, создавшие вещества, которых не знала природа, а с другой – есть люди, способные сжечь Хиросиму и травить заключенных в газовых камерах.

Надеюсь, мой читатель поймет, что достижения и неудачи экономической науки и результаты хозяйственной деятельности – эти вещи принципиально разные. И тогда уж пусть он сам решает, кто больше виноват в том, что происходило, и в том, что происходит в нашей экономике: наука, хозяйственники, власть или кто-то еще. Надеюсь также, что некоторые из читателей задумаются и над тем, что же они сами-то сделали, чтобы у нас все было хорошо...

В этой книге я не собираюсь оправдываться сам и оправдывать своих коллег. На советской экономической науке, безусловно, лежит тень позора за долголетнее пресмыкательство перед властью, которая, выражаясь словами Салтыкова-Щедрина, не требовала от ученого,

чтобы он стоял на дороге со свечечом в руках. “Нет, от него требовалось одно: чтоб он подыскивал обстановку для истины, уже утвержденной и официально признанной таковою, и потом за эту услугу чтоб получал присвоенное по штатам содержание”<sup>1</sup>.

А что же ученые? А ученые – тоже люди, как и все. Одни служили власти искренне (таких были единицы), другие аполлогетствовали сознательно и получали за это “присвоенное содержание”, третьи – не умевшие раболепствовать – спивались и получали инфаркты, четвертые, если имели возможность, уезжали из страны. Но были и те, кто пытался, постоянно уворачиваясь от идеологических стрел, а иногда “мимикрируя”, сделать что-то от них зависящее, чтобы как-то наладить отечественное хозяйство. В этой книге будет рассказано о многих, в том числе и о них. Расскажу и о трагедии тех экономистов, научная и личная судьба которых была переломана жестокой властью.

Кстати, эта традиция для России тоже не нова. Вспомните первого русского экономиста-реформатора, “птенца гнезда Петрова” Ивана Тихоновича Посошкова, автора “Книги о скудости и богатстве”, написанной им в том же году, когда появился на свет предшественник марксистской политэкономии Адам Смит и за 50 лет до публикации смитовского “Исследования о природе и причинах богатства народов”. Не понравились наследникам Петра Великого посошковская критика дворянских привилегий и идея формального равенства всех перед законом и судом, и вот Иван Тихонович отправляется в Петропавловку, где через год умирает.

Заранее прошу прощения у тех, кого в этой книге не упомянул, хотя старался никого не забыть; все-таки когда я взялся за эту книгу, то уже завершал восьмой десяток лет своей жизни.

Прошу прощения и у тех читателей, которые будут искать в моей книге описаний и оценок некоторых событий и не найдут их. Это объясняется тем, что я решил писать “правду и одну только правду”. Поэтому я пишу здесь только о событиях, участником или активным свидетелем которых был сам, рассказываю только о том, в чем полностью уверен. Описания многих, может быть и очень интересных, эпизодов я, скрепя сердце, выбросил из рукописи именно из-за того, что их достоверность не подтверждалась на сто процентов. Наконец, я намеренно старался не вставать в этой книге на какую-то определенную политическую платформу, а если она читателя заинтересует, то пусть он “вычислит” ее сам.

Признаюсь, что, размышляя о своей будущей книге и о том, нужно ли ее писать вообще, я колебался. Я раздумывал и о том, упрекнут ли меня в нескромности, и о том, будет ли читать ее молодежь, и, если будет, как она отнесется к тому, что в ней написано. Все же я решился взяться за перо (а точнее, взять в руки диктофон), поскольку, как мне кажется, на склоне лет мне стала ясна одна из причин, порождающая многие наши экономические, нравственные и прочие беды. Причина эта в вечной нашей российской расточительности.

<sup>1</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения. М., 1988. Т. 7. С. 59–60.

Ставшая притчей во языцех и постоянно и на всех углах проклинаямая бесхозяйственность не упала с неба и не завезена к нам из-за границы. Она в значительной мере уходит корнями и питается соками нашей собственной *духовной* расточительности, приносящей более бед, чем “дураки и дороги”. К этому качеству непосредственно примыкают и ему сопутствуют наши беспредельная выносливость и бесконечное терпение. Эти типичные для северо-восточных славян черты всегда меня удивляли, временами восхищали, а чаще смущали, но я так до сих пор для себя не решил: положительные ли они в итоге или отрицательные.

Взорванные храмы, разбазаренные музеи, сожженные книги и иконы, изгаженные или уничтоженные памятники и кладбища – все это свидетельства того, что мы – жители России (славяне или не славяне, не важно!) – толком не знаем настоящей цены ни себе, ни тому, чем мы владеем или владели когда-то. И не надо винить во всем одних большевиков. Думаю, не надо забывать, что, во-первых, большевики (кстати, так же как и якобы непонятно откуда взявшиеся “новые русские”) не упали с неба, а родились и воспитаны у нас, т.е. “кровь от крови и плоть от плоти”, а во-вторых, и самая первая церковь, построенная в Москве (храм Рождества Иоанна Предтечи, что на Боровицком холме), и монастырь на излучине Москвы–реки, где теперь стоит уже второй храм Христа Спасителя, были уничтожены еще при Николае I, когда ни о каких большевиках и слуху не было.

Искусственные белые пятна в нашей истории, особенно в новейшей, разрыв между прошлым и будущим, пренебрежение опытом и делом предков, глупая привычка каждый раз после очередной “перестройки” или “потрясения” начинать все заново и искать собственные пути рядом с дорогой, уже вымощенной отцами и дедами, – все это виснет тяжкими гирями на наших ногах. Скажу откровенно, не нравятся мне постоянно придумываемые бойкими журналистами и щедро рассыпаемые ими ярлыки типа “новая Россия” “новые русские” и т.п. Не может страна и народ вдруг перемениться, не может человек мгновенно сменить мировоззрение, мораль и нравственные принципы, даже если он поменял партбилет на сотовый телефон...

Сегодня наша страна, наконец, начинает обращаться к опыту предков, и это хорошо. Но куда было бы проще и легче, если бы этот опыт мы перенимали непосредственно из их рук, а не разыскивали по крупицам, как когда-то зарытые и потерянные клады. Тогда бы, наверное, дело не доходило до таких глупостей, как одновременное празднование трехсотлетия российского флота и трехлетия (!?) российской армии, притом что первый ее Устав появился еще в 1571 г. .

Журналисты и писатели с иронией, а иногда и с издевкой рассказывают о том, как англичане якобы с тупым упрямством тщательно, бережно и досконально соблюдают свои традиции, берегут связь времен и поколений. У меня это не вызывает усмешки, а порождает чувство уважения и доброй зависти, а также наводит на сакраментальную мысль о том, что именно в этом причина того, что

сегодня почти во всем мире либо говорят, либо учатся говорить по-английски... Кстати, в Лондоне не услышишь разглагольствований о каком-то “особом английском пути” или какой-то “особой английской исторической миссии”. Там люди просто спокойно работают и учатся на ошибках предков, а в выносливости и долготерпении нужды не имеют. Впрочем, попробуйте англичанину, немцу или, скажем, шведу с их пресловутым “спокойным” характером не выдать зарплату за пару месяцев подряд – что будет? Конечно, есть у них и свои потрясения: консерваторы бьются с лейбористами, лейбористы с либералами; они поочередно сменяют друг друга, проводят “реформы”, но *главное* остается неизменным.

Что же это *главное*? Думается, что лучше всего это сформулировал мой любимый Салтыков-Щедрин словами героя своей пьесы “Мальчик в штанах и мальчик без штанов”, так объясняющего причины западноевропейского экономического благоденствия: “...это оттого, что нам никто не препятствует быть трудолюбивыми. Никто не пугает нас, никто не заставляет производить такие действия, которые ни для чего не нужны”<sup>2</sup>. Честное слово, будь моя воля, я бы написал на стенах всех кабинетов наших чиновников и народных избранников, как на скрижалях: “не создавай препятствий трудолюбию, никого не пугай и не принуждай к занятиям, не имеющим смысла!” Иногда серьезно думаю, что одного этого хватило бы, чтобы Россия сама встала на ноги. Воистину, все гениальное выглядит так просто!

Естественно, мне и в голову не приходит претендовать на лавры Михаила Евграфовича. Я ставлю намного более скромную задачу: хочу предложить нынешней молодежи правдивый рассказ о своей жизни и своем опыте. Я не хочу навязывать свои мнения, не хочу переписывать историю. Кстати, совсем недавно я где-то услышал по этому поводу умный и актуальный афоризм: “чем чаще переписывается история, тем больше в ней становится белых пятен”.

Если найдутся молодые люди, которые, прочитав мою книгу, хотя бы не повторят моих ошибок, это уже будет означать, что основная задача, которую я ставил перед собой, берясь за диктофон, выполнена, т.е. я смог вложить свое бревнышко в мостик, соединяющий поколения.

Я уже сказал о своих колебаниях по поводу того, братья мне за эту книгу или нет. Признаюсь, что эти колебания не оставляли меня и некоторое время после того, как я начал над ней работать, поскольку, несмотря на то, что научных монографий и статей я написал немало, это первый опыт в новом для меня жанре. И сегодня, когда что-то все-таки получилось (о качестве пусть судит читатель), я хочу поблагодарить тех, кого я поначалу журил за то, что они “вовлекли меня в эту авантюру”, кто не дал мне опустить руки и фактически настоял на том, чтобы я завершил эту книгу, – Д.С. Львова и Н.В. Махрова.

Я искренне благодарен всем моим коллегам и друзьям, кто дал мне

---

<sup>2</sup> Там же. С. 37.

добрые и дельные советы, помог вспомнить некоторые события и детали наших совместных работ. Этим людям немало, и они все упомянуты в последующем изложении. Спасибо В.Г. Гребенникову, Г.Б. Клейнеру, Ю.А. Олейнику, В.Л. Перламутрову, Л.И. Абалкину и Н.Я. Петракову, прочитавшим рукопись и сделавшим весьма ценные замечания.

Особую благодарность хотел бы выразить А.В. Летенко, взявшему на себя нелегкий труд помочь мне в подготовке рукописи, вложившему в ее создание свое умение и душу.

Я признателен за помощь в издании книги президенту РАН академику Ю.С. Осипову.

Ну, что ж, а теперь обо всем по порядку...

# 1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

---

## О РОДИНЕ И ПРЕДКАХ

Я родился в селе Преображенка Ореховского уезда Екатеринославской губернии, неподалеку от города Александровска, который в 1921 г. переименовали в Запорожье.

Преображенка расположена вблизи Орехова на берегу реки Конки, имеющей исток у поселка Камыш-Заря на горе Могила-Бельмак. Речка когда-то впадала в Днепр, а теперь у Малоекатериновки вливается в Каховское водохранилище. Если отправиться из Преображенки на восток и пересечь железную дорогу у села Зализничное (т.е. Железнодорожное), то попадаешь в Гуляй-Поле или, как его иногда называют, “Махноград”, где появился на свет батька Махно. На таком же расстоянии от нас к северо-западу стоит Камышеваха, а к югу – Токмак. Вот такие названия на моей родине, а про запорожские фамилии, которые происходят от казацких прозвищ, такие как Нагнибеда или Журибеда, Непейвода или Непейпиво, Подопригора, Задерихвист, Кривошапка или Молчиманя, я уж и не говорю...

Предки мои были поселены в этих местах по приказанию императора Николая I после окончания русско-турецкой войны 1828 г. Это были бывшие “неверные” запорожцы, когда-то после разгрома Сечи ушедшие под покровительство Порты и основавшие так называемую Задунайскую Сечь. Когда стало ясно, что султан готовится к войне с Россией, задунайцы, ведомые кошевым атаманом Осипом Михайловичем Гладким, оставили свои поселения на берегу Дуная. Интересно, что прежде всего они погрузили в лодки свою походную церковь, предварительно разобрав ее, и за неимением места большую часть своего имущества оставили на месте. Эта церковь была вновь собрана, установлена в Гуляй-Поле и тщательно оберегалась. В 20-х годах нынешнего века она сгинула без следа, как и многое в то время...

Казачи О. Гладкого составили Пеший дунайский казачий полк и отличились своей доблестью в борьбе с турками, особенно при взятии крепости Исакчи. За это царь наградил их, отпустил все прошлые прегрешения и поселил на моей Родине под именем Азовского казачьего войска. Часть этого войска впоследствии переселилась на Кубань и участвовала в завоевании Кавказа.

У предков моих жизнь была нелегкой. Они постоянно были вынуждены держать плуг только одной рукой, потому что выпускать из другой руки оружие у них не было ни права, ни возможности. С древних пор и до недавнего времени тысячекилометровые границы России обильно поливались казачьими потом и кровью и устилались казачьими костями. “Надо ли говорить, что в таких условиях могли выжить только самые крепкие, самые смелые, самые мудрые и изворотливые.

Замешанный на такой закваске, казацкий характер был подобен кремню, который с годами только отшлифовывался. Нет, не хрупкими людьми были казаки”<sup>1</sup>.

Казаков всегда отличало то, что они считали себя рыцарями Православия, и пострадать за чистоту веры было для них превыше всякой чести. Беспощадные к врагам, в своей среде они были благодущны, щедры и гостеприимны, склонны к искренней дружбе. Простые и умеренные в быту, они отличались беспримерной отвагой в бою и особой военной хитростью и изобретательностью. Мужество воина сочеталось в их характере с сентиментальностью поэта и мечтателя. Чтобы убедиться в этом, нужно послушать их песни и “думки”, полюбоваться живописными местами, которые они выбирали для своих временных и вечных пристанищ.

О сущности и основных чертах характера моих предков современники писали так: “Уже по внешнему виду казака можно было судить о его натуре. Просторные, не стесняющие движений одежды, удобные в бою и на пиру, и в обыденной жизни; открытый ясный взгляд, уважающий и в себе, и в других человеческое достоинство. Плечистые, статные, смуглые от степной жары и в то же время по большей части полнолицые. Почти всегда на темени лихо заломленная барашковая шапка и вечная люлька в зубах. Они излучали спокойствие, силу, уверенность в себе, происходившие из глубокого убеждения, что, ежели Бог не выдаст – свинья, ну никак, не съест”<sup>2</sup>. Были, правда, в характере казаков беспечность и лень, желание пошиковать одеждой и дорогим оружием. В мирное время были они запанибрата и с горилкою, притом, что отваживавшихся напиться в походе немедленно казнили, а для атаманов пьянство считалось вообще преступлением. Двойственность казацкого характера объяснялась тем, что, постоянно глядя в глаза смерти, они высоко ценили короткие периоды и редкие радости мирной жизни. Вынужденные часто размышлять о неизбежном и вечном, были они философами и поэтами, а более всего ценили личную свободу и независимость.

Оттуда, наверное, и их стремление к самостоятельности мышления, неприятие навязываемых извне догм и авторитетов. Оттуда, наверное, известный лозунг батьки Махно: “Бей белых пока не покраснеют, бей красных пока не побелеют!”. Какие-то черты характера моих предков передалась и мне, что когда-то подметил и М.В. Келдыш, встречавший меня в зале президиума Академии наук словами: “Ну вот и наш маховец прибыл, можно начинать!”. Об Академии и Мстиславе Всеволодовиче речь впереди, а сейчас вернемся в Преображенку, в весну 1917 г.

С местом моего рождения все ясно, но вот по поводу дня – есть вопросы. Моя мама, Степанида Петровна, утверждала, что я родился 26 апреля 1917 г., а в паспорте моем стоит 28 апреля 1917 г. (это по старому стилю). Как так получилось? Мама объясняла это следующим об-

---

<sup>1</sup> *Иеродиакон Андрей и Священник Вячеслав*. За друзи своя или все о казачестве. М., 1993. С. 5.

<sup>2</sup> Там же. С. 7–8.

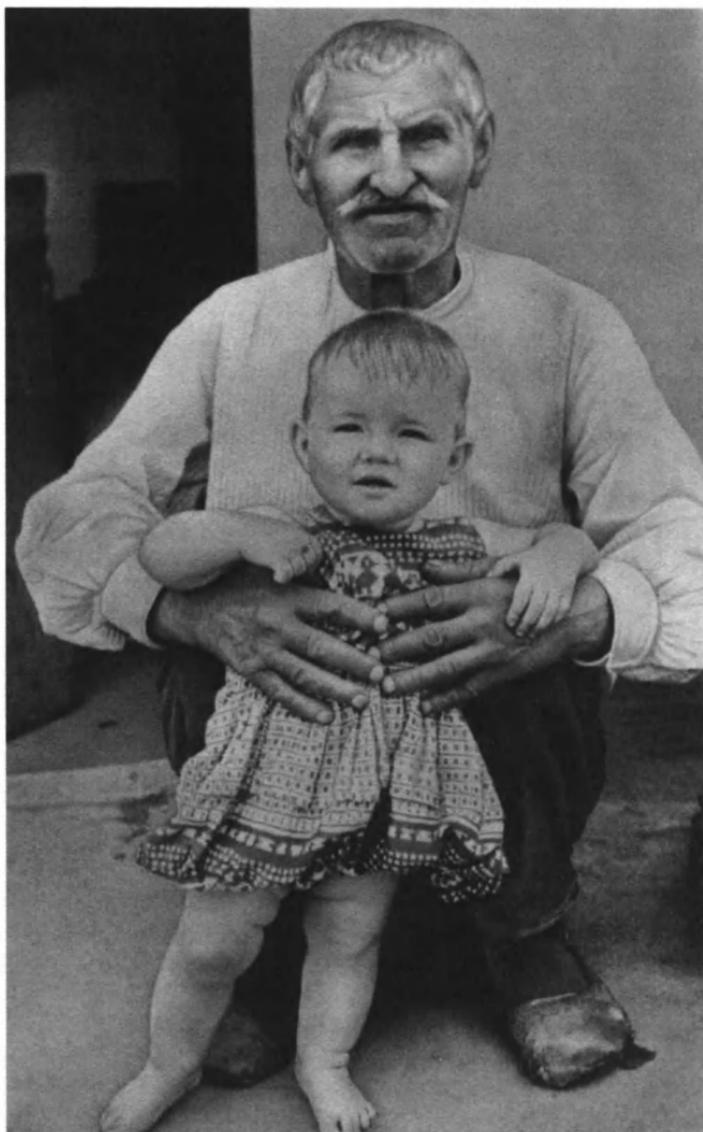


Мама, Степанида Петровна

разом: кумовья, носившие меня крестить в церковь, были выпивши и записали в церковную книгу не 26, а 28 апреля; с того и пошло. Но кроме этих двух дней рождения у меня есть еще – 9 и 11 мая, т.е. те же дни, но по новому стилю. Обычно я отмечаю свой день рождения 9 мая, хотя желающих отметить все четыре не так уж мало.

Но и это еще не все. Однажды к одному из юбилеев Академии наук, членом которой я являюсь уже много лет, был издан двухтомник, в котором были перечислены все члены Академии за все годы ее существования, и при этом составителями книги дни рождения пересчитывались на старый стиль. Отняв 13 от 28 они “присвоили” мне еще один день рождения – 15 апреля. Таким образом их стало у меня уже пять!

Родился я в бедной семье. Родного отца не помню, он умер, возвращаясь с Первой мировой войны, от тифа, так же как и братик мой Ваня. Мама через некоторое время вышла замуж за Ивана Акимовича Овсюка, с которым и прожила всю жизнь. Он был очень хороший человек. Любил и берег мою маму и никогда не прикладывался ко мне ремнем, хотя я и не был ему родным сыном. Он был полуграмотным человеком, но работающим и очень добрым, меня никогда не обижал. Я называл и до сих пор, рассказывая о нем внучке, называю его отцом. Здесь же в книге именую его отчимом для формальной правды.



Иван Акимович с моей дочуркой Еленой

Я помню себя с четырех лет, с 1921 г. Это был страшный год, на Украине был голод. Помню себя опухшим, с раздутым от голода животом, с отеками ногами. Еле-еле передвигался, чтобы рвать лебеду. Самым вкусным блюдом тогда для меня были цветы белой акации, до сих пор помню их вкус. Еще одно яркое воспоминание детства связано с 24-м годом. Как-то прихожу домой, смотрю – как будто трагедия в семье. Отчим и мать плачут. Спрашиваю: что случилось? Отчим отвечает: поступило сообщение о том, что умер Ленин. Я о Ленине тогда тол-

ком ничего не знал и не понял причины расстройтва родителей. Отчим мне объяснил, что теперь у нас отберут землю. А земли тогда было достаточно, чтобы хорошему работнику не только прокормить семью и домашний скот, но и произвести товарную продукцию. В то время на элеваторах, куда крестьяне возили хлеб на продажу, были большие очереди. Закупочная цена пшеницы, как сейчас помню, была рубль за пуд. Наверное, нужно сказать несколько слов и об этих очередях. Дело в том, что украинская земля в те годы в индивидуальных хозяйствах родила хлебушек в общем-то довольно щедро. Стопудовый урожай с гектара считался пределом, ниже которого производить считалось стыдным. В хорошие годы нормальным считался урожай в 200 пудов (32 ц) и выше.

После же завершения коллективизации в республике развернулась политическая кампания с лозунгом “За стопудовый урожай!”. Для того, чтобы дотягивать до этой нормы, изобретались разные способы: выскребались сусеки, малых детей посылали в поле собирать колоски и прочее, но дело шло туго. Можно сказать, наши колхозы так с этой задачей и не справились. После тех событий прошло еще 30–40 лет, а средняя урожайность зерновых в СССР так за сто пудов фактически и не перевалила. И поехали мы за хлебушком в Канаду...

Возвращаясь в Преображенку 20-х годов, хочу отметить, что при распределении земли наделы у нас выдавали пропорционально количеству “едоков” в семье. На каждого “едока” выделялись десятина и тринадцать сажень. Мы получили земли немного, поскольку едоков в семье было мало. У меня тогда был еще один брат по отчиму – Афанасий, который несколько лет спустя умер от ревматизма. Катаясь зимой на коньках по речному льду и проваливаясь иногда в прорубь, он высушивал одежду “на бегу”: боялся появиться дома в мокрой одежде. Так он и получил ревматизм, который вылечить не удалось, хотя отец возил его к самым разным докторам.

## ДЕД МАКАР – “ВРАГ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ”

В 1927 г. мы лишились своего надела вовсе, так как он был передан в колхоз. Отчим оказался прав.

Немного позже в деревне наступила страшная пора – раскулачивание. До сих пор помню, как оно проходило у нас в Преображенке. Это “мероприятие” проводил комитет, состоявший из головы сельрады (председателя сельсовета) и двух–трех “незаможников”, т.е. так называемых бедняков. Это, как правило, были бездельники–испольщики. Слова “исполу” (что значит делать что-либо пополам с кем-то) и “испольщина” у нас забыты, а означали они в деревне вот что. Тот, кто не имел возможности обрабатывать землю, например многодетные вдовы или инвалиды, отдавал работающему соседу свою землю или часть ее как бы в аренду, получая взамен половину выращенного на ней урожая. Но довольно часто испольщиками становились лентяи, пропивав-

шие большую часть урожая, выращенного на их земле чужими руками. С точки зрения марксовой политэкономии это называется эксплуатация, но в Преображенке тогда о политэкономии не ведали, и наши пьяницы очень гордились своей принадлежностью к сельскому пролетариату.

Вначале комитет составлял список кандидатов на раскулачивание по следующим критериям: земли больше десяти десятин – кулак, есть пара лошадей и корова – кулак. Причем эти критерии прикладывались к людям механически: откуда земля, откуда скотина, как человек живет, сколько народу в семье – это не учитывалось. Так и мой дед Макар Федоренко, до революции голодовавший, попал в кулаки благодаря ленинскому Декрету о земле. Моя бабушка Марфа родила ему восемнадцать детей, из которых выжило тринадцать. Дети выросли, но дедушка не выделял их из хозяйства, потом у него появились еще снохи и внуки. Поэтому при наделении землей по принципу “на едока” дедушкина семья, представлявшая собой “колхоз в миниатюре”, получила довольно солидный клин. Он не сдавал землю в аренду, а обрабатывал ее с детьми сам. Трудился от зари до зари, не пил и не курил. Днем отдыха у него было воскресенье, когда он шел за речку в городок Орехов, где развлекался тем, что гулял по базару, беседуя с людьми и узнавая новости, а потом стоял обедню в церкви. По возвращении домой он традиционно обедал со всей семьей, потом отсыпался, а на рассвете снова за работу. Вот такой был “мироед”.

В семье было две коровы и одна лошаденка, которую дед холил и лелеял, называл “кормилицей” и иногда даже ночевал с ней вместе на конюшне. Он ложился спать в сапетку (круглую плетеную из лозы корзину, в которой обычно носили корм), заменявшую ему будильник. В сапетке было тесно, и дед, ворочаясь во сне, волей-неволей через час-другой из нее самопроизвольно выпадал и просыпался. Так, за ночь он несколько раз подсыпал корму лошади и никогда не просыпал час выхода в поле.

Лошадь в крестьянской семье была кормилицей, поскольку без нее земельный надел обработать было нельзя. Тот, кто лишался коня и не мог купить другого, как правило, бедствовал. Младшего из своих сыновей, моего дядю, которого звали Костя, дед однажды выгнал из дому именно за то, что по его недосмотру погиб жеребенок. Малыш пасся на берегу пруда стреноженным и поэтому, увлеченный другими лошадьми в воду, не смог из нее выбраться и утонул. Для деда Макара это стало истинной трагедией, поскольку из этого жеребенка он рассчитывал вырастить доброго помощника в своем нелегком труде, и этой мечты ему пришлось лишиться.

Когда семью деда “подписали к выселению”, Костя из-под конвоя сбежал и скрывался в окрестностях села, а то и в самом селе, иногда ночуя у моей мамы. Были случаи, когда он, спасаясь от облавы, ночевал на верхушке большого тополя, что рос на нашей с соседом меже. Чтобы во сне не свалиться, он привязывал себя к сучьям и так спал.

Пришел день, когда умерла моя бабушка. Сельская милиция знала, что Костя обязательно придет проститься со своей матерью, и дежурила у хаты. Они крепко сердились на него, потому что никак не могли

его поймать, а также из-за того, что он стал еще и подворовывать, есть-то хотелось! Чтобы их обмануть, Костя сутки пролежал под сажом (саж – небольшой свинарник на сваях) и ночью, когда милиция спала, с покойной матерью все же попрощался. Он зашел в хату, поцеловал лежавшую в гробу маму, ушел, и после этого много лет его никто не видел.

Как потом выяснилось, он уехал в Донбасс, какое-то время работал, но так как паспорта у него не было, его в конце концов “схапали” и отправили на Соловецкие острова в одну из самых страшных советских тюрем, имевшую название СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения). Не поверите: он сбежал и оттуда! Раздобыв тулуп, он пошел по льду замерзшего Белого моря “в сторону юга”. Да будет тебе известно, дорогой читатель, что от Соловков до ближайшего населенного пункта на континенте – поселка Кемь – по прямой более 40 км, причем Косте нельзя было идти прямо в крупный населенный пункт, где его могли запросто снова арестовать. Поэтому он несколько дней бродил по холоду, но остался жив. Домой он вернулся со шрамами на щеках, так как в походе через Белое море отморозил лицо.

Дома его, конечно, снова поймали и с пешим вооруженным конвоем отправили в тюрьму в Запорожье, за полсотни верст. Конец, сами понимаете, не близкий, и пожилые конвоиры на полдороге у Камышевахы совсем выбились из сил. Костя предложил им отдохнуть, пока он сходит в село, чтобы добыть молока и хлеба. Конвоиры взмолились, чтобы он не убежал и пожалел их самих и их маленьких детей, поскольку им пообещали, что, если Костя опять убежит, их накажут нещадно. Дядька мой все же был добрый человек. Сам поел, принес конвоирам покушать и, можно сказать, проводил их до Запорожья, где они расстались в отделении милиции. Правда, запорожских милиционеров, которые вели его по льду Днепра в тюрьму на остров Кичкас, он не пожалел. Сбив их с ног, он отобрал у одного наган и у другого винтовку. Утопив револьвер и затвор от трехлинейки в проруби, Костя сбежал, и следы его потерялись навсегда...

Но вернемся к “делам” комитетов по раскулачиванию. Выгнав людей из родного дома, комитет приступал к реализации выморочного имущества. Продавалось все – от дома и других построек на разборку до последней курицы и сковородки. На таком примитивном аукционе можно было купить за бесценок дорогие вещи. К примеру, дедов плуг, молотилка и другой инвентарь были проданы по цене пары бутылок водки. Дело не в том, что это, действительно, стоило тогда дешево, просто у крестьян не было денег. Кстати, моя мама упросила отчима сходить на это печальное торжище и купить что-нибудь на память о ее семье и родимом доме. Он сходил на “красный аукцион” и принес оттуда стенные часы, которые купил за один рубль.

Вот так по произволу в общем-то непутевых людей от семейных гнезд оставались пепелища, по которым после бегали разве что бродячие собаки. Страдали не только люди, подрубались под корень производительные силы российского сельского хозяйства. Перестали стучать по дороге, проходившей недалеко от нашего дома, брочки, груженные хлебом, выстраивавшиеся с ночи в километровые очереди на эле-

ватор, чтобы сдать государству хлеб. Уничтожался хозяин земли, уничтожались хозяйственные и семейные традиции, создававшиеся столетиями, менялся уклад жизни, менялась человеческая психология. Человек из хозяина земли превращался в винтик безжалостной машины, а людские слезы и кровь стали дешевле водицы.

А что же сами люди? Кому не удалось сбежать из-под конвоя, сгинули на поселениях и в тюрьмах. Многие подались в Донбасс. Однако без справки о том, что ты бедняк, на работу устроиться было невозможно. Моя тетя Хима взяла справку у моей крестной матери, проживавшей в Ново-Павловске, на ее фамилию и о бедняцком положении и с этой справкой уехала в Донбасс, где работала на шахте уборщицей. Так и прожила под чужой фамилией до замужества.

Чтобы молодой читатель не сделал вывод, что жизнь людская и сельское хозяйство были разрушены какими-то горе-бездельниками, которых никто не науськивал, и при полном непротивлении народа, нужно сказать: науськивали, да еще как! За ними стояла вся пропагандистская и карательная мощь большевистской партии и государства. Для ясности утомлю ваше внимание объемной цитатой: “Кулак – есть враг Советской власти. С ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса... Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство. Теперь мы можем заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, – значит идти против интересов рабочих и крестьян. Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики”<sup>3</sup>.

Если вы думаете, что это чисто сталинская терминология, то это не так. Открываю 23-й том первого собрания сочинений Ленина на стр. 206 и только в одном абзаце нахожу: “Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры..., кровопийцы..., пауки..., пиявки..., вампиры...”.

С расстояния в 70 лет мы теперь можем сказать, что колхозы и совхозы, довольно живучие в социальном плане, экономически оказались несостоятельными и не смогли заменить русского крестьянина – хозяина своей земли, тем более “с лихвой”. Социальная же живучесть колхозного мировоззрения объясняется мощью психологической инерции человека, которая сильнее всякого, пусть даже архисовершенного, экономического механизма. В 60–70-х годах в частных беседах мне доводилось спрашивать колхозников, а возьмут ли они землю, если отдать им ее обратно в собственность. Ответ всегда был один и очень определенный: “А зачем нам она, ведь на ней работать надо!” Что тут скажешь? Моему деду и в дурном сне не пришло бы в голову так ответить, потому что полезный производительный труд на собственной земле

---

<sup>3</sup> Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: ОГИЗ, 1945. С. 319.

был смыслом его существования, хотя, быть может, он этого и не создавал, поскольку альтернативы у него не было.

Этот ответ, думаю, объясняет совершенно парадоксальную ситуацию, когда главную поддержку нынешним коммунистам оказывают на выборах именно сельские районы России, именуемые “красным поясом”. Видно, либо там потеряна историческая память, либо людская психология изменилась коренным образом, а может, пролетариат, которому нечего терять, переместился ныне в село. Ну, действительно, как еще назвать нынешнего российского крестьянина, поставленного в такие условия, когда он не может наскрести копейку ни на горючее, ни на посевной материал, ни на удобрения? Продать цепи? Да у сельского пролетариата нынче и их уже нет.

Раздумывая сегодня о том, почему 70 лет назад коммунизм шел из города в деревню, а теперь наоборот, ответа не нахожу. Наверное, чего-то не понимаю...

С высоты того времени можно понять обе стороны. Ну что было делать комбедовцу, получившему из-под дула пистолета разрядку “ликвидировать как класс” 20 кулаков, когда у него в селе настоящих богачей был только один? С другой стороны, что бы вы сделали, когда к вам приходит кто-то и говорит, что ваш дом, все ваше имущество теперь не ваше и вы должны немедленно выметаться со своей женой, детьми и стариками на все четыре стороны? Не знаете? И я не знаю...

Знаю только то, что в нашей округе никто ничего не поджигал и никого не убивал, и самой серьезной формой естественного протеста было поведение моего дяди Кости. Знаю и то, что мой дед и сотни тысяч российских дедов, кормивших хлебушком за счет своего тяжелого повседневного труда свои семьи, свою Родину и пол-Европы, не были ни пиявками, ни вампирами.

## СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА И ПЕРВЫЕ СУРОВЫЕ УРОКИ ЖИЗНИ

В школу я пошел семи лет, записавшись, не спросив у родителей, в учение к прекрасному человеку, которого хорошо помню до сих пор. Это был Петр Трофимович Могильный, отставной офицер царской армии, широко образованный человек. Он был директором и одновременно преподавателем всех учебных дисциплин.

У Могильного я учился четыре года. Учился хорошо, от других не отставал, Петр Трофимович и родители были мной довольны. Бывало и прогуливал, играя со сверстниками в карты. Играли в “очко”, правда, не на деньги, а на спички. Как-то раз Петр Трофимович пришел к нам домой и спросил родителей, почему Миколы неделю не было в школе. Родители удивились, так как я всегда возвращался домой вместе с другими ребятами, как бы с уроков. Отчим провел со мной воспитательную беседу, мама плакала и умоляла не бросать учебу, чтобы не остаться неграмотным, какой была она. “Сынок, – говорила она, – учись, а не то будешь всю жизнь крутить хвосты волам и ничего в жизни не увидишь”. Я одумался, стал ходить в школу и хорошо учиться. Как я

уже говорил, нам повезло с учителем, который обучал нас и арифметике, и основам химии и физики, и пению, и музыке. Когда я “тянул ноту не туда”, мне иногда доставалось смычком по затылку, но я не обижался и не жаловался родителям. Другие же жаловались, и это “издевательство над учениками” явилось поводом для того, чтобы посадить Петра Трофимовича в тюрьму. Основной причиной, конечно же, послужило то, что в прошлом он был царским офицером.

Большинство из нас по-хорошему поминало своего учителя. Он исподволь учил нас добру, приучал к полезному труду. Вместе с ним мы работали на школьном огороде, научились сажать картошку, капусту, узнали, как сажают деревья, как ухаживают за садом. Работая в школьном саду, мы не считали это “эксплуатацией детского труда”. Особенно мы любили собирать черешню, которая в наших краях вообще была редкостью, а у нас в деревне росла только в школьном саду. С какой радостью и гордостью мы угощали своих домашних из кульков черешней, “заработанной” на уборке урожая в школьном саду!

В нашей послереволюционной школе Закона Божьего уже не преподавали. Однако религиозные традиции в семьях были еще сильны. Да и мы – мальчишки и девчонки в возрасте 7–12 лет, у которых не было ни телевизоров, ни радио, ни хороших книжек, да и вообще ничего такого, о чем мы тогда не могли даже и мечтать, и на что сегодняшние дети смотрят как на обыденные вещи, – очень любили ходить в церковь, особенно по воскресеньям, когда там была праздничная обстановка. На фоне в общем-то эстетически скудного деревенского существования церковь пленяла детское воображение красивым убранством, блеском множества огоньков, отражавшихся в сверкающих окладах икон, на парчовых нарядах батюшки и дьяка, а также красивым благостным и завораживающим пением.

Острых религиозных эмоций, глубокого чувства любви к Богу или страха перед ним я, как и большинство моих сверстников, не испытывал. Нас увлекала обрядность, праздничность, хотя в чудеса мы все-таки верили, наверное, потому, что хотелось когда-нибудь увидеть чудо, а также потому, что все дети – мечтатели и романтики. Очень точно и душевно написано об этом в чудесной повести Ивана Шмелева “Лето Господне”, где рассказ ведется от лица десятилетнего мальчика. Перечитывая эту книгу, так ясно представляю себе свое босоное детство...

Более всего мы любили пасхальные праздники. Помню, как в Чистый Четверг жильё наше чистилось и вымывалось до аптечной чистоты и украшалось, а двор выметался до последней соринки. Помню чудный запах из печки от выпекающихся куличей и сложную процедуру изготовления творожной пасхи, вмещавшей в себя много и по отдельности вкусных вещей: изюм, ваниль, толченые орешки, цукаты и еще кое-что. Помню иллюминацию и веселый, и торжественный колокольный звон, помню наши детские игры с пасхальными писанками (крашеными яйцами), качели. Однако наиболее острое воспоминание связано у меня с ночью с Плащаницы (Страстная Пятница) на Великую Субботу, когда нужно было в темноте идти в церковь освящать пасхальный кулич. Поначалу я ходил туда вместе с мамой, а когда стал постарше, меня стали отпускать одного. Для такого случая я починил старый фо-

нарик со свечкой и, хотя света он давал мало, брал его с собой. Мой путь от дома к церкви и обратно пролегал мимо сельского кладбища, и идти мимо него ночью было жутковато. А однажды по дороге домой я увидел (или мне почудилось?) легкое свечение над одной из могил. Слышав перед этим чтение из Евангелия о том, что в ночь Плащаницы “гробы отверзаются и многие тела усопших святых воскресают”, я так перепугался, что пулей помчался домой и больше ночью мимо нашего кладбища уже не ходил.

После семи недель Великого Поста так хотелось и не терпелось разговеться! Хотеться хотелось, но “боженька” внимательно следил за мной с иконостаса в красном углу хаты. Я знал, где у мамы припрятаны отходы от праздничного угощения, можно было отщипнуть и от большого кулича кусочек, но как это сделать, если святые с икон за мной наблюдают, не мигая? Приходилось приспосабливаться. Уворованные кусочки я съедал, накрывшись с головой одеялом, ведь сквозь одеяло “боженька” же не увидит?

После окончания сельской школы я пошел в семилетку, которая располагалась в маленьком городишке Орехов. Это было недалеко, за рекой. В теплую погоду мы ходили туда босиком, а зимой, весной и осенью приходилось обуваться, так как было холодно, да и идти нужно было далеко: в обход и через мост. На ноги наматывалось большое количество портянок, так как собственной обуви не было, и приходилось “натягивать” старые заношенные отцовские чоботы или сапоги.

Зипунишко у меня был рваный, с заплатками, и в школу в нем ходить было неловко. Мама посмотрела на меня и решила распороть свое старое девичье еще пальто, помню – шерстяное, зеленого цвета. Она перекрасила лоскуты и отдала их мужу своей сестры, дяде Архипу, который был портным. Тот сшил мне из этого одежонку, в которой мне уже не было стыдно появляться в классе.

Вообще хорошая одежда тогда была редкостью, и стоила она дорого, мы старались относиться к ней бережно. В этом смысле показателен следующий памятный эпизод из моего детства. Между ребятами нашей деревни и ореховскими парнями время от времени устраивались на лугу у речки кулачные бои. Это был, хотя и жестокий, но все же спорт, поскольку на другой день после того, как мы избивали друг друга в кровь, общались по-приятельски и зла друг на друга не держали. Во время одного такого боя, в котором участвовал и я, мне крепко досталось. Было очень больно, я даже потерял сознание. Для того, чтобы привести меня в чувство, меня окатили водой. Очнувшись, первое, о чем я подумал, было: как же я вернусь домой в испорченной сорочке? Не руки, ноги или голова, а сорочка – вот что было главным. Черт меня тогда дернул пойти на луг в сорочке, которую только накануне сшила моя мать!

Учился в пятом классе без большого интереса, так как преподававшиеся в нем основы алгебры, геометрии я уже знал с четвертого класса. Мне было скучно. А с ботаникой произошел казус. Учитель ботаники, зная, что я из деревни, попросил меня как-то принести в школу колосья пшеницы, ржи и других зерновых культур. Я разбирался в этом хорошо, так как с пяти–шести лет отчим брал меня с собой в по-

ле. Ездил я в повозке, в которую запрягалась корова. Мы были бедны, и лошадей у нас не было. Пахали и сеяли мы все на той же коровенке, которую я вел “под уздцы”, а отец шел за плугом. С крестьянским полем была связана вся моя детская жизнь, азы элементарного растениеводства и агротехники вошли в мою память сами собой в процессе не легкого семейного, как правило ручного, труда.

И вот я принес в школу колосья. И оказалось, что мой учитель ботаники не смог отличить не только колосья яровой пшеницы от озимой, но и пшеницы от ржи. “Ну, – думаю, – у него мне нечему учиться...”. Я оставил эту школу и перешел в сельскохозяйственную профшколу, позже преобразованную в техникум. Еще одной причиной этого перехода было то, что там учились мои друзья.

Тут со мной произошел интересный случай. В техникуме у меня проверили метрическую выписку, и оказалось, что по возрасту поступать мне туда рано. Что делать? Пришлось взять справку в сельсовете и ночью “переделать” семерку в год моего рождения на четверку. Так вплоть до окончания техникума я “временно” был на три года старше своего настоящего возраста.

Учились мы в семилетке и в техникуме, может быть об этом кто-то из моих читателей и помнит, так называемым бригадным методом. Что это такое? “Бригада” состояла из пяти человек. Я, допустим, “брал на себя” математику, физику, химию, другой – литературу, третий – ботанику и т.д. Мы сами распределяли между собой, что кому нравится. Если я сдавал, скажем, математику на высшую оценку, то эта пятерка ставилась всем членам бригады. А за меня по ботанике “отвечал” другой ученик. Он любил и знал ботанику, все мы, в том числе и я, имели по этому предмету пятерки, а я ботаники и не читал.

Надо сказать, что не только с учебой, но и с поведением в “новой советской школе” было вполне вольготно. К примеру, наш одноклассник с характерной запорожской фамилией Журибеда не любил и не знал географии и регулярно срывал уроки по этому предмету. Как это делалось? Да очень просто: вдруг Журибеда начинает вглядываться в угол комнаты и указывать туда пальцем. Клара Семеновна, наша учительница, спрашивает его: “В чем дело?” Журибеда отвечает: “Да ничего особенного, просто мыши ползают”. Реакцию Клары Семеновны он знал заранее: она с визгом выбегала из класса и урок заканчивался. Или вот характерный диалог между ними:

- Товарищ Журибеда, скажите, пожалуйста, где находится Москва.
- А бис ее знае!
- Товарищ Журибеда, не грубите и возьмите свои слова обратно.
- А на биса воны сдались цей слова? Казав, тай всэ.

И опять урок срывается. Вот так и учились...

Впрочем, это не помешало нашему Ореховскому району прославиться двенадцатью героями Советского Союза. Не могу не добавить также, что в восьми верстах от Преображенки в селе Омельники родился Н.А. Доллежал, ставший впоследствии выдающимся ученым-энергетиком. На нашей общей родине мы с Николаем Антоновичем не встречались. Он был старше меня на 18 лет, и к тому моменту, когда я учился в Ореховском техникуме, он уже давно закончил Мос-

ковское (бывш. Императорское) высшее техническое училище и стал директором завода в Ленинграде. Я узнал о нем много позже, когда он приобрел известность как один из руководителей отечественного химического машиностроения, академик, главный конструктор реактора первой в мире атомной электростанции, лауреат трех Сталинских и Ленинской премии. Я очень гордился тем, что мы с ним земляки, но наша первая личная встреча состоялась (ирония судьбы!) только в 1997 г., когда мы лежали с ним в соседних палатах Центральной клинической больницы Академии наук.

Мне учеба давалась сравнительно легко, несмотря на то, что я был деревенским жителем. Дома помочь в учебе мне было некому, как некоторым городским ребятам. Моя студенческая “экипировка” была довольно “легкой”: одни штаны, одна рубашка, сумка для книг и кусочек хлеба. Так я и жил до тех пор, пока в техникуме мне как выходцу из бедняцкой семьи не дали десятирублевую стипендию, что впервые произошло на третьем курсе. Замечу, что вынесению этого решения предшествовало обследование условий жизни нашей семьи, произведенное специальной комиссией.

Хорошо помню тот день, когда я впервые получил это пособие. Возвращаясь домой, я зашел в магазин и за восемь рублей купил себе костюм. Продавец Петр Иванович, который был знаком с моим отцом, помог мне одеть обновку, и я явился домой в черном костюме. Родители ахнули: мол, не украл ли я его где-нибудь? “Нет, – говорю, – мне выдали стипендию!”

Меня долго и с восхищением осматривали, и семейный совет решил, что мне недостает обуви. Для ее приобретения пришлось осуществить весьма рискованную по тем временам операцию. Матушка отвезла несколько кур с собственного подворья в Запорожье, продала их там и купила мне поношенные желтые ботинки. Риск здесь заключался в том, что вывозить продукты из района до момента, пока он не отчитается по плану мясозаготовок, строго запрещалось, и за этим следили очень строго. Бедных кур до отхода поезда от станции Ореховская приходилось прятать, чтобы не отняли. Доходило до того, что женщины подвязывали этих кур себе под юбки, чтобы скрыть “контрабанду”. На этот раз все обошлось благополучно, и в результате я стал “щеголем”, приобретя костюм и первые в жизни собственные ботинки.

На оставшиеся от покупки костюма два рубля я еще купил пару книжек на русском языке. Это были “Азбука ленинизма” Бухарина и Преображенского и учебник политической экономии Лапидуса и Островитянова. Зачем я их купил? Думал, что по ним буду изучать русский язык. Почему именно их? Признаюсь честно, они привлекли меня во многом из-за того, что были очень толстыми и одновременно дешевыми, как все политические издания в те времена. Как лингвистическое пособие они были не очень подходящи, но это были первые в моей жизни книги, купленные самостоятельно и на собственные деньги. Сегодня эта покупка может показаться символической, желающий может увидеть в ней что-то вроде мистического предзнаменования, каким-то образом предопределившего мой дальнейший жизненный путь. Действительно, могло ли мне, тогда простому деревенскому парубку, прийти на ум, что через ка-

кое-то время я стану так же как и Константин Васильевич Островитянов членом Академии, что мне придется не только сотрудничать, но и входить в непримиримые разногласия с тем, кого считают классиком политической экономии социализма сталинской эпохи?

Об этом речь пойдет впереди, а сейчас, прежде чем возвратиться к рассказу об учебе в техникуме, скажу, что первой книгой, которую я прочел на русском языке, был “Дон Кихот” Сервантеса. Следует отметить, что учебой в техникуме я был не очень доволен. Дело в том, что с преподаванием там не все было гладко. Очень хорошим был у нас наставник по математике Константин Емельянович Герасимов, которого помню по сей день. С преподаванием же языка было очень плохо, поскольку наших учителей–лингвистов регулярно арестовывали: преподавателей русского – за “шовинизм”, а украинского – за “национализм”. Таким образом, с изучением языков в нашем техникуме ничего хорошего не получилось. Правда, у меня был собственный определенный опыт языкового самообразования, когда, научившись читать и писать в сельской школе, я вечерами при свете керосиновой лампы читал вслух крестьянкам книги, которые у меня были, и учил их азбуке. Я обучал их и сам обучался, но в основном, конечно, украинскому языку. Основным “учебником” тогда у меня был “Кобзарь” Т.Г. Шевченко, стихи которого мои “ученицы” слушали с удовольствием.

У нас, как я говорил, в хозяйстве была корова. Она давала молоко, пахала и сеяла, помогала обмолачивать хлеб. Но вот в 1925 г., когда мы немного укрепили наше хозяйство, отчим, поехав с соседями в Токмак, на все имеющиеся деньги купил лошадь. Денег, в отличие от зажиточных соседей, купивших добрых лошадей, хватило лишь на “пожилую” кобылку. Она не была способна на многое, но в парной упряжке вместе с коровой представляла собой определенную тягловую силу. В 1926 г. она принесла приплод, лошадку. Мы назвали ее Нюркой. За Нюркой я ухаживал дни и ночи. Гладил, чистил, водил на речку, обмывал, только не вылизывал. Это была моя радость и гордость.

Наступил 1927 г., началась сплошная коллективизация. Земля “ушла”, старая лошадь подохла, а Нюрку забрали на колхозную конюшню. Время было удивительное: собрали всех лошадей в одну конюшню, принадлежавшую ранее раскулаченному хозяину, куда люди приходили навещать своих бывших друзей – животных. Я, то по дороге из школы или в школу, а то и просто в свободное время, заходил к своей любимице, приносил ей какое-нибудь лакомство – пучок сена, краюшку хлеба. Ходил туда и с ведром, чтобы напоить ее. Колхозные конюхи обычно спали или играли в карты и за лошадьми не ухаживали, а мне Нюрку было очень жалко.

Как-то один раз, когда я в очередной раз зашел ее покормить, один подвыпивший конюх обратился ко мне: “Мыкола, ты уже грамотный, объясни мне, за что посадили Бухарина”. Я ему ответил, что, во-первых, не Бухарина, а Троцкого, а во-вторых, не посадили, а выслали из страны, и что в газетах написано, что он “враг народа”. “Та я это чув, – продолжал конюх, – ты кажи, на что это ему было нужно? Напевно, вин видь кожен день мав четвертинку? Гадаю, вин просто захотив больше, вот и вяпався!” Вот и весь диалог.

Потом в колхозе появился трактор “Фордзон” – как тогда говорили, “железный конь”. Господи, какое это было событие! Сбежалась вся деревня смотреть на это чудо. Но вот беда, под этот “Фордзон” было решено “экономить” на лошадях и большую часть их уничтожить под предлогом того, что они якобы заболели сапом. Из тридцати лошадей решили оставить в живых четыре–пять, чтобы не тратиться на корм и уход. Нюрку свою я спас, она так и дожила до старости, работая в колхозе.

В летнее время я трудился на колхозных полях, а с осени по весну учился. С отчимом работал и на молотилке, и в поле. Работали так, что от пота на нас сгнивали рубашки. Мать их стирала и зашивала, и снова, и снова... За работу нам в учетной ведомости ставили “палочки”. День отработали – отцу “палочку” и мне “палочку”. За каждую “палочку”, т.е. трудодень, мы после сбора урожая и после сдачи колхозом государству обязательных поставок получали зерно. Это была пшеница, рожь, овес или ячмень (что было в колхозной кладовой) – по 500–600 г за “палочку”, причем поровну и мне – мальчишке и отчиму – полноценному работнику.

Были у нас – у крестьянских детей – и собственные “промыслы” на колхозных полях, например, сбор оставшихся после уборки колосков или отлов сусликов. Эти с виду весьма симпатичные родственники белок на самом деле серьезные вредители зернового хозяйства, питающиеся корнями растений и собственно зерном, запасы которого они делают очень большие. Разыскав колонию сусликов и изучив входы–выходы из подземного жилья, мы с ребятами часть норок засыпали землей, а в оставшиеся отверстия заливали ведрами воду. Суслики, естественно, выбирались на поверхность, где мы их и поджидали. За каждого зверька нам начислялось в колхозе по 0,2 трудодня, что оборачивалось для семьи сотней грамм или попросту “жменей” зерна, ни одна из которых, конечно, для семьи не была лишней. Сколько ведер воды нам приходилось перетаскивать в поле по жаре, не сочтешь, а иногда приходилось браться за лопату. Но в охотничьем азарте и в соревновательном энтузиазме мы усталости не замечали. К вечеру, правда, еле-еле добредали до дому и гордые “добычей” и заработанными “палочками” засыпали как убитые.

Так мы жили, так мы работали в нашем колхозе, первое название которого на собрании предложил я. Несмотря на то, что тогда я еще был совсем мальчишкой, мое предложение было принято единогласно. Особенно часто я вспоминал этот эпизод из своего детства в 80-х годах. Читатель поймет почему: колхоз называли “Перебудова”, что по-русски означает “Перестройка”. Впоследствии его переименовали в “Червоный гай” (“Красный лес”), и он еще имел много других названий. Как менялась власть, т.е. приходил новый председатель или присылали нового партгора, так и название менялось. Через много лет наш колхоз получил свое окончательное название – “имени Гагарина” и так с ним и остался.

Страсть к переименованию распространялась не только на наш колхоз. Так, соседняя с нами деревня, имевшая первоначальное название Жеребец, переименовывалась еще чаще. В начале коллективиза-

ции ее назвали Гавриловкой по фамилии Гаврилова – председателя облисполкома. Когда Гаврилова посадили, эта деревня снова стала Жеребцом, потом ее назвали по имени очередного руководителя – Хатаевича. Когда посадили Хатаевича, цикл повторился, так дело и шло.

Переименовывать деревни, города, улицы, станции метро вообще было любимым занятием наших руководителей. Наверное потому, что труда, денег, умственного напряжения не требовалось, а “политический результат” налицо! В этом смысле в России имеются и объекты-рекордсмены. Одна из центральных улиц Краснодара (кстати, бывшего Екатеринодара), на которой стояла гимназия, называлась Гимназической. Здание этой гимназии цело и до сих пор одно из красивейших в городе, а стоявший перед ней центральный войсковой собор кубанского казачества – великолепный по красоте и размерам храм Александра Невского – большевики взорвали. После закрытия гимназии улица стала Рабфаковской, потом улицей Хакурате (адыгейский большевик). Когда Хакурате расстреляли, – улицей Ежова, когда расстреляли Ежова, – улицей Ворошилова, когда Ворошилов поссорился с Хрущевым, – Коммунистической, когда Хрущева сместили, – снова улицей Ворошилова. Сегодня она снова Гимназическая. Круг замкнулся. Может быть, ее когда-нибудь еще окрестят по-новому, может, какие-то из названий этой улицы я и пропустил, но вот вам целая история государства в названии одной улицы! Кстати, страсть к переименованиям не оставляет и нынешних наших руководителей. Я согласен, что многим нашим улицам и географическим объектам, действительно, стоит вернуть прежние имена, но все же и здесь не стоит спешить, и каждый раз эти вопросы надо тщательно обдумывать.

## УРОЖАЙ СМЕРТИ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА

В роковом 1933 г., в котором голодная смерть собирала свой обильный урожай по селам Украины, Кубани и других мест страны, я был студентом сельскохозяйственного техникума. Начался этот поистине страшный год с очередной “заготовки хлеба”, при которой забирали все – до последней горсточки. Уполномоченных было уйма: от парткомов, от райкомов, от исполкомов и т.д. Нас, студентов старшего курса, тоже направили на заготовку по деревням района. Я попал в Ново-Павловку, что была недалеко от нашего села.

Перед этим нас учили, как заготавливать хлеб в условиях, когда уже все было вывезено (кстати, хлеб отправляли в Германию). На каждой побеленной хате был написан лозунг: “Борьба за хлеб – борьба за социализм!” Придя в Ново-Павловку, как меня учили, я сразу пошел в школу. Собрав учеников, задал им вопрос: “Кто из вас знает, где спрятан хлеб у соседа? На чердаке, под скирдой соломы или просто в яме?”. Чтобы они не боялись мести, предложил им написать безымянные записки. Таких записок я получил примерно два десятка. В основ-

ном доносили те, кто кем-то был обижен или по другим причинам таил зло на соседей. Несколько скирд под дождем и снегом мы, с помощью “колхозного актива”, раскидали, но хлеба не нашли. Никто и никогда на Украине хлеб в земле не хранил.

Я был расквартирован у бедной старушки, которой самой было нечего есть, тем более меня кормить. У головы колхоза я получал “пак” – сто граммов хлеба в день как представитель райпарткома. Через 10–15 дней я зашел домой переодеться, вижу мама плачет. В чем дело? Оказывается, к нам в дом приходили такие же как я уполномоченные, искали хлеб. Мама сказала им, что все, что было, уже отдали. Те начали искать, или, как говорили у нас тогда, “трусить” хлеб. Сдвинув с места сундук, они нашли противень, в котором было два килограмма фасоли, предназначенной для того, чтобы весной хоть что-то посадить на собственном огороде. Фасоль, конечно, забрали, и наша семья фактически оказалась перед угрозой голода, поскольку люди в основном питались тем, что удавалось вырастить у дома.

Я пошел в правление нашего колхоза и застал там уполномоченного “из области” – в дубленом кожухе и с большим наганом. Выслушав меня, он написал мне записку для кладовщика, чтобы тот возвратил мне фасоль. Кладовщик развел руками и сказал, что такие как я уполномоченные ее давно съели. Чабаев, такая фамилия была у того уполномоченного, дал мне новую записку, и я получил в кладовой два килограмма пшеницы. Принес ее домой, а что с ней делать? Разве засеешь огород?

Пшеничку эту съели забредшие в наш дом ребята из распущенного в те дни детского дома. Детский дом распустили потому, что кормить детей было нечем, и они побирались по деревням. Как-то попросившись переночевать, они на какое-то время так и остались в нашей хате. Их было человек десять–двенадцать: украинцы, русские, белорусы, цыганята. Ребята были хорошие, и мама оставила их у себя, а я снова ушел в Ново-Павловку на заготовку хлеба. Пробыл я там недели две–три, ничего не заготовил и возвратился домой.

Ребята еще жили у нас. Ночью они спали на застеленном соломой земляном полу нашей хаты, а днем ходили попрошайничать. Но просить-то было что и у кого? Что можно было выпросить у людей, которые сами умирали от голода?

Умирали люди и поодиночке, и целыми семьями. Через две хаты от нас жила семья из пяти человек. Люди смотрят: проходят дни, а из дома на улицу никто из них не появляется. Мы с нашими ребятами пошли посмотреть, что там. Хата закрыта изнутри, на стук в окно никто не отзывается. Взломали дверь, в доме пять трупов. Для нашей деревни успехи на фронте экспорта хлеба в Германию обернулись голодной смертью ровно трети населения.

Вы спросите, а как же я сам остался жив? Думаю, мне просто повезло. Прежде всего потому, что меня “приравняли” к студентам, которые жили в гуртожитке (общежитии), а они получали “шикарный” продовольственный паек – 200 г кукурузного хлеба на два дня. Кроме этого, выручило меня и то, что я все же учился в сельскохозяйственном техникуме, и нам удавалось добывать пропитание во время работы в

учебном хозяйстве, или, как говорилось, “на практике”. Мне посчастливилось попасть в бригаду, готовившую кукурузу для посева и лущившую початки.

Директор подсобного хозяйства Руденко был недобрым человеком (кстати, в конце войны ушел вместе с немцами) и относился к нам издевательски. Наша бригада работала на душном, запертом снаружи чердаке. Конечно, он понимал, что мы там эту кукурузу едим, но чтобы мы не съели много, запретил давать нам воду. Запирали нас для того, чтобы мы не смогли передать початки кому-либо из друзей—студентов, выполнявших другую работу и не имевших возможность перехватить чего-либо, годящегося в пищу.

На этой “роскошной” работе я пробыл недели две—три. Друзьям от нас все же что-то перепало. Одежду нашу обыскивали, однако мы умудрялись выносить кукурузные зерна под языком, за щеками, как хомяки. На улице перекладывали зерна в карман, потом отдавали ребятам. Эти жмени они делили поровну, каждому доставалось по пять—десять зерен. Вот так мы и дожили до лета.

Летом начиналось “наступление на урожай”. По ночам мы ходили за колосьями, дело это было очень опасное. По углам полей, в пределах видимости, были установлены вышки, на которых сидели сторожа с ружьями. Вышел указ М.И. Калинина – “всесоюзного старосты” – о разрешении стрелять в “охотников за колосками” несмотря на их возраст. Но все же по ночам голод гнал нас в поле. Ползком туда, ползком обратно, но уже с добычей – полной пазухой колосьев. Потом мы отделяли зерна, мама их толкла и готовила из этого суп—“затируху” и лепешки. Мы выжили! А многие – нет...

Осень, зима и весна 1932–1933 гг. для голодной смерти были сезоном богатого “покоса”. Причем люди умирали не только от голода, но и по другим причинам, хотя и связанным с недоеданием. Так, один из наших бригадиров, с которым мы травили сусликов – вредителей полей, погиб, не скажу от жадности, а скорей по глупости. Кроме известного способа борьбы с сусликами, по которому их норы заливались водой, им еще подбрасывали отраву в виде специально обработанных сухарей, изготовлявшихся из великолепного пшеничного хлеба. Бригадир никак не мог поверить, что такой сказочный хлеб, которого мы у себя в деревне никогда не то что не ели, а не видели, может быть отравлен и выброшен сусликам. Он не удержался, попробовал и на утро умер.

Это тоже стало для меня одним из уроков, тяжелых уроков жизни. Как видите, техникум давал нам не только специальные знания.

Но некоторые из знаний, полученных нами в техникуме, временами приходилось использовать отнюдь не на пользу крестьянства. Так, на специально организованных при техникуме курсах нас обучили способам довольно точного предварительного определения урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур (вплоть до винограда), находившихся еще в поле, или, другими словами, “на корню”. Таким образом, впервые я занялся краткосрочным прогнозированием уже 64 года тому назад, правда, тогда таких слов я еще не знал. Обученный этой методике, наш курс был мобилизован и разослан по области

в межрайонные комиссии, в задачу которых входило определить ожидаемые цифры хлебосдачи по каждому из хозяйств, дабы последние не смогли после уборки урожая утаить хлеб от государства. Для этого проверки проводились несколько раз: “на корню”, на токах и при сдаче на элеваторы.

Следует отметить, что для проведения такой “прогнозной работы” в СССР была создана целая система. Центральная комиссия по предварительному определению урожайности находилась в Москве, и возглавлял ее специалист по аграрной статистике, руководивший в 1925–1928 гг. ЦСУ СССР, в то время – зампред ВСНХ СССР по фамилии Осинский (настоящие ф.и.о. Валериан Валерианович Оболенский), расстрелянный в сентябре 1938 г. за то, что когда-то примыкал к троцкистам. Слово “Осинский”, которое я услышал от своего начальника, почему-то запомнил на всю жизнь.

По разнарядке я попал в запорожскую комиссию, которой руководил один из первых кавалеров ордена Красного Знамени по фамилии Кураш (к сожалению, запомнил его имя и отчество). Это была неординарная личность, очень мужественный и красивый человек. Орденом он был награжден за героизм, проявленный на дальневосточном фронте гражданской войны. Не меньшее мужество и героизм ему пришлось проявить и позже, когда он стал членом ВУЦИК – правительства Украины, возглавлявшегося тогда Григорием Ивановичем Петровским, в честь которого в 1926 г. город Екатеринослав был переименован в Днепропетровск.

Однажды Кураш рассказал мне о том, как в самый разгар “хлебных заготовок” к нему в Харьков (а до 1934 г. там была столица Украины) тайком приехала делегация его земляков и рассказала всю правду о произволе, творящемся в их деревнях. Возмущенный услышанным, Кураш, никого не предупредив, неожиданно очутился в своем родном районе и своими глазами увидел трупы земляков, умерших от голода стараниями “заготовителей”, собственными ушами услышал свидетельства очевидцев. Часть районной верхушки он тут же поставил к стенке, другую часть убрал за решетку.

Сознавая, что это его “мероприятие” не сможет остаться без последствий, прежде всего для него самого, Кураш, дабы опередить сообщения “доброжелателей”, немедленно и также инкогнито выехал в Москву и добился приема у Председателя ВЦИК М.И. Калинина. По распоряжению “всесоюзного старосты” была создана комиссия, детально расследовавшая инцидент и полностью оправдавшая и самого Кураша, и его действия.

Во время моей работы в межрайонной комиссии Кураш отнесся ко мне заботливо и по-отечески. Поглядев на тощую фигуру и впалые от недоедания щеки шестнадцатилетнего хлопчика, каким я тогда был, он распорядился поставить меня на довольствие в столовую горкома партии, в которой более всего меня поразило то, что хлеб выдавался там бесплатно и без ограничений. До сих пор помню, как я набивал этим хлебом свои карманы и по ночам отъедался, лежа на письменном столе своего начальника. Почему на письменном столе? Потому что во время работы в комиссии жильем мне служила ее контора.

На всю жизнь я запомнил и слова Кураша, которыми он напутствовал меня перед очередной рабочей поездкой: “Мыкола, помни, людям йисты трэба...”. Я понимал это его напутствие как необходимость “смягченной” оценки будущего урожая, дабы не давать формальных оснований к тому, чтобы оставить людей на зиму без куска хлеба. Так я и поступал.

Хочу добавить, что в те времена органы управления сельским хозяйством регламентировали буквально каждое движение колхозного крестьянина, с тупым упорством добиваясь выполнения даже несуразных собственных директив. Так, если сельхозуправление дало указание пахать сегодня на глубину 18–20 см, то и пахали, хотя по почвенным и погодным условиям можно было обойтись 13–15 см. Если поступило указание посеять до такого-то срока, то и сеяли, несмотря на то, что поля были еще покрыты снегом. Велят проводить лысенковскую яровизацию, проводи. Пусть десятки тонн отборного семенного зерна погибнут, но ты выполнил указание партийных и государственных органов, а значит, молодец, хотя и сгубил народное добро.

Неподчинение директивам, хотя бы из самых добрых намерений и из элементарной хозяйской логики, могло привести тебя в стан врагов советской власти, так называемых вредителей. При этом под бдительным оком начальства находилось не только общественное, но и личное крестьянское хозяйство, которое носило тогда название “подсобного”. К примеру, в 30-е годы вышло постановление о поголовной сдаче государству свиных шкур. Каждый, зарезав собственную хрюшку, должен был, не опаливая шкуру, снять ее и отнести в приемный пункт магазина. Ну, а что за сало без шкурки? Люди стали обрабатывать свиные туши тайком и, чтобы не было видно дыма, разводили костры в сараях и конюшнях. В результате по всей Украине начались пожары, сгубившие много народного добра...

Воспоминания о том времени хочу закончить рассказом о том, как Украина потеряла свою славу “вишневой республики”. В те годы, в пылу борьбы за дальнейшее обобществление земледелия, было решено урезать крестьянские приусадебные участки, которые еще через 20 лет окончательно доконал Н.С. Хрущев. Считалось, что колхозники слишком много времени и сил отдают домашним огородам и садам, а в общественном хозяйстве якобы отлынивают от работы. Отлынивают! Я помню, как мама возвращалась с работы на своей кукурузной полоске с кровавыми мозолями на руках.

В общем, приусадебные участки сократили в 3–4 раза, и отрезанная земля, на которой как раз и располагались вишневые сады, осталась без ухода. И если раньше мы специально приглашали горожан, разрешая им бесплатно собирать вишню, кто сколько сможет унести, так как сами с урожаем не справлялись, то после “рационализации землепользования” вишневые сады, оказавшиеся на “ничьей” земле, моментально захирели. Так с украинской земли исчезла вишня, которой там каждое лето было столько же, сколько снега зимой в Велюкороссии. В памяти осталась только любимая украинцами песня: “Садок вишневый коло хаты, хуци над вишнями годуть...”. Думаю, только в больном мозгу могла родиться мысль о том, что, если украинцев

лишить вишневых садов, так от этого они будут лучше работать в колхозе...

Забегая вперед, скажу, что окончательно культурное садоводство на Украине, да и по всей стране, в послевоенные годы добил И.В. Сталин, введший налог на сады, взимаемый с каждого плодового дерева. Это был памятный налог “на корень”. По всей стране началась рубка яблонь, груш и других деревьев, до этого заботливо и десятилетиями выращивавшихся. Мало того, что с тех пор в стране не стало фруктов, многие из тех, кто рубил яблони в своем собственном саду, спасаясь от налога, угодили за решетку по обвинению во вредительстве и в саботаже решений партии и государства.

## 2. СТУДЕНЧЕСКАЯ ПОРА

---

### ПЕРВЫЕ “ГАСТРОЛИ”: В “ТИМИРЯЗЕВКЕ” И БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Я закончил учебу в техникуме с отличными отметками и был рекомендован для поступления в высшее учебное заведение без испытаний, что предусматривалось установленными тогда правилами. Но куда пойти учиться? Наш замдиректора по учебной части Коваленко порекомендовал мне поехать в “Тимирязевку” и даже посоветовал факультет – агрохимический.

Поначалу я не решался. Было боязно уезжать далеко от дома, на поезде я вообще никогда не ездил, да и денег на дорогу не было. Но постепенно, после уговоров друзей, учителей и домашних, я свылся с этой заманчивой, неясной и пугавшей меня перспективой. А когда “всем миром” и за счет продажи каких-то вещей деньги на дорогу были собраны, деваться было уже некуда. Собрали мне в котомку буханку хлеба, шматок сала, несколько луковиц, ну и, конечно, диплом об окончании техникума. С пересадкой в Запорожье, в сидячих поездах я за несколько дней добрался из Орехова в Москву. В дороге в основном питался кипятком с двумя видами бутербродов: первый – хлеб с маленьким кусочком сала “вприкуску”, второй – хлеб с салом “вприглядку” (т.е. хлеб кусаешь, а на сало смотришь).

И вот я первый раз в жизни в Москве, на площади Курского вокзала. Куда идти, куда и как ехать – не знаю. На счастье, кто-то подсказал мне: “Петровское-Разумовское? Так вот трамвай, который прямо туда идет. Садись, мальчишка, и поезжай!” Так я и сделал. Доехал быстро, главный корпус нашел сразу, так как трамвай делал круг как раз напротив.

Вошел я в храм науки не без волнения, но в приемной комиссии меня приняли доброжелательно, документы приняли и сказали: “будете учиться”. Когда я сказал, что плохо знаю русский язык, ответили: “ничего, справитесь” и дали направление в общежитие. Здание этого общежития и сейчас стоит на Лиственничной аллее.

Сижу я в полупустом общежитии (а приехал я заранее, еще до начала экзаменов – на всякий случай, а вдруг придется их сдавать?) и раздумываю: оставаться или не оставаться? С русским языком у меня плохо, обстановка непривычная, все чужое – справлюсь или нет? А после того, как у меня ночью из под кровати кто-то украл торбу с продуктами, решил вернуться домой. А как вернуться, если еды нет, а в кармане всего-навсего трешка?

На мою удачу в общежитии подвернулся один проворный абитуриент, сколачивавший молодежную бригаду на поденные работы. Я сог-

ласился сразу, подумав, что вот, мол, тебе, Микола, и возможность подзаработать на дорогу домой!

Не поверите, но первым моим местом работы в Москве оказался... Большой театр. Конечно, я там не пел и не танцевал, и даже не играл в оркестре, а по ночам занимался плотницкими работами. В театре шел ремонт сцены, и нужна была физически крепкая и малоквалифицированная рабочая сила для переборки настилов. С непривычки и без рукавиц я быстро изранил руки, но бригадир пожалел меня, перевязал рану и дал отдохнуть. Постепенно я приспособился, и работа пошла. Заплатили нам неплохо, по тем временам просто хорошо – по сто рублей “на нос”. Бригадир распорядился: всем на руки по пятьдесят, остальное в общий котел – “на пропой”, будем обмывать наши трудовые достижения.

Честно признаться, я тогда не только не умел пить, но толком и не знал, какая разница между вином, водкой и проч. Я не лукавлю и скажу больше: легенда о том, что якобы “веселье на Руси есть питие” – это вранье. В русской и украинской деревне пьяниц можно было раньше пересчитать по пальцам. Всем миром их не только не уважали, им не только не сочувствовали, но и окружали всеобщим презрением. Простому человеку пить было не на что и некогда. Тяжелый повседневный труд от зари до зари, заботы о семье, житейская и религиозная мораль не предоставляли такой возможности. Тем более невозможно было тогда увидеть на улице подвыпившего юношу или подростка. Сейчас в это трудно поверить, но это было именно так.

После завершения “гастролей” в Большом театре я оказался в одном из лучших ресторанов Москвы – в “Гранд Отеле”. Теперь на месте этого дома – новый корпус гостиницы “Москва”. Яства в “Гранд Отеле” (подававшиеся там тогда круглосуточно) для меня были невиданные. Выпил я немного сухого вина, но поел, что говорится, “от пуза”. Кроме этого мне очень понравился оркестр, особенно барабан с нарисованным черным котом. Плотно позавтракав, мы там же решили, как жить дальше. Среди нас большинство были абитуриенты, либо те, которым не надо было сдавать экзамены (вроде меня), либо те, кто махнул на эти экзамены рукой. Мы решили, что после двухдневного “отпуска” бригадир снова устроит нам такую же аккордную работу, и будем снова зарабатывать деньги.

Таких денег, которые остались у меня после ресторана, я никогда не имел. Такой суммы сразу никогда не видела даже моя семья. Я их тщательно припрятал и расходовал экономно, в основном на питание. Днем в академии я позволял себе обед из трех блюд (с компотом!), а утром и вечером в общежитии питался консервированными крабами. Это сегодня они дорогой деликатес, а тогда это была самая дешевая пища. Иногда покупал и масло, но это уже как роскошь.

Следующий раз наш бригадир пригласил нас работать в метро. Трудились мы по ночам, разгружали щебенку и укладывали ее на путях. Думаю, что она и до сих пор лежит где-то в туннеле около станции “Комсомольская”. Это была тяжелая работа, но платили нам хорошо, причем каждый день, вернее, каждое утро после окончания ночной смены. За две недели каждый из нас заработал что-то

около 120 руб. Мы были довольны, в кармане завелись деньги. Какую-то часть мы тратили на питание, немного на дорогу (ездить на работу было удобно: от Петровско-Разумовской до Ленинградского вокзала на поезде путь недалекий), и еще кое-что оставалось. Мы продолжали подрабатывать с нашим бригадиром, который после метро уговорил нас разгружать вагоны с арбузами. Эта работа оказалась самой тяжелой, так как организовывалась по принципу конвейера, в котором ты вынужден подчиняться общему темпу и ритму работы и самостоятельно ни передохнуть, ни “перекурить” не можешь. На арбузах я вымотался, решил на этом закончить подработки и готовиться к отъезду домой.

В чем заключалась эта подготовка? Прежде всего я купил себе белую сорочку с пристяжным воротничком, галстук, побывал первый раз в жизни в парикмахерской. Затем купил несколько книг на русском языке, чтобы изучать его дома. Среди авторов этих книг были Пушкин, Тургенев, Лесков, которого очень люблю и сейчас, и другие русские писатели.

Когда я забирал свои документы в деканате, меня уговаривали остаться, но я стоял на своем. Таков был у меня характер: однажды приняв решение, я крайне редко его менял. Таким мой характер остался и до сих пор.

Ехать домой мне уже было легче, чем до этого в Москву. Железная дорога была для меня не в новинку, маршрут с пересадкой в Запорожье был знаком, в котомке была еда, в кармане – какие-то деньги, да и ехал я не в неизвестность, а в родные места, к своим, по которым успел сильно соскучиться. Они тоже соскучились по мне и были очень рады моему приезду.

В техникуме моему возвращению удивились, но доводы мои приняли, однако с условием, что за зиму я “подтяну” свой русский язык, займусь повторением по другим предметам и через год снова поеду на учебу в “Тимирязевку”. Тимирязевская сельскохозяйственная академия (ТСХА) котирировалась тогда очень высоко, да и сегодня этот вуз пользуется большим авторитетом. Любому учебному заведению лестно, когда его выпускники становятся “тимирязевцами”, тем более техникуму из глухой провинции.

На предстоящий год нужно было найти какую-то работу. Мне помог все тот же Коваленко, обратившийся к главному агроному райземотдела Пидкове, который знал меня еще со времен прохождения практики. Они определили меня участковым агрономом в два отдаленных колхоза, которые не обслуживались машинно-тракторной станцией (МТС).

Участок мой располагался в пятнадцати верстах от дома. На попутной подводе я добрался до сельсовета, представился председателю. Он определил меня на квартиру, договорился об оплате и отправил работать. Мне дали лошадку, на которой я объездил поля, осмотрел хозяйство. В компании с этой лошадкой я и продолжал работать: целый день в поле я занимался севооборотом, борьбой с сорняками, агротехникой и прочими делами, которые требуются от агронома. Вечером же и до поздней ночи при свете керосиновой лампы я вновь и вновь перечиты-

вал Пушкина, Тургенева и Лескова – упражнялся в русском языке. Для того, чтобы освоить современный русский, а не “застыть” на языке классиков XIX в., я выписал “Известия”, которые прочитывал от первой до последней строчки. Кроме этого у меня был задачник Шапошникова и Вальцева, все задачки из которого я за зиму перерешал от первой до последней, чтобы не забыть математику. По химии книг у меня не было. Ботанику я и так знал, поскольку с раннего детства “все бурьяны” на полях были мне знакомы.

Так в агрономической работе и вечернем самообразовании прошло три-четыре месяца, но я чувствовал, что для настоящего дела такой учебы мне недостаточно. И тут я получил из Саратова письмо от своего товарища, с которым познакомился в Москве. Он писал мне, что при Саратовском сельхозинституте открылись подготовительные курсы для поступления в вуз. Это сообщение меня очень заинтересовало. Читай классиков и газеты, не читай, а грамматику знать надо, да и опыт разговорной речи необходим. Кроме того, я думал, что в ТСХА мне все же придется сдавать вступительные экзамены – все-таки год я пропустил – и основательно к ним подготовиться было бы неплохо. С месяц я еще поработал агрономом, а после пришел к председателю сельсовета Проскуре и объяснил ситуацию. Ему не хотелось меня отпускать, но он вошел в мое положение и разрешение на отъезд дал.

Так я третий раз в течение года оказался в поезде. Маршрут был новый, но я уже был опытным пассажиром. Снова с пересадкой, на этот раз в Харькове, я доехал до Саратова, в пригороде которого и нашел этот сельхозинститут. Меня без проблем приняли на подготовительные курсы, и я начал заниматься дни и ночи. Кроме русского языка я “подогнал” и другие предметы, хотя главными для меня были тогда русский и литература. Закончив подготовительные курсы, я, не выезжая домой, из Саратова поехал прямо в Москву. Чувствовал я себя уже намного уверенней – и морально, и материально: немного заработал, будучи агрономом, да и от “московских” денег кое-что осталось, хотя часть их я оставил маме.

В деканат я пришел уже свободно говоря по-русски, заявление написал на правильном русском языке и “обнаглел” до того, что решил сдать вступительный экзамен по русскому и литературе, хотя от меня, как отличника, этого и не требовалось. Честно говоря, мне захотелось проверить себя. Тема сочинения была о Лермонтове, с поэзией которого я познакомился в Саратове. Через три дня, когда были вывешены оценки письменных экзаменационных работ, против своей фамилии я увидел пятерку и был счастлив. Мое беспокойство и неуверенность прошли окончательно. С хорошим настроением до первого сентября 1934 г. я успел съездить домой, обрадовать своих тем, что я теперь студент “Тимирязевки”, и вернуться в Москву, думая, что ненадолго, а оказалось – навсегда...

## СТУДЕНТ АГРОХИМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТСХА

Самые памятные впечатления от первых дней и месяцев моей учебы в ТСХА связаны с профессором (впоследствии почетным академиком) Иваном Алексеевичем Каблуковым. Это был пожилой, известный у нас и за рубежом ученый, внешне напоминавший “типичных академиков”, какими их изображали в старых кинофильмах, т.е. людьми рассеянными, странно одетыми, далекими от мирских забот и занятыми только лишь своими научными проблемами. Иван Алексеевич, действительно, постоянно ходил в “толстовке”, которую впервые надел, будучи еще студентом, и которую не снимал, даже когда жил за границей. Поверх “толстовки” он надевал особую накидку, на голове постоянно была профессорская шапочка. Квартира его, где он жил вместе с сестрой, примыкала к помещению кафедры, и для того, чтобы попасть на работу или уйти с работы, ему нужно было только пройти через дверь.

Рассеянность Ивана Алексеевича неожиданным образом я однажды испытал и на себе. Как-то в послеобеденное время я сдавал ему экзамен. Он задал мне три вопроса, на которые я должен был ответить письменно, а сам ушел к себе на квартиру. Написав ответы, я стал ждать, когда профессор придет, чтобы принять их у меня. Ждал час, другой, третий... Сколько времени прошло, не знаю, часов тогда у меня не было, помню, что за окнами совсем стемнело. Отчаявшись ждать, я попытался выйти из корпуса, но он уже оказался запертым. Тогда я осмелился постучаться в дверь, которая вела в квартиру И.А. Каблукова. Мне открыла его сестра (или дочь), которая крайне удивилась моему появлению в двенадцатом часу ночи. Она сказала, что профессор давно спит, провела меня через квартиру и выпустила на улицу. До общежития мне было недалеко, друзья мои очень удивились, где это я брожу по ночам... На другой день мои письменные ответы были зачтены.

Первый урок, который дал мне Иван Алексеевич, был вовсе не из области химии, но этот его завет я помнил всегда и помню до сих пор. Как-то я засиделся допоздна в лаборатории над в общем-то простым опытом, который у меня не ладился. На улице было уже темно, в помещении пусто, и вдруг у меня за спиной остановился Иван Алексеевич, возвращавшийся откуда-то домой. Ему понравилось мое упорство, мы с ним побеседовали о жизни, и в заключение разговора он сказал так: “Трудись, трудись Николай. Не гонись за деньгами. Будешь трудиться, они придут сами...”. Этому его совету я следовал всю свою жизнь и сегодня готов повторять его всем, кто пока еще не слышал.

Правда, опираясь на жизненный опыт, сегодня я сформулировал бы его в более развернутом виде, например, так:

первое – не жалея времени и самого себя для учебы с молодых ногтей и до глубокой старости, т.е. “учись, учись и еще раз учись”, люби учебу;

второе – занимайся тем, к чему лежит душа, пусть за это мало платят; не меняй любимое дело и моральные принципы на гроши; добь-

ешья успеха в любимом деле и деньги придут к тебе сами; зарабатывай доброе имя – это ключ к благосостоянию; доброе имя – ключ и магнит, притягивающий уважение людей, любовь женщин, мелкую и крупную монету;

третье – никогда не заносись, выработай невосприимчивость к леги, будь самокритичным, точнее “самоаналитичным”, исправляй собственные недостатки, которые видишь в себе;

четвертое – умей выбирать учителей;

пятое – не трать время на склоки, будь терпимым к мелким житейским человеческим слабостям и недостаткам, если они не вредят делу;

шестое – нашел любимое дело, освоил его, теперь отдай ему всего себя без остатка, вот тебе и успех в жизни!

Но вернемся в “Тимирязевку”.

Помощник Каблукова, доцент В.А. Полосин, поручил самым прилежным студентам курса, среди которых был и я, подробно записывать лекции Ивана Алексеевича, что мы старательно делали. Начались лабораторные работы, которыми я очень увлекся. Для других увлечений у меня не было тогда ни денег, ни знакомых, и все свободное время я проводил в лаборатории, где мне отвели особое место: стол, шкаф с реактивами и проч. Занятиями в лаборатории руководил В.Ф. Платонов, который позже стал ректором Академии.

Наши подробные записи каблуковских лекций были использованы при подготовке рукописи его учебника “Введение в неорганическую химию”. С этой книгой произошел казус. Когда из типографии поступили первые пробные оттиски, Иван Алексеевич решил сам прочесть всю книгу, и работа остановилась сразу же на первых строчках. Дело в том, что введение к книге редакторы Сельхозиздата назвали так: “О пользе химии для колхозного крестьянства”. Каблуков же сказал, что такого термина он не знает и знать не хочет, а признает термины: “хлебопашцы” и “хлебопашество”. “Колхозное крестьянство” он вычеркнул жирной чертой, завязался идейный конфликт, быстро зашедший в тупик и продолжавшийся более двух месяцев. В конце концов стороны нашли компромисс, редакция пошла на использование терминов: “русское крестьянство” и “хлебопашество”, книга вышла в свет, и всем нам – своим помощникам – И.А. Каблуков подарил по экземпляру.

В течение первых месяцев учебы мои денежные “запасы” постепенно растаяли, стипендия была маленькая, и жил я довольно скромно. О тратах на развлечения речи и быть не могло, все уходило на питание. Меню было традиционное: утром и вечером – кипяток с хлебом, днем обед в столовой за 90 коп. Иногда позволяя себе “студенческую роскошь” – банку крабов. Самый большой “разврат” совершался после успешной сдачи экзамена или зачета. Он заключался в покупке маленькой пачки “Казбека” с десятью папиросами. Зимой на каникулы ездил домой, в течение 12 дней отсыпался и отъедался. Правда, пировать дома приходилось тем, что “наскребала” мама.

Учеба в ТСХА сопрягалась у меня с адаптацией к новым московским условиям. Кое-что мне давалось легко, а кое с чем приходилось попотеть, причем в буквальном смысле слова. Так было, например, с зачетами по физкультуре и со сдачей норм ГТО (“Готов к труду и обо-



“Тимирязевка”. На первомайской демонстрации

роне!”). С летними видами спорта было попроще, так как я был крепким деревенским парнем. А вот с лыжами была просто беда. Я, южанин, ранее видевший снег лишь изредка, едва стоял на этих деревянных сооружениях, не то чтобы еще на них бежать. А бежать надо: не сдашь зачет по физкультуре – не допустят к сессии, не сдашь сессию вовремя – лишат стипендии, лишат стипендии – помрешь с голоду. Как же я вышел из положения? А просто: отойдя на полусогнутых от судейского столика за поворот, я снял лыжи и, взяв их в руки, побежал по снегу. Не доходя до финиша в пределах видимости, я снова нацепил лыжи и закончил дистанцию “как все”. Хотите верьте, хотите нет, но один раз я таким макаром занял второе место в лыжной гонке на 10 км. Есть захочешь, победишь... Этот пример лишний раз подтверждает то, что различные варианты решений могут быть не только в математических и физических задачах, но и в физкультурных.

Весенний семестр я закончил успешно, но на летние каникулы домой не поехал. По рекомендации старших друзей я заключил договор с Наркоматом совхозов о проведении в хозяйствах Урала и Сибири работы по апробации зерновых культур. Прослушав краткий и несложный для меня курс, я отправился в путешествие на Восток страны. Командировка была нелегкая: постоянно в дороге, работа днем и ночью, ответственность большая. От моих решений зависело многое, и прежде всего размер оплаты совхозам за проданный государству урожай. Оплата зависела от моей оценки качества и сортности зерна. Скажем, если в сданной пшенице было более 90% твердой (*Triticum durum*), то она

шла по самой высокой цене. Если же в ней была заметная доля мягкой (*Triticum aestivum* или *vulgare*), то по мере возрастания этой доли цена соответственно снижалась.

Перебираться из совхоза в совхоз, из деревни в деревню приходилось по-разному – когда на лошади, когда пешком. Расстояния там большие, иногда в лесу ночью было страшновато. Между прочим, тогда я впервые побывал в Шадринском районе, о следующем “посещении” которого будет отдельный рассказ.

Пропутешествовав так все лето 1936 г. и подзаработав денег, я вернулся в Москву и, наконец, позволил себе сходить в кино. Осенью снова с головой погрузился в учебу, которая в основном проходила на кафедре органической химии, которой руководил академик Н.Я. Демьянов.

Осенью 1937 г. в Доме ученых состоялось чествование нашего учителя И.А. Каблукова по случаю его 80-летия и вручения ему ордена Трудового Красного Знамени. Я имел пригласительный билет на эту церемонию и своими ушами слышал, как Иван Алексеевич еще раз прилюдно подтвердил свою репутацию рассеянного человека. Решив в ответном слове поблагодарить, как было тогда принято, “нашу родную партию, наше любимое советское правительство, великого вождя всех народов товарища Сталина”, он расшифровал инициалы последнего в обратном порядке, назвав его Виссарионом Иосифовичем. Люди в зале ахнули и замолкли в оцепенении, и я испугался, подумав: “Ну, достанется нам всем за это!” Слава Богу, все обошлось...

Это был удивительный случай, потому что в 30-е годы многие люди пропадали без следа и за меньшие “прегрешения”. Чаша сия не миновала и меня, хотя, считая по большому счету, мне, можно сказать, повезло, и я отделался не “легким”, но все же только испугом. Виной всему был великий голландский философ-материалист XVII в. Бенедикт Спиноза, оказавший огромное влияние на европейскую научную мысль XVII–XVIII вв. и чуть было не сыгравший роковую роль в моей судьбе. Но обо всем по порядку...

## ЗА РЕШЕТКОЙ С БЕНЕДИКТОМ СПИНОЗОЙ

С осени 1937 г. семинары по философии у нас вел Георгий Федорович Александров, впоследствии ставший крупной величиной – академиком, начальником Управления пропаганды и агитации ЦК партии. Он любил проводить занятия со студентами по первоисточникам. Лекции он читал прекрасно, но считал, что этого нам мало, и давал каждому студенту задание на изучение трудов классиков философии. Сейчас не помню, по какой теме – то ли по атеизму, то ли по теории познания, но мне было задано прочесть и сделать выводы и обобщения по произведениям Спинозы. Его книгу с избранными сочинениями мне выдали в фундаментальной библиотеке “Тимирязевки”, я носил ее с собой и читал в свободное время. Взял я ее с собой и когда поехал заказать себе костюм на деньги, заработанные летом.

Чтобы сделать этот заказ, нужно было отстоять полсуток в очереди в ателье на углу Бауманской и Бакунинской улиц. Я взял с собой

Спинозу, чтобы не скучать в очереди и провести это время с пользой для себя и философии. Был конец сентября, ночи были холодные, и в промежутках между переключками в очереди я отогревался в котловане строившейся тогда рядом с ателье станции метро “Бауманская”. У меня была свечка, и при ее свете в углу теплого подземелья я начал читать. На мой огонек собралось несколько людей – товарищей по очереди, и они попросили меня читать вслух, чтобы не спать на сырой земле, да все же какое-то развлечение.

Перед рассветом вдруг в котлован влетели два милиционера: “Кто такие, что за ночные чтения в подземелье, что за тайная организация?!” Слушатели мои разбежались врассыпную, а меня вместе со свечкой и со Спинозой взяли под микитки, доставили в отделение милиции и бросили в общую камеру – к параше. Сокамерники-уголовники тут же обшарили мои карманы, но денег, которые были отложены на костюм, не нашли. Я их спрятал под стельку в ботинке.

Сколько я ни стучал в дверь, сколько не умолял меня выпустить, объясняя, что у меня проходит очередь в ателье, ничего не помогало. Ответ был короткий: “Видали мы таких спиноз, знаем. Сиди, помалкивай!” Просидел я в этой камере почти неделю, про костюм уже стал забывать и начал задумываться, что же будет со мной дальше. Мои рассказы про Тимирязевскую академию, и особенно про Спинозу, милиционеров только раздражали. Спустя неделю меня вывели из тюрьмы, посадили в крытую машину и повезли, как я потом понял, на железнодорожную станцию. На станции меня и моих спутников (всего человек 30) посадили в товарный вагон и заперли. Через несколько дней пути я оказался там, где пару месяцев назад путешествовал по совхозам – в Шадринске, только не в знакомом совхозе, а в подсобном хозяйстве при ГУЛАГовском лагере. Там под конвоем я работал на уборке урожая и на конюшне. По прошествии 5-6 месяцев меня как забрали, так и отпустили – безо всяких объяснений. Книга, конечно, пропала. Требовать книжку и извинений я не стал (себе дороже!), получил билет до Москвы, три рубля на дорогу и вернулся в Академию.

Как я сам себе объясняю то, что со мной случилось? Думаю, что это было связано с парой эпизодов, произошедших со мной незадолго до получения задания по философии. Два раза меня по ночам привозили в самое “высокое” здание в Москве, из окон которого “видно Магадан”, и приглашали сначала сотрудничать, а потом на работу или учебу в “их систему”. Оба раза я твердо отказался, объяснив, что я уже выбрал свой жизненный путь и никем, кроме агрохимика, быть не хочу. Наверное, мне преподнесли урок: мол, смотри, “Спиноза”, мы можем сделать с тобой все, что захотим... Слава Богу, что так все кончилось, а то за своего голландского философа я бы мог загреть на десять лет без права переписки...

По возвращении я нашел свое место в общежитии незанятым, ребятам я ничего не объяснил, мне это запретили. Я извинился перед Александровым за то, что не сдал зачета и потерял книжку. Он спросил меня, что со мной случилось, я ответил, что мне запрещено об этом рассказывать. Он задумчиво улыбнулся, попросил у меня зачетную книжку и поставил отлично.

## НАУКА КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ НАГРУЗКА

Учась на кафедре академика Демьянова, я не порывал связей с “неорганиками” и даже подключился к одной из их разработок по изучению тройных систем.

Правой рукой Демьянова был Николай Васильевич Вильямс, один из трех сыновей Василия Робертовича Вильямса, академика-почвоведом с мировым именем, памятник которому стоит сегодня рядом с главным корпусом ТСХА. Николай Васильевич одновременно исполнял обязанности проректора Академии по учебной части. Второй сын В.Р. Вильямса – Василий Васильевич – также работал в “Тимирязевке”, проректором по научной части. Третьего сына я не знал, он работал художником в Большом театре.

То ли кто ему посоветовал, то ли он сам меня заприметил, а, может быть, и то, и другое, но Николай Васильевич сделал меня председателем научно-исследовательских студенческих кружков всей Академии. Теперь это называется СНТО – студенческое научно-техническое общество. Вначале мне – парню из деревни, третьекурснику – было страшно, но потом потихоньку освоился, и дело пошло. Николай Васильевич не оставлял меня своим вниманием и много помогал, даже разрешил мне пользоваться книгами из фундаментальной библиотеки Академии, чего студентам не разрешалось.

Кроме этой общественной нагрузки я тогда получил еще одну и весьма своеобразную, связанную с моим знанием украинского языка. Однажды меня пригласил к себе секретарь парткома Авдеев (как я потом узнал, один из убийц императора Николая Александровича) и предложил переводить письма на имя Сталина, присланные с Украины и переданные Авдееву для обработки по “тематической принадлежности”. Я, правда, должен был делать не полный их перевод, а реферировать и указывать, куда их нужно направить. Скажем, если письмо приходило из Запорожья, его переправляли в запорожский обком партии, если из Днепропетровска, то в днепропетровский и т.д. Откуда приходила жалоба, туда и отправляли. Только в нашу Академию и только с Украины приходило по мешку писем в день. Так что работал я тогда дни и ночи, дверь моей комнаты была заперта извне, чтобы я не разглашал секреты своей работы, но зато кормили меня все две недели, пока я этим занимался, прекрасно. Единственный человек, с которым я общался в те дни и кому разрешалось ко мне заходить, был Авдеев.

Расскажу и еще об одной своеобразной общественной нагрузке, которую мне пришлось нести и которая мне хорошо запомнилась. В конце 1938 – начале 1939 годов многих студентов “Тимирязевки” мобилизовали на подготовку экспозиции Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), превращенной в 1958 г. в Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ), а в последние годы во Всероссийский толкучий рынок – ВТР (последнее название и аббревиатура мои и публикуются впервые). После открытия ВСХВ мы должны были работать там экскурсоводами.

Меня с несколькими товарищами, естественно, направили в па-

вильон Украины. Строительство павильона и наполнение экспозиции находилось под пристальным и неусыпным вниманием тогдашнего лидера украинской компартии Н.С. Хрущева, неоднократно приезжавшего в республиканский павильон и наблюдавшего за ходом подготовительных работ.

Как-то, столкнувшись с нами, он спросил, кто мы такие и что здесь делаем. Узнав, что мы будущие экскурсоводы, Хрущев выразил недовольство нашим внешним видом и повелел обрядить нас в национальные костюмы. С нас тут же сняли мерки и через несколько дней каждый из нас получил по замечательной украинской вышитой сорочке. На казацкие шаровары и смушковые папахи, видно, пороху не хватило. Ну да ладно, зато сорочки, действительно, были отменные и нам очень понравились. Студентам тех лет щеголять было не в чем, так что этот подарок представлялся нам тогда царским...

Наряду со знакомством со всей экспозицией мне пришлось участвовать в оборудовании двух стендов, один из которых просуществовал недолго, вы сейчас поймете почему. Этот стенд должен был представлять достижения республики в области виноделия. Кстати сказать, Украине тогда, как впрочем и сегодня, было чем похвастаться в этом смысле. Правда, к тому времени Хрущев еще не успел подарить Украине всемирно известные заводы “Массандра”, созданные и прославленные на рубеже веков московским графом Воронцовым, да и венгерские виноградники Закарпатья были пока вне пределов республики. В те годы Украина славилась великолепным молдавским вином, поскольку на ее территории оказались крупнейшие по европейским меркам винзаводы Рыбницы и Тирасполя, а также винодельческие предприятия Дубоссар и Григориополя, расположенные вдоль восточной границы нынешней Молдавии – на той, принадлежавшей тогда Украине, земле, которую сегодня называют Приднестровьем.

Порученный моему надзору стенд представлял собой громадную бочку с боковым вырезом. Внутренняя поверхность бочки была покрыта зеркальными украшениями, а посередине со дна бил маленький фонтан, питавшийся от замаскированной неподалеку емкости с виноградным вином. Для желающих продегустировать вино из этого фонтана было выделено пятьдесят хрустальных фужеров.

В первый же день работы ВСХВ этот стенд фактически парализовал работу всей экспозиции украинского павильона, потому что его посетители концентрировались в основном вокруг нашей бочки. Мы не успевали мыть фужеры, которые у некоторых посетителей приходилось отнимать силой, так как они примащивались в очередь по несколько раз подряд. К тому же оставалась без внимания остальная экспозиция украинского павильона, что уже было “политически нехорошо”. Наконец, после обеда к нашему стенду стали подтягиваться люди и из других павильонов выставки.

В общем, на другой день стенд был прикрыт. Но возникла другая и более серьезная проблема. Поскольку поставки вина на стенд были запланированы на республиканском уровне и винзаводы и винсовхозы не могли нарушить обязательств по плановым разнарядкам, регулярные и обильные поставки вина на выставку продолжались. Что было с ними

делать? Задача встала перед нами нелегкая, но мы все же с ней справились за счет изобретательности и самоотверженного труда. Вино было обеспечено руководство выставки и нашего павильона, вино пили экскурсоводы и технический персонал, да и мы сами не имели права оставлять товарищей в беде. Что-то перепало и ребятам из общежития “Тимирязевки”, оставшимися на лето в Москве.

Проблему закуски позволила решить нам другая наша экспозиция, демонстрировавшая достижения Украины в области птицеводства. Часть этого стенда представляла собой пирамиду, которую мы составили из двух с лишним тысяч куриных яиц, а точнее, из яичных скорлупок. Строительные блоки для пирамиды мы создавали, откачивая из яиц их содержимое, которое потом сливалось в ведро, а затем поступало на столы в общежитие ТСХА в виде яичниц или омлетов. После завершения строительства яичной пирамиды поступление закуски резко сократилось, но и тут выход был найден: время от времени кто-то из нас “случайно” задевал ногой за угол стенда, либо указкой или локтем за край пирамиды, которую после этого, естественно, приходилось восстанавливать, для чего мы беспрепятственно и практически ежедневно получали десяток-другой единиц свеженьких “стройматериалов”.

Вот так нам пришлось поучаствовать в “пропаганде достижений” и “аккумуляции передового опыта социалистического строительства”. Бывая впоследствии на ВСХВ и ВДНХ, я с теплой грустью вспоминал то время. К 1954 г., когда ВСХВ вновь была открыта после войны, многие павильоны были перестроены, сооружены помпезные дворцы и фонтаны, о которых нынешние журналисты пишут чуть ли не с издевкой. У меня же отношение к выставочному делу вообще и к “главной выставке страны” в частности особое. И это не только потому, что я долгое время был членом Научного совета по выставкам работ Академии наук.

Если отбросить идеологическую мишуру, ВСХВ–ВДНХ делала важное для страны дело, будучи аккумулятором достижений научно-технического прогресса и реальным проводником “в массы” передового производственного опыта. В свои лучшие годы выставка ежегодно организовывала до сотни тематических экспозиций, 800–900 научно-технических конференций, семинаров, курсов и школ передового опыта с участием 200–300 тыс. специалистов. Думаю, что вклад ВДНХ в развитие народного хозяйства еще будет оценен по достоинству. Думаю также, что нынешнее ее бедственное положение – дело временное, поскольку рыночная экономика без развитого выставочно-ярмарочного дела невозможна. По лубочным картинкам, представляемым нам нашими кинематографистами, ярмарки представляли собой веселое действо с балаганами, каруселями и лотковой торговлей сладостями и ширпотребом. На самом же деле ярмарки когда-то были органической и важнейшей частью рыночного экономического механизма страны, были и остаются серьезным двигателем мировой торговли, а значит, и мировой экономики.

Ведь не даром, начиная с конца XVI в., выставочное дело развивается в Европе и по всему миру семимильными шагами, и на него ежегодно тратятся миллиарды долларов. Уже самые первые общенацио-

нальные торгово-промышленные выставки, крупнейшими из которых были Лондонская (1761 г.), Мюнхенская (1788 г.) и Санкт-Петербургская (1829 г.), первые международные промышленные выставки (Лондон – 1851 г., Амстердам – 1883 г., Барселона – 1888 г.) показали, что они могут внести огромный вклад в дело развития торговли и промышленности. Сегодня во всем мире несть числа выставкам, ярмаркам, салонам, показам и презентациям, а буржуи, как вы знаете, зря копейку на ветер не выбросят. Думаю, что и нынешние промышленники и коммерсанты в конце концов одумаются и создадут на базе ВДНХ постоянно действующую общенациональную российскую торгово-промышленную выставку, затраты на создание которой, безусловно, окупятся сторицей. Отраднo видеть, как сегодня начинает возрождаться когда-то всемирно известная всероссийская Нижегородская ярмарка, бывшая в начале завершающегося века (наряду с харьковской и оренбургской) флагманом российских ярмарок.

Современные россияне, наверное, не представляют себе уровень развития выставочно-ярмарочного дела в стране на рубеже XIX–XX вв. Только общероссийского значения в стране проводилось 152 ярмарки. Всего же за год их устраивалось около 15 тыс. Это показывает, что в конце прошлого века в России уже сложился интегрированный рынок, охватывающий всю ее территорию, все ее уголки. Наверное, более никогда в России столько ярмарок не будет, и, может быть, этого и не нужно, учитывая несравненно более высокую информационную обеспеченность торгово-экономических процессов, но никакие компьютеры и волоконные коммуникации никогда не заменят личного общения промышленников и коммерсантов и не предоставят возможность “пощупать товар своими руками”. Думаю, новый расцвет выставочно-ярмарочного дела в России еще впереди.

Но пора вернуться в ТСХА. По моей просьбе Николай Васильевич Вильямс организовал встречу студентов–активистов научных кружков со своим отцом Василием Робертовичем, который тогда уже мало общался с внешним миром, потому что был стар и болен. Его очень уважали и любили, и для того, чтобы он мог без помех заезжать на свою кафедру в инвалидной коляске, тимирязевцы прорубили проем в стене дома, где эта кафедра находилась, и устроили там дверь и специальный подъезд.

Василий Робертович принял нас очень любезно. Рассказал о себе, о своем происхождении, о том, как его отец – гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, инженер – приехал в Россию строить Николаевскую железную дорогу, как выкупил красавицу – крепостную крестьянку, женился на ней и остался в России. Он рассказал о своей учебе в Петровской земледельческой и лесной академии, которую потом переименовали в Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, о том, как через семь лет после ее окончания, в 1894 г., возглавил там же кафедру общего земледелия и почвоведения, на которой проработал всю жизнь, о том, как после революции ему предложили уехать из страны и как он отказался покидать Россию, свою родину.

Мы засыпали его вопросами, ему было трудно говорить, но на не-

которые он ответил, в том числе рассказал о травополевой системе, и даже шутил. Так, он сказал, что на первом этаже, где расположена его кафедра, учат, как “нужно” вести сельское хозяйство, а на втором, где кафедра агрохимии, руководимая известным академиком Д.Н. Прянишниковым, учат, как “можно” это делать, а это вещи разные.

В конце беседы я осмелился спросить Василия Робертовича, почему он курит такие дешевые папиросы – “Норд”. Он ответил, что по трем причинам: во-первых, недорого, во-вторых, мало никотина, в-третьих, они часто гаснут, и их нужно все время снова и снова прикуривать, а это дает физическое упражнение. Мы все рассмеялись и покинули великого старика в хорошем настроении.

Несмотря на то, что Николай Васильевич относился ко мне с симпатией, а может быть, именно поэтому, он как-то раз сказал мне: «Николай, тебе с твоими способностями к химии у нас в “Тимирязевке” делать нечего. Тебе нужно переходить в химико-технологический институт». Он дал мне рекомендацию в Институт тонкой химической технологии (МИТХТ) и несколько весьма полезных советов. К несчастью, вскоре после этого Николай Васильевич нелепо и трагически погиб.

Идею о том, чтобы мне стать не агрономом, а инженером-химиком, поддержали некоторые мои московские знакомые, в том числе Петя Битков, учившийся в Академии гражданского воздушного флота, которому я иногда помогал делать чертежи, а также его жена Катя Фурцева – студентка МИТХТ. Кстати, и они, и Николай Васильевич советовали мне переходить не куда-нибудь (например, в Менделеевский), а именно в МИТХТ им. Ломоносова, объясняя это тем, что там уровень преподавания самый высокий – как в университете.

В то время ректором ТСХА был В.С. Немчинов, который выразил недоумение по поводу рекомендации Н.В. Вильямса отпустить из Академии председателя студенческого научного общества, члена профкома, да и вообще способного студента. Он пригласил меня для беседы. До этого я несколько раз по собственной инициативе слушал его лекции. Вначале мне было просто интересно посмотреть и послушать ректора “Тимирязевки”, а потом меня заинтересовал и предмет его лекций. Это был наш первый разговор, а впоследствии в процессе совместной работы судьба свела нас ближе, за что я ей очень благодарен.

Рекомендацию Академии я получил и поехал на Малую Пироговскую, где располагался Институт тонкой химической технологии. Так открылась еще одна новая страница в моей жизни.

## СТАНОВЛЮСЬ ИНЖЕНЕРОМ-ХИМИКОМ

Директором МИТХТ тогда был Г.Д. Вовченко. Он внимательно выслушал меня, прочел рекомендацию, выданную мне в “Тимирязевке” и сказал, что примет меня, но только после того, как я сдам несколько экзаменов по предметам, входившим в программу первых трех курсов МИТХТ, но не читавшихся в Академии. В частности, мне требовалось “досдать” начертательную геометрию, сопромат, техниче-

скую термодинамику, часть курса математики и др. Только после этого мне могли дать место в общежитии и начислить стипендию.

На какое-то время я оказался сразу “на двух стульях”: жил в общежитии Академии и там же получал стипендию (за что до сих пор благодарен разрешившему это В.С. Немчинову), а учиться и ликвидировать “хвосты” ездил в МИТХТ. Эта эпопея длилась четыре месяца, но закончилась благополучно. Я сдал все необходимые экзамены и зачеты и стал полноправным студентом-химиком. Учебу я любил, отношения с товарищами и преподавателями были хорошие. Наверное поэтому позже, года через два, меня избрали секретарем комсомольского комитета.

Учился я хорошо, но бывали и срывы. Так, сдавая экзамен по физической химии будущему известному академику Я.К. Сыркину, я не смог ответить на его излюбленный вопрос о строении ядра. Литературы по этой проблеме тогда не было, а как раз на той лекции, где он излагал свои взгляды на этот предмет, я случайно не был. Он велел прийти к нему через два дня, изучив перед этим данный вопрос по конспектам других студентов, которые на этой лекции присутствовали. Я так и сделал и получил все же свою привычную пятерку.

В МИТХТ мне, как всегда, везло на учителей. Обо всех, кого я помню до сих пор и кому буду всегда благодарен, рассказать, конечно, не смогу. Вспоминаю лекции профессоров Влодзиевского, Лебединского, академика Несмеянова, заведовавшего в МИТХТ кафедрой органической химии, и др. С особой благодарностью вспоминаю заведующего кафедрой математики О.Н. Цубербиллер, автора хорошо знакомого всем студентам технических вузов тех десятилетий “классического” учебника по аналитической геометрии, выдержавшего при ее жизни 23 (!) издания. Могу сказать, что Ольга Николаевна (умнейший и замечательный человек!) не только научила меня математике, но и привила вкус и любовь к этой науке, что, как мне думается, проявилось в последующие годы, когда я уже стал ученым.

Когда я стал комсомольским секретарем института, учиться стало сложнее, часть занятий я вынужден был пропускать, и мои пятерки стали доставаться мне с большим трудом. Кроме обычной комсомольской работы в это время добавились и особые заботы, приближалась война. Самая страшная война в истории страны. Несмотря на успокаивающую пропаганду, ее приближение чувствовалось во всем.

Так, студенты нашего института занимались специальной подготовкой, которая заключалась в освоении навыков к походам и полевой службе. Все мы были разбиты на “десятки”, каждая со своим “бригадиром”. Эти “десятки” могли собираться очень быстро: те, кто жил в городе, обменялись номерами телефонов, а тем, кто жил в общежитии, этого было и не нужно, так как все были “под рукой”. Время от времени организовывались сборы по тревоге и походы, как правило, ночные, по Подмоскovie. За время таких походов, которые, скорее, походили на марш-броски, мы колоннами по двести–триста человек “отмахивали” по полусотне километров.

Приближение войны ощущалось и на “идеологическом фронте”. Однажды мне, как комсомольскому секретарю, доложили, что один из

студентов старшего курса по фамилии Батыгин на собрании, посвященном дню Красной Армии, превозносил немецкую технику и немецкое военное искусство, а также предрекал победу Германии в предстоящей войне. Когда я потребовал от него объяснений, а не отреагировать на подобные высказывания было просто нельзя, он не отпирался. Решением институтского комитета он был исключен из комсомола, однако райком нас не поддержал и ограничился более мягким наказанием. Забегая вперед, скажу, что, когда мы оказались на фронте под Вязьмой, Батыгин, отпросившись у меня в лес якобы для сбора грибов для солдатской кухни, перебежал-таки к немцам. Перебежал, да неудачно. Во время нашего броска он попал к нам в плен и, как я слышал, был расстрелян.

22 июня 1941 г. перевернуло всю нашу жизнь. Эта дата стала исторической для всего мира, для нашей страны и для каждого из нас. Настало время тяжелых испытаний, пора возмужания для людей всех возрастов, в том числе и для меня, которому стукнуло тогда двадцать четыре...

## НА ФРОНТ ДОБРОВОЛЬЦЕМ

Перед самой войной, в начале лета 1941 г., наша студенческая группа проходила производственную практику на заводе твердых сплавов. Началась война, мы продолжали работать в цехах. Но после известного выступления И.В. Сталина по радио 3 июля группа собралась в институте, в аудитории имени Менделеева, и я объявил запись в народное ополчение.

Из примерно 1200–1300 комсомольцев нашего института в добровольцы записалась десятая часть. Я выступил перед ними с краткой речью, в которой процитировал Шота Руставели: “Сотня тысячу осилит, если мудр вождя совет...”, и на правах ведущего собрание записался первым. Сбор добровольцев проходил через день во дворе Института иностранных языков на Метростроевской. Там была собрана первая дивизия ополченцев имени Фрунзе. Это имя она получила потому, что в нее вошли добровольцы Фрунзенского района Москвы, позже этот район послал на фронт еще одну дивизию ополченцев. Многие из них не вернулись домой, и памятник им стоит сегодня перед зданием Института иностранных языков (теперь на Остоженке).

Нам выдали обмундирование, состоявшее из ботинок с обмотками, черных костюмов и головных уборов самой разнообразной формы; наверное, сапог, гимнастеров и пилотов не хватало для самой армии. Нас разделили на отделения, взводы, роты и т.д. Командиром нашего батальона был назначен районный архитектор. Я стал командиром отделения.

В первую же ночь мы совершили пеший марш-бросок на 60 км до деревни Толстопальцево. Многие из ребят стерли ноги до крови, я же – крестьянский сын – имел опыт обращения с портянками и обмотками, и этот опыт мне тогда очень и очень пригодился. В лесу у этой деревни мы быстро организовали лагерь, построили шалаши. Костры разводить нам не разрешалось, чтобы не демаскировать позиции, и питание мы получали сухим пайком. Но нас обнаружили и без костров: по ночам немцы “развешивали” по небу осветительные ракеты на маленьких парашютиках, и наши шалаши в их свете были отлично видны. Вскоре мы ушли оттуда на фронт, а на другой день после нашего ухода немецкие самолеты сравнивали наш лагерь с землей.

И вот мы движемся в сторону Белоруссии. На плечах у нас допотопные мосинские “винтари” царских времен, у каждого по пятку патронов, а у меня, как младшего командира, еще и одна граната-лимонка, которой, честно говоря, я не знал, как пользоваться. Кроме этого нам на отделение выделили еще одно “страшное” оружие – кольтов-

ский американский пулемет времен первой мировой войны. Как и в каком музее он сохранился, не знаю, но хорошо помню, что один ствол его весил ровно два пуда – 32 кг. Этот ствол и остальные части, которые весили еще больше, надо было нести на себе. Мы делали это по очереди. Командирами роты и взвода у нас были молодые ребята, недоучившиеся мобилизованные курсанты военного училища.

Обочинами дорог продвигались мы на Запад. Поскольку мы были ополченцами, то питанием и ночевками обеспечивались не так, как это делается в армии, а как Бог на душу положит. Правда, наш райком партии и его секретарь Екатерина Алексеевна Фурцева проявляли о нас заботу: подсылали нам вдогонку лимонад, боржоми и бутерброды. В перерыве какого-нибудь заседания этим, конечно, можно перебиться, но для солдата в походе это не еда, и мы ослабели. По дороге нам встречались расстрелянные немецкими самолетами стада животных, уходивших на Восток вместе с беженцами из Белоруссии и Смоленской обл. Мы, конечно, могли бы наварить себе мяса и подкрепить силы, но нам это категорически запрещалось. Почему? Не знаю, и до сих пор не могу этого объяснить.

С немцами мы встретились под Вязьмой, где через несколько дней после нашего прибытия на фронт завязались тяжелейшие бои. Однако наша часть не успела попасть в мясорубку, поскольку нас срочно отозвали в тыл. Дело было в том, что в тот момент Ставка Главного Командования по инициативе нового начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, сменившего на этом посту Г.К. Жукова, провела анализ кадрового состава вооруженных сил, и выявилась нехватка офицеров, особенно инженерно-технического состава. Где взять ресурсы для пополнения? Конечно, среди студентов. И вот студентов стали отзывать в тыл, причем в первую очередь ополченцев, и направлять в военные учебные заведения. При проверке списков нашего отделения произошел такой казус: наш командир полка утвердил отправку в тыл всех служивших в ней студентов, а аспиранта Самохвалова оставил на фронте, поскольку как он сказал, “на счет аспирантов никаких указаний не было”.

Замечу, что это реформирование происходило ночью, и еще до рассвета десятка три студентов под моей командой построились и отправились в обратный поход. А через несколько часов оставленная нами дивизия была атакована превосходящими силами гитлеровцев и попала в окружение.

В Москву я привел уже не отделение, а целый взвод. На свой страх и риск отпустил ребят на сутки по домам, отчитался за взорванную мной гранату и за каждый истраченный патрон (оружие мы оставили на фронте), и через день, по направлению военкомата, мы явились в Военно-химическую академию (тогда она называлась Академия химической защиты) имени К.Е. Ворошилова. Там мы встретили своих товарищей по институту, не пошедших в ополчение, а также студентов Менделеевского института и студентов-химиков из Днепропетровска, среди которых был В.В. Щербицкий – впоследствии известный государственный и партийный лидер на Украине.

## В АКАДЕМИИ ХИМИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

В Академии нас первым делом определили на 12-дневные (!) курсы военных химиков-разведчиков. Ну что мы могли узнать за 12 дней, да в такое время! Конец октября 1941 г. В Москве паника и неразбериха, идет массовая эвакуация; общежитие наше занято, поэтому ночуем на каком-то военном складе; на курсах не кормят... Мы начали сами добывать себе пропитание, и оказалось, что в этот момент в Москве мы можем жить припеваючи. Приходим в магазин, хотим что-нибудь купить поесть, продавщица смотрит на нас – молоденьких солдатиков и говорит: “касастики, берите, что хотите, берите бесплатно, чем немцу достанется, лучше уж вы съедите!” Мы набирали еды и выпивки сколько могли унести и по ночам “панствовали”, но “панствовали” под открытым небом, поскольку дежурили в ПВО и сбрасывали с крыши здания Академии немецкие авиабомбы – зажигалки. Могу похвастаться, что ни одного пожара в Академии мы не допустили, наверное потому, что были сыты...

А сытый человек склонен к баловству. Наши ребята излишки с “панского стола” (а некоторые из них и излишки спиртного) носили с собой в сумке противогаса, предварительно вынув из нее коробку с угольным фильтром. Коробка была тяжелая и мешала укладывать припасы. Некоторое время этого никто не замечал, но однажды наш преподаватель Тейтельбаум неожиданно устроил занятие с противогасами, и секрет был раскрыт. Выволочка нам была изрядная, но начальству не доложил. Спасибо ему, ведь нам очень не хотелось опозориться перед руководством Академии, у руля которой тогда стояли видные ученые – химики Михаил Михайлович Дубинин и Иван Людвигович Кнунянц. Они оба впоследствии стали академиками, лауреатами и орденосносцами. Первый из них, ученик Н.А. Шилова, стал крупнейшим теоретиком в области адсорбции; второй, ученик А.Е. Чичибабина, внес большой вклад в теорию элементоорганических соединений, стал автором более двухсот изобретений, в области фторорганики создал целую научную школу. Признаюсь, мне и моим товарищам было в высшей степени приятно, когда эти два человека как-то сказали, что лучшего курса чем наш в Академии до этого не было.

В один из свободных дней я навестил Г.Д. Вовченко и рассказал ему о судьбе нашего ополчения, а также о нашем зачислении на курсы разведчиков. Он принял меня тепло, внимательно выслушал, но возмущился тем, что его лучшие студенты вдруг оказались курсантами-краткосрочниками, и обещал во всем разобраться. По-видимому, в результате предпринятых им действий через несколько дней некоторые из нас были зачислены в основной состав слушателей Академии.

Осенью 1941 г. из Москвы эвакуировали все, что представляло ценность для страны, для ее обороноспособности, для ее будущего. На Восток уезжали заводы, организации культуры и искусства, научные институты, учебные заведения. Была эвакуирована и Академия химзащиты, а вместе с ней и ее слушатели. Нас посадили в теплушки (так назывались тогда товарные вагоны, переоборудованные под перевозку

людей и лошадей) и отправили в Ташкент. В Ташкенте мы расположились в здании университета, но находились на казарменном положении, и в город нас не выпускали. За местными яствами – кишмишем, дынями и вином – мы спускали гонцов из окон по связанным простыням. Вниз им было спускаться легко, а вот подниматься наверх “в снаряженном состоянии” – непросто.

В это же время в Ташкенте оказался мой любимый учитель Иван Алексеевич Каблуков. Мне удалось отпроситься у начальства на встречу с ним, тем более, что для этой встречи был одновременно смешной и грустный повод: одна из местных газет перепечатала опубликованный в Казани некролог на Ивана Алексеевича. Я нашел его квартиру, рассказал ему об этом казусе, он очень заинтересовался тем, как его “посмертно” оценили. Прочитав собственный некролог, Каблуков заметил, что заслуги его преувеличены, и он таких слов не заслуживает. Посмеявшись и попив чаю, мы расстались и уже навсегда. Иван Алексеевич Каблуков – ученик В.В. Марковникова, А.М. Бутлерова и В. Оствальда, выдающийся русский химик и историк химии, сам вырастивший целую плеяду талантливых учеников, тихо скончался 5 мая 1942 г. в Ташкенте, там и похоронен. Круг его научных интересов был чрезвычайно широк. Главным его созданием была теория растворов, однако последняя из изданных еще при его жизни книг имела такое название: “О меде, воске, пчелином клее и их подмесах”.

Через некоторое время наша Академия обосновалась в Самарканде. Здесь началась серьезная учеба. Декан нашего факультета профессор Адамович и комиссар Корнилюк были нами довольны. Действительно, на этом курсе были собраны лучшие студенты трех химикотехнологических вузов – двух московских и днепропетровского.

Главное, чему нас учили, была техника и тактика химической войны и химической защиты. Кроме теоретических занятий в пригородах Самарканда мы участвовали в учениях, максимально приближенных к реальным условиям войны. Учения были нелегкими, но очень увлекательными.

Параллельно с нашим пятым “гражданским” курсом в Академии проходили обучение “кадровые” армейские слушатели, зачисленные на второй курс. Все они уже имели “кубари”, “треугольники” и прочее, т.е. командирские звания. Наш начальник курса, некто Шагалов, был капитаном и носил на воротнике “шпалу”. Он руководил нашей чисто военной подготовкой, проводил строевые занятия, в общем делал из нас офицеров. Быт наш был организован по уставу, жили мы в казарме, спали на двухъярусных койках. Правда, вечера проводили по-граждански, используя выгоды расположения на первом этаже и незапертые окна; иногда удавалось отдохнуть “вполне прилично”. Стипендия была очень маленькой и питание плохим, хотя мы уже были слушателями-выпускниками. Мы роптали и в конце концов добились солдатского пайка.

Однажды в Самарканде мне, можно сказать, “повезло” – по поговорке: “не было счастья, да несчастье помогло”. Как-то вечером около туалета смотрю и вижу офицера со знакомым лицом. “Ба! Сашка!” Это оказался мой знакомый по МИТХТ, учившийся с грехом пополам и, на-

верное, по этой причине ушедший от нас на работу в “органы”. Однако перед тем как исчезнуть, он выудил у меня тысячу рублей якобы на покупку костюма и пропал. Я тогда пытался его разыскать, но безуспешно.

Вернувшись в казарму, рассказал об этом своим товарищам, и они посоветовали мне “выколотить” эти деньги. Назавтра я доложил всю историю нашему капитану, который направил меня к начальнику политотдела Академии. Тот выслушал меня, попросил подождать в приемной, вызвал этого Сашку, и тот не стал отпираться. Затем начальник политотдела пригласил бухгалтера и дал указание выдать из кассы наличными Федоренко тысячу рублей с последующим удержанием этой суммы из денежного довольствия “такого-то”. Получив эти деньги, я вернулся с ними в нашу казарму, и вечером это событие было коллективно отмечено с максимально возможным в тех условиях “шиком”. После этого “банкета” мы еще долго тратили остатки денег, так как вино тогда было очень дешевым...

Удивительно, но вскоре “кадровый” курс расформировали. В 1942 г. только по чрезвычайной причине можно было демобилизовать кадровых офицеров и отправить их на “гражданскую” учебу в Менделеевский институт (чем, кстати, они были очень недовольны). По-видимому, такая причина была, но я ее не знаю. Кстати, тогда в Москву уехал и П.Н. Демичев, через два года закончивший Менделеевский институт, но так и не ставший химиком. В институте он стал секретарем парткома и практически сразу после получения диплома перешел на партийную работу, сначала в Советский райком г. Москвы, после в горком партии, а затем поднялся до поста секретаря ЦК КПСС, побывав перед этим какое-то время начальником охраны Н.С. Хрущева. Свою карьеру этот парень из калужской деревни закончил в должности министра культуры. Его тягу к культуре мы заметили еще в Самарканде. Он имел возможность свободного выхода в город и нам, находившимся на казарменном положении, всегда по возвращении приносил газеты...

Подошел конец учебы. На выпускном экзамене в билете мне достался вопрос о взаимодействии химических войск в момент наступления пехотной дивизии. Я успешно “спланировал” это наступление, правильно расставив на местности подразделения химзащиты и верно определив их задачи, и получил за это пятерку. Нужно было получать диплом, но документов о предыдущей учебе у меня не оказалось. На счастье “Тимирязевка” тоже была эвакуирована в Узбекистан, и мне удалось получить академическую справку на месте, причем из рук Н.В. Вильямса. Такую же справку из МИТХТ пришлось запрашивать по телеграфу. В сумме у меня прослушанных “часов” и сданных экзаменов получилось намного больше, чем это предусматривалось программой Академии химзащиты, и я получил диплом с отличием.

Надо сказать, что во время учебы в Самарканде в период Сталинградской битвы я три раза подавал заявление с просьбой принять меня в партию и отправить на фронт. На фронт меня не отправили, сказав: “когда нужно будет, отправим”, а в партию приняли.

## Я – ОФИЦЕР ХИМИЧЕСКИХ ВОЙСК

Некоторое время спустя нас отправили в Москву. Ехали снова в товарных вагонах, но в приподнятом настроении: во-первых, с дипломами в карманах, во-вторых, с солидными запасами продовольствия, закупленного в Узбекистане. Через неделю после приезда в столицу мы получили назначения на службу.

Меня, как отличника, направили в Главное военно-химическое управление Красной Армии. В отделе кадров управления, располагавшегося на Ново-Рязанской улице, со мной познакомилась и решили определить в отдел изобретательства. Начальник этого отдела долго со мной беседовал и в итоге представил меня к зачислению на службу в качестве своего помощника. Начальником нашего Главного управления был генерал В.В. Аборенков – заместитель наркома обороны и одновременно начальник главного управления гвардейских минометных частей. Заместителями у него были: по политической части – Чухнов, первым замом – генерал Кубасов, который занимался вопросами тактики; техникой занимался заместитель начальника главка генерал Лебедев.

С последним из них я встречался наиболее часто, это был интереснейший человек и большая умница. Кстати, судьба его не совсемординарна. А.П. Лебедев в самом начале войны был в действующих войсках и попал в окружение на Западном фронте, причем выходил из немецкого котла в одиночку. Он рассказывал мне об этом своем “приключении” и, в частности, о том, как, попав к своим, на радостях подарил свой пистолет первому встретившемуся ему советскому солдату. Известно, что многих из окруженцев ожидала трудная или печальная участь после фильтрации в СМЕРШе (фронтowej контрразведке, именовавшейся “Смерть шпионам!”). Однако Александр Петрович, по-видимому, имел достойные репутацию и авторитет, и поэтому не только не был лишен звания или репрессирован, но и назначен на ответственную должность.

Он очень интересовался моей работой, особенно выполнявшимися по его поручению моими архивными изысканиями. Кроме текущих дел я в то время изучал в архивах историю деятельности “харьковской группы” ученых, впервые в нашей стране подступавших к проблеме создания атомного оружия. Перед войной эти ученые попали в ГУЛАГ и, вероятно, были уничтожены, об этом я не знаю, но их документация и переписка попали в наш архив.

В мои обязанности также входила оценка рационализаторских предложений и изобретений, некоторые из которых я направлял на отзыв известному химику А.В. Фокину. Он давал мне ценные советы, получая за эту работу небольшие гонорары. Сегодня Александр Васильевич – академик, советник президиума РАН. Мы с ним соседи по даче и по креслам в зале президиума и иногда вспоминаем те времена.

Сначала главным объектом моего внимания было совершенствование противогаров, чем занималось сразу несколько научно-исследовательских институтов – ведомственных и академических, а потом разработка ФОГов (фугасных огнеметов) и РОГСов (ручных огнеметов),



Инженер-капитан химических войск

а также приготовление для них зажигательных смесей. Первые из них действовали по принципу управляемых на расстоянии мин, а вторые как переносное оружие.

Смеси для огнеметов изготовлялись на ликеро-водочном заводе в Лефортово, на берегу Яузы. Для этого не жалели ни ликера, ни водки. Работали дни и ночи, но было не до выпивки, потому что войска ждали и постоянно требовали от нас эту технику, и мне приходилось постоянно “мотаться” на испытания, которые проходили на Западном фронте. Испытания прошли успешно, и ФОГи, и РОГСы стали производиться серийно.

Режим работы в Главном управлении был таким же, как тогда везде. Административный аппарат

и военное командование приспособляло расписание своей работы к режиму дня Сталина. Тот любил работать по ночам, и все и всегда должны были быть “под рукой”. Наш рабочий день начинался в девять и заканчивался в шесть, его же начинался часов в одиннадцать—двенадцать и затягивался до глубокой ночи. При этом все должны были находиться на месте. Поэтому в годы войны редко кто из нас ночевал дома, в том числе и я, хотя к тому времени я уже имел комнату в общежитии Военно-химической академии. Да и что мне было в ней делать, если семьи у меня тогда еще не было, да и питался я на работе.

Кроме “бумажной работы” и командировок на испытания образцов вооружения, во время войны у меня было много других поездок в тыл и на фронт, которые мне запомнились.

Первая из поездок была в Казань, где я должен был побывать в президиуме Академии наук и в академическом НИИ, который занимался усовершенствованием фильтров для противогаса. Там со мной произошел неприятный случай: в поездке у меня высыпала на руках густая красная сыпь. С такими руками мне было неудобно явиться на прием в Академию. Я бросился в поликлинику, откуда меня направили в кожно-венерологический диспансер. Чувствовал я там себя ужасно неловко: офицер и в венерологическом диспансере. Но все обошлось, сыпь оказалась аллергического происхождения, и от выписанной мне доктором мази она за сутки исчезла.

Из Казани я на пароходе поднялся вверх по Волге до Гороховца, где находился полигон Академии. Там у меня тоже были “противогазные” дела, и я, занимаясь ими, вспоминал, как когда-то проходил здесь практику под командованием двух замечательных командиров – генера-

ла-лейтенанта Ключева, который вел у нас тактику, и генерала с необычной фамилией – Загю, проводившего с нами занятия по организации войск тыла. Оба они были в прошлом царскими офицерами, а Ключев еще при царе был генералом. У них, кроме специальных знаний, было чему поучиться.

В работе над новыми фильтрующими устройствами для противогазов участвовал целый ряд отраслевых и академических институтов, в том числе один ташкентский. Кстати, и испытания новых фильтров мы проводили в горах Тянь-Шаня. Однажды, получив машину в штабе Среднеазиатского военного округа, я вместе с группой инженеров и офицеров направился по автотрассе Ташкент–Душанбе (тогда Сталинабад) в сторону Ура-Тюбе, древнего городка, расположенного в северных предгорьях Туркестанского хребта в 45 км от таджикского областного города Ленинабада (Ходжента).

На выезде из города нужно было проехать контрольно-пропускной пункт. Начальник КПП, проверив наши документы и поклажу, попросил нас взять с собой попутчика, направлявшегося в район Бекабада, что был на полпути к Ура-Тюбе. Как нам объяснили, это был раис (по-узбекски, председатель колхоза), которому нужно было срочно добраться домой. Мы посадили нашего раиса в машину, его мешки уложили в багажник и тронулись в путь. Оказалось, что эти мешки были набиты деньгами. По дороге, испытывая голод и жажду, мы намеревались передохнуть и перекусить в какой-нибудь чайхане, но эти придорожные заведения в годы войны были в таком ужасном санитарном состоянии и были забиты такой публикой, что мы на это не решились. Видя это, раис пригласил нас к себе домой. В районе Бекабада мы свернули с трассы и заехали в кишлак нашего раиса, и он разместил нас в своем подворье, предложив немного отдохнуть, пока будут готовить завтрак.

Когда через некоторое время нас пригласили к завтраку, мы оказались за праздничным столом. Дело в том, что пока раис был в Ташкенте, его жена родила дочь, и хозяин (интересно, что это слово пришло к нам в Россию с Востока: и по-узбекски, и по-татарски, оно звучит как “ходжайин”) с друзьями и аксакалами решил отметить это событие. Хотя он был не совсем доволен своей женой, поскольку ожидал сына, стол по военному времени был великолепный. Посреди стола стоял большой ляган (блюдо) с жареным бараном, голову которого поставили передо мной, объяснив, что, по узбекскому обычаю, она подается самому почетному гостю. На мой вопрос, почему мне присвоено такое звание, мне объяснили, что я на своей машине привез в колхоз два мешка... денег. Оказывается, раис перед нашей встречей продал в Ташкенте целую машину колхозного изюма, кстати, вместе с грузовиком, и теперь его хозяйство на какое-то время было обеспечено наличными оборотными средствами. Он был очень доволен, что под охраной людей в военной форме благополучно доставил деньги до места. С бараньей головой, чесно говоря, я без привычки так и не управился и передал ее тем, кто разбирался в такого рода угощениях.

После завтрака мы отправились в горы работать. Испытания фильтров дали хорошие результаты, и в прекрасном настроении мы вернулись в Ташкент. По дороге мы снова сделали привал у нашего но-

вого знакомого. Снова было доброе угощение, и на рассвете, который в узбекских горах необыкновенно живописен, вся его многочисленная семья высыпала во двор, чтобы проводить нас в дорогу. И вот здесь я, сам того не зная, опростоволосился, подав руку жене раиса для рукопожатия. Добрая улыбка немедленно исчезла с его лица, и прощанье прошло довольно прохладно. Потом мне объяснили, что я ни в коем случае не должен был оказывать знаки внимания жене раиса и тем более прикасаться к ней рукой. Ей Богу, знал бы об этом заранее, так ни за что бы этого не сделал...

Самое яркое из воспоминаний о поездках военного времени связано у меня с посещением родного дома. В 1944 г., когда наши войска освободили Запорожье, я получил разрешение съездить навестить родных, за которых очень волновался, особенно в период оккупации Украины. Захватил с собой гостинцев, не забыв про соль, которую во время войны добыть было нелегко (а как крестьянину без соли?), и в поезд. На станцию прибыл ночью и пешком отправился в родную Преображенку. Сопровождаемый голодными и злыми собаками подошел к своей мазанке и, прежде чем постучать в окно, стоял и думал: вот я сейчас постучу, а кто мне откроет? Живы ли мои родные, здоровы ли?

Уходя в армию, я поручил вахтеру нашего общежития периодически посылать моей семье оставленные мной ему коротенькие письма – “жив, здоров, чего и вам желаю”, чтобы они за меня не волновались. Ответов я не получал.

Я постучал в окно, в нем мелькнула тень и мамин голос спросил: “Кто там?” Я отвечаю: “Коля”. Стою, не открывают. Я начал стучать еще, и через некоторое время мне открыл отчим. Увидев меня, он обомлел от радости, обнял меня, и мы бросились поднимать с пола маму, которая упала в обморок, узнав мой голос. Через пять–десять минут она пришла в себя, заплакала от радости, обняла меня и долго-долго не отпускала.

В это время отчим отлучился, и его не было минут двадцать. Смотрю, он появляется с четвертью самогона в руках. Оказывается, она у него еще давно была закопана в огороде, а для того, чтобы достать ее ночью из мерзлой земли, понадобилось какое-то время. Мама немного отошла, пожарила яичницу, и мы сели за стол. На столе было сливочное масло, и я спросил, откуда оно? Оказалось, что несмотря на то, что немцы, уходя, либо забирали скот, либо уничтожали его, обливая керосином и сжигая, отчим сумел сохранить нашу коровенку. В углу огорода он выкопал для нее окопчик “полного профиля”, т.е. на весь ее рост, и спрятал туда корову, снабдив ее сеном и водой на время пока немцы не уйдут из села. Воду она, конечно, выпила сразу, но вот что интересно и замечательно: ровно трое суток она, голубушка, не мычала, ничего не просила, как будто чувствовала, что нужно соблюдать конспирацию. Немцы ее так и не нашли... Людям в деревне повезло меньше: немцы вывезли с собой все взрослое мужское население, а молодежь, особенно девушек, они группами отправляли на работу в Германию в течение всего периода оккупации.

Наутро в селе узнали, что я приехал, и во дворе нашей хаты собрались почти все соседи – дети и старики. Отчим выкопал из земли еще

одну четверть, и начался праздник. На нем присутствовал наш председатель колхоза, оставленный Советской властью в селе для подпольной работы и выживший несмотря на все беды и трудности; многие подпольщики, в том числе брат отчима, были расстреляны по чьему-то доносу. Наш председатель был таковым до войны, долго еще после войны и даже во время оккупации. Дело в том, что немцы колхозы не распускали; они по достоинству оценили сталинскую идею и сталинский опыт коллективизации, показавший, что с коллективизированным крестьянством “работать” намного легче, эффективнее и организованнее, нежели с частником.

Через два дня я простился с родителями, соседями и пошел на станцию; добрался до Запорожья, где стал ожидать поезд на Москву. Расписания не было, вокзал был разрушен, а так как билет у меня был, комендант разрешил мне скоротать время в вагоне стоявшего на путях поезда, который, по его мнению, скоро должен был отправиться в Москву. Я забрался в вагон через окно, так как двери в нем были закрыты, и расположился. Вскоре у меня неожиданно появился сосед, подполковник авиации. Это оказался летчик по фамилии Глинка. Он и его брат были известнейшими асами, героями Советского Союза. У каждого из нас был с собой кое-какой “домашний паек”, мы совместными усилиями накрыли стол, на котором была нехитрая закуска, немного самогона и, конечно, украинское сало.

Сегодня в моду вошли анекдоты про сало и украинцев. Могу авторитетно подтвердить, что эта тема для шуток имеет реальный и прочный фундамент. В одном из моих любимых анекдотов на эту тему рассказывается об объявлении в газете “Вечерний Киев” следующего содержания: “Меняю текинский ковер 2 на 3 метра на шматок сала такого же размера”. Я бы не удивился, если бы такое объявление было напечатано взаправду.

Мы с Глинкой не заметили, как поезд тронулся. На второй день пути мы в хорошем настроении прибыли в Москву. Там наши пути разошлись: ему – в летнюю часть, мне – в Главное военно-химическое управление.

Через много лет судьба свела нас снова. Я, уже будучи академиком, летел по делам в Лондон. Стюардесса объявила, что командиром экипажа пассажирского лайнера является Глинка. Я ринулся в кабину экипажа, он меня узнал, и мы еще долго просидели в этой кабине за закуской, которую подала нам милая стюардесса, и вспоминали молодые годы.

По возвращении в Москву я застал в управлении некоторую тревогу. Прошла информация, что якобы в Крыму немцы применили химическое оружие. Когда мы проверили ее, она оказалась ложной. Химическое оружие во Второй мировой войне не применялось ни одной из сторон. Правда, вероятность этого была. Так, во время одной из командировок в Белоруссию я обнаружил немецкий склад с химическими снарядами. Два снаряда я отвез в Москву на исследование, остальные были уничтожены.

Во время службы в Главном военно-химическом управлении у меня случился заочный “конфликт” с И.В. Сталиным. Может быть, ска-

зано громковато, да и со Сталиным я не встречался, но что было, то было. Случилось так, что однажды, когда я находился на ответственном дежурстве в управлении, возникла необходимость послать донесение Верховному главнокомандующему о состоянии химических войск, подготовленное нашим оперативным отделом. Такого рода документы, имевшие гриф секретности “серии К” (высшая форма секретности), направлялись в специальных двойных конвертах. Дело было глубокой ночью, и я никак не мог найти новый конверт. Но зная, что отправка очень срочная и по этому вопросу уже был звонок от Поскребышева (секретаря Сталина), запаковал донесение в конверт, уже однажды использованный, и отправил его с прибывшим из Кремля фельдъегерем. Вечером, после дневного отдыха, я пришел в управление, и меня поздравляют с понижением в звании. Оказывается Верховный ночью выразил Поскребышеву неудовольствие по поводу того, что для него не нашлось чистого конверта. Тут же генералом Аборенковым был подписан приказ о снятии с моих погон одной из четырех звездочек. Хорошо, что не последовало других наказаний, а через полгода меня снова произвели в капитаны.

В конце войны я оказался на территории Польши в качестве адъютанта генерала Лебедева. В это время тщательно проверялось состояние химической защиты наступающих войск, поскольку, по мнению политического руководства, в момент агонии фашистского режима вероятность химического нападения со стороны немецкой армии возросла. Думали, что Гитлер перед своей гибелью может пойти на все.

## ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ПОВЕРЖЕННОМ БЕРЛИНЕ

В Берлин мы с генералом Лебедевым прибыли сразу же вслед за нашими наступавшими войсками, можно сказать, в их втором эшелоне, и были расквартированы в Карлсхорсте – той же восточной части города, где находился штаб Г.К. Жукова, неподалеку от немецкого военно-инженерного училища, в бывшей столовой которого 8 мая произошло подписание акта о капитуляции Германии.

С Александром Петровичем мы жили в одном особняке, хотя сначала нам было предоставлено два, но они были очень большие для одного человека, да и нам друг без друга было скучно. Скажу больше, мне было приятно делить общий кров с генералом Лебедевым, поскольку он был моим любимым начальником, глубоко мыслящим, интересным, да и просто приятным человеком, каждой минутой общения с которым я очень дорожил.

При вселении в этот особняк произошла небольшая заминка. Когда я вошел в дом, то у дверей увидел небольшой ящик, загораживавший вход. Что там, может быть мина? Я решил, не вызывая саперов, разобратся с этим ящиком сам. Спрятавшись за углом, я пару раз выстрелил в этот ящик из пистолета. Взрыва не последовало, и через минуту выяснилось, что я прострелил ...пишущую машинку, брошенную быв-

шими хозяевами при бегстве. Хотя она была и с латинским шрифтом, все равно было жаль испорченной вещи.

Вслед за этим я тщательнейшим образом обследовал дом от крыши до подвала и в котельной под кучей угольных брикетов нашел спрятанный бывшими хозяевами комплект: знамя со свастикой, два пистолета и полмешка патронов. Мы избавились от этих трофеев, больше ничего опасного не нашли и остались там жить и работать.

А работы с первых же дней было невпроворот. Перед нами стояла нелегкая задача: разобраться с трофейным химическим хозяйством немецкой армии, с оставшимся в целости научно-техническим потенциалом в этой области, и подготовить предложения о том, как с ним поступить. Отмечу, что зачастую у нас возникали разногласия с “сабуровцами”, занимавшимися вывозом из Германии материальных ценностей. Мы, подобно американцам, вывозившим из побежденной страны прежде всего “мозги”, считали нецелесообразным производить большие затраты на вывоз морально устаревшего производственного оборудования, чем особенно и зачастую бездумно увлекались “сабуровцы”. Многие из вывезенного ими тогда так и не было использовано.

Первое свое задание в Берлине я выполнял на тщательно огороженном со всех сторон небольшом островке в районе Шпандау, где располагался химический центр гитлеровской армии, создававший боевые отравляющие вещества (БОВ). Мне было поручено побеседовать с местной профессурой, которая осталась там в полном составе. Осталась во многом потому, что еще при Гитлере никого оттуда не выпускали, даже умерших хоронили на этом же островке. Право входа и выхода из этого центра имели единицы: большое начальство и работники, обеспечивавшие жизнедеятельность центра. Последние, видимо, и не знали, кого и что они обслуживают.

Когда речь зашла о БОВ, немцы замотали головами, мол, ничего подобного они не знают и не ведают. Я не стал им угрожать, не стал запугивать, а со спокойным видом начал писать на доске химические формулы. У меня были частичные результаты анализов, проведенных в Москве, однако полной информации не было, и я писал практически наугад. Написал одну формулу, они мотают головами, написал другую – то же самое. В конце концов, опять же наугад я дописал одну из формул и попал в точку. Это я понял по реакции аудитории: началось волнение, крики, мол, кто предатель? Наша бригада забрала из этого центра документацию и реактивы, а людей оставили на островке под охраной. Что с ними произошло дальше, не знаю.

В Кайзеровском институте Германской Академии наук нами был обнаружен тогда единственный в мире электронный микроскоп. Мы были там с Валентином Алексеевичем Каргиным из института им. Л. Я. Карпова. Каргин впоследствии стал академиком и прославился как крупнейший специалист в области высокомолекулярных соединений.

В электронных микроскопах тогда ни он, ни я толком не разбирались, но мне сразу не понравилось предложение руководства пригласить для разборки микроскопа взвод солдат. Я попросил у начальства машину пшенной крупы и полмашины сахара и сказал, что никаких

солдат мне не надо. Получив эти припасы, я пригласил немца – начальника лаборатории – и сказал, что, если его сотрудники помогут разобрать и упаковать прибор, их будут кормить хлебом, сладкой кашей и будут давать им кое-что домой. Не секрет, что в Германии в те дни царил голод.

Вы бы видели, с каким тщанием и аккуратностью, по винтику, по кирпичику, было разобрано это не маленькое в те времена сооружение и как хорошо оно было сложено и упаковано в ящики. Электронный микроскоп в отличном состоянии был сдан начальству, и В.А. Каргин с ним уехал в Москву.

Наступил великий день 9 мая. Генерал Александр Петрович Лебедев, его помощник полковник Михайлов и я были приглашены в одну из частей химических войск с тем, чтобы отметить этот великий праздник, праздник долгожданной и выстраданной победы. Через сорок лет поэт предельно точно, на мой взгляд, назвал его праздником “со слезами на глазах”.

За нами прислали машину и привезли в имение Лея, находившееся недалеко от Берлина. Для отдыха нам отвели небольшой флигелек, где раньше жил портной фашистского лидера Трудового фронта. Обед был накрыт в большом зале главного особняка. Войдя в зал, я обомлел, увидев на столе огромный торт площадью метр двадцать на метр двадцать и высотой метра полтора, причем венчалось это сооружение красивым сахарным деревом. Этот торт соорудил, “тряхнув стариной”, повар этой части, до войны работавший кондитером одного из лучших ресторанов Москвы – “Гранд Отеля”. Мне было сказано, что этот торт связан и с моим днем рождения, который я отмечаю 9 мая.

Я попросил до конца вечера не резать торт на куски, чтобы подольше им полюбоваться. Мою просьбу приняли с улыбкой, а чай и кофе пили, заедая “отходами производства” от этого же торта, которых было много и которые были очень вкусными. Стол, по меркам военного времени, был весьма богатым, однако мы за ним особенно не засиделись. Я тогда толком еще почти ничего не понимал в выпивке, да и рано утром предстояло ехать в нашу собственную часть. Ехать нужно было далеко и по глухим местам, где еще было полно фашистских недобитков (“оборотней”), фанатичных и очень опасных. Рано утром, с сожалением оставив красавец-торт, который не помещался ни в одну легковую машину, мы отправились в свой батальон химзащиты поздравить бойцов с победой. Нас встретили радушно, живо интересуясь новостями из Берлина. Командиром батальона был отличный офицер, интеллигентный и приятный в общении человек. Кстати, через несколько лет жизнь свела нас снова, когда он был назначен служить на военную кафедру МИГХТ, где я уже стал проректором.

Батальон располагался в лесистой местности. В части была праздничная обстановка, играл оркестр, в богатом юнкерском (т.е. помещицьем) доме, окруженном рвом с водой, был накрыт стол, там же при желании можно было и отдохнуть. Несмотря на общую праздничную обстановку, меня начала охватывать непонятная тревога. У меня появилось подсознательное ощущение, будто мы представляем собой гро-

мадную, открытую на все стороны мишень. Я обратился к Александру Петровичу с советом перейти из помещичьего особняка в домик, отвешенный нам для ночлега, и, если есть желание посидеть еще за столом, попросить, чтобы нам принесли угощение туда. Генерал со мной согласился, а на другое утро благодарил меня за интуицию и себя за то, что принял мой совет. Дело в том, что ровно в час ночи помещичий дом был расстрелян из лесу пулеметами и от него остался только обгоревший остов. Никто из наших солдат, к счастью, не погиб.

Но одним этим наше “веселье” не закончилось. Наутро командование ожидало нас в Берлине, нужно было выбираться. Но как это сделать, ведь мы вполне могли нарваться на засаду, а единственный проселок, выводивший нас на охраняемое шоссе, был наверняка заминирован. Пока вызовешь саперов, у которых в те дни работы было и так по горло, и они проверят 15 км сельской дороги, пройдет несколько суток, а нам нужно было торопиться.

И тут всех нас снова спасла моя интуиция. Мы, конечно, не могли поступить так, как делали фашисты: выгнать впереди себя местных жителей и следовать за ними, обрекая их на почти верную смерть. Я предложил поступить иначе: взяв с собой охрану на случай засады, пустить вперед себя шестерку лошадей, запряженных цугом попарно. Так и сделали, а я как в воду глядел: через пять километров – взрыв, через десять – еще один, на пятнадцатом – третий! После каждого взрыва мы возвращались в деревню за новыми лошадьми, запрягали их и снова отправлялись в путь. Таким образом, никто из людей, включая и немецких ездовых, не пострадал, а, достигнув автобана, дальше мы уже доехали без происшествий. Вздохнули легко только тогда, когда прибыли на место, а по красавцам упряжным коням-тяжеловозам (не знаю, были ли это брабансоны, першероны или арденны) мое крестьянское сердце ныло еще долго.

Так заканчивалась война. Кто-то под звуки марша “Прощание славянки” счастливый возвращался домой, кто-то оставался служить еще несколько лет, кто-то в последние дни войны лег в землю Германии, Чехословакии, Венгрии или Польши.

С одним из русских людей у меня был долгий душевный разговор в селении, где квартировал наш батальон. Это был комендант деревни, назначенный на эту должность после беглой проверки СМЕРШем, бывший военнопленный, выкупленный местным помещиком из концентрационного лагеря и ставший у него “остарбайтером” или попросту рабом. Таких комендантов было много, они на какое-то время оказались весьма полезными советскому командованию, так как знали местные условия и сносно говорили по-немецки. Когда он рассказывал мне свою грустную историю о том, как оглушенный и контуженный попал в плен, какие мытарства испытал в лагере и в помещичьем ярме, в глазах его отражалась глубокая тоска и светилась только одна думка: что же с ним будет дальше? Дальнейшей его судьбы не ведаю, но знаю, что многие из этих людей вернулись домой из Германии через Сибирь или Колыму, а многие не вернулись вовсе.

Он проникся ко мне симпатией наверное потому, что я был первым из советских офицеров, кто терпеливо и с искренним сочувствием его

выслушал. На память о нашей встрече он вручил мне охотничье ружье высочайшего класса “Зауэр – три кольца”. Эта марка до сих пор считается лучшей в мире. Думаю, здесь не было никакой задней мысли, ведь помочь ему я не мог ничем.

Не будучи охотником, не собираясь впоследствии им становиться и зная о том, что Александр Петрович Лебедев настоящий и страстный любитель этого дела, имевший коллекцию оружия и других охотничьих снастей, державший породистых легавых собак и прочее, я не мог не подарить ему это ружье. Но не зря говорят, что дареное не дарят, и Александр Петрович вскоре лишился своего “Зауэра” при следующих обстоятельствах. Вернувшись в Берлин, мы формально отчитались о нашей поездке в войска перед первым заместителем начальника Главного военно-химического управления генералом Кубасовым, перед этим рассказав обо всех своих приключениях его сыну, который служил у своего отца адъютантом. Не знаю, то ли сам Кубасов был охотником, то ли его сыну захотелось стать обладателем “Зауэра – три кольца”, но Александра Петровича вынудили расстаться с моим подарком. Впрочем новым хозяевам это приобретение также не пошло впрок. До нас дошел слух, что на полпути между Варшавой и Брестом, в районе седлецких болот, колонну автомобилей, в которых ехала команда Кубасова, остановили то ли власовцы, то ли “крайовцы”. Бандиты подчистую обобрали весь обоз, забрав даже совершенно не нужное им химическое оборудование. Не решившись расстрелять наших офицеров, они раздели их до нижнего белья, в котором им и пришлось добираться до Бреста. Когда через несколько дней мы проезжали той же дорогой, то в Седльце нам эти слухи подтвердили.

Когда наша колонна в Бресте пересекла польско-советскую границу, Александр Петрович разрешил мне возвратиться в Москву поездом. Со мной в купе ехал пехотный полковник, оказавшийся добрейшим и словоохотливым человеком, в увлекательных беседах с которым мы коротали время поездки. Поначалу его беспокоила проблема, заключающаяся в том, что вот вроде едем по родной земле, возвращаемся домой победителями, а выпить нечего. Проблема эта разрешилась довольно быстро, так как выяснилось, что у меня с собой имеется канистра с французским ликером, и я не прочь угостить им своего соседа. Когда мы выпили по кружке “Шартреза”, закусив его куском ржаного хлеба (офицерский бонтон!), мой сосед с удивлением узнал, что это единственный трофей, доставшийся мне в Германии. Порывшись в чемодане, он сначала вручил мне мужские трофейные часы, а потом еще и женские, сказав, что если я сейчас и не женат, то в конце концов все равно женюсь и вторые часы мне обязательно пригодятся. И те, и другие часы мне, действительно, пригодились в первые послевоенные голодные годы. Меняя их на хлеб на толкучке у Тишинского рынка, я с благодарностью вспоминал своего попутчика.

## ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА: РЕШАЮЩИЙ ПОВОРОТ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Через какое-то время после возвращения на службу в управление я стал скучать. Война закончилась, и моя работа постепенно стала превращаться в рутинное канцелярское занятие. Первые попытки уйти на “гражданку”, чтобы заняться научной и преподавательской деятельностью, закончились неудачей. Александр Петрович Лебедев не хотел отпускать меня, да и не имел на это формального права, тем более что у меня был диплом о специальном военном образовании, да еще с отличием. Я никак не мог найти выхода из этой ситуации до тех пор, пока не встретил своего старого товарища по “Тимирязевке”, в то время учившегося в Высшей партийной школе (ВПШ). Он-то мне и посоветовал добиться рекомендации для учебы в ВПШ, ибо такой “партийный снаряд может пробить любую бюрократическую броню”. Мой товарищ оказался прав. Я обратился к секретарю нашего райкома Екатерине Алексеевне Фурцевой, с которой у меня состоялся долгий разговор, и она написала небольшое письмо в ЦК ВКП(б). Вскоре было вынесено решение, подписанное М.А. Сусловым, о том, чтобы меня демобилизовать и направить на учебу в ВПШ.

Соскучившись по учебе, которую любил с детства, я полностью отдался занятиям. Среди наших преподавателей были известные партийные и государственные деятели, в ВПШ работали их жены и родственники. Так, парткабинетом и библиотекой там заведовали жены соответственно К.Е. Ворошилова и А.А. Жданова. Там судьба вновь столкнула меня с Георгием Федоровичем Александровым, который работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а потом и в Институте философии АН СССР, совмещая эту работу с должностью ректора ВПШ. Как раз в это время, в 1946 г., он стал академиком. В те дни, когда он приезжал читать лекции, его заместитель Митронов приказывал выстилать лестницу и коридор, ведущие к актовому залу, ковровой дорожкой.

Помню и состоявшееся в ВПШ последнее публичное выступление “всесоюзного старосты” Михаила Ивановича Калинина, интереснейшего человека, кстати, вступившего в коммунистическую партию на пять лет раньше В.И. Ленина, а также с октября 1919 г. по март 1946 г. являвшегося фактически безвластным, но формально высшим руководителем нашей страны (с 1919 по 1922 г. – председателем ВЦИК РСФСР, с 1922 по 1938 г. – председателем ЦИК СССР и с 1938 по 1946 г. – председателем Президиума Верховного Совета СССР). Скончался Михаил Иванович 3 июня 1946 г.

Во время этого выступления ему задали вопрос, почему он, человек уже пожилой, женился на молодой девушке. Михаил Иванович ответил в стиле Плевако: “Я революционер с шестидесятилетним стажем, всю свою жизнь отдал борьбе за счастье народа, так неужели вам жалко для меня одной комсомолочки?”. Все засмеялись, зааплодировали, и этой шуткой вопрос был исчерпан.

Несколько иное впечатление произвело на нас выступление Александра Январевича Вышинского, который в то время был заместителем министра иностранных дел. Этот человек сделал себе карьеру политического деятеля, выступая обвинителем на приснопамятных судебных процессах 30-х годов, и карьеру ученого-юриста, подводя теоретическую базу под ежовщину и бериевщину. Он и перед нами выступал в прокурорской манере, в частности обвиняя во всех грехах ООН и суля ей разгон, если эта организация и дальше будет вести себя как политическая проститутка. Только один из двухсот слушателей заплодировал этим словам, да и то, наверное, “для протокола”.

Кроме ученых и политических деятелей нас в ВПШ посещали и знаменитые артисты. Не знаю почему, но более всего мне запомнилось выступление великой русской актрисы Александры Александровны Яблочкиной, которой в том году исполнилось 80 лет. Из них 60 она провела на подмостках сцены Малого театра. К сожалению, мне не удалось застать ее в ролях молодых героинь, но у “великих старух Малого театра”, как их тогда называли, а именно у несравненных и незабвенных Турчаниновой, Рыжовой и Пашенной, она была бесспорным лидером.

Из известных сегодня политических деятелей тогда моим однокурсником (мы с ним учились в одной группе) был Александр Яковлев, с которым на одном из семинаров у нас завязался серьезный спор по поводу высказанного им тезиса о “пользе войны”. А. Яковлев отстаивал известный взгляд на войну как на двигатель научно-технического прогресса, я же утверждал, что прогресс, достигнутый ценой даже не миллионов человеческих жертв, но и, как говорил Федор Достоевский, ценой только “одной слезы ребенка”, аморален и никому не нужен. Кто из нас был прав, пусть рассудит читатель. А материальные затраты? Дискуссия длилась академический час. Каждый остался при своем мнении. Аудитория молчала. Прекрасный, светлой памяти педагог Неверовская утихомирить нас не могла, а, может, не хотела.

Александр Николаевич впоследствии достиг должности главного идеолога КПСС, а ныне стал одним из главных антикоммунистов. Честно сказать, когда я наблюдаю по телевизору бывших коммунистических лидеров – в прошлом воинствующих атеистов, стоящих в церкви со свечками в руках во время пасхального или рождественского богослужения, мне смотреть на них по меньшей мере смешно. Размышляя над этим, я задаю себе вопрос о том, когда эти люди были искренни – вчера или сегодня? И я при этом спрашиваю себя: “Николай, сегодня, когда преступления тоталитарного коммунистического режима раскрыты и доказаны, стыдно ли тебе, что ты был членом партии?”. В искренность “перевертышей” я не верю вообще, а на второй вопрос отвечаю твердым “нет”.

Мое понимание этой проблемы, мое отношение к коммунизму и коммунистам опирается на следующие аксиомы. Во-первых, идея о свободе, равенстве и братстве по своей сути благородна и бессмертна. Во-вторых, коммунисты никогда не были и не могли быть однородной или, говоря “по-научному”, гомогенной массой, поскольку они были и есть живые люди. Не зря сказано: “Nihil homine est miserius aut superbius”

(“Ничего нет более жалкого и более великолепного, чем человек”). Были среди них и благороднейшие люди, и герои, а были и подлецы, и проходимцы. В-третьих, коммунизм как общественное движение по мере превращения из светлой мечты и теоретической идеи в повседневную реальность не оставался неизменным, а менялся и весьма существенно. Думаю, здесь уместно привести следующие слова из романа Ивана Ефремова “Таис Афинская” о том, что только в начале своего возникновения любая религия живет и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни – обряды, и все кончается лицемерием жрецов и их борьбой за сытую и почетную жизнь. Как точно и как верно сказано!

Я уважаю искренне верующих людей, истово совершающих церковные обряды и вне стен церкви неуклонно блюдущих каноны христианской морали – “не убий, не укради...”. И как презренны двуличные ханжи, готовые на любую подлость ради достижения личного благополучия и власти, и одновременно менторски проповедующие то ли с паперти храма, то ли с трибуны думы или партийного собрания!

Одни за идеи коммунизма были готовы идти на костер инквизиции, и я знал некоторых из них, например Че Гевару. Другие прикрывали красным кумачом свою личную мерзость, и я знал многих из них. Но для большинства, подчеркиваю, подавляющего большинства нормальных советских людей коммунистическая обрядность являлась, как бы точнее выразиться, обыденными “правилами игры”, о справедливости и правильности которых они не задумывались. Они просто жили, растили детей, строили дома и самолеты, занимались художественным и научным творчеством, давали по морде подлецам и, когда это было нужно, отдавали жизнь за свою Родину.

Да, я был членом компартии, да, я был ее нерядовым членом, да, я учился в ВПШ и чуть было ее не закончил. Но без ложной скромности скажу, что я никогда не использовал свой партбилет в меркантильных целях, я никогда не давал спуску подлецам, я всю жизнь трудился “как вол”: и когда был крестьянином, и когда был студентом, и когда был солдатом, и когда стал ученым. Я делал дело и, не задумываясь, ввязывался в конфликт с существовавшей властью, если она моему делу мешала или покушалась на плоды моего труда. Моя совесть чиста и мне есть чем отчитаться перед Богом и людьми, а грехи мои были и есть чисто житейские. Поэтому тому молодому человеку, который, не задумываясь, замазывает сегодня черной краской наше коммунистическое прошлое и всех коммунистов без разбору, я скажу: “Нет, мне не стыдно”, а потом спрошу его: “А ты, голубчик, сам в жизни сделал что-нибудь стоящее для людей, чтобы иметь право быть нашим бескомпромиссным судьей?”. Думаю, время все справедливо расставит по своим местам и воздаст каждому сторицей – и тому, кто пахал и строил, и тому, у кого на совести действительно тяжкие преступления.

Хочу поделиться с читателем еще одним парадоксальным наблюдением, связанным с судьбами социализма и происходящим сегодня у

---

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Об атеизме, религии и церкви. М., 1971. С. 470.

нас в стране возрождением церкви и религиозного сознания. Как писал Карл Маркс, “...религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм”<sup>1</sup>. Если эту цитату прочесть в обратную сторону, еще раз убедись, что наши “бывшие классики” кое-что соображали.

Наконец думаю, что мне следует выразить здесь и свое собственное отношение к религии. Искренне признаюсь, что не могу однозначно назвать себя верующим или атеистом, да и агностиком тоже. Наверное, ближе всего к правде было бы сказать примерно то же, что говорит о религиозности И.С. Тургенева поэт К.Д. Бальмонт: “Тургенев говорит: “...и если я не христианин, – это мое личное дело, пожалуй, мое личное несчастье”. Эти слова нужно принимать с оговоркой.

Тургенев не считал себя христианином, но он и не отвергал христианства. Он просто не прикасался к нему ни острым лезвием сомневающегося рассуждения, ни слабым касанием еле теплящегося благоговейного чувства. Считая точно установленными границы человеческого познания, Тургенев был умственно слишком честен, чтоб найти для себя религиозно-философское успокоение в таких сомнительного достоинства умозрительных находках, как демонические христианские порывы Достоевского или пресное поддельное буддийское христианство Толстого. Но религиозно-философский агностицизм, его глубоко грустное и великое “не знаю”, быть может, так же ценны в очах Всезрящего, как молитва молящегося и иступленность боговдохновенного. И если быть кротким, быть добрым, быть прямодушно-честным, прощать обиды, быть благородным и щедрым и любящим, и свято лелеять свое однажды выбранное дело, и, главное, любить, любить, любить, даже когда тебя не любят, даже когда топчут твоё сердце, – если все это означает быть христианином, – Тургенев христианином был, и неизмеримо больше, чем два великие его сверстника, только что названные”<sup>2</sup>.

Я продолжал учиться в Высшей партийной школе с увлечением. Особенно меня заинтересовали общественные науки, которые в инженерных вузах, где я учился, преподавались через пень колоду. Я даже стал мечтать об аспирантуре на кафедре политической экономии, которой тогда в ВПШ заведовал Г.А. Козлов, выпускник экономического отделения Института Красной профессуры, впоследствии работавший в Госплане, Госбанке и в партийном аппарате. Когда я пришел к нему с предложением подготовить под его руководством кандидатскую диссертацию по проблемам экономики научно-технического прогресса, Генрих Абрамович ответил мне твердым отказом, мотивируя его тем, что я по образованию инженер, а он берет только экономистов с университетским образованием. Я не затаил обиды и через 20 лет, будучи академиком, при обсуждении кандидатуры Г.А. Козлова на выборах его в члены-корреспонденты АН СССР проголосовал “за”.

Моя учеба в ВПШ длилась до того момента, пока ЦК ВКП(б) не издал постановления о ее преобразовании. Если ранее в ней производилось постградуальное обучение, т.е. обучение людей, уже имеющих ву-

<sup>2</sup> Бальмонт К.Д. Избранное. М., 1991. С. 555.



Группа слушателей ВПШ

зовский диплом, готовились специалисты высокой квалификации, способные к получению ученой степени, то теперь она превращалась фактически в обычный вуз. Тратить еще два года для того, чтобы получить еще один институтский диплом, я счел бессмысленным. Жалея о том, что я оставляю изучение истории и экономики, которые в ВПШ преподавались на высоком уровне и которые меня очень заинтересовали, я все же подал заявление об уходе. Но куда идти?

Я получил несколько предложений. От первого из них – стать мелким чиновником в Отделе науки ЦК – я отказался сразу. От второго – стать ректором вуза – тоже. Ну какой из меня ректор, если я не был даже кандидатом наук? Над третьим предложением – пойти партторгом ЦК на один из химических заводов – я некоторое время раздумывал, но как раз в эти дни на заводе произошел инцидент, при котором погибло несколько человек. Это, конечно, меня крепко напугало, и я принял твердое решение, над которым до этого много размышлял, – вернуться в свой родной институт. Это был последний крутой поворот в моей судьбе, и я вышел на свою “жизненную прямую”, с которой не схожу уже полвека. Остаток своей жизни я посвятил науке и высшей школе, о чем не жалею.

### “НЕКРАСОВСКАЯ ЗАДАЧКА” И КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Поскольку руки мои уже “отвыкли от пробирок”, а также потому, что у меня появился вкус к общественным наукам, я попросил ректора МИТХТ Г.Д. Вовченко допустить меня к аспирантским экзаменам не по какой-либо из технологических кафедр, а по кафедре экономики химической промышленности. Заведовал этой кафедрой Н.Н. Некрасов, впоследствии академик. Н.Н. Некрасов был известным экономистом-отраслевиком. Свои последние годы он посвятил региональной экономике, в том числе комплексным исследованиям по разработке генеральных схем развития и размещения производительных сил страны на перспективу, будучи заместителем, а затем и председателем СОПСа (Совета по размещению производительных сил).

Сначала Николай Николаевич, так же как и Г.А. Козлов в ВПШ, не хотел принимать меня в аспирантуру из-за моего чисто инженерного образования. Поскольку я настаивал, он предложил написать мне вступительный реферат на непростую, тем более для инженера, тему “Калькуляция себестоимости комплексных производств”. Что такое себестоимость я знал, с видами калькуляции (сметная, техническая, плановая, нормативная, проектная и отчетная) познакомился, но вот, что это за “комплексные производства” было для меня загадкой, и, чтобы в этом разобраться, мне пришлось здорово попотеть в Государственной научной библиотеке (ГНБ), которая располагалась тогда в здании Минчермета, в Китайском проезде, а впоследствии была отправлена в Новосибирск. Сидел я над рефератом дни и ночи, но он получился отменный, и после защиты я даже его опубликовал.

Скажу больше, Н.Н. Некрасов, думаю, намеренно загадавший мне непосильную для меня, по его мнению, “загадку”, во-первых, не предполагал, что мне удастся ее разгадать, а, во-вторых, так же, как и я тогда, не мог и подумать, что эта тема пройдет красной нитью через всю мою научную жизнь. Проблемы комплексного, по-возможности исчерпывающего использования ресурсов и оценка затрат, относимых на каждый из продуктов, получаемых в сложных совмещенных процессах, в течение многих лет были предметом моего пристального внимания. По времени я выделил бы два этапа воплощения относящихся к этому идей: первый этап нашел выражение в процессах химизации сфер производства и потребления их продуктов в народном хозяйстве и быту, второй был подчинен делу оптимизации функционирования народного хозяйства в целом, его отраслей и конкретных хозяйственных ячеек.

Конечно, тут не было четкого, явственного разделения. Комплекс-



С академиком Н.Н. Некрасовым

ное производство и оценка его результатов неминуемо выводили на единую задачу повышения эффективности как в рамках предприятия, так и на уровне всего народного хозяйства. А освоение оптимизационных расчетов создавало более совершенную базу для оценок результатов. В свою очередь, выполненное ранее обоснование целесообразности отдельных направлений химизации послужило подготовленной практической базой для самых первых, а потом и более сложных оптимизационных экономико-математических задач.

Раз я уж так далеко забежал вперед, вспомню и такой эпизод. В конце 60-х годов Л.В. Канторович как-то с мелком у доски стал пересказывать мне идеи В.В. Новожилова, приводящие к понятиям оптимально обусловленных оценок. Делал он это на близких ему примерах раскроя материалов и других машиностроительных технологий. В ответ я рассказал ему о расчетах ЦЭМИ, примитивных с точки зрения математика-профессионала, но к тому времени уже многократно использовавшихся для поиска максимального эффекта в области сопряженных нефтехимических производств. Помню, как приятно мне было услышать от такого высокого авторитета, что методика расчетов ЦЭМИ, по сути дела, вела в том же направлении, что и путь, пройденный Канторовичем, Новожиловым и Немчиновым, ставшими тогда лауреатами Ленинской премии.

Но вернусь к “загадке”, предложенной мне Н.Н. Некрасовым. За-

нявшись с молодым азартом методикой распределения затрат в комплексном производстве и будучи в общем-то начинающим экономистом, я тогда впервые натолкнулся на противоречия, содержащиеся в безраздельно господствовавшей в то время марксовой “теории стоимости”; утверждавшей, что любая новая стоимость возникает только в результате и в меру затраченного живого труда, а потому она просто переносится в изделия с использованными материалами.

На кафедру я представил реферат с описанием 20 или даже 22 способов “расправы” с затратами, обнаруженных мною в просмотренной литературе, чем немало удивил сотрудников кафедры и ее руководителя.

Николаю Николаевичу, подобно принцессе Турандот с ее загадками, деваться было некуда и “пришлось выходить замуж за Калафа”, т.е. принимать меня в аспирантуру. Как я потом узнал, его удивление объяснялось еще и тем, что эту тему для реферата он предлагал ранее еще двум аспирантам, которые с ней не справились. Они были приняты на кафедру ассистентами, да так ассистентами и остались. Своим удивлением Н.Н. Некрасов поделился с Г.Д. Вовченко, рекомендация которого, по-видимому, повлияла на то, что Николай Николаевич смягчил свое ко мне отношение. Вначале он предложил мне тему кандидатской диссертации, связанную с историей химической промышленности. Поработав пару месяцев над этой темой, я понял, что не хочу быть историком. Я пошел к Николаю Николаевичу и попросил другую, более “живую”, конструктивную и значимую тему. Он согласился со мной и предложил выбрать тему самому, что я и сделал, написав работу, в которой рассматривались актуальные проблемы отраслевой экономики. Диссертация называлась так: “К изучению технико-экономической эффективности комбинирования производства искусственного жидкого топлива и органического синтеза”.

Отправными моментами моего исследования в какой-то мере послужили работы Н.Н. Некрасова, гордившегося своим “сибирским происхождением” и уделявшего много внимания использованию энергетических ресурсов Сибири. В то время, не считая гидроэнергии, это были твердые энергоносители, так как до нефтяных богатств региона ни геологи, ни промысловики еще не добрались.

Работу я закончил быстро: за два года вместо положенных трех. Признаюсь, во многом это объясняется вполне прозаической причиной: аспирантской стипендии едва хватало чтобы прокормиться, а возможностей дополнительного приработка почти не было. Именно тогда я и отнес на Тишинский рынок подаренные мне в поезде трофейные немецкие часы.

Работа над кандидатской диссертацией была интересной и увлекательной, однако временами сопрягалась с некоторыми физическими и моральными издержками. Физические страдания объяснялись тем, что мне было нужно производить обширные расчеты, а средствами механизации, которыми я тогда располагал, были арифмометр “Феликс”, логарифмическая линейка (которую студенты называли “скрипкой”) и деревянные счеты. К концу дня руки от таких расчетов просто опухали, а от тугой ручки “Феликса” на пальцах вырастали мозоли.



Моя семья: жена Нина Владимировна,  
внучка Наташа, дочь Елена и зять Александр

Моральные же пытки мне устраивала соседка, жившая за тонкой фанерной перегородкой нашей коммуналки. Либо в отместку за треск пишущей машинки, на которой моя теща печатала диссертацию, либо просто “по доброте душевной”, уходя на работу, она включала на полную мощность свой громкоговоритель. Я пробовал не обращать внимания – не помогало, пробовал затыкать уши ватой или натягивать в летнюю жару на голову шапку-ушанку – то же самое. В конце концов, несмотря на то, что я был химиком, а не электриком, я все же нашел на

антресолях в коридоре ввод радиосети и замкнул провода булавочкой. Радио замолчало по всей квартире; вызванный соседями радиомеханик не смог найти повреждение, а через несколько дней, когда рукопись диссертации была готова, я также незаметно вынул свою булавочку. Как писал Корней Иванович Чуковский: “То-то стало весело, то-то хорошо!”. А у соседки было прозвище Цэфа, почему Цэфа – не знаю...

У читателя могут возникнуть вопросы, как я очутился в Сокольниках на 2-м Полевом пер. и откуда взялась теща, которая печатала мою диссертацию. А дело было так. Будучи аспирантом, я познакомился с симпатичной студенткой факультета тонкой химии Ниной. Мне с каждым днем она все больше и больше нравилась, через некоторое время мы поженились, и я переехал в Сокольники.

Свадьба, как тогда было принято, справлялась дома и достаточно скромно. С моей стороны был приглашен Н.Н. Некрасов, со стороны невесты – отец, мать, сестра и подруга. Не могу не сказать пару добрых слов о тесте Владимире Александровиче, с которым я был очень дружен. Он был инженером-строителем, добрым и порядочным человеком.

В 1950 г. родилась дочь Лена. В свое время она окончила МГУ, затем аспирантуру ИМЭМО АН СССР и защитила диссертацию на звание кандидата экономических наук. На занятиях по английскому языку она познакомилась с Сашей Тихоновым, тоже аспирантом, но Института государства и права АН СССР. Следующее поколение нашей семьи отмечало свадьбу более пышно, в ресторане “Прага” при большом стечении гостей. Приехала из Тулы мать Саши Наталья Филипповна.

Саша успешно окончил Университет дружбы народов, затем аспирантуру Института государства и права АН СССР, защитил диссертацию. В 1974 г. у наших детей родилась дочь Наташа, которая окончила Женевский университет и там же работает.

Мы с молодой семьей живем в дружбе и полном взаимопонимании. Да хранит их Бог...

## “РЕАКЦИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ” ХИМИКА В ЭКОНОМИСТА

Оглядываясь назад, я с уверенностью могу сказать, что именно в то время я окончательно превратился из химика в экономиста, хотя приверженность к этой отрасли промышленности осталась у меня на всю жизнь. Именно тогда я понял, что экономист-отраслевик – не сторонний наблюдатель, что роль его в развитии отрасли не менее, а может быть, и более важна, чем роль, скажем, исследователя или технолога. Я понял, что во многом роль экономиста в этом “триумvirате” может быть ведущей. Поначалу мне казалось, что главное, чтобы химик-исследователь придумал новый путь получения заданного ему вещества, а химик-технолог подобрал необходимое оборудование и уточнил параметры производственного процесса. А уж экономисту останется сделать бухгалтерские расчеты, сравнить ценность полученной продукции с необходимыми затратами, ну там прикинуть еще кое-что и все...

Постепенно, однако, мое представление о роли экономики (а значит, и экономиста) в развитии отрасли стало меняться, и впервые я серьезно задумался над этим, решая “некрасовскую задачу”. Толчком к этим размышлениям стали мои первые “вариантные” расчеты. Действительно, химики-исследователи и химики-технологи могут сегодня предложить десятки “рецептов” получения одного и того же вещества, а их предложения по созданию уже известных или новых продуктов ежегодно составляют толстые тома.

Эти предложения основываются на достижениях в развитии химической теории, на сложных экспериментах, т.е. на том, что создается в лаборатории, где специалисту все ясно и понятно, и “чем гениальнее, тем проще”. Однако, когда речь заходит о практической реализации этих предложений (особенно гениальных), то приходится спускаться на грешную землю, и все оказывается не так просто, как казалось в лаборатории. Ведь организация реального производства – это не рисование кружочков на карте, она невозможна без учета уже вполне реальных факторов, таких как: необходимые затраты денег и времени на разведку, добычу и доставку (а иногда и импорт) сырья, на конструирование и изготовление (а иногда – и довольно часто – импорт) оборудования; региональные различия в наличных резервах и в стоимости энергии, воды, рабочей силы и т.п. Расчеты только этих вариантов – это уже серьезное экономическое исследование, не говоря уже о необходимости учета затрат и эффектов в сопряженных отраслях, социального и экологического воздействия нового строительства и нового производственного объекта.

Прошло некоторое время, и я усовершенствовал свою методику учета затрат в сопряженные отрасли. Без ложной скромности я могу гордиться тем, что эта методика до сих пор и без существенных изменений используется на практике при расчетах расхода материальных и трудовых ресурсов для увеличения производства уже не только самих химических материалов, но и тепловой, и электрической энергии, дополнительного сырья и вспомогательных веществ, расходуемых при осуществлении всех рассматриваемых вариантов со всеми их различиями.

В период работы над кандидатской и после ее защиты я принял активное участие в государственной экономической экспертизе проектов развернувшегося после войны строительства промышленных объектов, в том числе химических производств. В частности, решались вопросы сооружения наиболее электроемких производств, которые следовало разместить вблизи проектировавшихся и строившихся тогда гидроэлектростанций, причем с самого начала предполагалось организовать там производство синтетического каучука на основе “классической немецкой” технологической схемы с использованием ацетилена, получаемого из карбида кальция.

Однако, по моим расчетам, использование углеводородного сырья абсолютно превосходило “классическую” схему и по экономии энергии, и по другим стоимостным показателям. Сторонники же карбидной технологии, заложенной в правительственных решениях, по-видимому, намеренно не учитывали в своих расчетах громадных капиталовложе-

ний на строительство ГЭС, существенную долю мощности которых предполагалось тратить на химическое производство.

Очевидная абсурдность такого решения не давала мне покоя и возбуждала во мне исследовательский азарт. В течение более чем полугода, работая – без преувеличения – дни и ночи, причем совершенно один, я разработал технико-экономические обоснования (ТЭО) по трем заводам синтетического каучука, привязанным к Сталинградской, Куйбышевской и Братской ГЭС. Вовлекший меня в эту работу Борис Сергеевич Короткевич – главный инженер института “Гипрокаучук”, умнейший и приятнейший человек с удивительным чутьем технолога, имевший от высокого начальства большое количество “наград” (девять выговоров), но, в конце концов, удостоившийся Ленинской премии, – не только поддержал мои выводы, но и отправил одновременно и мои ТЭО, и ТЭО “Гипрокаучука” далеко “наверх”. Дальше началась “борьба идей”, и вот как она проходила.

Варианты технико-экономических решений рассматривала Государственная экспертная комиссия под председательством тогдашнего президента АН СССР А.Н. Несмеянова. В зале присутствовало около 200 виднейших специалистов (практиков и ученых) разного профиля – химиков, энергетиков, строителей, экономистов.

Нужно заметить, что перед заседанием меня пригласил в свой кабинет начальник отдела химии Госстроя С.М. Тихомиров и в течение полутора часов уговаривал снять с обсуждения свои предложения. Я был непреклонен, и в результате все разработки были вынесены на рассмотрение комиссии.

Обсуждение представленных ТЭО было весьма детальным, страстным и затянулось до трех часов ночи. Большинство участников поддержало мои предложения, поскольку они основывались на здравом смысле и реальных технико-экономических расчетах, единственным же аргументом в пользу карбидной технологии было то, что они “упомянуты” в постановлениях ЦК партии и Совета Министров о “сталинских стройках”. В конце концов Государственная экспертная комиссия практически единогласно мои предложения одобрила. Против был только один голос – представителя Минхимпрома. Но насколько весомым оказался этот голос, я понял (точнее, мне дали понять) в то же утро.

Выйдя глухой ночью, но в хорошем настроении из здания Госстроя (оно и тогда располагалось напротив гостиницы “Метрополь”), я только через час оказался дома в Сокольниках, поскольку никакого транспорта в эту пору не было, а на такси денег не хватило. Смертельно уставший, я завалился спать, не имея сил отвечать на расспросы моих перепуганных домашних. И вот в десятом часу утра в коридоре нашей коммуналки раздался телефонный звонок, гораздо более продолжительный, громкий и требовательный, чем даже междугородный.

Сосед крикнул, что спрашивают меня. Действительно, строгий голос назвал мои имя и фамилию, а когда я подтвердил их подлинность, отчеканил: “С вами будет говорить Лаврентий Павлович Берия”. Тут я почувствовал как холодно моим ногам, ведь я выскочил в коридор в одних трусах. В те годы такая беседа не предвещала ничего хорошего,

тем более трудно было сообразить, о чем может быть между нами разговор.

Не сказав “здравствуйте”, в стиле очень занятого человека, меня спросили, я ли делал экономические расчеты по использованию энергии волжских электростанций. Я подтвердил это и тут же вспомнил разговоры о том, что именно Берия курировал в Политбюро эти стройки. Но когда его голосом было сказано: “Товарищ Федоренко, как это Вы при живом Сталине выступаете против сталинских строек?”, я почувствовал, что мороз продирает уже и мою спину. По тем временам это звучало как приговор окончательный и бесповоротный. Мои сбивчивые объяснения, что это, мол, не политическая акция, а всего навсего исследовательский подход, показывающий, насколько дешевле и проще технологически получаются нужные результаты, не были дослушаны до конца. Раздались короткие гудки. Немало дней потом я ожидал приезда “черного ворона” и продолжения этого прерванного разговора в других стенах, но, как ни странно, продолжения не последовало. Пронесло...

После этого звонка я поехал в МИТХТ, где меня ждал еще один телефонный разговор. На этот раз звонил председатель Госстроя Новиков, который сказал мне следующее: “Уважаемый Николай Прокофьевич, к сожалению, хотя ваше предложение и одобрено Госэкспертизой, но правительством оно все же не принято. Извините”.

В эту минуту мне было очень грустно, не говоря о том, что голос Берия продолжал еще звенеть в моих ушах. По истечении какого-то времени острота обиды прошла. Однако чувство досады по поводу того, что страной упускалась большая народнохозяйственная выгода, того, что “повисали в воздухе” мои довольно обширные теоретические изыскания и практические расчеты, не уменьшилось. Мне было жаль и своего более чем полугодового напряженного труда. Ведь для обоснования своего предложения мною были проведены поистине титанические расчеты затрат и эффектов по весьма разветвленной сети межотраслевых связей. Оставалась втуне не только большая работа, но и идеи о расчетах межотраслевых взаимодействий, которые тогда, в эпоху безраздельного господства узкоотраслевого подхода к экономике, были в известной степени новыми.

Один такой расчет, о котором я хочу рассказать отдельно, заказал мне откуда-то узнавший о моих занятиях академик, генерал, Герой Соцтруда, дважды лауреат Сталинской премии Сергей Яковлевич Жук, чьим именем теперь назван всемирно известный институт “Гидропроект”, который он возглавлял в течение 15 лет. С.Я. Жук попросил сделать для него запись об эффективности использования электроэнергии на заводах синтетического каучука, которые предполагалось расположить вблизи строящихся гидроэлектростанций. Этот заказ был мне интересен, так как находился в русле моих тогдашних изысканий, да и небольшой гонорар, выплаченный “Гидропроектом” мне тогда, очень пригодился.

Когда я провел необходимые расчеты, оказалось, что каждый из проектируемых по старой технологической схеме заводов будет отбирать 10–15% мощности строящихся гидростанций. Это были громад-

ные цифры, однако и они не могли повлиять на изменение “сталинских” планов. Тут было и обухом плети не перешибить...

Но я не отчаивался и продолжал свои исследования. Многие из наработанного потом вошло в мою докторскую диссертацию, над которой я уже тогда начал серьезно работать. Диссертация называлась “Основные проблемы экономики современной химической промышленности”, главное внимание в ней было уделено развитию промышленности органического синтеза и других перспективных производств на базе нефтегазового сырья.

Говоря о борьбе, которая развернулась вокруг внедрения новых схем получения синтетического каучука на трех “сталинских” стройках, надо отметить, что после смерти И.В. Сталина и последовавшего за ней устранения Л.П. Берия эта борьба не прекращалась еще не менее четырех–пяти лет. Горжусь тем, что мои идеи все же победили. Нефтехимическое направление, воплотившееся в образе крупнейших нефтехимических комбинатов-спутников гидростанций, полностью возобладало. Народное хозяйство получило экономию в 9–10 млрд руб. Ну, а я, в компенсацию за проделанный труд и пережитые тревоги, получил только моральное удовлетворение, расстроенные нервы, бессоницу и ничего другого.

Другая серьезнейшая народнохозяйственная проблема, изучением которой я занялся в те годы, заключалась в некомплексном использовании продуктов добычи и переработки нефти. В то время в погоне за количеством добытой нефти практически не направлялись на переработку попутные газы, растворенные в ней. При выходе нефти на поверхность газовые включения из-за падения внешнего давления по сравнению с очень высоким в нефтяных пластах выделяются из нефти естественным образом, но теряются, загрязняя к тому же атмосферу и прилегающие ландшафты. Чтобы воспрепятствовать их случайному загоранию либо взрыву, не находилось ничего лучшего, чем сжигать их в факелах на месте добычи. Одно из объяснений в пользу такого варварского способа ликвидации народного богатства заключалось в нехватке труб для сбора и перекачки газа – все они расходовались для наращивания добычи и транспортировки нефти.

Сам по себе факт отказа от полезного использования газообразных углеводородов, которые в роли сырья для химической переработки мало чем уступают нефти, наглядно демонстрировал неразумность некомплексного подхода к извлечению выгод из реального содержания многих полезных веществ в одном и том же сырье.

Мною и коллективом, работающим под моим руководством, на многих примерах было показано, что попутный газ, в состав которого входили метан, этан, пропан, бутан и другие высокомолекулярные углеводороды, не только не уступает по ценности самой нефти, но при некоторых схемах его переработки в химические продукты превосходит ее. Однако глас вопиющего напрасно разносился в пустыне – его не хотели слышать. Мало того, предложения, нацеленные на малейшее изменение заданной “сверху” экономической и технологической политики, встречали активное сопротивление на всех уровнях.

В ходе работы я провел обширные расчеты и изучал проблему

“в полевых условиях”: буквально на животе ползал по татарским, башкирским и другим месторождениям. В итоге я насчитал, что страна теряла ежегодно около 10 млн т ценнейшего углеводородного сырья, а также несла неисчислимые убытки от загрязнения атмосферы. По итогам этой работы я подготовил статью и записку для руководства отрасли. Через день после того, как я отнес свою записку в Министерство нефтяной промышленности, меня известили, что все мои данные являются строго секретными и публиковать их нельзя.

То, что министерские чиновники засекретили мои цифры, было неудивительно. Кто же станет разрешать публикацию собственного обвинительного заключения? Так были скрыты громадные народнохозяйственные потери, происходило разбазаривание народного добра, в то время как такое же сырье производилось за счет большого расхода денег, труда и энергии, а попутные газы продолжали отравлять природу. Мне же ничего не оставалось, как заниматься своими исследованиями, в ходе которых я рассчитал объемы производства синтетического каучука и других химических продуктов, которые можно было бы изготовить посредством органического синтеза из уничтожаемого углеводородного сырья.

Одновременно я занимался изучением и экономической оценкой других ресурсов для химического производства: собственно нефти, угля, сланцев и даже торфа.

## ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ СИСТЕМНОСТИ

Осмысление проблемы комплексного использования первичных материалов как частной отраслевой задачи постепенно привело меня к попыткам разобраться в сложном методологическом вопросе – системном решении экономических задач, что стало впоследствии на многие годы одним из главных направлений моих научных исследований. Так, изучение комплексных технологических процессов нефтехимии, проводившееся в МИТХТ, натолкнуло меня на размышления о сложных переплетениях разнонаправленных взаимозависимостей в экономике и обществе, где простая, на первый взгляд, цепочка взаимоотношений превращается в сложную сеть со множеством слабых звеньев, готовых порваться даже при сравнительно слабом натяжении.

Справиться с подобными сложными системами можно только в рамках того, что получило современное название “системного подхода”. По своей сути это означает необходимость взаимоувязанного учета максимально возможного числа звеньев не только основной цепочки, но всей обнаруженной сети зависимостей в примыкающих сферах.

Впоследствии, уже в работах ЦЭМИ, было получено строгое математическое подтверждение с количественными результатами такого представления о комплексности идей и процессов. Без этого, на основе очевидных и только непосредственных связей, удавалось решать эко-

номические проблемы, как правило, лишь в той или иной мере ближе к упрощенным однолинейным представлениям.

Одним из результатов такого куцевого подхода стало возрождение и последовавшее господство осужденной еще в 30-е годы гигантомании. Исходили из того, что концентрация производства продукта на одном предприятии ведет к сокращению удельных затрат в пределах самого изготовителя. Дело в том, что условно-постоянные расходы (вложения в здания, накладные расходы, предпроизводственные затраты и т.п.), общая сумма которых увеличивается медленнее, чем количество получаемой продукции, распределяются на относительно быстрее возрастающий объем производства, и себестоимость единицы продукции снижается. Значит, по примитивной логике, чем крупнее предприятие, тем оно выгоднее для народного хозяйства. Один гигант лучше, чем три или пять заменяющих его середнячков.

Но так рассуждать можно, только не заглядывая через забор, окружающий территорию завода. Да, собственно, и внутри ее дело доходит до того, что основной продукт, ради которого строили предприятие, поглощает столько средств и натуральных ресурсов, что их не хватает для переработки и использования менее ценных, а часто и дефицитных побочных, лучше сказать, сопутствующих, продуктов. Так, например, было с уже упоминавшимися попутными газами при добыче нефти в Западной Сибири. Подобные факелы до сих пор горят и распространяют ароматы и копоть не только в Сибири, но даже на окраине нашей столицы – на территории нефтеперерабатывающего завода в Капотне.

Потребовались не годы, а десятилетия, чтобы заметно уменьшить вредные выбросы производства на Московском НПЗ. Но и в самый канун XXI в. жители окрестных кварталов не могут открыть форточки, поскольку вместо проветривания происходит отравление воздуха в квартирах. Фенол, соединения серы, другие химические вещества, которые могли бы быть использованы как промышленное сырье, продолжают выбрасываться в атмосферу, отравляя ее.

Помню, как однажды на заседании коллегии Министерства нефтяной и нефтехимической промышленности обсуждалось создание укрупненной (на несколько миллионов тонн в год) установки первичной переработки нефти. Увлеченный своей идеей комплексного использования ресурсов, я высказал предложение отбирать из получаемых побочных газов содержащийся в них этилен и этан и выпускать на том же нефтеперерабатывающем заводе 15–20 тыс. в год пластических масс. Расчеты по эффективности подобных установок были у меня в руках.

К моему огорчению, в ответ министр разразился речью о том, что отрасль идет по пути создания сверхмощных комплексов, а так называемые ученые, видите ли, тянут назад, предлагая расплыться по мелочам. По-своему он оказался прав: за создание шестимиллионных (тонн в год) нефтеперерабатывающих гигантов были розданы государственные премии, а за то, что при нарастающем в стране остром дефиците полиэтилена сырье для его производства продолжали ничтоже сумняшеся сжигать, никого не наказали.

Подобного обидного непонимания очевидных для экономиста, но

непонятных либо неудобных для администраторов предложений было на пути химизации хоть отбавляй.

Наряду с неиспользованием возможной попутной продукции у промышленных гигантов есть и такие внутренние противоречия, как непомерное усложнение системы управления, наступающее при определенных уровнях концентрации производства, вредное воздействие на здоровье персонала и окружающую среду и т.п.

Однако несравненно быстрее, чем внутри предприятия, растут отрицательные последствия гигантизма за его пределами. Крупный завод строят в непосредственной близости к достаточно благоприятной по экономическим показателям сырьевой и энергетической базе, но когда перекрываются ее возможности, приходится привлекать отдаленные и менее эффективные источники снабжения. То же и с потребителями продукции: чем ее больше, тем дальше новые пользователи, дороже транспорт, меньше доход.

Для каждого сочетания конкретных условий обнаруживается определенный уровень концентрации, при котором отрицательные внутренние и внешние последствия уравниваются, а затем начинают перевешивать положительные результаты. Продукция крупного производителя становится менее прибыльной, чем среднего и даже мелкого. Это можно считать экономическим пределом наращивания мощностей. Конечно, такой предел может наступить и раньше. Так, для химических, металлургических и других подобных технологий более ранний предел ставят экологические преграды, истощение сырьевых ресурсов, появление новых продуктов, вытесняющих с рынка продукцию непомерно расширившегося предприятия.

Для экономиста должна быть очевидной неизбежность учета и оценки всей совокупности последствий укрупнения. Да и сама концентрация ведет к тому, что на получение основного (целевого) продукта требуется все больше денег и материальных ресурсов, а для параллельного изготовления побочных, сопутствующих продуктов остается все меньше и, наконец, просто перестает хватать. Так непомерная концентрация становится противником комплексности.

Если продолжать тянуть за "главное звено", т.е. еще более наращивать мощности производства основного продукта, то либо убыточность всего комплекса будет возрастать, либо прибыль будет сокращаться.

Исследуя экономику предлагавшихся к строительству крупнейших химических и нефтехимических заводов и комбинатов, я убедился в необходимости более глубоко анализировать влияние промышленных объектов, связанных с химическим производством, но относящихся к другим отраслям народного хозяйства. По моим расчетам, это внешнее влияние иной раз под корень подрывало внутреннюю благопристойность изучаемого проекта.

Пришлось глубоко вникнуть в новую для меня проблему так называемых сопряженных производств. Это, конечно, не было моим открытием. В своей докторской диссертации я смог уже не просто скомпилировать известные ранее подходы, но, по-видимому, впервые дать обоснование рекомендации по методике конкретных расчетов и по вопросу

о том, где целесообразно обрывать цепочку сопряженных затрат. Дело в том, что эти цепочки по сути своей бесконечны и к тому же замыкаются на исходный пункт расчета.

Для примера можно привести такие очевидные последовательные связи: добыча нефти и попутного газа – переработка нефти – сжигание газа и мазута на электростанции – расходование электроэнергии при добыче и переработке нефти, а также в производстве металла, труб и оборудования для добычи и переработки нефти... Цепочка разветвилась и замкнулась снова на первое звено.

Большинство ранее изучавших проблему останавливалось на этом рассуждении, признавая иррациональность поставленной задачи, поскольку “у кольца нет начала и нет конца”.

Однако экономический эксперимент, выполненный в форме прямых расчетов возникающих на каждом этапе затрат, вызванных начальным (для нас) первым проектом (добыча нефти), дал интереснейший результат. Ближайшее к нему сопряженное производство (переработка нефти, энергоснабжение, социальное строительство и др.) увеличивало необходимые капитальные затраты до полуторного и даже большего размера. На долю второй сферы сопряжения – машиностроение для энергетики, строительные материалы для социальных объектов и т.п. – приходилось до 20–30% прямых затрат на нефтедобычу. Представлялось несомненным, что их следует учитывать, планируя расходы в масштабах всего народного хозяйства. На долю третьего круга сопряженных производств, как правило, приходилось менее 10% затрат, при этом точность проектных расчетов в химической и нефтяной отраслях не превышала также 10% отклонений в сторону завышения или занижения реальной стоимости строящихся объектов. На этом основании я предлагал ограничиваться, как правило, первыми двумя степенями сопряжения.

Потребовалось создать справочные материалы об удельных затратах по широкому перечню тысяч и тысяч изделий и материалов, встречающихся в соответствующих, наиболее вероятных сопряженных объектах. Ведь стоило осмыслить и сформировать способ решения учета сопряженных производств, как возникла необходимость создать для этого специальную информационную базу.

Первой отраслью, для которой был выполнен столь большой труд, стала химическая промышленность. Для тысяч химических материалов строились цепочки сопряжений и выявлялось “поименно” все, что было связано с их производством. Сюда входили и такие “универсальные” поставщики, как электроэнергетика, машиностроение и т.п. Но оказалось необходимо оценить гораздо больше (на 2–3 порядка) химических полупродуктов и исходных природных материалов.

Для теоретических исследований и прикладных разработок по этой теме в созданном по моей инициативе Научном институте технико-экономических исследований в химической промышленности (НИИТЭхим), куда, кстати, меня одно время приглашали директорствовать, сначала была образована группа ученых, которая впоследствии “превратилась” в несколько лабораторий. Эту работу возглавил большой знаток и энтузиаст изучения экономики отрасли доктор наук

Э.С. Савинский. Сначала были созданы подробные методические материалы, а впоследствии выпущены соответствующие справочники. Подобную работу выполняли также проектные и научные институты подотраслей химической промышленности (пластмасс, азотной и др.).

В современных условиях – при наличии разнообразной компьютерной техники – подобные расчеты не вызывают затруднений. Но тогда вся расчетная процедура выполнялась, по сути дела, вручную, поскольку технические средства ограничивались простейшими механическими (редко с электроприводом) счетными машинками для четырех арифметических действий. Трудоемкость расчетов даже для одной химической отрасли оказалась гигантской.

В отраслевых проектных институтах при создании технико-экономических обоснований и проектов новых заводов решили “укоротить” предложенные методики. Учитывать стали, как правило, только первый круг сопряжений, да и то лишь по снабжению сырьем и энергией. Это экономило массу рабочего времени сотрудников. Кроме того, думается, специалисты-проектанты, заявляя официально, что итог их расчета в целом по проекту может отклоняться от фактически необходимых затрат на 10% в ту или другую сторону, признавали для себя допустимым вдвое больший разброс неточности. По их мнению, отбрасываемые ими расчеты по затратам первого круга сопряжений и тем более по всему второму кругу укладывались в истинный почти 40%-ный интервал точности.

Сейчас можно только сказать: “Бог им судья!” Ведь и цены на строительные материалы, металл и оборудование были очень и очень далеки от истинных их значений. Например, еще в годы индустриализации были умышленно значительно занижены цены на металлы и природное сырье для них. Считалось, что это способствовало ускорению процесса индустриального развития страны. Может быть, это так и действовало. Только вот отклонение цен от их стоимостной основы увеличивалось все более по мере продвижения от первичного сырья через все последующие этапы переработки к конечной продукции.

Вообще с ценами происходило то, что можно обозначить одним словом – произвол! Между их очередными пересмотрами проходило по 15–20 лет. Тем не менее принципы их установления не менялись, а прежние расхождения постоянно углублялись. Цены просто разбежались веером, как материя во Вселенной.

Трудовая теория стоимости, на которую ссылались при установлении цен (не учитывая последующего их произвольного искажения), заставляет идти по последовательной цепочке переработки, прибавляя к трудовым затратам добычи первичного сырья расход труда на каждой последующей стадии. А в рыночной экономике процесс идет в обратном направлении – от платежеспособного спроса. В таких условиях приходится ужимать все расходы производителей до той цены, на которую согласится потребитель. Нарушает этот порядок в основном монополия производителя, поэтому нормальное общество постоянно борется с ее возникновением и развитием. Сам платежеспособный спрос пропорционален, грубо говоря, полезности продукта и денежной обеспеченности потребителя.

Забегаая вперед (к тому времени я уже стал членом-корреспондентом Академии наук), скажу, как мы пытались выйти из этого положения. Творческая группа, возглавляемая мной и Э.С. Савинским, методически обосновала целесообразность пересчета “ненадежных” официальных цен в более надежные стоимостные показатели, которые мы в просторечии называли “себестоимость по себестоимости”. Это означало, что расход всех материалов и энергии, нужных для получения химических продуктов, оценивался не по действовавшим твердым ценам, а по себестоимости их изготовления. И такой метод “очистки” затрат применялся при расчетах по всей технологической цепочке – вплоть до исходного ископаемого сырья.

Конечно, таким способом нельзя было полностью исключить все последующие искажения, вносимые в действующие цены, но какая-то степень приближения к истинным соотношениям, как нам казалось, достигалась. Кроме того, сохранялся чисто затратный метод установления цен, без учета полезности продукции, т.е. из формулы “спрос–предложение” выпадала первая часть. К сожалению, в то время настаивать на учете полезности значило загубить всю работу на корню. Ведь даже при, казалось бы, чисто научных обсуждениях на семинарах и теоретических конференциях стоило упомянуть слово “полезность”, как тут же тебе приклеивали ярлык антимакиавеллиста.

Оставалась проблема самих цен, по которым производитель продукта расплачивается за материальные ценности и услуги с их поставщиками. По нашей методике расчета “себестоимости по себестоимости” предлагалось, начиная от минерального сырья и других его природных видов, учитывать только себестоимость добычи и последующей переработки. Такой подход исключал влияние неодинаковости назначаемых извне разным отраслям нормативов прибыли или дотаций. В системе последовательного государственного выравнивания в масштабах всей страны условий жизни каждого из “простых граждан” предложенный механизм аналогичного “выравнивания” казался справедливым.

Пересчет текущих затрат по всем технологическим цепочкам потребовал не меньшего объема счетной работы, чем по сопряженным капиталовложениям. Однако и этот “трудовой подвиг” был осуществлен.

Удельные капитальные затраты с учетом сопряженных и “очищенная” себестоимость позволяли с введением понятия приведенных затрат по формуле  $(C + EK)$  заметно выравнивать оценку эффективности сравниваемых и принимаемых проектных решений.

В рыночной экономике подобную “деятельность” с большей точностью и автоматически осуществляет сам рынок. Кроме того, рыночная цена отражает соотношение спроса и предложения. А последовательно осуществляемое антимонопольное законодательство отсекает попытки искусственного завышения цен. Не мудрено, что разумные российские экономисты, начиная с 90-х годов, ведут свои расчеты в долларовом исчислении, поскольку разрушительные темпы инфляции могут за короткий срок обратить в пепел все ранее сделанные рублевые расчеты.

Была ли проделанная нами тогда работа полезной? Думаю, да! По ряду проектов создания новых химических заводов и комплексов были обоснованы отрицательные заключения и сохранены от неразумного расходования миллиардные (по сегодняшнему – триллионные) суммы, по другим – подтвердилась высокая эффективность. Да и сама работа над методиками расчета новых показателей и над их экономической сущностью углубила теоретическую подготовленность многих научных сотрудников отраслевых институтов. Смею думать, что многим стало впоследствии легче вживаться в азы рыночной экономики.

Язык, на котором изъяснялись советские экономисты, постепенно обогащался утраченными ранее понятиями “нормальной” (по нашим теперешним представлениям) экономики.

## “ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...”

После защиты кандидатской диссертации, состоявшейся в 1949 г., я довольно скоро получил звание доцента. Однажды во время лекции я увидел среди студентов Николая Николаевича Некрасова. Внимательно прослушав лекцию, он подошел ко мне и сказал: “Николай Прокофьевич, я перехожу полностью на работу в “инжэк” (Московский инженерно-экономический институт им. Серго Орджоникидзе, впоследствии Институт, а теперь уже то ли Академия, то ли Университет управления) и вижу, что могу оставить вам в наследство свой курс экономики химической промышленности. Более того, я буду рекомендовать вас на должность заведующего кафедрой”. Так и произошло.

Забегая вперед, замечу, что в 1957 г. В.С. Немчинов, в то время председатель СОПСа, пригласил Н.Н. Некрасова к себе заместителем, а еще через год выдвинул его кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР по квоте Сибирского отделения Академии, что, по-видимому, было связано с тем, что Николай Николаевич сам был сибиряком, окончил Иркутский университет и начинал научную деятельность в 30-е годы в Сибирском НИИ углехимии. Правда, получив звание члена-корреспондента, он так в Сибирь и не поехал, а Василий Сергеевич пригласил меня к себе вторым заместителем, чтобы разделить между Н.Н. Некрасовым и мной кураторство над региональной и отраслевой тематикой СОПСа. Но в то время у меня были другие планы, и его предложение я не принял.

И до присуждения мне ученой степени доктора наук и звания профессора, и позже – в пору моей работы проректором, а затем и и.о. ректора МИТХТ мне поступали предложения о переходе на различные должности в различные организации. Так, мне предлагали стать начальником Главного управления химико-технологических вузов Министерства высшего образования. Ночные вызовы к Елютину и Столетову по этому поводу повторялись 2–3 раза. В качестве “приманки” мне предложили квартиру в высотном доме у Красных ворот (кстати, там же, где позже поселились М.В. Келдыш и Л.В. Канторович). Квартиру я осмотрел, и она мне очень понравилась, тем более что я в то время жил в многонаселенной коммуналке в Сокольниках. Очень хотелось

перебраться в такое жилье, но мне претило то, что на новом месте работы передо мной ставилась задача заняться изживанием “кафтановцев” и “кафтановщины”, т.е. людей предыдущего министра Кафтanova. Мне такая работа была не по душе, я отказался от должности и, к сожалению, таким образом и от квартиры.

Через неделю меня пригласил к себе заведующий Отделом науки ЦК Ю.А. Жданов. Разговор был обстоятельный, в том числе и о работе в главке. Я понял, что со мной “знакомятся”, и как в воду глядел: через некоторое время я получил от Ю.А. Жданова приглашение на работу в его Отдел. Мне не хотелось становиться чиновником, пусть даже такой “серьезной фирмы”, и я отговорился, ссылаясь на подготовку докторской диссертации и желание заниматься чисто научной деятельностью.

О том, как мне предлагали стать председателем колхоза и сотрудником райотдела КГБ, я расскажу чуть ниже, а сейчас хочу остановиться на том времени, когда я работал над своей докторской диссертацией, защита которой состоялась через шесть лет после кандидатской. Думаю, что именно эти шесть лет окончательно сформировали меня как ученого-экономиста. Конечно, это были не годы аспирантуры, которые вспоминаются как продолжение легкой и веселой довоенной студенческой жизни. Работу над докторской нужно было сочетать с обязанностями заведующего кафедрой, а с 1953 г. и проректора МИТХТ, с целой кучей организационных и административных забот.

Усложняла работу над докторской и царившая повсеместно в те годы секретность. Сбор материалов для диссертации был связан со сложным церемониалом спецотделов, со шнурованными тетрадами. Месяцы уходили на пересылку документов и тому подобную возню, которая отнимала много времени и нервов. Особенно раздражало то, что на самом деле большая часть материалов никакого секрета из себя и не представляла. Некоторые материалы для диссертации добывал я и “неформальным” путем, чему помогало мое умение и желание заводить новых знакомых и постоянно расширять их круг.

Не последнюю роль играл в этом деле известный тогда ресторан “Арагви”, славившийся хорошей и относительно дешевой грузинской едой и чудесными грузинскими винами. Признаюсь, этот ресторан на многие годы стал для меня любимым местом хорошего отдыха и расслабления после напряженной работы. Если первые его посещения у меня были связаны “с делом”, то впоследствии я стал регулярно приходить туда с друзьями и коллегами, с условием не говорить там о работе и делах.

Я научился заниматься своей диссертацией на всяких заседаниях — будь то ученые советы, научные, экзаменационные и прочие комиссии, в общем везде и при любых обстоятельствах. Думая о диссертации и записывая продуманное, я не обижал присутствующих невниманием. Мне не составляло труда вовремя задать студенту вопрос по докладываемой теме о химическом строении создаваемого нового вещества, ответить на вопросы или подвести итоги обсуждения на комиссии, вовремя выступить на ученом совете. Это умение делать одновременно два-три дела стало ослабевать спустя, разве что, 20–30 лет.

Формально отпуск у вузовских преподавателей продолжался два месяца, но я мог выкроить для себя не больше двух-трех недель. Сперва нужно было представить разнообразные отчеты о работе института за окончившийся учебный год. Но тут же начиналась кампания по новому набору студентов, руководить которой приходилось мне. Организовывались приемные комиссии, преподаватели становились пропагандистами и агитаторами несравненных прелестей жизни и творчества будущих химиков. Приемные экзамены переполняли нервными эмоциями аудитории и коридоры института. Больше нигде мне не приходилось видеть столько слез, сколько их проливали и счастливые, и неудачливые абитуриенты. А как было трудно отбиваться от агрессивных родительниц, ненаглядные чада которых проваливали вступительные экзамены!

Но хуже всего было от телефонного давления знакомых, малознакомых и вовсе незнакомых ходатаев. При этом, чем выше был служебный пост очередного “покровителя”, тем увереннее и беспардоннее он давил на психику, защищая интересы часто совсем не знакомого ему молодого человека. Признаюсь, что иногда приходилось и уступать, особенно когда звонки раздавались с “заоблачных высот” или когда после моего противодействия в игру вводили ректора института и он принимал свое решение.

С другой стороны, мне нередко доводилось пользоваться собственным влиянием и возможностями, если я считал несправедливыми чьи-то решения. Особенно, когда это касалось ребят из провинции, за спиной которых не было авторитетных покровителей. Я порой входил в конфликт с ректором, отстаивая для “провинциала” единственное место на студенческой скамье, которое нужно было поделить между талантливым парнишкой из провинции и кандидатом “благородных кровей”. Такую позицию я занимал упорно, а один раз, отстаивая ее, даже в какой-то мере рискнул собственной карьерой.

Это случилось, когда я сначала допустил к экзаменам, а потом оформил зачисление в студентки дочери А.В. Косарева. Александр Васильевич в предвоенные годы был крупной политической фигурой – лидером комсомола. Он пользовался таким авторитетом и популярностью, которым позавидовал Сталин и, естественно, уничтожил этого человека. Опять же естественно (следуя политической логике тех лет), что ЧСИРы (“члены семьи изменников родине”) также дискриминировались: их не принимали на приличную работу, в общественные организации, на учебу. Дочь Косарева, будучи в северной ссылке, не могла учиться в школе и приехала поступать в МИТХТ без аттестата зрелости. Формально я не имел никакого права ни допускать ее к экзаменам, ни зачислять в студентки, но все же нарушил все писанные и неписанные правила. Она была большая умница: блестяще сдала приемные испытания и потом стала одной из лучших, если не лучшей, студенткой МИТХТ. Я же внутренне гордился собой, хотя еще долгое время ждал неприятностей...

Невольно коснувшись вопроса о сталинских репрессиях, хочу рассказать здесь о некоторых ученых химиках, прошедших лагеря, – тех,

кого знал лично. Известно, что многие выдающиеся российские ученые провели годы и годы в лагерях и ссылках. Часть этих лагерей представляла собой специализированные по отраслевому признаку особые места заключения, известные под названием “шарашки”, где в условиях тюремного режима продолжался научный поиск, делались серьезные открытия, проектировалась новая, совершенная техника. В “шарашках” творили такие величайшие умы, как гений космической техники Королев, отец современной русской авиации Туполев и др. Существовала и химическая “шарашка”, располагавшаяся в Ярославле при заводе синтетического каучука.

Впоследствии мне довелось, работая в НИИ синтетических спиртов, познакомиться с создателями новейшей в годы Великой Отечественной войны технологии совместного получения фенола и ацетона профессорами Сергеевым и Кружаловым. Построенная по их разработкам, сделанным за решеткой, промышленная установка на несколько лет опередила создание аналогичного производства в Канаде.

Подчиняясь гримасам судьбы, отметившей их заслуги Государственной (бывш. Сталинской) премией, они в 50–60-е годы работали в институте, где директором был А.Т. Меняйло – порядочнейший, милейший и добросовестнейший человек. Взаимоотношения между всеми тремя упомянутыми людьми (и еще несколькими бывшими “сидельцами шарашки”) были вполне корректными, если не сказать товарищескими. А ведь Меняйло в те годы, когда его коллеги были зэками, занимал начальственный пост в той же ярославской тюрьме для химиков в звании старшего лейтенанта. Значит, все-таки порядочный человек может оставаться порядочным и в подобных обстоятельствах, правда, чего это ему стоит... К сожалению, тяжелая и беспощадная болезнь рано унесла жизни всех троих.

Когда я работал по совместительству в Институте синтетических спиртов, заведывая там лабораторией технико-экономических исследований, однажды меня пригласили к телефону для разговора с собеседником, звонок которого был для меня совершенно неожиданным. Им оказался А.Н. Туполев, которого весь мир заслуженно считает великим авиационным конструктором. Андрей Николаевич – ученик Жуковского, воспитатель целой плеяды выдающихся советских авиаконструкторов, человек, заложивший основы советской авиации и авиационной промышленности, был выдающимся инженером, организатором и легендарной личностью. Он был, наверное, единственным среди советских академиков, имевшим звание трижды Героя Социалистического Труда. Интересно, что в партию он вступил в возрасте семидесяти лет.

Об общественной оценке его деловых и человеческих качеств можно судить по такому штриху: среди многотысячной армии работников его НИИ, конструкторских бюро и заводских рабочих никто и никогда не называл его по фамилии. Называть его иначе как “Андрей Николаевич” считалось в его “системе”, представлявшей собой, по сути дела, целую отрасль промышленности, более чем дурным тоном. И это не навязывалось, в этом не было и тени показухи, поскольку люди

любили и уважали Туполева вполне искренне. Правда, и было за что. Я это знал не понаслышке, а, как говорится, из первых уст, т.е. от тех, кому посчастливилось работать с ним вместе.

Мне, например, рассказывали о таком случае. Однажды в его КБ застопорилась работа над одной из конструкций, так как не “сходилась” большая серия вычислений. Андрей Николаевич потребовал себе “простыни расчетов” и некоторое время молча их рассматривал и листал в присутствии коллег, наблюдавших за его манипуляциями с унылым видом. Вдруг, минут через семь–десять Туполев, ткнув пальцем в бумаги, поднял голову и сказал: “Эх вы! Вот здесь поменяйте знак!” И действительно, когда в том месте, на которое он указал, поменяли плюс на минус, цепочка расчетов немедленно и идеально “сошлась”, а его сотрудникам ничего не оставалось, как только развести руками. Именно из-за таких случаев, которых было немало, о Туполеве говорили, что он обладает глазом и интуицией технического гения.

Рабочие же боготворили Туполева потому, что он относился к ним так же, как Суворов к своим солдатам. Его первой заботой было их материальное благополучие и бытовая устроенность. При посещении заводов Андрей Николаевич всегда, перед тем как зайти в кабинет директора, обходил цеха и непременно осматривал бытовки, душевые и столовые. И туго приходилось тем начальникам, у которых в этих местах он находил грязь или другой непорядок.

Мне было очень интересно встретиться с таким человеком и тем более почувствовать, что я ему для чего-то нужен, хотя я так и не понял, откуда он узнал о моем существовании и моих научных работах. Когда я пришел в его “базовое” КБ, располагавшееся на углу улицы Радио в том месте, где она спускается к мосту через Язу, Андрей Николаевич принял меня очень любезно и изложил свою просьбу. Оказывается, ему требовалось провести сравнительный анализ экономичности разных видов топлива для авиационных двигателей. Для меня решение такой задачки большого труда не составляло, и я ответил, что его просьбу я выполню с удовольствием, перечислив при этом набор исходных данных, которые мне нужны для расчетов.

Во время нашей беседы я обратил внимание, что из окон туполевского кабинета открывается панорама местности, памятной мне со времен войны: справа виднелись корпуса ликеро-водочного завода, где готовилась горячая смесь для огнеметов, а слева за Яздой простиралась территория парка МВО, где я эти огнеметы когда-то испытывал. “Ну что ж, – заметил Андрей Николаевич, – панорама, действительно, живописная. Во время войны я наблюдал ее отсюда же, правда, с небольшим дополнением – металлической решеткой на окнах”. Я знал до этого, что всю войну Туполев и его соратники провели в “шарашке”, но мне не приходило в голову, что эта “шарашка” была здесь же, в помещении его главного КБ.

К концу нашей беседы в кабинет вошел заместитель Туполева, прибывший с заседания коллегии Министерства авиационной промышленности. “Ну что было на коллегии?” – спросил Андрей Николаевич.

“Как всегда. Опять нас “употребляли”, – ответил зам. Хозяин кабинета лукаво сощурился и сказал: “Раз так, значит нас любят...”, и мы все рассмеялись.

На следующий день я получил от Туполева конверт с исходными данными, необходимыми для расчетов. А через две недели уже был готов ответить на интересовавшие его вопросы, что и не преминул сделать.

Но вернусь к своей докторской диссертации. Все годы, предшествовавшие ее защите, были заполнены кроме вузовских дел организацией исследований экономики химической и нефтехимической отраслей промышленности. Прежде всего через десятки работ аспирантов и докторантов я развивал и пропагандировал свои методические идеи и способы экономических расчетов. В отраслевых химических институтах помогал создавать, расширять и укреплять молодыми ищущими сотрудниками экономические отделы и лаборатории. Много приходилось выступать с докладами, лекциями в самых разных организациях и перед теми, кого экономика интересовала мало, и перед теми, кто был откровенным противником моих идей, и, наконец, перед сторонниками, число которых постепенно возрастало.

По моей инициативе, как я уже писал, для проведения серьезных отраслевых экономических исследований был создан специальный институт – НИИТЭхим (НИИ технико-экономических исследований в химической промышленности). При его создании меня уговаривали стать его директором, но я отказался. О мотивах своего отказа сейчас говорить не хочу, поскольку речь о другом. В этом институте собралась сильная, хорошо подготовленная группа научных сотрудников во главе с Э.С. Савинским, которая с привлечением на добровольных началах экономистов из других институтов разработала и распространила целый ряд методик, применявшихся затем практически всеми проектными и исследовательскими организациями химических отраслей. НИИТЭхим обладал хотя и не директивными, но все-таки более чем “рекомендательными” полномочиями для оказания влияния на все развитие отраслевой экономики.

Сотрудничество с этим коллективом было и плодотворным, и приятным. Охотно содействовал нашему общему делу и принимал в нем активное творческое участие заместитель директора института Г.Ф. Борисович, обладавший богатым опытом работы в отрасли.

Мне, исходя из собственного опыта, очень хотелось создать единый центр сбора и обработки информации об экономических показателях производства химических материалов, начиная от добычи первичного природного сырья и кончая экономическими результатами их использования у потребителей. Такие данные позволяют определять конечную величину экономики в народном хозяйстве при замене традиционных материалов химическими, т.е. при химизации. Имея в руках расчет эффекта по каждому материалу и у каждого из его крупных потребителей, можно обоснованно предлагать, какого материала нужно выпускать больше и каким потребителям, в какой очередности эти материалы передавать. В результате можно добиваться наилучшего экономического итога всей работы отрасли.

В условиях жесткого субъективистского планирования производств и хозяйственных связей таким путем можно было задействовать как бы скрытый “рыночный” механизм регулирования отраслевых пропорций. Естественно, полностью этой цели в тех условиях достигнуть было нельзя. Информационный центр создан не был. В “докомпьютерный век” обработка таких громадных массивов информации оказалась слишком трудоемкой, да и интереса к ней, особенно у потребителей в сопряженных отраслях, не было.

Все же усилия коллектива НИИТЭхима, поверившего в полезность экономического обоснования химизации, дали благой результат. Данные за несколько лет по широкому перечню продуктов были собраны и обработаны. Их впоследствии использовали при экономическом обосновании пятилетних и годовых планов химизации народного хозяйства.

Конечно, в мою докторскую диссертацию вошли далеко не все разработки того периода. И без того диссертационная записка была весьма капитальной. Параллельно я начал готовить свой первый печатный труд – книгу “Экономика промышленности синтетических материалов”<sup>1</sup>.

Несколько слов о защите диссертации. Как должностному лицу, а я уже к 1955 г. был проректором МИТХТ, мне, по правилам, нельзя было защищаться в своем вузе, и моя работа была передана в ученый совет Московского инженерно-экономического института. Для подготовки доклада мне был предоставлен месячный творческий отпуск. Но так как предметом я владел свободно и доклад писать мне было не нужно, поскольку он был практически готов, я посвятил этот месяц строительству дачи.

Я получил участок в районе Тарасовки, рядом с дачами Госснаба, американского посольства и министра культуры, которым тогда был Г.Ф. Александров – тот самый Александров, с “легкой руки” которого я с книгой сочинений Спинозы в руке угодил когда-то за решетку.

Георгий Федорович был крупнейшим специалистом в области истории философии. За фундаментальные труды в этой области он дважды – в 1943 и 1947 гг. – получал Сталинские премии. В течении семи лет он был директором Института философии АН СССР, перед этим также в течение семи лет возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). И вот он стал министром культуры. Но, как я уже говорил, в те годы занятия общественными науками и культурой были не менее опасными, чем профессия минера. Александров попался на крючок “разоблачителям” и через год вылетел из министерского кресла. Его “сослали” на рядовую должность в Институт философии в Минск, где он через пять лет и умер в возрасте 53 лет. Нам с Георгием Федоровичем так и не удалось встретиться по-соседски и поделиться воспоминаниями.

Бригада плотников, которую я нанял в Сокольниках, очень быстро – за четыре выходных дня – соорудила мою дачу. Это было сборное сооружение, которое тогда называли “финский домик”. Оно обошлось

---

<sup>1</sup> Федоренко Н.П. Экономика промышленности синтетических материалов. М.: Экономика, 1961.

мне всего в 2200 руб. Для оценки масштаба этих затрат напомню, что месячная зарплата доцента тогда составляла 3200 руб. Дачка была маленькая и “холодная”, однако сад вокруг нее я вырастил хороший. К сожалению, подъезды к ней были неудобными, а зимой вообще никаких. Поэтому впоследствии я ее продал, купил новую, более удобную – в академическом поселке Ново-Дарьино, где есть водопровод, телефон, хорошие дороги. Там я и живу до сих пор.

Защита докторской диссертации и утверждение ее ВАКом прошли без эксцессов, поэтому рассказывать об этом подробно нет смысла. Однако за несколько дней до защиты со мной произошло нечто, что могло сорвать мои творческие планы и увести мою биографию совсем в другую сторону от той, которую я сейчас описываю. Неожиданно меня пригласил к себе секретарь районного комитета партии Е.И. Афанасенко. Когда я пришел к нему в кабинет, то встретил там и начальника райотдела КГБ, который начал с упреков по поводу того, что я где-то прячусь и меня никак нельзя найти. Я объяснил, что нахожусь в отпуске и занимаюсь строительством дачи. Тогда они перешли “к делу” и предложили мне немедленно в рамках очередного партийного набора уехать в село на должность председателя колхоза. Я, естественно, попросил отложить решение этого вопроса до защиты докторской диссертации. Тогда чекист стал звать меня на работу к себе – в районный отдел КГБ. Я ответил: “Товарищи, да я куда угодно пойду, только дайте мне сначала возможность защитить докторскую диссертацию, ведь у меня все готово, и день защиты уже назначен!” В общем, уговорил, и они “отпустили мою душу на покаяние”.

Два-три месяца спустя этот начальник райотдела обратился ко мне с просьбой помочь ему устроиться на первый курс заочного отделения Московского экономико-статистического института. Я подумал про себя: на какой работе в районном отделе КГБ этот будущий студент-заочник рассчитывал использовать доктора экономических наук? Неужели в наружном наблюдении?

Кстати, через несколько дней с Е.И. Афанасенко у меня произошло прилюдное столкновение во время проводившегося собрания районного партхозактива. Я, “под завязку” занятый проректорскими делами, на несколько минут опоздал на заседание. И.А. Афанасенко, тоже, кстати, явившемуся с задержкой, доложили, что вот, мол, сегодня шесть опоздавших. Афанасенко, прочитав краткую мораль о необходимости строго соблюдать дисциплину, потребовал, чтобы опоздавшие встали и продемонстрировали себя на позор всем собравшимся. Пятеро, покраснев, встали, а я нет. “А кто же шестой?” – спрашивал он. “Это я, Федоренко”, – отвечаю я, сидя. “Прошу встать!” – повысил он голос. Я, продолжая сидеть, спокойно ответил, что я взрослый человек, представитель известного института, а не мальчишка-пятиклассник, которыми наш секретарь райкома привык командовать, работая учителем в школе, и что унижать себя не позволю. Я заметил, что практически весь зал шепотком поддержал меня, поэтому, наверное, Афанасенко, хотя и был страшно недоволен, конфликт развивать не стал. Правда, как мне рассказали, потом на заседании бюро райкома он бурно возмущался моим поведением. Я говорю об этом не для того, чтобы

показать: вот, мол, какой я герой – не испугался секретаря райкома. За свою долгую жизнь мне пришлось столкнуться со множеством начальников, были среди них и хамы, были и самодуры. Иногда приходилось и стерпеть, но только, если этого требовали интересы общего дела. Когда же это касалось меня лично, покушений на свои честь и достоинство я никому не спускал, не взирая на чины и ранги.

После защиты диссертации я принялся за написание фундаментального труда “Экономика промышленности синтетических материалов”, в основу которого диссертация и легла. Эта книга была в известной мере новым словом в экономической литературе тех лет, анализ общих экономических проблем сочетался в ней с математическим анализом эффективности химической промышленности. Кроме этой книги в конце 50-х – начале 60-х годов я опубликовал ряд статей и участвовал в подготовке нескольких монографий по проблемам экономики химической промышленности.

Работая в МИТХТ и будучи членом его парткома, мне поневоле приходилось сталкиваться с проблемами Фрунзенского района Москвы, в котором наш институт располагался. К тому времени, когда я стал завкафедрой, а потом и проректором, Афанасенко на посту секретаря райкома уже сменила Е.А. Фурцева. Некоторыми воспоминаниями об этом незаурядном человеке я бы хотел поделиться.

Екатерина Алексеевна любила в своих выступлениях блеснуть острым словом, использовать “жареные факты”, в общем поразить слушателей. Иногда ей это удавалось и даже с таким успехом, которого она сама не ожидала. Помню, как-то на одном из заседаний районного партхозактива выступал президент Академии художеств СССР Александр Михайлович Герасимов, ученик К.А. Коровина, безусловно, выдающийся русский живописец. К сожалению, лучшие его работы, например, “После дождя” (1935) или “Лед прошел” (1945), известны мало, зато “И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле” (1941) или “Ленин на трибуне” (1930) репродуцировались в послевоенные годы во всех журналах и чуть ли не ежедневно. Александр Михайлович докладывал, как положено, об “итогах деятельности советских художников за отчетный период” и “задачах, стоящих перед Академией художеств на перспективу”. Екатерина Алексеевна в своем заключительном слове в целом одобрила отчет парторганизации Академии художеств, но все-таки выразила некоторое несогласие с А.М. Герасимовым, сказав примерно следующее: “Товарищ Герасимов неправильно ориентирует общественность и партийные органы, говоря, что наши художники по мастерству вышли на уровень Рембрандта. Советские художники должны быть выше Рембрандта и рисовать лучше него!” В зале гром аплодисментов, а Герасимов смутился. Не знаю, как уж он там потом ориентировал свою первичную парторганизацию и беспартийных художников, но с рембрандтами по-прежнему было туго. По-видимому, у райкома здесь вышла определенная недоработка. Задание было дано, но проверкой исполнения, наверное, пренебрегли. Жаль, конечно, что данная партийная установка так и не была выполнена...

В нашем институте работала приятельница Е.Ф. Фурцевой А.В. Хохлова, занимавшая пост секретаря парткома МИТХТ. Будучи

рядовым доцентом кафедры аналитической химии, она стремилась занять должность проректора, считая, что это естественный путь с поста партийного секретаря. Как Фурцева ни давила на меня, я никак с нею не соглашался, мотивируя это тем, что у Хохловой беспорядок в ее собственной лаборатории. Действительно, будучи проректором, я ставил вопрос перед парткомом и ректоратом о проведении проверки лабораторий МИТХТ на наличие скопившихся вредных веществ, которые могли нанести ущерб здоровью студентов и преподавателей, однако мои предложения были отвергнуты. Я говорил об этом и в райкоме – без толку. И только после того, как я перешел в Академию наук, деньги нашлись, и эту работу провели. И что же вы думаете, под настилом пола в лаборатории, где работала Хохлова, обнаружили 6 кг (!) металлической ртути. А ведь хроническое воздействие ртутных паров, исходящих от в сотни раз меньшего количества ртути, может привести к самым тяжелым последствиям для человеческого организма: это и стоматит, и тахикардия, заболевания почек и печени, психические нарушения, заболевания мозга. Особенно страшно оно для женщин, в результате ртутной интоксикации рожаящих слабых и даже мертвых детей.

В то время, когда меня назначили на должность заведующего кафедрой, ректором МИТХТ был Павел Игнатьевич Зубов, которого студенты за глаза звали “рыжим Пашей”. Он очень любил играть на бильярде в одной из лучших бильярдных столицы – в Доме ученых АН СССР. Как правило, это занятие затягивалось у него до 2–3 часов ночи. Поэтому на другой день он приходил на работу (если приходил) только к обеду. От такого расписания тяжелее всех приходилось его шоферу, который, вынужденный отвозить Зубова, а потом отгонять машину в гараж, домой попадал только к утру. Однажды разозленный он позвонил “рыжему Паше” и объявил: “Товарищ Зубов, вы дурак!”. В ответ на вопрос Зубова о том, кто это говорит, шофер сказал: “Все говорят!”, и повесил трубку. Мы бы никогда об этом не узнали, если бы Зубов не нашел ничего лучшего, как, придя на работу, рассказать всем об этом разговоре.

Так вот, столкнувшись однажды с Е.А. Фурцевой в коридоре райкома, Павел Игнатьевич, рассчитывая, вероятно, на похвалу, сообщил ей, что назначил меня заведующим кафедрой. Ответ для него был несколько неожиданным: “Если Николай Федоренко завкафедрой, то я уж, верно, академик!”. Академиком она не стала, но примерно в те же годы, когда я стал членом-корреспондентом, а потом академиком, она стала министром культуры, правда, считая это понижением в должности, так как до этого в течение четырех лет была секретарем ЦК КПСС.

Жизненные пути Екатерины Алексеевны и мои пересекались не раз. Мы вместе учились в МИТХТ, который она закончила в 1941 г., в одно время учились в ВПШ ЦК ВКП(б), правда, она была заочницей. Общаться нам приходилось часто, и могу сказать, что, несмотря на то, что у читателя может сложиться впечатление о моем ироническом к ней отношении, ее было за что уважать. Человек она была неоднозначный, но то, что это была личность и “работяга”, обладавшая большой смелостью и умением держать слово, – несомненно. Не имея достаточной подготовки и эрудиции для такой не простой должности как

министр культуры громадной страны, она все же для нашей культуры сделала немало. Достаточно того, что она поддерживала в трудные минуты и, можно сказать, выручала из беды многих деятелей нашего искусства.

Рассказывая об Екатерине Алексеевне, не могу не вспомнить еще одну известную выпускницу МИТХТ, также закончившую наш институт накануне войны и посвятившую себя науке, но изменившую свой жизненный путь в конце весьма круто и самым неожиданным (для всех нас) образом. Я говорю об игуменье Серафиме – первой после 76-летнего перерыва настоятельнице московского Новодевичьего монастыря, расположенного, кстати, неподалеку от МИТХТ.

Первые жизненные испытания мать Серафима (в миру Варвара Васильевна Черная) прошла после окончания МИТХТ в начале войны на заводе “Каучук”, где она и ее товарищи совершали ежедневный трудовой подвиг. Затем она “ушла в науку”, дослужившись до должности заместителя директора Научно-исследовательского института резиновой промышленности. Ее работы стали широко известны, в том числе и за рубежом. Но вот, видите, какой поворот судьбы! Жаль, что мы не были с ней знакомы, ведь общение с крупными личностями, с людьми, способными на подвиг (и в житейском, и в религиозном смыслах этого слова), очень обогащает. Во всяком случае, размышления о принципиально разных судьбах В.В. Черной и Е.А. Фурцевой, покоящейся сегодня на кладбище Новодевичьего монастыря, заставляют вспомнить некрасовские стихи об особом характере, особой стати и особой судьбе наших дорогих и любимых русских женщин.

В то время, когда работа над докторской диссертацией, которую я назвал “Основные проблемы экономики современной химической промышленности” и которая вобрала в себя плоды исследований, о которых я говорил выше, была почти завершена, я попытался пробиться со своими идеями на самую высокую трибуну экономической науки того времени – на страницы журнала “Вопросы экономики”.

Далось мне это с большим трудом, да и впоследствии с этим журналом отношения у меня так и не сложились. Я опубликовал там всего две статьи и обе не без “приключений”, хотя, правду говорят, что нет худа без добра.

Первую из моих статей, как я уже сказал, мне хотелось напечатать в “Вопросах экономики” перед защитой докторской диссертации. В отраслевых журналах, в том числе в “Химической промышленности”, я печатался много, но поскольку моя работа была посвящена экономике, то публикация в главном теоретическом журнале страны, главным редактором которого тогда был академик К.В. Островитянов, прибавила бы толлику к моему научному авторитету.

Меня с моей статьей принял ответственный секретарь редколлегии журнала Павел Мстиславский, который стал “мурыжить” мою статью, и эта волюнка затянулась на полтора года. Мне было не до веселья, поскольку одни рецензенты, которым Мстиславский посылал мою статью, говорил одно, а другие – прямо противоположное. Публиковать поддержки из своей статьи я не хотел и потребовал, чтобы ее направили на отзыв авторитетному и ответственному рецензенту. Такой рецензент на-

шелся, он одобрил мою статью и ее опубликовали, правда, в слегка урезанном виде. Потом я узнал, что помог мне С.Г. Струмилин, выдающийся советский ученый – экономист, статистик, историк и социолог.

Рассказать об этом выдающемся ученом и неординарной личности я бы хотел особо. Но прежде чем перейти к этому рассказу, замечу, что и вторая моя статья, посвященная совершенствованию методов управления народным хозяйством, которую я написал для “Вопросов экономики”, будучи уже членом-корреспондентом АН СССР, по-видимому, “по старой памяти” была отправлена на отзыв Струмилину. Он написал положительную рецензию, в которой были слова одобрения и поощрения “молодому, растущему и способному коллективу ЦЭМИ”. Это не понравилось главному редактору журнала Островитянову, и при одновременной публикации статьи и отзыва эти строчки рецензии были выброшены. Кстати, вторая статья была основательно “улучшена” тем же П. Мстиславским.

## О СТАНИСЛАВЕ ГУСТАВОВИЧЕ СТРУМИЛИНЕ

Настоящая фамилия Станислава Густавовича – Струмилло-Петрашкевич. В кругах революционного подполья и в списках жандармерии он числился как Петрашкевич, а первую часть своей фамилии использовал как основную для литературного псевдонима, под которым и прожил всю жизнь. Я без тени сомнения считаю его патриархом и основателем советской экономической науки. Это был настоящий и убежденный ученый-марксист – в истинном, а не затрепанно-апологическом смысле этого слова. Вместе с тем он был одним из тех, а может быть, главным из тех, кто принял эстафету от российских экономистов начала века и передал ее нашему поколению.

С.Г. Струмилин, будучи одним из способнейших выпускников первой серьезной экономической школы в России, созданной выдающимся российским экономистом Сергеем Юльевичем Витте (основавшим экономическое отделение в Петербургском политехническом институте), учился у таких видных ученых как М.М. Ковалевский, А.И. Чупров, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Д.М. Петрушевский, М.А. Дьяконов, Н.И. Кареев, В.Б. Ельяшевич и др., имена которых в наше время забылись, но думаю, вскоре должны будут выйти из тени забвения, ибо заслуги их перед российской и мировой экономической наукой несомненны.

Первый из них – Максим Максимович Ковалевский, академик Петербургской Академии, основатель российской партии демократических реформ, депутат первой Государственной думы, член Государственного совета России – был крупнейшим теоретиком по аграрным вопросам. Находясь в эмиграции, он основал во Франции Русскую высшую школу общественных наук, в которой В.И. Ленин выступал с лекциями на тему “Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России”. Сам Ковалевский марксистом не стал и даже был его непримиримым критиком, хотя еще в 1874 г. познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, с которыми имел обширную переписку. Маркс называл



С академиком С.Г. Струмилиным и доктором экономических наук Л.Е. Минцем

его одним из своих “друзей по науке” и однажды сделал обширный конспект книги Ковалевского “Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения”, которую, думаю, было бы полезно почитать нашим нынешним аграриям, которым явно недостает научно обоснованных аргументов против тезиса об исконности частной собственности на землю.

Второй – Александр Иванович Чупров, член-корреспондент Петербургской Академии – был одним из основоположников русской статистики, основателем новой науки – экономики транспорта. В первой главе второго тома “Капитала” К. Маркс, обосновывая роль транспорта как отрасли народного хозяйства, цитирует книгу Чупрова “Железнодорожное хозяйство”. Не участвуя в политической деятельности и не занимая никаких видных постов, если не считать его работу в созданном им в 1869 г. Обществе распространения технических знаний, Александр Иванович был признанным лидером либеральной научной экономической мысли конца XIX – начала XX в. в России.

Третий – Петр Бернгардович Струве – был виднейшим российским политическим деятелем на рубеже двух веков, экономистом, философом, главным представителем “легального марксизма”. По тем временам в науке и политике он был, я бы сказал, фигурой одного масштаба с Плехановым и Лениным, об этом свидетельствует хотя бы то, что он являлся фактическим автором “Манифеста Российской социал-демо-

кратической рабочей партии”, выпущенного после первого съезда РСДРП в 1898 г. Струве был виднейшим политэкономом, впервые основательно подвергшим сомнению теории стоимости, прибавочной стоимости, воспроизводства, обнищания пролетариата; его перу принадлежит ряд фундаментальных работ по проблемам развития капитализма в России. Струве был ярким противником самодержавия и одновременно учения о социалистической революции и, особенно, о диктатуре пролетариата. Коммунисты не могли и не могут простить ему враждебного отношения к перевороту 1917 г., службу у Деникина и Врангеля. Но посчитайте, сколько вчерашних членов КПСС стоят сегодня на платформе “кадетов” (конституционных демократов), лидером которых когда-то был Струве, или на еще более правых позициях. И не пытайтесь считать, наверняка собьетесь...

Не могу не сказать несколько слов и о четвертом из списка – Михаиле Ивановиче Туган-Барановском, также “легальном марксисте”. Михаил Иванович был одним из виднейших теоретиков кооперативного движения и кооперативного социализма, в течение многих лет издавал журналы “Вестник кооперации” и “Новые идеи в экономике”. Хочу отметить, что он стал одним из основателей Академии наук Украины, академиком и председателем ее социально-экономического отдела, т.е., по нынешней терминологии, академиком-секретарем Отделения экономики. Его работы “Экономическая природа кооперативов и их классификация”, “Бумажные деньги и металл”, “О кооперативном идеале” актуальны и сегодня. А его идею о соединении трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности, которую он выдвинул первым среди экономистов мира, разделив объективные и субъективные хозяйственные ценности и предложив на этой основе новую теорию распределения, я бы посоветовал основательно обдумать нынешним российским теоретикам-экономистам, размышляющим, чтобы эдакое построить на дымящихся развалинах марксистско-ленинской политической экономии.

Я бы мог и должен был бы продолжить этот список, ведь Струмилину читал лекции еще и такой выдающийся русский экономист, как Александр Сергеевич Посников, но, к сожалению, нет места. Закончу, на мой взгляд, несомненным утверждением о том, что российская экономическая школа имеет собственные весьма глубокие корни, и уважение к Кейнсу, Гелбрейту и Фридмэну не должно заслонять нашу историческую память. Кстати, сам Струмилину серьезнейшим образом интересовал историей российской экономики, о чем говорит название его кандидатской диссертации: “Договор займа в древнерусском праве” (1914 г.).

Мне, впервые ознакомившемуся и заинтересовавшемуся трудами основателей русской экономической школы во время учебы в ВПШ, эти ученые представлялись неземными историческими фигурами. Поэтому рассказы Струмилины о своих учителях, приправленные его личными впечатлениями от общения с ними, я слушал, затаив дыхание.

Первая фундаментальная работа Струмилины “Богатство и труд” (СПб., 1905), написанная им в период олонецкой ссылки, еще в студенческие годы, была распродана за считанные месяцы и тут же вы-

шла вторым изданием. Всего за свою жизнь он опубликовал около 700 работ, среди которых целый ряд крупномасштабных фундаментальных трудов. Но, как ни парадоксально, самыми знаменитыми стали его брошюры: “Задачи и план организации текущей статистики льна” и “Виды на урожай к 10 августа 1913 года по 20 губерниям и общий ожидаемый коммерческий сбор льняного волокна в России” (обе – СПб., 1913). Дело в том, что в расчетах, содержащихся в этих работах, Струмилин впервые в мире применил *балансовый метод* проверки данных об урожаях этого волокна итогами его вывоза и потребления в стране, и точность этих отчетных сведений оказалась на порядок выше точности тогдашней урожайной статистики. Впоследствии, когда он уже работал в Госплане СССР, под его руководством была разработана первая в мире система материальных балансов. Его же я бы назвал и отцом советского государственного планирования. Думаю, вы со мной согласитесь, ознакомившись с его работой “Пятилетняя перспективная ориентировка Госплана СССР”<sup>2</sup>, с которой он выступил как основной докладчик на первом съезде плановых органов СССР. Во всем мире экономисты знают, что такое “индекс Струмилина” (один из методов построения индекса производительности труда).

Примкнув к коммунистам еще в 20-летнем возрасте – в 1897 г., он активно участвовал в революционной деятельности, за что неоднократно подвергался репрессиям и однажды в питерских “Крестах” был на волосок от смерти, сначала объявив сухую голодовку, а потом инсценировал самоповешение. Он был “искровцем”, был делегатом IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) съездов компартии, но не сошелся во взглядах с Лениным и большевиками, кстати, он не примкнул и к меньшевикам. Как всякому глубоко мыслящему человеку, инстинкт стадности ему был чужд.

Я горжусь тем, что впоследствии с Станиславом Густавовичем нас связала личная дружба. Я нередко бывал у него дома, всегда приносил ему новые книги, в том числе и свои, которые он тут же аккуратно заносил в учетный журнал своей личной библиотеки – одной из богатейших, которые мне приходилось видеть на своем веку. Он любил шахматы, и я, не будучи большим специалистом в этой области, все же сдился с ним играть, чтобы доставить ему удовольствие. Когда я заметил, что он иногда намеренно мне проигрывает, я спросил, зачем он это делает. Струмилин ответил: “Николай, во-первых, чтобы вы не теряли интерес к игре, а во-вторых, я, правда, часто делаю зевки не намеренно, ведь мне, голубчик, скоро сто лет. Посмотрим, как вы будете играть в шахматы в столетнем возрасте...”.

Нужно сказать, что шахматы были его страстным увлечением, которому он предавался всю жизнь и был готов играть в них где угодно, с кем угодно и в любых условиях. Первые свои фигурки он изготовил сам, будучи учеником реального училища в Скопине под Рязжском. Он играл в шахматы в одиночной камере петербургских

---

<sup>2</sup> См.: Проблемы планирования (итоги и перспективы), М.: План. хоз-во, 1926.

“Крестов”, перестукиваясь через стену со своим соседом, он играл в шахматы в штормовую погоду на открытой палубе парохода, когда бежал из ссылки в Норвегию, он играл в шахматы с М.И. Калининым и своим будущим начальником А.И. Цюрупой (первым председателем Госплана СССР), будучи в олонечкой ссылке; наконец, играл и выигрывал даже у надзирателя Часовой башни Бутырской тюрьмы Петра Акимыча, который, кстати, по рассказу самого Станислава Густавовича, был умелым игроком, а тем, кто мог у него выигрывать, делал тюремные поблажки, чем Струмилин и пользовался, посылая через него записки своей жене Соне, которая в это же время была заключенной в той же тюрьме.

Мы в президиуме Академии и в ЦЭМИ готовились отметить столетний юбилей Струмилина и отметили, но, правда уже без него. Станислав Густавович ушел из жизни, не дожив до своего 97-летия буквально четырех дней. Этот его день рождения мы тоже отмечали, слушая его обращение, записанное на магнитофон. Зная наперед, что он не сможет присутствовать за заседанием, так как уже был малоподвижен, он продиктовал свою краткую речь, обращенную к молодежи. На нас, которые все перед ним были молодежью, она произвела большое впечатление, тем более что накануне мы проводили его в последний путь. Мы слушали эту речь как озвученное завещание...

Моя глубокая симпатия к С.Г. Струмилину объяснялась еще и тем, что мы были с ним почти земляками. Он родился и провел детство под Винницей, нежно любил свою родину и часто вспоминал о ней. Об этом говорит следующая цитата из книги его мемуаров, которую я привожу здесь еще и потому, что сам хотел написать в этой своей книге что-то подобное, но думается, лучше чем Станислав Густавович не смогу.

“Вспоминается, как сквозь сон, в поэтической дымке залитые южным солнцем белые хатки, зеленые вишневые садочки, богатый юмором веселый украинский говор и полные тихой грусти украинские песни и думки, в которых воспевается то широкий Днепр, то казачьи походы, то совсем недавний еще народный герой Кармалюк, а то и старый запорожец

Сагайдачный,  
Що проминяв жинку  
На тютюн та люльку,  
Необачный...

Мне в слишком раннем детстве пришлось покинуть этот чудесный уголок Украины, но он никогда не изгладится из памяти”<sup>3</sup>.

Да, действительно, лучше не скажешь! Мне по душе и то, что он говорил о родстве славянских культур; подобные мысли также часто приходят ко мне, что-то подобное мог бы сказать и я: “В семье в украинский период детства говорили все по-польски, пели по-украински, а читали больше всего по-русски, так что я в равной мере владел всеми

<sup>3</sup> Струмилин С.Г. Из пережитого. М., 1957. С. 12.

этими языками и любил их, считая одинаково близкими и родными... Таким образом, с культурой Мицкевича, Шевченко и Янки Купалы меня связывают кровные узы происхождения. Но пять шестых жизни мне пришлось провести в повседневном труде и борьбе за свои идеалы в коренной России. И это еще теснее сроднило меня с культурой Пушкина, Толстого и Горького – с русской культурой”<sup>4</sup>.

Надо сказать, что один из предков С.Г. Струмилина, его тезка Станислав Струмилло-Петрашкевич, был в звании маршала Великого княжества Литовского послом в Москве в 1490, 1495 и 1499 гг. и что род его еще в начале XX в. значился в VI книге старейших родословных записей Минской губернии.

Не могу не сказать еще об одном, что характеризовало его человеческие качества. За свою долгую жизнь Струмилины вырастил и воспитал тринадцать приемных детей (!), многие из которых стали учеными и профессорами. Кстати, первых четырех племянников своей жены – Колю, Шуру, Петю и Русю – он взял на воспитание еще в начале века. И хотя родственники принимали на себя какую-то часть расходов на детей, С.Г. Струмилину приходилось подрабатывать интенсивным литературным трудом и службой в Лыняном комитете. Тогда же вышли его книги “Слово к крестьянской бедноте”, “Община и земельный вопрос” и др. Может этим четверем ребятишкам мы отчасти должны быть признательны за появление на свет системы материальных балансов. “Да, были люди в наше время...”

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на большое уважение и личную симпатию, которые я испытывал к С.Г. Струмилину, наши научные взгляды во многом и существенно расходились. Подробно на этих расхождениях я здесь останавливаться не буду, приведу только одно из его высказываний, с которым не был полностью согласен. Привожу его также и потому, что оно, на мой взгляд, вообще интересно, а для С.Г. Струмилина – характерно. Рассказываю об этом со слов профессора МГУ В.П. Орешина, который, будучи еще студентом, присутствовал на одной из университетских “профессорских сред”, где один молодой человек, желая, по-видимому, определиться с темой будущей диссертации, задал старейшине нашей экономической науки вопрос: “Какие проблемы советской экономической науки вы считаете нерешенными?”. Ответ С.Г. Струмилина вызвал шум в аудитории: “Я не вижу нерешенных проблем в советской экономической науке. Все научные проблемы, которые мне виделись значимыми, я решил”. Многие из присутствовавшей в зале молодежи приняли это за стариковское бахвальство, однако, если бы прочли хотя бы его основные труды по преобразованию многоукладной экономики, теории и методологии планирования, действию закона стоимости, экономике труда, соотношению накопления и потребления, ценам и проч., и проч., то оценили это его высказывание несколько иначе. Некоторые из них так и сделали...

---

<sup>4</sup> Там. же. С.13.

## ХИМИЯ КАК КЛАССОВАЯ НАУКА

Возвращаясь в МИТХТ, хочу заметить, что в моей работе там было немало сложностей. Первая из них была связана с противодействием моим попыткам усовершенствовать в институте учебный процесс. О предлагавшихся мной направлениях перестройки учебных программ я расскажу ниже, а сейчас отмечу, что у меня были неприятности и другого рода, характерные для того времени, когда не только общественные, но естественные науки, в том числе и биология, и даже химия и математика, были науками “партийными”, науками “классовыми”.

Молодежь, читающая сегодня эту книгу, может скептически относиться к сказанному, но это правда и правда суровая. В те времена любая из наук делилась на “марксистско-ленинско-сталинскую” и “буржуазную”. Критерии этого деления были неопределенными, и от произвола критиков зачастую зависела судьба и жизнь ученого. Ломались судьбы людей, некоторые погибали, ликвидировались прогрессивные направления научных исследований, от чего непоправимый урон наносился стране, ее хозяйству, обороноспособности. Именно поэтому мы сегодня отстаем в развитии биологической науки и не можем никак решить продовольственную проблему, отставание же от передового мира в области электроники, боюсь, нам уже не удастся ликвидировать никогда.

Раскрываю толстую книгу с пожелтевшими страницами – Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.) – и читаю цитату из трудов И.В. Мичурина: “Наука и в частности ее конкретная область – естествознание... есть одно из орудий классовой борьбы”<sup>5</sup>, далее: “...воздействовать и изменять природу в силах только пролетариат, – так говорит учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина – непревзойденных умов-гигантов”<sup>6</sup>.

Ну, хорошо, с ролью пролетариата в развитии науки ясно. А как быть с наукой при капитализме? На это дает однозначный ответ бывш. замминистра совхозов Е.М. Чекунов: “...благодаря повседневной заботе... великого вождя товарища Сталина о развитии науки, возможен тот размах творческой деятельности, свидетелями которого мы являемся... В этом огромное преимущество нашей науки перед наукой любого капиталистического государства, где она служит корыстным, частнособственническим интересам, является средством обогащения эксплуататорских классов, средством угнетения трудящихся... Беспартийной науки нет. Это давно доказано”<sup>7</sup>. Вот вам и наука как “средство угнетения трудящихся”! А вы-то думали, что наука – это система знаний о закономерностях в развитии природы и общества, средство познания истины...

---

<sup>5</sup> Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.). М., 1949. С. 232.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 235.

Но, может быть, это касается только биологии? Возьмем другое издание тех лет: “Словарь-справочник по социально-экономической статистике”, читаем: “Советская статистика основывается на передовой, революционной марксистской философии. Буржуазная статистика основывается на реакционной идеалистической философии. Советская наука, советская статистика полны уверенности в своих силах, в своих творческих возможностях. Буржуазная наука, буржуазная статистика гниет на корню”<sup>8</sup>. Четко, ясно и понятно, если только не учитывать того, что единственно правдивые статистические данные о состоянии советской экономики публиковались в совершенно секретном справочнике, рассылавшемся по списку партийному руководству (мне приходилось держать его в руках), а отечественные экономисты для проведения мало-мальски реалистического анализа пользовались зарубежной, “продолжающей гнить на своем корню”, статистикой, поскольку отечественная не была к этому пригодна.

Подобных примеров хватило бы не на одну книгу, приведу только еще один. В 20–30-е годы в нашей стране было широко известно имя Розенгольца – крупнейшего специалиста в области внешней торговли. По этим вопросам он опубликовал множество работ; в годы двух первых пятилеток, находясь на посту наркома внешней торговли, успешно обеспечивал внешнеэкономическую сторону индустриализации страны. Листаю страницы фундаментального труда “Внешняя торговля СССР” (М., 1938) и обнаруживаю, что его авторы – Бакулин и Мишустин – выражают глубокое удовлетворение по поводу того, что, наконец, “разоблачена и уничтожена японо-немецкая банда Розенгольца, прокрывшаяся на руководящие посты в Наркомвнешторг и осуществлявшая преступный (что бы вы думали? – *Н.Ф.*) экспорт в Японию чугуна”. Да-а, если бы подобные мотивы для наказаний были бы актуальны до настоящего времени, сколько же народу нам пришлось бы сегодня перестрелять! Не особенно виню в данном случае Бакулина с Мишустиним; думаю, что без этого текста их книга в то время просто не была бы издана, но они все же этот текст подписали...

Среди ученых встречаются такие, кто вешает ярлык ущербности всем, кто не согласен с их точкой зрения, но это их личное дело. Однако когда талантливые, самостоятельные и неординарно мыслящие люди постоянно рискуют попасть в разряд врагов народа, и их уничтожение декларируется в качестве одной из целей государственной политики, это становится трагедией глобального масштаба и для народа, и для государства. Смею утверждать, что большинство нынешних бед России уходит корнями именно в эту трагедию, является следствием многолетнего подавления живой мысли и уничтожения лучших умов Отечества.

С толкованием химии как классовой, партийной науки мне пришлось столкнуться при следующих обстоятельствах. Сотрудница Ин-

---

<sup>8</sup> Словарь-справочник по социально-экономической статистике. М., 1948. С. 10.

ститута неорганической химии АН СССР А.Н. Дяткина – ученица Я.К. Сыркина – известного академика, более сорока лет заведовавшего кафедрой физической химии в МИТХТ – успешно защитила диссертацию по теории резонанса. Отмечу, что ее оппонентом был академик А.Н. Несмеянов – в те времена академик-секретарь Химического отделения АН СССР (1946–1951 гг.), президент АН СССР (1951–1961 гг.).

Диссертация была добротная, защита прошла успешно, необходимые документы были переданы в Высшую аттестационную комиссию, которая утвердила решение Ученого совета. Но тут-таки нашлись люди, в частности бывший аспирант И.А. Каблукова Шахпаронов, обнаружившие, что работа Дяткиной является антимарксистской, идеалистической и буржуазной, и обратившиеся с негодующими письмами во все инстанции с требованием отменить решение по этой диссертации. Заварилась идеологическая каша, отравившая на какое-то время существование многим людям, однако задуманного достичь не удалось. А.Н. Несмеянов сохранил принципиальность и не отозвал своего положительного отзыва на диссертацию, как от него требовали, и Дяткина осталась доктором наук, а ее вклад в науку через некоторое время был признан не только у нас, но и за рубежом.

К сожалению, в результате шахпароновских происков Я.К. Сыркин остался без работы, и я, исполняя тогда обязанности ректора МИТХТ, зачислил его к нам на кафедру физической химии. Яков Кивович на всю жизнь остался мне благодарен за поддержку в трудную минуту и через много лет, встречаясь в Академии, мы иногда вспоминали этот эпизод.

А что же эти борцы за “ленинско-сталинские” научные принципы? Они продолжали паразитировать, отыскивая “буржуазные уклоны” у химиков, физиков и математиков, не только отравляя им жизнь, но и тормозя советскую науку в целом. Самое обидное заключается в том, что вся мощь партийной и государственной власти обрушивалась на цель, указанную “разоблачителями”, использовавшими идеологический жупел, как правило, не из благородных идейных соображений, а главным образом, руководствуясь завистью, личными обидами и карьеристскими поползновениями. “Корма” им хватало: если повсюду в стране окопались враги народа, то почему же им не быть в науке? Критика буржуазных теорий была хотя и искусственной, но одной из самых “непотопляемых” научных тем, щедро оплачивавшейся вплоть до середины 80-х годов.

Как ни странно, несмотря на то, что в своей работе мне часто приходилось “наступать на мозоли”, меня лично “чаша сия миновала”. В течение жизни моя фамилия много раз числилась в списках тайного голосования – и при защите диссертаций, и при выдвижении на выборные должности, и, как правило, я всегда проходил единогласно. Скажу честно, это меня и ободряло, и озадачивало.

## ПЕРЕСТРАИВАЮ УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ...ЗА ОКЕАНОМ

В МИТХТ я прошел все формальные стадии становления советского ученого: аспирант, ассистент кафедры, после защиты кандидатской – доцент, после защиты докторской – профессор. После получения ученого звания доцента я был назначен проректором Института, а позже, незадолго до моего ухода из МИТХТ, исполнял обязанности ректора. Научная работа шла у меня без особых “встрясок”, а вот на административном поприще было не все гладко.

Так, будучи проректором, я задумал перестроить учебный процесс в МИТХТ по образцу Московского физико-технического института, где бывал не раз, и где мне очень понравилось то, что там студенты более глубоко и широко, чем где бы то ни было, изучали фундаментальные дисциплины: математику, физику, химию и проч. Такой серьезной базисной подготовки не давал ни МИТХТ, ни Менделеевский институт. Однако мне не удалось преодолеть сопротивление руководства, и мои предложения не прошли.

Впрочем, реализовать большую часть моих идей по организации учебного процесса мне все же удалось, но... за границей. Вот как это вышло.

На Кубе я был два раза. Первая из этих поездок состоялась, когда я еще был проректором МИТХТ, и была связана с просьбой кубинского правительства оказать помощь в организации учебного процесса в Гаванском университете. Поэтому в Москве была собрана не обычная делегация, а бригада опытных ученых и вузовских работников, способных спрофилировать и организовать учебный процесс. В нее вошли специалисты из МГУ и других вузов, “бригадиром” стал начальник методического управления Министерства высшего образования СССР Назаров. Перед отъездом нас принял и проинструктировал министр.

Постоянного, а тем более прямого авиационного сообщения с Гаваной в то время не было. Сначала наша бригада добралась до Праги, где в течение суток поджидала самолет с Кубы. Наконец, самолет прилетел и оказалось, что на нем прибыл президент Кубы Освальдо Дортикос, которому предстояла серия визитов в страны Восточной Европы и в СССР. Он отправился своим маршрутом, а мы вместе с двадцатью молодцами из его личной охраны сели в его самолет и полетели в Гавану.

В те времена самолеты с поршневыми моторами не могли в один прыжок пересекать сразу и Европу, и Атлантику, поэтому перед тем как пролететь океан мы остановились передохнуть и заправиться на Азорских островах, принадлежащих Португалии. В местном аэропорту мы разместились в отеле, внешне и изнутри напоминавшем дощатый сарайчик, вокруг которого расположились ребята из салазаровской охраны, своей статью мало отличавшиеся от охранников О. Дортикоса. Защищенные снаружи и внутри, мы расположились на отдых, продлившийся более суток из-за циклона, бушевавшего где-то посреди океана. Развлечений не было, и мы даже не могли ничего почитать, по-

сколько по требованию салазаровских чиновников ни книг, ни газет, ни журналов выносить из самолета на территорию Португалии было нельзя. Командир корабля даже специально предупредил нас об этом, сказав, что в ином случае наша страна может лишиться очень важного промежуточного аэродрома. Воистину, самый страшный враг любого тоталитарного режима – это слово, особенно печатное...

Не знаю, насколько вероятны были какие-то провокации со стороны салазаровских властей, однако поздно вечером в дверь моей комнаты кто-то постучал. Открыв, я увидел перед собой мощную фигуру человека, что-то говорившего мне то ли по-испански, то ли по-португальски. Вспомнив, что я уже видел его в самолете, понял, что это кубинец. После нашей длительной беседы, в течение которой я вставил только одно слово, которое знал по-испански, а именно “си” (что значит “да”), а он демонстрировал мне свои пистолеты, припрятанные под пиджаком, и номер комнаты, я понял, что он предлагает мне свою помощь в случае возможных неприятностей. Моя догадка подтвердилась, когда мы утром еще раз переговорили, но уже с переводчиком.

Надо признаться, что не мытьем, так катаньем, но стрельбу на острове я все же организовал. Океан вокруг нас был таким красивым, теплым и манящим, что я не удержался и полез купаться. Отплыв метров тридцать от берега, я заметил бегающих по берегу солдат, которые сначала махали мне руками, а потом начали стрелять. Я возвратился к берегу и мне объяснили, что у берега полно акул и что купаться здесь ни в коем случае нельзя. Я поблагодарил солдат жестами и понял, что я, действительно, был в большой опасности.

Через океан мы летели долго, но общение в самолете было уже раскованное, с кубинскими ребятами мы успели подружиться и даже немного угостили их нашими “сувенирами”. Когда под крылом самолета засветились огни Гаваны, они повскакали с мест и под хоровой клич “Куба си, янки но!” устроили такую карнавальную пляску, что мы испугались, выдержит ли ее самолет. Командир экипажа с некоторым трудом успокоил танцующих, и мы благополучно приземлились. Нас в прямом и переносном смысле очень тепло встретили в аэропорту, отвезли в красивый отель с названием “Капри”, возвышавшийся на берегу океана, и мы “завалились” спать, так как прилетели в Гавану среди ночи.

Следующее утро встретило нас жарой и влажностью. Непривычный климат первое время действовал на нас угнетающе, несмотря на кондиционеры. Какое-то время я работал по ночам, когда на Гавану спускалась прохлада, и очень удивлялся кубинцам, которые не купались в океане из-за того, что, по их мнению, в октябре вода там становилась холодной – плюс 28 градусов. Действительно, куда уж холоднее...

Мы начали свою работу в Гаванском университете с детальной “рекогносцировки”: внимательно изучили их учебные планы, познакомились с дипломными работами выпускников университета, прослушали несколько устроенных по нашей просьбе лекций по экономике Кубы. Я посоветовался с друзьями и коллегами, также находившимися на Кубе в командировке. Это были А.Н. Ефимов и А.И. Анчишкин из

НИЭИ Госплана, знакомые из других институтов, в том числе и из НИИТЭхима. Учитывая особенности экономики Кубы в тот период, я решил, что копировать наши учебные планы нецелесообразно, хотя и взял с собой десяток “пустографок”. Работать приходилось много, а маршрут передвижения по Гаване был один: гостиница – университет и обратно. На экскурсии и купанье не было времени, да и обстановка в городе и в стране была тревожной.

Иногда после захода солнца я все же выходил погулять, чтобы хоть немного подышать натуральной, и не кондиционированной прохладой. Меня всегда сопровождал громадный чернокожий охранник более чем два метра ростом с пистолетом ТТ подмышкой. Когда во время прогулки где-то вдруг раздавались выстрелы, он без разговоров брал меня “за шкуру” как котенка и припрятывал под какую-нибудь машину. Сам я в общем-то не из мелких казаков, но тут сопротивление было бесполезным, потому что он был просто черный Гулливер, добрый чернокожий. Когда шум стихал, он таким же макаром вытаскивал меня из-под машины, и прогулка чинно продолжалась. Охрана сопровождала нас все время, до самого отъезда.

Дискуссии, проводившиеся ежедневно нашей бригадой, ощутимых плодов не приносили, так как сводились к общим рассуждениям, и я попросил разрешения уединиться на несколько дней, чтобы подготовить конкретный вариант учебного плана, который мог бы стать реальным предметом для делового обсуждения. После некоторого сопротивления мое предложение было принято, и я четыре дня работал в привычном для себя режиме: завтрак, работа, обед, дневной сон, работа, ужин, вечерняя прогулка, работа, сон и т.д.

Перед обедом, для небольшой “прочистки мозгов” я позволял себе пару стаканчиков аперитива. В баре нашего отеля имелось великолепное вино восьмидесяти–столетней выдержки, мимо которого никак нельзя было пройти. Оплата была безналичная, т.е. по предъявлении ключа от номера на этот номер выписывался счет, который потом плюсовался к общему счету за проживание. Каждый раз, расписываясь в буфетном счете, я добавлял к указанной в нем сумме плюс один песо. Эту добавку бармен получал непосредственно “на свой карман”, поэтому в буфете меня каждый раз встречали как родного.

Через четыре дня я выложил на стол результаты своих отшельнических бдений, которые вызвали серьезную дискуссию. Это объяснялось главным образом тем, что я в предложенных мною учебных планах попытался реализовать свою давнюю мечту разорвать пути узкоспециализированного инженерного образования, которую мне так и не удалось осуществить в МИТХТ. Свою позицию я подкреплял необходимостью подготовки на Кубе специалистов широкого профиля, которым предстояло преодолеть монотоварность специализации хозяйства, ориентировавшегося тогда исключительно на экспорт сахара-сырца и бананов. “Если Куба будет продолжать выпускать одних инженеров-аграрников и пищевиков, – говорил я, – то кто завтра сможет здесь производить кобальт и никель, азотные удобрения, электроэнергию, средства транспорта, строительные материалы и т.д.? Стране нужны высокообразованные специалисты с широким кругозором, а уз-

кая их специализация – дело нужное, да и провести эту специализацию намного легче, имея высокообразованных людей с богатой общей культурой. Кстати, неплохо было бы осуществить эту идею и в СССР”.

В конце концов мои предложения были приняты как нашей бригадой, так и профессурой Гаванского университета, часть которых выразила недоумение по поводу того, что в учебных планах отсутствовал курс теологии. Я объяснил это тем, что у нас этот предмет давно забыт, а они могут сами включить его в учебные планы за счет экономии часов по другим предметам.

Мы представили результаты нашего труда директору Института высшего образования.

Институт (читай, министерство) высшего образования одобрил нашу работу, и директор (читай, министр) предложил нам, учитывая, что мы две-три недели работали весьма напряженно, совершить экскурсию по острову, дабы отдохнуть и развеяться. Не побоялись принять это предложение из нас только трое, в том числе и я.

Мы направились через всю страну на юго-восток, в провинцию Орьенте, столица которой город Сантьяго-де-Куба. Побывали на том месте, где в декабре 1956 г. с яхты “Гранма” высадился со своим отрядом Ф. Кастро, поднялись в горы Сьерра-Маэстра, где этот отряд вырос в повстанческую армию.

В местном университете наша бригада прочитала три лекции. Первая была моя, и в перерыве хозяева предложили мне съездить в соседнюю харчевню и выпить по кружке холодного пива, что было весьма кстати по жаркой погоде. Была предложена закуска, вызвавшая у меня недоверие из-за необычного внешнего вида, а переводчика не было, так как он остался “синхронизировать” в университете. Хозяева явно расстроились и, как потом выяснилось, не зря. Это, действительно, было вкусное и редкое блюдо – жареные и подсолненные пороссячи хвостики. Ребята хотели сделать мне приятное, а я не понял. Когда закончились все лекции и мы все собрались в этой же харчевне на обед, я распробовал эти хвостики и потом настойчиво рекомендовал всем их отведать.

На обратном пути мы проехали через сельскохозяйственные районы Кубы, осмотрели банановые и тростниковые плантации, беседовали с местными жителями, которые искренне удивлялись, узнав, что “компаньеро руссо” не снежные, а такие же нормальные люди, как и все, т.е. без рогов на голове и шерсти на теле. Один из них даже ошупывал наши рубашки – нет ли под ними шерсти...

Во время одной из остановок вышло небольшое недоразумение. Сопровождавший нас кубинец, по фамилии Охеда, очень удивился и расстроился, увидев, что я купил у одного крестьянина за 5 центаво связку бананов, принял за есть сам и угощать своих товарищей. “Зачем Вы это делаете? – возмущенно спросил он. – Это же пища для самых бедных, неужели Вы голодны? Вы ставите меня в неудобное положение!”. Следует признать, что нас кормили в Гаване, действительно, весьма калорийной пищей, в мясных продуктах, потребление которых на Кубе нормировалось и нормируется, недостатка не было. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы объяснить товарищу, что

в наших снежных краях бананы являются деликатесом, а настоящих бананов – что называется “с грядки” – мы не видим вообще, поскольку нам везут их на пароходах издалека, срывая зелеными, чтобы в дороге они не испортились. Недоразумение было улажено, мы купили еще несколько связок в дорогу и отправились дальше.

В конце пути мы стали торопиться, чтобы успеть на прием к Фиделю Кастро. Однако, подъехав к площади Хосе Марти, мы увидели многотысячную толпу, заполнившую не только саму площадь, но и близлежащие переулки. Оказалось, что сегодня на митинге будет выступать Фидель. При помощи нашего “Гулливера”, державшего в руке винтовку, нас провели поближе к трибуне, где были места для гостей. Фидель начал свою речь, и тут хлынул проливной дождь. Дождь шел, переставал и снова шел, но никто не расходился. Фидель говорил семь часов подряд без бумажки и без остановки. Главной темой выступления были женский труд и судьба кубинской женщины. Значительная часть речи была посвящена обоснованию необходимости закрыть публичные дома и прочие притоны азарта и разврата, оставшиеся в наследство от буржуазного строя. Фидель предложил переквалифицировать проституток в шоферов, ткачих, машинисток и проч. Забегая вперед, скажу, что из этой затеи ничего не вышло, поскольку рабочих мест и так не хватало, а купленные для девочек-шоферов автомобили они переколотили за две недели.

Указания Фиделя, с которым мы так и не встретились, выполнялись быстро. Когда мы вечером подъехали к своему отелю и захотели заглянуть в казино, рулетку уже выносили из здания, объяснив, что таков приказ Фиделя. Публичные же дома и так находились на грани банкротства. Начало их финансового краха совпало по времени с началом революции, когда “барбудос” перестали платить за удовольствия, считая, что для революционеров это лишнее, а потом государство установило жесткий контроль за тарифами на услуги. Читателю не надо объяснять, что контроль за ценами подрывает любую экономику.

Все же одно казино под названием “Тропикана” продолжало действовать, его оставили якобы для иностранцев. Мы попросили показать это “гнездо азарта”, и нам устроили экскурсию. Никто из нас, конечно, в игре не участвовал. Во-первых, не умели, во-вторых, нам это было не по карману. Увиденное там было в новинку, ранее подобное мы могли наблюдать только в кино. Кинематографический оттенок имела и драма, свидетелями которой мы стали ненароком.

На наших глазах один из игроков, с виду из юго-восточной Азии, раз за разом, все больше и больше выигрывал, стопки игорных фишек рядом с ним увеличивались и увеличивались, вокруг него росла толпа болельщиков. Кто-то из моих товарищей предложил и нам попробовать, мол, смотрите, как парню везет. Я заметил, что, по всем законам, этот парень вскоре должен прогореть, говорил это как экономист-математик и человек, имевший в юношеские годы громадный опыт участия в азартных играх; разница была только в том, что в “Тропикане” игра по-иностранному называется “джек-пот”, а у нас в деревне по-русски называлась “очко”. После этих слов я вышел на улицу проветриться и покурить. Как в воду глядел! Возвратившись обратно через минут

двадцать, увидел как того парня выносят на носилках. Оказалось, что он, зарвавшись в игре, продул все, что у него было, и его хватил удар. Воистину, “не играть батька запрещал, а отыгрываться”.

Хорошо помню встречу с неординарным человеком по имени Эрнесто Гевара де ла Серна, по прозвищу Че, или просто Че Гевара. Этот профессиональный революционер, соратник Фиделя Кастро в 1955 г., родившийся в семье архитектора, по профессии врач, впоследствии оставил Кубу, чтобы продолжать разжигать огонь революции, и погиб, партизана в Боливии. В то время, когда мы были на Кубе, ему было 32 года и он возглавлял Управление промышленного развития, через год переименованное в Министерство промышленности, и одновременно был президентом Национального банка страны. Я, как экономист, естественно, был заинтересован в этой встрече, и она состоялась. Забегая вперед, скажу что,

приезжая в Москву, Че навещал ЦЭМИ, где ему оказывали восторженный прием. Он был личностью неоднозначной, но, без сомнения, выдающейся, и во всем мире его любили, особенно молодежь.

В конце довольно длительной беседы я спросил Че, почему он, будучи врачом, взялся руководить промышленностью. Не знаю, в шутку или всерьез, он мне ответил, что, если бы он был министром здравоохранения, то наверняка протезировал бы терапевтам, поскольку был терапевтом сам, а, скажем, хирургия бы от этого страдала. Не смысла же, по его буквальному выражению, ни черта в промышленных делах, он может сохранять объективное отношение ко всем отраслям промышленности и тем якобы способствовать их пропорциональному и равномерному развитию.

Че притягивал к себе людей чистой натуры, увлеченностью, кипучей энергией и благородным азартом. Однако в его увлечениях проглядывала известная доля маниловщины. Как-то в один из его приездов в Москву мы засиделись в ЦЭМИ за беседой до глубокой ночи. Он высказал мысль о том, что если бы у него было 100 компьютеров (я тут же вспомнил про Ленина и 100 000 тракторов), он так бы организовал планирование и управление кубинской промышленностью, что у него все работало бы как часы. Нам пришлось долго убеждать его, что управление экономикой, это не управление автомобилем. Что машинные



Эрнесто Гевара де ла Серна –  
“Че Гевара”

системы здесь не помогут, а нужна разработка человеко-машинных систем, что дело не простое. Будучи натурой весьма эмоциональной, он, вынув на какое-то время изо рта сигару (что делал очень редко, казалось, что он с ней и спит), неожиданно вставил ее снова, но обратной стороной. Вот такие “горячие” споры у нас бывали...

Накануне нашего отъезда с Кубы Че пригласил нашу бригаду вместе поужинать. Ресторан был оформлен в виде деревенской хижины, обслуживание было “на уровне”. Вино можно было выбирать на собственный вкус без ограничений, и перед гостями ставили именно ту бутылку, вино из которой он попробовал и одобрил. Я перепробовал вино из двенадцати бутылок, оставил у себя тринадцатую и “попал в точку”. Че Гевара посмотрел на меня с удивлением и сказал, что он не ожидал среди русских встретить таких искушенных знатоков. Оказалось, что это было лучшее в этом ресторане девностолетнее испанское вино, представлявшее громадную ценность для гурманов. По такому случаю я был премирован дюжиной бутылок этого замечательного напитка, из которой стараниями членов нашей бригады до дома довез только две. Должен сказать, что более нигде и никогда, будь то во Франции, Италии и других странах, славящихся своим вином, я такого вкусного не пробовал.

Между прочим, нашим возвращением домой дело с учебными планами для Гаванского университета не закончилось. Министр просвещения Кубы решил провести их своеобразную апробацию. Во время своей поездки по Европе он показывал наши учебные планы во Франции (в Сорбонне) и в Варшаве, где они были одобрены, и в конце концов привез их в Москву и показал нашему министру высшего образования, которым тогда был В.М. Елютин. Ознакомившись с нашими творениями. Елютин немедленно вызвал меня. “Что Вы наделали, где Вы видели такие учебные планы? Это непозволительно! Вас зря посылали на Кубу!” – стал он меня распекать. “Мне кажется, что не зря”, – отвечал я. На другой день Елютин собрал у себя совещание, пригласив на него руководство ведущих вузов Москвы. И что оказалось удивительным, прежде всего для него самого, большинство профессуры приняло нашу сторону. Елютину стало некуда деваться, и при встрече с кубинским коллегой он эти планы также одобрил. Перед отъездом в Гавану их министр устроил прием в Кубинском посольстве, куда была приглашена вся наша бригада.

Второй раз на Кубе я был недолго и в иной роли – в должности сопредседателя советско-кубинской комиссии по общественным наукам, которая действовала под эгидой Совета Экономической Взаимопомощи. Мы должны были согласовать и подписать пятилетний план научного сотрудничества. Эта комиссия, в основном усилиями Института Латинской Америки Академии наук, принесла определенную пользу. Сейчас она практически прекратила свое существование.

Впрочем, первыми зарубежными странами, в которых я побывал в 50-х годах, еще работая в МИТХТ, были Чехословакия, Румыния и Венгрия.

В Румынию я был послан, будучи проректором МИТХТ и по совместительству заведующим лабораторией в НИИ синтетических



Проводы делегации в гаванском аэропорту

спиртов, где директором был Меняйло. Меня, его, сотрудника технического управления Минхимпрома и еще пару человек направили в Румынию в командировку. Не задержавшись в Бухаресте, мы сразу поехали в нефтехимическую “столицу” страны – Плоешти, где проходила международная научная конференция. Я выступил там с докладом об экономических проблемах развития современной нефтехимии. Более всего участников конференции заинтересовали мои предложения по выбору наиболее эффективных и перспективных направлений нефтепереработки и развития нефтехимии. Но в определенном смысле историческую роль сыграл в данном случае не мой доклад, а совсем другое.

Тогда в Румынии я впервые увидел на полке магазина очень хорошие мужские сорочки, сшитые из ткани, изготовленной из искусственного волокна. Как только я их увидел, мне пришла в голову заманчивая идея, которую я в конце концов реализовал. Я купил сразу несколько штук, для чего мне даже пришлось подзаять немного денег у коллег. По приезду в Москву четыре рубашки я подарил Н.С. Хрущеву, присовокупив на словах: “Вот на что способна хорошо развитая нефтехимия!” Никите Сергеевичу мой подарок очень понравился, он продемонстрировал его своим коллегам с теми же словами. Думаю, что опосредованно эти сорочки сыграли положительную роль в развитии отрасли, во всяком случае как-то повлияли на отношение к ней высших руководителей партии и государства, открывших зеленую улицу программе химизации страны в мае 1958 г.

В Венгрии я побывал по приглашению Отдела химии Госплана Республики. Мы с моим коллегой Савинским детально и с большим интересом познакомились с состоянием и перспективами развития венгерской химической промышленности, методами планирования ее работы и возможностями расширения отраслевого сотрудничества между нашими странами. Венгрия мне очень понравилась, и каждый раз впоследствии я ездил туда с большим удовольствием. Впрочем, первое знакомство с замечательной венгерской кухней прошло не совсем гладко. Национальные блюда, которыми нас угостили в первый же вечер, были весьма острыми. Я ел с удовольствием, запивая их отменным шопроньским “пино нуар”, “каберне” и “блю франк”, Савинский же вина не пил. Поглоченная им острая паприка, смешавшись с минеральной водой, дала такую реакцию, что он не досидел до конца ужина и, как потом мне рассказывал, хотел было уже вызывать пожарную команду, чтобы гасить огонь у себя в животе.

На мой взгляд, Будапешт это не просто “жемчужина Дуная”, но и один из красивейших городов мира. Живописно расположенный по обоим берегам главной водной артерии Европы, он, кроме того, великолепно спланирован и с любовью выстроен замечательными архитекторами. Местами в низинной своей части (Пешт) он очень напоминает Петербург. Подражая тем, кто называет Петербург Северной Пальмирой или Северной Венецией, я бы назвал Пешт Южным Петербургом. Представьте себе красоты нашей бывшей столицы, перенесенные из чухонских болот в южную степь с ее солнцем, обилием цветов и фруктов, запахом чернозема, изумительной изысканной и своеобраз-

ной кухней, звуками цыганской скрипки и т.д. и т.п., и вы поймете, почему я так люблю Будапешт.

Особенно хороши в Будапеште бассейны для купания, которые встречаешь буквально на каждом углу. Больше всего их на острове Маргит, где находится центр отдыха и развлечений. Все бассейны наполнены термальной водой, источниками которой Венгрия очень богата.

Есть бассейн, где механическое устройство имитирует морской прибор (остров Маргит), есть бассейны с водопадами и подземными пещерами (Мишкольцтапольца). Но более всего мне понравился бассейн “Сеченьи Фюрдо” (за Площадью Героев, напротив зоопарка), представляющий собой комплекс из трех ванн (воды в них 22, 36 и 42 градуса тепла), окруженных по периметру раздевалками, саунами, буфетами и кафе.

Я заметил, что венгры не занимаются в бассейнах так называемым спортивным плаванием и нырянием, а сосредоточенно мокут в термальной воде. Некоторые даже играют в воде в шахматы, которые держатся на подставке; некоторые постоянно курсируют из воды в буфет и обратно. Впоследствии, бывая в Венгрии, я не упустил случая выплывать в одном из таких бассейнов.

При прощании с Будапештом заведующий отделом химической промышленности Госплана Венгрии подарил мне на память свою незадолго до этого вышедшую из печати книгу, посвященную экономическим проблемам развития венгерской химии, сделав на ней дарственную надпись. О чем была эта книга и содержание дарственной надписи я узнал намного позже, поскольку ни тогда, как, впрочем, и сегодня, мадьярского языка не знал. При подъезде к Бресту, во время пограничного контроля, эта книга почему-то весьма заинтересовала “проверяльщиков”. “Что это у вас за литература?”, – спросили они. “Эту книгу подарили мне в Госплане Венгрии”, – отвечаю я. “Что в ней написано и что означает эта надпись?” – “Товарищи, – говорю я, – мадьярского не знаю и перевести не могу. Если вы считаете, что это запрещенная литература, я готов вам ее отдать”. Пограничники ушли минут на пятнадцать, затем вернулись, и снова стали задавать те же вопросы, на которые ничего нового я ответить им, естественно, не мог. Они снова удалились, по-видимому, в поисках человека, владеющего венгерским, и снова такового не отыскали. В конце концов, когда поезду уже больше нельзя было задерживаться, они подошли к вагону и швырнули книгу через дверь тамбура в ноги проводнику. Тот отдал ее мне, я довез ее до Москвы, и она до сих пор стоит у меня на полке. Глядя на нее, я иногда думаю, неужели на границе с Венгрией тогда не было человека, хотя бы читавшего по-венгерски?...

## “ПЛЮС ХИМИЗАЦИЯ”

Серьезное влияние на мое становление как научного работника оказали известные наши ученые, такие как Н.Н. Семенов, П.Л. Капица, М.В. Келдыш и др. О некоторых из них я уже говорил, о других скажу позже, а здесь хочу специально задержаться на воспоминаниях об общении с первым из этих трех светил отечественной науки.

Академик Николай Николаевич Семенов был выдающимся советским физиком и физико-химиком, кавалером множества орденов, Нобелевским лауреатом, в конце 50-х – начале 60-х годов академиком-секретарем Отделения химических наук, а потом вице-президентом АН СССР. Начну с него еще и потому, что он был первым из плеяды выдающихся советских ученых мирового масштаба, с которыми меня свела судьба. Это произошло в период (чуть было не сказал “в эпоху”) химизации народного хозяйства, когда в стране стал весьма популярным видоизмененный лозунг В.И. Ленина: “Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны, *плюс химизация народного хозяйства*”.

Не буду отказываться, автором этого дополнения был я. Кстати, с ним был согласен и Н.Н. Семенов, прямая и непосредственная заслуга которого заключалась в том, что он, уловив и проанализировав тенденции в развитии химизации как одного из основных направлений мирового научно-технического прогресса, первым смог убедить тогдашнее руководство страны в необходимости принятия срочных и стратегических мер в масштабе всего народного хозяйства. Действительно, в развитых странах мира к концу 50-х годов темпы прироста производства пластмасс в 7–8 раз опережали производство стали, доля синтетических волокон в текстильном производстве возросла в десятки раз, также стремительными темпами росло мировое потребление минеральных удобрений. Наша страна к концу 50-х годов в этом смысле здорово отстала.

“Декабристы разбудили Герцена”, Н.Н. Семенов “зажег” Н.С. Хрущева. 7 мая 1958 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление “Об ускорении развития химической промышленности и особенно синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства”, и машина завертелась. Дополнительный импульс химизация получила после постановления от 13 декабря 1963 г. – “Ускоренное развитие химической промышленности – важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа”. Я недаром упоминаю эти постановления, поскольку в те времена без них, тщательнейшим образом прорабатывавшихся в партийном и государственном аппарате, было бы невозможно привлечение громадных финансовых, материальных и трудовых ресурсов, необходимых для химизации, которая, по сути дела, требовала отраслевой реструктуризации всей отечественной экономики.

Надо сказать и о том, что мы с Н.Н. Семеновым прибегали к самым разным приемам, чтобы пробудить интерес высшего начальства к проб-

лемам химизации. Кроме обычных научных аргументов мы использовали и что-то вроде “наглядной агитации”: например, Н.Н. Семенов демонстрировал Н.С. Хрущеву привезенный им из-за границы полушубок из синтетического меха, а я, как уже рассказывал, пошел еще дальше – подарил генсеку четыре сорочки, привезенные из Румынии.

В подготовке самой программы химизации и в ее реализации активное участие принимала наука, новые масштабные задачи встали и в области подготовки квалифицированных кадров для химической промышленности. В то время я исполнял обязанности ректора МИТХТ им. Ломоносова, и Николай Николаевич стал привлекать меня к этой работе. Помню, наша первая встреча произошла у него дома, где мы в непринужденной обстановке беседовали более двух часов. Тогда же я рассказал ему о своей мечте перестроить учебный процесс в МИТХТ по образцу, принятому в московском физтехе, где, кстати, он преподавал. С рекомендацией Н.Н. Семенова я побывал в физтехе раза три, детально изучил все особенности организации учебного процесса в этом институте и разработал свои предложения для МИТХТ. Н.Н. Семенов помог нам расширить “институтскую жилплощадь” за счет строительства нового корпуса и передачи соседнего здания, на что мы ответили увеличением набора студентов и расширением тематики научных исследований.

Впоследствии, когда я уже стал академиком, мы регулярно встречались с Николаем Николаевичем на заседаниях президиума Академии наук, где я уважительно и полушутя называл его “наш новый Ломоносов”. Кстати, в отличие от Михаила Васильевича, временами покуривавшего трубку с голландским табаком, Николай Николаевич непрерывно чадил самыми дешевыми папиросами “Прибой”, и он был единственным, кто делал это во время заседания президиума. Иногда, в моменты нервного напряжения, я “стрелял” у него табачку и мы дымили вместе. Больше этого при М.В. Келдыше никто не делал.

Следует отметить, что у нас в стране были тогда и “идеологи химизации” совсем другого рода. В связи с этим не могу не вспомнить о выступлении на одном из юбилейных партхозактивов московской партийной организации, где я присутствовал, секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова – можно сказать, самого заслуженного идеолога партии, имевшего, по-моему, все возможные регалии: академик, Герой Соцтруда, член Комиссии партконтроля (1931–1937 гг.), редактор газеты “Правда”, директор Института Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, директор Института марксизма-ленинизма, член ЦК КПСС депутат Верховного Совета и “прочая, и прочая и прочая”, в том числе возглавлявшего авторские и редакционные коллективы, “по-оружейски” сочинявшие “Историю Великой Отечественной войны Советского Союза”, “Историю КПСС” и “научную” биографию В.И. Ленина.

В разделе доклада, посвященном промышленности, Поспелов коснулся и проблем развития химии. Суть его выступления по этому поводу свелась к двум тезисам: во-первых, под руководством Н.С. Хрущева наша химическая промышленность развивается семимильными шагами и является лучшей в мире как в количественном, так и в качественном отношении; во-вторых, некоторые так называемые ученые типа

Федоренко все время твердят об отставании этой отрасли. Вывод: к словам Федоренко прислушиваться не нужно, а вот к нему самому нужно “присмотреться”.

Кое в чем, например в производстве синтетического каучука, мы, действительно, опережали американцев. У нас были передовые разработки мирового уровня, например методика профессора Сергеева по совместному получению фенола и ацетона. Однако в развитии отрасли в целом мы отставали здорово, и нам нужно было еще догонять и догонять Америку. Я готов был отстаивать эту позицию в любое время и в любой аудитории, однако в тот момент почувствовал себя не очень уютно, поскольку за подобными высказываниями секретаря ЦК, да еще на юбилейном партхозактиве, как правило, следовали определенные “оргмеры”. Обошлось...

О начале “эры химизации”, о своем вкладе в это дело, роли в его развертывании Н.С. Хрущева, а также о моем отношении к этой неоднозначной и неординарной политической фигуре, думаю, стоит рассказать подробно.

Многие, на мой взгляд, несправедливо рассматривают деятельность Н.С. Хрущева как череду сплошных политических и экономических промахов, воздавая ему должное разве что за развенчание преступлений сталинизма. Следует признать, что кипучая энергия и целеустремленность Н.С. Хрущева временами давали полезные плоды, и в этом ему отказать нельзя. Я, как и большинство его современников, не склонен оценивать этого человека однозначно и выпячивать только одни его недостатки. Одной из его несомненных заслуг следует считать развертывание в СССР широкомасштабной кампании химизации народного хозяйства, которая проводилась не без “заскоков”, но в целом принесла стране очень большую пользу. В какой-то мере к этому делу приложил руку и я, о чем сейчас и расскажу.

Работая в МИТХТ, я часто публиковался в отраслевых специализированных журналах, а также в “Плановом хозяйстве” и – с большим трудом, о чем расскажу отдельно – в “Вопросах экономики”. Одну из моих проблемных статей по актуальным экономическим проблемам химизации народного хозяйства в воскресном номере за 24 февраля 1963 г. напечатала “Правда”, отведя ей половину второй полосы. Замечу, что первая моя статья в “Правде” под названием “В интересах “большой” химии” была напечатана еще в январе 1959 г., однако не была замечена. Наверное потому, что прошла в потоке “предсъездовского обсуждения Контрольных цифр развития народного хозяйства” на последующее семилетие, да и, признаться, была написана сухоовато и в сдержанном тоне.

На этот же раз в статью, названную мной “Экономические проблемы химизации народного хозяйства”, я, как говорится, “вложил все свое сердце”, все свои знания, умение, всю силу убеждения, которой обладал. И сейчас, перечитывая ее, мне слышится “крик души”, доносящийся через годы с пожелтевших страниц газеты. Думаю, мне удалось тогда подобрать нужные аргументы и сформулировать их так, чтобы они смогли достичь цели, а именно: заинтересовать руководство страны. Содержание этой статьи и ее публицистический стиль, мне кажет-

ся, ярко демонстрирует ее последний абзац, который я привожу ниже без поправок и купюр.

“Огромное, основополагающее значение химии состоит в том, что она наряду с физикой, математикой и биологией, с их многочисленными ответвлениями является естественнонаучной основой развития материального производства и технического прогресса. Уже в обозримой двадцатилетней перспективе химия позволит получить: *каждый третий килограмм хлеба, каждый второй или третий килограмм картофеля и овощей; каждый четвертый из пяти килограммов моющих средств; каждый третий кубический метр конструкционных материалов* (по отношению к черным металлам); *каждый второй час сокращения рабочего дня*. Вот она, революционизирующая роль химии в создании материально-технической базы коммунизма! Жизнь повелительно требует ускоренного развития химии и неотложного решения назревших проблем *химизации народного хозяйства*”. Отмечу сразу, что эти самые “каждые килограммы и кубометры” не были взяты с потолка, за ними стояли большие и серьезные расчеты.

Когда я писал эти строки, мне казалось, что не подействовать они не смогут. Так и случилось. Наутро в понедельник Н.С. Хрущев, возвращаясь с дачи, прочел эту статью, и она ему понравилась. Последовала незамедлительная реакция: уже на вторник было назначено заседание Совета Министров, с приглашением президента Академии наук М. В. Келдыша, с которым я тогда еще не был знаком, главного редактора “Правды” и других, для обсуждения моей статьи. Зал был полон, в первом ряду как всегда сидел В.Н. Старовский, начальник Центрального статистического управления. Н.С. Хрущев открыл заседание пятнадцатиминутной речью о статье. Он сказал, что Федоренко написал гимн химии, и попросил после того, как он уедет в аэропорт, продолжать обсуждение, отнесясь весьма серьезно к предложениям Федоренко.

Я попросил слова вне очереди, чтобы выступить до отъезда Н.С. Хрущева, мне его дали. Кроме прочего я обратил внимание собрания на то, что хлопкосеющие республики СССР просят для расширения посевных площадей под “белое золото” около 7 млрд руб., а, используя синтетические волокна в сочетании с натуральными, можно решить проблему обеспечения народного хозяйства высококачественными тканями, обойдясь всего 2 млрд. При этом не понадобились бы ни мелиорация, ни ирригация, ни громадные затраты рабочей силы по возделыванию такой крайне трудоемкой культуры, какой является хлопок.

Н.С. Хрущеву понравились мои доводы, особенно в части экономики посевных площадей под хлопчатник, на которых он сразу же предложил развести яблоневые сады. Я заметил, что расчеты по эффективности садоводства мною не производились и на этот счет я ничего сказать не могу. Завершая свое выступление, я вручил Н.С. Хрущеву свою книгу “Экономика промышленности синтетических материалов”. После этого он с моей книгой в руках уехал во Внуково, а совещание продолжалось. Как мне стало известно потом, Н.С. Хрущев передал эту книгу Н.К. Байбакову, о чем я расскажу подробнее чуть позже.

По итогам того совещания были сделаны соответствующие поручения, подготовлены правительственные решения и, можно сказать, что с этого началась “эра химизации”. А слова “плюс химизация...” я вынес в название следующей своей статьи, напечатанной в “Правде” ровно через год после описываемых событий.

Замечу, что на заседании Совета Министров мне пришлось выступить еще один раз – в 1972 г. В то время я был назначен членом коллегии Государственного комитета по науке и технике. Председателю Комитета Владимиру Алексеевичу Кириллину понравился один из моих докладов на коллегии, и он вынес его на повестку дня Совмина. Выступление мое прошло удачно и, как мне кажется, понравилось всем присутствующим, за исключением как всегда сидевшего в первом ряду В.Н. Старовского, которому нечего было ответить на мои упреки об остром дефиците доступной информации по рассматриваемому вопросу.

В марте 1964 г. К.Н. Руднев, занимавший тогда пост заместителя председателя Совмина и председателя Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ, предложил мне создать специальную лабораторию по экономическим проблемам химизации. На это предложение я ответил, что пока справлюсь с этой работой с моим коллективом в МИТХТ, действовавшим тогда весьма продуктивно. За предшествовавшие этим событиям три-четыре года нами было опубликовано более полусотни журнальных статей по различным экономическим проблемам развития химической промышленности, а также (в начале 1961 г.) шестисотстраничная монография, подаренная Н.С. Хрущеву.

К моменту описываемых событий у нас уже, таким образом, имелся определенный научный задел, однако последующие постановления партии и правительства дали дополнительный импульс для развертывания исследований химикам и экономистам, работавшим в области химизации.

Вероятно, Н.С. Хрущев был прав, оценив это направление в качестве одного из самых перспективных как по научному потенциалу, так и по конечной эффективности. Действительно, со времен Д.И. Менделеева наши научные исследования в различных областях химической науки находились, если уж не “впереди планеты всей”, то, во всяком случае, на мировом уровне. Правда, наши химические производства от этого уровня заметно отставали, что во многом зависело от неразвитости сопряженных отраслей промышленности и, прежде всего, машиностроения, которое не специализировалось на создании современного химического оборудования.

Справедливости ради надо отметить, что и в области химизации Н.С. Хрущев все же допустил некоторые промахи. Так, однажды он самостоятельно принял решение о закупке за рубежом шести заводов для производства вискозного корда. К тому времени мы уже научились делать корд из синтетического волокна, которое по качеству было на голову выше вискозного. Когда мы это Н.С. Хрущеву объяснили, он продолжал стоять на своем, говоря: “Материю (так он называл ткань) будем делать!” Мы продолжали убеждать его, что вискозные ткани никто покупать не будет из-за их непригодности по всем параметрам, он

никак не хотел с нами соглашаться. Насколько мне известно, все-таки все шесть заводов закуплены не были, но какая-то часть средств на эту пустую затею была потрачена.

Если уж Никита Сергеевич что задумывал, его увлечения не проходили быстро. К сожалению, эти увлечения не всегда вели к положительным результатам. В этом смысле интересно высказывание, приписываемое Уинстону Черчиллю, который якобы не соглашался с оценкой Хрущева как посредственного человека и говорил, что только гениальный руководитель ценой последовательной, искусной и напряженной работы мог оставить такую страну, как Россия, без продовольствия. В ряду такого рода мероприятий стояла и хрущевская эпохальная кукурузная кампания, когда он заставил всю страну – вплоть до полярного круга – сеять кукурузу, вытеснявшую с полей традиционные культуры. Эта кампания не только не решила проблем коренной перестройки кормовой базы животноводства, но и нанесла серьезный урон сельскому хозяйству страны.

В разгар кукурузной кампании я как-то оказался в Прибалтике, где кукуруза не созревает и либо вымерзает, либо вымачивается. И без кукурузы, за счет умелого выращивания многолетних трав прибалты искони имели прекрасную кормовую базу животноводства, а их молоко и молочные продукты всегда славились не только в СССР. Естественно, что там, в том числе и в Эстонии, к хрущевской затее отнеслись “спустя рукава”. Но вот случилось так, что Н.С. Хрущев собрался посетить Эстонию. Как быть, как избежать скандала? Ведь массовых посевов кукурузы в республике нет. Иоганнес Густавович Кэбин – в то время первый секретарь ЦК КП Эстонии – рассказал мне, как они вышли из положения. По маршруту следования московских гостей вдоль дороги полосой примерно метров в десять была высажена кукуруза, загораживавшая посеvy многолетних трав. Она была высажена достаточно плотно, так что гости не заметили декорации. Более того, Н.С. Хрущев похвалил руководство республики за то, что оно правильно понимает указания ЦК партии и его личные рекомендации.

Вспоминая хрущевские времена, не могу не рассказать об одном из наших разговоров с Владимиром Васильевич Щербицким, с которым мы когда-то учились в Военно-химической академии в Самарканде и в биографии которого обращает на себя внимание следующая запись: “В 1961–63 пред. Сов. мин. УССР. В 1963–65 1-й секретарь Днепропетровского обкома КП Украины. В 1965–1972 пред. Сов. Мин. УССР” (БСЭ. 3 изд. Т. 29. С. 537). Днепропетровский скачок в своей карьере Владимир Васильевич объяснял следующим образом. Перед тем как вынести решение о разделении партийных органов по отраслевому признаку Н.С. Хрущев разослал по стране гонцов с тем, чтобы “прощупать” мнения. Такой гонец прибыл и в Киев. Когда Щербицкий услышал новость, он воскликнул примерно следующее: “Какому же придурку такое могло прийти в голову?” На следующий же день его выслали в Днепропетровск, откуда он вернулся только после снятия Хрущева.

При Н.С. Хрущеве химическая промышленность стала развиваться до того невиданными для СССР темпами. Было введено в строй шесть десятков крупных химических предприятий и около восьми со-

тен отдельных цехов и производств. На пятилетку 1965–1970 гг. было запланировано увеличить выпуск химической продукции еще вдвое. Однако именно в этой пятилетке темпы химизации стали постепенно затухать, что объяснялось “околополитическими” мотивами. Дело в том, что после удаchi антихрущевского заговора 1964 г. все, что так или иначе было связано с его именем, стало либо замалчиваться, либо предаваться остракизму с ярлыком “волюнтаризма”. Причем делалось это без разбора, будь это его ошибки или полезные начинания. В Госплане СССР, где до этого клялись и божились в любви к химии, стало хорошим тоном произносить слово “химизация” с иронической и издевательской усмешкой. Но деваться было некуда: объективные требования общественно-экономического развития, условия технического прогресса заставляли продолжать процесс химизации народного хозяйства и быта населения. Структурные изменения в промышленности в пользу химических отраслей были очевидными и сохранялись в течение достаточно длительного времени.

К моменту начала широкомасштабной кампании химизации я уже обладал достаточным багажом знаний, большим “заделом” исследований и публикаций, а моя монография “Экономика промышленности синтетических материалов” (1961 г.) даже “вошла в историю”. Как-то председатель Госплана Н.К. Байбаков – потомственный и заслуженный нефтяник, в разные годы перед этим занимавший посты наркома и министра нефтяной и химической промышленности, рассказал мне, что однажды Н.С. Хрущев просто-таки обязал его прочесть эту мою книгу, добавив, что, мол, не прочитав ее, нельзя быть полноценным руководителем химической отрасли. Да и сам Хрущев на одном из обсуждений высказался об этой книге и обо мне так: “Вспоминаю, как т. Федоренко написал книгу, которую я не успел прочитать, но две статьи его я прочитал. “Вот нам нужны люди такого склада, чтобы нам сигнализировали”<sup>9</sup>.

Н.К. Байбаков в отличие от Н.С. Хрущева мою книжку все же открывал, но, по его признанию, из-за предельной загруженности текущей работой прочел только несколько глав, поскольку вообще мог читать что-либо только в командировках. Впрочем, представление о моей книге ему составить удалось, о чем ему шесть лет спустя, когда он уже стал председателем Госплана, предоставился случай высказаться на заседании коллегии этой организации. Дело в том, что в 1970 г. цикл моих трудов по экономическим вопросам химизации (куда, естественно, входила и эта книга) был представлен на соискание Государственной премии, и коллегия Госплана должна была рассмотреть вопрос: поддерживать или не поддерживать это представление. О том, как меня “любили” в Госплане я в следующих главах расскажу подробно, здесь же замечу, что на том заседании по поводу моего выдвижения сразу же раздались реплики типа: “Ну вот, опять эта федоренковщина! Зачем нам с ней связываться?”. Выслушав это, Николай Константинович спросил: “А кто-нибудь из при-

---

<sup>9</sup> Цит. по: Правительственный вестник. 1989. № 19. С. 36.



М.В. Келдыш вручает мне грамоту о присуждении Государственной премии за книгу  
“Экономика промышленности синтетических материалов”

сутствующих прочел хотя бы одну книгу Федоренко?” И не получив положительного ответа, заключил: “А я читал, и мне понравилось”. Премия была мне присуждена.

Замечу попутно, что добавив к гонорару, полученному за эту книгу, тысячу рублей, я пошел со своим другом Б.С. Короткевичем в магазин и купил себе автомобиль. Для сравнения скажу, что в 1995 г. вышла моя книга “Вопросы экономической теории”. Чтобы эта книга увидела свет, мне пришлось уплатить издательству с помощью спонсоров и Академии несколько миллионов рублей. Если раньше было: “издай книгу и купи машину”, то теперь: “продай машину и издай книгу”. Не знаю, может быть у авторов сексуально-криминального чтива ничего не изменилось, но в науке это так. Кстати, моя последняя книга получила положительную оценку научной общественности, и мне за нее была присуждена премия имени Кондратьева.

Но вернемся в начало 1962 г. Отмечу, что, действительно, читать что-то и учиться чему-то нашим начинающим было некогда. И это происходило вовсе не из-за их нежелания читать и учиться. Я объясняю это тем, что наша система управления была построена таким образом, что множество даже самых простых вопросов решалось на самом верху, хотя для большинства из них вполне достаточно было и “рядового” уровня. Руководители наши “зашивались” со временем из-за нежелания или боязни делегировать свои полномочия, т.е. делиться властью. Простой истины, заключающейся в том, что “не делаясь властью, власть потеряешь”, они не понимали и во многом из-за этого власти в конце концов и лишились.

В таких условиях ученые были вынуждены ограничиваться очень тесными рамками для изложения начальству своих идей и инициатив. При этом “нормативные” размеры записок сокращались в прямой пропорции к высоте должности, которую занимал адресат. Так, если на “нижнем” уровне можно было позволить себе “растечься мыслью по древу” на 10–12 страницах, то в ЦК КПСС записки более чем на 6–7 страницах просто не принимали. Если же адресат восседал на самом “верху”, то максимум составлял полторы страницы. Хорошо, если прошлая деятельность или специальное образование позволяли руководителю понять суть вопроса. Но когда один и тот же человек обязан быть последней инстанцией и принимать “судьбоносные” решения по широчайшему кругу проблем, ясно, что эти решения он станет принимать по большей части по подсказке и в редакции помощников и советников. Недаром говорили, что “страной правят референты”.

Возвращаясь к той цитате из своей февральской 1963 г. статьи в “Правде”, где говорится о “каждом килограмме хлеба” и т.п., замечу, что в ней не было сказано о мясе, производство которого в СССР всегда было проблемой. В связи с этим не могу не вспомнить о наших предложениях использовать для ее решения возможности “большой химии”.

Однажды в 60-х годах, как, впрочем, неоднократно и в последующие десятилетия, в нашей стране в очередной раз обострилась проблема производства и потребления мяса. Этой проблемой занимались не только аграрники и ученые из ВАСХНИЛа, но и “большая” академия. “Мясной вопрос” у нас в стране пытались решить путем простого наращивания объемов производства и импорта кормов. Однако увеличив удельное потребление кормов на одну голову скота вдвое против американского, нужных результатов все-таки не добились. Вопрос можно было решить путем улучшения породного состава стада, специализации животноводства и т.п., а также за счет повышения усваиваемости кормов, применяя специальные биохимические добавки.

С одним из таких предложений – о лизиновых добавках, увеличивающих степень усваиваемости кормов в 2 раза – я обратился к президенту Академии М.В. Келдышу. Мстислав Всеволодович решил, что такого рода предложения заслуживают внимания самого высокого партийного руководства и поручил мне, А.И. Тулупникову – специалисту по зарубежной аграрной экономике и еще одному специалисту-биологу подготовить записку в Президиум ЦК. Мы втроем готовили эту записку в течение недели.

Я уже говорил о том, что одно из главных требований жанра “записок в директивные органы” – это максимальный размер в шесть-семь страниц, а также о том, что писать коротко и ясно намного труднее, чем пространно. Нам удалось уместить наши идеи и предложения в “вылизанный” трехстраничный текст, М.В. Келдыш остался весьма этим доволен и отослал его Н.С. Хрущеву.

Вопросы, поднятые в записке, были включены в повестку очередного заседания Президиума ЦК, куда пригласили М.В. Келдыша

и меня. В отличие от Совмина, где все приглашенные размещались в большом зале, в ЦК приглашенных вызывали по отдельности – только на обсуждение “их” вопроса. Дождавшись своей очереди, я вошел в зал и примостился на свободном стуле у стены. М.В. Келдыш был в президиуме. Дискуссии по нашей записке не было. Н.С. Хрущев, подытоживая общее положительное мнение по поставленным вопросам, сделал заключение, что ученые правы и нашей стране пора серьезно взяться за химизацию кормопроизводства. Поручив Госкомитету по науке обратить на эти вопросы самое серьезное внимание и в очередной раз назвав председателя этого комитета К.Н. Руднева Рудницким, добавив под хорошее настроение анекдот, он совершенно неожиданно закончил свою тираду предложением вынести М.В. Келдышу выговор. Мы так и замерли, особенно я, недоумевавший из-за того, что вроде бы обсуждение прошло нормально, так за что же выговор?

Хрущевское предложение на самом деле оказалось, как говорят, “покупкой”, на которую, признаюсь, я тогда искренне “купился”. Объясняя ситуацию, Н.С. Хрущев рассказал, о том, что недавно на одном из приемов к нему подошла жена Мстислава Всеволодовича и попросила его воздействовать на мужа, которого она вот уже шестой год не может “выгнать” в отпуск. Хрущев заметил, что здоровье М.В. Келдыша не только его личное, но и партийное, и народное достояние, и что он не имеет права относиться к нему наплевательски. М.В. Келдыш дал обещание перед партийным ареопагом пойти в отпуск после очередного пленума ЦК и обещание выполнил.

Как мне рассказывал Мстислав Всеволодович, он не любил санатории и был страстным путешественником. Тот отпуск он провел за рулем машины, путешествуя вдвоем с сыном по Западной Украине, которую очень любил. По дороге он старался не останавливаться в гостиницах, где рисковал попасть “в лапы” местного начальства. От протокольных мероприятий он очень уставал. Зато истинным наслаждением были для него привалы на свежем воздухе в живописных местах и вечера у костра вдвоем с сыном. Так он в то лето провел три-четыре недели и после этого снова три-четыре года в отпуск не ходил. Такова была его натура. Работа была главным в его жизни. Утром он приходил в президиум Академии первым и вечером, а то и ночью, уходил отсюда последним.

Как-то в беседе со мной и начальником организационного отдела президиума Филипповым Мстислав Всеволодович стал объяснять нам, как следует распределять свое рабочее время и время отдыха, чтобы не переутомляться. На это мы единодушно посоветовали ему продемонстрировать нам это на собственном примере. Келдыш, улыбнувшись, ничего не сказал и продолжал жить по-своему.

Возвращаясь к обсуждению нашей “продовольственной” записки, замечу, что в то же самое время в Академии наук решался вопрос о судьбе Трофима Денисовича Лысенко, преступления которого перед отечественной наукой стали окончательно ясны. Существует легенда, что якобы на его защиту встал Н.С. Хрущев. Это не так, М.В. Келдыш, соглашавшийся с тем, что Лысенко достоин исключения из Академии,

посчитал не нужным и даже опасным создание подобного прецедента в принципе. Думаю, он был прав. Тут, как говорится, стоит только начать. А правота Келдыша и его предвидение подтвердились уже после его смерти. Исключили бы тогда Лысенко, наверное, не удалось бы потом отстоять Андрея Дмитриевича Сахарова. Традиции, как видите, не всегда бесполезны...

## ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ “БОЛЬШОЙ” ХИМИИ К “БОЛЬШОЙ” ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ниже я несколько нарушаю хронологию изложения и слегка забегаю вперед, поскольку свою любимую тематику, которой я благодарен за то, что она “вывела меня в люди”, я не оставил и после того, как ушел из МИТХТ. Так, в середине 1963 г. после моего доклада на президиуме АН СССР в Академии был создан Научный совет по проблеме “Экономические проблемы химизации народного хозяйства СССР”, бюро которого я возглавлял до 1972 г., когда этот совет был преобразован в секцию проблемного совета по оптимальному планированию и управлению народным хозяйством. К тому времени я уже был директором ЦЭМИ, но исследование экономики химической промышленности не оставлял еще несколько лет, опубликовал до начала 70-х годов на эту тему ряд статей и еще одну фундаментальную монографию “Вопросы экономики промышленности органического синтеза” (1967 г.).

Работу в Научном совете я начал с создания его республиканских секций. Однако на местах не хватало подготовленных специалистов, и работа там разворачивалась медленно. В ряде случаев за это брались местные чиновники, мало смыслившие в экономике, но не хотевшие упускать случая отметиться в ставшем “модным” деле и прибавить к своим регалиям звучное упоминание о причастности к Академии наук СССР.

Успешнее чем в других республиках действовала секция (или республиканский Научный совет) в Узбекистане. Серьезной предпосылкой для этого была необходимость решения проблем хлопководства, ставшего славой и болью этой республики. Планы выращивания хлопка из года в год возрастали. Хлопчатник вытеснял виноградники и бахчу, теснил сады и скотоводство. Хлопковые поля выпили всю воду из Амударьи и Сырдарьи, что стало впоследствии причиной гибели Аральского моря. Перенапряженные планы посевов хлопчатника исключили возможность севооборота, оздоравливающего землю, повышающего урожайность. Хлопок сеяли по хлопку, он болел и вырождался.

Наиболее простым выходом из создавшейся ситуации тогда считалось неограниченное внесение удобрений и травление всего сорного и живого ядохимикатами. Качество волокна все дальше отставало от египетских образцов, а количество росло. При этом страдала природа,

болели и умирали люди. В уборочную страду на зараженные пестицидами и поливаемые с неба дефолиантами поля выходило почти все население республики. Учебный год в Узбекистане традиционно начинался в конце ноября – по окончании хлопковой страды.

Альтернативой хлопку могла стать широкомасштабная замена его искусственным (получаемым из другого природного растительного сырья) и синтетическим сырьем, имеющим чисто химическое происхождение. Мои ранние расчеты показали, что применение химических волокон, заменяющих хлопковые в технических изделиях (а туда уходило около трети производившегося хлопка), например в шинном корде, несравненно выгоднее. Их производство дешевле, а изделия из них прочнее и долговечнее в 2–3 раза. Я об этом писал и докладывал неоднократно, в том числе однажды на заседании Совмина в присутствии Хрущева. Но переломить официальную партийно-государственную линию: “пахта, пахта, ва яна пахта!” (что по-узбекски означает “хлопок, хлопок и еще раз хлопок”) так и не удалось. Я почти физически страдал от сознания своего бессилия не только как экономист, наблюдающий вопиющую бесхозяйственность, но и от сочувствия к бедам трудолюбивого, доброго и гостеприимного узбекского народа.

В 1963 г. мы с И.Е. Кричевским опубликовали книгу “Химические волокна в народном хозяйстве”, где на основе детальных и обширных расчетов доказали существенные преимущества синтетических волокон. Но книга эта не на что не повлияла, и тогдашнее руководство так до конца и осталось приверженцем хлопкового волокна.

В какой-то мере я “реабилитировался”, приложив руку к подготовке научных кадров Узбекистана. Десятки молодых людей из этой республики стали кандидатами экономических наук, а затем и докторами при моем и моих сотрудников научном руководстве. Надеюсь, что они принесут пользу своей стране, и сегодня, когда мы живем в разных государствах, помнят ЦЭМИ, который открыл им путь в науку. Мы же их не забываем...

В ЦЭМИ я организовал лабораторию по проблемам химизации, куда пригласил некоторых своих коллег по МИТХТ и специалистов из других организаций, каждый из которых был профессионалом в той или иной области химической индустрии: Е.П. Щукина, В.М. Иоффе, О.Б. Брагинского, И.Е. Кричевского, А.В. Алешина, И.О. Верховскую и др. Эта лаборатория добилась определенных результатов, получивших признание в Академии наук и у специалистов отрасли, и прежде всего в области экономии производства современных пластических масс.

Заведовать лабораторией я пригласил Е.П. Щукина, который до этого успел пройти фронтовые дороги Великой Отечественной войны, закончить учебу и аспирантуру в Московском инженерно-экономическом институте и еще до защиты диссертации в 1954 г. приобрести опыт преподавания на кафедре экономики МИТХТ, которой я тогда заведовал. В этом выборе мне ни разу не пришлось раскаиваться: с тех пор и до дней написания этих воспоминаний мы работаем вместе и, по моему, остаемся довольными друг другом.

Через лабораторию за 30 лет ее существования прошло много мо-

лодых научных сотрудников. Наиболее долго проработали в ней и внесли наибольший вклад в успешно выполненные исследования несколько человек, к которым я искренне привязан и благодарен за их помощь в разработке моих и наших общих идей.

Первым назову В.М. Иоффе – интеллигентнейшего и энциклопедически образованного человека. Кроме его неординарных научных способностей нам очень помогали его качества полиглота. Свободно владеющий английским, итальянским и японским языками и знающий специфику и терминологию эконометрики, он был для нас незаменимым переводчиком. Кстати, с этим его качеством связан забавный (впрочем, поначалу не показавшийся мне таким уж забавным) случай, происшедший со мной однажды в Лондоне.

Дело в том, что в столице Великобритании в некоторых магазинах, торгующих периодикой, можно купить газеты, у которых под “шапкой” – в том месте, где печатаются заголовки сенсационных сообщений, – намеренно оставлено пустое место, и в этот пробел по желанию покупателя в его присутствии можно впечатать любой текст. Так вот, В.М. Иоффе “со товарищи” во время прогулки по Лондону купил такую газету и впечатал в нее заголовок, не вполне приличное содержание которого было связано с приездом нашей делегации. Текст был таков, что воспроизводить его здесь я считаю не совсем уместным. Можете себе представить, какие чувства я испытал, когда, полностью заглотив крючок этого розыгрыша, слушал перевод сообщения, якобы напечатанного в этой газете и зачитывавшегося мне вслух Володей Иоффе с серьезным и невозмутимым видом. Честно говоря, поначалу я даже слегка испугался и не знал, что предпринять: то ли бежать в посольство, то ли срочно покупать обратные билеты. Когда стало ясно, что это шутка, у меня поначалу даже не было сил рассмеяться...

Владимир Манарьевич Иоффе является глубоким знатоком экономики производства пластических масс и их применения. Особенно памятна мне одна из наших разработок по оптимизации структуры производства пластмасс, в которой он принял самое активное участие<sup>10</sup>.

С сообщением о результатах этого исследования мне довелось выступить на заседании президиума АН СССР. Особое впечатление на слушателей произвели итоги расчетов, показавшие, что практическое воплощение нашего варианта совершенствования структуры выпуска и потребления пластмасс по сравнению с вариантом, подготовленным Госпланом СССР, давало бы экономию капитальных вложений на пятилетку в 2 млрд руб. С этими расчетами я ходил к Н.К. Байбакову, и ряд наших предложений был принят. Кроме этого, я представил результаты нашей разработки в ЦК партии в присутствии кандидата в члены Политбюро, курировавшего химическую промышленность, П.Н. Демичева, секретаря ЦК И.В. Капитонова, других работников весьма высокого ранга, давших моему выступлению и высказанным идеям и предложениям высокую оценку. Мне кажется, что тогда мне удалось донести до сознания высокого начальства мысль о том, что мо-

---

<sup>10</sup> Федоренко Н., Иоффе В., Аleshин А. Об оптимизации структуры производства пластмасс // План. хоз-во. 1965. № 10.

дели оптимизации производства и применения пластмасс могли принести нашему обществу большую пользу, поскольку отрасль увеличивала количество продукции, а оптимизация позволяла наращивать эффект от каждого освоенного рубля.

Возвращаясь к делам лаборатории, хочу отметить, что среди нас глубже всех в проблемы экономики отрасли химических волокон вник И.Е. Кричевский, по сию пору не имеющий в России достойного конкурента в избранной им области науки. Сегодня он продолжает работать в ЦЭМИ в должности главного научного сотрудника.

Проблемы развития сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности, а также синтеза продукции из углеводородного сырья – любимая тематика О.Б. Брагинского – первого, кто в лаборатории защитил докторскую диссертацию. Олег Борисович принял руководство лабораторией после того, как из-за возрастных ограничений ею перестал заведовать Е.П. Шукин.

Из математиков дольше всех и наиболее результативно трудился в лаборатории А.В. Алешин. На его долю приходилось немало работы. Он быстро и достаточно глубоко освоился с нюансами экономики отрасли и плодотворно сотрудничал с экономистами. Вообще в лаборатории с самого начала было решено не переучивать экономистов в математиков, а математиков в экономистов. Стиль исследовательской работы опирался на творческое сотрудничество, дружескую взаимопомощь и посильное, в меру желаний и способностей, знакомство со смежными специальностями. Такой подход стал важной частью того, что в целом получило название “дух ЦЭМИ”. Е.П. Шукин удачно использовал этот стиль руководства творческим коллективом и, по моим наблюдениям, сохраняет не просто хорошие, но дружеские отношения со всеми бывшими и нынешними своими коллегами.

Только самые добрые слова могу сказать и еще об одном сотруднике лаборатории – О.И. Верховской. Ольга Игоревна была весьма заметной в группе молодых сотрудников лаборатории и плодотворно работала с Евгением Петровичем. После того, как я передал ЦЭМИ В.Л. Макарову, она стала работать непосредственно со мной. У меня было много секретарей, отличных сотрудников, но такого знающего, грамотного помощника нелегко подыскать.

В целом перед лабораторией были поставлены более широкие задачи по сравнению с ранее проводившимися исследованиями в области экономики химической промышленности. Во-первых, упор делался на изучении межотраслевых связей, т.е. зависимости химизации от других отраслей и влияния этого процесса в обратном направлении – на все сферы жизни и отрасли общественного производства. Во-вторых, требовался углубленный анализ результатов и перспектив развития самого процесса химизации в условиях спада всеобщей “общественно-экономической эйфории”, проистекавшей из наивных надежд обогнать в кратчайшие сроки США по всем показателям. В-третьих, для лаборатории, находящейся в штатах экономико-математического института, было бы странным не включиться в математическое моделирование отраслевых и межотраслевых проблем.

Применение моделирования позволило существенно повысить ка-

чественный уровень межотраслевых расчетов по первому и второму направлениям. Если раньше при разработке пятилетних и годовых планов ставилась ограниченная задача приведения в соответствие заявок потребителей и возможностей химических производств, то теперь в расчет включалось и значение экономического эффекта, получаемого каждым из потребителей химической продукции. Производилась своеобразная ранжировка потребителей по размеру экономического эффекта от применения ими определенного материала, и предпочтение отдавалось тем, у кого этот эффект был больше. Если же были возможности применять для одной и той же цели различные материалы, то параллельно уточнялись потребность в каждом из них и распределение их между потребителями.

Математические расчеты в данном случае выполняли как бы роль рыночных рычагов, но как раз это и не нравилось тем, в чьей власти было утверждать планы распределения, так как препятствовало их субъективистскому и не всегда бескорыстному произволу. В тех случаях, когда дефицитный материал передавался без учета экономических результатов, например на оборонные нужды, расчет того, что в данном случае теряет народное хозяйство, определялся в модели, по сути, автоматически. Отмечу, что описанный выше методический подход не использовался ранее никем из экономистов-отраслевиков и, по сути дела, был уникальным.

## КОНФЕРЕНЦИЯ В ИРАНЕ

Воспоминания о том, как я ездил в Иран в качестве консультанта ООН на Международную конференцию по развитию нефтехимической промышленности в развивающихся странах, связаны с 1964 г., когда я уже работал в ЦЭМИ и был избран действительным членом Академии, но я отношу этот эпизод к “химическому” периоду своей биографии, так сказать, по тематической принадлежности.

Поехал я туда вместе с сотрудниками Минхимпрома, а также председателем Азербайджанского республиканского совнархоза. Сама конференция проходила в загородном отеле под Тегераном, мы же жили рядом с нашим посольством. Я выступил с докладом о пользе развития нефтехимии и обрисовал преимущества торговли продуктами высокой переработки нефти перед торговлей сырой нефтью и простыми нефтепродуктами. В моем докладе была показана экономическая эффективность современных производств на базе органического синтеза таких полупродуктов, как синтетический каучук, пластмассы, химические волокна.

В местной печати мое выступление получило неоднозначную оценку. Круги, заинтересованные в продаже сырой нефти, организовали публикации, где на меня были навешены разные ярлыки, вплоть до того, что меня называли “разведчиком в мантии ученого”. Однако шахиншаху Ирана Мухаммеду Реза Пехлеви идеи, высказанные мной, понравились. Я еще раз изложил их в его присутствии во время правительственного приема и получил одобрение. Более того, Его величество по-

просил меня встретиться с его премьер-министром и более подробно изложить ему свои соображения, что я и сделал.

В экскурсиях по Тегерану нас сопровождала очень милая женщина, состоявшая на государственной службе и происходившая из русской семьи, еще до революции осевшей в этой стране. Мы осмотрели город, были на базаре, куда просто обязан сходить любой, посещающий восточные города. На базаре, кстати, мы наблюдали как “гвардейцы шахиншаха” расправлялись с лавочниками, не желавшими платить последним “бакшиш” или мзду. Это были отборные богатыри, пользовавшиеся практически неограниченной властью и привилегиями от монарха.

Они не состояли на государственной службе, а функционировали на своеобразных “общественных началах”, а точнее, жили грабежом. Во время мossaдыковского переворота, когда шахиншах бежал из страны, над этими ребятами устроили показательный суд. Однако их предводитель заявил, что пока в зал суда не вернут и не повесят портрет Его величества на то место, где он ранее висел, ни на один вопрос он отвечать не будет. Пока эта проблема решалась, Мухаммед Реза Пехлеви вернулся в страну, и суд закончился торжеством по поводу его возвращения.

Шахиншах, заботясь о своих “гвардейцах”, выстроил им здание, внешне напоминавшее цирк, где они собирались и занимались физическими упражнениями. Кстати, из этого цирка вышло несколько чемпионов мира и олимпийских игр по вольной борьбе. Когда мы посетили это заведение, я поздоровался с одним из гвардейцев за руку. Оказалось, что на его ладони могло поместиться минимум пять моих. Вот такие это были здоровяки.

В один из дней мы поехали осмотреть загородное имение, находившееся в собственности нашего государства с XIX в. По дороге я заметил, что наш водитель не обращает внимания на запрещающие знаки и красный свет светофора. Когда я что-то сказал ему по этому поводу, неожиданно узнал, что он говорит по-русски, а когда увидел, как полицейские отдают ему честь, то все понял. Потом мне объяснили, что наша машина с порядковым номером “5” принадлежала кому-то из очень высокопоставленных деятелей Ирана, и самый ее вид приводил в трепет полицейских. Кому конкретно она принадлежала? Давайте посчитаем: у жены шаха была машина под № 1, у самого шаха № 2, у премьер-министра и его заместителя № 3 и № 4, а у начальника иранской охраны и соответственно Николая Прокофьевича Федоренко № 5. Так что, друзья мои, для приятных прогулок, оказывается, очень важен правильный выбор автомобиля...

Несмотря на дискуссию, развернувшуюся на самом конгрессе и в печати, в заключительном коммюнике была особо подчеркнута важность ускоренного развития местной нефтехимической промышленности. Моя правота, таким образом, была подтверждена, и я возвращался домой будучи весьма собой доволен.

### НА ПОРОГЕ ХРАМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Академия наук, куда меня когда-то позвал Анушаван Агафонович Арзуманян и которой я отдал более половины своей трудовой жизни, поистину стала для меня родным домом. Академия дала мне много, часть авансом, но и я, думается, сделал все, чтобы не остаться перед ней в долгу.

В число служителей “главного храма отечественной науки” я впервые попал в 1962 г., и о том, как это произошло, о своих первых шагах в его стенах расскажу подробно. И не потому, что хочу опровергнуть живые до сих пор байки о том, что якобы “Федоренко въехал в Академию на волне химизации при мощной поддержке Хрущева”. Хрущев, действительно, относился ко мне неплохо и, можно сказать, с некоторой симпатией (если это слово вообще можно применить в данном случае), но такое отношение возникло у него после моего первого появления в Академии. Это легко может заметить любой, кто внимательно читал эту книгу, обращая внимание на даты.

Когда в 1962 г. в Академии наук были объявлены выборы на вакантные места действительных членов Академии и ее членов-корреспондентов по специальности “экономика”, ученые советы двух организаций – МИТХТ и Института синтетических спиртов, где я тогда заведовал лабораторией, выдвинули мою кандидатуру в члены-корреспонденты. В родном вузе это было сделано “со скрипом”. Ректор и ученый секретарь по причинам, о которых я могу только догадываться, “тянули резину”, но никаких контраргументов у них не было, и в конце концов рекомендацию Ученого совета МИТХ я получил. Честно говоря, я не рассчитывал на то, что меня сразу изберут, потому что в Академии я никого не знал, в академических институтах бывал изредка, а моя первая попытка опубликоваться в академическом экономическом “рупоре” – журнале “Вопросы экономики”, как я уже говорил, превратилась в настоящую пытку. Правда, научных публикаций для этого случая у меня было достаточно – статьи в отечественных и зарубежных отраслевых журналах, несколько брошюр, книга “Вопросы экономики промышленности органического синтеза” и упомянутая выше монография “Экономика промышленности синтетических материалов”.

Накануне выборов меня пригласил к себе вице-президент Академии К.В. Островитянов. Мы познакомились, я рассказал ему о себе, показал свои книги, и мы разговорились. Перелистывая мои работы, он остановил свое внимание на таблице, где сравнивались трудозатраты при производстве химических и натуральных волокон. Ему – стойкому

апологету трудовой теории стоимости – очень понравилось, что в первом случае трудозатраты на несколько порядков ниже, и он с энтузиазмом воскликнул, что вот, мол, здорово, что экономия затрат живого труда – это очень и очень важно. Я не стал обращать его внимание на то, что в этом случае капитальные затраты значительно выше и их экономия тоже важная штука. Не хотелось расстраивать его перед выборами. Шучу, конечно.

После этого знакомства меня пригласили к себе академик П.Н. Федосеев, ведавший тогда в Академии Отделением философии, экономики и права и сменивший впоследствии К.В. Островитянова на посту вице-президента, и академик А.А. Арзуманян, руководивший тогда Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР и первым возглавивший Отделение экономических наук, выделившееся из уже упомянутого Отделения.

На ту встречу меня вызвали внезапно, и я очень торопился. Чтобы не опоздать, пришлось нарушить правила дорожного движения, и я еле скрылся от преследовавших меня гаишников. Укоряя сам себя, вошел в кабинет Петра Николаевича и тут понял, что не зря задержался в институтской библиотеке, ожидая, пока мне подберут экземпляры моих книг. Перед Федосеевым на столе лежала одна из моих брошюрок, которую из-за ее “худобы” и малой научной значимости я даже не включил в список своих публикаций. Взяв ее в руки, он уныло спросил меня: “И это все, что Вы написали?” Я вынул из портфеля свои книги, и выражение лица у него изменилось. “Ну, – сказал он, – это другое дело!”

Анушаван Агафонович Арзуманян позвал меня в свой кабинет, чтобы поговорить один на один, и мы беседовали с ним более часа. Хотя мы были соседями по дому – оба жили на Котельнической набережной, – но друг друга не знали. Говорили о многом, его интересовали мои позиции по целому ряду вопросов политической экономики, отраслевой экономики, планирования производства и капитальных вложений и почему-то особенно по проблемам ценообразования. Разговор затянулся, и Федосеев послал за нами своего секретаря. “Ну что, – спросил он, – наговорились?” Мы ответили утвердительно. Петр Николаевич отпустил меня, попросив оставить у него мои книги. Я не спорил, а с библиотекой потом рассчитался. Так шла подготовка к акаде-



Академик А.А. Арзуманян.  
Первый академик – секретарь  
Отделения экономики,  
созданного в 1962 г.

мическим выборам... Видимо, я произвел положительное впечатление, и Общее собрание АН СССР избрало меня членом-корреспондентом.

Сразу же после выборов Анушаван Агафонович предложил мне должность заместителя академика-секретаря. Это место тогда занимал пожилой человек, в прошлом сотрудник ЦК партии, не имевший опыта научной работы и даже профессорского звания. Арзуманян хотел заменить его, выбор пал на меня. И вот я в Академии наук. Хорошо помню самые первые шаги на новом поприще.

В начале осени 1962 г. состоялось первое заседание бюро Отделения, на повестке которого стояло обсуждение плана работы Института экономики АН СССР на 1963 г. План представлял директор Института К.Н. Плотников, назначенный на эту должность после возвращения в Москву с поста представителя СССР в Экономической комиссии ООН. Кстати, через три года он сам стал заместителем академика-секретаря. Арзуманян внезапно заболел, позвонил мне и поручил вести это заседание. Боже, как я перепугался! Я не знал ни одного из членов Отделения, не знал, как проводят эти заседания, да и обсуждаемого плана до последнего дня не видел. Собрав всю свою волю в кулак, я открыл заседание и стал ждать, что кто-то выступит и даст свою оценку, но все молчали... Все же у меня было перед началом заседания время просмотреть план, и определенное мнение сложилось. Не дождавшись желающих выступить, я был вынужден начать разговор сам. Я сказал, что, на мой взгляд, обсуждаемый документ скорее похож на издательскую программу, нежели на план проведения исследований, что я не могу взять на себя смелость предложить утвердить его, что, по-видимому, следует подождать выздоровления Арзуманяна и тогда снова вернуться к этому вопросу. Думается, я тогда попал в точку. Возражений со стороны членов бюро не было, да и К.Н. Плотников, как мне показалось, не был особенно расстроен: во-первых, с моими замечаниями было трудно не согласиться, а во-вторых, он получил время на доработку плана до повторного обсуждения.

После этого заседания я почувствовал себя увереннее и всерьез взялся за работу по перестройке деятельности Отделения экономики. Анушаван Агафонович, с которым мы сработались и сдружились, оказывал мне большую помощь и поддержку, что прибавляло мне сил и уверенности. К сожалению, это продолжалось недолго. В августе 1965 г. его не стало.

Я уже сказал, что мы с А.А. Арзуманяном жили в одном доме. Не могу не вспомнить и некоторых других своих соседей по высотному зданию на Котельнической набережной, с которыми у меня были не то чтобы короткие, но весьма теплые взаимоотношения. Это и моя соседка по подъезду Фаина Раневская – поистине великая актриса, кладезь мудрости и фонтан необыкновенного юмора, перлы которого она рассыпала щедро и непринужденно. На обыденный вопрос: “Как дела, чем занимаетесь?”, она никогда не отвечала просто, а говорила, например, так: “Симулирую здоровье!” Она любила отдыхать в нашем дворе на лавочке, и мы с внучкой часто подсаживались к ней и беседовали о том, о сем. Это – поэт и великий гражданин Александр Твардовский, с которым мы вели долгие беседы (иногда за бокалом шампанского, которое

он предпочитал другим напиткам). Это – милая семейная пара выдающихся танцоров – Раиса Стручкова и Александр Лапаури, с которыми мы дружили домами. Саша, к несчастью, рано ушел из жизни, а с Раисой Степановной мы общаемся до сих пор. Наконец, это – величайшая балерина XX в. Галина Сергеевна Уланова.

Все это были люди, общение с которыми возвышает. После разговора с ними, пусть даже на какую-либо невинную, даже бытовую тему, ощущаешь, что ты немножечко вырос, чему-то научился, что-то понял. А рассказами Галины Сергеевны о том поистине титаническом труде и аскетическом режиме, которые необходимы людям ее профессии, желающим добиться успеха, я был просто поражен. Только тогда я понял, какая “каторга” скрывается за видимой на сцене легкостью и красотой движений, чего стоило нашему русскому балету завоевать славу лучшего в мире.

Возвращаясь ко времени моих первых шагов по стезе академической науки, думаю следует рассказать об одной проблеме и об одном человеке, с которыми я столкнулся, выполняя поручение А.А. Арзуманяна подготовить для президиума Академии доклад о современных проблемах экономической науки. Взяв на себя написание раздела, посвященного вопросам планирования и управления, а также отраслевой экономики, с просьбой подготовить раздел по проблемам политической экономии я, по совету Арзуманяна, обратился к Я.А. Кронроду – в то время одному из ведущих специалистов в области экономической теории социализма.

## ТРАГЕДИЯ ЧЕСТНОГО МАРКСИСТА

Встреча с этой крупной, неоднозначной и трагической фигурой в нашей экономической науке во многом помогла мне осмыслить и разобраться в целом ряде противоречий, связывавших марксистскую теорию и практику строительства коммунизма в нашей стране, во взаимоотношениях между научной мыслью и официальной идеологией и во многом другом, в том числе повлияла на мой научный и жизненный выбор, отвратив навсегда от науки с названием “политическая экономия”.

Многие из моих коллег до сих пор не могут понять, почему один из теоретиков политической экономии социализма, можно сказать, “обслуживавших” господствовавшую тогда идеологию, так никогда не стал ни академиком, ни членом-корреспондентом, ни даже профессором, а награды имел только за военные заслуги; почему этот ученый с трудом защищал диссертации, а к концу жизни его вообще перестали печатать, к тому же понизив в должности.

“Парадокс Кронрода” заключался в том, что, начиная с конца 20-х годов, политическому руководству страны такие люди, такие “умники”, как Яков Абрамович, были одновременно и безусловно нужны и крайне опасны. Дело в том, что для господствовавшего в течение десятилетий в нашей стране класса номенклатуры, идентифицировавшей социализм со своим господством, выдаваемым за выбор рабочего класса (выражаясь словами О. Шика), марксизм и социализм были не идео-

логической базой, а скорее вывеской. Поэтому те, для которых марксизм был действительным научным мировоззрением, представляли для власти что-то вроде занозы или гвоздя в стуле. Поэтому те, кто не аполетствовал, а, как Кронрод, творчески, а значит, критически, развивал марксизм, оказывались в тяжелом положении. Многие другие были вынуждены изощряться в терминологии, изворачиваться и привирать. Признаюсь, “и аз есмь грешен, Господи...”.

Я так подробно останавливаюсь здесь на “парадоксе Кронрода” потому, что этот парадокс является ключиком к пониманию противоречий, которые читатель может найти в этих моих воспоминаниях. Несмотря на то, что мы стояли на полярно противоположных теоретических позициях, у нас было кое-что общее. Во-первых, ни он, ни я никогда не лакействовали. Во-вторых, мы оба были неугодны бывшему руководству, правда, по разным причинам. Мне, указывавшему на неэффективность существовавшей экономической системы, навешивался ярлык “антимарксиста”, якобы проповедующего буржуазные идеи рационального ведения хозяйства. Кронрод же для тех, кого он называл “социлигархией”, был еще страшнее, поскольку показывал, что они с настоящим марксизмом ничего общего не имеют.

Наши теоретические расхождения с Я.А. Кронродом, которого я уважал как достойного противника и ценю как настоящего ученого, особенно обострились, когда он в своей статье в “Плановом хозяйстве” со всей мощью обрушился на отстаивавшийся мной программно-целевой метод в планировании и управлении и обвинил меня и моих коллег в “преклонении перед Западом”. Моя оценка его научных позиций изложена в восьмой главе этой книги, в разделе “Ответ оппонентам”. Был бы он сейчас жив, мы бы продолжили свои дискуссии. Думаю, вокруг него по-прежнему продолжались бы творческие споры, и нынешним квазирыночникам, к которым много претензий и у меня, от него бы крепко досталось.

Основным направлением перестройки, которую мы задумали с А.А. Арзуманяном, было преодоление положения, когда экономические институты Академии наук упражнялись в основном в толковании партийных решений и пресловутой критикой буржуазных теорий. Если прибавить сюда исследование истории экономических учений, которым занимался А.И. Пашков, где главное место занимала разработка теоретического наследия В.И. Ленина в области политической экономики, то этим можно и закончить перечень тематики академических институтов тех лет. Но от задумок до реализации идей расстояние большое. Почувствовав, что руки у меня связаны, и поняв бесперспективность своих прожектов в тогдашних условиях, чему, к слову, помогло общение к Кронродом, я, честно говоря, немного заскучал, и заскучал бы, наверное, совсем, если бы к тому моменту по инициативе большой группы ученых и при активном участии В.С. Немчинова не был поставлен вопрос о создании в Академии Института экономико-математических исследований. Эта идея захватила меня целиком, ее реализации я отдал все свои силы, знания, умение, здоровье и многие годы жизни. Поэтому воспоминаниям о создании и становлении моего любимого детища – Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) – я в основном и посвящаю следующий раздел книги.

# ЗАРОЖДЕНИЕ ЦЭМИ

## НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Формально предтечей ЦЭМИ принято считать первую в стране лабораторию экономико-математических исследований, созданную в 1958 г. В.С. Немчиновым – одной из крупных фигур в отечественной экономической науке, выдающимся ученым и гражданином. Я могу гордиться тем, что был его учеником и соратником, что принял из его рук эстафету поколений. В этом смысле символичным представляется мне и то, что примерно в тот же день, когда я появился на свет весной 1917 г., Василий Сергеевич получил диплом выпускника экономического отделения Московского коммерческого института. Портрет В.С. Немчинова висит в моем кабинете напротив рабочего стола...

Начинаю я с В.С. Немчинова не только потому, что считаю его своим главным учителем, но и потому, что он вполне заслуженно признан пионером и организатором отечественной экономико-математической школы послевоенного времени, подлинным новатором науки и практики... Обладавший глубокими и обширными знаниями, незаурядным даром предвидения, высокими деловыми качествами и характером бойца, он, преодолевая серьезное сопротивление весьма влиятельных в экономической науке того времени фигур, уже с 1957 г. начал систематическую организацию научных сил и подготовку исследований в области экономико-математических методов. Эта подготовка шла одновременно по нескольким направлениям и, я бы сказал, широким фронтом.

Параллельно с созданием первой в стране лаборатории по применению экономико-математических методов (ЛЭММ) В.С. Немчинов организовал в Академии ряд дискуссий по принципиальным вопросам нового направления в науке, сначала на базе СОПСа, председателем которого он был в то время, а затем в Научном совете АН СССР по применению математических методов в экономике, в котором он стал первым председателем. Одновременно совместно с Л.В. Канторовичем аналогичная группа была создана в Ленинграде. Впоследствии она переехала в Новосибирск и работала частично под руководством Л.В. Канторовича в Институте математики СО АН СССР и частично под руководством А.Г. Аганбегяна в Институте экономики и организации промышленного производства СО. Однако с отъездом этой группы в Сибирь не все “ленинградские корни” были оборваны. Это направление в науке – и весьма успешно – продолжала развивать группа ленинградских ученых при активном участии виднейшего русского экономиста, соратника и друга В.С. Немчинова – В.В. Новожилова, составившая впоследствии костяк Ленинградского отделения ЦЭМИ.

Ядро этой группы было сосредоточено в Ленинградском отделении Математического института АН СССР имени Стеклова. Впоследствии, по нашему предложению, которое было активно поддержано Ленинградским обкомом партии, было создано местное отделение ЦЭМИ. Его основная задача состояла не столько в разработке специальных математических методов типа теории игр, дискретного про-

граммирования и т.п., сколько в организации теоретических и прикладных исследований по совершенствованию управления городом, в проведении анализа социально-экономических проблем региона. Это отделение стало, пожалуй, самым мощным исследовательским центром, занимавшимся проблемами города и региона.

Необходимо отметить, что к этому времени в СССР уже существовало значительное число экономико-математических групп, лабораторий в различных отраслях, в Академии наук, в Министерстве обороны. Из них необходимо упомянуть отдел математической экономики Вычислительного центра АН СССР, НИИ МО СССР (где работали тогда Юдин и Гольдштейн), коллектив под руководством Н.П. Бусленко, сильную группу в Киеве, составившую костяк созданного в 1962 г. Института кибернетики АН УССР (В.М. Глушков и В.С. Михалевич), подразделение в Институте комплексных транспортных проблем и т.д.

Каждое из этих подразделений занималось частными вопросами, но общность теоретической и методологической базы, естественная тяга к научному общению, координации сил, обмену информацией о нерешенных проблемах и достижениях оказывала мощное центростремительное воздействие, которое в конце концов и привело к созданию ЦЭМИ.

Среди ученых, активно разрабатывавших экономико-математическое направление в отечественной науке были и выдающиеся математики, например, академик А.А. Дородницын – крупный теоретик в области динамической метеорологии, аэродинамики и прикладной математики, к моменту описываемых событий уже около семи лет возглавлявший Вычислительный центр АН СССР. Свою лепту внес и академик Н.Н. Боголюбов, ставший в 1963 г. академиком-секретарем Отделения математики АН СССР, а еще через два года возглавивший всемирно известный исследовательский центр в Дубне. Нельзя не упомянуть здесь и академика А.Н. Колмогорова, не занимавшего крупных административных постов, но создавшего большую и всемирно известную школу в области теории вероятностей и теории функций. О его вкладе в отечественную и мировую науку можно судить хотя бы по фамилиям его учеников, среди которых были академики А.И. Мальцев, М.Д. Миллиончиков, С.М. Никольский, Ю.В. Прохоров и др. Отношения дружбы и сотрудничества связывали нас с академиком В.М. Глушковым, создавшим за год до основания ЦЭМИ на Украине Институт кибернетики и внесшим большой вклад в дело приложения вычислительной техники к управлению производственными и хозяйственными процессами.

В 1958 г. В.С. Немчинов начал подготовку к проведению первого Всесоюзного научного совещания по применению математических методов и ЭВМ в экономических исследованиях и планировании. Чего это стоило ему и его сторонникам, читатель может судить хотя бы по тому, что совещание состоялось только через два года, а его созыв откладывался 12 раз. Это совещание стало не просто поворотным пунктом в развитии нового научного направления. С точки зрения развития методологии отечественной экономической науки оно было воистину историческим. Дело не только в том, что на нем присутствовали луч-

шие научные силы страны, что доклады этого совещания (а их было около 60) явились весомым вкладом в экономическую теорию. Я называю его историческим потому, что, наконец, удалось пробить брешь в “китайской стене” косности, догматизма и начетничества, выстроенной в 40–50-е годы влиятельной группой, монополизировавшей развитие экономической науки, занимавшейся псевдонаучной словесной эквилибристикой (вроде проблемы “действия” или “воздействия” закона стоимости при социализме) и тщательно оберегавшей границы своих владений от “посягательств” мыслящих людей, используя для этого зачастую весьма недостойные методы.

Это совещание было историческим потому, что на нем впервые пробила себе дорогу новая идея, выдвигавшаяся и поддерживавшаяся В.С. Немчиновым и заключающаяся в объединении усилий ученых разных специальностей для решения задачи интеграции естественных и общественных наук на базе математических методов в единую науку – науку о Человеке. Для координации такого рода исследований требовался специальный орган, и Василий Сергеевич стал на всех уровнях пробивать идею о создании крупного научно-исследовательского института, который координировал бы работу по применению математических методов в разных областях науки и усилению математической подготовки молодых кадров в учебных заведениях. По-видимому, решающей в этом смысле стала поддержка идей В.С. Немчинова на Всесоюзном совещании научных работников в Кремле 12–14 июня 1961 г., после которого вопрос о создании ЦЭМИ вышел уже на правительственный уровень. Впрочем, решен он был не сразу. Обычная волынка в коридорах власти затянулась на полтора года, и стало ясно, что без участия первого руководителя страны, в те годы – Н.С. Хрущева, дело может окончательно застопориться.

Тогда группа ученых немчиновской лаборатории, Отдела математической экономики ВЦ АН СССР и Института кибернетики АН УССР написала письмо Н.С. Хрущеву, в котором отметила катастрофическое отставание СССР от США в области развития вычислительной техники и ее использования как в экономических исследованиях, так и в хозяйственной практике. В письме обосновывалась необходимость консолидации научных сил в данной области и усиления организующего начала на всех уровнях руководства.

Чтобы это письмо снова не попало в бюрократические жернова, пришлось пуститься на хитрости. В феврале 1963 г. Н.С. Хрущеву его вручил из рук в руки Сергей Павлов, занимавший тогда пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Хитрость сработала, письмо подействовало, и уже в мае 1963 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии и использовании вычислительной техники в народном хозяйстве. Одним из пунктов этого постановления было предусмотрено создание ЦЭМИ, а также некоторых других организаций, в том числе Главного Вычислительного Центра (ГВЦ) и Отдела по внедрению математических методов в планирование Госплана СССР, Главного управления по внедрению вычислительной техники в Государственном комитете по науке и технике.

Сбылась мечта Василия Сергеевича, материализовались плоды его многолетних усилий и борьбы, однако вкусить их в полной мере ему не удалось. К несчастью, через год после создания ЦЭМИ В.С. Немчинова не стало...

## О ВАСИЛИИ СЕРГЕЕВИЧЕ НЕМЧИНОВЕ

На своем главном поприще – в статистике – Василий Сергеевич прошел большой путь от служащего, проводившего первую в РСФСР перепись населения, до ученого с мировым именем – действительного члена Международного статистического института, почетного члена Английского королевского статистического общества и пр. Он был действительным членом трех академий, членом президиума АН СССР, академиком-секретарем Отделения экономических, философских и правовых наук. Последнюю свою награду – Ленинскую премию – он получил уже посмертно, в 1965 г., за участие в научной разработке методов линейного программирования и экономических моделей.

Впервые жизнь столкнула меня с Василием Сергеевичем во время моей учебы в “Тимирязевке”, где с 1928 г. он заведовал кафедрой статистики, а потом стал директором. На этом посту его встретило, может быть, самое серьезное испытание в его жизни. Во время уже упоминавшейся мною сессии ВАСХНИЛ летом 1948 г., где лысенковские инквизиторы устроили аутодафе отечественной генетике, принуждая выдающихся ученых “посыпать голову пеплом и каяться в своих грехах”, свой страх победили единицы. Но и среди них был только один, который, будучи выведен к костру, воскликнул: “И все-таки она вертится!”. Это был В.С. Немчинов. Цитирую выдержки из его речи: “Да, я могу повторить, да я считаю, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения... Я не разделяю точку зрения о том, что хромосомная теория наследственности и, в частности, некоторые законы Менделя являются какой-то идеалистической точкой зрения, какой-то реакционной теорией. Лично я такое положение считаю неправильным, и это является моей точкой зрения... В теоретической основе я считаю, что в отношении хромосомной теории наследственности Трофим Денисович не прав... Я несу моральную и политическую ответственность за линию Тимирязевской академии. Я морально и политически ответствен за ту линию, которую я провожу, и считаю ее правильной и буду продолжать проводить”<sup>1</sup>. Думаю, достаточно для того, чтобы понять, что это был за человек. Он сам и мы все хорошо знали, что и за меньшие грехи в то время людей уничтожали не только морально, но и физически.

Впоследствии Василий Сергеевич рассказывал мне, что, вернувшись с сессии, он сказал жене: “Готовь мне мешок с сухарями, наверное, сегодня ночью за мной приедут”. Не знаю, что остановило “соответствующие

<sup>1</sup> Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля–7 августа 1948 г.). М., 1949. С. 472, 473, 475.

органы”, но за Немчиновым не приехали. Думаю, что в то время и в той обстановке остановить расправу мог только сам Сталин, и, скорее всего, так оно и было. Наверное, Сталин не забыл, как он дважды цитировал Василия Сергеевича, пользовался его расчетами и в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. дал работе В.С. Немчинова и ему самому высокую оценку, что вообще делал крайне редко. Правда, из “Тимирязевки” Василия Сергеевича сразу же уволили, назначив председателем Совета по изучению производительных сил. Как говорится, нет худа без добра. Думаю, что на новом посту он смог принести больше пользы отечественной экономической науке и практике, чем если бы оставался в ТСХА, хотя для “Тимирязевки” это была, безусловно, большая потеря.



Академик В.С. Немчинов

Немчиновская лаборатория, квартировавшая в конце 50-х годов в старом здании Института экономики на Волхонке, была небольшая, занимала несколько комнатушек в полутемном коридорчике рядом со столовой.

Василий Сергеевич собрал в ней сплоченный коллектив способной молодежи, который решал небольшой круг задач, но вполне успешно. В частности, они вели расчеты республиканских балансов и занимались некоторыми проблемами экономического моделирования. Однако народнохозяйственные потребности и мировой уровень исследований в данной области объективно требовали, чтобы отечественная наука, наконец, всерьез занялась общесистемными проблемами повышения эффективности функционирования экономики с широким использованием вычислительных машин в экономических расчетах и современных эконометрических методов.

## РОССИЯ – РОДИНА МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА И ЛИНЕЙНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

К тому времени, когда весь мир понял, что будущее за разумным использованием ЭВМ и кибернетики, и когда руководители и идеологи в нашей стране, наконец, осознали, насколько СССР отстал в этой области от передовых стран, с кибернетики, хотя и с неохотой, но был

снят ярлык “продажной девки империализма”, и мы бросились вдогонку за этой “девкой” и за всем остальным миром. Задача перед нами стояла не простая, поскольку на Западе эконометрика как самостоятельное научное направление на стыке экономической теории, статистики и математики выделилась уже в 20–30-х годах, в частности благодаря работам Г. Мура и Г. Шульца (США). Об уровне развития вычислительной техники и степени ее использования в экономике Запады можно судить по следующему высказыванию президента США Джона Кеннеди, сделанному им летом 1963 г.: “Если бы вычислительная техника США вышла из строя, то это было бы равнозначно национальной катастрофе в области экономики”.

Сам термин “эконометрика” в 1926 г. ввел в научный оборот норвежский экономист Р. Фриш, ставший в 1930 г. одним из основателей Международного эконометрического общества, в члены которого впоследствии приняли и меня. Мы, конечно, могли гордиться, что наша страна является “родиной линейного программирования”, которое было создано в 1939 г. Л.В. Канторовичем, за что он через много лет удостоился Нобелевской премии, а также тем, что одна из первых моделей экономического роста, основанная на развитии марксовых схем воспроизводства, была разработана в 1928 г. советским экономистом Г.А. Фельдманом. Не могу не отметить наш приоритет в разработке моделей для анализа структуры народного хозяйства, выявляющих межотраслевые и межрегиональные связи, структуру распределения валового и конечного продукта. Этот метод, положенный в основу создания принятой сегодня в ООН системы национальных счетов, был развит известным американским экономистом В. Леонтьевым и Р. Фришем, однако впервые межотраслевой баланс народного хозяйства был все-таки составлен в СССР в 1925–1926 гг. под руководством П.И. Попова. Конечно, по этим поводам мы имели право испытывать законную гордость, но, к сожалению, не более того.

Наверное, надо объяснить, почему наш приоритет в деле составления межотраслевых балансов не получил развития и работы группы Попова были прекращены. Вы все поймете, прочитав следующую цитату из трудов “величайшего в мире экономиста”. «Вы, конечно, знаете, – писал он, – что среди коммунистов все еще имеет хождение так называемая теория “равновесия” секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом... То, что опубликовано ЦСУ в 1926 г. в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири... Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты...»<sup>2</sup>. Кстати, там же Сталин высказывает, на мой взгляд, весьма здравую и архиактуальную для нашей экономической ситуации конца 80-х годов мысль, а именно: “Было бы хорошо, если бы наши марксисты-экономисты выделили специальную группу работников для разработки *проблем экономики переходного периода* (Курсив мой. – Н.Ф.) в новой постановке”. От-

<sup>2</sup> Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 276, 294.

метив, по чьим заветам был создан гайдаровский институт проблем переходного периода, вернемся к эконометрике.

Масштабные исследования в данной области и, тем более, широкое применение математических и кибернетических методов в народном хозяйстве у нас торжественно отсутствовали, так что стартовать приходилось с очень большим гандикапом, почти что с нуля. Да и после, в процессе погони, приходилось осторожничать. Такие слова, как “производственная функция”, “Кобб и Дуглас”, “гарвардский барометр Митчелла”, “теория предельной полезности” произносить громко вслух не рекомендовалось. Дело в том, что весь этот инструментарий был ориентирован на критерий рыночного равновесия, а использование терминов “рынок”, “рыночная экономика”, “рыночные цены” вплоть до 80-х годов просто не допускалось. В 60–70-е годы “постреливать” уже перестали, но ученый-экономист с клеймом “рыночника” мог быть наперед уверен, что у него не будет ни хорошей работы, ни новых ученых степеней и званий, ни загранпоездов, ни каких бы то ни было публикаций. Некоторых ученых эта система ломала, некоторые уезжали за рубеж, а остальным, если они не были “ортодоксами” или апологетами за плату, приходилось прибегать к хитростям, маскировке и словесным выкрутасам.

Конечно, я не совсем точен, говоря, что начинать приходилось почти с нуля, вернее было бы сказать “после большого сталинского перерыва 30-х–50-х годов”. В действительности, экономико-математическое направление в отечественной науке имело и имеет глубокие корни и длительную историю, которую некоторые авторы отсчитывают с момента опубликования заметки А.И. Чупрова “Математическое вычисление цены труда” в одиннадцатом номере журнала “Отечественные записки” за 1867 г. В конце XIX–начале XX в. российские ученые внесли значительный вклад в развитие математической экономики. Заслуги в этой области Ю.Г. Жуковского, В.С. Войтинского, В.Ф. Залеского, Р.М. Орженецкого и особенно В.К. Дмитриева и Е.Е. Слуцкого общепризнанны. Их идеи повторялись и использовались известнейшими учеными – экономистами мира, в том числе такими как Леонтьев, Самуэльсон, Дебре.

Исключительно бурными темпами развивалась отечественная экономико-математическая школа в 20-е годы, причем развитие это шло в разных направлениях, начиная от теории ценности и кончая теорией экономических конъюнктур. Пионерами в этой области выступали Е.Е. Слуцкий, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и ряд других исследователей, развивавших традиции старой русской экономико-математической школы и в то же время значительно продвинувших анализ новых явлений в экономике страны. В это же время славу “первого советского экономиста-математика” приобрел С.Г. Струмилин, в те годы правильно подходивший к формулированию целевой функции общественной полезности, но в конце своей жизни ставший ее непримиримым критиком.

Дальнейшее развитие экономической теории в нашей стране требовало не только уточнения и проверки старых математических методов, но и создания новых, более адекватно отражающих специфические особенности экономики. Поэтому было не случайным возникновение ново-

го раздела высшей математики – линейного программирования (1939 г.) и вообще *теории оптимального управления*, наиболее широко и плодотворно применяемых при моделировании народного хозяйства и его составляющих. Иначе говоря, уже с самого зарождения отечественной экономико-математической школы применение математики шло не только путем расширения сферы ее теоретических и практических приложений, но и по линии выработки нового, более соответствующего принципам рационального хозяйствования математического аппарата.

Впрочем, отечественная наука в те годы достигла больших успехов и в применении испытанных методов математической статистики (Е.Е. Слуцкий, А.А. Чупров, Н.С. Четвериков) не только к анализу поведения потребителей, но и к анализу временных рядов, признанному во всем мире как важнейшее достижение нашей экономико-математической школы в 20-х и последующих годах. В этой связи следует отметить большую и плодотворную работу в 20-х годах Конъюнктурного института, возглавлявшегося Н.Д. Кондратьевым, где разрабатывались глобальные проблемы анализа статистических рядов, увенчавшиеся созданием нового раздела математики – теории случайных функций. На основе изучения громадного статистического материала Н.Д. Кондратьев создал теорию “длинных волн”, дав подлинно научный анализ всех факторов экономических колебаний. Если М.И. Туган-Барановский превратил теорию кризисов в теорию экономических конъюнктур, то Н.Д. Кондратьев нащупал методологию *прогнозирования* фаз подъема и спада, позволяющую строго математически предсказывать изменения самой конъюнктуры.

Еще один камень в фундамент будущей теории оптимального управления в 20-х годах вложил один из авторов плана ГОЭЛРО Г.А. Фельдман, опубликовавший свои идеи по моделированию экономики за 15–20 лет до того, как первая модель экономического роста была построена на Западе. Основная модель Г.А. Фельдмана выражала взаимосвязи темпа роста национального дохода, изменения фондоотдачи, производительности труда и структуры использования национального дохода. Эта модель имела не только теоретическое значение, она использовалась в разработке первого генерального плана развития народного хозяйства СССР на 15–20 лет, которая проводилась на рубеже 20-х–30-х годов. Г.А. Фельдман придерживался *программно-целевого* принципа планирования, что видно из его четкой аргументации необходимости использования математических методов в народном хозяйстве: “Нельзя представить несложного метода проектирования такого сложного аппарата, каким является народное хозяйство. С другой стороны, мы не знаем более совершенных форм анализа, чем математика... Мы убеждены, что более или менее совершенное планирование народного хозяйства может быть осуществлено лишь на основе четкой, математически сформулированной теории; только тогда споры по планам могут быть сведены к принципиальным установкам и целевым заданиям при полной уверенности в безошибочности расчетов”<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 177–178.

Следует отметить, что уже в 20-х годах зародилась теория сравнения плановых вариантов (теория сравнительной эффективности хозяйственных мероприятий), ставшая впоследствии одним из важнейших разделов теории оптимального функционирования экономики. Одним из пионеров этой теории был Л. Юшков, тонко чувствующий коренную проблему “хозрасчетной системы планирования”, идея которой была обоснована через 40 лет В.С. Немчиновым. Однако путь к этой идее был трудным и тернистым, поскольку предложенная Л. Юшковым децентрализация управления народным хозяйством с помощью нормативов длительного действия наталкивалась на глухую стену бюрократически-казарменной системы хозяйствования. Что же касается самой теории сравнения эффективности хозяйственных решений, то развитие ее остановить было невозможно; в 30-х–40-х годах она резко видоизменилась с появлением работ В.В. Новожилова и А.Л. Лурье, наполняясь новым содержанием в связи с разработкой теории оптимизации планирования.

Обоснованию единства генетического и целевого подходов в перспективном планировании и предвидении (прогнозировании) были посвящены работы В.А. Базарова, В.Г. Громана и Н.Д. Кондратьева. На другую сторону оптимизации перспективных планов – необходимость учета “цепной связи” отраслей народного хозяйства – обратил внимание А.А. Богданов, наиболее полно разработавший теорию динамического экономического равновесия, лежащую в основе современных представлений об оптимальном перспективном планировании.

Идеи теории оптимизации планирования пробивались с трудом, поскольку они противостояли концепции тех экономистов и плановых работников, которые отрицали необходимость единства генетического и целевого подходов к перспективному планированию, повторяя сталинскую заповедь о том, что “наши планы – это не планы-прогнозы, а планы-директивы”. Эти “теоретики” планирования подводили идеологическую базу под “сверхускоренную индустриализацию, под административные методы “подстегивания” экономического развития, которые в конце концов привели к полной расбалансированности экономики и к уродливой структуре народного хозяйства.

Фундаментальное значение имело открытие в 1939 г. Л.В. Канторовичем метода линейного программирования (“переоткрытого” впоследствии американскими учеными Т. Купмансом и Дж. Данцингом), применяющегося сегодня для решения обширного класса хозяйственных задач, начиная с оптимизации грузопотоков и кончая разработкой перспектив развития целых отраслей производства. Но заслуга Л.В. Канторовича не только в открытии этого метода. Он показал возможные пути дальнейшего развития математических методов и перспектив их применения в экономике, раскрыл задачу построения оптимального плана, методы его нахождения в народном хозяйстве в целом и особенно подчеркнул необходимость перехода от статических задач к динамическим, что возможно, по его мнению, только с помощью построения системы моделей.

Так были посеяны первые зерна и появились первые всходы теории оптимального планирования, в отрыве от которой сегодня не мо-



Академик Л.В. Канторович

жет быть успешно решена ни одна экономическая проблема. Принцип оптимизации стал важнейшим достижением экономической науки завершающегося века, ибо он лежит в основе действительно рациональной организации производства.

Не возьму на себя смелость фантазировать на тему, что было бы с нашей экономикой, если бы предложения наших ученых были в свое время реализованы на практике. Как говорится, история не имеет сослагательного наклонения, а плоды “командной оптимизации” известны. Существовавшая тогда политическая система органически отторгала принципы оптимизации, и поэтому первые ростки оптимального планирования были затоптаны. Сделано это было присущим для той системы методом, т.е. не научными аргу-

ментами, а репрессиями. За тюремной решеткой оказались, Г.А. Фельдман, Л.Е. Минц, А.Л. Вайнштейн и др. Погиб Н.Д. Кондратьев, реабилитированный посмертно только в 1987 г. “Проработкам”, дискриминации и огульным поношениям подверглись и другие ученые, в том числе и Л.В. Канторович.

Надо было обладать незаурядным гражданским мужеством, убежденностью и верой в свою правоту, чтобы в тех условиях продолжать исследования, не меняя своей гражданской позиции и научных взглядов, что в конце концов было вознаграждено ренессансом отечественной математической экономики. Это возрождение было связано с событиями, с описания которых я начал этот раздел своих воспоминаний.

Замечу, что наши идейные противники не унимались и позже, о чем далее в этой книге еще будет идти речь. Здесь же мне хочется продемонстрировать образчик такого рода критики, который представляется мне “классическим”, настолько он типичен по своей логике и терминологии. Ниже следует цитата из выступления профессора Ш.Я. Турецкого на совещании экономистов за “круглым столом”, созванном в марте 1964 г. журналами “Soviet Life”, “Вопросы экономики” и редакцией “Экономической газеты”, а также следующий за ней редакционный комментарий, под текстом которого я готов поставить свою подпись. Прошу читателя набраться терпения и внимательно прочесть обе цитаты, поскольку их содержание очень важно для понимания происходившей в те годы научной полемики.

Итак, предоставляю слово Шамаю Яковлевичу: “...нельзя не видеть,

что нередко лица, использующие математические методы в экономике, сами того не подозревая, становятся на путь вульгаризации марксизма. Это относится в первую очередь к попытке количественного измерения стоимости отдельных товаров не прямым путем, на основе данных об общественно необходимых затратах на производство конкретного продукта в рабочем времени, а методом сложения отдельных элементов стоимости ( $c + v + m$ ). Маркс и Энгельс бесспорно доказали, что стоимость не складывается из этих элементов, а только распадается на  $c$ ,  $v$ ,  $m$ . И вот почти через 90 лет после смерти Маркса в нашей литературе возродилась попытка исчислить стоимость на основе суммирования ее элементов. Причем именно этот антинаучный “метод счета стоимости” взяли на вооружение “доморощенные эконометрики”.



Профессор В.В. Новожилов

Конечно, определение стоимости на основе показателей, отражающих распределительные отношения, приводит естественно к практически неприемлемым выводам и предложениям. Но сам этот факт лишний раз подтверждает элементарное положение, что применение математических методов в экономических исследованиях, игнорирующее природу и сущность изучаемых экономических категорий, по крайней мере, неплодотворно и на деле приводит к ложным результатам<sup>4</sup>.

А теперь комментарий, объясняющий, почему предыдущий абзац служит наглядным примером “ярлычного” метода проведения дискуссий: «Сначала квалифицируется общий смысл ошибки, которая по мнению того или иного ученого, прибегающего к “ярлычным” методам, содержится в работах его оппонентов (в данном случае это: “сами того не подозревая, становятся на путь вульгаризации марксизма”). Затем оппонентам приписывается незнание элементарных истин, известных даже студенту (в данном случае, что стоимость распадается на  $c$ ,  $v$ ,  $m$ , а не складывается из них). И наконец, для оппонентов придумывается прозвище с более или менее оскорбительным смыслом, которое обычно заключается в кавычки (в данном случае “доморощенные эконометрики”). Очевидно, что такая форма полемики в наше время никого не может убедить»<sup>5</sup>.

Прежде чем перейти к рассказу о создании ЦЭМИ, отмечу, что рубежными работами, которые ознаменовали наступление этого перио-

<sup>4</sup> Экономисты и математики за круглым столом. М., 1965. С. 44–45.

<sup>5</sup> Там же. С. 45.

да, несомненно, стали два классических труда, увидевших свет почти одновременно. Это – “Экономический расчет наилучшего использования ресурсов” Л.В. Канторовича<sup>6</sup> и статья “Измерение затрат и результатов” В.В. Новожилова<sup>7</sup>, которая впоследствии легла в основу главного труда его жизни – монографии “Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании”<sup>8</sup>. Большую роль в пропаганде новых идей сыграла публикация трудов Первого научного совещания о применении математических методов в экономике и смежных с нею областях знаний, состоявшегося в апреле 1960 г. под руководством В.С. Немчинова.

Через некоторое время у этого научного направления появился свой флагман – ЦЭМИ, ученые которого, опираясь на богатый задел, созданный предшественниками, сделали новый шаг в науке – от теории оптимизации планирования к теории оптимального функционирования экономики. То, как это происходило, и составляет главное содержание моего дальнейшего повествования, которое я хочу начать с воспоминаний о первых шагах своего любимого детища.

## ЦЭМИ РОДИЛСЯ!

Итак, в 1963 г. для создания Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) АН СССР было создано что-то вроде инициативной группы, куда пригласили ряд известных ученых. Позвали и меня. “Центральным” его назвали потому, что предполагалось создать еще и филиалы этого института, в том числе и в Новосибирске. Однако академик М.А. Лаврентьев – руководитель Сибирского отделения (СО) АН СССР – запротестовал, сказав, что, мол, нам не нужно никаких филиалов, что в Новосибирске должен быть свой собственный экономический научно-исследовательский институт. Так и было решено. Экономико-математические (да и вообще экономические) исследования в Сибири получили широкую поддержку руководства СО, для их развития там сложились благоприятные условия, но об экономистах-сибиряках ниже будет отдельный разговор.

Кадры для ЦЭМИ предполагалось собирать, как говорится, с миру по нитке: кого-то взять из Главного Вычислительного Центра Академии наук, кого-то из Института комплексных транспортных проблем (ИКТП) и из других организаций, где существовали лаборатории, занимавшиеся эконометрикой. Естественно, встал вопрос о кандидатуре директора. Я как официальное лицо – заместитель академика-секретаря – от имени Академии предложил назначить на эту должность В.С. Немчинова, во-первых, по причинам, уже читателю известным, и

<sup>6</sup> Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Наука, 1960.

<sup>7</sup> Новожилов В.В. Измерение затрат и результатов // Применение математики в экономических исследованиях. М.: Наука, 1959. Т. 1.

<sup>8</sup> Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967.

во-вторых, потому, что кадровой и идейной базой ЦЭМИ должна была стать его лаборатория. Василий Сергеевич категорически отказался, ссылаясь на возраст и состояние здоровья, и как бы в ответ рекомендовал на эту должность меня.

Мне рассказали, что он собирал своих сотрудников и вместе с ними обсуждал возможные кандидатуры, в том числе Ковалева – из Госплана СССР, Козловой – ректора Московского инженерно-экономического института и др. Мне было приятно узнать от третьих лиц, что при этом обсуждении Немчинов дал мне самую лестную характеристику, сказал, что знает меня с довоенных лет и уверен в том, что Федоренко – это самая лучшая кандидатура. Свое мнение он обосновывал тем, что Федоренко, мол, хороший экономист, весьма порядочный человек, молодой, решительный, смелый и очень целеустремленный, а также умеющий не только без робости общаться с высоким начальством, но убеждать его в своей правоте и даже полемизировать с ним. В качестве примера он привел известную читателю историю моего участия в развертывании химизации страны, а также рассказал о моих разногласиях с Н.С. Хрущевым по поводу освоения целины, когда я направил в ЦК записку об альтернативном направлении капиталовложений, считая, что инвестиции в химизацию старых земледельческих районов дадут большую отдачу нежели затраты на освоение степей Казахстана и Южной Сибири.

Василий Сергеевич, заручившись поддержкой коллектива своей лаборатории и, по-видимому, согласовав этот вопрос с Арзуманяном, направил свои предложения Мстиславу Всеволодовичу Келдышу. Через некоторое время мы трое были приглашены к президенту Академии. В разговоре, продолжавшемся минут сорок, Немчинов настаивал на моем назначении, я не соглашался, говоря, что кроме Василия Сергеевича никто не может быть директором ЦЭМИ. Так ни к какому решению мы не пришли, с чем и разошлись. Через неделю М.В. Келдыш снова собрал у себя в кабинете ту же компанию, и ситуация повторилась. Спустя еще неделю президент пригласил к себе уже одного меня. Я продолжал отказываться, но после того, как Мстислав Всеволодович спокойно “разложил передо мной” все pro и contra, я сдался, и 19 июля 1963 г. было подписано постановление президиума АН СССР о моем назначении. Так я стал директором ЦЭМИ – впоследствии ведущего центра экономических исследований в нашей стране и через некоторое время, по оценке одного из солиднейших американских изданий, вошедшего в первую пятерку ведущих экономических исследовательских организаций мира. Но, чтобы завоевать такую репутацию, предстояло потратить еще немало времени, сил и умения...

## КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

На первых порах собственного помещения у института не было, он размещался в тесном старинном здании на Волхонке. Хотя у этого особняка были надстроены дополнительные этажи, но уже тогда он с трудом вмещал в себя три академических института и еще какие-то организации помельче, а тут еще и ЦЭМИ! Поначалу мы сидели друг у

друга “на головах”, и о размещении техники не могло быть и речи. А коллектив рос, и проблема набора сотрудников была для меня тогда важнее вопроса с помещением. Я поставил ее перед собой в качестве главной, ключевой и, как сегодня говорят, “судьбоносной” задачи, поскольку хорошо понимал, что от формирования коллектива полностью зависит и ближайшее будущее института, и его дальнейшая судьба. Сказанное прежде всего я относил к так называемым опорным сотрудникам, т.е. руководящему звену.

Прежде чем рассказать о моем первом “заме”, я бы хотел признать, что мне вообще везло с заместителями, вместе с которыми я реализовывал свои мысли о создании современного научного Центра, в котором в органическом единстве должны были сотрудничать экономисты, математики, специалисты в области вычислительной техники и инженеры. Успеху нашей совместной работы в значительной мере способствовало то, что у нас складывались отношения взаимного доверия и товарищества. Только при таких отношениях в то время и можно было откровенно обсуждать вопросы коренного совершенствования экономического устройства Советского государства. Естественно, что о необходимой политической перестройке системы мы говорили друг с другом в абсолютно конфиденциальной обстановке. Иногда, предчувствуя серьезный разговор, мы выходили из седьмого корпуса президиума Академии, куда ЦЭМИ переехал с Волхонки, и продолжали обсуждение “на пленере” – в соседнем Нескучном саду. Друг с другом нам не было нужды осторожничать, и это придавало истинно творческий характер нашим, порой жарким, спорам и обсуждениям, позволяло находить приемлемые для всех решения.

Единство во взглядах на цели наших исследований, взаимная откровенность и доверие, чувство локтя превращали соратников в друзей. Я дружил со своими заместителями, а они дружили между собой. Я никогда их не выделял и не ранжировал. Все они были равны по своему статусу, хотя, естественно, каждый руководил своим научным направлением.

Чтобы не посвящать этой теме отдельный раздел, я расскажу о каждом из них, когда речь будет идти о той или иной тематике наших исследований. Начну же с того, кто с первых дней существования ЦЭМИ, а точнее – с 11 октября 1963 г. – стал моим первым и в течение нескольких лет был единственным заместителем – с Ю.А. Олейника–Овода.

Замечу, что в ту пору он оказался самым молодым на такой должности в секции общественных наук. К тому же у него тогда не было ни ученой степени, ни партийного билета, что было еще более необычным для того времени. Однако это назначение не стало неожиданностью для специалистов, занимавшихся экономико-математическими исследованиями, поскольку Ю.А. Олейник в их кругу уже пользовался известностью. Еще за несколько лет до описываемых событий Ю.А. Олейником и его коллегами был разработан комплекс программного обеспечения для решения экономических задач оптимизационного характера. С 1961 г. он занимал должность начальника первого в стране отдела в Вычислительном центре АН СССР с крамольным для тех лет названием “Математическая экономика”. Сочетая научные разработки с практическим применением, Ю.А. Олейник установил широкие контакты с коллегами в России, союзных республиках и за

рубежом. На втором Международном математическом конгрессе он вместе с киевлянином В.С. Михалевичем получил первую премию за разработку математических методов решения экономических задач.

О том, что отдал приоритет Ю.А. Олейнику при выборе кандидатуры на должность замдиректора ЦЭМИ, я не пожалел ни разу. При более близком знакомстве он показал себя в высшей степени порядочным человеком, великолепным организатором, умеющим найти взаимопонимание в коллективе и завоевать в нем авторитет.

Его научные интересы были весьма широки. Основным кредо Ю.А. Олейника являлось убеждение в том, что без глубокого анализа системы управления нельзя и пытаться серьезно применять ЭММ в практических целях. Именно по его предложению и настоянию в конце 60-х – начале 70-х годов в ЦЭМИ была сделана попытка развернуть широкие исследования по разработке теории анализа и синтеза систем управления. В этой области нами были получены хорошие результаты и проведены важные экспериментальные работы, в том числе предложения по созданию системы управления ВАЗом, создание новой системы управления Главмосавтотрансом, предложения по совершенствованию системы управления объединениями угольной промышленности СССР и др. По проблемам анализа и синтеза систем управления он читал лекции в Канаде, США, Японии и других странах.

Думаю, следует вспомнить и историю защиты Ю.А. Олейником кандидатской диссертации. Работа была более чем добротная и произвела очень хорошее впечатление. Более того, первый оппонент академик А.Г. Аганбегян предложил Ученому совету, учитывая высокий уровень представленного к защите исследования, присудить Ю.А. Олейнику сразу следующую ученую степень. И стал бы в тот день Юрий Александрович доктором наук, если бы за то время, которое понадобилось для выполнения необходимых в этом случае дополнительных формальностей, сам Аганбегян куда-то уехал.

Используя свои знания, широкие связи и личный авторитет, Ю.А. Олейник всегда оказывал мне большую научно-организационную помощь, будь то создание проблемного Научного совета или организация Ленинградского отделения ЦЭМИ. Поэтому мне искренне жаль, что по не зависящим от меня причинам, он был вынужден в 1976 г. отказаться от своей должности.

За методы, которые я использовал при решении кадрового вопроса, некоторые мои коллеги до сих пор называют меня Иваном Калитой. Дело в том, что приходилось собирать людей “с бору по сосенке”, а точнее сказать, переманивать из других организаций, причем не только из науки, но и из промышленности, транспорта. Этим я занимался серьезно, внимательно и терпеливо, потому что полностью был и сейчас согласен с лозунгом Сталина: “кадры решают все”. Но в отличие от сталинского принципа подбора кадров, основывавшегося на оценке “деловых и политических” качеств, мой принцип заключался в выборе людей по признакам “деловитости и порядочности”. Для этого, кроме изучения формальных анкетных данных и списков научных трудов, приходилось различными способами исследовать поведенческие характеристики возможных будущих сотрудников. На это уходило немало времени и труда, но овчинка

стоила выделки, в институте постепенно формировался здоровый коллектив, внутри которого складывались нормальные деловые и человеческие взаимоотношения, что в конце концов во многом определило и наши последующие творческие успехи. Нам удалось избежать участи некоторых научных организаций, обладавших большим творческим потенциалом, который не смог быть в полной мере реализован по вине пары склочников.

Признаюсь, иногда с сожалением приходилось отказываться от услуг людей, на мой взгляд, весьма способных, но имевших дурную славу либо из-за неуживчивого характера, либо из-за обоснованных сомнений в их личной порядочности, либо из-за завышенной самооценки, либо из-за всего вместе. Они вносят разлад в любой коллектив.

Необязательно любить всех, но видеть в людях положительные черты, прощать малые недостатки и невинные слабости, поддерживать в трудную минуту, поощрять к полезной для общества деятельности, быть с ними деликатным и тактичным – это правила не только для руководителя, но и для любого, кто работает в коллективе. Еще в раннем детстве я усвоил золотое правило: будь сам человеком, и вокруг тебя будут люди. Несмотря на то, что изредка это правило подводило меня (бывают исключения!), я его придерживался, придерживаюсь и буду придерживаться всегда. Пример ЦЭМИ мою правоту доказал.

Руководствуясь этим принципом, я никогда не жалел времени и усилий, чтобы подобрать к характеру каждого из сотрудников свой особый “ключик”, позволяющий полностью раскрыть его способности и творческую инициативу, сделать так, чтобы человек работал с охотой, а не, как говорится, из-под палки или под давлением регламента.

Наверное, следует признать, что я сам, конечно, далеко не ангел с крылышками, и иногда мне приходилось с некоторыми коллегами и подчиненными, среди которых были и весьма неординарные и талантливые ученые, обходиться довольно круто. Но делал я это всегда вынужденно, скрепя сердце, и только тогда, когда этого требовали интересы общего дела, в том числе интересы моего любимого детища – ЦЭМИ.

В заключение этой темы хочу сказать еще о двух своих принципах отбора кадров – одном “общем” и другом “специфическом”. Первый: еще не будучи знаком с “Принципом Питера” и “Законом Паркинсона”, в соответствии с которыми причиной гибели большинства организаций – научных или административных – является то, что места в их иерархии (административный пирамиде) занимали люди с убывающим уровнем компетенции, я не только не стеснялся выбирать себе подчиненных умнее себя, но даже старался это сделать, если удавалось. Второй: делая в своей кадровой политике в целом ставку на молодежь, я все же по-разному относился к выбору математиков и экономистов, считая, что математики проявляют свои научные способности достаточно рано, и здесь молодость не только не помеха, но даже достоинство. С другой стороны, я был и до сих пор убежден в том, что для того, чтобы стать настоящим экономистом, необходимо приобрести известную толику опыта практической работы. Поэтому я предпочитал экономистов, прошедших заводскую, проектировочную или иную деловую школу, т.е. тех, кто на собственном опыте ощутил и своими глазами по-

видал, как “новая стоимость создается живым трудом”. Молодому политэконому с университетским дипломом, знающему наизубок схему распределения совокупного общественного продукта, но не нюхавшего фабричного дыма или не поворочавшего кучу-другую реальных калькуляций, добиться моего расположения было непросто, хотя и такие случаи бывали.

Признаюсь, до сих пор я с большей долей недоверия отношусь к “теоретикам”, в том числе вещающим сегодня с телеэкрана и напоминающим мне Ивана Богатого из щедринской сказки “Соседи”, который был «как есть во всей форме филантроп. Сам ценностей не производил, но о распределении богатств очень благородно мыслил. “Это, говорит, с моей стороны лепта. Другой, говорит, и ценностей не производит, да и мыслит неблагородно – это уж свинство. А я еще ничего”»<sup>9</sup>. Так что для того, чтобы попасть в ЦЭМИ, одного только умения “благородно мыслить” в мое время было недостаточно...

При формировании коллектива в ЦЭМИ поступали люди самых разных областей науки. Кроме экономистов и математиков были и историки, и “технари”, и физики. Поскольку в то время наши вузы не готовили экономистов-математиков, мы выбирали энтузиастов, многим из которых приходилось перестраиваться и иногда с большим трудом. Тут я понял, что и математик математику рознь. Многие способные математики, хотя и делали хорошие работы в области математической экономики, так и не стали настоящими экономистами в том смысле, что их больше интересовала математическая красота и гармония тех моделей, которые они придумывали, а не экономика как объект исследования.

В противоположном смысле ярким образцом, на мой взгляд, может служить пример В.А. Волконского, который не будучи экономистом по образованию и уже получив неплохие результаты в “чистой” математике (он пришел в лабораторию В.С. Немчинова, защитив диссертацию по теории случайных процессов), больше ценил именно возможность понять, как работает и как должна работать экономика. Первые разработки В.А. Волконского в ЦЭМИ представляли собой попытку на языке математических моделей сделать как можно более реалистичным представление об экономике как о системе, движущейся к оптимуму. Он изучал описание поведения потребителей с помощью функции полезности и предложил метод ее построения на основе данных обследования семейных бюджетов. Долгое время он вместе с сотрудниками своей лаборатории занимался методами согласования централизованно разрабатываемых планов с планами отраслей или регионов с целью получить оптимальный план для всей экономики. Эти теоретические исследования сочетались с прикладными – разработками оптимальных планов для конкретных отраслей (нефтепереработки, нефтяного машиностроения), участием в создании сценариев и моделирования стратегии разработки крупного месторождения и т.п.

Забегаю вперед, отмечу, что впоследствии научные интересы В.А. Волконского, как и значительной части работников ЦЭМИ, сдви-

---

<sup>9</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения. М., 1988. Т. 7. С. 477.

нулись в сторону изучения, как тогда говорили, экономических механизмов, а, по существу, роли рыночных отношений и возможности их сочетания с планированием. В 70-е годы лаборатория В.А. Волконского сделала существенный вклад в разработку теории оптимального функционирования экономики, в частности, участвовала в разработке Комплексной программы научно-технического прогресса, взяв на себя анализ и прогнозирование доходов, расходов и сбережений населения.

Кадровая политика – ЦЭМИ и моя лично – не сводилась только к “сбору” талантов. Конечно, мы занимались и подготовкой необходимых нам и стране специалистов. Для рассказа об этом мне придется немного забежать вперед – в 1965 г., когда ректорат МГУ имени М.В. Ломоносова обратился ко мне с просьбой возглавить на экономическом факультете кафедру математических методов анализа экономики (ММАЭ). Эта кафедра была создана по инициативе В.С. Немчинова незадолго до его кончины в 1964 г.

К этому времени на экономическом факультете уже существовало экономико-математическое отделение: в 1960 г. группа молодых кандидатов наук и аспирантов механико-математического факультета (Е.Г. Дьяконов, А.А. Кириллов, Л.Д. Мешалкин, В.Н. Тутубалин, Ю.Н. Тюрин, М.И. Фрейдлин) во главе с доцентом И.В. Гирсановым организовала преподавание математических курсов студентами-экономистами и добилась организации экономико-математического отделения. Таким образом, к приходу В.С. Немчинова на факультете уже проводилось преподавание математических дисциплин, ориентированных на их применение в решении экономических проблем, и в 1962/63 учебном году на первых трех курсах уже обучались будущие специалисты по применению математики в экономике. И.В. Гирсанов, таким образом, оказал В.С. Немчинову неоценимую помощь в создании кафедры ММАЭ. К сожалению, деятельность этого ученого и неординарной личности была прервана трагической гибелью. Он был еще и альпинистом...

Думаю, что создание ЦЭМИ как-то повлияло на то, что организационная и педагогическая деятельность по внедрению математики в обучение студентов-экономистов получила дальнейшее развитие. В 1964 г. Министерство высшего образования ввело новую специальность – “Экономическая кибернетика”. Отделения экономической кибернетики стали создаваться в большинстве экономических факультетов университетов и экономических вузов.

К этому времени на кафедре ММАЭ работала группа талантливых молодых ученых, которые помогли мне создать там товарищескую и деловую атмосферу. Среди них были В.С. Дадаян, Л.М. Кисина, И.В. Нит, Е.З. Майминас, П.А. Медведев, М.Г. Трудова, Ю.Н. Черемных. Некоторые из них впоследствии успешно работали по совместительству в ЦЭМИ. Кстати, тут наблюдалось и “обратное движение”. В работе кафедры участвовали Ю.Н. Гаврилец (Юрий Николаевич преподает на ней до сих пор – вот уже более 30 лет), Б.Л. Исаев, В.В. Косов, Б.Н. Михалевский, А.А. Модин, Ю.И. Черняк, Е.И. Яковлев.

Кроме руководства кафедрой я также председательствовал на созданном В.С. Немчиновым Ученым совете МГУ по экономико-математическим методам. В первые годы своего существования Совет дейст-

вовал как секция матметодов Ученого совета экономического факультета, название же специальности неоднократно менялось, однако нам – не без усилий – удалось сохранить ее в номенклатуре специальностей ВАКа. В 1970 г., когда круг моих обязанностей в Академии существенно расширился, я, не пытаясь “объять необъятное”, передал руководство кафедрой С.С. Шаталину, но связей с МГУ не прерывал.

Впрочем, вскоре после ухода с университетской кафедры я получил приглашение на преподавательскую работу, которое меня весьма заинтересовало. В то время было принято решение о создании Института (в настоящее время – Академии) управления народным хозяйством при Совете Министров СССР, задачей которого было обучение кадров “высшего командного состава” страны – руководителей министерств, крупных предприятий, различных органов исполнительной власти и т.п., куда меня пригласили на профессорскую должность. Слушатели проходили интенсивный курс обучения в течение нескольких месяцев. Для чтения лекций приглашались известные ученые и специалисты страны. Да и аудитория была настолько высококвалифицированной и заинтересованной, что и у нее, по правде говоря, было чему поучиться. От такой интересной работы было трудно отказаться.

Обладающим знаниями и имеющим практический опыт слушателям, зачастую в чем-то даже превосходившим своих преподавателей, нельзя было “повторять зады”. Удовлетворить интерес этих людей и увлечь их можно было, только открывая им что-то новое и, действительно, для них полезное. Хорошо это понимая, я в своих лекциях старался не ограничиваться изложением основ эконометрики и экономического моделирования, но рассказывал о новых, зачастую спорных взглядах на отдельные экономические проблемы, в частности, на ценообразование, ценностную оценку природных ресурсов, пути дальнейшего развития хозяйственного механизма. Мои “вольности” имели двоякие последствия. С одной стороны, стулья и ступеньки аудиторий, где я читал лекции, никогда не были незаполненными, а с другой – возник конфликт с ректором, прослушивавшим наши лекции у себя в кабинете при помощи специальной звуковой аппаратуры. Дело не ограничилось попыткой убедить меня не отклоняться в своих лекциях от “установок партии в области совершенствования хозяйственного механизма”, а дошло до жалобы на меня в кабинете А.Н. Косыгина, о чем мне потом рассказал помощник тогдашнего премьер-министра. А.Н. Косыгин на жалобу ректора отреагировал спокойно и посоветовал разбираться с Федоренко в стенах института, на чем вопрос и был исчерпан.

В заключение этого рассказа о моей деятельности в Институте управления народным хозяйством хочу поведать о том, почему мне особо запомнился день его официального открытия. На церемонию ненадолго прибыл один из “столпов” страны, член Политбюро (тогда – Президиума) ЦК КПСС А.П. Кириленко, который, немного посидев в президиуме, вскоре уехал. Одеваясь в гардеробе после заседания, я заметил, что вместо моей новенькой только недавно сшитой на заказ каракулевой шапки мне подали очень похожую, но уже основательно поношенную. Оказалось, что это шапка Кириленко, а мою он увез с собой в ЦК. Мне пришлось просить ректора связаться с помощником одного из вы-

сих руководителей страны. К моему удовлетворению недоразумение разрешилось просто: мою шапку тут же быстро доставили мне, а шапку Кириленко забрали. В тот момент я подумал: а заметил бы я, если бы мне вместо, скажем, моей поношенной шапки выдали в гардеробе новенькую? Ну да ладно, бывает...

Кадры молодых ученых “ковал” и сам ЦЭМИ, во что значительный вклад внесла его аспирантура. Одной из главных ее задач – кроме подготовки ученых для собственных нужд – было развитие и распространение научного направления института в регионах бывшего СССР. Аспирантура ЦЭМИ распахнула двери для молодых экономистов практически всех республик страны. Правда, следует отметить, что своя прекрасная школа имелась на Украине. Институт в Новосибирске помогал Казахстану. ЦЭМИ же проводил большую работу с научными организациями Закавказья (прежде всего Азербайджана), Средней Азии, Молдавии и Белоруссии.

В отдельные годы в аспирантуре ЦЭМИ проходили обучение до 250 представителей союзных республик. Не у всех из них научная судьба сложилась успешно, но многие из них выросли в крупных ученых, возглавляли научные учреждения у себя на родине. Отдельные из них возвращались в ЦЭМИ и успешно работали над докторскими диссертациями, а затем их защищали.

Мне приятно вспомнить, например, что один из наших учеников таджик Д. Каримов успешно работал заместителем директора Института экономики республиканской академии, затем возглавлял Институт Госплана, стал заместителем премьера, а одно время возглавлял правительство республики. Я бы мог вспомнить еще ряд способных “птенцов гнезда ЦЭМИ”, приобретших впоследствии широкую известность, в том числе о некоторых нынешних членах российского правительства и парламента, но об этом после. Пора вернуться к моменту создания ЦЭМИ.

Итак, к концу 1963 г. в состав ЦЭМИ были переведены 54 сотрудника ЛЭММ АН СССР во главе с академиком В.С. Немчиновым; 11 сотрудников математической группы Отдела эффективности капитальных вложений Института экономики АН СССР, в том числе А.Л. Лурье, А.И. Каценелинбойген и Е.Ю. Фаерман; 16 сотрудников Отдела транспортной кибернетики Института комплексных транспортных проблем во главе с Е.П. Нестеровым; сотрудники Лаборатории математических методов Совета по изучению производительных сил во главе с Л.Е. Минцем; сотрудники Отдела математической экономики ВЦ АН СССР во главе с Ю.А. Олейником.

Считаю нужным отметить, что эти люди пришли в ЦЭМИ не с пустыми руками. Среди тех, кого я назвал, были сложившиеся и уже известные ученые с немалым опытом исследовательской и практической работы. Так, Е.П. Нестеров, которого мы называли “железнодорожным генералом” (а он и в самом деле имел это звание), за долгие годы работы на транспорте приобрел большой опыт в решении крупных народнохозяйственных задач, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Его труд был отмечен самыми высокими правительственными наградами. В науку он ушел уже в солидном возрасте, но и в ней, занимаясь экономико-математическим моделированием транспортных

процессов, весьма преуспел, стал доктором наук, заслужил профессорское звание.

А.Л. Лурье уже в те годы был известным теоретиком в области эффективности капитальных вложений и новой техники, автором фундаментальных исследований в области построения теоретических моделей экономики. Он одним из первых в нашей стране практически применил линейное программирование для реализации конкретных транспортных задач.

А.Л. Вайнштейн был признанным не только в нашей стране, но и за рубежом научным авторитетом в области исследования проблем статистики, изучения конъюнктуры и динамики народного хозяйства. Высокая математическая культура, любовь к точному количественному анализу, приверженность к строгой логике научных построений и обоснования выводов привели Альберта Львовича в нашу тематику. Он не только сам проводил важные экономико-математические исследования, но и широко популяризировал математическую экономию.

Л.Е. Минц был крупным специалистом в области экономики и статистики труда, а с 50-х годов – в области применения математических методов в экономических исследованиях и планировании, главным образом, по размещению производительных сил и межотраслевых балансов производства и распределения продукции. Он был умелым организатором, энергичным, коммуникабельным, легким на подъем человеком и, я бы сказал, любимцем молодежи.

Среди тех, кого привел с собой в ЦЭМИ В.С. Немчинов, были люди разного возраста, но, как правило, все уже имели собственный научный багаж. Так, Б.Л. Исаев еще до поступления в ЛЭММ работал в Отделе планирования и исследований в Секретариате Европейской экономической Комиссии ООН в Женеве, где он неоднократно встречался с Василием Сергеевичем и обсуждал с ним проблемы совершенствования советской статистики, развития методов анализа финансового аспекта воспроизводства, оценки материально-финансовой сбалансированности экономического оборота. В начале 60-х годов лаборатория Б.Л. Исаева в ЦЭМИ предприняла первые шаги по научному осмыслению методологии системы национальных счетов, которые широко использовались в странах с рыночной экономикой, и ее практическому использованию в нашей плановой системе. Пионерные работы Б.Л. Исаева в области методологических принципов формирования интегрированной системы статистической информации об экономическом обороте до сих пор не потеряли своей актуальности. Они особенно ценны сегодня, когда Госкомстат РФ внедряет в практику статистических построений системы национальных счетов.

В этом ряду не могу не вспомнить тогда еще совсем молодого, но очень эрудированного, интересного человека – В.С. Дадаяна. Наследственная интеллигентность, знание литературы, музыкальное образование, блестящее владение английским как-то особенно выделяли его в компании талантливых немчиновских учеников, в которой, по правде говоря, выделиться было непросто. С первых же шагов своей работы в ЛЭММ и ЦЭМИ Владислав Суменович проявил себя самостоятельным и плодотворным ученым. Его работы 60-х годов – “Баланс экономиче-

ского района как средство плановых расчетов” (1962 г.), “Экономико-математическое моделирование социалистического воспроизводства” (1963 г.), “Экономические расчеты по модели расширенного воспроизводства” (1966 г.) – получили широкий отклик не только в СССР, но и за рубежом.

Нужно сказать, что названные мной научные подразделения были переведены в ЦЭМИ не только с “наработками” и “заделами”, но и с текущей “живой” исследовательской тематикой, работа над которой не прерывалась и продолжалась как бы в новых стенах. Например, немчиновская лаборатория в 1962–1963 гг. проводила комплекс работ по построению плановых межотраслевых балансов Белоруссии и Литвы, завершила разработку баланса межотраслевых связей по Карелии, развернула работы по моделированию в сельском хозяйстве. Кроме этого сотрудники лаборатории помогали и отдельным предприятиям – создавали матричные модели производственных планов для минских тракторного и часового заводов. Были успешно завершены такие плановые работы, как “Динамическая однопродуктовая модель народного хозяйства” и “Структура топливного баланса СССР”, выпущена научная монография “Межотраслевой баланс экономического района”. Таким образом, научная работа в ЦЭМИ с самых первых дней его существования несла в себе определенную инерцию движений, уже набранную в предыдущие годы. В этот момент было важно не погасить эту инерцию, а умело использовать ее для решения задач, поставленных перед новым институтом.

Сегодня из тех, кто пришел в ЦЭМИ вместе с В.С. Немчиновым, в институте осталось не так много. Об одном человеке хочу сказать особо. Это Е.И. Константинова, которую Василий Сергеевич взял к себе на работу совсем молоденькой девчонкой, еще в СОПС. Он привел ее с собой в ЛЭММ, а потом и в ЦЭМИ, которому она оставалась верна все прошедшие 35 лет; она и поныне продолжает оставаться моей верной помощницей.

Завершая тему первоначального формирования кадрового состава ЦЭМИ, считаю необходимым заметить, что не всех, на кого я когда-либо “положил глаз”, мне удалось заполучить в наш коллектив. Думаю, что для молодого ЦЭМИ было бы полезным, если бы в его составе работал, например, большая умница профессор В.Н. Лившиц, который, впрочем, в течение многих лет вовлекался в параллельные с нашими или в совместные разработки, в том числе по проблемам оптимизации транспортных издержек, методологии расчетов эффективности, а также по созданию Комплексной программы научно-технического прогресса.

Может быть и не принято в мемуарах утомлять читателей подробностями, но, думаю, меня простят за то, что сегодня я хочу вспомнить все первые подразделения нашей вновь созданной “научной армии” и их командиров. В моем приказе от 1 декабря 1963 г. научные сотрудники ЦЭМИ были распределены по следующим подразделениям:

Лаборатория математических методов оптимального перспективного планирования (заведующий – к.э.н. Михалевский Б.Н.),

Лаборатория анализа межотраслевых связей (к.э.н. Минц Л.Е.),

Творческая группа анализа территориальных связей (к.э.н. Косов В.В.),

Лаборатория систем экономических оценок (академик Немчинов В.С.),

Лаборатория математических моделей автоматизации народнохозяйственного планирования и управления (к.т.н. Пугачев В.Ф.),

Лаборатория систем экономической информации (к.э.н. Черняк Ю.И.),

Лаборатория систем оперативного управления производством (к.э.н. Модин А.А.),

Лаборатория моделей оптимального размещения производства (Маш В.А.),

Лаборатория отраслевых систем планирования и управления (к.ф.-м.н. Волконский В.А.),

Творческая группа планирования народного потребления (к.э.н. Пирогов Г.Г.),

Лаборатория систем планирования и управления транспортом (к.т.н. Нестеров Е.П.),

Лаборатория экономико-математического анализа финансовых потоков (к.э.н. Исаев Б.Л.),

Информационно-методологический отдел (к.э.н. Фомин Б.С.),

Творческая группа математических методов изучения экономики капиталистических стран (к.э.н. Голанский М.М.),

Творческая группа линейного и нелинейного программирования (к.ф.-м.н. Малков У.Х.),

Творческая группа экономических проблем химизации народного хозяйства (Шукин Е.П.).

Ученым секретарем ЦЭМИ был назначен к.т.н. Раппопорт М.Г.

Перелистывая сегодня пожелтевшую папку с приказами по ЦЭМИ за 1963 г., останавлиюсь еще на одном. Приказом № 15 была создана юбилейная комиссия по чествованию академика В.С. Немчинова в связи с его 70-летием. В общем, канцелярия заработала, пора было определяться с главными научными направлениями и браться за организацию исследовательского процесса.

## КАК ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ?

О том, как происходил выбор основных направлений научной деятельности ЦЭМИ, о ключевом в этом смысле, самом первом заседании нашего Ученого совета, я подробно расскажу в следующем разделе, а сейчас хочу остановиться на некоторых вопросах организации работы, совершенствования исследовательского процесса, которые встали с самого начала и которыми приходилось заниматься все более серьезно по мере роста коллектива ЦЭМИ и расширения круга исследуемой тематики. Ведь в период расцвета института в нем работало более тысячи специалистов различных профессий, подключавшихся к научным разработкам на различных этапах и выполнявших различные функции.

Круг изучавшейся тематики был весьма широк и отличался новиз-

ной, фундаментальные исследования перемежались и совмещались с прикладными. Нужно было так поставить организацию, планирование и управление, чтобы можно было не просто уследить за всем происходящим, но и обеспечить четкое распределение обязанностей, специализацию труда, равномерную загрузку исполнителей, исключить дублирование работ, до минимума сократить производственный цикл разработок, поощрять инициативу. Обычно решение большинства этих вопросов обеспечивается рационализацией организационной структуры, классические (“академические”) формы которой (по принципу: лаборатория – тема, отдел – группа тем, институт – научное направление) в описанных условиях не всегда были эффективны.

Признаюсь, пришлось мне полистать книжки отечественных и зарубежных классиков в области рационализации труда – П. Керженцева, А. Гастева, Ф. Тейлора, Г. Черча, А. Файоля и специальные работы по организации научных исследований и труда ученых. При ознакомлении с первыми двумя меня прежде всего поразило то, насколько серьезно к организации труда и производства относились у нас в стране в 20-е годы – годы существования “Лиги Время”, “Лиги НОТ”, известного своими трудами ЦИТа. Я долго размышлял над тем, зачем и почему это направление в науке о рационализации было ликвидировано в сталинские годы, и до сих пор разумный ответ не приходит мне в голову.

Среди американских “фордистов-тейлористов” более всех мне понравился Гаррингтон Эмерсон с его “Двенадцатью принципами производительности”, написанными настолько убедительно, живо и остроумно, а местами просто афористично, что некоторые из этих принципов запомнились мне навсегда. Скажу честно, что кое-что из прочитанного тогда всплыло в ходе наших исследований в области программно-целевых методов планирования и управления, при работе над созданием СОФЭ. Я взял к руководству некоторые из лозунгов Эмерсона, например: “Познай не внешние условия, но дух своего предприятия” и др. У нас с ним также обнаружился и одинаковый подход к кадровой политике.

О своих принципах подбора кадров я уже говорил, а теперь приведу формулировку Эмерсона. В главе VII упомянутой книги, которая называется: “Пятый принцип – справедливое отношение к персоналу”, он пишет так: “Наилучшей основой для мирных и гармонических отношений, для высокой производительности труда является тщательный отбор первосортного человеческого материала и полное исключение длинноногих техасских быков в образе человеческом”<sup>10</sup>. В общем, все так же, как и у меня, только если заменить техасских быков на черкасских или холмогорских...

Организационные заботы не оставляли меня ни днем, ни в часы бессонницы. Особенно меня занимал вопрос о планировании межлабораторных исследований, в которые одновременно вовлекались ученые разных научных направлений и, соответственно, разных подразделений ЦЭМИ. Помню, как, лежа в больнице, я “сочинил” и нарисовал на бумаге таблицу–шахматку, где сказуемым были исследовавшиеся в

<sup>10</sup> См.: Научная организация труда и управления. М., 1965. С. 286.

ЦЭМИ темы, а подлежащее составляли подразделения института. Эта “шахматка”, по сути дела, приснившаяся мне в больнице, не вошла в историю мировой науки подобно известной периодической таблице, также приснившейся своему великому создателю, но в пределах ЦЭМИ имела успех, оказалась весьма полезной для планирования работы и получила высокую оценку у одного из моих заместителей, когда я представил ее на всеобщее обозрение.

Шутки шутками, но организационная схема, методы планирования и управления исследовательским процессом в ЦЭМИ постепенно утрясались, входили в повседневную норму, становились привычными и “процесс пошел”, организационный механизм института начал работать, если уж и не в режиме автопилота, то так, что руку от штурвала можно было иногда на короткое время отпускать. Последовательное применение внедренных мной и принятых коллективом организационных принципов позволило сделать то, что Эмерсон называл “превращением толпы в армию”, в ту “армию ЦЭМИ”, которая одержала немало побед на полях научных сражений.

Правда, был случай, когда я зря понадеялся на постулат того же Эмерсона о том, что “правильные принципы в руках посредственных людей оказываются сильнее бессистемных и случайных попыток гения”. Как на грех, я беззаботно упустил из вида тот неоспоримый факт, что половина сотрудников ЦЭМИ – это гении (частью признанные, частью еще нет), и неосторожно выпустил штурвал на, как оказалось, слишком большой срок, в котором наложились друг на друга отпуск, зарубежная поездка и пара недель в больнице. Помню, прихожу на работу и, естественно, первым делом хочу ознакомиться с состоянием дел. И тут оказывается, что значительная часть плановых работ в ЦЭМИ приостановлена по указанию одного из моих “гениев” – того самого, которому когда-то так понравилась моя “шахматка”. Эту самую шахматку он перечеркнул, загрузив большую часть коллектива актуальнейшей, на его просвещенный взгляд, научной темой под шикарным названием “АСУ-хоккей”. Для справки: кроме исполнения должности моего заместителя и несения кучи других научных нагрузок, он еще был известным спортивным функционером и фанатичным поклонником “Спартак”.

Мне пришлось изрядно потрудиться и потратить немало нервной энергии, чтобы вернуть ЦЭМИ и своего увлекающегося зама в русло нормальной научной работы, и с тех пор я, наученный опытом, директорское кормило уже надолго из рук не выпускал. Именно тогда мне стало ясным значение выражения, высеченного на мраморной стене античного римского сената – “*vae absens*” (“горе отсутствующему”), а также глубокий смысл замечания моего шофера, сделанное им утром в понедельник после октябрьского 1964 г. пленума ЦК, проходившего накануне в воскресенье и снявшего Хрущева со всех его постов: “Ну что ж, вот и доездили Никита по белу свету”.

Не могу не отметить, что в успешном решении вопросов организации деятельности института и его дирекции немалую роль играл и мой личный секретариат. Признаюсь, мне везло на помощников, и я хочу выразить им признательность за их кропотливый, повседневный, в об-

щем-то нелегкий, но очень полезный труд и преданность. Это А.И. Молчанова, работавшая моим секретарем в течение 20 лет, кроме всего прочего тщательно и аккуратно собиравшая мой архив, многие материалы которого использованы при написании этой книги. Это и К.В. Михайлова – признанная рекордсменка по скорости и качеству машинописи. Это, наконец, Е.И. Константинова, о которой я уже упоминал.

Организация и планирование проводившихся ЦЭМИ исследований в известной мере усложнялись наличием у нашего института нескольких филиалов. Выполняя поставленную перед нами задачу по возможности более широкого распространения экономико-математических методов планирования и управления народным хозяйством по всей стране, а также рассчитывая на привлечение к своим исследованиям как можно большего числа специалистов на местах, мы сознательно пошли на открытие филиалов (отделений) института в отдельных регионах.

Первым таким отделением было Ленинградское, созданное, как я уже говорил, на базе вычислительного центра Института математики Академии наук. Нам пришлось много поработать над переориентировкой исследований этого коллектива, который в то время возглавлял профессор Болдырев, а после его смерти талантливый ученый и замечательный человек Фаянс. Нам удалось укрепить Ленинградское отделение учеными-экономистами, и среди них я хочу прежде всего назвать не требующего рекомендаций профессора В.В. Новожилова, который пришел к нам на работу вместе с известным ученым Ф.Ф. Дидерихсом.

Правда, в середине 70-х годов волевым решением первого секретаря ленинградского обкома партии, члена Политбюро ЦК КПСС Романова наше отделение было слито со всеми расположенными в Ленинграде филиалами академических институтов, дабы образовать для нужд города Институт социально-экономических проблем. Впрочем, наше отделение, подобно Фениксу, через десять лет снова возродилось в самостоятельное научное учреждение, но уже в виде Ленинградского (теперь – Санкт-Петербургского) экономико-математического института Академии наук. Можно было бы много интересного написать о работах этого коллектива и его ученых (Воробьева, Варшавского, Корбута, Овсиевича и др.), но, к сожалению, этого не позволяет ограниченный объем этой книги.

Другое отделение ЦЭМИ – Эстонское. Еще в начале 60-х годов в Таллине группа ученых (и прежде всего Рентер) активно работала в области развития экономико-математических методов. Эта группа объединялась в Лаборатории экономико-математических методов при Эстонском республиканском совнархозе – научном подразделении, возглавлявшемся Йьерютом, которое в основном занималось решением прикладных задач (прежде всего для промышленных и транспортных предприятий). Когда же при Л.И. Брежневем совнархозы в СССР упразднили, встал вопрос: что делать с этой лабораторией?

Конечно, было бы нецелесообразно и не по-хозяйски ликвидировать коллектив специалистов, знающих дело, владеющих и использующих экономико-математический аппарат и вычислительную технику и набравших в этой области определенный научный и практический

опыт. Поэтому мы выступили с предложением образовать на базе этой лаборатории Эстонское отделение ЦЭМИ. Ценой больших усилий и при поддержке эстонских властей это отделение постепенно превратилось в одно из ведущих научных учреждений экономического профиля в Эстонии.

Было и еще одно небольшое отделение – Краснодарское, которое возглавлял Коношенко. Его создали по просьбе краснодарского руководства. На месте не хватало квалифицированных кадров, и вскоре это подразделение передали местным органам управления, и работа его была переориентирована.

Возвращаясь к началу этого раздела, скажу несколько слов о становлении и развитии академической экономической науки в Сибири. Стоит заметить, что до создания СО АН СССР экономическая наука там была представлена небольшим числом маломощных экономических подразделений Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского филиалов АН СССР и экономическими кафедрами вузов. В то время на всей этой громадной территории был лишь один (!) доктор экономических наук. За прошедшие с тех пор десятилетия в СО АН сформировался коллектив ученых-экономистов, способный успешно решать задачи экономической теории и практики.

В самом начале (июнь 1957 г.) в составе Новосибирского научного центра был создан Институт экономики и статистики, переименованный через год в Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО АН СССР. Первым директором этого института стал Г.А. Пруденский. Тогда же президиум АН СССР поручил В.С. Немчинову и Л.В. Канторовичу (возглавлявшему в это время математико-экономический отдел в Институте математики СО) организовать в составе СО Лабораторию по применению статистических и математических методов в экономике. В 1966 г. эти организации были объединены под крышей ИЭиОПП, директором которого стал А.Г. Аганбегян. Тогда же в основном и сформировалась структура института и его главные научные направления, были созданы его подразделения в ряде областных центров Сибири.

В отличие от ЦЭМИ, перед которым стояли в основном задачи *общегосударственного* масштаба, ИЭиОПП главным образом сосредоточился на разработке системы экономико-математических моделей оптимального *территориально-производственного* планирования на перспективу.

Существенный вклад в исследование перспектив развития народного хозяйства Российской Федерации, в том числе в области территориального планирования и основных территориальных пропорций развития народного хозяйства республики, размещения ее производительных сил в районах Сибири на длительную перспективу, внес научный коллектив под руководством А.Г. Гранберга, выросшего впоследствии в крупного ученого. Сегодня академик А.Г. Гранберг возглавляет Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству при Минэкономике.

Говоря о своих коллегах из СО, я не могу не сказать несколько слов об одной из известных в науке и обществе “сибирячке”, которой

давно и открыто симпатизирую. Речь идет об академике Т.И. Заславской, возглавлявшей в 60–70-е годы в ИЭиОПП научное направление, которое официально формулировалось как “экономико-социологические исследования и разработка методов управления процессами формирования, мобильности и использования трудовых ресурсов”. Эти исследования проводились в основном на материалах районов Сибири с привлечением для сопоставительного анализа материалов по другим районам страны, а в итоге их результаты приобрели общегосударственное значение. Нельзя не отметить значительный вклад Т.И. Заславской в методологию изучения социальных процессов. <sup>1</sup>Наконец, неоспоримы заслуги коллектива ученых, которым руководила Татьяна Ивановна, в глубоком, всестороннем и комплексном изучении острейших проблем и перспектив социально-экономического развития деревни. О широком признании этих заслуг свидетельствует приглашение ИЭиОПП к участию в международном исследовательском проекте “Будущее сельских поселений в индустриально развитых обществах”.

### С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Первое в истории ЦЭМИ заседание Ученого совета было посвящено обсуждению ключевого вопроса – с чего и как начинать, как определить главные направления теоретических и прикладных исследований института. Отмечу, что за предшествовавшее созданию ЦЭМИ десятилетие взгляды на применение математических методов и вычислительной техники в экономике претерпели существенное изменение, и дискуссии по этому поводу продолжались. Одно из мнений, которое на том заседании поддерживал В.С. Немчинов, заключалось в необходимости концентрации усилий на широком распространении уже известных, а также разрабатываемых математических методов на всех уровнях народного хозяйства с тем, чтобы обучить как можно большее число плановых работников и управленцев методике грамотного решения задач обработки социально-экономической информации и владению вычислительной техникой.

Не возражая в принципе против такой установки, я все же был склонен ставить перед коллективом института более высокие цели. Для качественного повышения эффективности управления хозяйством, по моему мнению, поддержанному и другими членами Ученого совета, была нужна разработка в известной мере целостной системы экономико-математических моделей, которая позволила бы взаимосвязанно решать комплекс основных задач анализа, планирования и управления отечественной экономикой. Эта точка зрения тогда возобладала, и я был этим доволен: не из-за личной амбиции, а потому, что был уверен в ее правильности.

Впрочем, вскоре стало ясно, что создание и применение такого рода системы – дело далеко не простое. Во-первых, из-за того, что увязка всего комплекса моделей требует решения не только широкого круга прикладных, но и ряда серьезных теоретических вопросов. Во-вторых, уже в самом начале возникли серьезные проблемы практического применения даже частных решений из-за неподготовленности управленческого аппарата. Существовавший в стране экономический механизм не только не стимулировал практическое применение экономико-математических методов, но и подобно тому, как это происходит с биологическими объектами, вызывал на местах реакцию отторжения чужеродного тела.

Одной из первых сфер, где еще в 1959 г. была сделана попытка применить моделирование, были автомобильные грузоперевозки в Москве. Первые же расчеты показали, что без всяких серьезных дополнительных расходов, только за счет “математики”, можно было сократить количество подвижного состава, оптимизировать грузопото-

ки, повысить производительность, а главное – снизить затраты и тем самым увеличить доходность работы Главмосавтотранса на 15–20%. Вначале деятельность наших специалистов (до создания ЦЭМИ эту работу выполняла группа сотрудников ВЦ АН СССР, перешедшая затем в институт вместе с этой тематикой) оценивалась почти что восторженно, поскольку реальная эффективность работы Главмосавтотранса возросла. Однако затем наступило уныние. Дело в том, что оценка деятельности этой организации производилась по объему произведенных затрат, количество которых стало сокращаться. Как говорится, “за что боролись, на то и напоролись”. По итогам года Главмосавтотранс, как не выполнивший план, получил головомойку от руководства, сотрудники лишились премий и, естественно, их отношение к “математике” круто изменилось.

Этот конкретный пример еще раз показал, что оптимизация экономических процессов невозможна без изменения хозяйственного механизма, без совершенствования методологии планирования и управления. Развитие исследований в этой области стало рассматриваться как одна из главных задач ЦЭМИ, но, чтобы сформировать это теоретическое направление, мне и моим сотрудникам пришлось приложить немало усилий и прежде всего доказать это президиуму АН СССР. На заседании президиума, в начале ноября 1963 г., наши аргументы были выслушаны и приняты, и тематика, как мы ее тогда называли, “оптимального планирования и управления народным хозяйством” стала для ЦЭМИ ведущей. Забегая вперед, отмечу, что уже через полтора-два года стало ясно, что и эти рамки теоретических исследований оказались узковаты, что только оптимизацией планирования и управления ограничиваться нельзя, поскольку сама по себе оптимизация без создания механизма повышения заинтересованности всех звеньев народного хозяйства в увеличении эффективности своей деятельности ничего не даст.

Нужно было связать оптимизацию планирования и управления с рационализацией организационных структур, создать механизм, обеспечивающий заинтересованность всех звеньев народного хозяйства в постоянном повышении эффективности своей деятельности. Мы поняли, что ни совершенствование хозяйственного механизма, ни развитие экономико-математических методов, ни развитие вычислительной техники каждое в отдельности не даст желаемого результата, если эти компоненты не будут объединены в гармоничную систему. Мы также поняли, что такая система не может быть формально описана и, тем более, формально запрограммирована, что здесь нужен более глубокий подход, предусматривающий всесторонний анализ функционирования всех звеньев экономики и процессов принятия хозяйственных решений, причем с разными режимами для разных уровней, с учетом максимально возможного охвата факторов, влияющих на эти решения, вплоть до факторов, определяемых человеческой психологией.

Мы долго раздумывали над этим, долго спорили – и на заседаниях Ученого совета, и на теоретических семинарах, и в кабинетах, и в коридорах. В конце концов родилась формулировка, автором которой, как утверждают мои коллеги, стал я. Мы назвали это направление “система оптимального функционирования экономики (СОФЭ)”. В 1966 г.

нами было подготовлено техническое задание на разработку СОФЭ и приложена масса усилий к тому, чтобы распространить исследование этой тематики среди других научных организаций Советского Союза.

Но в конце 1963 г. ни о какой СОФЭ еще не было и речи. К осмыслению и формулированию этой системы как новой теории рационального ведения хозяйства предстоял долгий путь, начало которого мы нащупывали постепенно. Сегодня я благодарю Фортуны за то, что в том, что мы в известной мере интуитивно выбрали правильную дорогу, наверное, была и известная доля удачи. Удача удачей, но таким образом мы сами поставили перед собой необычайно трудную и сложную проблему соединения в одно целое таких научных направлений, как методология планирования и управления на основе применения экономико-математических методов, развитие хозяйственного механизма, разработка рациональных организационных структур на различных уровнях народного хозяйства и, естественно, создание адекватной технической базы – вычислительной техники и средств связи.

В течение первого года своего существования институт в целом определился с направлениями своих научных исследований. Таких направлений было пять.

Первое – *разработка теоретических основ оптимального планирования и управления в целях создания единой концепции и проекта повышения эффективности народного хозяйства*. Речь шла о необходимости выработки *единого принципа*, с позиций которого было бы возможно осуществить анализ и затем синтез системы как органического целого. Предметом теоретических исследований, таким образом, являлось народное хозяйство, изучаемое в качестве большой динамической системы, функционирующей в соответствии с принципом оптимальности.

Второе – *разработка единой системы экономической информации*. Мы понимали, что внедрение каких-либо автоматизированных систем управления и планирования было невозможным при существовавших тогда формах и способах сбора первичной информации, которые было нужно автоматизировать и осуществлять по единому принципу. Было необходимо унифицировать первичную документацию, сократить документооборот, сделать информацию достоверной, максимально точной и своевременной.

Третье – *разработка математических игровых и имитационных методов для решения экономических задач*. Эти методы должны были обеспечивать решение задач, возникающих в системе оптимального планирования и управления.

Четвертое – *разработка теоретических основ проектирования и создания государственной сети вычислительных центров*, которая, по нашему замыслу, должна была состоять из головного центра, нескольких десятков крупных опорных ВЦ и низовой сети ВЦ. При этом задумывалось, что сеть опорных ВЦ должна функционировать в режиме единой вычислительной системы, что позволило бы решать задачи оптимального планирования и управление в масштабе всего народного хозяйства.

Наконец, пятое – *отладка конкретных систем управления и планирования с использованием математических методов и ЭВМ*, что

всегда было и остается трудоемкой и сложной, но совершенно необходимой работой.

Читатель, наверное, заметил, что в перечне отсутствует термин *экономическая кибернетика*, несмотря на то, что в начале и середине 60-х годов в СССР отношение к кибернетике можно было оценить как массовое, повальное увлечение. В те годы во всех отраслях знаний, как грибы после дождя, стали появляться разного рода “кибернетики”, например, геологическая кибернетика, сельскохозяйственная, географическая и т.д. Временами дело доходило до смешного. Так, в диссертации, защищавшейся в МГУ аграрником Б.И. Искаковым – Плюхиным, был обнаружен и такой термин, изрядно повеселивший присутствовавших, – “гипернавозная поверхность”.

Отмечу, что и в ЦЭМИ были энтузиасты экономической кибернетики, в частности Ю.И. Черняк, под влияние которого попал на какое-то время В.С. Немчинов. Высказывались даже предложения назвать ЦЭМИ Институтом экономической кибернетики. Я же, чувствуя нутром, что за этим красивым названием нет ничего конструктивного, кроме “трепа”, изо всех сил сопротивлялся этим веяниям. На мою позицию повлияло и негативное отношение к этому термину и к самой этой моде М.В. Келдыша, что в принципе выглядело странным, так как он как раз сам и занимался кибернетикой в космических исследованиях. Как он рассказывал, однажды к нему пришла делегация профессоров-математиков во главе с А.А. Марковым и предложила создать в Академии наук СССР Институт кибернетики. Мстислав Всеволодович попросил их сначала точно сформулировать понятие кибернетики и после этого обещал вернуться к рассмотрению их предложения. Второй раз они к Келдышу не пришли... Впоследствии жизнь показала, что и Мстислав Всеволодович, и я были правы.

Поставив перед собой перечисленные выше задачи, мы засучили рукава и с энтузиазмом взялись за работу. Конечно, не все у нас было гладко, возникали проблемы, иногда серьезные, о которых я расскажу ниже. Но прежде чем перейти к воспоминаниям о том, как на практике происходила реализация перечисленных выше пяти направлений научных исследований, я хотел бы отметить следующее.

Я прошел большой жизненный путь, как говорится, “от сохи” до руководства сложными комплексными исследованиями в области фундаментальной экономической науки. И признаюсь, что мне никогда не было так трудно, как в первые два года формирования основных направлений деятельности ЦЭМИ.

Я начал работать с научными сотрудниками, большинство из которых сознавало, что они исследуют важнейшие проблемы экономической науки и повышения эффективности общественного производства, обладало высокой квалификацией, научной добросовестностью и ответственностью. Глубокие специальные знания позволяли им быть настоящими экспертами в своей области исследований. Впрочем, здесь, наверное, будет уместно привести следующее определение из моей любимой книги “Закон Мерфи”, что эксперт – это человек, чьи знания все более расширяются по мере сужения объекта исследования до тех пор, пока он не будет знать абсолютно все ни о чем.

Шутки шутками, но для меня атмосфера и окружение были несколько необычными и требовали от меня максимальной собранности, ответственности и всестороннего системного анализа возникающих научных и организационных проблем. Надо было не приказывать, а внимательно выслушивать собеседников и на основе коллективного анализа различных мнений и направлений исследований формировать концепцию деятельности ЦЭМИ, да и собственную линию поведения. Естественно, при этом главной задачей было определить долгосрочную стратегию развития коллектива и, в конечном счете, стратегию развития “новой” современной экономической науки, адекватную потребностям и проблемам развития общества.

В связи с этим меня очень волновала проблема использования результатов наших научных исследований в хозяйственной практике. Будучи, в принципе, прагматиком, я всегда стремился к воплощению теоретических выводов и выкладок в реальной жизни. К этому я стремился и работая в ЦЭМИ, но здесь однозначно решать эту проблему было трудно, уж слишком она была многоаспектна и многофакторна. Самым трудным было преодоление “человеческого фактора”, когда решение о практическом использовании результатов экономико-математических исследований происходит в условиях, которые описать с достаточной точностью на модельном уровне практически невозможно. Однако, думаю, что с достаточной степенью точности можно утверждать, что чем ниже уровень принятия решений в общей иерархии организации управления, тем больше вероятность практического использования научных результатов. Правда, при этом необходимо отметить, что величина народнохозяйственной эффективности принимаемых решений увеличивается при переходе на более высокие уровни управления.

35-летний опыт работы ЦЭМИ убедительно доказывает это утверждение. Многие десятки методических материалов, выпущенных институтом для уровня предприятий, объединений и отраслей, получили широкое признание, и их применение дало хорошие результаты. Конкретные же успехи на макроуровне можно пересчитать по пальцам. Этому тоже есть объяснение. Коротко говоря, дело заключалось в том, что:

во-первых, применение современных экономико-математических методов на высших уровнях управления, как правило, требует существенного изменения самой методологии принятия решений в сторону ее объективизации, а это очень сложная проблема для чиновников всех рангов, многие годы проработавших на привычных местах и всеми силами стремящихся на них удержаться;

во-вторых, применение этих методов требует создания качественно новой системы информации, адекватной комплексу используемых экономико-математических моделей;

в-третьих, все это неизбежно ведет к изменению самого механизма управления в сторону стимуляции эффективного развития и введения рычагов самонастройки всех уровней общественной организации с тем, чтобы стремиться к выходу на траекторию оптимального удовлетворения личных и общественных потребностей. При этом верхние эшело-

ны власти должны были бы отказаться от примата политических целей перед целями экономического развития.

Последний вывод, на который мы постоянно наталкивались в своих исследованиях и в конце концов определили как одно из главных условий создания системы оптимального функционирования экономики, как раз и был тем самым камнем преткновения, мешавшим усвоению и распространению наших идей “на макроуровне”. Думаю, что все же наши усилия не пропали зря, и без научных результатов, наработанных когда-то в ЦЭМИ, процессы обновления нашего общества замедлились бы на долгие годы.

Другое дело, что ряд бывших сотрудников института, ставших ныне государственными деятелями, к моему большому сожалению, оказался в плену традиционного мышления: “главное – политические цели, а экономика как-нибудь приложится”.

## ВПЕРЕД, К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ!

### РОМАНТИКА ЕГСВЦ

Примером, иллюстрирующим сказанное в предыдущих абзацах, является история с разработкой проекта Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ) страны. Начну с того, что для крупномасштабных задач, решение которых мы затевали, нужна была *общегосударственная развитая информационная сеть*. Программа создания общесоюзной сети расположенных в важнейших регионах страны крупных вычислительных центров, которые бы аккумулировали необходимую социально-экономическую информацию и обменивались бы ею через систему коммуникаций, была задумана в том числе и для проведения сложных оптимизационных расчетов, связанных с планированием и управлением. Идея создания этой сети появилась в начале 60-х годов, и родили ее будущие сотрудники ЦЭМИ. Институт подхватил эту эстафету, и при его активном участии уже в 1965 г. был готов так называемый предэскизный проект реализации этой программы.

Оговорюсь сразу, что никто в ЦЭМИ тогда не мыслил себе дела так, будто единая сеть вычислительных центров управления народным хозяйством будет походить на этакого гигантского электронного спрута, который своими щупальцами дотянется до каждого мельчайшего звена народного хозяйства, станет вмешиваться в любые действия, планировать производство до каждого винтика. Мы хорошо понимали, что попытка планировать народное хозяйство на основе одной колоссальных размеров экономико-математической модели заведомо была обречена на провал. Специалисты института однажды проделали любопытный расчет. Они вычислили количество операций, которые необходимо было бы произвести, чтобы составить такого рода детализированный оптимальный план только для 2000 объектов. Оказалось, что он потребовал бы от лучшей тогда советской машины БЭСМ-6 – ни много, ни мало – 30 000 лет непрерывной работы.

Следовательно, строить единую информационную систему страны мыслилось по иерархическому принципу – так же как строится все народное хозяйство. При этом предполагалось использовать уже существовавшие экономико-математические методы, позволявшие гарантировать взаимную согласованность, наилучшее взаимодействие многочисленных звеньев иерархии сверху донизу и по горизонтали – между звеньями одного уровня, а также разрабатывать новые.

Задачи, стоявшие перед институтом в этой области, были невероятно трудны и в техническом, и в научном, и в организационном плане. Вычислительная техника тех лет была очень далека от совершенства, как и системы связи. Препятствием была также и потребность в экстраординарных капитальных вложениях, хотя поэтапный порядок ввода в действие вычислительных центров был разработан таким образом, чтобы они работали на принципе самокупаемости. Хотя программа была одобрена на самом высоком уровне, ее реализация все же застопорилась в основном по уже указанным общим причинам.

Эта проблема всегда меня занимала не только из-за необходимости создания технической базы для глобальных оптимизационных расчетов, но и по причине ее важности для безопасности страны, ее оборонного значения. Однажды, в момент очередного затухания работы над программой, я попытался заручиться поддержкой у И.Х. Баграмяна – известного советского полковника, в то время занимавшего должность заместителя министра обороны, начальника тыла Вооруженных Сил. Дело в том, что в то время Министерство обороны строило подобную сеть, причем ее очертания во многом совпадали с нашей схемой. Я с моим заместителем Ю.А. Олейником решил предложить И.Х. Баграмяну скоординировать усилия, что, при согласовании режимов работы и обеспечении защиты от несанкционированного доступа, могло принести огромную бюджетную экономию, да и во многом облегчило бы решение наших проблем.

Когда мы прибыли в кабинет маршала, он принял нас со свойственной для него любезностью, терпеливо выслушал наши доводы (а говорили мы почти час) и в заключение сказал примерно следующее: “Хорошие вы люди. Правильно делаете, что печетесь об экономии народных денег. Но помочь вам я ничем не могу”. Когда мы спросили “почему?”, он ответил так: “Дорогие мои, мне на создание моей технической базы сегодня дают столько денег, сколько я прошу. Как я понимаю, вам не дают ничего. Если я с вами скооперируюсь, то денег не дадут ни мне, ни вам, поскольку существует мнение, что экономическая наука – это болячка на здоровом теле государственного механизма планирования и управления”. С этим мы и ушли.

Ну что тут поделаешь? Все же ряд экспериментальных работ мы провели, соединив наш московский “Урал-14” с мощной машиной “БЭСМ-6”, которая стояла в Ленинградском отделении ЦЭМИ, но потом все это дело заглохло. Наблюдая сегодня за развитием электронных информационных сетей, которыми пользуются и российские организации (и ЦЭМИ тоже), в том числе таких межконтинентальных, как “INTERNET” и другие, я с грустью вспоминаю те наши разработки, которые мы затеяли и провели, я подчеркиваю, первыми в мире.

Думаю, что если бы нам тогда удалось создать сеть вычислительных центров, о которой мы мечтали, то и воплощение в жизнь идей СОФЭ можно было бы осуществить и быстрее, и успешнее. А пока же разработка исходных посылок и первых теоретических основ новой системы позволила нам получить, может быть, не до конца совершенный инструмент, но все же в какой-то степени общую концепцию или, другими словами, единую методологическую базу для согласованного проведения других исследований, в том числе в области создания АСУ на различных его уровнях. Кстати, осуществлявшийся нами комплексный подход зачастую встречал сопротивление со стороны отдельных специалистов и целых институтов, особенно отраслевых. Дело в том, что очень многие АСУ на отраслевом уровне и на уровне предприятий использовались в качестве простого инструмента рутинной обработки информации и решения традиционных задач планирования и управления, и наш подход многих не устраивал, поскольку заставлял думать, искать и бороться, чего многие не любили и не любят до сих пор.

В какой-то мере была связана с созданием ЕГСВЦ – во всяком случае совпала по времени – моя встреча еще с одним известным государственным деятелем.

Вскоре после моего назначения директором ЦЭМИ я был приглашен к А.И. Микояну, в то время занимавшему должность первого заместителя председателя Совета Министров и ведавшего внешнеэкономическими связями страны. Посвятивший половину своей жизни вопросам торговли, снабжения и пищевой промышленности, А.И. Микоян стал наркомом внешней торговли еще в 1926 г. Вершиной же его карьеры была должность формального главы СССР – Председателя Президиума Верховного Совета, которую он исполнял в течение 1964–1965 гг.

По совету А.А. Арзумяна я был приглашен к А.И. Микояну. Главным предметом нашего разговора с Микояном была проблема формирования состава научного совета, который они с Хрущевым задумали создать при Президиуме Совета Министров. После предварительного обсуждения с Микояном списка видных ученых, – как экономистов, так и представителей других специальностей, – которых предполагалось включить в этот совет, мы в течение двух-трех месяцев еще раз возвращались к его согласованию. Однако вскоре “грянул” октябрьский пленум 1964 г., после которого и Хрущев, и Микоян были отстранены от дел (должность “всесоюзного старосты” была сугубо почетной и никакой реальной власти не предусматривала), и, к сожалению, затея с научным советом была забыта.

Подчеркиваю, к сожалению, поскольку идея была неплохая. Думаю, что и сегодня было бы не поздно к ней вернуться, создав при президенте или премьер-министре России совет, состоящий из крупнейших ученых страны – представителей и естественных, и общественных наук. Потребность в создании такого совета в России, думаю, очевидна, а положительные примеры такого рода известны: будь это “брэйн траст” президента Ф. Рузвельта или группа советников, превратившая заурядного голливудского актера Р. Рейгана в политика мирового масштаба.

При нашей первой встрече Анастас Иванович предложил мне по-

мощь в деле закупки в США электронно-вычислительной машины для ЦЭМИ. Но в то время об этом говорить было рано, так как у нас еще не было собственного помещения, а процедура такого рода закупок была крайне сложной. Требовалось составление громоздких обоснований, проведение длительных и многоступенчатых согласований, выбивание лимитов твердой валюты, включение соответствующей позиции в импортные разделы пятилетних планов Минвнешторга и Госплана и т.д. и т.п. Кстати, тогда нельзя было купить за границей даже самый ерундовый товар, ежели это мероприятие не было предусмотрено пятилетним планом. Так что, учитывая описанные мною обстоятельства, ЦЭМИ еще долго не имел собственного вычислительного центра и продолжал пользоваться услугами ВЦ Академии наук.

Отношение к нам со стороны руководящих хозяйственных органов, как центральных, так и местных, было двояким. Когда мы с успехом решали частные или локальные задачи, скажем по размещению производства, АСУ и др., то иногда зарабатывали не только аплодисменты, но и получали разного рода помощь и поддержку. Благодаря заработанному таким образом авторитету ЦЭМИ удалось за первые 8–10 лет своего существования вырасти по численности сотрудников почти в 10 раз. Но как только мы начинали заикаться о том, что принятие оптимальных экономических решений в стране возможно только при условии изменения методологии централизованного планирования и реконструкции хозяйственного механизма, “любовь кончалась”. И неприязнь к нам возрастала тем более, чем далее мы влезали в кухню традиционной системы принятия хозяйственных решений и ритуалов их исполнения. Иногда наиболее откровенные из наших оппонентов прямо заявляли нам: «занимайтесь своими задачками-модельками, применяйте свои “матьметоды”, но, ради Бога, не лезьте туда, куда вас не просят! Кроме неприятностей ничего не заработаете». В одном они, безусловно, были правы – неприятностей мы заработали достаточно. Но по принципу “поп свое, а черт свое” продолжали гнуть свою линию, поскольку были убеждены в своей правоте, которая в конце концов была доказана самой жизнью. Но до этого было еще далеко, и сейчас я хочу снова вернуться к первым дням и месяцам деятельности вновь созданного института.

### “АСУНИЗАЦИЯ”

При обсуждении основных направлений научной деятельности ЦЭМИ зашел спор о пропорциях между фундаментальными и прикладными исследованиями. Некоторые предлагали уделить основное внимание разработке типовых экономических моделей разного уровня – для предприятия, отрасли, народного хозяйства, для города, района, области, республики и страны в целом. В общем поддержав это предложение, я настоял на необходимости осуществления прикладных разработок на базе разрабатываемых ЦЭМИ абстрактных теоретических моделей, например, в форме *автоматизированной системы управления (АСУ)* какого-то конкретного предприятия. Таким образом мы бы убивали двух зайцев: с одной стороны, проводили бы практическую

проверку своих теоретических разработок, с другой – в случае успеха наращивали бы общественный авторитет вновь созданного института, который еще нужно было завоевывать.

Необходимость развития АСУ, которые тогда у нас были в новинку, нужно было еще доказывать. Их создание требовало больших капитальных затрат, ломки устоявшихся привычек и стереотипов в управлении хозяйством, не говоря уже о сложностях детального изучения управляемых процессов, специального проектирования, отладки и внедрения комплекса экономических методов, организационных форм, экономико-математических методов и моделей и других современных средств управления и оргтехники, которые обеспечивали бы оптимизацию этого комплекса.

Начало разработке этой тематики было положено еще в немчиновской ЛЭММ, где была создана группа, занимавшаяся созданием модели предприятия на основе метода “Input-Output Analysis”. Группа, в которую входили А.А. Модин, Ю.И. Черняк, Н.В. Махров, Н.И. Волошин и другие, побывала на заводах Белоруссии, Карелии и Башкирии, где, используя реальную плановую документацию, составила так называемые матричные техпромфинпланы, модифицировав методику межотраслевого баланса для предприятий. В том же 1962 г. в журнале “Вопросы экономики” А.А. Модин опубликовал первую статью с описанием экономико-математической модели матричного техпромфинплана. На основе этих исследований было сформировано направление по созданию информационной основы для применения электронно-вычислительной техники в экономических исследованиях.

В 1963 г. в составе ЦЭМИ была создана лаборатория во главе с А.А. Модиним, которая и занялась разработкой этой тематики. В ней работали Н.В. Махров, Н.И. Волошин, М.Ф. Коротяев, И.С. Зингер, А.И. Гладков, А.И. Ставчиков, В.И. Данилин, Ю.С. Кулагин и др. Основным объектом исследований тогда стал станкостроительный завод “Красный пролетарий” и другие московские заводы, например МЗМА (ныне “Москвич”). Результатом двухлетней напряженной и интересной работы стала уникальная “Методика анализа систем управления и информации на промышленном предприятии” (1965 г.), в которой впервые были предложены матричные информационные модели для описания потоков информации как внутри отдельных подразделений, так и на предприятии в целом. На ее основе впоследствии была создана интегрированная система обработки данных, ставшая идеологической базой методики разработки АСУ.

Во второй половине 60-х годов в связи с развертыванием работ по созданию АСУ в общегосударственном масштабе возникла потребность создания соответствующей методики проектирования. Такая методика (“Временные межотраслевые руководящие методические материалы по составу, содержанию проектов автоматизированных систем управления предприятиями с дискретным характером производства”) была создана в ЦЭМИ под моим руководством. Она была одобрена Госкомитетом по науке и технике и Минприбором и стала основой для дальнейших отраслевых разработок и для создания АСПР для Госплана СССР. Еще через некоторое время были изданы справочники про-

ектировщика и разработчика АСУП, ставшие настольными книгами для всех, кто участвовал в разработке и использовании АСУ в стране.

С 1966 г. лаборатория А.А. Модина была включена в отделение моделирования производственных объектов, и ее коллектив стал разрабатывать комплексы экономико-математических моделей оптимизационного характера для предприятий и отраслей. Большой вклад в это направление исследований ЦЭМИ внес В.И. Данилин, выпустивший в 1975 г. интересную и полезную книгу “Экономико-математические модели годового планирования на предприятии”. Среди других публикаций в этой области выделялись монография А.А. Модина и др. “Динамика производственных объединений и модели планирования их деятельности” (1984 г.) и один из томов десятитомника “Экономико-математические модели в системе управления предприятиями”, увидевший свет в 1984 г. под моей и И.П. Шубкиной редакцией.

Как я уже говорил, первую АСУ мы разработали для московского завода “Красный пролетарий”, успех ободрил нас, и мы активизировали начатые ранее разработки в Главмосавтотрансе. Творческая группа под руководством Ю.А. Олейника начала с создания вычислительного центра на 1-м автокомбинате, директор которого Г.Л. Краузе был энтузиастом нового дела и всячески нас поддерживал.

Вначале отношение большинства трудового коллектива комбината к нам было скептическим, однако через месяца два после запуска АСУ шоферы стали выстраиваться в очередь за путевками, напечатанными вычислительной машиной. Эти путевки содержали не только все необходимые технические и грузовые реквизиты, но и оптимальные маршруты поездок, ориентированные не только на минимум дистанции, но и на пропускную способность магистралей с учетом их загруженности транспортом, состояния дорожного покрытия, особенностей регулирования движения, а также на возможность “прихватить” попутный груз. А так как оплата труда на комбинате основывалась не на пробеге подвижного состава, а на количестве перевезенного груза, то наши путевки помогали водителям неплохо зарабатывать. По сравнению с другими московскими шоферами “наши” зарабатывали в 1,5–2 раза больше, и это им, конечно, нравилось.

1-й автокомбинат был первым не только по порядковому номеру, но и действительным передовиком в области организации производства, а также лидером в организации труда и быта своих работников. Кроме прочего, там была построена новейшая столовая на импортном оборудовании, где готовилась прекрасная еда, которую днем водители получали за полцены, а в ночную смену – бесплатно. Каждый раз, бывая на комбинате, я всегда с удовольствием там обедал.

В свое время по поводу АСУ велась оживленная полемика. Высказывалось мнение о том, что большие средства, научные творческие усилия, направленные на создание АСУ различных типов и размеров, в те годы были затрачены чуть ли не напрасно, что “асунизация” страны была одной из многих дорогостоящих ошибок застойного периода и т.п. Действительно, в то время АСУ лишь в незначительной степени использовались для оптимизационных расчетов; во многих случаях они из систем управления превращались в системы автоматизированной

поставки информации, да еще применялись для выполнения рутинных учетных, бухгалтерских и прочих подобных работ.

В чем-то здесь следует признать и нашу вину. Следовало бы, наверное, внимательнее отнестись к каждому случаю эффективного применения экономико-математических моделей, оптимизационных расчетов в АСУ, детально раскрывать, более настойчиво пропагандировать и даже рекламировать положительные примеры, что послужило бы распространению и закреплению накопленного опыта. Но мы были не в силах преодолеть наиболее существенное препятствие на пути развития АСУ – экономическую незаинтересованность хозяйственников из-за так называемого планирования от достигнутого, побуждающую их не вскрывать, а прятать резервы. Это относилось в равной степени ко всем иным научно-техническим новшествам в условиях существовавшей экономической системы. Однако в целом, думаю, усилия наши не пропали даром, мировоззрение хозяйственников под влиянием АСУ все же стало меняться, становилась более ясной необходимость реформы системы управления экономикой.

Хочу отметить, что активное участие во всех перечисленных научных и практических разработках АСУ, начиная еще с матричных техпромфинпланов ЛЭММ, неизменно принимали Н.И. Махров и А.И. Ставчиков, прошедшие в ЦЭМИ путь от должности младшего научного сотрудника до ответственных постов в науке. Первый из них – ученик В.С. Немчинова – проработал в институте 28 лет, вырос от младшего научного сотрудника до заместителя директора, с 1966 по 1978 г. был ученым секретарем ЦЭМИ. За творческие успехи он получил звание Заслуженного экономиста Российской Федерации, награжден премией им. В.С. Немчинова. Сегодня он – заместитель директора Института проблем рынка РАН. А.И. Ставчиков и сегодня работает в ЦЭМИ, был заведующим сектором и отделом, опубликовал ряд интересных работ, в том числе две монографии, но более всего проявил себя в научно-организационной работе. Вот уже 20 лет он исполняет обязанности ученого секретаря института.

## МОЖЕТ ЛИ ПЛАНИРОВАНИЕ БЫТЬ ОПТИМАЛЬНЫМ?

Важное место в тематике ЦЭМИ заняла разработка моделей *оптимального отраслевого планирования*, предназначенных для оптимизации перспективных и текущих планов развития, размещения и специализации производства отдельных отраслей и групп взаимосвязанных отраслей. Наибольшие успехи здесь были достигнуты в совместной работе с Министерством химической промышленности и его проектными и исследовательскими организациями. Практическое использование моделей института принесло результаты, буквально изумлявшие чиновников. За счет структурных сдвигов в производстве, проводившихся на основе модельных расчетов, без дополнительных затрат удавалось в отдельных случаях добиваться экономии капиталовложений до 10, 15 и более процентов.

Это направление исследований в ЦЭМИ в конце концов органи-

зационно оформилось в отдел оптимизации отраслевого планирования. Ко времени создания отдела (1981 г.) уже был накоплен сравнительно большой опыт решения отраслевых задач как в ЦЭМИ, так и в других институтах, в той или иной мере специализировавшихся на применении математических методов в экономических исследованиях и планировании.

Наиболее важной тематикой мы считали текущее планирование и оперативное управление, и две группы, работавшие в ЦЭМИ, посвятили свою деятельность именно этим двум проблемам: решению задач текущего планирования на уровне отрасли с непрерывным характером производственных процессов (лаборатория Б.П. Суворова) и оптимизации управления на уровне машиностроительного предприятия и производственного объединения (лаборатория А.А. Модина, которую позже, после перехода А.А. Модина на работу в Отдел науки ЦК, возглавил В.И. Данилин). Кроме того, аналогичные проблемы исследовала и лаборатория Е.П. Щукина, о которой я уже рассказывал. Эти три лаборатории и образовали отдел оптимизации отраслевого планирования, в задачи которого входило проведение исследований в области оптимизации отраслевого перспективного и текущего планирования на примере отраслей с непрерывным характером производства (нефтеперерабатывающая, нефтехимическая и химическая промышленность), а также разработка методологии моделирования систем управления в цепочке “предприятие—объединение—отрасль” на примере отрасли с дискретным характером производства (машиностроение).

Здесь следует рассказать и об исследованиях, проводившихся лабораторией проблем электрификации народного хозяйства, впоследствии преобразованной в лабораторию *оптимизации топливно-энергетического комплекса* (ТЭК). Для руководства этим научным подразделением я пригласил из Новосибирска А.С. Некрасова. “Вытащить” его из Сибири и сохранить в ЦЭМИ мне удалось с трудом и нервотрепкой, о чем, впрочем, я не жалею.

Первые работы этой лаборатории были связаны с созданием оптимизационных моделей развития угольной промышленности, нефтепереработки, размещения электростанций и др. Наряду с разработкой этих отраслевых задач большой размерности лаборатория стала развивать работы в двух направлениях: создание АСУ энергетикой промышленных предприятий и моделирование развития ТЭК региона (республики). Эти работы заставили провести ревизию официальной статистической отчетности по энергетике. Были предложены новая форма отчетного топливно-энергетического баланса страны, методы ее обработки и анализа. Результаты исследований и экспериментов в этой области были хорошими, но их, к сожалению, положили под сукно. Так же ведомственная практика планирования и проектирования не восприняла нашу разработку по объединению отдельных отраслевых моделей в блоки: нефтепереработка – нефтехимия – производство полимеров; нефтепереработка – система моделей обслуживающих ее подотраслей машиностроения. Эти блоки позволяли оценивать эффективность по конечным продуктам и народнохозяйственным результатам, а не замыкаться в рамках промежуточных продуктов, что в свою

очередь позволяло получать нетривиальные решения, не очевидные при исследованиях на отдельных моделях.

Иногда меня берет сомнение: стоило ли тратить столько сил на разработку разного рода общих методических рекомендаций и указаний по оптимизации производства, зная наперед, что моделирование – это прежде всего искусство, а не умение следовать тому или иному регламенту. Именно такое облегченное представление бытовало среди наших потенциальных потребителей.

Однажды, когда группа Б.П. Суворова докладывала результаты своей работы по моделированию производства на Старо-Уфимском нефтеперерабатывающем заводе, один из руководителей предприятия в ответ на предложение создать при заводе специализированную группу по подготовке данных и проведению расчетов жестко ответил: “Группу создавать не будем. Пишите инструкцию по разработке и применению ваших моделей, а плановый отдел будет ей следовать”. С таким же успехом можно потребовать написать инструкцию по игре на саксофоне или по участию в хоккейных состязаниях для людей, не знающих нотной грамоты или никогда не пробовавших передвигаться на коньках. Действительно, как можно проинструктировать “матерого” производственника на предмет определения пределов устойчивости оптимального плана или двойственных оценок в анализе полученной производственной программы?

Однако был свой резон и в обобщенных методических рекомендациях, на подготовку которых был нацелен коллектив отдела оптимизации отраслевого планирования: во-первых, такие рекомендации давали определенную надежду привлечь к работам этого рода новых исследователей, которые могли бы начинать аналогичную работу не с нуля, а с некоторой продвинутой позиции; во-вторых, разработка методических материалов в сознании большинства научных сотрудников отдела и института в целом как бы венчала результаты работы, оставляя позади трудные этапы изучения производства, разработки его модели, сбора данных, получения и интерпретации результатов и т.п.; в-третьих, мысль о том, что академический институт должен заниматься собственно внедрением новых методов (уже само слово “внедрение” подразумевало преодоление сопротивления) не внушала большого энтузиазма тем, что так или иначе ранее сталкивался с этим процессом, поэтому почти все прикладные исследования, по существу, заканчивались экспериментальными расчетами, демонстрировавшими на реальных данных преимущества предлагаемых подходов, и обобщением опыта в методических материалах; в-четвертых, экспериментально проверенная методика как раз и свидетельствовала о том, что результаты исследований достаточно отработаны для применения в народном хозяйстве.

К середине 80-х годов результат экспериментального и практического использования оптимизационных расчетов был получен практически во всех отраслях народного хозяйства – от производственного участка, предприятия, объединения предприятий до отрасли и комплекса отраслей. Работы, проведенные в рамках оптимизационной методологии, способствовали также прогрессу в исследовании таких проб-

лем экономической науки, как ценообразование, экономическая эффективность капитальных вложений, использование природных ресурсов. Более того, в самой сфере развития методов и программных средств решения отраслевых задач также были осуществлены заметные продвижения: это касалось таких вопросов, как программное обеспечение решения плановых задач большой размерности, оптимизационных задач нелинейного программирования, многокритериальной оптимизации, дискретной оптимизации, стохастической и недифференцированной оптимизации с использованием диалогового режима, построения имитационных систем и многих других направлений совершенствования математического инструментария.

Однако интенсивность работ, проводимых в отраслях, постепенно начала снижаться, а потенциал математических методов решения экономических задач использовался, мягко говоря, не полностью. Вычислительный Центр Госплана СССР достиг пика интенсивности применения методов оптимизации в отраслевом планировании, когда решил задачи планирования по 100 отраслям и подотраслям (топливной, цементной, стекольной, нефтедобывающей и др.). На основе выводов из результатов оптимизационных расчетов стали приниматься важные решения о распределении ресурсов. Однако сама природа методов оптимизации такова, что такие решения были направлены на *экономию ресурсов*. Как же на это отреагировали министерства и ведомства?

Очень просто: они прекратили предоставление исходной информации для расчетов, проводившихся централизованно на мощностях вычислительной техники ВЦ Госплана. В середине 70-х годов Госплан уже вынужден был отказаться от решения 40 оптимизационных задач по разным отраслям, и работы в этой области получили явную тенденцию к затуханию. Аналогичная ситуация сложилась и в Минприборе, где работы велись с 60-х годов: сначала централизованные расчеты проводились по 146 предприятиям, с годами, однако, предприятия стали уклоняться от их проведения, ссылаясь на различные причины, стали представлять и заведомо неверную информацию. Хотя проведение расчетов продолжалось до 1978 г., но стало ясно, что организацию этих работ придется свернуть.

Приведенные данные отражают, так сказать, номинальное положение с “внедрением”, сложившееся в 70–80-х годах. На деле же за этими данными остается скрытым еще и тот факт, что параллельно с оптимизационными осуществлялись расчеты по традиционной схеме, следовательно, для соответствующего работника, рассчитывающего план традиционным способом (как правило, в условиях дефицита времени), результаты оптимизационных расчетов служили в лучшем случае некоторым фоном, но чаще – просто помехой.

Следует признать, что в существовании барьера между разработчиками моделей и практиками-плановиками был повинен и институт. На первых порах коллектив был полон энтузиазма и переоценивал возможности оптимизации; к тому же молодежь, которую притягивала эта область исследований, была не очень сведуща в реальных экономических процессах, но при этом имела горячее желание их и улучшить,

и перестроить. Рецидивы такого “математического снобизма” можно встретить время от времени и до сих пор. Проявление этой неоправданной самоуверенности на первых порах порождало страх за свои места у плановых работников (особенно среднего и нижнего звеньев), но со временем он сменился пониманием слабых мест в позициях математиков. На фоне неизбежных отдельных неудач экономистов-математиков в решении плановых задач возрастало недоверие даже к серьезным и хорошо обоснованным оптимальным решениям.

Изучение реальной практики управления экономикой натолкнулось между тем на неожиданное препятствие, выразившееся в расхождении этой практики и нормативного методического обеспечения процессов хозяйственного управления государственными и ведомственными актами. Добросовестный разработчик, как правило, начинал свою деятельность с изучения методик планирования и других нормативных документов, формируя на этой основе свои знания о потребностях практики. Ориентация на нормативный хозяйственный механизм была для представителей точных наук естественной, однако она создавала определенный разрыв между реальной практикой и математическими методами – особенно методами оптимизации. В последующие годы в экономической теории были “узаконены” категории нормативного и реального хозяйственных механизмов, что способствовало укреплению среди разработчиков идеологии приспособления математических методов к потребностям реальной практики планирования. Однако этот процесс представляет собой неоконченную страницу истории взаимоотношений плановых работников и разработчиков математических методов и моделей в условиях централизованной системы управления.

Признавая определенную меру ответственности за состояние дел в сфере применения математических методов, я хотел бы все же отметить, что главная причина возникновения барьера между практиками-плановиками и представителями экономико-математической школы крылась в несовершенстве действовавшей системы управления народным хозяйством, в примате административных рычагов над экономическими методами воздействия на сферу производства.

Важнейшей предпосылкой практического использования ЭММ была бы, конечно, заинтересованность хозяйственников в оптимизации управления. Но о какой заинтересованности могла идти речь, если хозяйственник из года в год сталкивался с результатами практики планирования “от достигнутого”, с оценкой деятельности и стимулированием за выполнение плановых заданий вне зависимости от их фактически достигнутого уровня? О каком “внедрении” математических методов текущего и оперативно-календарного планирования можно было говорить, если в реальной практике свыше 50% промышленной продукции производилось в третьи декады месяцев? Особой заинтересованности в напряженной, ритмичной работе предприятий и отраслей не проявлялось, а соответственно, и в применении математических методов в этом направлении. На конференции в ЦЭМИ в 1981 г. я привел данные о том, что максимальные затраты на производство продукции

превышают оптимальные в 1,5–2 раза. Сидевшие в зале практические плановые работники не придали этому поразительному факту никакого значения: этот резерв в условиях выработки ненапряженных, реализуемых с гарантией и “запасом” планов в лучшем случае мог представить для них чисто познавательный интерес.

Важное значение имели не только экономические, но организационные барьеры, которые действовавшая система управления ставила перед практическим применением результатом модельных расчетов. Такие результаты, как правило, могли сильно влиять на сложившиеся у хозяйственного объекта связи с его поставщиками и потребителями, организациями материально-технического снабжения, транспорта. Подобные резкие изменения противоречили сложившимся принципам и стереотипам планирования и распределения ресурсов, поскольку могли потребовать от вышестоящих органов трудоемкой работы по формированию и регламентации новых хозяйственных связей. Так, известен пример неудачной попытки решения задачи по распределению металла путем рационального прикрепления поставщиков и потребителей. Эта задача решалась на уровне Госснаба, но попытки практической реализации полученного решения были безуспешными, поскольку встретили сопротивление и поставщиков, и потребителей.

Таким образом, даже приведенные мною разрозненные примеры и аргументы дают возможность заключить, что оптимальный план непосредственно не представлял интереса для практической плановой деятельности.

Тем не менее роль работ отдела оптимизации отраслевого планирования ЦЭМИ даже в тех условиях я оцениваю достаточно высоко. Прикладная направленность исследований и расчетов, проводившихся в этом отделе, несмотря на обреченность большинства попыток встроиться в фактически сложившийся процесс разработки планов, все же была оправдана хотя бы тем, что позволяла встать на реальные позиции и достичь более глубокого понимания как отраслевых технологических особенностей, так и действующего на деле хозяйственного механизма и технологии процесса планирования, осуществляемого на различных уровнях управления производством, а следовательно, и реального взгляда на возможности практического использования экономико-математического инструментария.

И сегодня, когда периодическая печать с радостью сообщает, что мы закупаем в США компьютерную систему управления нефтеперерабатывающим заводом, в основу которой положено использование модели оптимизации производственной программы, я мысленно возвращаюсь к временам первых экспериментальных применений таких моделей, которые осуществил ЦЭМИ несмотря на разного рода преграды. Разумеется, сегодняшняя ситуация несравнима с прежней: вместе с изменением хозяйственного механизма кардинально усовершенствована вычислительная техника, средства сбора и подготовки данных, программное обеспечение и проч. Однако развитие событий, свидетелями которых мы сейчас являемся, показывает, что еще десятилетия назад мы в целом шли в правильном направлении.

Одной из попыток улучшить систему планирования народного хозяйства, исходя из идей и представлений экономико-математического направления, явилась работа по созданию АСПР, т.е. *автоматизированной системы плановых расчетов* Госплана СССР и госпланов союзных республик. Начавшись в 1964 г., эта работа продолжалась практически до момента ликвидации Госплана и прошла ряд этапов, повторяя с некоторым лагом эволюцию всего экономико-математического направления.

Первоначально общая идея АСПР состояла в том, чтобы, изучив действующую практику разработки народнохозяйственного плана (представлявшую собой в то время “terra incognita”), превратить ее в строго алгоритмизированную технологическую систему, в максимальной степени поддающуюся автоматизации с выделением узлов принятия решений, в которые могли бы быть встроены соответствующие оптимизационные модели.

Однако, несмотря на то, что в рамках работ по АСПР удалось существенно продвинуться в понимании механизма разработки и корректировки планов, их увязки и контроля за исполнением, уже в первые годы работы над этой системой стало ясно, что столь простой и внешне эффективный подход не может быть практически реализован. Здесь нужно отметить, что масштабы этой работы были весьма впечатляющими: во всех госпланах союзных республик и многих министерствах были созданы соответствующие подразделения, к работе были привлечены десятки научно-исследовательских организаций, создан ряд вычислительных центров и т.д.

Стало очевидно, что без единой методологической концепции невозможно предложить непротиворечивую систему плановых расчетов, увязанную по этапам разработки, видам планов, основным рычагам воздействия на народное хозяйство, основанную на широком использовании экономико-математических моделей и методов. Такая концепция, синтезирующая принципы оптимального планирования и положительные моменты действующей практики планирования была разработана в ЦЭМИ и получила название *системы комплексного планирования* (СКП).

Кроме названных прямых целей, которые преследовал ЦЭМИ, участвуя в разработке АСПР, должен откровенно признаться, имелась в виду еще одна, причем особо важная для института. Дело в том, что наши исследования буквально задыхались от недостатка (а временами и отсутствия) необходимой экономической информации. На официальной статистике надеяться было нельзя, поскольку она была искаженной, ООНовская была неполной, а организация собственных крупномасштабных наблюдений была для нас непосильна. Мы надеялись, что утолить информационную жажду мы сможем, припав к живительным источникам информации, которая должна была бы, как предполагалось, циркулировать в системе АСПР. К сожалению, в полной мере решить эту задачу нам не удалось.

## ЗАВОДЫ НАДО СТРОИТЬ ТАМ, ГДЕ ХАРЧ ДЕШЕВЛЕ

Немалых успехов ЦЭМИ достиг в разработке моделей *размещения производства*, которые представлялись в Госплан СССР. Это были важные и серьезные задачи, которые приходилось решать с учетом множества факторов, в том числе природных и климатических условий, громадных российских пространств, наличия и состояния инфраструктурных объектов и сетей, трудовых и сырьевых ресурсов. В общем, действовали в соответствии с указаниями Ивана Тихоновича Пошокова – экономиста петровских времен, советовавшего в своей “Книге о скудости и богатстве”, написанной им в 1724 г., строить заводы там, где “хлеб и харч дешевле”.

Соответствующую лабораторию в ЦЭМИ возглавлял М.М. Албегов – активный участник и руководитель исследований по оптимизации отраслевых планов развития и размещения производства. Разработанные коллективом этой лаборатории “Основные положения оптимизации развития и размещения производства” после долгого обсуждения были приняты Госпланом СССР в качестве нормативного документа. На базе отраслевых исследований М.М. Албеговым был предложен практически легко реализуемый вариант межрайонной отраслевой модели (одновременный анализ размещения нескольких десятков отраслей по территории порядка 50 выделенных регионов). Этот аппарат стал основой для определения эффективности намеченного в Генеральной схеме размещения производительных сил страны на перспективу. С начала 80-х годов в ЦЭМИ получили развитие идеи описания региональной экономики с помощью обобщенных моделей развития и размещения промышленности, сельского, водного хозяйства и т.п. Сочетание метода межотраслевой увязки решений с возможностями обобщенных моделей позволил создать мощный инструмент детального анализа перспектив развития отдельных регионов. Впрочем, модели моделями, но при разработке отдельных проектов приходилось учитывать и некоторые “неформализуемые ограничения” субъективного характера, что происходило, в частности, при решении далеко не ординарного для нашей страны вопроса о размещении крупномасштабного производства легковых автомобилей нового поколения.

Сначала на самом высоком правительственном уровне был выбран зарубежный партнер, технологии и конструкции которого должны были стать базовыми для организации нового производства. Рассматривались американский, немецкий, французский и прочие варианты, но по совокупности технических, экономических и политических соображений в качестве главного кооперанта был выбран итальянский концерн ФИАТ и в качестве базовой модели ФИАТ-124. Как показала жизнь, с технико-экономической стороны выбор оказался удачным. О политической стороне дела, связанной с особыми отношениями между КПСС и ИКП и особым положением второй на политической карте Европы того времени, судить не берусь...

В это время я по научным делам собирался поехать в Италию, и меня попросили познакомиться с работой этой фирмы на месте и дать оценку увиденному своими глазами. Закончив за пару дней свои дела в Риме, я на автомобиле нашего посольства отправился в Турин.



На одной из площадей Рима после успешных переговоров на фирме ФИАТ

Кстати, по дороге произошло нечто, натолкнувшее меня на парадоксальные размышления. В это время в Италии, к северу от Рима, шли непрерывные проливные дожди. И шоссе, и городские улицы превратились в реки. Итальянские автомобили глохли в этой воде, и движение на некоторых дорогах практически прекратилось, в то время как наша посольская “Победа”, рассчитанная на российские тракты и обладавшая более высокой проходимостью, рассекая мутные потоки, гордо проезжала мимо, как теперь их принято называть, иномарок.

Наблюдая эту картину, я на какой-то момент задумался о целесообразности затеваемого проекта как такового.

На автомобильном заводе ФИАТа нас приняли очень любезно, накормили вкусным завтраком и в сопровождении специалистов отправили смотреть завод. Я намеренно вставил слово “автомобильном”, так как этот концерн, основанный в 1899 г., является многопрофильной машиностроительной фирмой и выпускает также тракторы, самолеты, железнодорожный подвижной состав, судовые двигатели, холодильники, станки, сталь и т.д. О масштабах концерна можно судить по следующим цифрам: в 60-х годах на нем было занято 135 тыс. чел., а по валовой прибыли (77 млн долл.) он занимал пятое место в мире среди аналогичных предприятий.

Признаться, экономисту, особенно специалисту в области организации производства, там было что посмотреть. Более всего меня заинтересовала великолепная организация поточного производства, идеальная синхронизация работы подготовительных цехов, складского хозяйства, сборочных конвейеров. Это нам было наглядно продемонстрировано на конкретном примере сборки отдельного автомобиля, строившегося по персональному заказу шаха Ирана Мухамеда Реза Пехлеви. По сигналу с центрального пульта управления сборкой к конвейеру автоматически поступали детали, специально предназначенные для этого автомобиля – пуленепробиваемые стекла, специально изготовленные сидения и прочее, а конвейер продолжал работать в привычном установленном ритме, как будто не замечая выполнявшегося на нем “спецзаказа”.

Посетил я там и “аттракцион” – прокатился в только что собранном автомобиле по испытательному треку. Интересно, что из-за дороговизны земли этот трек устроен на крыше комплекса сборочных цехов. Захватила меня и скорость, с которой мы ехали – около 250 км/час, т.е. скорость небольшого самолета.

Интересной показалась мне и еще одна особенность – в организации питания рабочих. Помимо столовой и буфетов в каждом из цехов завода были установлены два резервуара с охлажденной и горячей водой. Приходя на смену, рабочие опускали в эти резервуары тщательно упакованную пищу: в горячую воду – домашнюю еду, в холодную – в основном бутылки с сухим вином. К обеденному перерыву, длившемуся полчаса, еда согрелась, а вино, соответственно, охлаждалось.

После осмотра завода нас любезно принял в своей резиденции президент фирмы профессор Валетто. Это был человек в возрасте около 80 лет. Беседа была продолжительной и очень интересной. С удовольствием выслушав мои впечатления от знакомства с заводом, президент рассказал мне о том, как строится управление фирмой, о перспективах ее развития, о заинтересованности ФИАТа в широкой кооперации с нашей страной, и в заключение сделал мне лично предложение, которое меня весьма озадачило. “Раз вам так понравился наш автомобиль, в котором вы прокатились, – сказал он, – я вам его дарю”. Что я мог и должен был сказать ему в ответ? С одной стороны, мне, как и каждому, хотелось бы получить “за так” действительно замечательную машину, с другой – я хорошо понимал, что, возвратившись с ней домой, я тут же

бы вылетел с поста директора ЦЭМИ, был бы исключен из партии, стал бы невыездным и проч.

Я поблагодарил президента за щедрость, но сказал, что у меня уже есть великолепная советская машина “Победа”, может быть не такая комфортабельная как ФИАТ, но очень надежная для российских дорожных условий, и если он хочет сделать мне подарок, то мне очень нравятся микромоделли автомашин, выпускавшихся ФИАТом в разное время, и выставленные в витрине резиденции президента. Так я получил в подарок комплект из сорока ФИАТовских микромоделей, представляющий сегодня музейную ценность, и в обмен на который сегодняшние коллекционеры вполне могли бы отдать мне новый настоящий ФИАТ, если бы за несколько лет мои гости этот комплект не растащили.

Возвратившись в Москву, я доложил А.Н. Косыгину и другим руководителям о своих впечатлениях о заводе и о нашей беседе с президентом ФИАТа. Не знаю, насколько убедительными оказались мои выводы, но решение о заключении договора с ФИАТом было принято. Встал вопрос о том, где разместить новый завод. Решения такого масштаба в то время принимались Политбюро ЦК КПСС, которые потом “оформлялись” постановлениями Совета Министров. Предложения по данному вопросу должен был докладывать руководству страны Председатель Совета Министров, которым был тогда А.Н. Косыгин.

Насколько непростая стояла перед ним задача, стало ясно из беседы с Косыгиным, на которую он пригласил президента АН СССР М.В. Келдыша и меня. Алексей Николаевич рассказал нам о совещании по данному вопросу, которое он провел с участием 29 руководителей союзных республик, крупнейших промышленных областей России, городов Москвы и Ленинграда. Каждый из выступавших доказывал необходимость и целесообразность строительства нового автомобильного гиганта именно на территории, которую он представлял.

Понять каждого из них было, естественно, несложно. Реализация такого крупного проекта, имевшего общесоюзное, да и международное значение (ведь данное производство задумывалось и впоследствии было реализовано на основе очень широкой кооперации, прежде всего со странами Совета Экономической Взаимопомощи), могла бы принести немалые выгоды региону, где был бы размещен этот завод. Для его нормального функционирования требовались развитые энергетические и коммуникационные сети, десятки тысяч квалифицированных работников, для которых необходима мощная и разветвленная социальная инфраструктура, жилье и многое другое. Конечно, все это могло дать мощный толчок развитию региона, привлекло бы к нему большие капиталовложения и другие ресурсы, да и, что греха таить, было весьма привлекательным для местного руководства в плане политических дивидендов и соображений личной карьеры.

Как рассказал нам А.Н. Косыгин, ему было нелегко сопоставить высказанные при обсуждении доводы, но еще более его озадачил финал этого совещания. Когда Алексей Николаевич выдвинул собственное соображение на этот счет, которое, по его словам, было “чисто прикидочным” (он предложил Вологду, рядом с которой – в Череповце – производился металл и неподалеку проходил магистральный газо-

провод), все, до этого страстно радевшие за свои территории, вдруг неожиданно с ним согласились. Наверное, сыграли роль весомость и авторитет мнения члена Политбюро и Председателя Совета Министров, а, может быть, люди подумали, что он высказывает мнение, уже “подработанное” в верхах. Алексей Николаевич сказал, что в данной ситуации для выбора действительно оптимального варианта необходимо тщательно просчитать все предложения, и спросил меня, сможет ли ЦЭМИ справиться с этой задачей. Я с уверенностью ответил, что сможет. Действительно, наш институт тогда уже располагал необходимыми разработками, некоторые из которых прошли практическую проверку. Для решения задачи я попросил полтора-два месяца, отсчитываемые с момента получения необходимой для расчетов исходной информации, а А.Н. Косыгин дал нам срок в три месяца, сказав при этом, что мы можем работать и дольше, но только обязаны сделать все как следует.

Вернувшись в институт, я собрал специалистов и дал необходимые распоряжения. Но вот проходит неделя, другая, за ними месяц, а информации нет. Пришлось обратиться к помощнику Косыгина со своими недоумениями: мол, задание есть, а выполнять не можем, так как информация не поступает. Через несколько дней информация пошла “валом”, однако ее обработка приводила к самым разноречивым выводам, поскольку сведения были неоднородны по составу, трудносопоставимы и не всегда имели официальный характер. Бывало и так, что из одного региона (города) следом друг за другом приходили меняющиеся данные. Скажем, сегодня Минск (вслед за Киевом) дает свои цифры, а через день из Киева поступают новые предложения с более выгодными данными. Вслед за этим Минск узнает (до сих пор не знаю каким образом!) о новых предложениях Киева и меняет свою информацию, чтобы превзойти конкурентов.

Все это нам надоело, и в конце концов мы потребовали от Гипроавтопрома представить информацию в виде официально оформленного документа, дабы быть спокойными за обоснованность как исходных цифр, так и собственных выводов. Но и это подействовало не сразу. При рассмотрении в ЦЭМИ первого варианта данных, представленных Гипроавтопромом, я краем глаза заметил, как их главный инженер проекта оторвал краешек последней страницы документа, где стояла его подпись. Пришлось вернуть этот вариант, как “не вызывающий доверия”, через три дня мы получили как следует оформленный окончательный вариант, а еще через неделю закончили расчеты.

К слову сказать, когда я доложил итоги расчетов М.В. Келдышу, он с улыбкой отметил, что, мол, жалко, что “не вышла Вологда”, иначе мы могли бы тогда просить у предсовмина все, что захотели, да истина дороже. А “истиной”, по нашим расчетам, стал Ставрополь, но не тот, что на Кавказе, а районный центр Куйбышевской (теперь снова Самарской) обл. Этот городок, основанный в 1738 г. на левом берегу Волги, в середине 50-х годов нашего века крепко пострадал, а вернее, был просто затоплен водохранилищем Волжской ГЭС и полностью перенесен на новое место. Кроме того, что этот город располагался в центре России, в его пользу говорило наличие удобных транспортных

коммуникаций (железные дороги, шоссе и сама Волга), близко расположенного крупного источника электроэнергии (Волжская ГЭС), ряда предприятий смежных отраслей (в том числе завода синтетического каучука и электротехнического) и других факторов. Наконец, самым убедительным доводом было наличие в этом районе большого количества незадействованных строительных мощностей, высвободившихся после окончания строительства гидроузла и электростанции.

Мы доложили результаты своих расчетов А.Н. Косыгину, он их одобрил и выступил с предложением на Политбюро. Решение было принято, и строительство началось. За какие-то 5–10 лет заштатный городишко превратился в один из крупнейших индустриальных центров России. Если в 1959 г. в нем жило около 70 тыс. чел., в 70-х годах он стал современным городом с более чем полумиллионным населением. Незадолго до начала строительства автозавода во время отдыха в Крыму скончался Пальмиро Тольятти – один из основателей Итальянской коммунистической партии, на ранней стадии своей революционной карьеры организовывавший социалистическое движение в Турине и участвовавший в 1920 г. в захвате рабочими туринских заводов, в том числе и ФИАТа. В его память Ставрополь-на-Волге в сентябре 1964 г. получил новое имя. С тех пор в России существует город с итальянским названием, а имя Тольятти через 44 года после “первой попытки” снова оказалось связанным с ФИАТом.

После того заседания Политбюро Алексей Николаевич сам позволил мне и поблагодарил за работу. При этом он, вспомнив о Вологде, сказал, что, мол, всем смертным свойственно ошибаться. Я передал благодарность премьер-министра коллективу сотрудников ЦЭМИ, которые остались ею весьма довольны, и впоследствии с еще большим энтузиазмом занимались наряду с теоретическими изысканиями также и прикладными исследованиями.

Впоследствии ученые ЦЭМИ приняли весьма активное участие в создании самого предприятия ВАЗ. В связи с этим вспоминается история о том, как группа сотрудников института, будучи в Италии, встретила в Турине советскую техническую делегацию, занимавшуюся там проектированием завода. Мои коллеги неожиданно обнаружили, что среди 150 членов этой “делегации” нет ни одного специалиста в области экономики и вычислительной техники. Они с удивлением узнали, что система управления заводом проектируется с опорой на давно устаревшие ЭВМ (типа “Раздан”, “Минск-22”) и малую оргтехнику. Нужно было что-то делать, и тогда, по поручению советского посла, наша группа там же, в Турине, засучила рукава и взялась за разработку организационных схем и экономического механизма управления ВАЗом, а также проекта оснащения его современной вычислительной техникой. Здесь, кстати, снова зазвучала “старая музыка”. Нашим специалистам постоянно говорили: “да не лезьте вы со своим экономическим механизмом! Вот проект организации поточного производства, вот организационные схемы и т.д., а экономический механизм не наше и не ваше дело!”.

Кроме того, обнаружилось, что генеральной сметой строительства ВАЗа не было предусмотрено ни одного доллара или лиры на приоб-

ретенение современных ЭВМ. По возвращении моих коллег в Москву мы в срочном порядке изложили эту ситуацию и наши предложения в письме К.Т. Мазурову, занимавшему тогда пост первого заместителя председателя Совета Министров. Это письмо обсуждалось на заседании Совмина, и в итоге был получен, правда, единственный, но очень важный результат: ВАЗу было выделено 10 млн долл. на приобретение современных компьютеров и оргтехники. Отмечу, что наши деловые связи с этим автозаводом продолжались и продолжают до сих пор.

Завершая рассказ о наших региональных исследованиях, вернусь еще раз к М.М. Албегову, руководившему в 1976–1980 гг. Региональным проектом Международного института системного анализа в Вене, и приведу дословно один из его устных рассказов.

Итак: «В 1978 г. Н.П. Федоренко был гостем Венского университета и Международного института прикладного системного анализа. После напряженной трудовой недели я пригласил Николая Прокофьевича познакомиться с окрестностями Вены.

Мы посетили музей Маерлинк и покатались на лодках по подземному озеру, образовавшемуся на месте бывшего завода, производившего первые реактивные истребители “Мессершмит-262”. После этого наступило время завтрака.

Мы сели в машину и подъехали к ближайшему ресторану. Николай Прокофьевич огляделся вокруг и сказал: “Мне здесь не нравится”. Нашли большой и довольно популярный пригородный ресторан. Н.П. Федоренко опять осмотрелся, и реакция его повторилась.

К этому времени я уже прожил в Вене около двух лет и неплохо знал ее пригороды. Я вспомнил, что на другой стороне города в прекрасной сельской местности размещается очень популярный сельский ресторан. Мы затратили примерно час на поездку к нему, и Николай Прокофьевич, бросив быстрый взгляд на стоянку автомобилей, не задерживаясь, быстрым шагом вошел в здание. После ланча все его участники дали самые лестные оценки и местности, и интерьеру, и обслуживанию, и качеству пищи.

Не удержавшись, я спросил Николая Прокофьевича: “Почему Вам не понравились два предыдущих места и как Вы узнали, что именно здесь будет так хорошо? Вы ведь первый раз в Вене!” Ответ был на удивление прост: “Там “Мерседесов” у подъезда было мало”. На стоянке рядом с нашей машиной я увидел “Линкольн” посла США в Австрии...”

Как я могу прокомментировать этот рассказ? Во-первых, все было именно так, как рассказал М.М. Албегов. Во-вторых, действительно, и при выборе места для размещения завода, и при выборе места, чтобы пообедать, есть свои большие и маленькие методологические хитрости, которые трудно учесть при разработке математической модели.

Продолжая рассказ о лабораториях института, нельзя не вспомнить следующее. В 1969 г. под руководством К.Л. Гофмана была образована научная группа по проблемам управления научными исследованиями и разработками, в состав которой входил Л.Э. Миндели, который стал известным ученым – доктором экономических наук, директором Центра исследований и статистики науки Министерства науки России и РАН.

## ТАК КОГДА ЖЕ У НАС ДОЛЖЕН БЫЛ НАСТУПИТЬ КОММУНИЗМ?

С самого начала своей деятельности ЦЭМИ уделял большое внимание разработкам в области *методологии долгосрочного и среднесрочного экономического прогнозирования*. К середине 60-х годов макроэкономическое среднесрочное прогнозирование стало одним из центральных направлений исследований, что объяснялось стремлением повысить роль науки в разработке семи- и пятилетних планов экономического развития страны. При этом мы отдавали себе отчет в том, что методология среднесрочного прогнозирования, в отличие от кратко- и долгосрочного, – дело наиболее сложное и ответственное, поскольку именно здесь возникают проблемы сбалансированности цен и финансов.

В институте был создан специальный отдел, включавший три лаборатории – среднесрочного народнохозяйственного прогнозирования (Б.Н. Михалевский), цен и ценообразования (В.А. Волконский), финансов и финансовых потоков (Б.Н. Исаев). Заведующим отделом был назначен Б.Н. Михалевский. Этот выбор не был случайным, поскольку Борис Натанович был не просто специалистом, а настоящим ученым, буквально одержимым идеей сделать так, чтобы среднесрочное планирование в стране базировалось на самых современных достижениях мировой экономической науки. Я убежден, что его безвременный уход из жизни стал невосполнимой потерей для отечественной экономической науки. Это была большая потеря и для меня лично. Борис был одним из научных лидеров в ЦЭМИ, вместе с ним мы вели журнал “Экономика и математические методы”, где он был моим заместителем, в общем, он был моим незаменимым помощником и, несмотря на разницу в возрасте, у нас были самые дружеские отношения.

О печальной и весьма символической судьбе одной из разработок, выполненных Б.Н. Михалевским и его коллегами, – о прогнозе развития народного хозяйства СССР на 1970–1980 гг., думаю, стоит рассказать подробно. Б.Н. Михалевский и его товарищи затратили на эту разработку много умения, сил и энергии, и положения, содержащиеся в ней, оказались весьма интересными и неординарными. Впоследствии сама жизнь доказала правильность проведенных расчетов и сделанных на их основе выводов.

Как я уже говорил, главной сложностью в работе был недостаток необходимой исходной информации, которую приходилось добывать самыми разными путями (информационный голод постоянно испытывали и другие подразделения ЦЭМИ), да и обработку и хранение накопившихся материалов нужно было осуществлять “с умом”. Другая проблема заключалась в том, что многие выводы прогноза не стыковались со “светлыми перспективами” нашей экономики, открывавшимися на страницах официальной пропаганды. В частности, в нем обоснованно доказывалась бесперспективность развития некоторых отраслей, предсказывался общий спад промышленного производства, отмечалось падение уровня жизни населения, снижение эффективности капитальных вложений, нарастание международной изоляции СССР и ос-

новные внешние угрозы безопасности. В общем, рисовалась реальная картина действительности, а не ее апологетический эрзац.

В этой работе впервые применительно к советской экономике был применен термин “инфляция”, которая уже тогда существовала у нас в скрытой форме. Например, авторы прогноза раскрыли тайну фокуса повышения цен без их видимого изменения, скажем, за счет снижения веса стандартных банок сгущенки с 310 до 300 грамм, добавления в колбасу воды, крахмала и костей, сокращения циклов созревания сыра, пива и вина и т.п. На основе такого рода “дотошных” исследований было определено, что за период 1956–1966 гг. общий индекс цен на товары народного потребления в Советском Союзе повысился на 20%.

В работе обосновывалось предложение о плановом снижении в девятой и десятой пятилетках темпов прироста промышленного производства и одновременном резком увеличении выпуска потребительских товаров. К этому были серьезные и объективные предпосылки, связанные с предельной изношенностью производственных фондов промышленности, их технической отсталостью. Предлагавшийся маневр помог бы за 5–10 лет совершить перевод промышленности на современные технологии и тем обеспечить ее будущее развитие. Одновременно страна предохранялась бы от надвигавшегося развала потребительского рынка под растущим “навесом” неудовлетворенного потребительского спроса, что, кстати, потом и случилось.

Я знал наперед, что такого рода предложения не могут не вызвать резкой отрицательной реакции со стороны “идеологов”, аргументацию которых можно было предсказать элементарно: как это можно в то время, когда партия указывает, что разворачивается историческое соревнование социализма с загнивающим капитализмом, вступившим в окончательную стадию своего кризиса, рекомендовать снижение темпов роста промышленного производства в СССР?! Да вы, наверное, с ума сошли, если предлагаете перед лицом мировой буржуазии почти в 2 раза снизить темпы промышленного роста! Да вы знаете, что с вами надо за это сделать? И т.д.

Мы были готовы к такого рода отпору, но надеялись, что реальные цифры и расчеты, содержащиеся в работе, скажут сами за себя, однако все же напечатали прогноз всего в трех экземплярах и поставили на них гриф “совершенно секретно”. Еще одной причиной засекречивания прогноза было то, что Б.Н. Михалевский категорически отказался от предложения заменить из тактических соображений некоторые резкие формулировки, смягчить острую критическую тональность изложения. Он был готов обсуждать и спорить, но хотел говорить правду. Он был настоящим ученым и не мог политиканствовать. В конце концов он убедил в своей правоте тех, кто участвовал в обсуждении прогноза. Их, естественно, было немного – человек шесть-семь, но в этот круг входили такие известные экономисты, как А.И. Анчишкин, С.С. Шаталин, Ю.В. Яременко, ставшие впоследствии действительными членами Академии наук СССР.

Естественно, что ни о какой широкой рассылке прогноза речи быть не могло. Один экземпляр я отправил председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову. Президента Академии наук я не стал “беспоко-

ить”, резонно посчитав, что у него просто не будет времени прочесть два толстых тома.

Прошло две недели, и как-то вечером звонит мне М.В. Келдыш и спрашивает, что за материал я “через его голову” послал Н.К. Байбакову, который просит нас обоих сейчас же приехать к нему. По дороге в Госплан я в общих чертах рассказал президенту о содержании и выводах прогноза и кое-как оправдался за то, что заранее на поставил его в известность. У Николая Константиновича мы оказались около десяти часов вечера, и разговор затянулся далеко за полночь. Детали этого разговора приводить не буду, а суть его в двух словах можно изложить так: “Вот два документа. С одной стороны, третья Программа КПСС, которая принята XXII съездом и которую никто не отменял, где сказано, что наше народное хозяйство уверенно развивается устойчивыми темпами, что к 1980 г. у нас в стране будет построена материально-техническая база коммунизма, наступит благоденствие, и по основным показателям развития экономики мы обгоним развитые капиталистические страны. С другой – прогноз ЦЭМИ, где говорится о том, что темпы промышленного и в целом экономического роста в СССР падают и что, если не принять серьезных мер, к 80-м годам страна окажется лицом к лицу с угрозой серьезнейшего экономического кризиса. Допустим, мы поверим Федоренко, утверждающему что все в этом прогнозе просчитано правильно и что выводы этого прогноза верны и обоснованы, допустим, что в расчетах о построении коммунизма к 1980 г. не все чисто, но тезис о последовательном решении поставленной партией задачи – превзойти в производстве продукции на душу населения наиболее развитые капиталистические страны – не снят с повестки дня, поэтому и выходит, что документик ваш антипартийный и антисоветский!”

“Что же делать с этим прогнозом? – спрашивает Байбаков. – Если вы оставляете его у меня, я должен буду передать его в вышестоящие инстанции; если он попадет в вышестоящие инстанции, скажем, в ЦК, то исход могу предсказать однозначно: Федоренко наверняка попросят с должности, да и из Академии”. Я попытался продолжить отстаивать нашу работу, но Байбаков, прервав меня, предложил расписаться в ведомости, что документ получен мной обратно, а Мстиславу Всеволодовичу по возвращении в Академию принять решение “с учетом возможных последствий, особенно для Федоренко”.

Была глубокая ночь, когда мы с Келдышем вернулись в Академию. Мстислав Всеволодович достал из шкафа свой любимый коньяк “Наполеон”, его референтка Наталья Леонидовна, терпеливо дожидавшаяся нашего возвращения, сварила нам кофе, и обсуждение продолжилось... На рассвете в Нескучном саду на костре, который мы с моим милым шофером Алексеем Алексеевичем развели, были сожжены все три экземпляра: один, что вернул мне Байбаков, и еще два, которые я достал из своего сейфа. Так закончилась история одной из крупнейших и значительных исследовательских работ, посвященных перспективам развития советской экономики...

Что я думаю сейчас по этому поводу? Жалко труда, жалко хорошей работы, но на том “совете в Филях” Байбаков с Келдышем, наверное, были правы. Я сжигал тома не под влиянием чувства творческой

неудовлетворенности, подобно Н.В. Гоголю, уничтожившему рукопись второго тома “Мертвых душ”. Скорее мною руководила идея М.И. Кутузова: сдать Москву, но сохранить армию. Прояви я упрямство, не только меня ждали бы неприятности, идеологическому разгрому подверглись бы и ЦЭМИ, и целое научное направление. Отступив “на калужскую дорогу”, мне удалось сохранить боеспособные научные силы, которые впоследствии взяли не мало высот в науке.

Вспоминая о печальной судьбе той нашей прогнозной разработки, думаю, нельзя не упомянуть и о тех “прогнозах”, руководствуясь которыми КПСС пообещала народу коммунизм к 1980 г. Много лет это обещание замалчивалось, по-видимому, в надежде, что о нем забудут. Однако оно осталось “в памяти народной”, и сегодня иногда о нем можно услышать из уст антикоммунистов или эстрадных сатириков. Смех смехом, но не с потолка же была взята эта цифра – 1980? О том, откуда она взялась, когда-то охотно рассказывал один из ее “авторов”, профессор А.М. Алексеев – видный специалист в области международных финансов, получивший еще в 1950 г. Сталинскую премию за свою книгу “Военные финансы капиталистических государств”. В конце 50-х годов он работал в Минфине и участвовал в подготовке экономического раздела Программы КПСС.

Эта подготовка началась с сакраментального разговора “кремлевского фантазера” Н.С. Хрущева с А.Ф. Засядько, возглавлявшим тогда Госэкономсовет – высший экономический орган страны. “Товарищ Засядько, – сказал Хрущев, – партия ставит задачу построения коммунизма. Нужно рассчитать, сколько нужно для этого времени”. “Посчитать можно все, – ответил Засядько, – но для расчетов нужны ориентиры, на которые надо выходить, а до сих пор ни теоретики марксизма-ленинизма, ни кто другой не указали конкретные цифры, достигнув которых, можно было бы сказать, что коммунизм построен”. – “А что тут думать? Возьмите основные народнохозяйственные показатели США, ихнюю потребительскую корзину, накиньте несколько процентов сверху, вот вам и ориентиры, вот вам и коммунизм будет. Потом прикиньте максимально возможные темпы нашего роста, чтобы сравняться, вот вам и сроки”, – ничтоже сумняшеся предложил Хрущев. Так и сделали, но расчеты по реальным темпам роста Хрущева не устроили, так как наступление “коммунизма” при этом откладывалось на будущее столетие. Тогда в расчеты заложили сначала пяти-, потом семи-, а затем и девятипроцентные темпы, и получилось, что американцев можно будет догнать к концу семидесятых. “Ну вот и хорошо! – сказал Хрущев, – Значит, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!”

Что же вышло в действительности? Конечно, 9%-ные темпы роста для такой экономики, какой была наша, были даже теоретически нереальными, а практических предпосылок для них тем более не было. Невыполненными оказались и более низкие задания последующих девятой и десятой пятилеток, а к концу 70-х годов, когда вроде бы уже должен был наступить коммунизм, мы вышли (если правильно считать) на нулевые темпы экономического роста. Причины этого известны, и я не хочу повторяться, а про упражнения нашего тогдашнего руководства в

области экономического прогнозирования могут только сказать словами писателя Феликса Кривина:

“Ноль, деленный на ноль, дает любое число.

В числителе ноль – в знаменателе ноль.

Сверху ноль – снизу ноль.

– Сейчас мы должны получить тысячу, – говорит Верхний Ноль.

– Получим! – отзывается Нижний.

– А теперь мы должны получить миллион.

– Получим!

– А как насчет миллиарда?

– Получим!

Вот оно как хорошо: что захочешь – все получается.

Сверху ноль – снизу ноль.

В числителе ноль – в знаменателе ноль.

Ноль, деленный на ноль, дает любое число.

Только взять эти числа никто не может”<sup>1</sup>.

В этом месте хочу оговориться, что убийственную кривинскую иронию я в данном случае в наименьшей мере отношу к Александру Федоровичу Засядько, крупному государственному деятелю, обладавшему большим опытом, знаниями и имевшему большой авторитет и весьма независимый характер. Я его очень уважал, и у нас были близкие и теплые взаимоотношения.

Кстати, хочу поведать здесь историю знакомства Сталина с Засядько и назначения его замнаркома угольной промышленности, которую когда-то поведал мне мой тесть В.А. Дзясин. Владимир Александрович был классным инженером-сантехником, в довоенные годы возглавлял соответствующую службу в хозяйственном управлении Совмина и каждый раз командировался для технического обеспечения гагринской резиденции “Холодная речка”, когда туда отправлялся отдыхать “гений всех времен и народов”. Но несмотря на то, что такому источнику информации можно было доверять вполне, я все же считал эту историю легендой до тех пор, пока мне все не подтвердил сам Александр Федорович Засядько.

А история такова. Однажды во время отдыха на “Холодной речке” И.В. Сталин обратился к своим помощникам с просьбой пригласить к нему на обед какого-нибудь нечиновного коммуниста, чтобы в беседе с ним из первых рук узнать, что волнует и чем дышат простые производственники и люди от земли. В те дни в сочинском санатории “Металлург” отдыхал А.Ф. Засядько – уроженец Горловки, бывший слесарь, закончивший к тому времени Донецкий горный институт и ставший то ли начальником участка, то ли директором шахты. По всем этим данным, в том числе и по пролетарскому происхождению, он показался помощникам Сталина подходящей фигурой, и вот Александр Федорович оказался за обеденным столом.

Многим читателям известно, что Сталин любил за обедом запи-

---

<sup>1</sup> Кривин Ф.Д. Ученые сказки. Ужгород: Карпаты, 1967. С. 22.

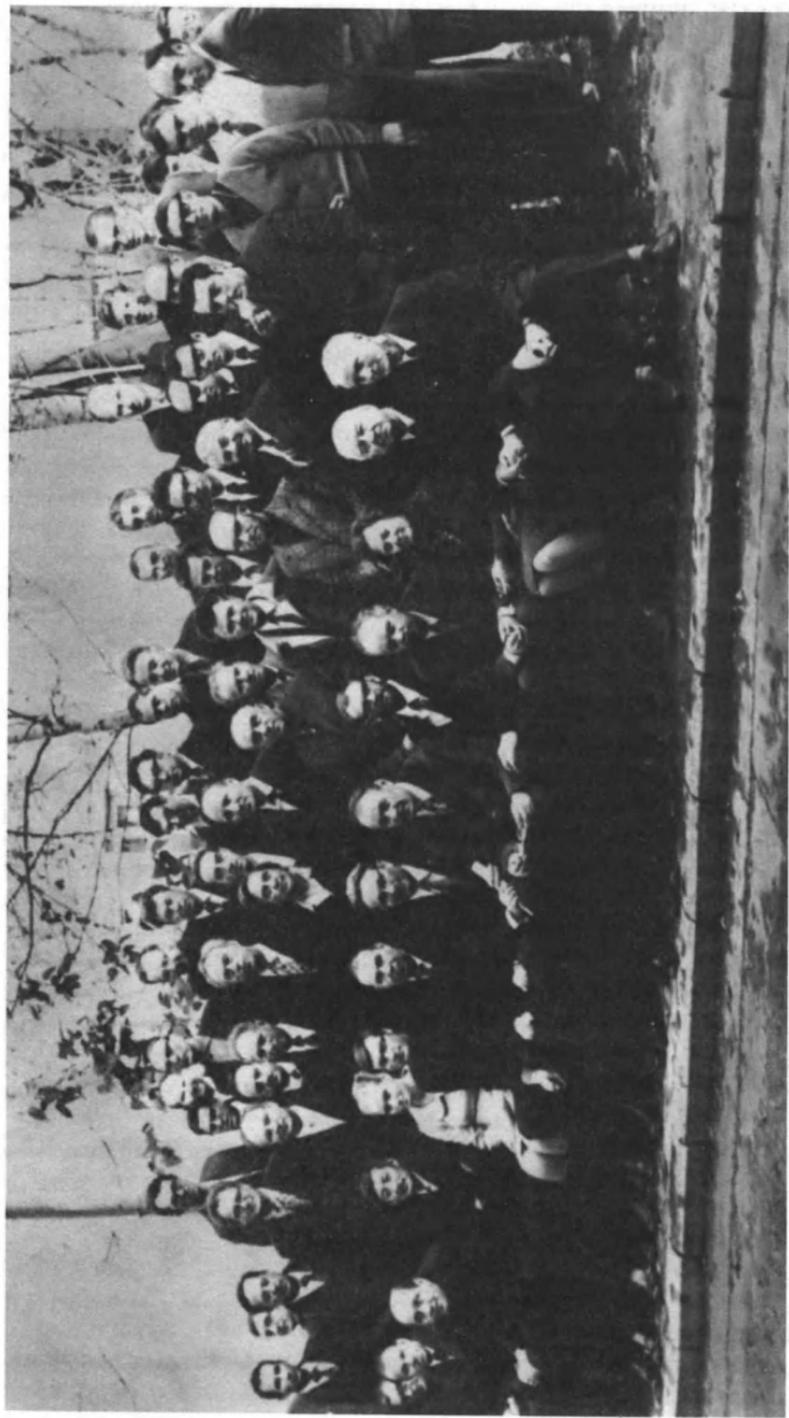
вать еду красным полусухим вином (типа “Хванчкара”, “Киндзмараули” или “Оджалеси”), иногда разводя его на европейский манер холодной водой. Когда он предложил то же самое нашему шахтеру, тот сказал, что в Донбассе толку в такого рода напитках не знают и что он пьет только водку. Сталин приказал “человеку” (так он обращался к столовой прислуге) немедленно принести охлажденной водки и стал угощать Александра Федоровича “по-честному”: под закуску – себе полфужера вина, а гостю – полфужера водки, под борщ – то же, под рыбный шашлык – то же. Когда же подали любимый Сталиным шашлык из седла молодого барашка и он решил повторить манипуляцию, Александр Федорович накрыл свой фужер ладонью, сказав: “Спасибо, Иосиф Виссарионович, я свою норму уже выпил”. По окончании застолья они еще долго беседовали, после чего Засядько был отправлен на автомобиле в свой санаторий и после этого не видел Сталина несколько лет.

Следующая, вторая их встреча состоялась уже во время войны, когда возникла необходимость назначить новых заместителей наркомов угольной промышленности и строительства топливных предприятий. Сталин был недоволен кадровиками, по его мнению, затягивавшими решение этого вопроса. На его замечание ему ответили, что, мол, есть вроде бы по всем статьям хороший кандидат, но, говорят, “попивает”. “Кто?” – спрашивает Сталин. Отвечают: “Александр Федорович Засядько”. “Давайте его документы на подпись, – заключил Сталин, – это будет хороший замнаркома, тем более что он во всем “знает норму”, кстати и в выпивке, чему я сам свидетель и участник”. Так А.Ф. Засядько занял сразу оба упомянутых поста, на которых работал весьма успешно, так же как и потом, когда с 1949 по 1958 г. был министром угольной промышленности СССР.

Многие люди моего поколения слышали о том, как в конце 50-х годов на одном из заседаний Совета Министров А.Ф. Засядько неловко и резко отчитал тогдашнего предсовмина Н.А. Булганина за его весьма посредственные знания в экономике, за что был немедленно сослан на рядовую работу в Челябинскую обл. Впрочем, вскоре сам Булганин за участие в “антипартийной группе” был отправлен в Ставрополь, а А.Ф. Засядько вернулся в Москву и стал сначала заместителем председателя Госплана, потом заместителем председателя Совмина и, наконец, председателем Государственного научно-экономического совета. К сожалению, на последних должностях он проработал недолго, всего два года, в 1963 г. он скончался в возрасте 53 лет, а у его гроба на подушечках лежали пять орденов Ленина.

## ЕСЛИ БЫ УЧЕНЫХ СЛУШАЛИ...

Вы спросите меня: а потеряли ли что-нибудь те, кому наш прогноз был предназначен и кому его так и не удалось прочитать? Думаю, да, потеряли и потеряли многое, если не все. Наш прогноз был “первым звоночком”, предупреждавшим о возможном крахе, который произошел на твоих глазах, уважаемый читатель. Обречена ли была прежняя



Коллектив ЦЭМИ. Фотография к 10-летию института. 1973 г.

система? Я думаю, что да, поскольку ее идеологи, вынужденные лгать во имя собственного спасения, лгали не только своему народу и всему миру, но, что оказалось губительным в первую очередь для них, упивались самообманом, наивно не понимая, что вал экономического кризиса прежде всего смочит их самих, что и произошло.

Я твердо убежден, что, будь руководители конца 60-х (как, впрочем, 70-х и 80-х) годов помудрее и подальновиднее, присмотрись они к реалиям того времени открытыми глазами, прислушайся к аргументам здравомыслящих ученых, не случилось бы сегодняшнего “обвала”, наш “народнохозяйственный маятник” не качнулся бы так далеко, что все экономические измерители попросту зашкалило. По их вине от системы централизованного планирования и управления, как от лепрозория, наша страна не просто ушла, а, сметая с пути правых и виноватых, именно “шарахнулась” к рынку, причем не к самой лучшей из его моделей. На мой взгляд, экономическая истина лежит посередине между голым этатизмом и неограниченным фритредерством, в точке, как говорят физики, равновесного положения маятника. В сторону этой точки, правда с обратной стороны, эволюционируют экономические модели развитых западных стран. Взяв самое лучшее “оттуда и отсюда”, мы, думаю, смогли бы найти оптимальное решение, но, видно, не судьба...

Я сказал о судьбе не потому, что я фаталист, а потому, что, как показывает жизнь, везение необходимо не только отдельным людям, но и целым странам. Государству не везет, когда оно имеет талантливую и энергичного лидера, не прислушивающегося к рекомендациям ученых. Ему также не везет, когда у него есть талантливые ученые, но нет лидера, воспринимающего и реализующего их идеи. Но когда вдруг судьба сталкивает вместе выдающихся политиков и выдающихся ученых, это может привести к выдающимся результатам. Примером здесь может послужить президент США Франклин Делано Рузвельт, на *второй* день своего президентства закрывший на ревизию все банки Соединенных Штатов (и после ревизии ликвидировавший третью их часть), но за несколько недель до этого собравший команду ученых-экономистов и поставивший перед ними задачу разработки программы своего знаменитого “нового курса” экономических реформ, который позволил не только спасти американскую экономику, задышавшуюся в тисках Великой Депрессии 1929–1933 гг., но и заложить основы той политики, которая сегодня превратила Соединенные Штаты в ведущую мировую экономическую державу.

Группу советников Ф. Рузвельта, в которую входили профессора Колумбийского университета Роберт Тагвелл, Альфред Берли и Леонард Моли, сначала иронически называли “брейн траст”, т.е. “мозговым трестом”. Сегодня это название для такого рода групп принято во всем мире. Президент Рузвельт поставил перед своим мозговым трестом задачу: “Надо спасти страну, поэтому прошу конкретных предложений, а теоретизирование потом!”. Так и было сделано.

Когда Ф. Рузвельта за его реформы стали называть социалистом, он однажды заметил: “Зовите хоть мясом, хоть рыбой – лишь бы нации было вкусно”. На мой взгляд, отменно сказано! У нас Ф. Рузвельта не-



В перерыве заседания Общего собрания АН СССР

которые называют кейнсианцем, но это не совсем точно. Загвоздка в том, что всемирно известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс как раз и прославился, когда написал свой главный труд “Общая теория занятости, процента и денег” (1936 г.), в котором дал научное обобщение рузвельтовского “нового курса”. Так что правильнее Кейнса называть “рузвельтианцем”, а не наоборот.

Мне, конечно, не приходит в голову сравнивать Б.Н. Михалевского и себя с Берли, Моли или Кейнсом, однако хочется напомнить некоторым нашим политикам, чья карьера закончилась бесславно, тот факт, что Франклин Рузвельт, которого еще в 1921 г. полиомиелит навсегда приковал к инвалидной коляске, избирался президентом США на четыре срока подряд, и, наверное, был бы выбран еще, если бы не умер.

А что же наши отечественные “рузвельты”? Если читатель думает, что после описанного выше аутодафе мы не пытались достучаться до них, он будет неправ. С улыбкой и грустью я перелистываю сегодня пожелтевшие страницы оставшихся в моем архиве копий писем Брежневу, Андропову, Горбачеву, в Отдел науки ЦК, вице-президенту АН СССР Федосееву и т.д. Звонили мы во все колокола? Да. Услышали нас? Нет.

Дабы меня не упрекнули в голословности, приведу несколько примеров. Передо мной письмо Л.И. Брежневу от 28 марта 1973 г., которое кроме меня подписали еще трое известных советских экономистов – руководителей крупных исследовательских коллективов – А.Г. Анганбегян, О.Т. Богомолов и Е.И. Капустин. Вот выдержки из него: “...Существующая система хозяйственного управления не отве-

чает в полной мере новому этапу экономического развития страны... не случайным является появившаяся в последние 4–5 лет тенденция заметного снижения темпов роста основных экономических показателей, в том числе производительности труда; имеет место снижение фондоотдачи, ухудшение эффективности капитального строительства, нарастание диспропорций в обеспечении общественного производства ресурсами и рабочей силой, а также в удовлетворении растущего платежеспособного спроса населения ...каждый год отсрочки в проведении... мероприятий по совершенствованию системы управления народным хозяйством лишь усугубляет возрастающие трудности.

В области планирования следовало бы главное внимание сосредоточить на введении программно-целевого подхода...

Важнейшим мероприятием в области совершенствования структуры управления явилось бы скорейшее выполнение директивы... о создании крупных объединений и комбинатов как основных хозрасчетных звеньев...

По нашему мнению, основная линия в совершенствовании хозяйственного механизма должна заключаться в переводе производственных объединений и комбинатов на полный хозрасчет в прямой зависимости от конечных результатов их хозяйствования. Для этого целесообразно:

- полностью подчинить производство целям потребления, что потребует организации непосредственных связей производителя и потребителя...

- улучшить всю систему ценообразования, точно отразив в цене эффективность данной продукции у потребителя и ввести плату за все виды используемых ресурсов – не только за производственные фонды, но и за использование капиталовложений, природные ресурсы и занятую рабочую силу...

- перевести объединения на самофинансирование капитальных вложений за счет прибыли или за счет кредита...

- в качестве оценочного показателя использовать показатель чистой прибыли, характеризующий разницу между результатами и полными затратами хозяйствования...

Вот второй “звонок”, отправленный мной, А.Г. Аганбегяном, А.Н. Ефимовым, О.Т. Богомоловым и Е.И. Капустиным в конце 1974 г. премьер-министру А.Н. Косыгину и содержащий не только постановку вопроса, но и конкретный план (темы, исполнители, сроки) исследований проблем совершенствования денежно-валютного механизма СССР.

Вот письмо от 5 января 1978 г. П.Н. Федосееву “О неотложных мерах по повышению эффективности и качества работы народного хозяйства”.

Вот еще один “звонок”: предложения “О разработке комплексной программы развития и совершенствования системы управления народным хозяйством”, подготовленные мной и Н.Я. Петраковым к очередному Пленуму ЦК КПСС и посланные нами Ю.В. Андропову 28 ноября 1983 г. О судьбе этого документа, содержание которого принципиально не отличалось от цитировавшегося выше письма Л.И. Брежневу,

однако отражало опыт проведенных с тех пор исследований, а также явное и окончательное осознание того факта, что наша экономика скатывается под откос, следует, по-видимому, сказать особо.

Как рассказывал мне потом А.И. Вольский, в то время бывший помощником Ю.В. Андропова, при подготовке материалов Пленума часть нашей записки была без изменений включена в проект выступления генсека. Как это было положено, проекты материалов предварительно обсуждалась на совещании заведующих отделами ЦК. Когда А.И. Вольский зачитал “наш кусок”, из зала раздались раздраженные выкрики: “Ну зачем нам опять эта федоренковщина!” На естественный вопрос: “Товарищи, вы можете любить или не любить Федоренко, это ваше дело, но речь идет не о нем лично; что конкретно вас не устраивает в этом тексте?” ответа не последовало. Спасибо Аркадию Ивановичу, обстоятельно и объективно доложившему находившемуся тогда в больнице Ю.В. Андропову суть вопроса и содержание того обсуждения.

В результате “федоренковщина” все же вошла в текст доклада генсека на Пленуме без каких-либо изменений. Вот самая существенная часть этой, с точки зрения некоторых заведомо ЦК, “ереси”: “Конкретные формы управления и планирования должны соответствовать реальным условиям каждого этапа общественного развития страны. Это объективная закономерность, которую, вполне понятно, никто не может ни изменить, ни отменить. Поэтому улучшение системы управления – это составная часть общего процесса совершенствования нашего общественного строя.

Ныне назрел вопрос о разработке программы комплексного совершенствования всего механизма управления, который должен полностью отвечать экономике развитого социализма и характеру решаемых задач.

Полагаю, что такая программа должна предусматривать: совершенствование организационной структуры управления на всех уровнях и во всех звеньях народного хозяйства, включая четкое определение функций, прав и ответственности органов управления и предприятий, органическое сочетание интересов государства и трудовых коллективов;

улучшение системы планирования народного хозяйства, исходя из требований повышения социально-экономической эффективности общественного производства;

повышение действенности всей совокупности экономических рычагов и стимулов хозяйственного механизма, включая ценообразование, кредитно-финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности и т.д.”<sup>2</sup>

Признаться, мы читали эти строки с удовольствием и энтузиазмом. Думали: “Ну вот, теперь дело пойдет!” Но вскоре ушел Андропов, пришел Черненко...

---

<sup>2</sup> Текст выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 26 декабря 1983 г. // Вопр. экономики. 1984. № 2. С. 10.

Впрочем, мы не опускали рук. Так, развернутая картина предкризисного состояния экономики была показана в подготовленной ЦЭМИ записке “Темпы и пропорции экономического развития в перспективе”, которая была направлена в ЦК КПСС 23 июля 1984 г. С ее страниц (естественно, в пределах “дозволенной” фразеологии), как мне казалось, доносился “глас вопиющего”. Кроме направлений реформы хозяйственных отношений, в ней описывались уже более конкретные меры по спасению нашей экономики от надвигающегося кризиса, в том числе проведение структурного маневра в распределении ресурсов, установление соответствия между финансовыми приоритетами и реальными приоритетами в распределении производственных ресурсов, следование политике ускоренного выбытия основных фондов и их обновления, улучшение использования действующих производственных мощностей и основных фондов, укрепление материальных основ эффективной социальной политики.

Замечу, что за два месяца до того, как отправить эту записку, я “огласил” ее основное содержание с трибуны совещания в ЦК КПСС. Но, как говорится, ни устно, ни письменно, ни мытьем, ни катаньем...

Весьма толстая стопка этих писем и записок, “звонков” и “звончков” пылится сегодня на полке моего кабинета. Верхний ее слой составляют несколько творений того же жанра, когда-то направленных мною М.С. Горбачеву, о которых я еще скажу в последней главе этой книги. Когда я сегодня гляжу на эту стопку, меня иногда охватывает сомнение: “А нужно ли было горбатиться впустую?” И сам себе отвечаю: “Во-первых, не впустую, поскольку идеи наши все же пробили себе дорогу, впрочем, довольно дорогой ценой. Во-вторых, я бы сам потерял к себе уважение, если бы тогда остановился и опустил руки. А так совесть моя чиста”.

Другой вопрос, что “рузвельт” так мне и не встретился – ни в Охотном ряду, ни в Кремле, ни на Старой площади. Может, не повезло, а может, прав Проповедник, сказавший: “невежество поставляется на большой высоте...” (Екклесиаст, 10:6).

## ЗАТРАТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Но вернемся в ЦЭМИ. Среди других проблем, над которыми работал институт, я бы хотел назвать еще и *экономическую оценку природных ресурсов*. Однако об этом далее.

Думаю, следует вспомнить и еще об одном направлении исследований, проводившихся в ЦЭМИ, – о тематике теории и методологии расчетов *экономической эффективности капитальных вложений и новой техники*. Для того времени, в условиях централизованного планового хозяйства, правильное решение этих проблем было очень важным, если не сказать “судьбоносным”. От выбранного критерия эффективности и от метода ее расчета зависела ориентация производственной деятельности отдельных предприятий и экономики в целом. Проблема заключалась в поиске такого синтетического обобщающего критерия

оценки эффективности, который служил бы верным ориентиром для продуктивной работы предприятий и их рационального развития. По этим вопросам мы острее всего дискутировали с академиком Т.С. Хачатуровым и представителями его школы, поскольку наши точки зрения были фактически противоположными.

Из названия этой тематики несведущему читателю не видно, насколько серьезные экономические явления и последствия скрывались за безобидными вроде бы, на первый взгляд, научными дискуссиями. Чтобы продемонстрировать это, я остановлюсь подробнее на описании затратной концепции, с которой я и мои коллеги всегда вели бескомпромиссную борьбу, сознавая, какое губительное влияние она оказывает на экономику страны.

В одной из своих публикаций 1989 г. один из главных идеологов научного коммунизма, академик, прославившийся созданием самого компактного в истории науки (и за это горячо любимого студентами) учебника по философии, без околичностей заявил, что все наши экономические беды свалились на нас благодаря *изобретению экономистами разорительной методике*: чем больше затраты (сырья, комплектующих и т.д.), тем выше производительность труда и эффективность производства.

С утверждением о том, что пресловутый “вал” действительно оказал губительное воздействие на советскую экономику, нельзя не согласиться. Скажу больше: я всегда, не жалея сил, последовательно выступал в первых рядах борцов с затратной экономической концепцией. Однако я категорически не согласен с обвинениями академика В.Г. Афанасьева в адрес непонятно каких экономистов, которые якобы все это устроили. Это все равно, что винить Исаака Ньютона, если на тебя, по закону всемирного тяготения, упал кирпич.

Не стану вдаваться в тонкости теории расчета экономического роста, производительности труда и эффективности и сравнивать достоинства и недостатки показателей “валовой”, “товарной”, “реализованной”, “чистой”, “нормативно-чистой” продукции. Каждый из этих показателей имеет право на существование в пределах своей рациональной применимости. Но вопрос не в достоверности или недостоверности показателей!

Экономическая теория и хозяйственная практика убедительно демонстрирует, что, сколько не ищи, одного идеального показателя, использование которого помогло бы наладить экономику, в природе просто не существует, а *управление посредством показателей неэффективно*. Фетишизация какого-то одного показателя неизбежно формирует “экономические флюсы”. При, скажем, минимуме себестоимости будут производиться картонные автомобили, при максимуме чистой продукции будет расти трудоемкость, максимизация валовой продукции стимулирует выпуск гвоздей из золота и т.д. Я, конечно, утрирую, но то, что задача управления экономикой по своей сути – это не погоня за ростом какого-то одного или группы показателей, а максимизация целевой функции при имеющихся ограничениях, стало ясно всем и давно. Но, несмотря на очевидность этого положения, нам много лет приходилось доказывать руководству страны, что произ-

водство продукции и фабрикование отчетных показателей – это совсем разные вещи. К сожалению, доказать эту простую истину нам так и не удалось.

Я долго раздумывал над этим и сейчас попытаюсь объяснить, почему управление советской экономикой *посредством показателей* так и не удалось заменить управлением *посредством целей*, разобраться в логике этого так и не преодоленного в свое время противоречия.

Один из главных вопросов здесь заключался в том, почему один и тот же человек домашнее хозяйство старается вести разумно и экономно, а, приходя на работу, как будто бы перевоплощается и с упрямой тупостью начинает расшвыривать деньги? Ну, конечно, деньги разные: дома – свои, на работе – государственные. Но парадокс в том, что от успешности “расшвыривания” государственных денег его личное благополучие, как ни странно и грустно, только увеличивалось, а те, кто делал это в крупных масштабах и интенсивно, получали звания и ордена.

Такая бредовая логика социалистического планового хозяйства основывалась на том, что уровень заработной платы, размеры премий и отчислений в социальные фонды предприятий прямо зависели не от реальной продуктивности труда и экономии средств, не от качества произведенной и количества проданной продукции, а от количества затраченных денег, сырья, энергии и материалов. Происходило это от того, что в роли оценочного критерия хозяйственной деятельности выступали затратные показатели. Несмотря на критическое отношение к этим показателям, высказанное еще в 20-е годы В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским, затратная концепция и затратные показатели выжили, захватили власть в экономике и царствовали в ней до начала 90-х годов.

Несмотря на очевидные отдельные пороки и общую зловредную сущность, затратная концепция оставалась неколебимой, поскольку существовала *система*, при которой выпуск дорогостоящих изделий и увеличение финансовых, материальных и трудовых затрат вели к:

- увеличению “статистических” темпов роста производства, исчисляемых на базе валовой (товарной, реализованной) продукции в сопоставимых ценах;

- ускорению темпов роста производительности труда, оценивавшихся путем деления валовой продукции на количество работающих;

- увеличению фонда заработной платы, исчисляемого в процентах к валовой продукции;

- увеличению отчислений в фонды экономического стимулирования и т.д.

Ключевым и все объясняющим моментом здесь следует считать первый, поскольку темпы экономического роста должны были, по мысли партийных руководителей, демонстрировать “исторические преимущества растущего социализма перед загнивающим капитализмом”. Преимущества эти следовало доказывать во что бы то ни стало, пусть даже во вред самой экономике и благосостоянию собственного народа. Таким образом, снижение издержек производства и обращения, составляющее суть эффективного хозяйствования, но из-за сниже-

ния оптовых цен ведущее к иллюзорному снижению темпов роста производства, было *неприемлемо политически*.

Именно поэтому затратная концепция навязывалась: директивные и контрольные цифры вала лежали на столах центральных, областных, городских и районных партийных комитетов, советских органов, по этим цифрам оценивалась их работа. Те же цифры спускались и по хозяйственной лесенке: от Госплана СССР, который фактически являлся “хозяйственным отрядом партии”, через отраслевые министерства и республиканские госпланы до конкретных предприятий.

Ответственными перед партией за успехи в упомянутом историческом соревновании были прежде всего Госплан и ЦСУ СССР, создавшие всеохватывающую общесоюзную систему расточительства и надувательства.

Первое, из-за чего они так держались за валовые показатели, — это заложенный в них так называемый повторный счет, когда стоимость предметов труда по ходу разделенного на стадии процесса производства можно учитывать неоднократно. Наиболее больших масштабов надувательство за счет манипуляций с повторным счетом достигло у нас в 60–80-е годы, когда соревнование с капитализмом “вступило в решающую фазу”. Сумма повторного счета в 1966 г. превышала реальную стоимость предметов труда почти в 4 раза, а в 1983 г. — уже в 5,5 раза. В итоге к 1985 г. сумма “воздушного вала”, создаваемого таким образом, составила 2/5 валового общественного продукта страны.

Этот повторный счет действовал как наркотик. Однажды “уколовшись”, от него невозможно было отказаться, поскольку планирование на следующий год или пятилетку было основано не на анализе реальных производственных и сбытовых возможностей, а на “достигнутом уровне за отчетный период”. Иначе — “спад производства”, который нельзя было допустить прежде всего по политическим соображениям.

Чтобы не допустить этого “спада”, предприятия были вынуждены пускаться во все тяжкие: увеличивать материально-, энерго-, транспортную емкость изделий или любым другим путем увеличивать издержки. На бумаге же расточительство оборачивалось “эффективностью”.

Но что делать, если пределы расточительства достигнуты, а план в рублях “не натягивается”? Выход есть! Машиностроители просто накручивали цены, Минлегпром менял артикулы, Минпищепром — этикетки. Продукция та же или даже хуже, а марка или название новое, а значит и цена новая! Взрослый читатель наверняка помнит регулярное появление “новых” сортов, скажем, пива, водки, печенья и т.п. Одно и то же продавалось вчера под названием “Любительское”, а завтра в полтора раза дороже, но под маркой “Юбилейное” или “Экстра”.

Строители и транспортники, которым не на что было наклеивать новые этикетки, занимались приписками или, как это тогда называли, “искажением отчетности”. Вы спросите, а что же потребитель? А куда ему деваться, если у него все “фондировано”, да и сверхзатраты он оп-

лачивает не из своего кармана? Перевез транспортник тонну груза, клиент расписывается за четыре или пять. А что делать, если другой раз машину просто не пришлют? По оценкам специалистов, 20–30% отчетных тонно-километров по стране были “липовыми” и под них, кстати, планировались и поставлялись бензин, техника, шины и т.п.

Но это автотранспорт. А как быть железнодорожникам, где написать труднее? Нашли-таки выход! В мае 1982 г. МПС издает приказ, в котором говорится прямо: “В целях освоения заданного объема грузовых и пассажирских перевозок... утвердить порядок направления груженых вагонопотоков *кружностью* (курсив мой. – Н.Ф.) по железнодорожным линиям согласно приложению”<sup>3</sup>, состоявшему из 22 страниц. Вскоре после издания этого приказа министра И. Павловского сняли с работы, но система не изменилась.

Примерно такая же ситуация была и в строительстве. Проверка, проведенная ЦСУ в 1983 г. на 83,3 тыс. строек, обнаружила приписки на 40% объектов.

А что же делать, если и приписать нельзя? Есть выход и в этом случае. Тут уже надо кланяться в ножки Госплану, который располагал волшебным средством, при помощи которого можно было одним махом авторучки превратить бесхозяйственность в хорошую работу, а отстающее предприятие – в передовое. Средство это – так называемая корректировка плана.

Как журавли осенью на юг, так и многие хозяйственники к концу года стаями тянулись в Москву, чтобы “пробить” решение о снижении невыполненных их предприятиями плановых заданий. Точные данные по объемам корректировок, которые, по сути дела, были официально разрешенными приписками, неизвестны, но масштабы их огромны.

Единственно, чем корректировка была лучше приписки, это тем, что она не раздувала искусственно “достигнутый плановый уровень”. Только этим и приходилось утешаться в условиях, когда корректировки стали правилом, а стабильные планы – редким исключением. Это подтверждается следующими цифрами: по плану на 1982 г. промышленное производство в стране должно было вырасти на 4,7%, однако реальный прирост составил всего 2,8%. И это, подчеркиваю, при том, что все республики и отрасли план выполнили, а многие – перевыполнили. Скажете: абсурд? Да, нормальный абсурд плановой экономики.

Что же в итоге? Как отмечает известный, последовательный и непримиримый борец с затратной концепцией профессор Д. Валовой, в 50–80-е годы “не было случая, чтобы задания выпуска важнейших видов продукции и сдача объектов в строй, намеченные пятилетним или годовым планом, были выполнены. Поэтому с каждым годом на рубль приходилось все меньше и меньше продукции в натурально-вещественном выражении. Основных продуктов питания и промтоваров в 1985 г. производилось на рубль валового общественного продукта и национального дохода в 2 раза меньше, чем в 1965 г., и в 4–5 раз меньше по

<sup>3</sup> Цит. по: Валовой Д.В. “Правда” против “вала”. Актуальные проблемы радикальной экономической реформы. М., 1989. С. 160.

сравнению с 1950 г. В таких условиях, естественно, мощности по выпуску денег использовались гораздо “эффективнее”, чем по производству товаров. С 1971 по 1985 г. выпуск товаров потребления возрос в 2 раза, а количество денег в обращении в 3,1 раза. Это содействовало деформации товарно-денежных отношений при социализме в... *денежно-бестоварные*”<sup>4</sup>.

Но вот грянули перестройка и гласность, голоса противников “вала” были, наконец, услышаны, а необходимость принятия программы стабилизации и сбалансирования отечественной экономики не на затратных, а на целевых принципах стала общепризнанной. Что же изменилось? Да, июньский пленум ЦК КПСС 1987 г. осудил стремление увеличивать оптовые цены с целью “повышения эффективности производства”. Да, ЦК и Совмин в июле того же года запретили Госплану СССР вносить на рассмотрение несбалансированные планы (не задумавшись, впрочем, а где взять другие). Да, были созданы авторитетные комиссии по перестройке деятельности экономических органов. Да, 30 июня 1987 г. был принят Закон СССР о государственном предприятии (объединении), который должен был, по идее, поставить все “с головы на ноги”. Да, закон! Но вот инструкции...

Инструкции, утвержденные Госпланом и Госкомстатом, по-прежнему предусматривали планирование фонда зарплаты по объему в рублях от достигнутой базы, рекомендовали определять экономию металла путем сравнения фактического расхода с достигнутым в предыдущем периоде на рубль товарной продукции и т.д. Наконец, в 1988 г. министерства и предприятия получили правительственную инструкцию с “системой показателей” оценки деятельности предприятий, где главным показателем значилось “производство продукции в стоимостном выражении”. Что оставалось сказать людям, поверившим в перестройку? “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!”

В своих воспоминаниях я иногда избегаю называть некоторые фамилии, но в данном случае считаю, что “страна должна знать своих героев”. Эту инструкцию подписали от Госплана СССР А. Реут, от Госкомстата СССР – Н. Белов, от Совмина СССР – П. Кацура и В. Кириченко. Конечно, это не главные и не единственные “герои”, но их подписи стоят на той инструкции. Ими был сделан “вклад” в то, что рост и ускорение у нас были, план промышленность и сельское хозяйство выполняли, а реальной продукции в 1988 г. страна не досчиталась только по потребительским товарам на 10 млрд руб. Это они приложили руку к тому, что, по данным Госкомстата, на душу населения в те годы у нас в стране приходилось 65 кг мяса, а на самом деле госресурсы могли реально обеспечить только 1,2 кг (вместе с птицей)<sup>5</sup>.

Не могла эта система в конце концов не лопнуть, не могла! Сегодня, когда она лопнула и наш народ, испытывая великие страдания, пытается выбраться из ямы, в которую его загнали, мне смешно и грустно временами слушать тех, кто ностальгирует по старой плановой экономической системе.

<sup>4</sup> Там же. С. 388–389.

<sup>5</sup> Там же. С. 395.

Читая эти, на первый взгляд, чересчур эмоциональные высказывания, те, кто не являются специалистами в экономике, почувствуют, какие страсти и какие серьезные проблемы скрывались за фасадом с виду мирных научных дискуссий по безобидным вроде вопросам. Ну, подумаешь, спорят о каких-то там показателях эффективности...

## РЕНЕССАНС МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

Но вернемся снова в ЦЭМИ первой половины 60-х годов. Говоря о том времени, нельзя не упомянуть об участии института в возобновлении работ по построению межотраслевого баланса на основе экономико-математических методов исследований и применения электронно-вычислительных машин. Я говорю именно о “возобновлении”, так как первый баланс народного хозяйства был составлен в СССР еще в 1923 г., и в нем были заложены основные принципы метода экономического анализа, впоследствии получившего название “затраты–выпуск” (Input–Output Analysis). Разработку этого метода советские экономисты продолжали в 1924–1928 гг. под руководством П.И. Попова, работавшего в Центральном статистическом управлении, но потом, как я уже говорил, все это было заброшено.

Заброшено, но только у нас. Один из участников этих работ получил всемирную известность как якобы главный автор упомянутого метода. Речь идет о Василии Леонтьеве, выпускнике Ленинградского университета, учившемся в Берлине, работавшем советником в Нанкине и бежавшем оттуда в 1931 г. в США, где он преподавал в Гарвардском университете и по контрактам с правительством выполнил ряд работ по прогнозированию экономики. Конечно, В. Леонтьев – выдающийся ученый, сделавший серьезный вклад в экономическую теорию и методологию, за что он вполне заслуженно в 1973 г. получил Нобелевскую премию, но приоритет в области разработки методологии межотраслевого баланса принадлежит все-таки экономистам нашей страны. Из бесед с самим Леонтьевым и в результате знакомства с соответствующими разработками при посещении США я установил главную особенность “их” межотраслевых балансов, которая заключалась в том, что они с успехом могли составлять только “отчетные” балансы, для которых имелась исчерпывающая информация, а для “перспективных” фирмы данных не предоставляли.

Мы же, получая информацию в ЦСУ и других государственных организациях, имели относительную возможность составлять межотраслевые балансы на перспективу. Большой вклад в эту работу внесла группа ученых Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР под руководством А.Н. Ефимова. Будучи председателем комиссии по экономической науке Комитета по Ленинским и Государственным премиям, я приложил большие усилия и использовал свое влияние для того, чтобы эта группа в 1968 г. получила Государственную премию СССР, чему упорно противился Отдел плановых и административных органов ЦК КПСС. Заслуги А.Н. Ефимова в научном исследовании структуры экономики СССР и

разработке методов анализа и планирования народнохозяйственных пропорций на основе построения межотраслевых балансов не остались незамеченными и в Академии наук, действительным членом которой он стал через два года.

Межотраслевые балансы начали разрабатываться в самом начале 60-х годов еще в немчиновской ЛЭММ. Задачу научиться строить их на фактических данных Василий Сергеевич поставил перед группой своих молодых сотрудников в период, когда советская экономика переходила от отраслевой структуры управления к территориальной. Образование совнархозов резко обострило потребность в создании инструментов для плановых расчетов на уровне экономического района. В качестве полигона В.С. Немчинов по одному ему известным причинам выбрал Мордовию, где в 1960 г. была начата пионерская разработка отчетных межотраслевых балансов. Большую ее часть вплоть до завершения, ознаменовавшегося выходом в издательстве “Наука” коллективной монографии “Межотраслевой баланс производства и распределения продукции экономического района” (1964 г.), вел В.В. Коссов, ставший ответственным редактором этой книги.

В. Коссов входил в ряд ученых ЦЭМИ “первой волны”, т.е. тех, кто не получил специальной подготовки, а рос вместе со становлением экономико-математических методов. Он, так же как в разное время В. Пугачев, Ю. Лейбkind, А. Анчишкин, перешел на работу в Госплан СССР, но в отличие от них смог там адаптироваться. Ныне В.В. Коссов – заместитель министра экономики Российской Федерации.

После ухода В.В. Коссова в Госплан в 1966 г. лабораторию межотраслевых балансов ЦЭМИ возглавил Э.Ф. Баранов, здесь продолжалось его активное сотрудничество с одним из виднейших представителей отечественной экономической науки старшего поколения Л.Е. Минцем.

Думаю, уместно будет отметить весьма удачный опыт и щедрые плоды *творческого сотрудничества* ветеранов отечественной экономической науки, расцвет деятельности которых пришелся на 20-е годы и был прерван сталинскими репрессиями, с молодыми учеными, попавшими в ЛЭММ и ЦЭМИ в основном со студенческой скамьи. Молодежь перенимала от старейшин, в том числе А.Л. Вайнштейна и А.Л. Лурье, их богатый опыт профессионального анализа статистических данных, традиции скрупулезной тщательности при обработке информации. Благодаря этому качество работ по теории и методологии анализа и моделирования межотраслевых взаимосвязей оказалось достойным выдвижения на соискание Государственной премии СССР и ее последующего присуждения в 1968 г. группе ученых. За исследования, выполненные в ЦЭМИ, Госпремия была присуждена Л.Е. Минцу, В.В. Коссову и Э.Ф. Баранову, а за исследования, выполненные ранее в НИЭИ Госплана СССР, – уже к тому времени работавшим у нас С.С. Шаталину и Э.Б. Ершову. Напомню, что список лауреатов этой премии возглавлял А.Н. Ефимов.

Некоторые исследования в ЦЭМИ проводились и на принципах *творческого соревнования*, также приносившего хорошие результаты. Так, разработка теории и методологии построения систем моделей оп-

тимального перспективного планирования осуществлялась в ЦЭМИ двумя коллективами ученых. Один из них возглавлял В.Ф. Пугачев, и работы проводились на базе принципов многоступенчатой оптимизации экономики. Другой отдел, который по моей инициативе возглавил Э.Ф. Баранов, развивал идеи построения системы оптимального перспективного планирования на базе согласования оптимальных планов развития отраслей и регионов. Ведущими специалистами этого отдела были М.Г. Завельский, обладавший оригинальным творческим складом ума и развивавший пионерные идеи в области поиска наилучших сочетаний региональных и отраслевых интересов; В.И. Данилов-Данильян, которому были свойственны энциклопедические познания в области теории систем и который генерировал оригинальные идеи по обеспечению сходимости итерационных процессов, и сам Э.Ф. Баранов, накопивший богатый опыт анализа и моделирования межотраслевых взаимосвязей на общенациональном и региональном уровнях.

Уже первые публикации 1968 г., явившиеся совместным плодом “мозговой атаки” М.Г. Завельского, В.И. Данилова-Данильяна и Э.Ф. Баранова, получили признание научной общественности и существенно обогатили теоретические основы системного моделирования социально-экономических процессов благодаря переносу центра тяжести в решении проблемы на поиск оптимального сочетания зачастую разнонаправленных интересов субъектов хозяйствования. В начале 70-х годов это направление исследований распалось на два направления – В.И. Данилов-Данильян и М.Г. Завельский сосредоточились на углублении теоретико-методологических основ построения системы моделей оптимального перспективного планирования, а Э.Ф. Баранов совместно с И.С. Матлиным (пришедшим в ЦЭМИ после окончания географического факультета МГУ и проявившим уникальные способности в области создания программного обеспечения моделирования сложных иерархических систем) предприняли попытки экспериментальной реализации одного из вариантов системы моделей оптимального перспективного планирования с использованием межотраслевых балансов всех союзных республик и 10 крупных экономических районов РСФСР.

С позиций сегодняшнего дня попытка Э.Ф. Баранова и И.С. Матлина с помощью коллектива не более чем в сотню человек решить проблему, требовавшую, по существу, участия десятков (если не сотен) крупных коллективов, естественно, выглядит наивной. Прикладная неотработанность многих сложнейших теоретико-методологических проблем обеспечения сходимости иерархических систем оптимизационных моделей, нехватка творческих сил не позволили им в конечном счете достигнуть решения поставленной задачи. Тем не менее в процессе этих работ удалось решить целый ряд отдельных научных проблем, в частности, в области поиска допустимых решений динамических отраслевых моделей, согласования решений межотраслевых моделей и дифференцированного баланса доходов и расходов населения, моделирования миграции населения (здесь несомненная заслуга И.С. Матлина и Т.Ю. Шулепниковой), исследования межотраслевого и межпрофессионального движения трудовых ресурсов (наиболее весомый вклад в

разработку этой проблемы внесли Б.Д. Бреев и В.П. Крюков), моделирования транспортных систем (работы лаборатории Г.Н. Ковшова) и целый ряд других.

После трагической гибели Б.Н. Михалевского в 1975 г. Э.Ф. Баранов был назначен заместителем главного редактора журнала “Экономика и математические методы”. Я поставил перед ним и ответственным секретарем редакции Ф.Г. Гурвичем задачу, ни в коей мере не снижая высокого профессионального уровня журнала, расширить круг публикаций по общеметодологическим и теоретическим проблемам экономической науки и хозяйственной практики, в том числе по дискуссионным проблемам. Эта задача была успешно решена.

После ухода из ЦЭМИ С.С. Шаталина в 1976 г. я предложил Э.Ф. Баранову занять пост заместителя директора ЦЭМИ, на котором он проработал восемь лет. Им была проведена большая работа по координации научно-исследовательской деятельности института в направлении обеспечения его главной задачи – разработки теории СОФЭ. Э.Ф. Баранов принял активное участие в организации работы над десятилетником ЦЭМИ, представлял ЦЭМИ во многих советах, комитетах и комиссиях, много времени уделял подготовке научной молодежи.

## МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И БРИЛЛИАНТЫ

Теперь я хотел бы вспомнить о наших опытах в области *математического моделирования*. Учитывая, что вообще эта исследовательская тематика понятна только для специалиста, я расскажу об одной из важных прикладных разработок наших математиков, которая, думается, может привлечь всеобщий интерес. Тем более, что ранее об этой разработке было известно мало.

В 50-е годы в СССР были открыты крупные промышленные месторождения алмазов, а в 60–70-е годы была создана мощная алмазобрабатывающая индустрия. При этом надо отметить, что свыше 98% алмазов добывалось в тяжелых природных условиях Якутии, а заводы “Кристалл” по переработке алмазов в бриллианты были построены в Смоленске, Москве, Киеве, Виннице, Гомеле, Барнауле, Нур-Ачинске (Армения). Одновременно создавалась промышленность по созданию алмазного инструмента.

Во главе алмазного проекта стоял премьер А.Н. Косыгин, регулярно занимавшийся созданием и развитием этой своеобразной и важной отрасли. Он ежемесячно интересовался состоянием дел в алмазо-бриллиантовом комплексе страны, посетил почти все действующие заводы и алмазные рудники, помогая решать возникающие вопросы.

Учитывая редкость алмазов и их высочайшую удельную ценность, руководство отрасли и страны все более осознавало необходимость повышения эффективности использования природных алмазов. По-видимому, в связи с этим в конце 60-х годов у А.Н. Косыгина и К.Н. Руднева (министра приборостроения, в ведении которого находились заводы

“Кристалл”) возникла мысль о привлечении к этой проблеме ученых. У них состоялась соответствующая беседа с президентом АН СССР М.В. Келдышем, и осенью 1969 г. на одной из встреч М.В. Келдыш поднял вопрос: не мог бы ЦЭМИ, занимающийся вопросами оптимального использования ресурсов, взяться за алмазную проблему?

Мы решили заняться алмазо-бриллиантовыми проблемами серьезно, создав группу: А.А. Фридман (руководитель), А.А. Вотяков, Э.П. Борисова и др. Нам удалось быстро войти в круг основных проблем и выделить ключевые из них, решить ряд важных оптимизационных задач об эффективном использовании алмазов.

Производство бриллиантов оказалось удачным полигоном для применения теории оптимизации, демонстрации плодотворных идей оптимизации для экономически правильного решения сложных задач бриллиантового производства.

Мы сразу же осознали, что выбор варианта обработки кристалла алмаза – это своеобразная задача нахождения плана, причем с точки зрения концепции эффективного использования ресурсов желательно находить оптимальный план.

В любой задаче, связанной с выбором оптимального или просто хорошего варианта, надо уметь сравнивать варианты, чего нельзя сделать, не имея критерия их сравнения.

В бриллиантовом производстве резко бросаются в глаза огромные потери – около 60% особо ценного сырья идет в отходы, превращаясь на ограночном диске в углекислый газ. Это привело к тому, что в плано-производственной сфере выработалась стратегия борьбы за снижение потерь, т.е. за увеличение коэффициента полезного использования сырья. В результате сформировался весовой критерий, при котором тот план обработки алмаза считался лучше, где больше вес получающейся продукции.

Мы задались вопросами: правильна ли в условиях бриллиантового производства эта весовая стратегия? Как она влияет на конечные результаты? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно было прежде всего уточнить конечную цель бриллиантовой отрасли.

Известно, что свыше 95% бриллиантовой продукции идет за рубеж для получения иностранной валюты. Экспортная ориентация бриллиантовой отрасли однозначно определяет валютно-стоимостной критерий оценки эффективности использования алмазного сырья в отрасли. Поэтому народнохозяйственной целью бриллиантового производства, на наш взгляд, должна была стать не минимизация отходов при обработке сырья, а получение из него продукции максимальной валютной стоимости.

Возникает вопрос: а может быть весовой (материально-вещественный) и ценностной (стоимостной) критерии совпадают или согласованы между собой?

Проведенный нами экономико-математический анализ показал, что ценностной и весовой критерии не совпадают, они определяют различные стратегии использования алмазного сырья, в результате чего из одного и того же кристалла алмаза получится различная продукция – с максимальным суммарным весом в одном случае и с наибольшей

суммарной стоимостью – в другом. Так, обработка кристаллов по стоимостному критерию позволила получить конечную продукцию, стоимость которой в среднем на 15% больше, чем при весовом критерии. Более того, оказалось, что для увеличения стоимости продукции надо иногда сознательно пойти на уменьшение ее веса, что говорит не только о различии, но даже о несогласованности этих критериев.

Нельзя не остановиться на том, что сложность проблем эффективного использования алмазного сырья связана во многом с их комплексным, межотраслевым характером. Действительно, вопросами добычи алмазного сырья, его оценки, хранения, передачи, обработки, торговли и планирования занимались в то время четыре министерства: Минцветмет, Минфин, Минвнешторг, Минприбор и Госплан СССР. В результате многие вопросы оказались разорванными в цепочке естественных взаимосвязей, а каждое из ведомств вынуждено было заботиться о своих ведомственных интересах.

Было очевидно, что интересы страны требовали, чтобы все эти ведомства работали во имя максимально возможного объема валютных поступлений от обработки и продажи бриллиантов, получаемых из каждого добываемого кристалла алмаза. Отсюда ясно, что вопросы производства, оценки и продажи бриллиантов должны были быть согласованы и направлены на достижение этой цели. Так, при производстве бриллиантов надо было руководствоваться валютными ценами, а не внутренними оптовыми, которые весьма значительно отличались от внешних, по 3–5 лет не пересматривались и устаревали, либо систематически разрабатывать прогнозные цены, более адекватно отражавшие конъюнктуру и цены внешнего рынка.

После обоснования ценностного (стоимостного) критерия оптимальности проблема эффективного использования алмазного сырья была сформулирована в виде комплекса оптимизационных задач. Для этого пришлось построить математическую модель кристаллов алмаза, найти систему их геометрических параметров и способы их измерения, эффективные (по времени) методы решения оптимизационных задач, реализовать их на практике и убедить руководство в целесообразности их внедрения.

Здесь надо с благодарностью отметить плодотворную работу с нами московского завода “Кристалл” (не путать с другим “Кристаллом”, более известным широкой публике!) в 1974–1985 гг., где совместно был создан принципиально новый технологический процесс оптимальной разметки и обработки алмазов, основанный на применении теории и методов оптимизации. Наши разработки намного опередили зарубежные, такой комплекс работ был впервые осуществлен и реализован в мировой практике. Они позволили добиться поразительных результатов: повышения средней цены получаемых бриллиантов на 12–17%.

Наша концепция была созвучна идеям рыночной экономики, ориентирующейся на конечный эффект.

Результаты наших исследований были темой специального доклада на заседании президиума АН СССР 23 апреля 1981 г. “Проблемы оптимизации использования особо ценного сырья”.

Обычно для такого доклада дается около 40 мин. Однако, когда время, выделенное на доклад и вопросы, истекло, председательствующий – президент АН СССР академик А.П. Александров, учитывая яркость и значение полученных результатов, большой интерес членов президиума к содержанию доклада и обсуждаемой проблеме, предложил сделать исключение и продолжить обсуждение, перенеся следующий вопрос на другое заседание президиума. Более того, А.П. Александров сначала объявил, что ему надо ехать на заседание Политбюро и он поручает дальнейшее ведение президиума вице-президенту П.Н. Федосееву, но потом остался и принял активное участие в дискуссии, наряду с академиками Капицей, Прохоровым, Басовым, Амбарцумяном, Велиховым, Федосеевым и др.

Президиум высоко оценил наши результаты, рекомендовав расширить фронт исследований и сферу применения новых идей и подходов.

В дальнейших работах института эти рекомендации были реализованы. В 1981–1985 гг. был получен ряд новых результатов в области алмазной программы, подготовлен ряд предложений руководству страны, некоторые из которых сыграли определенную роль в развитии алмазо-бриллиантового комплекса. Стоит отметить, что А.Н. Косыгин, внимательно следивший за делами в этой области, высоко оценил работу ЦЭМИ, подписав соответствующие документы и поддержав наши разработки.

## ЦЕНЫ – ГЛАВНЫЙ РЫЧАГ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Кроме тематики, непосредственно связанной с математическим моделированием, ЦЭМИ участвовал в исследованиях общэкономического характера, в том числе в области совершенствования хозяйственного механизма управления. В то время большие дискуссии велись вокруг проблем ценообразования. Эту тематику вел в ЦЭМИ видный экономист, сегодня он академик и директор Института проблем рынка РАН, Н.Я. Петраков. На этой тематике он заработал много синяков и шишек, так как выступал против господствовавшей тогда “затратной” концепции ценообразования. Доводы его были ясны и убедительны, предложения всесторонне обоснованны, однако в течение 10–12 лет труды его не принимались к публикации ни журналами, ни газетами. Я думаю, что Н.Я. Петраков может гордиться сегодня тем, что он был “официально” признан “рыночником” еще в ноябре 1971 г., когда газета “Правда” раскритиковала его за предложения о необходимости перехода от фондового распределения к оптовой торговле средствами производства. Мне импонирует и его, можно сказать, мужественный и принципиальный поступок, когда он отказался от предложения М.С. Горбачева занять пост председателя Государственного комитета по ценам, мотивируя это тем, что эту должность не может занимать человек, всегда выступавший противником существования этого ведомства вообще.

Проблематика ценообразования для только что сформировавшегося ЦЭМИ была не просто дискуссионным полем, а, я бы сказал, “полем боя” нового института с государственными экономическими ведомствами. Поначалу все шло вроде бы нормально, по-деловому. Руководство Государственного комитета цен считало, что институт, вооруженный экономико-математическим инструментарием и ЭВМ, просто-напросто поможет перевести на машинный счет рутинную (и ручную!) работу по составлению прейскурантов цен, т.е. автоматизирует существующую методику ценообразования. Отношения с руководством Комитета – В. Ситниным и его преемником В. Глушковым – были корректными, деловыми. Был создан Межведомственный совет Госкомцен и Академии наук по проблемам ценообразования, где обсуждались наиболее важные вопросы построения системы цен. Совет возглавляли сопредседатели – глава госведомства и автор этих строк.

Вскоре именно этот Совет и стал “полем боя”. Оторвавшись от традиционного взгляда на построение системы цен в стране и на их роль в функционировании экономики, взглянув по-новому на хозяйственные процессы, мы пришли к новой оценке существующего ценообразования и к новой, соответствующей интенсивному типу экономического развития, теоретической модели цены. По предложению Н. Петракова, эта модель получила название “цены плановой сбалансированности”. От нас не ожидали такого подвоха и стали посматривать ко-со. Ну, да что делать, новое всегда изначально воспринимается с сомнениями, недоверием и протестом. Среди некоторых ученых и государственных деятелей встречаются люди, которые, услышав о новой идее, сразу говорят: “бред”. Почувствовав, что большинство специалистов склоняется к ее признанию, говорят: “здесь что-то есть, надо это изучить и обсудить”. Когда новая идея завоевывает всеобщее признание, они говорят: “так об этом я писал еще 30 лет тому назад!”.

Что касалось новой, предлагавшейся нами, модели цены, то она базировалась на анализе реального воздействия цен на развитие советской экономики и привела нас к выводу о том, что существующая система цен по своей сути затратна, расточительна и потому не может действовать в экономике в пору ускорения научно-технического прогресса и интенсификации хозяйственной деятельности.

Действительно, построение всей многомиллионной по числу индивидуальных цен (12–17 млн) системы на затратном принципе противостояло главной задаче – снижению издержек и росту эффективности. Любая индивидуальная цена строилась как средняя по отрасли фактическая себестоимость данного вида продукции плюс нормативная (12–15%) прибыль. Значит, чем больше затраты, тем выше цена. В общем-то, стремление производителя и продавца к повышению цен – дело естественное. Но противоестественность и порочность тогдашней системы цен состояла в том, что противодействующее стремление – к снижению цен со стороны покупателя – никакого воздействия на складывающийся уровень цен не оказывало. Таким образом, реальные цены “благословляли” чуть ли не любые перерасходы материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Они, в отличие, скажем, от времен нэпа не направляли производителей на снижение себестоимости и

борьбу за покупателя. Наоборот, эта система вела к соревнованию покупателей у прилавка за право приобрести товар. Так о каком стимулировании НТП и интенсификации в этих условиях могла идти речь?

В ходе наших дискуссий на Межведомственном совете я всегда подчеркивал еще одну особенность цены – ее подвижность. Ведь спрос на те или иные виды продукции меняется непрерывно, меняются и объемы производства. Цена призвана постоянно балансировать эти две чаши весов экономики. Затратные же цены устанавливались в то время надолго, их пересмотр проводился лишь раз в 10–15 лет. Таким образом, о сколько-нибудь своевременном согласовании товарного предложения и платежеспособного спроса не могло быть и речи. Это вело к расбалансированности всего хозяйства, которая в конце концов и привела советскую экономику к кризису.

Следует признать, что, хотя все наши предложения по перестройке системы ценообразования уходили в песок, отношения с В. Глушковым не омрачались личной неприязнью. В отличие от некоторых других высоких чиновников, переносивших теоретические разногласия на личные отношения, никаких “оргвыводов” он не делал и попыток устроить нам головомойку не предпринимал. Думаю, внутренне он с нами был согласен, но ему “вязала руки” сама политическая система, которой были нужны и выгодны высокие и растущие цены.

## РЕАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Наверное, не нужно объяснять, что ЦЭМИ, с самого своего зарождения объединявший в своем составе и в своем окружении наиболее прогрессивно мыслящих экономистов своего времени, был и всегда оставался максимально прореформенной научной организацией. Поэтому немудрено, что он внес свою лепту в проведение экономической реформы 1965 г., которую у нас в стране называют “косыгинской”, а на Западе именуют “либерманизмом” (по имени харьковского профессора Е.Г. Либермана, первым опубликовавшего в “Правде” статью о необходимости экономических реформ). Но дело, в конце концов, не в названии. Формально все началось с решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС “Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства”, в подготовке которого ЦЭМИ также принимал участие.

Конечно, та реформа не была, да и в тех условиях не могла быть, радикальной. Но все же кое-какие, как сейчас говорят, “подвижки” были намечены. Были поставлены задачи усиления хозрасчета (насколько это было возможно при абсолютном господстве планового начала), сокращения числа директивных заданий, наделения предприятий некоторой самостоятельностью при принятии хозяйственных решений. Были реабилитированы показатели прибыли и рентабельности, до этого несшие на себе клеймо “буржуазности”.

Решения этого пленума были восприняты нами с энтузиазмом, и, естественно, в ЦЭМИ было организовано научное подразделение с ны-

не своеобразно звучащим названием – лаборатория хозрасчета в условиях оптимального планирования. С 1966 по 1970 г. ее возглавлял известный сторонник хозрасчета профессор П.Г. Бунич.

Основным направлением и содержанием работы этой лаборатории было участие в проведении так называемых *реальных экономических экспериментов*, в которых временами была занята значительная часть сотрудников ЦЭМИ.

Замечу, что эксперимент в нашей науке представляет собой активное вмешательство исследователя в ход экономического процесса, наблюдение за результатами, включая их измерение. В отличие от машинной имитации, где воздействие оказывается не на сам объект, а на его модель, а также от деловых игр (человеко-модельных экспериментов), реальный эксперимент проводится не в искусственной, а в естественной, хотя и контролируемой, хозяйственной обстановке. Поскольку в таких экспериментах участвовали вполне реальные хозяйственные организации, на которых работало множество (иногда многие тысячи) людей, а контроль над объектом эксперимента осуществлялся не только учеными, но и вполне конкретными хозяйственными и партийными органами (вот бы физикам и химикам разок попробовать такое!), то можете себе представить, каково приходилось нашим исследователям. Живая жизнь, которая, как известно, богаче и разнообразнее любых фантазий, “обеспечивала” влияние на исследуемые объекты и процессы такого множества факторов, что выбор из них наиболее существенных был непостоянной задачей.

Лаборатория сыграла свою роль в проведении уже упомянутого экономического эксперимента в Главмосавтотрансе, внесла большой вклад в работу по переводу на хозрасчет ряда машиностроительных министерств (приборостроения, химического машиностроения и др.). Всесоюзную известность приобрели работы ученых по переводу на самофинансирование Сумского машиностроительного объединения, развитию бригадного хозрасчета в строительстве. По итогам некоторых из этих экспериментов были присуждены государственные награды. Посеянное нашими учеными тогда в конце концов дало свои ростки, своим трудом они приближали истинную реформу.

П.Г. Бунич был утвержден председателем созданного тогда же в Академии наук Научного совета по хозрасчету и самофинансированию. Этот совет успешно провел целый ряд научных конференций по актуальнейшим и острейшим проблемам хозяйствования. Думается, острота дискуссий на этих научных форумах не устроила власти, и при очередной реорганизации именно этот совет был ликвидирован первым, когда волна косыгинской реформы стала откатываться назад.

По мере развития экспериментов и научных дискуссий руководство страны стало понимать, что из-под приоткрытой пробки может выскочить джинн, с которым потом будет весьма трудно справиться. Это, впрочем, было неизбежно и через какое-то время произошло. Но тогда было решено: “поигрались и хватит!” Руководство проведением реформы (соответственно, Межведомственную правительственную комиссию по этим вопросам) возглавил ее ярый (я бы сказал, биологический) противник зампред Госплана А.В. Бачурин, занявшийся ее посте-

пенным сворачиванием. При этом использовались разнообразные средства: забалтывание проблем, их “измельчение” либо простое голое отрицание. В связи с этим у меня однажды и с членами комиссии, и с самим Бачуриным произошел весьма острый конфликт.

Это случилось, когда мы с П.Г. Буничем представили в бачуринскую комиссию доклад о развитии хозрасчетных отношений на перспективу, содержащий ряд предложений, полностью реализованных впоследствии – в начальный период горбачевской перестройки. Но тогда они встретили такой яростный отпор, причем в такой грубой и безапелляционной форме, что я, срочно приехав на заседание по просьбе Павла Григорьевича и послушав наших оппонентов, даже поначалу слегка опешил. Но следом, наверное, выиграла моя казацкая кровь. Я поднялся на сцену, на которой восседал бачуринский ареопаг, встал перед ним лицом (и спиной к заполненному залу) и возмущенно воскликнул словами Чацкого: “А судьи кто?!”

За этой моей эскападой последовали жалобы А.Н. Косыгину на “оскорбление при исполнении”, которые, впрочем, Алексей Николаевич оставил без внимания. На другой день меня вызвал Бачурин, который, ни слова не говоря о наших предложениях по хозрасчету, грозился пожаловаться на меня Келдышу и более всего упирал на мой якобы неприличный внешний вид, поскольку я осмелился явиться к нему в новом пиджаке с необычной кожаной отделкой, купленном мною незадолго до этого в Париже.

Неприятностей для меня лично за всем этим не последовало, да и за что было меня судить? Усилия бачуринской комиссии по свертыванию реформы завершились блистательным успехом. Не знаю, наградили кого-нибудь за это или нет, но сам Бачурин получил-таки вскоре звание профессора, против чего я открыто протестовал на заседании пленума ВАКа.

## ЭКОНОМИКА – МУЗЫКА ЦИФР

Говоря о становлении ЦЭМИ, нельзя не рассказать о вкладе института в развитие *математического аппарата экономического анализа и моделирования*. Наличие в ЦЭМИ мощного (по научному потенциалу) ядра эффективно работающих прикладных математиков является главной отличительной чертой, выделяющих институт даже среди ведущих экономических научных центров России и мира. Поставив с самого начала формирование такого ядра задачей нашей с Ю.А. Олейником целенаправленной политики, мы в первые годы существования института привлекли в его штат группу перспективных математиков (в основном выпускников мехмата МГУ), среди которых были специалисты по функциональному анализу (Б.С. Митягин), дифференциальным уравнениям (Э.Б. Ершов), исследованию операций и математическому программированию (Е.Г. Гольштейн, А.А. Фридман), представители известной в мире вероятностно-статистической школы А.Н. Колмогорова (С.А. Айвазян, В.А. Волконский, Е.Б. Дынкин). В результате уже к концу 60-х годов институт вышел на передовые позиции по трем ос-



Группа ученых "Большого ЦЭМИ"

(слева направо: сидят – В.М. Полтерович, В.Ф. Пугачев, А.С. Некрасов, Ю.Н. Гаврилец;  
стоят – А.А. Фрицман, В.Л. Перламутров, Е.Ю. Фаерман, В.А. Волконский)

новным направлениям экономико-математических исследований: *математической экономике; прикладной статистике и эконометрике; исследованию операций и методам оптимизации в экономике.*

Основные достижения ЦЭМИ в области *математической экономики* относятся к развитию теории о магистрях и моделей фон Неймана-Гейла, к вероятностным моделям экономического роста и равновесия, а в последние годы – к анализу и моделированию неравновесной, а также “смешанной экономики”, предусматривающей возможность параллельного “сосуществования” различных форм собственности и различных способов управления экономическими процессами. В этой связи следует упомянуть, в первую очередь, получившие международное признание работы В.Л. Макарова, В.М. Полтеровича, В.А. Волконского, Е.Б. Дынкина, Б.С. Митягина, С.М. Мовшовича, Ф.Л. Зака.

В начале 1969 г. по моей инициативе в ЦЭМИ была создана лаборатория прикладных методов математической статистики и теории вероятностей. Тем самым в условиях, когда эконометрика, по существу, не была признана в СССР, не включалась в учебные планы подготовки специалистов экономического профиля, когда из основных трех составляющих эконометрики – теоретической, экономико-статистической (в смысле добротного информационного обеспечения прикладного экономического моделирования) и собственно математико-статистического инструментария – две первые были представлены в нашей стране явно неудовлетворительно, организационно оформилось и поддерживалось направление экономических исследований, связанное с разработкой и применением методов прикладной статистики и эконометрики. Усилия созданного (и существующего до настоящего времени) коллектива исследователей были сконцентрированы на решении проблем построения вероятностно-статистических моделей, по возможности адекватно описывающих функционирование реальных социально-экономических процессов и явлений, и на их использовании в задачах экономического анализа и прогноза.

Основные достижения этих ученых в разработке соответствующего математико-статистического инструментария относятся к построению и анализу нестандартных моделей регрессии, решению проблем *устойчивости* (по отношению к незначительным искажениям модельных допущений и исходных данных) статистических выводов, созданию новых эффективных методов типологизации и снижения размерности пространства анализируемых признаков. Разработанные методы и модели были использованы при моделировании распределительных отношений в обществе, решении проблемы типологии потребительского поведения семей, при решении задач международного проекта “PLAN/CONS”, посвященного макроэкономическому анализу структуры личного и общественного потребления. Результаты этого цикла исследований были доложены на международных конференциях по эконометрике (в 1975–1997 гг.), опубликованы в отечественной и зарубежной специальной литературе и получили высокую оценку. Данный цикл работ был удостоен премии Совета Министров СССР (1986 г.), премий и почетных медалей Французского национального статистического конгресса (1986 г.) и Европейского экономического конгресса

(1988 г.). Первые два отечественных учебника по эконометрике также были созданы сотрудниками ЦЭМИ<sup>6</sup>.

Проводящиеся в ЦЭМИ работы по *исследованию операций и методам оптимизации в экономике* имеют добротные исторические корни и прямое отношение к основным концептуальным установкам института, связанным с нацеленностью на создание системы оптимального функционирования экономики. Развитие теории, методологии и экономических приложений методов оптимизации в работах Е.Г. Гольштейна, А.С. Немировского, А.А. Фридмана и других ученых ЦЭМИ получило международное признание и способствовало успешному решению ряда важнейших народнохозяйственных задач на уровне отраслей и предприятий.

Рост масштабов теоретических и прикладных экономико-математических исследований потребовал создания в ЦЭМИ собственного *вычислительного центра*, начало формирования которого приходится на 1966 г. До этого времени сотрудники института производили отладку программ и расчеты по ним в ВЦ Академии наук, а также в других организациях, с которыми имелись договоры на выполнение научно-технических разработок. ВЦ ЦЭМИ формировался на базе отдела, возглавлявшегося профессором Е.И. Яковлевым. В этом же отделе под руководством К.С. Кузьмина проводились работы по созданию программного обеспечения для ЭВМ “Урал-16”. Весь процесс формирования ВЦ вел Ю.А. Олейник. Первым начальником ВЦ в 1967 г. стал М.Д. Ильменский, ныне заместитель директора ЦЭМИ.

Первыми, кто когда-то пришел на работу в ВЦ ЦЭМИ, были М.К. Исаева, М.Р. Левинсон, Л.А. Капранова, В.Э. Проколова, С.М. Юсин, А.В. Кузнецов и другие, многие из них трудятся в институте по сию пору. В рамках ВЦ функционировала лаборатория подготовки первичной информации, возглавлявшаяся М.Г. Раппопортом. В это же время в состав ВЦ входила лаборатория Ю.А. Олейника, проводившая работы по созданию АСУ на Автокомбинате № 1 Главмосавтотранса, имевшем собственную ЭВМ “Урал-14”. В группу, создававшую эту АСУ, входили К.В. Ким, С.А. Панов, М.Р. Когаловский, Э.Р. Совдагарова и др. Первые двое из них за ту работу, результаты которой до сих пор используются Автокомбинатом, получили премию Ленинского комсомола.

Первой ЭВМ, полученной институтом в 1967 г., была “Урал-14Б”, которую мы, за неимением собственного места для ВЦ, установили в арендованном помещении московской средней школы № 115. Наш “первенец”, хотя был медлителен и не очень надежен, не пригоден к созданию больших информационных систем и к работе в диалоговом режиме, все же помог нам провести ряд серьезных работ и на то время полностью себя окупил. На этой ЭВМ был создан комплекс передачи-приема информации на большие расстояния. На базе оборудования “Аккорд 1200ПП” была, как я уже говорил, осуществлена связь наше-

---

<sup>6</sup> Айвазян С.А. Прикладная статистика и основы эконометрики. М., 1997; Магнус Я., Катышев П., Персецкий А. Эконометрика (начальный курс). М., 1997.

го “Урала” с БЭСМ-6, расположенной в Ленинградском филиале ЦЭМИ. Это была пионерная работа: задачи считались в Ленинграде, так как “Уралу” не хватало быстродействия, а результаты передавались в Москву.

К началу 80-х годов по всем своим параметрам “Урал” перестал нас устраивать, была нужна новая техника. Поэтому сначала была приобретена ЭВМ ЕС-1022, затем ЕС-1060 и чуть позже ЕС-1055М и СМ ЭВМ. ЕС-1022 поначалу тоже “гостила” на Автокомбинате, а затем была переведена в вновь выстроенное здание ЦЭМИ. На базе ЕС-1055М в 1992 г. в институте был создан узел международной компьютерной сети Bitnet, что позволило организовать доступ ученым к зарубежной научной информации. В 90-х годах в институте появились первые персональные компьютеры, сегодня их уже около двухсот. Более сотни из них объединены локальной сетью, имеющей выход в глобальную международную сеть Internet, в рамках которой институт может работать с электронной почтой, имеет доступ к телеконференциям и базам данных, интерактивный доступ. Работы по созданию узла Internet на базе ЦЭМИ велись сотрудниками института при финансовой поддержке Международного научного фонда.

Можно сказать, что ЦЭМИ был и остается лидером среди институтов Отделения экономики по информационным компьютерным технологиям, выполняя в Отделении роль головного института по указанным темам.

Все работы, о которых я рассказал, велись в ЦЭМИ под руководством моих заместителей: сначала Э.Б. Ершова, а затем, после его ухода, С.А. Айвазяна. Эмиль Борисович, начавший работу в ЦЭМИ в 1972 г. в должности заведующего лабораторией в отделе А.И. Анчишкина, много сделал для освоения экономистами, специализировавшимися на проблемах народнохозяйственного прогнозирования, новых для них методов и моделей математического моделирования, для обеспечения этих ученых возможностью повседневного использования современных по тем временам средств вычислительной техники.

В 1976 г. я назначил Э.Б. Ершова своим заместителем, поручив ему руководство работами по получению и освоению средств вычислительной техники. Учитывая условия того времени, ему было нелегко, но со своими задачами он справлялся успешно. Через десять лет, после разделения ЦЭМИ, ведомый отношениями дружбы и многолетнего сотрудничества с А.И. Анчишкиным и Ю.В. Яременко, он перешел на работу в Институт экономики и прогнозирования НТП, где до середины 90-х годов продолжал исследования в области краткосрочного анализа, моделирования и прогнозирования экономических процессов.

С.А. Айвазяна я впервые попытался переманить из элитной “Стекловки” (Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР), где он работал под руководством “первого номера” мировой вероятностно-статистической науки академика А.Н. Колмогорова, еще в 1967 г. Я знал о его склонности к практическим приложениям математической статистики и некоторых его наработках в этой области. “Под Айвазяна” я планировал создать в ЦЭМИ лабораторию прикладных методов в теории вероятностей и математической статистики. О работе этой лабора-

тории, развернувшейся в феврале 1969 г., когда заполучить С.А. Айвазяна мне все же удалось, я уже рассказал, а сейчас хочу отметить, что вот уже скоро 30 лет, как ни у него, по его словам, ни у меня не было и мгновения сомнений в правильности нашего взаимного выбора.

С.А. Айвазян, как мне кажется, очень быстро вписался в наш научный коллектив, без труда установил творческие контакты и быстро стал своим среди профессионалов ЦЭМИ, поскольку обладал общими с ними качествами: свежим, нестандартным взглядом на изучаемые проблемы, способностью эффективно участвовать в “мозговых атаках”, отсутствием робости в отходе от принятых установок и концепций.

В связи с этим хочу вспомнить об одном эпизоде словами самого С.А. Айвазяна. Вот как он рассказывает об этом случае: “В 1970 г. я готовился к первому (программному) выступлению на заседании Ученого совета ЦЭМИ. На научном знамени ЦЭМИ в то время (да отчасти и до сих пор) были выведены слова “оптимальный” и “оптимизация”, отвечающие устремленности институтских разработок к построению концепции системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Поэтому подавляющее число лабораторий института не обходилось в названии без слова “оптимальный”, а уж в планах работ присутствие этого прилагательного выглядело практически обязательным. У нас же в лаборатории ни в названиях, ни в планах эти слова не звучали. Некоторые мои коллеги предостерегали меня, предполагая негативную реакцию на это Николая Прокофьевича, и советовали хотя бы формально включить эту терминологию в доклад и названия научных тем лаборатории. Я не послушал их советов, а на Ученом совете попытался объяснить, что *прежде чем оптимизировать что-то, следует разобратсья в механизме функционирования этого “чего-то”, т.е. построить реалистичную вероятностно-экономическую модель исследуемого социально-экономического явления или процесса*. Н.П. Федоренко прекрасно понял и поддержал меня: лаборатория существует до сих пор и занимается экономическим моделированием социально-экономических процессов”. Ну что же, подтверждаю: все так и было, как рассказывает Сергей Артемьевич.

## КОРАБЛЬ ЦЭМИ ИСПЫТЫВАЮТ НА ПЛАВУЧЕСТЬ

Во многом благодаря достижениям математиков ЦЭМИ наша критика существовавшего хозяйственного механизма и предложения по его совершенствованию и оптимизации были хорошо обоснованы и аргументированы. Необходимость перестройки системы планирования и управления народным хозяйством мы демонстрировали, как говорится, с цифрами и фактами в руках. Думаю, что именно это и вызывало раздражение у научных оппонентов и руководства.

Некоторые наши критики ограничивались мелкими уколами, некоторые обвиняли в “подрыве основ”. Но корабль ЦЭМИ получал и прямые попадания из пушек, мощнее которых тогда и придумать было нельзя. Так, в июне 1983 г. в докладе на пленуме ЦК КПСС “Актуаль-

ные вопросы идеологической, массово-политической работы партии” К.У. Черненко буквально прошел нашу ватерлинию (заодно с Институтом социологических исследований), упрекнув во всех возможных грехах: “Многого мы ожидали от... Центрального экономико-математического института Академии наук СССР. Но до сих пор так и не дождались обстоятельных конкретных исследований социальных явлений и актуальных экономических проблем. В деятельности этих институтов наглядно проявились недостатки, в той или иной степени свойственные и некоторым другим научным учреждениям: замыкание в собственных “диссертационных” и групповых интересах, мелкотемье, слабость в них партийного влияния”, а также строго указав, что «... есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно. Нельзя, оставаясь на почве науки (?! – Н.Ф.), “забывать” об основополагающих принципах...»<sup>7</sup>. Цусимы, правда, не получилось, но понервничать пришлось.

В развитие критики Черненко было издано постановление президиума АН СССР от 15 декабря 1983 г. В результате институт подвергся реорганизации, был разделен сначала надвое, потом раздроблен еще и еще, из него ушли многие крупные ученые. Все это было для нас как гром среди ясного неба. Ведь за несколько дней до выступления Черненко институт торжественно отметил свое 20-летие, получил приветствия, в том числе от президиума АН СССР, ГКНТ, от коллег со всей страны и из-за рубежа, в которых была дана высокая оценка теоретическим и практическим достижениям коллектива. Ни одна комиссия, которая бы проверяла работу института, накануне пленума ЦК в ЦЭМИ не работала и не могла, следовательно, представить материал для критических утверждений генерального секретаря. Комиссии пришли после. Парадокс: сначала произносится приговор, а потом начинается следствие.

Но корабль наш не потонул, по-видимому, из-за того, что имел большой запас плавучести и был закален в постоянных боях. Начиная с первого “похода” с планово-прогнозными разработками, и позже, когда институт серьезно занялся разработкой системы оптимального функционирования экономики (моя книга с аналогичным названием вышла в свет в 1968 г.), мы постоянно находились под огнем “береговых батарей”, которыми командовал весьма умный человек, а значит, и достойный противник – заместитель председателя и начальник сводного отдела Госплана СССР Н.П. Лебединский, использовавший любой случай и любую трибуну (будь то страницы журнала “Плановое хозяйство” или зал президиума АН СССР, или другие собрания) для критики ЦЭМИ.

“Запас плавучести” обеспечивался в ЦЭМИ во многом и тем, что в институте сложился дружный, работоспособный и благополучный коллектив. Думаю, что я и все мы можем гордиться тем, что за 22 года моего директорства у нас не было серьезных конфликтов в коллективе, нам удалось избежать склок, жалоб и разборок в вышестоящих инстанциях, хотя научные, творческие споры и дискуссии бывали весьма го-

<sup>7</sup> Черненко К.У. Народ и партия едины. Избр. речи и статьи. М., 1984. С. 348–350.

рячими и нелицеприятными. Иногда приходилось сдерживать спорщиков словами: “Истина рождается не в споре, а в работе!”. Как рассказывал мне Л.И. Абалкин, когда он услышал эту формулу, она ему очень понравилась, и он тоже стал ее использовать у себя в Институте экономики.

Вспомнив о Н.П. Лебединском, по-видимому, здесь будет уместно заметить, что он кроме всего был еще и начальником Главного Вычислительного Центра (ГВЦ) Госплана, сменив на этом посту Н.И. Ковалева, и сказать несколько слов о ГВЦ, да и вообще о том, как экономико-математические методы использовались в практике главного экономического ведомства страны.

Не знаю как сейчас, но пару десятков лет назад это была весьма солидная и серьезная организация с числом сотрудников около тысячи человек, снабжавшаяся самой современной отечественной и зарубежной вычислительной техникой без каких-либо ограничений. В ГВЦ стекались и обрабатывались потоки экономической информации из всех министерств и ведомств страны, из вычислительных центров госпланов союзных республик. В сведенном и обработанном виде эта информация представляла большую ценность, причем не только для управления и науки, но и для зарубежных разведок.

Еще до создания ГВЦ в Госплане существовал отдел по внедрению вычислительной техники в планирование народного хозяйства, возглавлявшийся Я.А. Обломским. На работу в этот отдел были приглашены и некоторые весьма способные и талантливые сотрудники ЦЭМИ, в том числе В.В. Коссов, Ю.Р. Лейбкинд и В.Ф. Пугачев. Большинство из них со временем вернулись обратно, посчитав, что даже высокая зарплата и другие бытовые преимущества, предоставлявшиеся Госпланом своим сотрудникам, не перевешивают ощущения бесполезности деятельности. Как они потом рассказывали, на это их решение повлияла в основном общая унылая и безрадостная для творческих людей госплановская атмосфера, за стерильностью которой, подобно бдительному Аргусу, неусыпно следил местный партком.

Надо сказать, что сильных экономистов в ГВЦ не было. Но, безусловно, надо отдать должное ГВЦ в том, что он располагал отборными мастерами в области разработки матобеспечения, в том числе отличными программистами-системщиками. Это мы ощутили при проведении совместных работ, которые ЦЭМИ вел с участием ГВЦ в рамках заключенного договора о сотрудничестве.

В заключение этой темы расскажу об одном забавном (а, может быть, и не очень) эпизоде, характеризующем и нашу плановую систему тех лет, и некоторые аспекты “внедрения” ЭВМ и матметодов в практику планирования. Как мне рассказывал один из участников описываемого события, однажды в ГВЦ раздался телефонный звонок “с самого верха” с вопросом о том, готова ли программа для расчета одной из задач. Пока телефонная трубка лежала на столе, выяснилось, что по срокам программа должна была быть готова, но на самом деле ее еще не сделали. Признаться в этом перед высоким начальством духу не хватило, и ему ответили, что программа отлажена. Но как же быть, когда исходные данные для расчета “сверху” тут же прислали, а

программа не готова? Воистину, голь на выдумки хитра! Выход был найден такой: половину ГВЦ посадили за калькуляторы и просчитали данные вручную; итоги расчета запустили в ЭВМ и нажали кнопку “печатать”. В результате плоды ручного труда получили вид машинной распечатки, которую и передали так ничего и не узнавшему начальству. Этот пример я привел вовсе не в укор изобретательным хлопцам из ГВЦ Госплана. Подобные вещи творились и в других сферах, и по всей стране. Существовавшая тогда планово-отчетная система просто-таки провоцировала подобные ситуации...

Хочу сказать еще и о том, что когда ЦЭМИ был расщеплен на несколько научных организаций, все они, став самостоятельными, действовали и действуют эффективно. Значит, у их родителя – ЦЭМИ – был действительно создан такой большой интеллектуальный запас, что его хватило на несколько институтов. Причем ощущение единства – не территориального, а идейного и, я бы сказал, духовного – сохраняется в этом научном конгломерате, который имеет неофициальное название “Большой ЦЭМИ”, до сих пор. Не скрою, когда на заседании Ученого совета института, посвященном моему 80-летию, собрался этот “Большой ЦЭМИ” и провозгласил меня почетным директором ЦЭМИ, мое сердце очень приятно защемило. В тот же вечер на юбилейном ужине “ребята” упражнялись в шутках в мой адрес, называя меня либо Николаем-“цэмитворцем”, либо атаманом эконометрического казачества, либо еще как-то. Бог с ними, добрая шутка никому, кроме дураков, не вредила. А им спасибо, что не забывают. Но вернусь к нашим “оппонентам”.

Ежегодно мы были вынуждены отчитываться перед районным комитетом КПСС, раз в два года работа ЦЭМИ обсуждалась в горкоме партии. Накануне каждого такого отчета в ЦЭМИ направлялась большая комиссия, перед которой ставилась задача поиска признаков аполитичности, антимарксизма в наших работах. Помощи от таких комиссий не было никакой. В самом марксизме члены этих комиссий разбирались мало, не говоря уже об их невежестве в области экономической науки вообще и экономико-математических методов в частности. Поэтому упреки чаще всего относились к сфере, в которой они были наиболее “сильны”, т.е. к кадровой политике.

В частности, на одном из отчетов в МГК КПСС заведующая отделом науки, ставшая через три дня после этого замминистра высшего образования по кадрам, уличила нас в ужасном грехе, заключавшемся в том, что мы, мол, выбираем в члены-корреспонденты и академики тех, кто нам самим нравится, а не тех, кого рекомендуют нам партийные органы. Должен сказать, что мне-то было ясно, кого конкретно она имеет в виду. Подразумевалась ее подруга, в прошлом секретарь одного из московских райкомов партии, считавшая сама себя крупным теоретиком в одной из областей экономической науки и девять (!) раз безуспешно подававшая документы на избрание в члены-корреспонденты, организовывавшая в связи с этим бешеное давление на Академию наук и даже один раз предложившая мне в подарок золотые часы с гравировкой “Делегату (сейчас уже не помню какого) съезда КПСС”. При своих первых “заходах” эта кандидатка в члены-корреспонденты

получала отказы по вполне объективным причинам, потом ее настойчивость стала вызывать раздражение.

Возвращаясь к отчету в МГК партии, скажу, что, к чести секретаря МГК В.В. Гришина, ему хватило разума и такта объяснить, что ученым все-таки самим лучше видно, кого выбирать.

Приходилось отчитываться и на самом высоком уровне, каким считался тогда Отдел науки ЦК КПСС. После одного из таких обсуждений, на котором присутствовали руководители Отдела С.П. Трапезников и М.И. Волков (который, как потом выяснилось, и “вклеил” те сакраментальные строчки в доклад К.У. Черненко), а также вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев, мне было сделано замечание, что, мол, в отчете ЦЭМИ много самовосхваления, что этому новому институту следует многому еще поучиться у других “более старых” академических институтов, в том числе и скромности. Когда я попросил сделать более конкретные замечания и рекомендации, я их, естественно, не услышал. В одном месте по ходу моего отчета произошла небольшая заминка. Когда я перешел к характеристике национального состава коллектива ЦЭМИ, на меня замахали руками и сказали: “Не надо, не стоит!” Думаю, этот момент следует объяснить подробнее.

Дело в том, что, как я уже сказал ранее, моя кадровая политика строилась на двух китах: деловые, творческие качества людей и их личная порядочность. Возможность и право сделать вывод о том, почему в результате такой политики среди работников ЦЭМИ оказалось много, как сейчас говорят, “лиц еврейской национальности”, я предоставляю читателям. Из-за этого среди определенной категории людей, которых, к сожалению, и сейчас не мало среди руководства, я приобрел репутацию юдофила, и упреки в этом мне довольно часто приходилось слышать из-за спины.

Все же “еврейский вопрос” с повестки дня полностью снять не удалось. В середине 70-х годов, когда ограничения на эмиграцию евреев были правительством ослаблены, несколько человек из ЦЭМИ отправились якобы на “родину предков” (а на самом деле в США). Какой же шум поднялся из-за этого! Создалось впечатление, что все контролировавшие нас партийные органы будто бы бросили свою основную работу и, оставив в стороне проблемы экономической науки, занялись учетом сотрудников ЦЭМИ, выезжающих в Израиль. Такого бешеного напора ни ЦЭМИ, ни я не испытывали никогда. Я старался держаться стойко, однако, когда почувствовал, что возникает угроза самому существованию института, был вынужден, сделав вид, что сдался, провести в 1976 г. некоторые декоративные кадровые перестановки. После пары произведенных мною “рокировок” от нас с этим вопросом отстали.

Партийный контроль за деятельностью Отделения экономики АН СССР осуществлялся несколько иначе. Просто на каждом из заседаний бюро Отделения присутствовал инструктор Отдела науки ЦК С.З. Толпекин. Надо сказать, что заседания бюро всегда начинались в три часа дня. Толпекин приезжал на них, плотно перед этим пообедав, и через пятнадцать-двадцать минут после начала сладко засыпал. Талант этого человека заключался в том, что он просыпался, как прави-

ло, в нужный для него и неподходящий для нас момент. Так, например, завершая обсуждение предложения украинских коллег провести следующее заседание в Киеве с участием ведущих экономистов Украины, Молдавии, Белоруссии и других республик, я сказал, что в мае в Киеве хорошая погода, там цветут каштаны и это очень красиво. Толпекин проснулся именно на этих последних словах, а на другой день мне позвонил завсектором Отдела науки ЦК М.И. Волков с упреком: “Что же это Вы, Николай Прокофьевич, вместо работы устраиваете за государственный счет прогулки по весеннему Киеву? Цветущие каштаны манят?”. Кстати сказать, то киевское совещание прошло с успехом и принесло немалую пользу для развития отечественной экономической науки.

Отдельным объектом критики стало еще одно мое любимое детище, создание которого потребовало немало труда и нервов. Много усилий пришлось потратить, чтобы получить разрешение на издание журнала “Экономика и математические методы”. Для этого пришлось заручиться поддержкой М.В. Келдыша, обивать пороги в Отделе науки и идеологическом отделе ЦК КПСС, Комитете по печати и еще Бог знает где. Все же институт получил собственную печатную трибуну, которая дала возможность без помех отстаивать свои научные позиции. Наш журнал стал быстро популярен не только в СССР, но и за рубежом. Он служил своеобразным учебным пособием для молодежи, поскольку учебников по эконометрике тогда не было. И, конечно, он стал мишенью для обстрела артиллерией идейных противников, причем обстрел велся в основном с редутов журнала “Плановое хозяйство”. Более подробно о нашем журнале я расскажу отдельно.

Изредка, но даже в те времена приходилось получать и положительные оценки, об одной из которых я вспоминаю до сих пор. 28 апреля 1977 г. (дату помню хорошо, потому что это один из множества моих дней рождения) я выступал с докладом на заседании президиума АН СССР. Перед началом заседания М.В. Келдыш поздравил меня с 60-летием, вручил грамоту от Академии и объявил, что решением правительства я награжден орденом Ленина. Говоря в своем докладе об экономических проблемах научно-технического прогресса, я весьма резко и недвусмысленно связал судьбы отечественной науки и техники с недостатками нашей системы хозяйствования и управления, изложил свои “крамольные” мысли о неотложной необходимости ее серьезной перестройки. Когда я закончил свой доклад и сел рядом с академиком П.Л. Капицей, которому особенно понравился высказанный мной тезис о том, что НТП является производной от системы управления, тот похлопал меня по плечу и сказал: “Молодец!”. Видевший и слышавший это академик Н.Н. Иноземцев (он сидел напротив нас), улыбнувшись, заметил: “Николай, имей в виду, эта оценка твоего соседа стоит большего, чем та, о которой объявил сегодня Келдыш”. Думаю, Николай Николаевич был прав. Кстати, как тогда было заведено, мой доклад был оформлен в виде записки и направлен в ЦК КПСС, где, мягко сказать, одобрения не получил.

Наверное, кстати здесь будет рассказать байку, поведенную мне когда-то М.В. Келдышем и пересказанную мною в тот день Н.Н. Ино-

земцеву об оценке теоретических способностей тогдашнего президента АН СССР, сделанную представителем одного из государственных органов. Но перед этим не могу не сказать, что мои любовь и уважение к М.В. Келдышу были беспредельны. Он был моим мудрым и терпеливым учителем и наставником, много помогал мне, особенно в период создания ЦЭМИ, а иногда и просто выручал в трудную минуту. Это был выдающийся теоретик, признанный в этом качестве мировой научной общественностью. Во время развертывания советской космической программы С.П. Королев был официально назначен ее главным конструктором, а М.В. Келдыш главным теоретиком. Но нацелся один человек, имевший на этот счет собственное мнение.

Как-то, купив себе “Москвич”, Мстислав Всеволодович был вынужден сдавать экзамены для получения водительских прав. Эти экзамены состояли из трех частей: теоретической, материальной и вождения. Принимая экзамен, капитан ГАИ сказал Келдышу: “Матчасть хорошо знаете, водить можете, а вот в области теории вы ни черта не понимаете!” Когда Мстислав Всеволодович рассказывал нам эту историю, мы дружно хохотали, и он вместе с нами.

## ЭКОНОМЕТРИКА ЗА МОРЯМИ И ГОРАМИ

В заключение рассказа о становлении ЦЭМИ хочу заметить, что, как это ни трудно было в 60-е годы, мы старались внимательно изучать *зарубежный опыт* развития экономико-математических исследований и применения современной вычислительной техники в научных разработках, в планировании, прогнозировании, АСУ и информатике. Но если в чем-то можно было обойтись изучением зарубежной литературы, которая тогда уже стала появляться в СССР, то многое требовало ознакомления, как говорится, “на месте”, особенно, если это касалось организации деятельности вычислительных, исследовательских и информационных центров. При непосредственном ознакомлении с ними можно было “подсмотреть” то, что ни из какой литературы не выудишь. О некоторых поездках, которые оказались очень полезными, я расскажу.

### В ЯПОНИИ

В 60-е годы наиболее высокие темпы развития компьютеризации, а также промышленной и бытовой электроники были у Японии, бросившей вдогонку за бесспорным лидером тех лет – США. Немудрено, что первая поездка делегации ЦЭМИ, состоявшаяся в 1965 г., была в страну восходящего солнца. В основном она имела ознакомительный характер. Мы хотели получить общее представление об уровне производства вычислительной техники и ее использования в экономике. Кроме того, предполагалось, что я, Ю.А. Олейник и Ю.И. Черняк несколько раз выступим с небольшими докладами. Правда, Ю.И. Черняку этого сделать не пришлось, так как в Японию он тогда не поехал, поскольку его фамилию при утверждении списка делегации в “верхах” вычеркнули (безо всяких объяснений) и вместо него вписали у же



В Японии

известного читателю сотрудника Отдела науки ЦК КПСС С.З. Толпекина.

В то время не было прямого авиационного сообщения между Москвой и Токио, и нашей делегации пришлось добираться кружным путем с пересадками в Индии, Бирме, Тайланде и Гонконге. Дорога была утомительной, но интересной, поскольку у нас были время и возможность осматривать города, в которых мы останавливались.

В Токио нас встретили любезно и радушно, разместили в двух номерах очень хорошей гостиницы: меня в одноместном, а моих спутников в двухместном. Впрочем, мы почти сразу же поменялись местами. С.З. Толпекин переехал в мой номер, а мы с Юрием Александровичем жили в двухместном. Так мы убили двух зайцев: “старший по рангу” устроился более комфортабельно, а мы с коллегой могли спокойно обсуждать текущие дела.

Особо запомнился мне вычислительный центр Министерства промышленности и внешней торговли Японии, причем не по каким-то своими выдающимся техническим или архитектурными качествам, а из-за поразивших меня особенностей отношения японцев к своему труду и должностным обязанностям, которые я впервые там встретил. На этом ВЦ мы пробыли шесть часов. Все это время с нами был директор центра, познакомивший нас с вычислительными машинами, математическим обеспечением, организацией работы и т.п. Уходя, мы предложили подвезти его до дома на нашей машине, зная, что у него нет автомобиля. Однако он отказался, объяснив, что должен еще остаться пора-

ботать до 24-х часов. По его словам, поскольку он провел с нами шесть часов, т.е. как бы “прогулял” это время, то теперь обязан его фирме вернуть. Поэтому сегодня он отработает дополнительно два часа, а завтра еще четыре – с шести до десяти вечера – и таким образом “рассчитается”. Вот, подумал я, и объяснение японскому чуду. Никакого чуда-то и нет. Хочешь быть богатым, работай. Очень просто.

Конечно, это не было главным, что нас там заинтересовало. Для нас были в новинку прогнозы, которые там разрабатывались, в том числе прогнозы-рекомендации по наиболее выгодным направлениям и отраслям возможных инвестиций. Эти документы содержали анализ по разным странам того, что сегодня называют “инвестиционным климатом”. Этот анализ охватывал не только чисто экономические факторы, но и политическую ситуацию в самой стране – предполагаемом инвестиционном реципиенте и вокруг нее. Такого рода рекомендации этот ВЦ направлял правительству и бизнесменам. Нам показали разрабатывавшиеся там программы, ознакомили с японской вычислительной техникой и планами развития ее на будущие годы. Рассказали, что на базе их рекомендаций разработан проект пятилетнего плана развития японской экономики и завтра он будет обсуждаться в сенате (который в Японии имеет название “Палата Советников”).

По нашей просьбе на следующий день нам оформили пропуски в ложу прессы сената, и мы стали свидетелями того, как там обсуждался вопрос о том, как и когда Япония сможет выйти на первое место в мире по показателям уровня жизни. Это было очень интересно. Жаль, здесь нет места, чтобы рассказать об этом поподробнее.

Как и везде в подобного рода поездках, у нас были встречи с учеными и бизнесменами, где мы выступали с докладами, а также посещения музеев. Большое впечатление произвел на меня Киото – столица Японии в средневековую эпоху, который можно смело назвать городом-музеем. Большую помощь в те дни оказал нам советник по науке советского посольства в Японии А.А. Прохожев, связь с которым протянулась на годы: впоследствии он защитил в ЦЭМИ кандидатскую и докторскую диссертации, а сейчас заведует кафедрой в одном из московских вузов.

Важным для нас событием было выступление на заседании Японского эконометрического общества. Дело в том, что японцы традиционно настороженно относятся к иностранцам до тех пор, пока не убедятся в их профессионализме. Мы сделали четырехчасовой доклад о работах ЦЭМИ и шесть часов отвечали на вопросы. В результате с японскими коллегами был найден полный научный контакт и установлена атмосфера доброжелательства и сотрудничества, которая сохраняется и до сих пор.

Таким образом, поездка в Японию оказалась весьма полезной и плодотворной, но, думаю, следует рассказать об одной неприятности, которая ожидала меня после возвращения. Дело в том, что вместе с моими коллегами Ю.А. Олейником и Ю.И. Черняком мы написали статью под названием “Советская конструктивная политическая экономия”, которая была опубликована в японском эконометрическом журнале накануне нашего приезда. Почти прямо из аэропорта мне при-

шлось поехать в ЦК КПСС, чтобы ответить на следующий вопрос: «Что это за “конструктивная” политэкономия? Вы что считаете, что у нас есть и “неконструктивная?”» Пришлось “отдуться”...

На обратном пути из Японии, который мы начали в самолете “Люфтганзы”, было несколько запомнившихся забавных эпизодов.

Сначала я сидел в салоне первого класса и “пировал” в одиночку (а надо иметь в виду, что угощение в салонах первого класса на западных авиалиниях было первоклассным), но вот в Гонконге ко мне буквально внесли соседку. Это была какая-то тайландская, а может быть бирманская, в общем юго-восточно-азиатская то ли принцесса, то ли царевна. Ее поднесли к самолету на раззолоченных носилках, а потом внесли в салон. Наблюдать за этим было очень любопытно. Но с нею рядом я уже не чувствовал себя достаточно свободно.

Еще эпизод: по пути, по просьбе стюарда, я оказал любезность командиру корабля, совершив что-то вроде контрабандной операции. Дело в том, что в аэропортах промежуточных посадок беспощадно продавались сувениры и спиртные напитки, скидки были очень большими, однако при покупке делалась отметка в паспорте, по-видимому, для таможенников. Как я понял, у нашего экипажа паспорта уже были испещрены такого рода отметками, и меня попросили купить командиру за его деньги пару бутылок русской водки. Мне это ничего не стоило, а командир был очень доволен и, выйдя из кабины, горячо меня поблагодарил. Надеюсь, что у себя во Франкфурте он поминал меня добрым словом.

В первые же минуты после прибытия в столицу Бирмы Рангун мое внимание привлекла... живопись. Дело в том, что стены местного аэровокзала Мингаладон расписаны фресками известного в Азии художника У Ба Джи. Роспись эта представляет собой пейзажи и жанровые сцены из жизни бирманцев, которые я, к сожалению, не мог долго разглядывать, поскольку нам нужно было торопиться, чтобы успеть осмотреть достопримечательности Рангуна, в том числе храмовый комплекс Шуэдагоун. Интересно, что бирманские храмы мы осматривали не вместе, а по очереди. Дело в том, что входить в них можно только разувшись, при входе охранять нашу обувь было некому, поэтому мы, опасаясь остаться босыми, по очереди оставляли кого-нибудь на страже своих ботинок.

Через пять лет я снова побывал в Японии. Вторая моя поездка в Страну восходящего солнца была более приятной по ряду причин. Впервые, поездка была по приглашению японцев, а значит, за их счет, во-вторых, она совпала по времени с проведением в Японии всемирной выставки, которая произвела на меня неизгладимое впечатление, в-третьих, тогда уже действовал прямой авиационный маршрут Москва–Токио, а в-четвертых (и это главное), японцы к тому времени признали, что ЦЭМИ – это один из ведущих центров современной экономической науки.

Главным в этой поездке для меня было выступление на Международной конференции с участием специалистов из ведущих стран мира – США, Великобритании, Франции, Германии и других, организованной Японской ассоциацией по управлению.

Доклад мой прошел успешно, но после него у меня, в отличие от других выступавших, получавших свой гонорар в конверте с вложенной в них тысячей долларов, вдруг оказалась в руках целая коробка. Открываю коробку, смотрю, фотоаппарат. Японцы тут же объяснили мне, что, зная наши порядки, в соответствии с которыми я должен был бы сдать полученную инвалюту в наше посольство, они решили расплатиться со мной именно таким образом, чтобы заработанное осталось у меня. Спасибо им, аппарат действительно был великолепный. Кстати, оказалось, что его реальная стоимость была не меньше, если не больше тысячи долларов.

После выступления на семинаре и посещения всемирной выставки у меня еще оставался один свободный день, и японцы попросили меня выступить с лекцией в Токийском университете. Я согласился, лекция прошла успешно, и ректор пригласил меня к себе домой на ужин. За мной в гостиницу заехал один из профессоров университета, владевший русским языком, который он выучил, будучи у нас в плену во время Второй мировой войны. Кстати, из этого плена он вывез хорошие воспоминания о России и русских людях, что свойственно для многих, прошедших такой путь.

После этого ужина я возвращался в отель на такси без переводчика. Эта поездка запомнилась мне тем, что она еще раз продемонстрировала некоторые национальные особенности японцев. Не зная японского, я, естественно, не мог разговаривать с водителем, но в кармане у меня были фирменные гостиничные спички, и мы быстро нашли дорогу. Когда мы подъехали к отелю, на счетчике было 998 иен. Я даю водителю тысячеиеновую бумажку и собираюсь выйти из машины, но он возбужденно начинает говорить мне что-то по-японски. Я не могу понять, а он продолжает по-своему. Вдруг он выбегает из машины, бежит в гостиницу к портю и, возвратившись, вручает мне две иены. Оказывается, у него была проблема со сдачей, а я не понял. Скажу, что на две иены вряд ли можно было купить тогда и полкоробка спичек. Продержал же он меня за эти деньги минут пятнадцать.

На обратном пути в салоне первого класса я снова летел только с одним соседом. Правда, на этот раз это была не принцесса, а начальник ГУВД города Москвы, беседа с которым была очень интересной и скрасила долгие часы полета.

С тех пор у нашего института установились тесные связи с японскими коллегами. Они часто бывают у нас и приглашают сотрудников ЦЭМИ на свои научные собрания, печатают у себя наших авторов. В частности, мне известно, что там с большим успехом разошлась книга Н. Петракова, написанная по их заказу и рассказывающая об опыте его участия в горбачевской перестройке. Последний раз я был в Японии в 1977 г., когда возглавлял советскую делегацию на V Всемирном конгрессе Международной экономической ассоциации.

## В США

Изучая современный опыт компьютеризации экономики, конечно, нельзя было не посмотреть, как это делается в Новом свете. Сначала наша делегация побывала в США.

В первый раз я поехал туда по заданию Совета министров и Комитета по науке с поручением изучить возможности приобретения современных ЭВМ для Академии наук, в том числе для ЦЭМИ, а также для четвертого главка Минздрава, о чем специально просил меня Е.И. Чазов. Кроме этого, программой поездки были предусмотрены встречи в университетских аудиториях США.

В память запало первое знакомство с Нью-Йорком, который мы осмотрели с высоты птичьего полета. Пилотом вертолета, на котором мы облетели крупнейший город мира, оказался поляк, говоривший по-русски. Он был очень любезен, и экскурсия была весьма интересной. Наш пилот получил в награду традиционный русский сувенир “в стеклянной упаковке”, и мы расстались весьма довольные друг другом.

До встречи в университете оставалось три с половиной часа и я, как это делал всегда и везде за границей, будучи тогда и оставаясь сегодня страстным любителем живописи, попросил отвезти меня в художественный музей. Признаюсь, в тот день мне крупно повезло. Кроме основной экспозиции Метрополитен-музея, которая и так представляет собой громадную ценность, мне посчастливилось застать там выездную выставку лучших картин Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес или попросту Гойи, доставленную из мадридского музея Прадо. Именно тогда я ощутил мистическую притягательность его картин, о которой до этого приходилось только читать. Из двух с лишним часов, проведенных в Метрополитен-музее, один час я просидел, как замороженный, перед картинами Гойи и понял людей, которые рассказывали, как они содрогались при виде жесткой бесчеловечности лиц, изображенных на картине “Семья короля Карла четвертого”, или ощущали таинственную притягательность женщины, глядя на “Маху одетую” и “Маху обнаженную”.

На этой выставке меня поразила еще одна удивительная вещь. За все время, что я просидел в зале Гойи, мимо меня прошел только один человек, да и тот был полисменом. Представляю, что творилось бы в Москве, если бы туда “приехал” Гойя. Это были бы толпы, ночные очереди за билетами и т.п. В Нью-Йорке же американцы как-будто бы и не заметили такого события. Добавлю, вход был бесплатный. Ну, да Бог с ними, с американцами... А я, проходя по залам Метрополитен-музея, еще не раз вздрагивал, поскольку встретил еще несколько картин Гойи, принадлежавших самому музею, в частности еще одну маху, но уже “на балконе”. Признаюсь, бывая в музеях других стран и городов, я потом всегда искал там картины Гойи. На мой взгляд, лучшие его собрания в Европе, не считая, конечно, Испании, находятся в Национальной галерее в Лондоне и в Музее изобразительных искусств в Будапеште.

С сожалением оставив музей, так как недосмотренного осталось очень много, я поймал такси и отправился в Нью-Йоркский университет. В такси, между прочим, меня встретили не так, как в вертолете. Водитель, узнав, что я русский, сказал, что русских не любит и что, если бы сразу узнал, что я из России, так не повез бы. Ну что же делать, не пересаживаться же? Хорошо, что ехать было недалеко. В тот день и потом делегация сталкивалась в США с разным отношением к себе и

нашей стране, причем американцы не стеснялись его высказывать. Сначала мы испытывали по этому поводу некоторую неловкость, а потом привыкли. И те, и другие, как нам казалось, были искренни, да и негативное к себе отношение мы ощущали в общем-то редко.

В университете нас ожидала довольно большая аудитория, состоявшая главным образом из преподавателей как самого университета, так и других вузов города. Надо сказать, что в самом Нью-Йорке тогда было шесть университетов (Колумбийский, Нью-Йоркский “просто” и Нью-Йоркский городской, Рокфеллеровский, Фордемский и Ешива), свыше сорока колледжей, “куча” научных учреждений, большинство которых объединял Американский совет познавательных обществ, также квартировавший в Нью-Йорке. Встречу открыл Василий Леонтьев, руководивший тогда американским Комитетом экономических исследований при Гарвардском университете и специально приехавший на встречу из Бостона. Я выступил с лекцией, продолжавшейся полтора часа, в которой рассказал о развитии в нашей стране экономико-математических исследований. Было много вопросов, показавших, что перед нами высококвалифицированная и заинтересованная аудитория, с которой мы очень легко нашли общий язык и обнаружили совпадение позиций по широкому кругу проблем. “Политики”, которая присутствовала тогда на многих советско-американских встречах, на этот раз не было. Интересный и благожелательный разговор продолжился за обедом в очень приличном, хотя и скромном, профессорском ресторане. Наконец, к вечеру мы расстались довольные друг другом.

Из университета мы поехали в гости, в загородное поместье одного из руководителей принимавшей нас фирмы. Ехали довольно долго на электричке, поскольку, как объяснил нам хозяин, на то, чтобы выехать из центра Нью-Йорка на автомобиле, нам бы понадобился целый вечер. Мы с удовольствием побродили по принадлежавшему хозяину лесу, подышали свежим воздухом, который в центре Нью-Йорка отсутствует, съели вкусный домашний ужин, приготовленный хозяйкой, и к ночи, уже на автомобиле, поскольку улицы города освободились от пробок, прибыли в отель.

Наутро мы вылетели в Миннеаполис, город, стоящий в том месте, где река Миссисипи становится судоходной (как Тверь на Волге). В этом городе расположены главный завод и штаб-квартира корпорации Контрол Дэйта, пригласившей нас в США. На этот раз, в отличие от Нью-Йорка, нас из аэропорта привезли в шикарную гостиницу. В просторных уютных номерах стояли вазы с цветами и красивые большие бутылки с виски. Быстро проведя себя в порядок, мы поспешили на фирму. Осмотрев завод, который в это время продолжал строиться, мы встретились с президентом фирмы Лоурэнсом Клейном и с ее руководящими работниками за обедом. Беседа была интересной и откровенной, однако главный вопрос – о закупке компьютеров – повис в воздухе. Мистер Клейн сказал, что его корпорация была бы рада выйти на советский рынок, однако КОКОМовские ограничения, которые очень жестко соблюдались администрацией США, не позволяют ей этого сделать.

Молодым читателям, по-видимому, нужно объяснить, что такое

КОКОМ. Так назывался комитет НАТО по торговле с СССР и другими социалистическими странами, главной задачей которого было не допустить продажу в эти страны передовой западной техники и технологии, которые могли бы быть использованы в военных целях. КОКОМовские списки были очень большими, и ЭВМ стояли в этих списках на первых местах. Правда, эти списки все же удавалось обходить. Как? Это отдельный разговор. Вернемся в Миннеаполис.

Президент Контрол Дэйта, как я заметил, весьма сожалел по поводу того, что предлагаемая нами закупка ЭВМ не может состояться. На ней предприятие могло бы получить немалую прибыль, да и пионерный выход на новый, тем более громадный рынок для настоящего бизнесмена – это большое дело. В конце беседы, которая затянулась до семи вечера, я в шутку спросил его, что, мол, если вы не можете продать нам ЭВМ, так хоть музей Миннеаполиса, наверное, сможете показать? Оказалось, что этот музей работает до шести пополудни. Наш хозяин тут же куда-то позвонил, и оказалось, что директор музея специально приедет и откроет залы для нашей делегации.

Мы провели в музее Миннеаполиса два часа. Особенно нам понравилась интереснейшая экспозиция, подготовленная в нем к празднованию 200-летия США. Однако более всего меня заворожила одна картина. Автора ее сейчас я не помню, это был, по-видимому, один из немецких художников, работавших в стиле “бидермеер” (Г. Керстинг, Т. Хоземан или Л. Рихтер), а может быть, сам Ф. Марк – автор знаменитой “Башни синих лошадей”, но до сих пор помню изображенных на ней четырех коней, от созерцания которых я никак не мог оторваться. К восхищению мастерством художника примешались невольные воспоминания детских лет о моей любимице Нюрке, и я еще и еще подходил к этой картине.

После осмотра экспозиции мы собрались в кабинете директора музея за чашкой кофе и делились впечатлениями. Когда я рассказал о том, что мне больше всего понравилось, директор буквально ахнул. Оказалось, что это тоже его любимая картина, что она, по его мнению, является главной гордостью музея Миннеаполиса, что она была куплена в Германии за миллион долларов и что его всегда удивляло равнодушное отношение к ней американцев. “Надо же, – сказал он, – настоящими ценителями оказались русские, о которых у нас распространяют мнение как о диких и невежественных людях”.

Перед расставанием директор музея разыскал ключ от закрытого книжного киоска и предложил мне в награду, как “настоящему знатоку живописи”, на выбор любые альбомы, которые были выставлены на витрине. Когда я скромно выбрал один из альбомов (это был Шагал, которого тогда в СССР купить было абсолютно невозможно), директор запротестовал, предложив взять все, что я смогу унести, добавив, что расходы оплачивает фирма. В тот момент страсть коллекционера победила скромность, и я сгреб в стопку девять альбомов, которые с трудом дотащил до такси. Мне, правда, помогли мои спутники – Эдик Баранов и Володя Иоффе – за что они получили от меня по одному альбому. Остальные семь я начал разглядывать еще в такси, потом весь вечер в гостинице, потом в любую свободную минуту во время пу-

тешества по Америке, с удовольствием и часто рассматриваю их и сегодня. Кстати, когда я подсчитал их общую стоимость, оказалось, что они потянули на 800–900 долл. Как видите, любовь к живописи не только вводит в расходы, но иногда и вознаграждается...

На другой день нас пригласили на встречу с журналистами, которая происходила в здании одного из банков города, где мне в качестве сувенира вручили... миллион долларов. Пресс-конференция нашей делегации продолжалась около часа, общение с журналистами прошло гладко, после чего мы пошли осматривать банк. Самым интересным было ознакомление с банковским “подземельем”, которое нам показали по моей просьбе. В одном из сейфов, который открыл перед нами президент банка, лежали странные мешочки. Один из них он подарил мне, сказав, что в нем миллион долларов. Я удивился, но оказалось, что в эти мешочки насыпают бумажную муку, размалываемую из фальшивых банкнот, сдаваемых в этот банк магазинами и полицией, а в моем мешочке как раз мука из купюр, в сумме составивших миллион. Этот мешочек я храню до сих пор.

В тот же вечер в одном из крупнейших ресторанов города на встрече с нашей делегацией собрался цвет местного бизнеса. Как я понял, наш приезд явился для них поводом, чтобы очередной раз собраться выпить и закусить, поскольку серьезного разговора не завязалось. Оценив непринужденность атмосферы, я, когда мне предоставили слово, предложил традиционный русский тост за здоровье, благополучие и красоту миннеаполисских дам, подчеркнув, что, по русскому обычаю, мужчины должны выпить этот бокал стоя. Женщины, присутствовавшие в зале, встретили мое предложение с восторгом, думаю, этот русский обычай им понравился.

После встречи с бизнесменами мы решили прогуляться по городу пешком. Была ночь, все кругом было закрыто, только одно заведение светилось витринами. Это была аптека, где мы обратили внимание на продававшийся коньяк в необычной для нас расфасовке – по 10–15 грамм. Нам объяснили, что этот коньяк используется при сердечных приступах для расширения кровеносных сосудов, его хватает, чтобы успеть добраться до своего врача. Мы не стали пробовать этот коньяк, поскольку наши сосуды и без того уже были расширены, благополучно добрались до отеля, хорошо выспались, утром позавтракали и, собрав художественные альбомы и остальные вещи, отправились в аэропорт, откуда вылетели на тихоокеанское побережье – в один из красивейших городов Америки Сан-Франциско.

В начале XIX в. на месте Фриско, как его называют американцы, было основано одно из первых русских поселений Форт-Росс. В США об этом помнят и там каждый год устраивают “русские” фольклорные фестивали, в которых, правда, не участвует ни одного русского. Однако мы все же посетили небольшую русскую колонию в университете штата Калифорния, состоявшую из обучавшихся там советских студентов. Запомнилась прогулка по живописнейшему городу, посещение музея-тюрьмы Алякатрас, расположенного на удаленном от берега острове, и великолепного ресторана с рыбной кухней. К сожалению, ни один из трех знаменитых местных музеев, один из которых имеет ори-

гинальное название “Калифорнийский дворец Почетного легиона”, куда мне особенно хотелось попасть, нам посетить не удалось, потому что мы на следующее утро уже вылетели в Вашингтон.

В столице США нас принял в Белом доме советник Президента по вопросам науки. Он рассказал нам о том, как в Америке организуется и финансируется фундаментальная наука, подчеркнув, что в США имеется несколько академий, которые, в отличие от СССР, являются чисто общественными организациями. Фундаментальные исследования в США проводятся в основном в научных институтах при крупных университетах и финансируются государством, фирмами и на благотворительной основе.

Из Белого дома мы поехали в Библиотеку Конгресса – одну из крупнейших библиотек современного мира, основанную еще в 1800 г. Фонды этой библиотеки уникальны и практически универсальны, в ней есть все – от инкунабул до пластинок с современной музыкой и кинофильмов, кроме медицинской и сельскохозяйственной литературы, которую собирают специальные национальные библиотеки США. В библиотеке находится одно из лучших мировых собраний литературы на русском языке, в том числе старинных русских книг, купленных в 1907 г. у красноярского купца Г.В. Юдина (41 тыс. экз.).

Библиотека Конгресса произвела на меня большое впечатление не только тем, как организована ее работа, не только тем, что ее принципом является иметь все издания, которые публикуются в мире, но и тем, что на полочке, где были собраны мои публикации, я нашел одну, которой не было у меня самого. Кстати говоря, эта книжонка, выпущенная издательством “Знание”, впоследствии сыграла свою и весьма интересную роль. Через несколько лет я случайно увидел копию своей фотографии и краткого биографического очерка, напечатанных именно в этой книге, на столе руководителя вычислительного центра в Канаде. Дело в том, что перед тем, как дать мне разрешение на посещение этого центра (чего я, кстати, ожидал три дня), был сделан запрос о моей личности в корпорацию “Рэнд”, которая, в свою очередь, обратилась за справкой в Библиотеку Конгресса США, выславшую им эту копию.

Кроме своих я обнаружил на полках этой библиотеки и большинство книг своих товарищей по ЦЭМИ, что доставило мне большое удовольствие еще и потому, что по их внешнему виду было ясно, что американские читатели ими пользовались, и не один раз.

После Библиотеки Конгресса мы посетили один из институтов при правительстве США, занимавшийся прогнозированием развития экономики разных стран, в том числе и СССР. Обстановка в этом институте производила впечатление строгой секретности, даже таблички на дверях, мимо которых мы проходили, были перевернуты. То ли это была “повальная” секретность, то ли они не хотели, чтобы мы узнали, в какой из комнат сидит наш бывший сотрудник Каценелинбойген, эмигрировавший в США и выпустивший потом книгу по проблемам ценообразования. Разговор с директором института особого впечатления на нас не произвел: он ограничился изложением принятой у них методологии, которая оказалась “послабее” имевшейся у нас в ЦЭМИ. С кон-

кретными прогнозами нас не познакомили, объяснив это тем, что у них большие трудности с добыванием информации, поскольку фирмы якобы им ее не предоставляют. Я понял, что ребята “придуриваются” и спросил о том, откуда же у них такие детальные прогнозы развития советской экономики. Мне ответили: “добываем...”. С запретами на информацию и на маршруты передвижения мне в США приходилось сталкиваться еще не раз, в том числе и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне. Так что у кого тогда было более закрытое общество – там или у нас, можно еще поспорить.

## В КАНАДЕ

Первый раз в эту страну я был приглашен в 1969 г. для участия в конференции Канадской экономической ассоциации. Начало этой поездки ознаменовалось для меня конфликтом с местной таможней. Дело в том, что в Торонто я вылетал вечерним самолетом, только утром того же дня вернувшись из Сухуми, где участвовал в научной конференции. Времени застаться сувенирами у меня не было, и я загрузил в чемодан то, что было под рукой. А под рукой у меня был десяток бутылок украинской горилки с перцем из того ящика, который незадолго до этого мне подарил премьер-министр Украины В.В. Шербицкий. Из Москвы меня выпустили с горилкой без проблем, поскольку у меня был “зеленый” паспорт, а в Канаде багаж досмотрели и сказали, что в страну можно ввезти только одну бутылку алкоголя. Что бы вы сделали на моем месте? Жалко ведь девять бутылок, да еще такого дефицита как горилка с перцем!

Сначала я попытался объяснить по-английски: “Итыз медикамент!”. Не понимают. Тогда я им сказал, что “ни английской, ни русской мовы не розумию”, нехай они представят мне переводчика с украинского, на котором и буду объясняться. Да будет тебе, дорогой читатель, известно, что в Канаде это не проблема. Сыскали молоденького хлопца, которого я спросил, пробовал ли он когда-нибудь украинскую горилку с перцем. Тот говорит, что не пробовал, но батька ему рассказывал, что это лучший напиток на свете. Я ему говорю, что если он хочет попробовать, пусть убедит таможенников, что в этих бутылках специальное лекарство с добавлением стручкового перца, которое г-н Федоренко должен ежедневно принимать, иначе помрет. Чем он пудрил мозги таможенникам, я не знаю, но в конце концов они махнули рукой и пропустили меня с моей фармацевией через экономическую границу Канады.

В аэропорту Торонто наша делегация провела некоторое время, дожидаясь внутреннего рейса для пересадки, поскольку нам нужно было добираться в местечко под названием Йорк, где только что был построен новый университет, пригласивший нас в гости. Пошли обедать, взяв с собой нашего переводчика. Как было обещано, ему был вручен честно заработанный “флакон с лекарством”, а из другого, откупоренного тут же, налили пробную дозу. Интересно, что она подействовала на него как снотворное. В это время нас пригласили на посадку, времени его будить уже не было, и мы оставили его спящим за обеденным столом.



На Вычислительном центре IBM в Канаде

В Йоркском университете было много встреч и бесед. Было интересно наблюдать, как канадцы создавали новый центр образования и науки, причем не только как строится специальный городок, но и как формируются учебные планы, набирается преподавательский состав и т.п. Однако наибольший интерес вызывал у нас новейший вычислительный центр, построенный и оборудованный по последнему слову науки и техники совместно с американцами.

Как я уже рассказывал, вспоминая о посещении Библиотеки Конгресса США, нас несколько дней не пускали на этот ВЦ, выясняя, кто мы такие на самом деле. Выяснив, пустили. Знакомство с этим современным вычислительным центром было для нас весьма полезным, впрочем, нам тоже было о чем рассказать. Мы еще раз убедились, как серьезно в Северной Америке занимаются прогнозной деятельностью. Нам продемонстрировали подробнейшие таблицы с технико-экономическими показателями развития отраслей нашей промышленности и детальнейшие карты размещения производства машиностроения, добывающих отраслей, химии и нефтехимии и т.д. Это они показывали нам свободно, так как, по их словам, данная информация была взята из открытых источников. Прогнозы же американских фирм мы и на этот раз, как и в других местах, не увидели. Коммерческая тайна! Поэтому, как жаловался мне профессор Леонтьев, в Америке практически невозможно составить народнохозяйственный межотраслевой баланс на перспективу.

На следующий день был выходной, и наш хозяин, которого звали Павел Медов, родом из русско-украинской семьи, ранее работавший в

аппарате ООН, предложил прокатиться на Ниагарский водопад. Ну кто же откажется поглядеть на одно из чудес света? Водопад, название которого происходит от ирокезского слова “ниакаре”, вполне его оправдывал, ибо в переводе оно означает “большой шум”. Звук падающей с пятидесятиметровой высоты громадной массы воды (шесть тысяч кубометров в секунду) слышен издалека. Через водопад, между двух его потоков, проходит граница двух стран. Левый поток шириной в 800 м принадлежит Канаде, а правый, 300-метровый – США. Зрелище необыкновенное, собирающее зрителей и каскадеров со всего света. При нас один чудак благополучно преодолел водопад внутри специально оборудованной бочки. Наблюдая этот, на мой взгляд, глупый героизм, я зажмурил глаза. Как мне сказали, многие подобные попытки оканчиваются смертельным исходом. На этот раз обошлось.

На обратном пути Павел завез нас в гости в одну украинскую семью, где нас угостили вкусным борщом и завязалась беседа. Оказалось, что Павел не просто привез нас “к хохлам на борщ”. Наши хозяева были руководителями и ведущими сотрудниками вычислительного центра, принадлежавшего “Рэнд корпорейшн”, и, конечно, мы захотели его посмотреть. По пути к ВЦ нам неожиданно задали вопрос о том, почему все руководители советского комсомола являются “переростками”. Мы удивились этому вопросу, а нам объяснили, что этот ВЦ в основном выполняет информационные функции (по-нашему, является ИВЦ) и серьезнейшим образом занимается целенаправленным анализом советской прессы, особенно в периоды проведения у нас партийных и государственных выборных кампаний. Я применил слова “серьезнейшим образом” потому, что этот ИВЦ обрабатывал всю нашу центральную, республиканскую и областную прессу и до одной трети районных (!) газет. Мы с удивлением и интересом познакомились с их распечатками, содержащими подробнейшую информацию (в том числе сводно-статистическую) о нашей партийно-комсомольско-государственной номенклатуре всех уровней, копию которых они, не задумываясь, мне подарили.

Когда я показал этот материал в Москве, в ЦК КПСС, удивление и интерес, который он вызвал, был еще большим. Думаю, что это стало одним из импульсов, побудивших, наконец, взяться за создание ИВЦ в упомянутом учреждении, но, изучив эту проблему с социальной и политической точек зрения, ЦЭМИ отказался участвовать в этом деле.

## В АНГЛИИ

Уже с момента своего создания ЦЭМИ начал приобретать мировую известность, и делегацию института регулярно стали приглашать на конгрессы Международного эконометрического общества (МЭО), почетным членом которого я был избран в 1968 г. Возглавлявшая мною большая советская делегация участвовала в работе первого Всемирного конгресса этой организации, состоявшегося в 1965 г. в Италии. Однако конгресс МЭО, на который впервые была приглашена делегация ЦЭМИ, проходил в Лондоне. Он продолжался два дня, программа была очень интересной. Мы выступили с сообщениями, послу-

шали других, общение оказалось весьма полезным. На третий день участники конгресса познакомились с Лондоном, до сих пор остающимся своеобразной Меккой для англоязычного населения планеты и, я бы сказал, продолжающего играть роль финансово-коммерческой столицы западного мира, несмотря на многолетние попытки Нью-Йорка и Токио соперничать с ним в этом отношении. Ну, а об исторических и архитектурных достоинствах этого города, привлекающих в него ежегодно сотни тысяч туристов, говорить не приходится. Мы с большим интересом осмотрели город и даже прошлись по знаменитому на весь мир своими значными местами району Сохо, благо жили неподалеку. Этот район расположен в самом центре Лондона. Он представляет собой пятачок диаметром не более километра и окружен по периметру такими заведениями (если считать по часовой стрелке) как: Лондонский университет и Британский музей, театр Ковент-Гарден и Национальная галерея, Британская академия и Королевская академия искусств, наконец, Политехнический институт Центрального Лондона. Вот такие контрасты...

По совету посольства, чтобы сэкономить наши командировочные шиллинги и пенсы (говорить о фунтах язык не поворачивается), для нашей делегации сняли комнату, в которой был душ и пять коек. Правда, иногда любезный хозяин угощал нас довольно вкусным чаем. Не знаю, как обстояло дело с чаем у наших коллег по конгрессу, но многие из них жили во вполне приличных гостиницах. Вот такие контрасты...

После конгресса мы поехали в Бирмингем, с XV в. являющийся столицей машиностроения и металлообработки Великобритании. У нас там были встречи с экономистами Бирмингемского университета. Но главным, в чем нам повезло, было то, что в эти дни в местном университете проходило вручение дипломов его почетным докторам, среди которых был В.С. Немчинов, к тому времени уже являвшийся почетным членом Британского Королевского статистического общества. Мы побывали на торжественной церемонии вручения дипломов, выслушали Василия Сергеевича, державшего речь на английском языке, к чему он, по словам присутствовавшей здесь же его жены Марии Борисовны, долго готовился. Когда мы по завершении церемонии выходили из здания, наше внимание привлекла пара всадников на великолепных английских лошадях, причем лицо одного из всадников было удивительно знакомым. Оказалось, что это был Антони Иден (лорд Эйвон), всемирно известный английский политический деятель. Он много раз и много лет был министром иностранных дел Ее Величества в различных кабинетах: Н. Чемберлена, У. Черчилля и др. В 1955–1957 гг. он был премьер-министром страны. Отойдя от активной политической деятельности, он продолжал заниматься “общественной работой”, в том числе был почетным ректором Бирмингемского университета.

На встречах в университете, на прогулке по Бирмингему и во время поездки в Голландию нас сопровождал наш знакомый – профессор Баркер. Это был очень милый, заботливый и гостеприимный человек, которого мы вспоминаем с благодарностью и печалью. Последнее объясняется тем, что прожил он недолго. Последние часы пребывания в Бирмингеме мы были заняты написанием отчета о конгрессе, кото-



Англия. Бирмингемский университет.  
Вручение В.С. Немчинову диплома Почетного доктора  
(М.Б. Немчинова, В.С. Немчинов, Н.П. Федоренко, Ю.А. Олейник)

рого потребовало от нас советское посольство в Лондоне. Не знаю, что уж там они поняли в тематике и терминологии эконометрики и моделирования, однако отчет мы все-таки написали, пожалев молодого сотрудника посольства, который целый день уговаривал нас это сделать, поскольку его якобы без отчета не пустят обратно в Лондон.

Поездка в Голландию, представлявшая собой послеконгрессный тур, была очень приятной. Мы остановились в студенческом общежитии, которое было почти пустым по причине летних каникул, но столовая работала. Особенно мне запомнился завтрак, состоявший из отличного голландского кофе и великолепного голландского же шоколада. Шоколад выставлялся на столы в больших мисках, и есть его можно было сколько угодно, однако взять с собой его было нельзя, так как плитки были искрошены в мелкие зерна, поэтому мы ели его ложками. По утрам также можно было есть корнфлекс с молоком безо всяких ограничений.

Днем мы побывали на очень интересном фольклорном празднике, проходившем в живописном детском парке. Вокруг были лотки с угощением, самым вкусным из которого была отличнейшая слегка подмаринованная голландская селедка.

Второй раз я побывал в Англии в 1972 г., но уже в составе правительственной делегации, куда включил меня В.А. Кириллин, известный академик-теплофизик и энергетик, бывший тогда заместителем председателя Совмина, который, так же как и М.В. Келдыш, охотно брал меня с собой за границу. Честно говоря, и я был непрочь ездить с

ними, поскольку это давало немалую пользу для дела. На этот раз я уже жил в отличном отеле напротив Гайд-Парка, в очень хорошем просторном номере. Нас принимал министр иностранных дел Великобритании, а основное время мы провели на крупнейшей химической фирме страны “Империал Кемикал Индастриз”, в ее лондонской штаб-квартире и на предприятиях, где, кстати, я встретил некоторых своих английских коллег, с которыми познакомился еще во времена, когда занимался экономикой химической промышленности.

В один из дней пребывания в Англии мы с Л.А. Арцимовичем, выдающимся советским физиком-атомщиком, читали лекции в Лондонском университете, естественно, в разных аудиториях. Каждый из нас получил за свое выступление гонорар в 400 фунтов стерлингов, что по тем временам составляло примерно тысячу долларов. После этого мы обедали в советском посольстве. Перед обедом я зашел в бухгалтерию посольства и, как это было тогда положено, сдал под расписку полученные деньги. С нами вместе обедал начальник управления внешних сношений Академии наук, который и спросил Л.А. Арцимовича, почему он не сдает свой гонорар, ведь вот, мол, Николай Прокофьевич сдал же свой. Лев Андреевич показал ему дулю. Инцидент на этом был исчерпан. “А я то, дурак, сдал, а мог ведь, как видно, не сдавать”, – подумал я. Впрочем, я не очень долго жалел об этих деньгах, поскольку риск, не сдавши денег, стать потом “невыездным” был весьма велик.

В тот же вечер после выступления в Лондонском университете местная профессура пригласила меня поужинать. После ужина мы вышли прогуляться и вели беседы на самые разнообразные темы. Внезапно один из английских собеседников попросил меня разрешить его недоумение по поводу того, что у нас в СССР за всю его историю кроме Ленина не было ни одного хорошего руководителя. Я сначала не понял вопроса, но он мне напомнил, что каждый раз при смене руководства в нашей стране оказывалось, что предыдущий лидер никуда не годился. Так было с Рыковым, оказавшимся “врагом народа и иностранным шпионом”, так было со Сталиным, грехи которого трудноописуемы, так было с Маленковым, Молотовым и Булганиным, составившими “антипартийную группу”, так же кончил и “волюнтарист” Хрущев.

Что я мог ответить? Я сказал: «Признаться, ни один профессор не любит говорить “не знаю”, но на этот раз я, видимо, вынужден это сделать. Правда, хочу вам заметить, что англичане на вопрос о том, какое начальство самое лучшее, отвечают просто: нынешнее». Вроде бы отшутился... Но не мог же я им сказать, что за всю историю России, начиная с допотопных времен и до нынешних, ни один лидер, ни один клан не приходил к власти демократическим путем. В нашей истории только три человека были или призваны народом, или пришли к власти путем голосования: в IX в. – варяжский князь Рюрик, в начале XVII в. – царь Михаил Федорович Романов и в конце XX в. – президент Ельцин. Ну не станут же убийцы Петра III и Павла I говорить, что вот, мол, эти цари были такие хорошие, за то мы их и удавили? Найдется ли хоть одно доброе слово о Николае II у людей, зверски уничтоживших

его вместе с женой и малыми детьми? Разве могли большевики признать легитимным всенародно избранное Учредительное собрание, которое они разогнали, а депутатов которого потом физически уничтожили? Ну не станет же, наконец, Брежнев хвалить Хрущева, против которого он организовал заговор? Надо же как-то оправдать свои интриги и дворцовые перевороты!

Если бы они пришли к власти путем прямых выборов, как это делается в демократических странах, то тут уже крыть нечем – воля народа. “Нравится, не нравится, терпи, моя красавица!” Это сейчас тот, кто хочет, может не скрывать, что ему не нравится “ельцинский режим”. В одной газетке его даже называют “кровавым” и “оккупационным”. Но признавать и уважать волю народа обязан каждый. Ельцин пришел к власти волей народа, и не считаться с этим может только тот, кому на эту волю и на сам народ наплевать.

Но вернусь к нашей поездке с В.А. Кириллиным. На другой день мы выехали на северо-восток Англии, где расположен крупнейший комплекс химических производств Биллингема-Уолтона. На одном из нефтехимических заводов меня поразила крекинговая установка, сконструированная таким образом, что она позволяла, в зависимости от структуры текущего рыночного спроса, оперативно регулировать процентное соотношение между продуктами крекинг-процесса: этилена, ацетилена, пропилена, бутилена и даже дивинила. Это было очень интересно. Я получил у англичан соответствующие схемы, которые потом пропагандировал в Советском Союзе.

Кроме этого, много интересного я узнал во время посещения расположенной под Лондоном школы бизнеса, в которой обучались руководители промышленности страны, слушавших лекции крупнейших специалистов из разных стран мира. Мне удалось получить учебные планы, программы и другую документацию этой школы, что-то подобное я потом пытался организовать у нас, но без успеха. Директор этой школы пригласил меня выступить у них с лекцией, что я и сделал на будущий год, “подскачив на денек” в Лондон по завершении моей командировки в Париж. Лекция прошла хорошо, во многом потому, что я специально подготовил к ней несколько анекдотов, зная, что в английской аудитории высоко ценят докладчиков с чувством юмора. Моя лекция продолжалась дольше установленного времени не столько из-за анекдотов, а во многом потому, что у меня сломались часы. Но, когда лекция закончилась и мне не предложили гонорара, мне стало не до юмора. Дело в том, что до Москвы у меня был билет от Парижа, а собственных денег я наскреб только, чтобы добраться до Лондона. Мне объяснили, что гонорар они мне выплатить не могут, так как не было заключено соответствующего контракта. Однако вопрос с билетами решился, и я все же добрался домой. С тех пор я всегда не ленился объяснять своим коллегам, отправлявшимся за границу, что бывает “доллар устный” и бывает “доллар письменный” и что второй надежнее первого.

В заключение нашей поездки мы поехали на прогулку в Кембридж; осмотрели здания, аудитории и общежития. Я много фотографи-

ровал, а потом попросил кого-то заснять меня вместе с В.А. Кириллиным. По возвращении в Москву Владимир Алексеевич передал свой доклад для публикации в журнал “Наука и жизнь”, где у него попросили фотографию. Он направил их ко мне, поскольку только у меня одного тогда с собой был фотоаппарат. Я отдал им слайды, и они выбрали из них как раз тот кадр, на котором мы были вдвоем с Владимиром Алексеевичем. Получился казус. В журнале напечатали: автор статьи Кириллин, фото Федоренко, а на снимке мы с ним оба. По этому поводу редакция получила много писем и звонков и потом была вынуждена напечатать объяснение.

В Англии и, в частности, в Бирмингеме я бывал несколько раз и, можно сказать, подружился с семьей Дэвисов. Дэвис заведовал небольшим институтом изучения экономики СССР и стран Восточной Европы. Дома у Дэвиса меня поразила библиотека марксистской классики. Там были не только полные собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, но и полный набор отдельных изданий. Такой полной коллекции я не видел нигде в СССР и думаю, что там на Западе марксизм изучался доскональнее, чем у нас, во всяком случае более разносторонне.

Кстати, большинство наших “марксистов” представляется мне “верхушечниками”, поскольку главным их занятием был не глубокий анализ трудов действительно выдающихся ученых и публицистов прошлого (правы они были или нет, стоит ли с ними спорить или не надо – это уже другой вопрос), а выискивание подходящих к случаю цитат, подтверждающих верность с точки зрения марксизма-ленинизма очередных установок очередных генсеков и их приближенных.

## ВОЗДВИГАЕМ СОБСТВЕННУЮ ТРИБУНУ И ВЫСТУПАЕМ С НЕЕ

Я уже говорил, что ЦЭМИ был создан не на пустом месте, а организационно объединил большую группу ученых и практиков – энтузиастов в какой-то мере нового, но в общем-то уже сложившегося направления в отечественной экономической науке. На первых порах нам и не приходило в голову, что когда-нибудь наш институт назовут “флагманом” или “передовым отрядом” экономистов. Это придет позже. В то время этот “отряд” нуждался в элементарной крыше, причем в прямом и переносном смысле. Нужно было объединить ученых организационно, предоставить им нормальные условия – технические, финансовые и бытовые – для плодотворной работы. Нужно было создать систему активной обороны от разносной и разнузданной критики, обвинений в “антимарксизме”, “буржуазном субъективизме”, “рыночничестве”, а также обустроить плацдарм для научного наступления – решения задач подготовки системы планового управления экономикой страны к переходу на новую научную и техническую основу.

В этих условиях было очень важно консолидировать силы единомышленников, дать им трибуну для выражения своих взглядов, обсуждения путей научного поиска, обнародования достижений. Нужно было дать широкому кругу экономистов, математиков, инженеров, плановых и административных работников возможность обмениваться опытом, вести дискуссии, получать методическую помощь, знакомиться с зарубежными достижениями, без чего все наши затеи могли бы оказаться напрасными. Поэтому вслед за учреждением ЦЭМИ по нашей настойчивой инициативе было принято и решение о создании его *печатного органа* – журнала “*Экономика и математические методы*” (“ЭММ”).

Я уже сказал выше, что пробить такое решение было непросто, и это так, поскольку печать всегда была “оружием партии”, которая всегда очень зорко следила за тем, в чьих руках это оружие находится.

Перелистывая сегодня пожелтевшие страницы старых выпусков журнала, где с момента основания я был главным редактором и до сих пор остаюсь членом редколлегии, я невольно сравниваю этот журнал с зеркалом, отражающим историю ЦЭМИ, историю развития нашего научного направления со всеми его большими и малыми проблемами, большими и малыми достижениями, заблуждениями и ошибками. В этом зеркале появляются и исчезают лица людей, которых оно когда-то отражало – кого крупным, кого мелким планом, кого чаще, а кого изредка. Надо признать, я публиковался в “ЭММ” довольно часто, по несколько раз в год. Перечень моих статей занял бы много места, а поскольку о своих работах я и так рассказываю в других главах этой книги, то здесь упомяну в основном наиболее интересные статьи своих коллег и соратников. Итак, дорогой читатель, давайте заглянем в наш журнал вместе...

Впервые “ЭММ” вышел в свет в начале 1965 г., и естественно, что первые же его страницы были отданы нашим классикам. Так, первый номер открывала статья В.С. Немчинова “Статическая модель общественного разделения труда”. Это была последняя публикация нашего идейного вождя и патриарха, увидевшая свет через два месяца после его ухода из жизни.

Своеобразной идейной заявкой, определившей кредо журнала на многие годы вперед, стала статья В.В. Новожилова “Закономерности развития системы управления социалистическим хозяйством” (1965. Вып. 5) – острая, новаторская по своим постановкам, многие из которых вполне актуально звучат и сегодня. Можно сказать, что принципиальная линия журнала, заключающаяся в неприятии крайностей, шарханья от отстаивания абсолютной централизации до пропаганды безбрежной рыночной стихии, ведется еще с тех пор, когда в той статье В.В. Новожилов подчеркнул необходимость использования в управлении экономикой “двойного регулятора общественного производства – централизованного руководства и авторегулирующих средств товарно-денежных отношений”.

Эта идея пронизывала все общеэкономические публикации журнала прошлых лет, в том числе и посвященные проблемам СОФЭ, и тем более отчетливо звучит на его страницах в последние годы. Многие новаторские концепции, в том числе идея цены планового равновесия и

другие, впервые были обнародованы на страницах “Экономики и математических методов” и только потом стали предметом обсуждения в других изданиях. Заметный вклад в формирование теоретических основ кардинальной экономической реформы внесли публикации журнала в конце 80-х годов, в том числе статьи Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, Н.Я. Петракова, В.Ф. Пугачева и др.

Возвращаясь к начальному периоду истории журнала, отмечу, что одну из своих главных задач редакция видела в собирании воедино всего ценного, что к тому времени уже было наработано наукой, и концентрации внимания на ее наиболее принципиальных проблемах. На страницах журнала нашла отражение эволюция экономико-математических исследований в стране – от простого к сложному. Так, на первом этапе большое внимание уделялось общим вопросам экономико-математического моделирования. Впоследствии журнал опубликовал серию статей по принципиальным теоретическим и методологическим вопросам межотраслевых исследований, в частности, о местах агрегирования в межотраслевом балансе, о роли и месте конечного продукта, о связи межотраслевого баланса и народнохозяйственного планирования. Эти вопросы были обобщены в статье Э.Ф. Баранова, Ф.Н. Клоцвога, В.В. Коссова, С.С. Шаталина и М.Р. Эйдельмана “Итоги и перспективы межотраслевых исследований в СССР” (1967. Вып. 5).

В 60-е годы с рядом статей об одной из первых макроэкономических динамических моделей, о работе по созданию многоярусной системы моделей для среднесрочного планирования, о результатах работы в области производственных функций в журнале выступил Б.Н. Михалевский, крупный ученый, мой друг и заместитель по работе в журнале. Очень жаль, что Борис Натанович ушел от нас в самом расцвете творческих сил. Нужно отметить, что метод анализа экономики с помощью производственных функций все же впоследствии получил широкое распространение, в частности, в трудах академиков А.И. Анчишкина и Ю.В. Яременко.

После Б.Н. Михалевского, в конце 1973 г., моим заместителем по работе в журнале стал Ю.В. Овсиенко, правда, не без приключений. Первые два года он исполнял обязанности заместителя главного редактора, не будучи даже членом редколлегии. Когда речь зашла о назначении преемника Бориса Натановича, “недремлющее око” (случайно или по навету “доброжелателей”, которых всегда хватало) все-таки обнаружило, что в руководство печатным органом затесался беспартийный. Ничего не поделаешь, пришлось назначать другого, а Юрия Валентиновича удалось ввести в состав редколлегии только через 11 лет, после вступления в КПСС, он смог снова стать “замглавного” и успешно работает в “ЭММ” до сих пор.

В первые же годы своего существования журнал завоевал большую популярность, имел приличный тираж, хорошо раскупался и не нуждался в дотациях. Примечательно, что солидной частью наших подписчиков были иностранцы и... отечественные студенты. Первое объяснялось интересом зарубежных коллег к новым веяниям в советской экономической науке и к нашим действительным и бесспорным достижениям, а второе – отсутствием в то время учебников и серьезных оте-

чественных и переводных монографий по нашей тематике. Мы учитывали это положение и строили макеты журнала с учетом интересов учащейся молодежи.

На следующем этапе страницы журнала отразили эволюцию позиции ЦЭМИ и взглядов исследователей на моделирование: от построения единых макромоделей к сложным многоуровневым системам, от описательных моделей к нормативным, оптимизационным. Роль вопросов оптимизации постепенно возрастала, что показали в своих статьях В.А. Волконский, Е.Г. Гольштейн, Л.А. Мелентьев, Ю.В. Сухотин. В какой-то мере этапной в разработке этой темы явилась моя статья “Проблемы теории и практики оптимального функционирования народного хозяйства”, опубликованная в пятом выпуске журнала за 1967 г. После этого идеи СОФЭ на длительное время заняли ведущее место на страницах журнала, во многом определяя его лицо.

Теоретические вопросы оптимального функционирования поднимались в статьях А.И. Каценелинбойгена, Ю.В. Овсиенко, Е.Ю. Фаермана, Ю.Н. Гаврильца и многих других авторов.

Теория СОФЭ подрывала устои застывшей официальной политэкономии, требовала изменения взглядов на марксову теорию трудовой стоимости, теорию ренты (здесь нельзя не отметить публикации Н.Я. Петракова и К.Г. Гофмана), обосновывала необходимость саморегулирования хозяйственных звеньев. Она предлагала по-новому взглянуть на хозрасчет, придавая важное значение горизонтальным связям (говоря сегодняшним языком, товарно-денежным, т.е. рыночным отношениям) между предприятиями. Это не могло не вызвать шквального огня критики с редутов “радетелей чистоты” марксизма.

Наиболее серьезные и аргументированные утверждения критиков СОФЭ были обстоятельно рассмотрены и опровергнуты в цикле статей В.Г. Гребенникова, О.С. Пчелинцева и С.С. Шаталина: “Принцип оптимума и политическая экономия социализма” (1974. Вып. 6), “Ценностные отношения в системе оптимального функционирования социалистической экономики” (1975. Вып. 1), “Динамический народнохозяйственный оптимум и плановое ценообразование” (1975. Вып. 2), а также в публикациях Н.Я. Петракова, Д.М. Казакевича, Ю.В. Овсиенко и других ведущих сотрудников ЦЭМИ.

Надо признаться, что выходить на ристалище научных дискуссий с открытым забралом в те времена было небезопасно, так как силы у противников, конечно, не были равны. На нашей стороне была только сила разума, а за спиной у оппонентов – вся мощь государственного и партийного аппарата, который в любой момент мог “принять оргмеры”, т.е. уволить директора, ликвидировать институт, закрыть журнал и т.п. В те годы, для того, чтобы не рисковать судьбой общего дела, приходилось заниматься мимикрией и, в частности, представлять СОФЭ как “воплощение ленинских идей”, что мы с С.С. Шаталиным, Б.Л. Исаевым и А.Л. Вайнштейном сделали в серии статей в 1970 г. – в год столетия В.И. Ленина. Рассуждали мы так: не столь важно, под каким соусом подается блюдо, главное в том, чтобы его съели.

Смешно и обидно: было важно произнести необходимые заклинания, притянуть хоть за уши, хоть за другое место одну–две цитатки из

классиков, соблюсти “терминологические правила” и можешь нести ахинею. Если же ты не выполнил принятого церемониала, то пусть в твоём тексте будет только самое разумное, самое доброе и самое вечное, оно так или иначе будет принято в штучки. Пример: накануне партийных съездов все печатные издания, различные мероприятия, в том числе кинофильмы, концерты, конкурсы и прочее, было необходимо украшать на видном месте четырьмя словами – “Навстречу такому-то съезду КПСС”. Один раз наш журнал вышел в свет без такого заклинания. Это произошло скорее всего по забывчивости, так как по мелочам мы не фрондерствовали. Вы себе не представляете, что раздалось по этому поводу из ЦК КПСС!

Кристаллизация идеи СОФЭ оказала большое влияние на многие стороны экономико-математических исследований, на развитие новых взглядов на планирование и управление экономикой и, я бы сказал, на формирование нового экономического мировоззрения, что нашло отражение на страницах журнала. Трудно перечислить все материалы, опубликованные в этот период по социально-экономическому планированию и ценообразованию, усилению роли экономических методов в управлении народным хозяйством страны. Концепция СОФЭ открыла методологические и методические ориентиры для решения многих из этих проблем, и, по существу целое десятилетие они стояли в центре деятельности редколлегии.

В 70-е годы ряд сотрудников ЦЭМИ, среди которых прежде всего следует упомянуть А.И. Анчишкина, приступил к выработке методологии народнохозяйственного и социально-экономического прогнозирования, что также нашло отражение на страницах журнала. В частности, новые идеи содержались в статье Ю.В. Яременко “Использование модели межотраслевых взаимодействий в прогнозных расчетах” (1978. Вып. 2). В те же годы журнал одним из первых в отечественной научной литературе выступил с публикациями о программно-целевых методах планирования и управления. Новый этап исследований, связанный с начавшейся разработкой автоматизированных систем плановых расчетов (АСПР) Госплана СССР, обозначила принципиально важная статья “Система комплексного планирования” (1972. Вып. 3), написанная при моем участии Ю.Р. Лейбкиндром, Е.З. Майминасом, А.А. Модиним, С.С. Шаталыным и О.М. Юнем. Кстати, впервые идея создания АСПР увидела свет на страницах нашего журнала еще в 1966 г. в статье тогдашних работников Госплана Б.А. Волчкова, Ю.Р. Лейбкинда и Ю.М. Самохина.

Во втором выпуске за 1974 г. публикацией моего доклада на симпозиуме по проблемам экономической оценки и рационального использования природных ресурсов и вслед за ней в третьем выпуске – статей С.М. Вишнева “О моделировании взаимосвязей общества и природы” журнал начал пропаганду новых идей в области решения социально-экономических проблем природопользования. В этих публикациях и затем в работах М.Я. Лемешева, К.Г. Гофмана, Н.Ф. Реймерса и других впервые во весь голос прозвучали получившие права гражданства только 20 лет спустя идеи о введении в хозяйственную практику платы не только за природные ресурсы, но и за загрязнение окружающей среды.

В журнале находили отражение продолжавшиеся все эти годы исследования в области математической экономики и эконометрики, существенно расширявшие теоретическую базу концепции СОФЭ. В частности, развивались идеи, заложенные еще в 1969 г. в статьях В.Л. Макарова (Вып. 4) и С.М. Мовшовича (Вып. 6), по вопросам теории оптимального экономического роста, причем появились первые опыты применения реальных данных в моделях роста (В.З. Беленький, В.А. Волконский, Н.В. Павлов. 1974. Вып. 4); в 1976 г. впервые в литературе В.М. Полтерович попытался синтезировать теории оптимального роста и равновесия (Вып. 3). Публиковались работы по математическому моделированию рыночного обмена в его информационном аспекте; сегодня особенно актуальными представляются работы Э.М. Бравермана по моделям функционирования экономики с неравновесными ценами (1972. Вып. 2; 1973. Вып. 2) и ряд статей М.М. Вороновицкого. По существу, моделью современной кардинальной экономической реформы явилась разработанная В.М. Полтеровичем модель экономики двух рынков – с гибкими и фиксированными ценами (1986. Вып. 5). Сюда же следует отнести ряд публикаций, посвященных учету неопределенности, вероятностного характера экономических процессов, по теории механизмов группового выбора и полезности (работы Ю.Н. Гаврильца, А.С. Тангяна) и др.

Идеологический погром, последовавший за печально знаменитой “фултонской” речью генсека Черненко 14 июня 1983 г. на Пленуме ЦК, не мог не сказаться на работе нашего журнала. Скажу честно, на тогда уже совершенно больного и немощного человека я обиды не держал и не держу. Думаю, Константин Устинович о существовании ЦЭМИ и узнал-то только в тот день. Но “доброжелатели” наши потирали руки, испытывая, как тогда говорили, “чувство глубокого удовлетворения”, а наши институт и журнал долго не могли оправиться от потрясения.

Хотя “ЭММ” был вынужден сократить число публикаций по принципиальным постановочным вопросам теории СОФЭ, свою линию все-таки он выдержал и продолжает выдерживать. В середине и конце 80-х годов журнал усилил внимание к двум аспектам: в теоретико-экономической области – к социально-экономическим процессам, в области инструментальной – к вопросам машинной имитации. Существенно увеличилась частота публикаций по проблемам ценообразования, балансирования спроса и предложения в народном хозяйстве, среди которых запомнились статьи Л.В. Канторовича и В.Л. Макарова “Цены и эффективность производства” (1984. Вып. 1) и В.О. Чернявского “Рентные оценки и замыкающие затраты” (1984. Вып. 6). В статьях Д.С. Львова, В.Л. Макарова, А.Б. Залесского, Д.М. Палтеровича, В.Н. Лившица, глубоко изучавших проблемы методологии оценки экономической эффективности капитальных вложений и новой техники, были освещены новые подходы к этой коренной проблеме всякого экономического исследования, что способствовало развитию современной теории экономических измерений.

Особенно тяжелый период для журнала, как, видимо, и для всей российской науки, начался с 1991 г., когда “ЭММ” начал стремительно

терять подписчиков. Уже не только студенты, но и “остепененные” научные сотрудники оказались не в состоянии подписаться на журнал.

Резко сократилось количество присылаемых статей. Ученые, оказавшись за гранью бедности, бросились на побочные заработки. Времени на творчество уже не оставалось. Год 1991 журнал пережил за счет прежних “накоплений” – статей, присланных в предыдущие годы. В 1992 г. было выпущено только пять вместо обычных шести номеров, а с 1993 г. перешли на четыре номера в год. Тем не менее редакционный портфель катастрофически худел.

Ситуация несколько улучшилась после появления Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований и ряда зарубежных фондов, предоставляющих гранты для наиболее серьезных научных разработок. Они послужили небольшим дополнением к мизерной заработной плате ученых. Но поскольку отчетом о выполнении исследований, поддержанных грантами, являются научные публикации, число предлагаемых статей возросло, и в настоящее время журнал не испытывает в них недостатка.

Нельзя сказать, что под влиянием углубляющегося социально-экономического кризиса содержание журнала как-то существенно изменилось. Мы всегда отмечали негативные стороны переживаемого этапа социально-экономического развития и искали выход из него. Точно так же журнал откликнулся и на экономические реформы. Так, рядом авторов была сделана попытка ответить на вопросы о том, кому выгодна реформа, а кому нет (см. например: Овсиенко В.В. и др. Российская реформа и интересы властных социальных групп. 1993. Вып. 1; Полтерович В.М. Экономическая реформа 1993 г.: битва правительства с трудовыми коллективами. 1993. Вып. 4). Разумеется, большое внимание уделяется проблемам монополизации, приватизации, социального расслоения общества, выживания науки (например: Варшавский А.Е. Экономические и социальные проблемы сохранения науки в России. 1995. Вып. 4). Ряд статей посвящен проблемам разработки научно обоснованных программ социально-экономических реформ. Значительный вклад в их решение внесли исследования академика Д.С. Львова (см., например, его работу в соавторстве с Н.И. Моисеевым и В.Г. Гребенниковым “О концепции социально-экономического развития России”. 1996. Вып. 3).

“ЭММ” отвел на своих страницах достаточно места для публикации результатов научных изысканий, непосредственно готовивших экономическую реформу. Помнится статья К.Г. Гофмана, Ю.В. Овсиенко, В.Л. Перламутрова и Н.Я. Петракова “О проблемах комплексной реформы управления народным хозяйством” (1986. Вып. 6), статьи Л.И. Абалкина, С.А. Айвазяна, В.А. Волконского, В.Е. Дементьева, Ю.В. Сухотина и Л.В. Брагинского по проблеме сбалансированности рынка.

У журнала появилась возможность вернуть науке несправедливо забытые имена А.А. Богданова, С.Ю. Витте, Н.Д. Кондратьева, А.С. Посникова, М.И. Туган-Барановского, Г.А. Фельдмана, А.В. Чаянова, А.И. Чупрова и других русских ученых, творческое наследие которых, как я уже отмечал, не только показывает, что российская эко-

номическая наука имеет глубокие корни и великолепную школу, но и поможет решить немало проблем современной экономической жизни.

В заключение хотел бы сказать, что я всегда гордился и горжусь тем, что одним из главных принципов журнала была и остается полная свобода обсуждения поднимаемых вопросов и плюрализм. Острые споры на его страницах освещались всесторонне еще в 60-х годах, когда, например, шла дискуссия между такими корифеями как А.Л. Лурье, Л.В. Канторович и А.Л. Вайнштейн по вопросу об экономическом смысле и методах расчета норматива эффективности. Печатали мы даже и тех, кто критиковал наше любимое и тщательно оберегаемое детище – СОФЭ (например, статья В.И. Данилова-Данильяна в вып. 3 за 1987 г.). О приверженности “ЭММ” принципу плюрализма свидетельствуют материалы “круглых столов” и регулярные публикации на его страницах иностранных авторов, среди которых были ученые с мировым именем: Нобелевские лауреаты В. Леонтьев, Р. Стоун, Дж. Стиглер, а также Я. Корнай, М. Калецки, О. Ланге, Э. Маленво, Я. Тинберген, Ц. Грилихес и др.

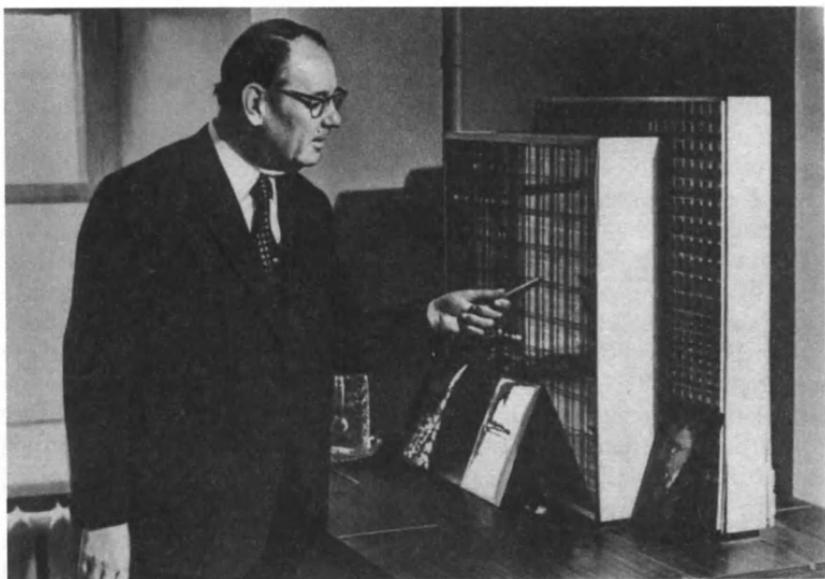
Журнал “Экономика и математические методы” был и остается моим любимым детищем. Я желаю ему успехов в наше трудное для любого периодического издания время. Сожалею, что здесь мне не удалось перечислить все достойные упоминания материалы и все имена, которые хотелось бы вспомнить.

## СТРОИМ СОБСТВЕННЫЙ ДОМ

Говоря о создании ЦЭМИ, нужно рассказать и об истории строительства здания института, что потребовало больших затрат нервной, умственной энергии и других ресурсов. Как я уже сказал, поначалу мы ютились в здании на Волхонке, где тесно было ужасно. Положения принципиально не изменил и наш переезд в седьмой корпус старого комплекса зданий президиума АН СССР у Нескучного сада, поскольку все равно ЦЭМИ оказался разбросанным по десятку адресов Москвы.

Ценой большой работы и с помощью М.В. Келдыша нам удалось добиться постановления Совета Министров о строительстве для института отдельного здания площадью 12 тыс. кв. м в расчете на то, что в нем будет работать 1000–1200 сотрудников. Не стану рассказывать, как мне удалось при утверждении плана строительства приставить к цифре 12 000 слова “рабочей площади”, что в итоге дало нам 18 тыс. кв. м так называемой общей площади, но все же это удалось. Мы заключили договор с одним из лучших строительных трестов Мосстроя, и работа “закипела”. С этого момента мое директорское расписание на несколько лет стало начинаться с обувания в резиновые сапоги и поездки к восьми утра на стройку.

При закладке фундамента здания в правый задний угол я, по старинной традиции, положил серебряный рубль (на золотую монетку средств не хватило) и свою книжку о СОФЭ. Хотя отношения со строителями у нас сложились неплохие, проблем было предостаточно. Например, было много возни с металлоконструкциями, которые мы полу-



У макета будущего  
здания ЦЭМИ



У будущего нового  
здания ЦЭМИ

чали из Грузии и размеры которых никак не совпадали с проектными. О том, как я добыл лифты, я расскажу отдельно. Мебель частью приобретали централизованно, часть купили у соседей. Повседневной же “научно-практической” темой для ЦЭМИ тех лет была проблема, которую незабвенный А.И. Райкин отобразил в своем знаменитом монологе рабочего-строителя: “Где работаешь? Стройка. Что делаешь? Курю”. Как будто Аркадий Исаакович побывал на строительстве ЦЭМИ: “если кирпич бар, то раствор йок, если раствор бар, то бульдозер йок и т.д.”. Сколько нервной энергии и “подмазок” было истрачено на налаживание бесперебойной работы на стройке и откуда брались средства для этих “подмазок”, знает только Господь Бог, но, хотя и со скрипом, дело шло. В конце концов, как сказал Чебурашка, “мы строили, строили и построили!”

Проектировал здание ЦЭМИ известный московский архитектор Павлов. Проект в целом мне понравился. Удачно было выбрано место, рядом со станцией метро, что очень важно в условиях громадного города. Высота в 22 этажа представлялась по тем временам вполне престижной, отвечающей, как казалось, будущей роли института в системе экономических научных заведений страны. Впечатляло и то, что половина объема здания отводилась под технические нужды. Тогдашние ламповые счетные устройства требовали активного охлаждения; кабинеты же следовало энергично отапливать, поскольку здание с обеих сторон было практически сплошь остекленным.

Признаюсь, что тогда мы намеренно “обманули” Госплан, заложив в проект установку таких ЭВМ—мастодонтов, как “Весна” и “БЭСМ”. На самом деле впоследствии были установлены намного более компактные машины, что позволило сэкономить место для размещения научных сотрудников. Образовался и резерв для дальнейшего развития института.

Когда я вспоминаю многолетнюю эпопею строительства здания ЦЭМИ, то в первую очередь от всего сердца хочу отдать должное замечательному организатору всех хозяйственных забот при создании ЦЭМИ и во всей его дальнейшей деятельности до самого дня нашего одновременного перехода в Институт проблем рынка Н.В. Махрову, удивительно свободно и быстро раскрывшему свой талант хозяйственного руководителя. И если я бился за наш дом на уровне “штабов”, т.е. главным образом, в ЦК, Госплане, Мосстрое и т.п., то Николай Васильевич находился в “окопах передовой линии”, лицом к лицу с “противником” — от начальника стройуправления до рядового маляра или бульдозериста. Не раскрывая всех деталей, скажу, что мне и ему временами приходилось “пускаться во все тяжкие”, чтобы процесс строительства не останавливался.

Помогало нам и то, что ЦЭМИ, будучи академическим институтом, не стремился замыкаться в башне из слоновой кости фундаментальных исследований. Институт не только не чурался практических разработок, но весьма активно ими занимался, что сформировало множественные связи в отраслях, на предприятиях как Москвы, так и всей страны. Временами эти связи оказывались весьма полезными и в рассматриваемом аспекте.



Закладка нового здания ЦЭМИ



Н.В. Махров (в заботах о ЦЭМИ) (слева),  
Ю.В. Овсинко (бессменный главный редактор журнала  
“Экономика и математические методы”)  
и Е.Г. Ясин (будущий министр экономики России)



Новое здание ЦЭМИ

Не скрою, я мечтал сделать в ЦЭМИ все “на высшем уровне” – от обстановки в вестибюле до лифтов и прочего благоустройства. Удалось не все. Н.В. Махров сумел сделать очень многое, буквально “мотаясь” по всему СССР. С вестибюлем получилось, мебель из Прибалтики прибыла, художественные конструкции украсили зал заседаний. Но кое-что дотянуть до высокого уровня так и не удалось.

Здесь я бы хотел рассказать о своей первой поездке в Финляндию, а почему, станет ясно из последующего изложения. Как-то наш посол в Хельсинки обратился в Министерство иностранных дел и Академию наук с просьбой прислать дельного экономиста, который смог бы прочитать цикл лекций в университетской аудитории и для бизнесменов. Сделали это предложение мне, объяснив, что задание весьма ответственное, поскольку перед этим двух советских специалистов финские студенты фактически выставили из аудитории, проводив “вежливыми аплодисментами”. До поездки в Финляндию у меня оставалось две недели и, честно сказать, получив такое предупреждение, я серьезно под-

готовился, внимательно изучив, в частности, имевшуюся литературу и статистику по финско-советским экономическим связям.

Прибыл я в Хельсинки вечером, а уже наутро, несколько робея, стоял перед тысячной аудиторией студентов и преподавателей Хельсинкского университета. Сопровождал меня советник нашего посольства, что, наверное, объяснялось повышенной ответственностью моей миссии. Выступление мое, продолжавшееся полтора часа, было принято благосклонно, что я отчасти отношу и на счет высококвалифицированной переводчицы. Это была очень милая и старательная женщина, выходец из русской семьи, оставшейся в Финляндии после революции.

Перешли к вопросам и ответам. В этот момент я мысленно похвалил себя за то, что не зря потратил время на подготовку к поездке. Вопросы были в основном дельные, а ответы на них требовали хорошего знания предмета. А когда на язвительный вопрос о том, почему Советский Союз якобы имеет преимущества в торговых отношениях с Финляндией, я посоветовал сначала знакомиться с цифрами, а потом задавать вопросы, и вслед за этим, оперируя статистическими данными, охарактеризовал реальное состояние и динамику сальдо нашей взаимной торговли, то сорвал аплодисменты. Покидал я Хельсинкский университет весьма довольный собой. Аудитория, по-моему, тоже осталась мной довольна. А самое главное, доволен был наш представитель, отчета которого с нетерпением и понятной тревогой ожидали в посольстве.

Хорошее начало – половина дела, и, удачно начав свои “гастроли”, я с хорошим настроением провел их до конца. Успехом пользовались мои лекции и в университетах других городов Финляндии, в том числе в Тампере и Турку. Большое впечатление на меня произвела организация лесопромышленного хозяйства страны, особенно система восстановления вырубленных лесов, позволяющая постоянно поддерживать положительный сырьевой баланс отрасли. Поразили и некоторые мелочи, дающие представление об особенностях национального характера финнов. Так, однажды, выходя из небольшого придорожного трактира, где мы остановились перекусить, я обратил внимание на висящую на калитке пару отличных новых сапог. Я поинтересовался, что это за сапоги, и мне объяснили, что они заказаны хозяином двора по каталогу финского “посылторга”, и почтальон таким образом их доставил. Заказчика же сегодня нет дома, вернувшись, он их заберет. На мой вопрос, а не пропадут ли они за это время, мои собеседники, улыбнувшись ответили, что в Финляндии такого не бывает.

Финны внешне производят впечатление людей весьма сдержанных и временами даже угрюмых, однако финское гостеприимство и радушие трудно с чем-либо сравнить. Интересно, что обязательным атрибутом этого гостеприимства является посещение сауны, которая за городом может представлять из себя отдельное шикарное сооружение, а в городе может располагаться даже в квартирах многоэтажных жилых домов с идеальной теплоизоляцией и безо всяких протечек.

Завершив цикл лекций, по возвращении в Хельсинки я зашел в наше посольство, чтобы рассказать об итогах своей поездки. Там меня

поблагодарили и сказали, что финская сторона обратилась к ним с просьбой, чтобы я задержался на пару дней и встретился с представителями местных деловых кругов. Это была единственная встреча в Финляндии, во время которой я немного понервничал. Дело было в том, что беседа проходила в форме обеда в громадном и шикарном ресторане. Бизнесмены сидели за столиками, стол был накрыт и для меня с переводчицей. Среди бутылок и тарелок стоял микрофон. Сначала я сделал небольшой доклад минут на двадцать, потом пошли вопросы и ответы. Я то говорю, то слушаю переводчицу, блюда вкусней одно другого меняют и меняют, а у меня, как говорится, ни маковой росинки и ни в одном глазу.

Эта попытка продолжалась примерно два с половиной часа, аудитория ела и пила, а я только смотрел как меняются тарелки и фужеры, к которым не мог притронуться. В самом конце банкета, когда у меня уже кружилась голова от утомления и зависти к насытившейся аудитории, пилюля была все-таки подслащена. Мне объявили, что, по решению правительства страны, мне вручается медаль имени выдающегося государственного деятеля Финляндии Юхо Паасикиви, с именем которого связано проведение внешнеполитического курса, направленного на дружбу с СССР, присуждаемая за достижения в укреплении финско-советских связей и сотрудничества, а также заметили, что моя медаль имеет третий номер, а медаль под номером два была перед этим вручена нашей космонавтке Валентине Терешковой. Безо всякой иронии скажу, что я был очень горд этой наградой, горжусь ею и сегодня, однако в тот момент все же подумал: “А поесть-то мне сегодня дадут?”.

Как будто прочитав мои мысли, ко мне подошел президент фирмы КОНЕ, известной во всем мире своим отличным лифтовым оборудованием, представил мне своего сына с его другом и сказал, что назавтра он приглашает меня на свою фирму, а сейчас ребята меня быстренько отвезут и хорошенько накормят, поскольку, как он заметил, мне это сейчас остро необходимо. Тот вечер мы провели в отличном ресторане, где я наслаждался не только хорошей едой, но и беседой с нашим переводчиком, который оказался профессором русской филологии и вел разговор на прекраснейшем русском языке.

Во время посещения фирмы я “проговорился”, что в настоящее время в Москве строится здание моего института высотой в двадцать два этажа, однако с лифтами у нас в стране проблема, и приходится стоять за ними в очереди. Президент КОНЕ сказал мне на это, чтобы я не беспокоился и что лифты для ЦЭМИ будут. И действительно, через некоторое время вдруг раздался звонок из Госплана с сообщением о том, что в адрес ЦЭМИ из Финляндии прибыли четыре лифта. Здание ЦЭМИ к тому моменту было построено только до пятого этажа, и лифты пришлось убрать на склад. Когда же подошла пора их устанавливать, из Хельсинки прибыла боевая бригада монтажников с необходимым инструментом и оборудованием, установила лифты, даже слегка подновила автоматику. Эти лифты работают до сих пор и, по-моему, отлично.

Кстати, финским специалистам, а следует заметить, что финны – лучшие в мире архитекторы, понравилось наше здание. Особенно они

похвалили укрепленную на фасаде эмблему в виде ленты Мебиуса, прозванную местными жителями “каменным ухом” и вызвавшую в свое время большие споры и упреки в “украшательстве”. Помню, что только поддержка М.В. Келдыша, внимательно – от подвала до чердака – осмотревшего наше здание, отвела от меня обвинения в расточительстве. Спустя год мы неожиданно получили из Хельсинки большую пачку красивых цветных календарей с фотографией здания ЦЭМИ, которую финны сделали, будучи в Москве. Один такой календарь до сих пор хранится у меня дома.

Раз уж зашла речь о Финляндии, расскажу и о второй своей поездке туда, в которую несколькими годами позже меня пригласил академик В.А. Кириллин.

В составе делегации я был приглашен на прием, который проводился в живописном пригороде Хельсинки во владениях фирмы, владельцем которой был наследник знаменитой фамилии Синебрюховых.

Кстати, фамилия этого купца стояла в одном ряду с именами таких легендарных русских торговцев и промышленников, как виноторговец Елисейев или булочник Филиппов. Так, вспоминая Петербург 50–60-х годов XIX в., выдающийся русский юрист и публицист А.Ф. Кони рассказывает, как по Невскому проспекту “двигаются грузные, пузатые кареты огромного размера..., содержимые много лет купцом Синебрюховым и курсирующие преимущественно между городом и его ближайшими окрестностями – селом Александровским на Шлиссельбургском тракте, Полюстровом возле Охты и т.д.”<sup>8</sup>. Эта фамилия была знаменита не только omnibusами, не только тем, что вот уже более полутора столетий являет собой известную марку спиртных напитков, но и тем, что с ней связана своеобразная легенда. Рассказывают, что один из предков нынешнего Синебрюхова, будучи недоволен неблагозвучностью своей фамилии, обратился к государю императору с челобитной, прося разрешения заменить ее на более приятную для слуха. Говорят, что царь на эту просьбу ответил так: “Не хочет быть Синебрюховым, так пусть будет Краснобрюховым”. Наш герой после этого оставил свою затею, и до сих пор самое лучшее пиво в Финляндии так и называется – Sinebrukhoff.

Завершая рассказ о строительных делах, приоткрою завесу над одной из “федоренковских тайн”, которая занимала в свое время многих. Дело в том, что наряду с успехами в постройке здания института, мне удалось обеспечить многих из своих сотрудников новым жильем. Секрет на самом деле был прост и заключается не в каких-то легендарных “связях”, а в находчивости и инициативе.

В сталинские времена проблемы распределения жилья не было, поскольку строили мало, а новое жилье распределяли очень большие начальники. К примеру, списки на получение квартир в новых высотных домах проверял и утверждал лично “хозяин”.

Когда Н.С. Хрущев развернул массовое жилищное строительство, поставив на первое место не качество домов, а скорость и объемы строительства, когда массы людей стали получать новые квартиры,

<sup>8</sup> Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. 245.



Новое здание ЦЭМИ. Эмблема – лента Мёбиуса

эта проблема возникла. Созданное при Моссовете Управление по учету и распределению жилой площади никак не могло наладить нормальную работу из-за отсутствия добротной информационной системы. Информация о вводе нового жилья, об обменных операциях и т.п. искажалась, существенно запаздывала. Это вызывало сбои и путаницу в работе городского управления и районных отделов и, естественно, открывало возможности для махинаций. По просьбе партийного лидера Москвы В.В. Гришина, нашим институтом была разработана и внедрена в практику городского хозяйства так называемая интегрированная система обработки данных, которая значительно улучшила и облегчила процессы учета и распределения жилья в городе. Работа наша была оплачена, как сейчас говорят, по “бартеру”. Институт получил за это десяток квартир, которые мы тут же распределили среди самых нуждающихся в жилье сотрудников.

Впрочем, система компьютерного учета не создала непреодолимых препятствий для взяточников, которые со свойственной им гибкостью, по-видимому, тоже усовершенствовали свою методологию. Естественно, что первое время они сопротивлялись разработке этой системы, на что я с удивлением обратил внимание, будучи на приеме у начальника городского управления, который весьма резко выступил против. В тот раз я выступал в роли ходатая за одного из своих сотрудников, жившего в невыносимых условиях. В ответ на свою просьбу я получил встречную – посодействовать в деле защиты кандидатской диссертации. Я подумал про себя: “Ну вот, кому борзые щенки, а кому кандидатские степени!”, а вслух ответил: “Ну что ж, у нас в ЦЭМИ получают ученые степени не только научные работники, но и государственные деятели, практики с производства и т.п., так что мы вполне можем рассмотреть и вашу диссертацию”. В конце концов защита его диссертации так и не состоялась, поскольку наш герой угодил за тюремную решетку.

## 7. НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

---

### “БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО”

С Отделением экономики АН СССР, в котором я начал работать в 1962 г., связано 36 лет моей жизни. Пятнадцать лет (с 1971 по 1985 г.) я был его руководителем – академиком-секретарем, и в остальные годы всегда активно участвовал в его работе. Должность академика-секретаря была и остается до сих пор не столько почетной, сколько хлопотной. Признаться, забот и ответственности на этом посту у меня хватало с избытком, поскольку хозяйство это и большое, и беспокойное.

Естественно, основное внимание нужно было уделять координации работы главных центров экономических исследований – таких институтов общесоюзного значения, входивших в систему Академии наук СССР, как Институт экономики, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт экономики и организации промышленного производства (в составе СО Академии), Институт экономики мировой социалистической системы, Институт Латинской Америки, Институт Африки. В период моей работы в Отделении были созданы еще и такие академические институты, как Институт Дальнего Востока, Институт США и Канады, Институт социально-экономических проблем (г. Ленинград), Институт экономики Уральского научного центра (г. Свердловск), не говоря уже о моем любимом детище – ЦЭМИ. К моменту завершения моей деятельности на этом посту и немного позднее образовались также Институт народнохозяйственного прогнозирования, Институт проблем рынка, Институт Европы, Институт социально-экономических проблем народонаселения. Впоследствии научные центры, занимавшиеся международной тематикой, выделились в самостоятельное Отделение.

Выше упомянуты только академические научные центры, с которыми нужно было вести непосредственную повседневную и кропотливую работу, не считая рассмотрения и утверждения годовых и перспективных планов исследований. Но так или иначе в сферу влияния Отделения экономики попадали и другие экономические исследовательские организации – институты системы Госплана СССР, а также экономические институты, созданные функциональными и отраслевыми министерствами и ведомствами страны. Их было несколько десятков, и перечислять я их здесь не берусь. Отделение не оставляло без внимания и вузовскую экономическую науку, которой занимались профессора и преподаватели 16 российских специализированных экономических вузов, экономических факультетов в 22 государственных университетах, многочисленных отраслевых экономических кафедр в инженерно-экономических, технических, сельскохозяйственных, строительных и

других вузах России. Обратите внимание, что я пока говорил только о России, а если прибавить сюда академическую и другую экономическую науку союзных республик, то можно представить, как сложно было управляться со всей этой махиной.

Кроме координации исследований, Отделение экономики заботилось и об издании их результатов. Монографии по разным экономическим проблемам выпускались издательствами “Экономика”, “Наука”, “Мысль”, “Московский рабочий”, “Колос”, “Финансы”, “Международные отношения” и др. Этим же занимались экономические подразделения отраслевых издательств, таких, например, как “Машиностроение”, “Транспорт” или “Строительство”. Нельзя не упомянуть здесь и издательство “Высшая школа”, печатавшее главным образом учебники, некоторые из которых, однако, с полным основанием можно оценить как серьезный вклад в экономическую науку.

В мое время существовал и целый “букет” журналов, публиковавших экономические статьи, в том числе “Вопросы экономики”, “Плановое хозяйство”, “Финансы СССР”, “Экономические науки”, “Вестник МГУ. Экономика”, “Вестник ЛГУ. Экономика, философия и право”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Экономика и математические методы”, “Известия АН СССР. Серия экономическая”, “Экономика и организация промышленного производства”, “Экономика строительства”, “Экономика сельского хозяйства” и др. И это только на территории России!

Все перечисленные выше издательства и журналы создавали весьма большой массив научной информации, ознакомление с которой, я уже не говорю об усвоении, становилось с каждым днем все более неподъемной задачей. А нужно было еще держать руку на пульсе зарубежной экономической науки. Благородную работу в этой области взял на себя Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, выросший из исследовательских подразделений Фундаментальной библиотеки по общественным наукам, когда-то располагавшийся по соседству с “Ленинкой”, а в 70-х годах занявший красивое большое здание, расположенное рядом с ЦЭМИ.

Нужно заметить, что публикации сотрудников институтов, входивших в Отделение экономики и в Секцию общественных наук Академии, да и исследовательских организаций иного ведомственного подчинения, на самом деле были только “верхушкой айсберга”. Процентом 60–70, а иногда и более их научной продукции (т.е. той, где ученые пытались говорить правду) выпускалось под грифами “конфиденциально”, “для служебного пользования” или “секретно”.

Надо сказать, что обеспечение аналитическими материалами правительства везде и всегда считалось и считается обычной практикой научных организаций, тем более госбюджетных. Еще Петром Первым в уже цитированном Уставе было указано, что “ежели его императорское величество потребует, чтобы академик из своей науки некоторое дело сискивал, то повинен он тое со всем прилежанием чинить и о том в надлежащее время (ибо суть многие дела, которые вельми малы быть кажутся, однакоже долговременное розискание требует) от-

поведь дать”<sup>1</sup>. Однако у нас здесь, как, впрочем, и во многом другом, конечно, были и свои искривления. Засекречивались целые направления исследований, например, работа над Комплексной программой научно-технического прогресса. Оценка деятельности отдельных ученых ставилась в зависимость от того, сколько он написал “записок в директивные органы”. Наконец, многие соискатели ученых степеней использовали любые ухищрения для “засекречивания” своих диссертаций, что давало им поблажки в смысле необходимых для защиты публикаций и в известной мере ограждало от критики.

В работе Отделения было два главных направления: во-первых, обсуждение теоретических вопросов и крупных прикладных проблем, связанных с текущим и перспективным развитием народного хозяйства, и, во-вторых, – отчеты институтов, проводивших исследования по отдельным направлениям экономической науки. Перед этими отчетами в институты, как правило, направлялись специально создаваемые Отделением комиссии, состоявшие из квалифицированных ученых, делавших свои оценки и предложения. В задачи Отделения также входила организация выполнения крупномасштабных исследовательских проектов, в силу своей специфики требовавших объединения усилий нескольких институтов. Ярким примером в этом смысле является работа над Комплексной программой научно-технического прогресса, о которой в этой книге рассказано отдельно.

Кроме того, весьма часто Отделению приходилось выполнять отдельные задания ЦК и правительства. Как правило, это происходило накануне партийных пленумов и съездов или перед принятием крупных правительственных решений по хозяйственным вопросам. В этих случаях бюро Отделения создавало межинститутские рабочие группы либо раздавало отдельные поручения. После проведения сводной работы готовые материалы передавались заказчику. Это происходило либо напрямую, либо – в случае их особой важности – после обсуждения на президиуме Академии.

## “ДАЧНЫЕ БДЕНИЯ” ИЛИ “СЕНОКОСЫ”

При подготовке наиболее ответственных материалов, например, текстов “исторических” выступлений самого высокого начальства либо других текстов, произносимых на пленумах и съездах партии, использовался и такой метод, как работа на “даче”. Мне вместе с коллегами приходилось несколько раз участвовать в “дачных бдениях”, проводившихся по известному методу мозговой атаки.

Надо сказать, что такого рода занятия, которые кто-то из нас называл “авралами”, а другие – “сенокосами”, дело весьма напряженное и утомительное, поэтому для их участников специально создавались великолепные бытовые условия. Работа проходила, как правило, в живописных пригородах Москвы в комфортабельных помещениях. Помню,

---

<sup>1</sup> Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1972. С. 35.

поначалу это были бывшие дачи Жданова и Горького, расположенные неподалеку от кунцевской (“ближней”) дачи Сталина, иногда дело происходило в Серебряном Бору, а впоследствии было отведено постоянное место – санаторий “Сосны”, расположенный близ Успенского, на берегу красивейшей излучины реки Москвы. У всех нас были уютные комнаты, питание отменное, а кинозал, бильярдная, спортивный зал и прочее давали возможность отдохнуть каждому так, как ему нравится. Для нас, как бы “посвященных в таинства”, даже демонстрировались кинофильмы, не допускавшиеся на широкий экран. Правда, посмотрев как-то один из них (помнится, это был венгерский фильм “Воробей – тоже птица”), я так и не нашел в нем ничего крамольного. Наверно, подумал я тогда, чтобы быть идеологическим цензором и уметь отыскивать антисоветчину на абсолютно ровном месте, следует обладать особыми способностями, которых у меня не было.

Но, честно говоря, участникам “сенокосов” было не до развлечений и не до живописных окрестностей, поскольку серьезная и ответственная работа шла днем и ночью. “Выходом” нашей работы в конце концов были, например, несколько страниц доклада премьер-министра очередному съезду партии. Вроде бы несколько страниц, на чтение которых и уйдет-то десяток-другой минут, и что здесь такого особенного? Но дело-то в том, что каждым словом, каждой цифрой проекта такого доклада определялось будущее страны на предстоящее пятилетие или десятилетие, формулировалась концепция ее развития. Чтобы из “заготовок” докладов не получалось потом, в окончательных текстах, за ними скрывалась серьезная и кропотливая работа больших научных коллективов; почти каждая формулировка была плодом глубоких размышлений, горячих споров и дискуссий. В этих дискуссиях принимали участие крупные ученые, на них приглашались министры и руководители общесоюзных ведомств, руководящие работники ЦК КПСС, за которыми, как правило, оставалось окончательное решение.

Этим решением, бывало, перечеркивались плоды большой работы, а из подготовленных нами и, казалось бы, хорошо отработанных в научном смысле и “вылизанных” стилистически и идеологически текстов мы узнавали в опубликованных вариантах только одно написанное нами слово: “товарищи!”

Хорошо помню, как однажды, еще во времена Брежнева, на одной из дач шла подготовка к пленуму ЦК по проблемам научно-технического прогресса, который, между прочим, так и не состоялся по причинам, мне до сих пор не известным. Я с группой специалистов, которую возглавлял Н.Н. Иноземцев и куда входили Г.А. Арбатов, О.Т. Богомолов, П.Г. Бунич, М.Я. Лемешев и другие, участвовал в разработке предложений о том, как усовершенствовать хозяйственный механизм, чтобы он стимулировал развитие науки и техники. Предложения были сделаны нетривиальные, я подверг жесткой критике затратную концепцию, выдвинул идею принципиальной перестройки системы ценообразования, стимулирования и проч. Когда эти мои предложения при предварительном обсуждении были чуть ли не походя отвергнуты, я, честно говоря, серьезно обиделся и тем же вечером уехал, ни с кем не попрощавшись. Когда на другой день на дачу приехал секретарь ЦК

А.П. Кириленко и спросил обо мне, мои коллеги сказали, что я заболел. Спасибо им, а то могли бы выйти неприятности. Такая строптивость в то время и в тех стенах отнюдь не поощрялась.

Должен сказать, и многие могут подтвердить, что я вообще-то человек не обидчивый, терпеливый и не склонен ни по мелочам, ни по крупному надувать губы, как гимназист, которого лишили сладкого. Но временами я чувствовал, как пределы моего терпения исчерпываются, как в моих жилах начинает закипать моя казацкая кровь, и я вот-вот могу сорваться, как это было однажды в одном из кабинетов МГК, когда я уже почти схватил в руки чернильницу.

И в этот момент я всегда предпочитал уйти, бормоча себе под нос что-нибудь успокаивающее – либо: “Отойди от человека глупого...” (Притчи, 14, 7), либо: “Терпением вашим спасайте души ваши” (Лука, 21, 19), либо: “Не спорь с дураком, ибо люди могут не заметить разницу между вами” (из “Закона Мерфи”), либо что-нибудь подобное. Успокоиться, правда, сразу не удавалось. В такие моменты меня особенно мучила мысль о бесплодности усилий множества людей, руководить которыми доверила мне судьба, о том, что их мозги и нервы тратятся не то чтобы впустую, поскольку научная продукция все-таки налицо, но все же эти затраты не всегда приносят практическую пользу, и наши предложения не находят должного и, на мой взгляд, бесспорно необходимого применения в народном хозяйстве.

Должен честно сказать, что, как и большинство русских людей, меня посещали наивные мысли, когда при очередной смене верховной власти мне казалось, что вот новый-то генсек внимательно рассмотрит наши предложения, убедится в нашей правоте, развернет хозяйственную реформу и вскоре все у нас наладится. Особенно обнадеживал, например, приход к руководству страной Андропова, так было и в начале горбачевской перестройки. Сегодня, перебирая на письменном столе пожелтевшие страницы наших “записок в директивные органы”, идеи и предложения которых раз за разом как бы уходили в песок, я начинаю думать, что, может быть, и правы те, кто говорит, что “ту систему реформировать было невозможно, ее нужно было ломать”. Но тогда я еще не думал об этом, надежды меня не оставляли, и я продолжал ломиться в запертые ворота, раз за разом набивая себе шишки и синяки.

Сегодня я уже могу с большой точностью сказать, когда наивные мечты меня оставили окончательно. Это было после появления среди нашего геронтологического руководства молодого, энергичного и симпатичного парня с двумя вузовскими дипломами, т.е. когда Михаил Горбачев стал вторым секретарем ЦК. Я не столько напросился, сколько “вломился” к нему на прием и после весьма длительной беседы, как мне показалось, убедил его в необходимости принятия неотложных мер по изменению существовавшего тогда хозяйственного механизма. Мы уговорились на том, что я подготовлю соответствующую записку, и по возвращении в ЦЭМИ я мобилизовал своих коллег на ее подготовку. Работали мы с большим энтузиазмом, через некоторое время в адрес Горбачева направили, на наш взгляд, хорошо аргументированные предложения на семидесяти страницах и стали ждать реак-

ции. Первая реакция свелась к просьбе сократить наш материал вдвое, что мы, скрепя сердце и выбрасывая, на наш взгляд, необходимое, быстро сделали. Во второй раз мы получили указание переделать все еще раз и уложиться максимум в пятнадцать страниц. В третий раз – в семь.

Помню, как снова бормоча себе под нос успокаивающие заклинания, я собрал своих помощников и объявил им этот приговор. И у меня, и у них был в тот момент довольно унылый вид, так как все мы понимали, что уложить в семь страниц предложения по совершенствованию системы планирования и управления советской экономикой – вещь абсолютно нереальная.

Разочарований такого рода у меня было немало, что вело к неизбежным стрессам. Вы спросите, а где же тогда мои инфаркты и инсульты? Думаю, что мне удалось найти средство для относительно безболезненного выхода из подобных ситуаций, которое могу порекомендовать и тебе, дорогой читатель. Прежде всего я никогда не предавался тихому унынию и в подобные минуты намеренно взвинчивал себя психологически, внутренне убеждая, что, мол, “еще не вечер” и нельзя бросать оружие и опускать руки. Во-вторых, я в такие минуты никогда не уединялся, а наоборот, активно искал общения с друзьями и близкими коллегами, с которыми у меня были доверительные отношения. Наконец, третье и весьма действенное средство – это немедленная организация дружеского застолья, непременно и обязательным условием которого является абсолютный запрет на малейшее упоминание о любых делах, тем более неприятных.

## КОМИССИИ И СОВЕТЫ, СЕКЦИИ И КОМИТЕТЫ

Возвращаясь к работе Отделения экономики, замечу, что, решить все задачи, стоявшие перед ним в области организации научного процесса, опираясь только на имевшийся в нем аппарат, состоявший из двух-трех сотрудников, было, конечно, затруднительно.

Большую роль в решении задач играли так называемые проблемные научные советы АН СССР, создававшиеся для объединения и координации усилий ученых по крупнейшим направлениям исследований. Я участвовал в работе многих таких советов и как рядовой член, и как председатель. О работе одного такого Научного совета расскажу подробно, но перед этим хочу заметить, что “дополнительных нагрузок”, которые я нес помимо руководства ЦЭМИ и Отделением экономики, участвуя в деятельности различных комиссий, комитетов, советов, коллегий, пленумов, консультативных групп и проч., у меня было очень много, и их перечень занял бы значительное место. Некоторые из этих нагрузок были весьма серьезными, например, деятельность в роли члена Коллегии Госкомитета по науке и технике. Другие – относительно менее важными. Но все они требовали ответственного к себе отношения и – в совокупности – немало труда. Так что не так уж и легка “шапка академика”...

Кроме перечисленных, мне пришлось немало времени уделять и выполнению разного рода деловых и почетных обязанностей, связанных с международными научными связями. Я отношу это в меньшей мере к своим личным заслугам, а в большей – к славе и авторитету, которые были завоеваны нашим институтом, моими коллегами. Думаю, что и почетные звания, присужденные мне за рубежом, я получил не только как ученый, но и как директор ЦЭМИ.

С получением этих званий связан ряд эпизодов, которые могут быть интересны читателю, и я коротко о них расскажу, однако прежде, думаю, следует заметить, что среди других форм международных научных связей у нас была, так сказать, главная – в рамках Проблемной комиссии многостороннего научного сотрудничества академий наук стран – членов СЭВ. Я называю ее “главной” потому, что если другие международные связи, особенно с западными коллегами, устанавливались, главным образом, на базе чисто научных взаимных интересов, то здесь организующее начало было за Отделом науки ЦК, так называемым “Отделом ЦК” (ведавшим вопросами отношений с социалистическими странами и их компартиями, но в своем названии почему-то стыдливо это обходившим), а потом уж за президиумом АН СССР.

Тематика работы этой Комиссии была самой что ни есть актуальной: “Вопросы совершенствования планирования и управления народным хозяйством стран-членов СЭВ”. Непосредственным ее организатором был яркий и плодовитый ученый, очень симпатичный человек Ю.С. Ширяев. В то время он был заместителем директора Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, а через три года стал и вплоть до своей безвременной кончины оставался руководителем Международного института экономических проблем Совета Экономической Взаимопомощи. В своей области науки он пользовался заслуженным авторитетом, и я с удовольствием голосовал за присуждение ему звания члена-корреспондента АН СССР. Был бы он жив сегодня, думаю, непременно был бы академиком.

Так как с самого начала было решено, что координатором Комиссии будет Академия наук СССР, то и возглавить ее было предложено мне, как академику-секретарю Отделения экономики. По-видимому, здесь сыграло роль и то, что ЦЭМИ и его директор за рубежом ассоциировались с новым недогматическим направлением в экономической науке. Поскольку это была, как минимум, десятая комиссия, которой мне было поручено руководить, я делегировал свои полномочия С.С. Шаталину. Тот, в свою очередь, – Ю.Р. Лейбкинду. В конце концов дошло до того, что понадобился ученый секретарь Советской части Комиссии, и это дело было поручено А.Д. Барскому.

Поскольку, как я уже сказал, “наверху” эту Комиссию рассматривали как “ответственную и идеологически важную”, формирование ее Советской части превратилось в проблему почти что политического уровня. Это означало, что кандидатуры должны были пройти минимум через три кадровых сита, не считая, естественно, КГБ. Отбор ученых мы производили по своим критериям: я считал, что Советская часть Комиссии должна включать ведущих ученых по основным направлениям экономической науки, представителей центральных и периферий-

ных научных центров, и не только теоретиков, но и “прикладников”. Замечу, что я уделил особое внимание тому, чтобы здесь не превалировал ЦЭМИ, и Советская часть Комиссии как бы представляла Отделение экономики “во всей своей красе и полноте”. Однако, когда наши предложения были вручены руководству, оказалось, что у него другие критерии. Естественно, все члены Советской части должны быть членами КПСС, что, в принципе, достигалось почти автоматически. Но оказалось, что ЦК очень волновал еще и национальный состав участников; это существенно добавило нам работы. А.Д. Барский готовил и утрясал списки в разных вариантах: с именами и отчествами и с инициалами, с перечислением заслуг и должностей, а также просто с учеными степенями. Но руководство каждый раз отыскивало то “некрасивую” фамилию, то “неудобоваримое” отчество, правда, никогда не говоря, что не подходит национальность, и отводя кандидатуры то из-за возраста, то по какой-либо другой причине. Вся эта возня закончилась анекдотом: вместо одной кандидатуры на должность моего заместителя в Комиссии, которая не подошла из-за “некрасивой” фамилии, была включена другая, у которой фамилия была “красивее”, но, как мне было известно, “никуда не годная” национальность. Разочаровывать тех, кто это прошляпил, я не стал...

Кстати говоря, состав Советской части таким образом “утверждался” несколько лет, улита ехала, а Проблемная комиссия уже успешно работала. Помню, что на второе заседание (в Варшаву) Отдел науки ЦК вдруг почему-то рассудил не пускать А.Д. Барского. Честно говоря, я рассвирепел и заявил, что без ученого секретаря, готовившего все материалы к заседанию, я буду как без рук и отказываюсь ехать сам. Тут же острый на язык Н.Я. Петраков, присутствовавший при этом разговоре, заметил, что не гоже, мол, академику Федоренко представлять в Варшаве в образе Венеры Милосской. Юмор Николая Яковлевича я, как обычно, оценил по достоинству, но в тот момент мне было не до шуток, так как я сам поставил вопрос о собственном авторитете и раздумывал, что предпринять, если получу отказ. Наверное, мой нажим подействовал, и А.Д. Барский в течение нескольких часов получил загранпаспорт (на что обычно уходило в то время месяц-другой), неизвестно откуда появился для него и железнодорожный билет, и в тот же вечер мы отправились в Варшаву без кадровых потерь.

Дабы сотрудничество в этой комиссии, как это было во многих других, не превратилось в говорильню, я с самого начала предложил ориентироваться на “солидный” выход совместной работы – создание серии из трех монографий: “Планирование народного хозяйства”, “Хозяйственный механизм” и “Информационное и правовое обеспечение управления народным хозяйством”. При этом я предложил писать книги так, чтобы они не были разрозненными сборниками, а стали подлинно совместными трудами, в которых каждый раздел готовился бы международным авторским коллективом.

Скажу честно, меня удивило и обрадовало, насколько легко и заинтересованно согласились с этим предложением наши восточноевропейские коллеги. Впрочем, эта заинтересованность вовсе не обеспечила бесконфликтности в нашей работе. Так, концепция теоретического

раздела монографии “Хозяйственный механизм”, подготовкой которой руководил Н.Я. Петраков, стала предметом острых споров. Этого можно было ожидать, поскольку в Восточной Европе на этот счет были разные взгляды, которые полярно расходились, например, у ученых Венгрии и ГДР. Поэтому координацию работ и согласование концепций поручили “старшему брату” – Советской части Комиссии. При этом ЦЭМИ было не по рангу руководить теоретическим разделом, и это поручили представителю Института экономики – А.С. Гусарову, человеку ортодоксально марксистских взглядов и не очень гибкому.

Вскоре после написания первой версии раздела мы получили странное письмо от представителя Венгрии Томаша Надя, в котором он подробно разбирал предложенный текст и выражал возмущение давлением, которое советский представитель оказывал на членов рабочей группы. Назревало что-то вроде международного скандала. Мне пришлось собрать Советскую часть, чтобы обсудить ситуацию, не имея при этом ни малейшего желания ввязываться в очередной скандал с теоретиками из Института экономики. На заседании очень жестко выступили и А.С. Гусаров, и директор Института экономики Е.И. Капустин. Как водится в таких случаях (по принципу: не можешь опорочить идею – опорочи ее автора), много неприятных слов было сказано об авторе письма Т. Наде. Я не хотел затевать споров, но спасение пришло с неожиданной стороны. Чрезвычайно активно и критично по отношению к своим подопечным выступил Л.А. Моисеев, курировавший в Отделе науки ЦК Институт экономики. Он назвал высказанную ими позицию безнадежно устаревшей, отметил, что жизнь давно ушла вперед, а профессор Надя в своем письме это убедительно доказывает. Было решено ввести от советской стороны еще одного представителя – Р.Н. Евстигнеева, руководившего в ИЭМСС исследованиями в области проблем управления, которого хорошо знали и ценили в научных кругах стран СЭВ за широкую эрудицию и современные взгляды. Действительно, Рубен Николаевич быстро снял конфликт, и “спорный” раздел получился весьма интересным и сбалансированным.

Таким образом, механизм работы Комиссии постепенно налаживался, однако все равно скучать не приходилось, поскольку в ЦК куратором ЦЭМИ был тогда наш старый знакомый и неугомонный “доброжелатель” В.С. Глаголев. К сожалению, тень его неприязненного отношения к ЦЭМИ ложилась на все, в том числе и на работу Комиссии. После же “знаменитого” выступления К.У. Черненко, послужившего сигналом к тому, что ЦЭМИ надо громить, директора менять, никого за границу не выпускать, весеннее заседание Комиссии 1983 г. в Будапеште было сорвано, хотя было полностью подготовлено и у некоторых делегаций были куплены билеты. Целое лето на Старой площади раздумывали, что же с нами делать. Но совсем отменить Комиссию было нельзя, и заседание все же состоялось осенью.

Оба звания Почетного доктора университета и учебного заведения я получил в одном и том же 1976 г. – сначала в Женеве, а потом в Варшаве. В Швейцарии впоследствии я бывал несколько раз. Но то было первое мое посещение этой прекрасной страны, куда я отправился во



Вручение диплома Почетного доктора Женевского университета  
(слева – ректор университета, справа – проф. Луиджи Соляри)

главе большой советской делегации, состоявшей из сотрудников ЦЭМИ, ученых Новосибирска и других научных центров, на международную конференцию по проблемам межотраслевых балансов. Заседания вели поочередно представители разных стран, был там и Василий Леонтьев. Доклады советских ученых были оценены высоко, уровень их научного вклада был выше среднего, что отметил и Леонтьев, и чем я был весьма и весьма доволен.

Меня и моего коллегу из Великобритании пригласили выступить с лекцией в Женевском университете, из-за чего я задержался в городе на один день после завершения конференции. Среди слушателей на моей лекции совершенно неожиданно для меня оказался посол Советского Союза в Швейцарии. Меня это несколько озадачило, поскольку объяснить его присутствие я сам себе толком не мог. Вряд ли у нашего посла было такое пристрастие к эконометрике, чтобы из-за него оставить на какое-то время свои дела в Берне. Если же наше посольство хотело бы проконтролировать содержание моей лекции, что в те годы было почти правилом для советских лекторов, выезжавших за рубеж, то не послу же этим заниматься! Все объяснилось после окончания лекции, когда слово взял ректор университета и объявил, что специальным решением г-ну Федоренко присуждена степень доктора *honoris causa*. Зал зааплодировал, а я почувствовал себя смущенным как от такой чести, так и от неожиданности.

Сегодня мне приятно вспоминать об этом еще и потому, что ныне в Женевском университете учится моя любимая внучка Наташа. Добавлю, что отношения творческого сотрудничества, а потом и дружбы

связали меня с заведующим кафедрой эконометрики этого университета профессором Луиджи Соляри, к сожалению, рано ушедшим из жизни. Мы, можно сказать, дружили семьями, и мне очень приятно было встретить его супругу на праздновании моего 80-летия, на которое она специально приехала в Москву. Возвращаясь к моему пребыванию в Женеве в 1976 г., отмечу, что в хорошем настроении и по приглашению советского представителя Зои Мироновой я на другой день успешно прочитал лекцию еще и в Европейской экономической комиссии ООН, квартирующей в Женеве.

Правда, одно неприятное воспоминание о той поездке у меня осталось, причем такое, которое уже никогда не изгладится. Дело в том, что незадолго до поездки я, катаясь на лыжах, сломал себе руку. Врачи, осмотрев ее, сделали заключение, что она срастается нормально и, наложив свежий гипс, отпустили меня в Женеву. По прилете в аэропорту Куэнтрен по причине участвовавших в то время захватов самолетов был доскональнейший досмотр пассажиров. Мою руку в гипсе просвечивали десять минут, вертя ее во все стороны. После этого досмотра она у меня побаливала, а по возвращении в Москву врачи обнаружили, что перелом сместился на пару миллиметров, и спросили меня, как я это вытерпел. Ну что ж, вытерпел все-таки, а рука так и срослась, что оставило след о той моей поездке навсегда...

Надо, думаю, сказать и о том, что мой тогдашний успех с лекциями в Женеве через некоторое время “аукнул” мне дома несколькими весьма неприятными минутами. Недаром мудрец Мерфи говорит: “Если все идет хорошо, значит вы чего-то не заметили”. А дело в том, что немного погодя в СССР состоялась международная экономическая конференция, организованная Европейской экономической комиссией ООН, и я выступил на ней с докладом, подготовленным и успешно “обкатанным” в Женеве. Наверное, именно из-за этого я предварительно не пропустил свой текст через цензуру, что тогда было положено. Я был спокоен за его содержание, во-первых, из-за того, что оно уже было как бы апробировано и, во-вторых, потому, что все данные, содержащиеся в докладе, были взяты из открытой печати. Но вот незадача! При тиражировании моей работы на ней ООНовцами были добавлены слова: “Представлено Правительством Советского Союза”. Как потом выяснилось, это обычная ООНовская практика; так они поступали и с другими докладами, хотя представляли их никакие не правительства, а отдельные ученые. Но когда экземпляр моего доклада попали на глаза в Отдел плановых органов ЦК КПСС, где работали не только мои доброжелатели, что же тут началось! Первым делом В.С. Глаголев – бывший “мэнэс” из НИЭИ Госплана, не знаю как попавший на работу в ЦК и поэтому возомнивший себя крупным партийно-государственным деятелем, позвонил помощнику А.Н. Косыгина и организовал вокруг этого события целое дело, упирая на то, что Федоренко якобы слишком много на себя берет, выступая от имени советского правительства, что за эту наглость его нужно примерно наказать и т.п.

В результате была организована “разборка” в кабинете предсовмина, что само по себе уже говорит о ее “крутизне”, о чем также сви-



Выступление при вручении диплома  
Почетного доктора Высшей школы планирования и статистики  
в Варшаве

детельствует и состав приглашенных. На этой “разборке” кроме меня присутствовали также президент АН СССР академик М.В. Келдыш, академик В.М. Глушков и будущий академик А.И. Анчишкин. Мне пришлось взять с собой не только сам доклад, но и графики, демонстрирующие перспективы развития советской экономики по двум расчетным вариантам при разных (пессимистическом и оптимистическом)

значениях темпов роста. На эту встречу я, признаюсь, шел без особого беспокойства, поскольку догадался накануне зайти в ООНовский отдел МИДа и получить заверения о том, что в данной ситуации нет никакого криминала и что это принятая международная, особенно ООНовская, практика. Шел я к А.Н. Косыгину без особого трепета и боязни, зная его как разумного и справедливого человека, умеющего выслушать и принять контраргументы.

Некоторые сегодня отзываются об Алексее Николаевиче как о мизантропе, я же с этим не согласен. Мне приходилось общаться с ним в рабочей обстановке неоднократно и ни разу не заметил за ним признаков самодурства или комчванства. Настроенный своими осведомителями определенным образом, Алексей Николаевич, естественно, выразил мне свое неудовольствие, однако после моих объяснений и телефонного разговора с МИДом, который он провел в моем присутствии, смягчился, и я остался без взыскания.

Несмотря на это, разбирательства в Госплане и в ЦК продолжались, причем решения никак принять не могли. Особенно “гарцевал” В. Глаголев, который никак не мог уgomониться, и создавалось впечатление, что он получает удовольствие от самого процесса. Через несколько недель меня в очередной раз пригласили в ЦК, и Глаголев почти торжественно объявил мне, что мое дело передается в КГБ. Я же ответил, что пусть передают куда хотят, но эта волынка мне надоела, на их разборки я более ходить не намерен. Встал и ушел. На том, кстати, все и закончилось...

Поводом для моей поездки в 1976 г. в Польшу было участие в международной конференции по проблемам методологии планирования, проходившей в момент очередного политического кризиса в этой стране, если мне не изменяет память, в момент ухода Гомулки и прихода Герека. Тогда же поляки рассказали анекдот, который мне очень понравился: “В тюремной камере сидят трое.

- Ты за что сидишь?
- Я был против Гомулки.
- А ты за что?
- Я был за Гомулку.
- Ну, а ты?
- А я Гомулка”.

Так же как в Швейцарии в Варшаве мне вручали диплом почетного доктора Высшей школы планирования и статистики. Я подготовился и сделал необходимый доклад, который зачитывал с большим трудом. Дело в том, что стояла жаркая погода, а я по принятому традиционному церемониалу был обязан выступать в тяжелой суконной мантии, в шапке средневекового покроя и даже в перчатках. Как я закончил свое выступление – почти не помню, потому что меня чуть было не хватил тепловой удар. Хорошо помню только то, как после окончания церемонии снимал с себя одежду и дышал, как выброшенная на песок рыба. Вернувшись в пригородное поместье, где проходила наша конференция, я еще долго приходил в себя, приветствуемый коллегами.

## НЕБОЛЬШОЙ САМООТЧЕТ

Все доставшиеся мне должности, звания, регалии и нагрузки (не знаю, как уж их все назвать одним словом) пришли не сразу, их еще нужно было заработать. Как я уже рассказывал, впервые порог Отделения экономики Академии наук я переступил в 1962 г., когда А.А. Арзуманян пригласил меня в свои заместители. С того момента и по сию пору я неизменно участвовал и продолжаю – насколько позволяет здоровье – активно и заинтересованно участвовать в делах Отделения: и как действительный член Академии, которым я был избран в 1964 г., и как директор одного из ведущих академических экономических институтов, а сегодня как советник президиума Академии и член бюро Отделения.

Даже беглый обзор деятельности Отделения экономики занял бы значительное место, поэтому я хочу вспомнить лишь некоторые моменты его работы в те годы, когда я был академиком-секретарем, с 26 мая 1971 г. Честно признаться, мои обязанности как директора ЦЭМИ и как руководителя Отделения временами переплетались так тесно, что сегодня мне трудно отделить одно от другого. По этим причинам ниже я остановлюсь только на наиболее памятных для меня событиях.

Особое внимание научные учреждения Отделения экономики в 1971 г. уделили исследованию экономических и социальных проблем *долгосрочного* развития отечественного народного хозяйства. Основные исследования были подчинены решению следующих важнейших задач: разработке методологических вопросов долгосрочного планирования, разработке и внедрению в практику планирующих органов системы народнохозяйственного оптимального планирования и систем расчетов по основным разделам народнохозяйственного плана, исследованию вопросов формирования производственно-территориальных комплексов, Генеральной схеме размещения производительных сил СССР до 1990 г., преодолению социально-экономических различий между городом и деревней, исследованию уровня жизни народа. В частности, был проведен теоретический анализ и экспериментальная проверка алгоритмов согласования оптимальных планов развития отраслей, регионов и народного хозяйства в целом.

В области разработки системы многоступенчатой оптимизации был разработан новый метод решения матричных игр, доказана его сходимость, начаты работы по экспериментальному исследованию метода; подготовлен ряд рекомендаций по построению наиболее эффективного алгоритма многоступенчатой оптимизации. Тогда же был завершен цикл исследований по использованию различных форм локального критерия в трехступенчатой статической аппроксимизационной модели. Подготовлены рекомендации по построению модели сводного народнохозяйственного планирования, готовился расчет по модели размещения многоотраслевого комплекса. В процессе исследований по информационному обеспечению многоступенчатой системы оптимизации были разработаны отчетные межотраслевые балансы и коэффициенты прямых и полных затрат по экономическим районам РСФСР,

методика построения баланса ведомственной и производственно-технологической структуры отраслей народного хозяйства.

Для экономических районов были подготовлены методики: анализа макроэкономических пропорций хозяйства, в том числе структуры и межотраслевых связей промышленности; определения показателей фонда накопления, фондоемкости и трудоемкости, а также личного и общественного потребления. Были созданы: методические указания по разработке системы оптимального планирования комплексного развития экономического района с учетом требований оптимизации перспективного планирования народного хозяйства страны; методики составления комплексных планов химизации отдельных отраслей промышленности; расчета новых технико-экономических показателей производства химических продуктов и традиционных материалов. И это все только за 1971 год!

В том же году бюро Отделения провело 17 заседаний, на которых был обсужден ряд важнейших проблем, в том числе: об исходных положениях методики оптимальной оценки природных ресурсов; о разработке системы оптимального перспективного планирования; о предварительных итогах осуществленных мероприятий по усовершенствованию планирования, экономического стимулирования и управления в Главмосавтотрансе Мосгорисполкома; о вопросах совершенствования управления внешнеэкономической деятельностью СССР; о хозяйственных объединениях в промышленности стран СЭВ и др.

Особенно памятно мне решение бюро Отделения, принятое по моему докладу "Об исходных положениях методики экономической оценки природных ресурсов". В этом решении, в частности, отмечалось: "Бюро Отделения ... считает, что первоочередной задачей в области экономики природопользования является разработка единой методологии экономической оценки природных ресурсов для целей планирования и проектирования и создание на этой основе соответствующих отраслевых и межотраслевых методик. Заслушав и обсудив доклад академика Н.П. Федоренко, бюро Отделения экономики постановляет: одобрить принципы подготовленного ЦЭМИ АН СССР проекта "Исходных положений методики экономической оценки природных ресурсов" для нужд массовых планово-проектных расчетов"<sup>2</sup>. Эта оценка со стороны бюро была для меня важной и ободряющей, поскольку как раз в то время шла весьма острая научная дискуссия по экономическим проблемам природопользования.

Работа бюро Отделения в 1972 г. заметно оживилась. В январе состоялось чествование С.Г. Струмилина в связи с его 95-летним юбилеем и 70-летием научной и общественной деятельности. В начале года обсуждался предложения по совершенствованию методологии измерения производительности труда на предприятиях в новых условиях хозяйствования, с которыми выступил Е.И. Капустин. Запомнились доклады Н.Н. Некрасова по проблемам ускоренного развития производительных сил Дальнего Востока и перспективам развития

---

<sup>2</sup> Архив АН СССР. Ф. 1849. Оп. 1. Ед. хр. 152. Т. 1. Л. 5-6.

Дальневосточного экономического района, Т.В. Рябушкина о социально-экономических проблемах народонаселения, А.М. Румянцева о роли сферы услуг в воспроизводстве общественного продукта и др. С отчетами об итогах и основных направлениях исследовательской работы проблемных научных советов выступили А.И. Пашков (Научный совет “Экономические закономерности развития социализма и его перерастания в коммунизм”) и П.Г. Бунич (Научный совет “Теоретические основы хозяйственного расчета”). Бюро также заслушало и одобрило мою информацию о типовой методике разработки отраслевых перспективных планов развития и размещения производства с использованием экономико-математических методов и электронной вычислительной техники.

В сентябре 1972 г. на заседании бюро Отделения обсуждался вопрос “О проекте Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 1976–1990 годы”. Проект был одобрен, были высказаны предложения по усилению социально-экономической направленности КП НТП и решены некоторые организационные вопросы координации работы над этим крупным проектом. Впоследствии Отделение неоднократно возвращалось к проблемам, связанным с разработкой КП НТП, в основном к ее социально-экономическому разделу.

Запомнилась мне и интересная дискуссия, развернувшаяся в Отделении в октябре того же года вокруг доклада Н.Н. Некрасова: “Основные направления совершенствования размещения производительных сил СССР и региональная социально-экономическая политика на период до 1990 г.”. В своем выступлении я подчеркнул, что научно-техническая политика должна ориентироваться на особые, специфические проблемы отдельных крупнейших экономических районов, имея в виду их природные и демографические условия, что при размещении производства следует в большей мере опираться на социальные аспекты, что нам нужна научно обоснованная дифференцированная экономическая политика, учитывающая огромные размеры страны и стоящие перед ней актуальные задачи. Было интересным и состоявшееся в декабре 1972 г. обсуждение доклада Т.В. Рябушкина “Проблемы воспроизводства населения и демографическая политика”. Тогда некоторые коллеги говорили о том, что в этой работе выдвинуто важное положение об оптимальных темпах прироста населения. Помню, что я не согласился с использованием своего любимого термина “оптимальный” применительно к рассматриваемой теме. Отметив, что у нас слово “оптимальный” скоро станет нарицательным, я сказал, что здесь должна идти речь о желаемых, с позиций долгосрочного развития народного хозяйства, темпах роста населения, о том, что этот трудный вопрос должен рассматриваться в увязке с другими параметрами долгосрочного развития и обходить его нельзя, но априори определять “оптимальные” цифры здесь не нужно.

В марте 1972 г. я выступил на бюро с сообщением “Об участии Отделения экономики Академии наук в разработке долгосрочного прогноза социально-экономического развития СССР”, в котором попытался осветить те направления, на которых, на мой взгляд, следовало

сосредоточить работу всех научных учреждений Отделения. Среди прочих я затронул дискуссионные проблемы достижения и поддержания устойчивой сбалансированности во всех звеньях экономики, говорил об источниках экономического роста и интенсификации общественного производства, обеспечения высокого, устойчивого и всестороннего повышения уровня народного благосостояния, рассмотрел вопросы региональной социально-экономической политики и проблемы размещения производства, внешнеэкономические проблемы развития народного хозяйства, насущные проблемы совершенствования управления народным хозяйством.

Обсуждение моего сообщения было интересным и полезным, а его результаты и критические замечания я учел при подготовке “программного” доклада “Об основных экономических проблемах, подлежащих разработке в период 1976–1990 годов”, с которым выступил на бюро через полгода. Вот только некоторые из основных проблем экономической науки, которые, на мой взгляд, нужно было разрабатывать в перспективный период:

Решение вопросов интенсификации и повышения экономической эффективности общественного производства. Определение критериев и показателей развития материально-технической базы экономики, движения научно-технического прогресса. Исследование закономерностей расширенного воспроизводства, его темпов и пропорций.

Исследование экономических проблем уровня и образа жизни человека, характера труда, благосостояния, образования, культуры, подготовки и использования кадров, воспроизводства населения.

Разработка теоретических основ механизма управления экономикой, оптимального сочетания централизованного планирования с использованием экономических рычагов, совершенствование методов оценки эффективности производства, капитальных вложений и новой техники, дальнейшее развитие демократических принципов в управлении экономикой.

Разработка теоретических и методологических основ системного планирования и прогнозирования социально-экономического и научно-технического развития страны. Методология программно-целевого планирования и управления экономикой, согласования глобального народнохозяйственного экономического оптимума и оптимального функционирования отдельных производственно-экономических ячеек.

Разработка теоретических и методологических основ построения автоматизированных систем планирования и управления народным хозяйством и отдельными производственно-экономическими объектами.

Разработка экономического механизма управления, системы комплексного планирования и стимулирования научно-технического прогресса.

Разработка теоретических основ оптимального использования природных ресурсов (воспроизводства, охраны и эксплуатации природных богатств), размещения производительных сил, формирования территориально-производственных комплексов.

Анализ объективных факторов и разработка методов дальнейше-

го совершенствования планирования и управления внешнеэкономическими связями страны.

Приводя сегодня этот перечень, я слегка отредактировал его, убрав некоторые обязательные для того времени словесные обороты. Однако, читая его вновь в Архиве РАН, я вижу, что многие из перечисленных научных проблем остаются актуальными и поныне, несмотря на изменившиеся экономические и политические условия.

К насущным задачам, стоящим перед отечественной экономической наукой на рубеже нового тысячелетия, я еще вернусь в заключительной главе и думаю, что читатель обратит внимание на некоторые совпадения. Жизнь показывает, что при любом изменении политических условий коренные экономические проблемы, а зачастую и методы их решения, все же остаются неизменными. С течением времени я только укрепился в этом убеждении.

К моему удовлетворению, предложенные нашим Отделением направления дальнейшего развития экономической науки были одобрены на Общем годичном собрании АН СССР 27 февраля 1973 г. В частности, было принято решение: расширить и углубить научно-исследовательские работы по совершенствованию системы планирования и управления народным хозяйством, обеспечив их комплексный характер и доведение до выработки практических рекомендаций; обратить особое внимание на разработку методов оптимизации планово-экономических решений, реализацию в планировании и управлении народным хозяйством программно-целевого подхода, дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма на базе широкого использования современных экономико-математических методов, системного анализа, электронно-вычислительной техники; усилить исследования в области прогнозирования и управления научно-техническим прогрессом, оценки его экономической эффективности, влияния на решение кардинальных экономических проблем развития народного хозяйства. Думаю, что большинство установок этого решения актуально и сегодня.

В своем докладе на Отделении я особенно подчеркивал, что этап экономического развития страны того периода характеризовался все более усиливающимся влиянием на него социальных факторов, а это предъявляло новые, более сложные требования к развитию экономической теории вообще и теории и методологии планирования и управления, в частности. Прошедшие годы подтвердили правильность этого утверждения. И сегодня, т.е. через 25 лет, я готов еще раз повторить то, что говорил тогда, а именно: “Тезис о том, что экономика, производственно-экономические отношения являются подсистемой более сложной системы общественных отношений, развиваемый с учетом современных достижений кибернетики, системного анализа, экономико-математического моделирования, становится ныне все более важным условием плодотворного развития экономической теории. Объективно протекающий процесс все большего, если так можно сказать, “сцепления”, органического единения, взаимообусловленности социальных и экономических факторов в народнохозяйственном развитии неизбежно приводит к необходимости отыскивать критерии экономического роста не просто в области производственно-экономической эффектив-



Общее собрание Отделения экономики АН СССР (в новом здании ЦЭМИ)

ности, а интерпретировать их в терминах социально-экономической оптимальности. Это требует поиска новых теоретико-методологических подходов к изучению проблем оптимальности развития народного хозяйства, эффективности использования производственных ресурсов общества, дальнейшего развития системы распределительных отношений и др. ... Другими словами, экономическая наука должна не только отвечать на вопросы о том, как наиболее эффективно производить блага, но и как их оптимально распределять. Мы не сможем правильно и быстро решить ряд коренных проблем развития нашей экономики, например, сложнейшую задачу ликвидации тяжелого, неквалифицированного, малопривлекательного ручного труда, оставаясь в рамках только критериев экономической эффективности технического прогресса. Экономисты, совместно с представителями других областей научного знания, должны разработать критерии социально-экономической эффективности технического прогресса, имеющие свою специфическую метрику процессов. Именно в этих терминах нам необходимо рассматривать и эффективность экономического роста народного хозяйства в целом, не сводя его только к темпам физического объема национального дохода в сопоставлении с затратами первичных производственных ресурсов общества”.

Я намеренно привел такую длинную цитату, дабы с большей уверенностью заявить о том, что готов и сегодня подписаться под каждым сказанным словом, не выглядывая в окно, чтобы посмотреть, какой у нас нынче век на дворе – развитого социализма, недоразвитого рынка или какой-либо другой.

Вспоминая важнейшие разработки Отделения экономики того времени, нельзя не упомянуть также исследования в области методологии оценки экономической эффективности капитальных вложений и новой техники. В то время одним из лидеров в изучении этой проблематики был профессор Д.С. Львов, ныне академик-секретарь Отделения экономики РАН. В течение всей истории разработки эта научная проблема была предметом острейших дискуссий, в которых я поддерживал точку зрения Д.С. Львова, его сторонников и научных предшественников, в частности В.В. Новожилова.

Споры по этой проблеме разворачивались в 70-х годах и на заседаниях бюро Отделения экономики. В 1973 г. в своем выступлении на одной из таких дискуссий, развернувшейся при обсуждении одного из проектов методики оценки эффективности новой техники, я изложил наше с Д.С. Львовым кредо, указав, что при разработке такого рода методики нужно исходить не из выяснения преимуществ того или иного показателя, а опираться на общие методологические принципы теории оптимального народнохозяйственного планирования. А, как известно, эта теория выдвинула в качестве мерил экономических результатов новой техники ее оптимальную оценку (цену оптимального плана). Я отметил, что в результате расчета оптимального плана мы получим экономические оценки новых изделий, продуктов, ресурсов и т.д., которые покажут, как возрастет экономический эффект от появления их дополнительной единицы. Для изделий, вошедших в оптимальный план, эти оценки всегда будут соответствовать затратам на

изделия, т.е. экономические результаты новой техники, рекомендуемой к внедрению оптимальным планом, не могут оказаться ниже затрат на ее изготовление.

Однако исчисление таких оценок путем решения соответствующей экстремальной задачи математического программирования по ряду причин не всегда осуществимо. В этих условиях большое значение приобретает упрощенный способ исчисления показателей оценки частичного оптимального плана, например таких, как предельные цены, общественно оправданные или так называемые приведенные затраты и др. Упрощенный способ расчета предельных цен тождествен по своему экономическому смыслу оценкам оптимального плана. Я также подчеркнул, что предельная цена новой техники характеризует экономический результат этой техники. Поэтому, сопоставляя предельную цену новой техники с затратами, проектировщики получают характеристику экономической прогрессивности новой техники: чем больше превышение предельной цены над затратами, тем данное изделие экономичнее, тем выше его экономический эффект.

Исчисление предельных цен, как правило, значительно проще, чем исчисление оценок, полученных в результате расчета оптимального плана, но во многих случаях дает возможность достаточно правильно и надежно определения экономических результатов использования новой техники. Цена, установленная на уровне предельной цены, в замыкающей сфере применения, сделает новую технику выгодной лишь для наиболее “квалифицированных”, высокоэффективных потребителей, для остальных же потребителей эта техника в данном плановом периоде окажется невыгодной. Тем самым будет обеспечено наиболее рациональное использование ограниченных ресурсов новой техники.

Наша методика, как, впрочем, и последующие (например, Комплексная методика оценки эффективности общественного производства и отдельных хозяйственных мероприятий 1983 г.), а также мое выступление, содержание которого базировалось на теории СОФЭ, были встречены в штыки, ибо покушались на святая святых: на затратную концепцию планового ценообразования, дифференциацию нормативов эффективности капитальных вложений (непреклонным сторонником которой был академик Т.С. Хачатуров), приоритет текущей эффективности над перспективной.

В марте 1974 г. на бюро Отделения были обсуждены и одобрены следующие материалы по разработке важнейших проблем развития народного хозяйства на 1976–1980 гг. и на долгосрочную перспективу: о темпах и пропорциях развития народного хозяйства, проблемах капитального строительства и развития машиностроения; об уровне жизни и распределении доходов, о демографических проблемах и занятости населения; о совершенствовании системы планирования, организационной структуры и экономическом механизме управления народным хозяйством; о социально-экономических проблемах труда; о региональных проблемах развития народного хозяйства; о развитии народнохозяйственного агропромышленного комплекса; о внешнеэкономических связях.

В общем, нам было чем отчитаться перед научной общественностью и руководством Академии наук. В июне 1974 г. такой формальный отчет состоялся, когда Отделение экономики докладывало о результатах своей работы на заседании президиума АН СССР. Академический ареопаг одобрил научную и научно-организационную деятельность Отделения, определил главные задачи, стоящие перед экономической наукой, и наметил меры по дальнейшему развитию и улучшению координации научных исследований и усилению научно-методического руководства экономическими институтами союзных республик. В ближайшие последующие годы научная и организационная работа Отделения проходила с учетом задач, определенных этим решением президиума, и велась довольно интенсивно. В том же году на двадцати заседаниях бюро Отделения было рассмотрено 82 научных и научно-организационных вопроса. Такой же порядок утвердился у нас и в последующее время. Ежегодно проходило 3–4 Общих собрания Отделения и примерно два десятка заседаний его бюро.

В какой-то мере этапным было Общее годовое собрание 1976 г., на котором были обсуждены очередные задачи развития экономической науки. В итоговом отчете Отделения за десятую пятилетку (1976–1980 гг.) была дана характеристика основных результатов проводившихся институтами Отделения исследований и выделены те из них, которые имели наибольшее народнохозяйственное значение. Мне приятно сегодня вспомнить, что единодушным решением к числу таких работ был отнесен подготовленный и представленный ЦЭМИ в 1979 г. заключительный отчет “Комплексный прогноз развития народного хозяйства СССР до 1990–2000 гг. и на более длительную перспективу”. Прогноз охватывал показатели темпов, факторов и структуры развития материального производства, повышения народного благосостояния, показатели развития межотраслевых народно-хозяйственных комплексов – инвестиционного, топливно-энергетического, аграрно-промышленного, производственной инфраструктуры. Материалы этого отчета легли в основу XVI тома Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий до 2000 г.

Еще более приятно отметить, что именно благодаря этому отчету и составленным на его основе в 1979–1980 гг. методическим указаниям о порядке разработки и уточнения Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 20 лет, утвержденных руководством АН СССР, ГКНТ СССР, Госстроя СССР и Госплана СССР, ЦЭМИ РАН был удостоен первого места по итогам соревнования среди институтов Отделения в 1980 г. Как следует из стенограммы заседания Отделения экономики АН СССР от 30 декабря 1980 г., присуждение первого места ЦЭМИ прошло единогласно. В выступлении А.Н. Ефимова, в частности, говорилось: “Первым вопросом являются актуальность, масштабность, новизна методик, такие черты, которые характеризуют работы. Мне кажется, работа ЦЭМИ в этом отношении представляет особый интерес, как формирующая новые направления. И работы этого института в последнее время были посвящены очень крупной проблеме. Я имею в виду Комплексную программу научно-техни-

ческого прогресса и его социально-экономических последствий. И, мне кажется, эта работа ... позволила нам, экономистам, ближе стать к техникам. Такого широкого альянса ни в одной нашей работе не было”.

Разумеется, при присуждении первого места ЦЭМИ были учтены и другие научные работы института. Так, по теме “Экономико-математические методы и модели согласования регионального и народнохозяйственного планирования” были выполнены такие разработки, как: методические основы народнохозяйственного планирования в отраслевом и территориальном разрезе; методика составления отчетного натурально-стоимостного межотраслевого баланса, охватывающего основные показатели по полному кругу хозяйства на территории того или иного региона; методические указания по построению и использованию сводного материально-финансового баланса в качестве модели финансового аспекта народнохозяйственного оборота; модели финансирования накопления, прогнозирования денежных сбережений населения; методика анализа баланса движения трудовых ресурсов региона, в том числе и на длительную перспективу; методика оптимизации энергетического хозяйства республики и экономических районов на основе многоуровневой системы оптимизационных моделей. По теме “Методическое обеспечение АСПР” в ЦЭМИ был выполнен цикл работ, включающих методические рекомендации по разработке комплексных народнохозяйственных программ, технологическую схему разработки долгосрочного плана (методические рекомендации), анализ и разработку целей долгосрочного плана экономического и социального развития, которые также использовались при создании КП НТП.

Думаю, что высокой оценки деятельности ЦЭМИ удалось добиться во многом из-за того, что весь комплекс народнохозяйственных проблем разрабатывался коллективом института как единым слаженным организмом с четким подразделением тем и концепций, связанных общими методологическими принципами. Именно в таком теоретическом и методологическом единстве велись исследования, принесшие и важнейшие для народного хозяйства результаты, и создавшие репутацию институту. Это были такие научные темы, как: “Социально-экономические проблемы дифференциации доходов и потребления населения в рамках комплексного прогноза жизни населения в 1981–1985 гг. и в долгосрочной перспективе”, “Особенности направлений и форм демографической политики по районам страны”, “Проблемы повышения эффективности функционирования и комплексного совершенствования хозяйственного механизма”, “Теоретические и методологические проблемы совершенствования ценообразования, закономерности и факторы формирования и динамики стоимости и цен”, “Методологические проблемы экономического механизма НТП” и ряд других.

Первая половина 80-х годов была нелегкой порой для Отделения экономики, что было связано с усилением на его институты негативного политического давления. Сначала “разборка” произошла с Институтом экономики, а затем идеологическому разгрому подвергся ЦЭМИ.

Вместе с тем ученые-экономисты Академии не поклали рук. Работа шла по четырем основным направлениям:

разработка мер по усилению экономических рычагов ускорения научно-технического прогресса;

разработка Продовольственной программы, основных направлений аграрной политики, совершенствование деятельности АПК;

разработка мер по совершенствованию хозяйственного механизма;

разработка предложений к проекту “Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на период до 2000 г.”.

Среди наиболее значительных разработок того периода отмечу прежде всего предложения к концепции социально-экономического развития страны на перспективу, включавшие 22 научных доклада, в подготовке которых приняли участие практически все институты Отделения. Кроме этого, на мой взгляд, заслуживают упоминания: предложения к проекту Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и систем услуг населению на 1986–2000 гг. (ЦЭМИ и ИЭ), предложения по ускорению научно-технического прогресса (ИЭ, ЦЭМИ, ИЭиОПП, ИЭ УНЦ СССР, ИЭ АН УССР), Генеральная схема размещения производительных сил СССР на период до 2000 г. (СОПС), методики народнохозяйственного и отраслевого прогнозирования в СССР на 20 лет (ЦЭМИ), предложения по решению ряда узловых вопросов совершенствования системы цен и ценообразования на ближайшую и отдаленную перспективу (ИЭ, ЦЭМИ), предложения по повышению эффективности связи науки с производством (ИЭ, ЦЭМИ, ИЭ АН БССР) и др.

В начале 80-х годов институты Отделения выполняли множество заданий Госплана, Госстандарта, других министерств и ведомств по подготовке разного рода методик, экспертных оценок, заключений по конкретным проектам и т.п. Среди этих заданий были весьма дельные, как, например, подготовка совместно с Отделением философии и права “Хозяйственного кодекса СССР”, а были, признаться, и бредовые, как, например, подготовка методики по разработке и выполнению так называемых встречных планов.

Как помнят многие читатели, одним из первых серьезных мероприятий, проведенных в 1985 г. М.С. Горбачевым, было Всесоюзное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса, на котором был остро поставлен вопрос о необходимости обновления производственного аппарата страны на основе комплексной реконструкции производства и повышения качества продукции. Отделение экономики незамедлительно откликнулось. В докладе Д.С. Львова и В.А. Савельичева “Меры экономического воздействия на ускорение обновления основных производственных фондов в народном хозяйстве (проблемы и задачи машиностроения)”, представленном уже в июне 1985 г., был дан развернутый критический анализ ситуации в рассматриваемой области и сделан ряд конкретных предложений, направленных на ускорение обновления и технического перевооружения производственного аппарата страны.

Горбачевская “перестройка” породила среди обществоведов и, в частности, ученых-экономистов, как и у меня лично, надежды на расширение творческой свободы. В тоже время у меня, честно говоря, ста-

ла накапливаться моральная и нервная усталость от непрекращавшихся нападков на мой родной институт, инициировавших в “верхах” и поддерживавших вице-президентом Академии. Защиты в лице М.В. Келдыша не стало в связи с уходом из жизни. Решив снять с себя множество обременительных общественных нагрузок и сосредоточиться на сугубо творческой работе, я подал в президиум АН СССР заявление следующего содержания: “Прошу освободить меня от обязанностей академика-секретаря Отделения экономики, дабы я смог сосредоточить больше усилий на работе в ЦЭМИ АН СССР”.

На заседании президиума П.Н. Федосеев поступил, на мой взгляд, не совсем корректно. Он обнародовал мое заявление, но... только его первую половину. Просьба моя была тут же незамедлительно удовлетворена, а через некоторое время вышло постановление президиума об освобождении меня и от должности директора ЦЭМИ. Так, в 1985 г. мне пришлось оставить свое любимое детище, созданию и пестованию которого я отдал более 20, без сомнения, лучших лет своей жизни.

## О МОИХ ПРЕЕМНИКАХ

Прослужив науке на посту академика-секретаря Отделения экономики в течение 15 лет, я оставил его, и на некоторое время – полтора-два года – в Отделении установилось, как сейчас говорят, “президентское правление”, т.е. руководителем его считался вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев. Заседания бюро тогда проводили по очереди и на общественных началах академики А.И. Анчишкин и А.Г. Аганбегян.

Второй из них впоследствии и был официально избран академиком-секретарем. Абель Гезевич, который стал академиком в 1974 г., – известный экономист, в течение многих лет с успехом руководивший Институтом экономики и организации промышленного производства СО Академии наук, а впоследствии посвятивший себя подготовке элитных хозяйственных кадров, был моим коллегой не только как член бюро Отделения экономики, но и как специалист в области экономико-математических исследований, которыми серьезно увлекся на рубеже 50–60-х годов, а может быть и еще раньше.

Как он сам иногда рассказывает с улыбкой, первую оптимизационную задачу он был вынужден решать еще в начале 50-х, когда учился политэкономии в Московском государственном экономическом институте. Это был выбор оптимального меню при двух главных ограничениях: необходимое молодому организму число калорий и скудная студенческая стипендия. Судя по всему, тогда он решил эту нелегкую в общем-то задачу вполне успешно.

Раз уж зашла речь о событиях 1985 г., я не могу не вспомнить и не сказать несколько слов о человеке, которому я передал свое любимое детище. С тех пор и по сегодняшний день директором ЦЭМИ является академик В.Л. Макаров – известный ученый в области математической экономики, исследования динамики экономических систем, компьютерного моделирования, механизмов функционирования рыночной и

смешанной экономики. Воспитанник сибирской научной школы, он сформировался как ученый, еще когда работал в Институте математики СО АН СССР и в должности Главного Ученого секретаря Сибирского отделения. Валерий Леонидович обладает “чувством нового”, умением уловить, выдвинуть новые идеи, дав импульс новым направлениям исследований. Ему по праву присуждена премия Российской Академии наук за 1995 г. им. Л.В. Канторовича. И здесь дело не только в действительных научных достижениях В.Л. Макарова, но и в том, что он прямой ученик Леонида Витальевича. Значительный вклад В.Л. Макаров вносит в развитие экономического образования: с 1967 по 1983 г. он преподавал в Новосибирском университете, а в настоящее время заведует кафедрой в МГУ, руководит созданной им при ЦЭМИ Российской экономической школой. Результаты научных исследований академика В.Л. Макарова опубликованы в ряде отечественных и зарубежных научных изданий. Он автор около 200 научных работ, в том числе четырех монографий.

Здесь, на мой взгляд, уместно сказать несколько слов о талантливом ученом, ставшем недавно заместителем В.Л. Макарова, специалисте в области макроэкономического моделирования, институционального анализа экономики и методов оценки экономической эффективности производства – В.Г. Гребенникове. Валерий Григорьевич, разрабатывающий важнейшее направление макроэкономических исследований – теорию социальных и институциональных факторов экономического роста, сегодня активно участвует в работах ЦЭМИ и Отделения экономики РАН по стратегии социально-экономического развития страны. Если добавить к этому, что он хороший человек и честно заслужил уважение и симпатию окружающих, то можно сказать, что В.Л. Макарову с заместителем повезло.

В 90-х годах эстафету академика-секретаря Отделения принял С.С. Шаталин, ставший академиком уже в эпоху перестройки – в 1987 г. Станислав Сергеевич – выпускник экономического факультета МГУ, в конце 50-х – начале 60-х годов прошедший хорошую школу в НИЭИ Госплана, с 1965 по 1976 г. был моим заместителем в ЦЭМИ. В 1968 г. в составе коллектива ученых он был удостоен Государственной премии за разработку новых методов анализа и планирования отраслевой структуры народного хозяйства, отчетных и плановых межотраслевых балансов. В 1976 г. он оставил ЦЭМИ и перешел на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований ГКНТ и АН СССР, откуда в 1986 г. вернулся в “Большой ЦЭМИ”, во вновь организованный институт А.И. Анчишкина – Институт народно-хозяйственного прогнозирования. В последние годы жизни работал в фонде “Реформа”. Думаю, что занятия в этом фонде все же излишне отвлекали внимание Станислава Сергеевича от работы в Отделении экономики.

Конечно, в последние годы круг забот академиков-секретарей расширился. Им приходится тратить больше времени на общественную, политическую и другую деятельность, не чураясь и финансовых дел. Однако, мне думается, что заботы о текущем положении Отделения и его перспективах должны оставаться для них главными. Не зря ведь в

23 параграфе петровского Устава Академии еще в 1724 г. было сказано: “Ежели который академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено. Однакожде не надобно ему токмо ради корысти вельми много коллегиев держать и тем протчим своим наукам и размышлениям вред чинить”<sup>3</sup>.

В силу указанных и ряда других объективных и субъективных причин, в которых мне не хотелось бы здесь разбираться, характер деятельности Отделения в последние годы несколько изменился, активность и заинтересованность в работе его участников понизилась. Поэтому думаю, что на плечи избранного недавно – в 1997 г. – нового академика-секретаря Д.С. Львова лег немалый груз проблем, решать которые ему будет непросто. Надеюсь, что Дмитрий Семенович выдюжит, поскольку в нем сочетаются способности и ученого, и организатора. Продолжая заниматься фундаментальными исследованиями, он также проявляет качества общественно-политического деятеля. Свой научный авторитет он завоевал как специалист в области теории эффективности капитальных вложений и новой техники, хозяйственного механизма управления инвестиционными процессами, экономических проблем научно-технического прогресса.

На рубеже 80–90-х годов под его руководством и с его непосредственным участием была разработана новая концепция управления техническим развитием в условиях перехода к рыночной экономике. Сегодня он руководит разработкой концепции социально-экономического развития России, активно участвует в международных научных связях. Дмитрий Семенович активно ищет новые формы практического применения результатов научных исследований, взаимодействия научных, правительственных и деловых кругов.

Мне импонирует, что Д.С. Львов в поиске образа новой России не замыкается в привычных рамках Отделения экономики, а объединяет вокруг себя интеллектуалов из самых разных областей знания и культуры, в частности, организуя творческие дискуссии в “Арбатском Клубе”, где он избран президентом.

Перед нынешним составом и руководством Отделения экономики возникли задачи и трудности, которых не было пару десятков лет назад. Во многом они связаны с изменениями позиции академической науки в современном российском обществе. Изменились и, я бы сказал, отнюдь не потеплели отношения между Академией и Правительством страны, окружившим себя множеством новоявленных “микроинститутов”, названия которых я сейчас и не упомяну и о серьезных научных достижениях которых я не знаю. Думаю, с исправлением этой ситуации тянуть не следует.

В мое время в этом смысле все было и проще, и сложнее. Для отечественной экономической науки того времени были характерны серьезные противоречия и столкновения мнений, выплескивавшиеся не только с трибун научных собраний и с печатных страниц. Для того, чтобы отстаивать здоровые и передовые научные идеи, а также их носителей и генераторов, приходилось иногда втягиваться в закулисную

---

<sup>3</sup> Устав Академии наук СССР. С. 37.



Дирекция ЦЭМИ

(слева направо: сидят – С.А. Айвазян, В.Л. Макаров, Д.С. Львов, А.А. Фрицман;  
стоят – Г.Б. Клейнер, В.Г. Гребенников, М.Д. Ильменский)

борьбу, учитывать возможность использования оппонентами некорректных, неблагоприятных, а зачастую и просто грязных методов околонаучной возни; нужно было хорошо ориентироваться среди поверхностных и глубинных течений, а также подводных рифов, представлявших немалую опасность для корабля нашей экономической науки.

Реальность состояла в том, что зачастую не научная ценность и практическая полезность, а столкновение личных интересов и амбиций, корпоративные связи и пристрастия становились решающими при оценке результатов исследований, значимости научных идей, достижений отдельных ученых. Классическим проявлением такого рода, которое хорошо известно научной общественности, является ситуация, когда на каком-нибудь ученом совете при устном обсуждении какой-то работы (скажем, диссертации) в ее адрес не высказывается сколь-нибудь серьезных замечаний, прилюдно ей дается положительная оценка, а при тайном голосовании работа с треском проваливается. Примеров такого рода масса. Причины? Та самая грязная околонаучная возня.

## ОКОЛОНАУЧНАЯ ВОЗНЯ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ

С описываемым явлением наиболее близко мне пришлось столкнуться, когда я стал председателем секции экономических наук экспертного совета Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Впервые это произошло, когда к присуждению Государственной премии была представлена группа ученых НИЭИ Госплана и ЦЭМИ. Как ни странно, главным противником этого представления стал Отдел планово-экономических органов ЦК партии, которым руководил тогда Гостев. Отстаивая это представление на всех уровнях, в том числе и в ЦК, куда я ходил с этим вопросом дважды, но оба раза безрезультатно, я сначала никак не мог понять причины агрессивности и несговорчивости своих оппонентов. Потом же оказалось, что “ларчик открывался элементарно”: причиной всему оказалась завистливая злопамятность все того же В.С. Глаголева. Однако премия была присуждена.

Не могу не рассказать и об истории присуждения Ленинской премии Л.В. Канторовичу, В.С. Немчинову и В.В. Новожилову за научную разработку методов линейного программирования и экономических моделей. Когда эти выдающиеся ученые были представлены к премии, вокруг этого представления началась нешуточная борьба, завязавшаяся уже на самой начальной стадии – на заседании экспертной комиссии. Мое предложение о присуждении этой премии было встречено буквально в штыки: из 25 членов комиссии проголосовали “за” только двое – я сам и В.М. Лагуткин, заместитель Госкомснаба СССР.

Будучи полностью убежденным в своей правоте, да и, честно сказать, задетый за живое, я решился на необычную акцию – вынести это предложение на суд широкой научной общественности. Через некоторое время в Институте экономики состоялось собрание ведущих ученых-экономистов, на котором присутствовало около трехсот человек. Большинство выступавших, а их было немало, поддержало предложение. Против были единицы, однако выступления их были резкими, не-

лицеприятными, в том числе содержали обвинения в подрыве марксистско-ленинских основ. На этом дело не закончилось: сторонники той и другой точек зрения подготовили два письма в газету “Правда” с прямо противоположными выводами. Меня пригласили на заседание редакционной коллегии газеты, когда эти письма там обсуждались, и мне пришлось долго и детально объяснять журналистам суть проблемы и растолковывать причины разногласий. Не знаю почему, но ни то, ни другое письмо, ни сообщение о собрании экономистов в “Правде” опубликованы не были.

И вот идет заседание Комитета по Ленинским и Государственным премиям, который должен принять окончательное решение. Главным оппонентом по данному вопросу выступил К.В. Островитянов, считавшийся живым классиком политической экономии социализма, написавший на эту тему немало теоретических работ и популярных брошюр, одна из которых (написанная совместно с И.А. Лapidусом) послужила мне когда-то пособием по русскому языку, автор достопамятного “макета” учебника политической экономии, ставшего основой экономической дискуссии, организованной И.В. Сталиным в 1951 г.

К.В. Островитянов был тогда одним из лидеров, точнее – патриархом, направления в экономической науке, которое я называю “ортодоксальным”. Само по себе это направление не было однородным и, грубо говоря, делилось на три школы: Н.А. Цаголова (МГУ), И.И. Кузьмина (АОН при ЦК КПСС) и Я.А. Кронрода (Институт экономики АН СССР). У ортодоксов были свои разногласия, о которых, может быть, в другом месте стоит и рассказать, однако всех их объединяла подозрительность и недоверие к экономико-математическому направлению. Склонные к марксистско-ленинскому догматизму, ортодоксы были весьма нетерпимы в своей борьбе “за чистоту рядов”. Их негативное отношение к кандидатам в лауреаты было непримиримым, поскольку труды и научные позиции последних несли в себе неотвратимую угрозу разрушения основ, на которых строились авторитет и благополучие вчерашних “светил”.

Исследования будущих Ленинских лауреатов (а Л.В. Канторович через десять лет стал и Нобелевским лауреатом, т.е. получил всемирное признание) способствовали созданию теории оптимального планирования и управления народным хозяйством, которая впоследствии также стала объектом ожесточенных нападок. Ну как Л.В. Канторовичу было не стать “грешником без прощения”, если он позволил себе установить важность *объективно* обусловленных оценок, возникающих при анализе *оптимальных* экономических моделей, тогда как термины “оптимальность” и объективность” приравнивались ортодоксами к словам “черт” и “дьявол”? Допускаю, что определенную роль здесь могли сыграть и конъюнктурные соображения, и зависть, и даже личные мотивы. Так, мало кто знает, что Островитянов и Немчинов были однокашниками. Они вместе в 1917 г. закончили Московский коммерческий институт, более того, еще в 1915 г. вместе работали в одном отделе московского Земско-городского союза, а вот за пятьдесят последующих лет друзьями так и не стали. Что произошло между ними когда-то, наверное, уже не узнает никто. Что-то могут объяснить разные

сроки их вступления в компартию: первый вступил в нее в 1914 г., а второй – в 1940. В общем знать не знаем, а домысливать не будем...

По-видимому, противники Канторовича–Немчинова–Новожилова рассчитывали на успех, “выкатив” на заседание Комитета орудие такого большого калибра, однако они не учли, что эта действительно мощная когда-то пушка к тому времени уже слегка обветшала. В споре по существу проблемы доводы Островитянова не были и не могли быть убедительными, поскольку в области экономико-математических методов он, мягко говоря, знатоком не являлся. Константин Васильевич сделал упор на том, что, во-первых, предварительное голосование на экспертной комиссии дало отрицательный результат, а во-вторых, все, кто поддерживал кандидатов в лауреаты на собрании в Институте экономики, – это зеленая молодежь, которую нужно еще учить и учить азам политической экономии социализма.

Когда я услышал второй аргумент Островитянова, я облегченно вздохнул. Это уже была не просто промашка с дальней дистанции, это был выстрел из уходящей эпохи, и снаряд рассыпался, не долетев до цели. Тайным голосованием Комитет принял единодушное положительное решение. Думаю, что это была моя маленькая победа, это была большая победа трех новых лауреатов Ленинской премии, но главное – это была серьезная победа нового научного направления. Впрочем, победа вовсе не окончательная. Борьбы впереди было еще много.

Оглядываясь назад, я думаю, что наши успехи во многом определялись тем, что мы постоянно, в отличие от наших оппонентов, делали главную ставку на молодежь, помогая ей, поддерживая и выдвигая ее. Такова была моя политика как директора ЦЭМИ, так же я поступал как академик-секретарь Отделения экономики, выдвигая и поддерживая молодых и перспективных кандидатов в члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук. На преодоление известного сопротивления мне приходилось тратить время, нервы и энергию, но сегодня я нисколько об этом не жалею, а некоторыми своими протеже просто горжусь.

Борьба “ортодоксов” с новыми научными направлениями иногда принимала причудливые формы. Методы использовались разнообразными и, я бы сказал, неожиданными. В этой связи на память приходит один случай, произошедший со мной в пору, когда А.Н. Косыгин задумал провести своеобразный экономический “ликбез” для высшего руководства страны. Он решил провести серию лекций для министров и высших чиновников госаппарата, привлекая к этому ведущих ученых страны. В число этих лекторов попал и я. Моя лекция, к которой я подготовился самым серьезным образом, произвела неплохое впечатление, о чем мне сказал М.В. Келдыш, специально интересовавшийся мнением высокопоставленных слушателей и весьма гордившийся тем, что “его ребята не подкачали”.

Это мое выступление принесло и реальную практическую пользу. После его окончания ко мне подошел один из слушателей, с которым я ранее не был знаком, и представился заместителем председателя Совета Министров СССР. Это был М.Т. Ефремов, незадолго до этого перешедший на новую должность с поста секретаря Горьковского обко-

ма КПСС. Он сказал, что в моей лекции его наиболее заинтересовал вопрос проведения экономических экспериментов, и он хотел бы со мной его обсудить. Мы поговорили, и я воспользовался случаем, чтобы заручиться его поддержкой при проведении крупномасштабного экономического эксперимента в Главмосавтотрансе.

Насколько мне повезло, я понял через две недели, когда начальник Главмосавтотранса Гоберман принял нас с нашими предложениями почти что с насмешкой. Когда мы сказали ему, что этот вопрос решен на правительственном уровне, он не поверил и, позвонив при нас Ефремову, сказал буквально следующее: “Михаил Тимофеевич, тут у меня сидят какие-то ученые, которые ссылаясь на Вас, обещают надо мной какой-то эксперимент сделать. Так мне сразу гнать их в шею или как?”. Не знаю, что ему сказал Ефремов, но вдруг тирада прервалась, и выражение лица изменилось. Скажу сразу, что потом работа наша прошла там весьма успешно, причем не только со всесторонней поддержкой, но и с активным участием начальника Главмосавтотранса, с которым мы даже подружились.

Возвращаясь к косыгинскому семинару, отмечу, что Алексей Николаевич, также оставшийся довольным его итогами, дал указание повторить такой же цикл лекций, но только уже в более широкой аудитории – для аппарата министерств и ведомств. Я прочел несколько лекций, в том числе в Министерстве химической промышленности, где меня встретили хорошо, а эта лекция стала толчком к развитию тесного сотрудничества между ЦЭМИ и НИИТЭхимом. После этого Н.К. Байбаков пригласил меня выступить в Госплане СССР, однако лекция эта не состоялась. Оказалось, что по поводу моего выступления специально заседал партийный комитет Госплана, принявший решение не допускать Федоренко к трибуне, поскольку его экономическая концепция противоречит госплановской, а значит, является антисоветской. На этом цикл выступлений ученых в Госплане прервался (а моя лекция была четвертой из запланированных десяти), так как дело получило огласку, некоторые ученые выразили по этому поводу недоумение, а госплановским идеологическим борцам настаивать на их приглашении стало неловко.

Как мне потом рассказали, эта история имела свое продолжение. На общем партийном собрании Госплана выступил бывший зампред Совмина Первухин и критиковал партком за его решение. Он сказал, что нужно больше доверять сотрудникам Госплана, которые сами могли бы разобраться в федоренковской антисоветчине и при необходимости дать соответствующую ответь. На этом все и закончилось.

Говоря об отношении Госплана и госплановцев к ЦЭМИ, к академической науке в целом и ко мне лично, не могу не вспомнить давний эпизод, относящийся к началу 1955 г., когда было принято решение о создании Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР. На должность директора НИЭИ был приглашен А.Н. Ефимов, выпускник и преподаватель Уральского политехнического института, перед переводом в Москву в течение семи лет руководивший отделом экономических исследований Уральского филиала

АН СССР. Подбирая кадры для нового института, Анатолий Николаевич выбрал меня на должность своего заместителя, как я думаю, по рекомендации Н.Н. Некрасова. Я тогда уже был проректором МИТХТ и на уговоры ответил отказом, мотивируя его тем, что нынешняя работа меня вполне устраивает, тематика научных исследований нравится, отношения с коллективом сложились хорошие и т.д.

Однако Ефимов проявил упорство, причем в характерном для тех времен стиле. Сначала по звонку из Госплана меня пригласили в райком партии и предложили согласиться на новую должность в порядке партийной дисциплины. Потом меня позвала в горком партии Е.А. Фурцева и стала советовать согласиться на предложение Ефимова. Разговор с зампредом Госплана также закончился ничем. Наконец, раздается звонок из ЦК КПСС, я еду туда, и начинается та же самая вольнка. Тут уж, как говорится, нашла коса на камень. Сначала завотделом мягко уговаривал меня, угощая дорогими папиросами. Видя, что папиросы не действуют, начал “по-партийному” прижимать меня, и разговор пошел на повышенных тонах. В ответ на обидные и в какой-то мере оскорбительные слова я, признаюсь, слегка “психанул”. Не знаю как уж это получилось, но рука моя самопроизвольно потянулась к стоявшей на столе большой чернильнице. Наверное, моего собеседника это движение испугало. Он, побледнев, стал говорить: “Ну ладно, успокойтесь, успокойтесь, не хотите, не надо, не хотите, не надо!”, думая в тот момент только о том, чтобы я поскорее убрался из его кабинета.

Возвращаясь домой, я подумал, что более меня беспокоить не будут, но не тут-то было. Через пару дней во время заседания методической комиссии МИТХТ у меня в кабинете раздался звонок. Звонил Ефимов, который вновь стал уговаривать меня, рисуя картину преимуществ и радужных перспектив работы в системе Госплана. Я попытался снова отговориться, но он настаивал на своем. Тогда я сказал ему: “Анатолий Николаевич, дорогой! Вы уговариваете человека, характер которого вы не знаете. Приглашая меня в замы, вы не осознаете того, что я через год займу ваше место”. Это, наверное, наконец подействовало. Разговор был закончен и более к нему мы не возвращались. Члены методкомиссии МИТХТ, присутствовавшие при этом разговоре, узнав в чем дело, горячо поддержали меня.

Этот эпизод не испортил наших отношений с Анатолием Николаевичем, более того, мы стали друзьями, встречались в семейном кругу и всегда поддерживали друг друга в трудную минуту. Однако в глазах партийного и прочего руководства еще более усилилась закрепившаяся за мной репутация упрямого, несговорчивого и “плохо управляемого” человека. Если прибавить сюда еще и “неблагонадежность и сомнительность” творческих позиций ЦЭМИ и научной школы, которую он возглавлял, то понятно, почему партийные органы не оставляли ни институт, ни Отделение экономики Академии наук без постоянного и пристального внимания и контроля.

## ВЫБОРЫ В АКАДЕМИЮ

Одной из “специфических” функций Отделения экономики и, соответственно, забот (если не сказать, “болячек”) для его академика-секретаря были подбор, обсуждение и выдвижение кандидатур для избрания в члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук. Я назвал эту функцию “специфической”, поскольку вокруг нее всегда было множество “подковерной” борьбы и всякого рода легенд и баек. По поводу этих баек мне распространяться не хочется, однако, если я бы вообще обошел эту тему в своих воспоминаниях, меня, думаю, просто бы не поняли. Поэтому все же поделюсь малой толикой воспоминаний на этот счет.

Желающих стать членом Академии всегда было предостаточно, поскольку это членство обуславливало качественное повышение научного и общественного статуса, да и, честно говоря, гарантировало определенный пожизненный материальный достаток. Это сейчас в стране разных академий и академиков не пересчитать, в связи с чем это звание подвергается моральной инфляции, да и натуральная денежная инфляция сделала академическое материальное содержание уже совсем не таким солидным, каким оно было раньше. Более того, сегодня звание академика в новоявленных академиях можно запросто купить. Раньше такого не было, звание члена Академии было очень почетным, а вакантные места в ней появлялись редко и исчислялись единицами.

Перед каждыми выборами вокруг них раздувался тихий ажиотаж, создаваемый некоторыми кандидатами и их лоббистами. Я хочу подчеркнуть слово “некоторыми”, поскольку большинство кандидатов вело себя как и подобает интеллигентным людям, которые рассчитывали только на весомость своего научного авторитета и недостойными методами не пользовались. А то, что накануне выборов большинство возможных кандидатов начинало интенсивно дарить академику-секретарю и голосующим членам бюро Отделения свои книги, я никак не могу отнести к нарушению этики. Кстати, многие из этих книг, из которых у меня к сегодняшнему дню скопилась целая научная библиотека, я прочел с большим интересом и с пользой для себя.

Не хочется рассказывать, но (куда денешься, если обещал рассказывать правду?) бывали случаи, когда опять же “некоторые” ученые, стараясь гарантировать себе голоса на выборах, пытались приносить или присылать кое-какие “сувениры”, принятие которых невольно обязывало к конкретным предпочтениям. Я в таких ситуациях был неизменно непреклонен, и в большинстве случаев мне удавалось тактично и без шума сглаживать неловкое положение и убеждать “данайцев, дары приносящих” забирать обратно свои подношения. Даже не говоря об этике, а подходя к этому вопросу чисто прагматически, скажу, что репутация академика-секретаря стоит, естественно, бесконечно дороже всех этих “борзых щенков”. Но однажды один из таких случаев получил неожиданную и неприятную огласку, когда академик А.М. Румянцев прилюдно (на заседании бюро Отделения) возмутился тем, что один из претендентов на академическое звание накануне выборов прислал ему домой ящик шампанского. Выяснилось, что и другой член бю-

ро (кстати, абсолютно непьющий) получил оттуда же ящик коньяку. По правде говоря, и мне, лежавшему в то время в больнице, также неожиданно и прямо в палату от того же претендента была доставлена коробка с виски. Другие члены бюро промолчали, но, думаю, вовсе не потому, что были обойдены вниманием.

Напитки, о которых шла речь, были возвращены обратно, а я, чтобы быть уж честным до конца, скажу, что сделал это с некоторым смущением. Дело в том, что навещавшие меня в тот день в больнице друзья без моего ведома, в тот момент, когда я на время то ли вышел из палаты, то ли был отвлечен медицинской процедурой, откупорили одну из бутылок. Таким образом, мне пришлось возвратить неполный ящик, от чего я по сей день испытываю неловкость. Щедрому же соискателю не хватило мудрости снять свою кандидатуру, и он с треском провалился на выборах. Впоследствии, ознакомившись с академическими традициями, заключающимися в том, что такого рода события в Академии никогда не забываются, дальнейших попыток он не предпринимал. С началом “перестройки” он занялся политической деятельностью, но и на этом поприще крупных лавров не снискал, хотя до сих пор его лицо иногда еще мелькает на телевизионном экране.

Некоторые из кандидатов заранее обрекали себя на неудачу, прибегая к поддержке партийных органов. Такого рода “фрондерство” было негласной традицией в Академии, и если из-за затылка претендента явно выглядывали “партийные” уши, это вызывало реакцию отторжения. И чем сильнее ощущалось такого рода давление, тем сильнее было противодействие. Ярким примером в этом смысле был эпизод с заведующим Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезниковым, которого Старая площадь решила провести в Академию. Итоги голосования были не в его пользу. Вслед за этим произошел беспрецедентный случай. На традиционном банкете в честь вновь избранных членов Академии, происходившем вечером после Общего собрания, к столам были высланы агитаторы, подговаривавшие вновь проголосовать за Трапезникова, для чего Общее собрание соберется утром вновь. Назавтра результаты повторной баллотировки оказались ошеломляюще провальными. И только после этого ЦК отступился, хотя, думаю, у президента Академии были потом неприятности.

Нужно отметить и случаи, когда академические звания не присуждались людям, по личным качествам вполне достойным этого, но невольно несшим на себе как тень недобрую репутацию ведомств или учреждений, в которых они работали. Так случилось, например, с В.Н. Старовским, с 14-летнего возраста начавшим работать в сфере статистики и учета и посвятившему этому всю свою жизнь. Еще в 30-е годы всесоюзной популярностью пользовалась его книжка “Азбука статистики”, выдержавшая несколько изданий. В конце концов он стал известным специалистом по общетеоретическим вопросам статистики, членом-корреспондентом АН СССР, Героем Социалистического Труда. С 1940 по 1975 г. он возглавлял главное статистическое ведомство страны (менявшее в разные годы свои названия и подчиненность), и, я думаю, именно это и сыграло свою роль в том, что он так и не стал академиком. Когда его кандидатура была представлена к избранию в АН

СССР, М.В. Келдыш резко выступил против, ведь в общем-то всем тогда было известно, что ЦСУ было не чем иным, как “министерством лжи”.

Вторым претендентом на свободное место действительного члена Академии в тот момент был я. Тогда же я был избран, и это в какой-то мере отбросило тень на наши отношения с Владимиром Никоновичем, к которому я лично относился с большим уважением, разделяя, впрочем, общее мнение по отношению к возглавлявшемуся им ведомству. Ведь именно неверные, путанные, несопоставимые, непригодные для выстраивания рядов цифровые данные, публиковавшиеся тогда ЦСУ, были главной головной болью для экономистов вообще и для ученых ЦЭМИ, испытывавших постоянный голод в правдивой информации, в особенности.

Одно из воспоминаний о “выборных кампаниях” связано у меня с нашими “классиками” – академиками Струмилиным и Островитяновым. В их годы в Академии наук существовал такой порядок, по которому кандидатура в академики перед голосованиями на общих собраниях Отделения и всей Академии предварительно обсуждалась комиссией экспертов, состоявшей из уважаемых членов Академии, являвшихся специалистами в определенной области знаний. В данном случае такую комиссию составили академики Струмилин, Островитянов и я.

При обсуждении представленной нам М.В. Келдышем кандидатуры мнения разделились следующим образом. Станислав Густавович сказал, что такого экономиста не знает. Я считал, что нам нужны академики помоложе. Позиция же Константина Васильевича оказалась своеобразной. Он признался, что летом наш претендент посетил его на даче и привез с собой корзину красивейших роз, в связи с чем Островитянов обещал ему проголосовать положительно. “Товарищи, – сказал Константин Васильевич, – я происхожу из лиц духовного звания, врать не могу и всегда держу обещания. Хотя я и не “за”, но хотел бы сдержать данное слово. Предлагаю заключить своего рода джентльменское соглашение: ваших двух “против” достаточно для отрицательного решения, а я уж, простите, останусь “за”. С результатами “тайного” голосования: один “за” и два “против” мы и пошли к Келдышу. Тот остался недоволен, видно, у него были другие планы на этот счет. Он пытался нас переубедить, заставил три раза переголосовать, и только, когда он попросил начальника Управления кадров принести список научных трудов претендента на звание академика и выяснилось, что у того опубликована только одна книжка по частной проблеме, да и то давно, смирился. Все это продолжалось почти целый день, и учитывая, что в то время Струмилин уже почти ничего не слышал, а Островитянов уже почти ничего не видел, мы все четверо, конечно, очень утомились.

Сейчас, когда я диктую эти строчки в преддверии своего 80-летия, то лишний раз убеждаюсь в том, что был прав, делая ставку на молодежь и в ЦЭМИ, и в Академии. Во многом благодаря моим усилиям и настойчивости сегодня большинство действительных членов и членов-корреспондентов Отделения экономики РАН составляют относительно молодые (по сравнению со мной, конечно) люди со здравым умом и светлой памятью, хорошим слухом и зрением. Они пользуются уваже-

нием у научной общественности и, думаю, успеют еще многое сделать для российской науки.

Бывало, что судьбу соискателей на весах выборов решали “пушинки”. Как сейчас помню объявление результатов выборов по кандидатуре весьма известного в академических кругах экономиста. По правилам Академии избранным в действительные члены мог считаться только тот, кто получал не менее двух третей голосов. Председатель счетной комиссии Общего собрания Академии объявил этого ученого избранным, поскольку за него проголосовало 66% участвовавших в выборах. Поступило предложение утвердить протокол счетной комиссии, и кто-то уже собрался отправиться к претенденту с поздравлениями, но вдруг раздался голос из зала: “Позвольте, позвольте, коллеги! Со школьной скамьи всем известно, что при переводе простой дроби  $\frac{2}{3}$  в десятичную там за запятой должны быть еще шесть десятых, да еще в периоде. А где же эти шесть, если не семь десятых?” Так этот человек в академики и не прошел..

Если меня спросят, был ли я всегда такой уж объективный при голосованиях и не имел ли и я определенных предпочтений, я отвечу, что “да”, одно предпочтение было. Более того, многие подтвердят, что этого своего предпочтения я не скрывал и, не стесняясь, высказывал его и до, и после голосования. Главное и единственное мое предпочтение заключалось, о чем я уже чуть выше сказал, в стремлении к выдвижению в Академию молодых, ну, и, естественно, талантливых ученых.

Сейчас я хочу вспомнить поименно всех, кто стал академиком или членом-корреспондентом Академии “при моем непосредственном участии”, т.е. в те годы, когда я был руководителем Отделения экономики.

Это академики: Георгий Аркадьевич Арбатов, Абел Гезевич Аганбегян, Евгений Максимович Примаков, Олег Тимофеевич Богомолов, Татьяна Ивановна Заславская, Александр Иванович Анчишкин, Иван Илларионович Лукинов, Александр Александрович Никонов.

Это члены-корреспонденты: Михаил Иванович Сладковский, Евгений Иванович Капустин, Александр Ильич Ноткин, Валерий Леонидович Макаров, Анатолий Андреевич Громыко, Юрий Семенович Ширяев, Валерий Петрович Чичканов, Леонид Иванович Абалкин, Вадим Андреевич Медведев, Николай Яковлевич Петраков, Степан Арамаисович Ситарян, Александр Григорьевич Гранберг, Виктор Вацлавович Вольский, Виталий Владимирович Журкин, Александр Иванович Яковлев, Станислав Сергеевич Шаталин.

Кто-то из второй половины этого списка уже стал действительным членом Академии, кто-то, кому я отдавал предпочтение и кого активно поддерживал на выборах, в этот список не попал, но это потому, что они были избраны несколько позже, уже при других академиках-секретарях. Думаю, эти кто-то прекрасно знают, что я их всех помню, им симпатизирую, и обижаться на меня не станут. Кто-то сегодня занимает лидирующее положение в нашей экономической науке и подтверждает научными достижениями свое высокое звание. Некоторые из тех, кого я назвал, безвременно, в самом расцвете сил ушли от нас, и я считаю их уход невозполнимой потерей.

По вполне понятным причинам я не хотел выделять кого-либо из перечисленных здесь ученых. Однако происшедшие накануне сдачи в набор этой книги политические перемены в стране вынуждают меня сделать одно исключение и сказать несколько слов об академике Е.М. Примакове, ставшем руководителем Российского Правительства.

Признаюсь, я был очень рад назначению Евгения Максимовича на этот важный и ответственный пост. И это не только потому, что ценю его как ученого и вижу в нем способности выдающегося политического деятеля. И не только потому, что нас с ним связывают давние теплые дружеские отношения. Думаю, что появление на вершине пирамиды исполнительной власти такой фигуры, как Е.М. Примаков, сдвинет, наконец, с места решение проблемы, которой в этой книге уделено так много внимания – проблемы взаимоотношений и взаимопонимания между государственной властью и экономической наукой.

Наконец, хочу добавить к приведенному списку еще одну фамилию – академика А.Д. Некипелова, поскольку для меня избрание Александра Дмитриевича в члены Академии в 1997 г. – символ и признак того, что традиции по отношению к талантливой научной молодежи, заложенной когда-то мной, живы...

## В “РОДНОМ” ПРОБЛЕМНОМ СОВЕТЕ

Прежде чем перейти к рассказу о нашем “проблемном совете”, хочу еще раз подчеркнуть, что структура подобных советов здорово помогала управляться с такой махиной, как Отделение экономики, для чего, конечно, было недостаточно сил малочисленного аппарата его Ученого секретаря. В разные годы эту должность в Отделении занимали весьма способные люди (сегодня уже доктора наук, профессора), которым я благодарен за помощь и сотрудничество. Сначала это был А.И. Семенов, а впоследствии Л.А. Аносова, успешно работающая на этой должности по сию пору.

Большое внимание и много времени я уделял работе в Научном совете АН СССР по комплексной проблеме “Оптимальное планирование и управление народным хозяйством”, который был создан в июне 1967 г. путем слияния трех советов – “Применение математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании”, “Научные основы планирования и организации общественного производства” и “Совершенствование методов и показателей народно-хозяйственного планирования”. Первый из этих советов, который и стал главной базой нового, был создан 20 мая 1960 г. возглавившим его В.С. Немчиновым, которого я заменил на этом посту через пять лет. Кроме Василия Сергеевича в состав того Совета вошли такие видные ученые экономисты и математики как Л.В. Канторович, В.В. Новожилов, А.Л. Вайнштейн, А.Л. Лурье, Л.Я. Берри, Л.Е. Минц и др.

В работе по реализации первого координационного плана Совета на 1961 г. участвовало 45 научно-исследовательских организаций. С каждым годом число этих организаций росло и география их расширялась, что соответствовало установкам В.С. Немчинова, который был

против концентрации работ только в Москве, Ленинграде и Новосибирске. В первые три года своего существования Совет координировал научные исследования, главным образом, в следующих четырех направлениях: анализ и расчет математических и кибернетических моделей производства и распределения как эффективного средства оптимального народнохозяйственного планирования; оптимальное планирование на основе сводного материального баланса и межотраслевого баланса производства и распределения продукции (по стране в целом и по экономическим районам); создание рациональной системы экономической информации с применением современной вычислительной техники; механизация и автоматизация системы экономических расчетов при планировании материально-технического снабжения. По этим проблемам в ряде координируемых организаций были достигнуты положительные результаты.

Важнейшей особенностью плана 1963 г. стало широкое развертывание работ по построению экономико-математических моделей и внедрению их в практику планирования народного хозяйства. В этом же году Совет провел целый ряд интересных и важных научных мероприятий, в том числе второе Всесоюзное совещание по применению математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании, рабочее совещание в Киеве по проблемам машинного программирования экономических задач, международный симпозиум в Москве “Экономико-математические методы в планировании”, совещание в Новосибирске по экономико-математическим моделям потребления и др.

Запомнился мне и совместный семинар Научного Совета и ЦЭМИ 29 апреля 1964 г., где был заслушан и обсужден доклад Б.Н. Михалевского “Концепция динамического равновесия и анализ макроэкономических систем”, вокруг которого завязалась интереснейшая дискуссия. В каком-то смысле этапным стал пленум Совета 17 июня 1964 г., обсуживший доклады А.Л. Вайнштейна “25 лет оптимального программирования” и А.Г. Аганбегяна “Итоги и перспективы применения математических методов в экономике и планировании”.

В 1965–1966 гг. произошло дальнейшее расширение сферы деятельности Совета. Он стал основным координирующим органом по применению математических методов и электронной вычислительной техники в экономических исследованиях и плановых расчетах на всех уровнях народного хозяйства. В 1966 г. Совет возглавил по данной проблеме деятельность более 200 научно-исследовательских, проектных и других организаций и учреждений. В их числе были многие ведущие институты Академии наук СССР, почти все институты экономики и кибернетики академий наук союзных республик, НИЭИ и ГВЦ Госплана СССР, НИИ ЦСУ СССР, НИИТруда, МГУ, ЛГУ, НГУ и многие другие высшие учебные заведения, научно-исследовательские и проектные организации почти всех министерств и ведомств и т.д.

Руководство Совета исходило из того, что подлинной основой координации научно-исследовательских работ по такой крупной проблеме может быть только комплекс научных идей, способных объединить многие тысячи специалистов в организованный коллектив, добиваю-

щийся вполне определенной единой цели. Не без моего участия тогда сформировалось мнение о том, что такой целью является создание в обозримом будущем автоматизированной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны. Так, концепция оптимального планирования народного хозяйства стала научно-методической основой координации всех работ по данной проблеме и после (и тем более после) уже упомянутого мной объединения трех советов в один в начале 1987 г.

Преимущества организации и координации исследований в рамках проблемных Научных советов заключались в том, что в данном случае происходило объединение усилий множества ученых и научных учреждений, во-первых, на демократических принципах, а во-вторых – на основе общей заинтересованности. Широкий и свободный обмен мнениями, разнообразные форумы: школы, семинары, симпозиумы, всесоюзные конференции, материалы которых регулярно публиковались, – все это притягивало лучшие исследовательские силы и научную молодежь, поскольку позволяло им постоянно быть в курсе всего нового, а также давало возможность “на людей посмотреть и себя показать”, без чего нормальный научный процесс невозможен. Поэтому уже в 1968 г. число организаций, исследования которых координировались нашим Научным советом, составило примерно 500. В основном это были научно-исследовательские учреждения Академии наук СССР, академий союзных республик, центрального и республиканских госпланов, функциональных и отраслевых министерств и ведомств, занятые разработкой и внедрением в практику системы оптимального функционирования экономики, а также автоматизированных систем плановых расчетов и управления на различных уровнях – от предприятий до народного хозяйства в целом.

Для координации деятельности такого большого научного сообщества Научный совет создал 13 проблемных и 16 территориальных секций. Проблемные секции охватывали следующую тематику: моделирование процесса народнохозяйственного планирования (председатель С.С. Шаталин), долгосрочное народнохозяйственное прогнозирование (А.Н. Ефимов), народное потребление и торговля (В.Ф. Майер), территориальные системы планирования и управления (В.В. Коссов), автоматизированные системы планирования и управления отраслями промышленности (А.А. Модин), автоматизированные системы управления промышленными предприятиями (Н.П. Лапшин), оптимальное планирование сельскохозяйственного производства (Р.Г. Кравченко), транспортные проблемы (А.В. Горинов), использование вычислительной техники и систем математического обеспечения в экономике (Е.И. Яковлев), математическое программирование (Д.Б. Юдин), экономико-математические модели зарубежных стран (С.М. Меньшиков), системы экономической информации в народном хозяйстве (Ю.И. Черняк), проблемы управления материально-техническим снабжением (В.М. Лагуткин). Впоследствии количество, названия проблемных секций и имена их председателей менялись в соответствии с меняющимися условиями работы, сдвигами в актуальности тематики и другими требованиями времени.

Естественно, что эффективность деятельности Совета во многом зависела от работы шестнадцати входивших в него территориальных секций, имевшихся во всех столицах союзных республик, а также в Ленинграде и Новосибирске. Территориальные секции возглавлялись крупнейшими учеными и организаторами науки, которых язык не поворачивается назвать “местными” или “периферийными”, поскольку среди них были Л.В. Канторович, С.М. Ямпольский, А.А. Аракелян, С.К. Зиядуллаев и другие известные имена.

В первый состав совета входило 88 специалистов. Моими заместителями были А.Н.Ефимов, С.С. Шаталин и Ю.А. Олейник, а ученым секретарем Ю.М. Тихомиров, которого потом заменил А.И. Ставчиков.

Первый же координационный план исследований (на 1968–1970 гг.), утвержденный руководителями Госплана СССР и президиума АН СССР, был посвящен серьезным и актуальным проблемам, в частности, предусматривал разработку: теоретических и методологических основ системы народнохозяйственного (межотраслевого и отраслевого) оптимального планирования; эскизного проекта системы народнохозяйственного (межотраслевого и отраслевого) оптимального планирования; технического проекта системы оптимального народнохозяйственного планирования на уровне Госплана СССР и госпланов союзных республик, взаимосвязанных с отраслевыми и ведомственными системами планирования, учета, управления и обработки информации, создаваемыми министерствами и ведомствами. В этот же план была включена проблема разработки методики составления и проведения расчетов оптимальных планов развития и размещения производства на 1970–1975–1980 гг., были подробно представлены задания по разработке методик и проведению расчетов по важнейшим разделам народнохозяйственного плана.

Именно тогда, на первом пленуме Научного совета в сентябре 1967 г., после сделанного мной доклада “Основные вопросы развития и применения методов оптимального планирования и управления”, в котором излагались основы проекта СОФЭ, было положено начало многолетней дискуссии, развернувшейся вокруг таких вопросов, как построение народнохозяйственного критерия оптимальности, анализ иерархической структуры экономики и взаимодействия между ее звеньями, сочетание централизованного планирования с самостоятельностью хозяйственных единиц, распределительные отношения и стимулирование производства, увязка цен и плана и др.

В течение 15 лет после этого Научный совет и ЦЭМИ при участии многих институтов вели разработку СОФЭ. Наиболее полно результаты этой работы представлены в десятитомном издании “Вопросы оптимального планирования и управления социалистической экономикой”, вышедшем в течение 1982 – 1985 гг. в издательстве “Наука”. Однако главным итогом работы Совета я считаю то, что под ее влиянием происходило изменение представлений об основных характерных чертах экономики, готовилась теоретическая база для экономических реформ. Эта база складывалась постепенно, как говорится, “по кирпичику”. Этими кирпичиками были доклады и дискуссии на отдельных научных форумах, проводившихся Научным советом.

Вспоминаются дискуссии 20-30-летней давности, в том числе вокруг доклада К.Г. Гофмана в апреле 1968 г. по проблемам определения оптовых цен на новые виды средств производства; на семинаре в Ереване по проблемам потребления и уровня жизни; на пленарном заседании Совета в октябре 1970 г., посвященном проблемам оптимизации управления и стимулирования научно-технического прогресса, где мною отстаивались единый норматив эффективности капиталовложений, новые методы исчисления прейскурантных цен, новые идеи, связанные с экономической оценкой природных ресурсов и платы за них, необходимость введения платы за трудовые ресурсы и др. В том же 1970 г. Научный совет провел большую дискуссию по теме: “Экономические проблемы оптимизации природопользования”, вторую Всесоюзную конференцию по отраслевым АСУ, симпозиумы “Целевое управление в экономике” и “Языки экономического управления”.

В 70-е годы предметами жарких дискуссий были проблемы: сочетание долгосрочных, среднесрочных и текущих планов, системного моделирования экономики, ценообразования, методологии оценки эффективности инвестиций и новой техники. Естественно, Научный совет не остался в стороне, проведя целый ряд научных форумов по этим вопросам. Среди других запомнились выступления на них Э.Ф. Баранова, Н.Я. Петракова, Д.С. Львова. И, конечно, нельзя не вспомнить две Всесоюзные конференции по оптимальному планированию и управлению народным хозяйством, в которых приняли участие ведущие специалисты всех республик, всех главных научных центров страны. Первая из них проходила в 1971 г., а вторая в 1983г.

## ПОСЛАННИКИ И “ПЕРВОПРОХОДИМЦЫ” МОСКОВСКОЙ НАУКИ

Особой заботой Научного совета было содействие развитию экономико-математических исследований по всей стране. Для этого мероприятия Совета (в основном это были семинары, школы-семинары, а также научно-координационные совещания) проводились повсюду, где в этом была нужда и где оказывалось содействие со стороны территориальных секций, в том числе на Украине, в Армении, в Эстонии, Узбекистане, Таджикистане и других местах.

Конечно, этим занимался не только наш Научный совет, это была забота Отделения экономики в целом. В середине 70-х годов в институтах экономики академий наук союзных республик работало более полутора тысяч научных сотрудников, в том числе 80 докторов и 500 кандидатов экономических наук, что составляло почти 50% общего числа ученых-экономистов, работавших в институтах Отделения экономики союзной Академии. Для координации их работы была создана постоянная союзно-республиканская координационная комиссия, председателем которой стал академик Н.Н. Некрасов. Эта комиссия рассматривала планы исследований республиканских институтов, разрабатывала вместе с ними сводные координационные планы, содействовала обеспечению их необходимой научной информацией и т.п.

Впрочем, Отделение экономики в этом смысле не было оригинальным. Постоянная забота и содействие развитию науки в союзных республиках – это был стиль Академии наук СССР, активно поддерживавшийся ее президентом М.В. Келдышем. Он постоянно занимался этим и часто привлекал меня к выездным мероприятиям Академии, о некоторых из которых я хотел бы рассказать.

## НА УКРАИНЕ

Одна из первых таких поездок, к моему удовольствию, была на Украину. На Украине – своей родине – я старался бывать при любой возможности, как в студенческие годы, так и после. Поэтому я с радостью ездил туда два раза вместе с М.В. Келдышем в составе делегации АН СССР укреплять связи между центральной и республиканской академиями. Помню первую встречу в Киеве с президентом АН УССР, всемирно известным ученым Б.Е. Патонем – продолжателем дела своего отца, не менее выдающегося ученого и инженера–мостостроителя Е.О. Патона. Надо сказать, что эта семья сделала такой вклад в теорию и технологию электросварки и в смежные области науки и инженерии, с которым не сравнится работа десятков НИИ по всему миру.

Я сделал доклад о моделировании процессов управления в строительной индустрии в Киевском инженерно-строительном институте, побывал в Институте экономики. И хотя меня везде принимали как земляка, выступал на русском языке. Тогда с этим не было проблем, и никто не задумывался о том, на каком языке нужно говорить, все друг друга понимали. Я остановился на этом, вспоминая мой недавний телефонный разговор со своим другом – нынешним директором Института экономики в Киеве академиком И.И. Лукиновым. Я спросил его: “Иванэ, шо робишь?”. Он отвечает: “Занимаюсь переводом”. Я спрашиваю: “Неужели подрабатываешь?”. “Та ни, – говорит он, – закинув доклад, тепер повинен переложить його на українську мову, колы хочу затриматись на цей должности”.

Конечно, как читатель знает и без меня, кое-что на Украине поменялось, однако, как и в прежние годы, среди академий бывших советских республик наиболее мощный научный потенциал после России имеет именно Украина. О крупном кибернетическом центре, созданном В.М. Глушковым, я уже упоминал, но надо сказать и о том, что в республике не только сохранилась, но и развивается сеть экономических исследовательских учреждений, успешно действует Отделение экономики НАНУ – Национальной Академии наук Украины (бывш. АН УССР). Кроме уже упоминавшегося Института экономики в него входят республиканский СОПС, Институт экономики промышленности, Институт экономико-правовых исследований (Донецк), Институт проблем рынка и экономико-экологических исследований (Одесса), Институт региональных исследований (Львов). После приобретения Украиной независимости в Киеве были созданы еще три института: мировой экономики и международных отношений, украинско-российских отношений и экономического прогнозирования.

Перед этими научными центрами, так же как и другими в бывших

советских республиках, стоят сегодня две главные проблемы – сохранение кадров и выживание. Тем не менее научная мысль там не останавливается. Так, И.И. Лукинов, еще 20 лет назад внесший большой вклад в исследование воздействия ценового и финансово-кредитного механизма на воспроизводственный процесс, недавно порадовал меня, подарив свою новую книгу “Экономические трансформации” (Киев, 1997 г.).

Один из выходов из кризисного состояния фундаментальных экономических исследований в постсоветских странах видится мне в координированной (или даже совместной) разработке программ ускорения темпов научно-технического и социально-экономического прогресса, создания моделей высокоэффективной кооперации и реинтеграции стран СНГ в интересах своих народов и повышения их общего благосостояния.

Конечно, формы сотрудничества ученых–экономистов России, Украины и других республик уже будут иными, чем во времена, когда все мы объединялись одной Академией, но ведь и суть многих проблем тоже изменилась.

Вернусь к воспоминаниям о нашей с М.В. Келдышем поездке на Украину. В выходной день хозяева устроили нам великолепную экскурсию на пароходике по Днепру до города Канева, туда, куда на Чернечью гору, круто возвышающуюся над рекой, в мае 1861 г. был перенесен прах украинского поэта, художника и мыслителя Тараса Григорьевича Шевченко. С тех пор эта могила, у которой теперь стоит монументальный памятник, видный за многие километры, стала местом паломничества. Подумать только, а ведь за два года до смерти, в 1859 г. неподалеку от этих мест Шевченко арестовали и выгнали с Украины в Петербург.

Посещение таких мест завораживает, вызывает философские размышления; стихи здесь вспоминать не нужно, они сами поднимаются со дна памяти: “Думы мои, думы мои”, “Рече та стогне Дніпр широкий”, “Нащо мені чорні брові...”. Это так же как, если шуршишь опавшими листьями по дорожкам царскосельского сада, то само собой всплывает пушкинское: “осенняя пора, очей очарованье, приятна мне твоя прощальная краса...”.

Обратный стокилометровый путь из Канева мы едва проделали за день, добравшись до Киева глубокой ночью, хотя возвращались уже не по воде, а на автомобилях. Дело в том, что по дороге мы не менее трех раз останавливались в перелесках, причем каждый раз нас там ожидал полный украинский обед, как положено, с борщом, галушками и горилкой.

Я, утомленный дорогой и особенно “остановками”, пошел отдыхать, а коллеги мои, видно, по инерции, никак не могли остановиться. Под утро они ватагой и с припасами ввалились в мой номер, а я в это время снаряжал фотоаппарат, дабы пойти и поснимать виды Крещатики на рассвете. Глядя в окно, я говорю им: “Хлопчики, далась вам эта горилка, хотя бы и с перцем! Гляньте, какие киевские красавицы на улице, так бы и прыгнул за ними из окна”. Оставив их то ли продолжать ужин, то ли начинать завтрак, я вышел на Крещатик и через не-

которое время встретил идущих навстречу М.В. Келдыша и П.Н. Федосеева. Мстислав Всеволодович остановил меня и спросил, зачем это я хотел выпрыгнуть из окна гостиницы. Он с улыбкой журил меня, а я никак не мог понять – как, когда и кто успел “стукнуть”, ведь с момента того разговора прошло совсем небольшое время.

Запомнились мне посещение расположенного под Киевом музея старинной украинской сельской архитектуры и особенно рассказанная мне там история одного экспоната – каменного забора XVII–XVIII вв. Этот забор музейщики отыскивали в одном из сел Центральной Украины и подрались выкупить его у хозяйки – пожилой бабульки – за 300 руб. Сделка была заключена зимой, когда вывезти забор было невозможно. Когда же покупатели прибыли за забором на следующее лето, хозяйка потребовала добавить к договоренной сумме еще 60 руб. На недоуменные вопросы ответ был простой и неожиданный: “Так за полгода доллар-то дюже упал!”. Вот тебе и сельская бабулька!

Перед отъездом из Киева я еще успел побывать в Институте кибернетики, которым руководил В.М. Глушков. Это очень интересный институт, ведущий работы в том числе и в области автоматизации проектирования ЭВМ, приложения вычислительной техники к управлению производственными процессами и экономикой, разработки новых принципов построения структур малых ЭВМ для инженерных расчетов и т.п. Виктор Михайлович тогда был еще “республиканским академиком, а “союзными” мы стали с ним вместе на одних выборах, причем оба прошли с первого “захода”.

В тот же день в нашу честь был устроен правительственный прием, где за столом я оказался неподалеку от своего однокашника по Военно-химической академии В.В. Щербицкого. Мы были рады встрече, и я подарил ему свою недавно изданную книгу. Он поблагодарил меня и что-то шепнул на ухо своему помощнику. О чем они шептались, я понял только вечером в гостинице, когда мне в номер внесли целый ящик горилки с перцем высочайшей “якісті” (т.е. качества). Мне пришлось с этим ящиком покантоваться, но он того стоил. Пригодилась горилка мне и в Москве, и в Канаде, о чем я уже рассказывал.

Во время второй поездки на Украину мы с М.В. Келдышем были не в столице республики, а знакомились с научными учреждениями в ее провинции. Наш путь пролегал через Запорожье, Днепропетровск, Ужгород и Севастополь. Признаться, в Днепропетровск я в тот раз не поехал, отпросившись у президента на денек в свое родное село. “Ну что ж, махновец (так иногда в шутку звал меня М.В. Келдыш), как не отпустить тебя, если мы рядом с твоим Гуляем – Полем”, – сказал он, улыбнувшись, и я, собрав гостинцы, поехал в Преображенку. Я объехал на машине всех своих племянников и близких друзей, собрал их в доме своей двоюродной сестры Галины, которая накрыла стол с нехитрой деревенской закуской. Встреча была теплой и задушевной, но с оттенком грусти. Мне казалось, что я здесь в последний раз. Так оно, к сожалению, и вышло. Сначала мешали дела и болезни, а сегодня вообще я оказался за границей своей Родины и превратился, никуда не уезжая из собственной страны, в эмигранта, с чем никак не могу смириться и чего никак до сих пор не могу понять...

В Ужгороде мы побывали в Закарпатском филиале Академии наук Украины и на одном очень интересном современном промышленном предприятии, где меня весьма заинтересовала созданная там своеобразная система управления производством. После дня напряженной работы и затянувшегося до глубокой ночи ужина я решил не ложиться, чтобы не проспять утреннюю встречу, и вышел прогуляться и подышать свежим воздухом. Надо сказать, что Ужгород очень красив, а на рассвете хорош особенно.

Кто-то из мудрых (по-моему, Куприн) правильно сказал, что для того, чтобы узнать какой-либо город, пройди по нему пешком и обязательно посети базар. Я так и сделал. Правда, пешком до базара было довольно далеко, и я сел в появившийся совсем пустой автобус. Бросив в кассу пятак и оторвав билет, я сел рядом с кабиной водителя, который меня обнадежил, что автобус идет как раз до рынка. На следующей остановке в салон вошла женщина и, не купив билета, уселась напротив меня. И что же вы думаете? Третьим в пустой автобус в пять часов утра (!) вошел контролер. Когда он ненавязчиво поинтересовался у моей соседки, по какой причине та едет без билета, она буквально заверещала, со страстью и отчаянием рассказывая о том, что сумку, в которой у нее хранились двадцать копеек, у нее буквально вот-вот недавно нахальным образом украли.

Чтобы уgomонить этот словесный вулкан, я предложил ей на выбор: либо я покупаю ей билет, либо даю безвозмездный кредит размером в двадцать копеек, но с одним условием, чтобы она тут же перестала голосить. Получив от меня двадцать копеек, приобретя проездной документ и предъявив его контролеру, она успокоилась, но вместо того, чтобы меня поблагодарить, неожиданно спросила: “А может вы и сумочку мне отдадите?”. Я буквально обомлел и не нашел ничего лучшего, как начать объяснять, что я сидел в автобусе, когда она в него вошла, но уже без сумки. Слава Богу, что у меня был свидетель в лице шофера автобуса, а то бы еще пришлось доказывать, что я не “гоп-стопник” какой-нибудь, приехавший из Москвы на воровские “гастроли” – пробавляться дамскими сумочками в утренних автобусах Закарпатья.

Прогулка по ужгородскому рынку меня немного успокоила, а кружка доброго домашнего вина, продававшегося тут же из бочек, стоявших между прилавками с чудными на вид фруктами и горами молотой паприки всех цветов и оттенков, окончательно привела в себя. В гостиницу я вернулся, хотя и не выспавшийся, но в хорошем настроении.

Посещение Севастополя произвело на меня очень большое впечатление. В этом городе-форпосте Южной России, действительно, каждый камень исторический, каждый из них полит потом и кровью российского строителя, солдата или моряка. Запомнилось и ознакомление с научными учреждениями, особенно – лабораторией по изучению возможностей использования морских животных в военных целях, а также объектами, связанными с изучением Космоса.

Бывали мы с Мстиславом Всеволодовичем и в Грузии. Поездка проходила обычным порядком: сначала встреча в президиуме республиканской академии, потом каждый член делегации посещал научные учреждения по профессиональной принадлежности, а вечерами мы снова собирались вместе и делились впечатлениями. Надо сказать, что по причинам известного всему миру грузинского гостеприимства нам ни разу не удалось поужинать два раза в одном месте, поскольку количество приглашений на домашний ужин в несколько раз превышало число дней, которые мы должны были там провести.

Все было очень здорово, если не считать довольно затруднительной обязанности каждый раз отвечать на один вопрос: у кого лучше вино. Грузинское вино, особенно то, которым угощают там, а не то, что продают в московских магазинах, действительно великолепно. Но подтвердить превосходство одного вина над другим означало бы обидеть хозяина, у которого ты ужинал накануне. Мстислав Всеволодович дипломатично уходил от ответа на этот вопрос, переадресовывая его ко мне, поскольку я якобы лучше него разбираюсь в этом деле. Я сначала не знал как выкрутиться, но потом нашел все-таки, на мой взгляд, подходящий ответ: “У того вино лучше, кто даст мне с собой бутылку побольше”. Эту формулировку я успешно использовал и впоследствии, когда бывал в Грузии в командировках на разного рода конференциях, в том числе и международных.

Вспоминаю интереснейшую “экскурсию” на стрельбы из градобойных пушек – для спасения виноградников от града. Состоялись встречи в Институте экономики Грузии, а по приглашению профессора Д.П. Дженалидзе я выступил с лекцией “О новом этапе развития экономической мысли” в университете, где говорил о только что зарождающейся науке – о СОФЭ. Лекция должна была длиться 1,5 часа, но беседа, на которой присутствовало около 200 чел., затянулась почти на четыре.

Грузинское хлебосольство как-то один раз создало мне небольшую проблему и в Москве, когда я лежал в больнице. Однажды в ЦЭМИ защищал докторскую диссертацию М. Кекелидзе, и я заехал в институт, чтобы провести заседание Ученого совета, а затем вернулся на свою койку. Часов в шесть–семь того же дня вдруг распахивается дверь моей палаты и в нее входит счастливый диссертант. С ним был мой заместитель по ЦЭМИ, а в руках у них – кастрюля с еще теплым шашлыком и кошелка полная бутылок с грузинским вином. Все бы ничего, но в это время заведующая отделением моей больницы делала вечерний обход и нас “застукала”. Конфликт с врачом я как-нибудь уладил бы, но в то время в президиуме Академии был такой порядок, когда на стол президенту каждый день клали сводку о состоянии здоровья академиков, и, конечно, донесение о моих подвигах наутро ушло к М.В. Келдышу. Спасибо Наталье Леонидовне – референту М.В. Келдыша, которая ко мне хорошо относилась и “телегу” припрятала.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов о нашей всеобщей любимице, которая была референтом еще у выдающегося физика–оптика С.И. Вавилова, президента АН СССР в 1945–1951 гг., млад-



С М.В Келдышем в Грузии



С А.П. Александровым (будущим президентом АН СССР)  
в Грузии после стрельбы из градобойных пушек

шего брата великого русского генетика Н.И. Вавилова, уничтоженно-го в 1940 г. Беззаветно преданная делу, она работала временами по 20 часов в сутки и была незаменимой помощницей всех президентов Академии, выбираемых после С.И. Вавилова. Она ушла со своего поста в весьма почтенном возрасте, когда уже не смогла выдерживать практически круглосуточного напряжения работы. С Натальей Леонидовой – моей соседкой по даче – мы дружим и по сей день.

## В МОЛДАВИИ

В Молдавии я был дважды. В первый раз я руководил там проведением Всесоюзной конференции по проблемам статистики и информации. Конференция была весьма интересной. Среди докладчиков были представители Центрального статистического управления, республиканских статистических органов, ученые–математики, занимавшиеся проблемами экономической статистики.

Немного отвлекаясь, скажу, что выступал там и один мой знакомый, в прошлом профессор Менделеевского института, а там присутствовавший в качестве академика Молдавской академии. Кстати, тот “оргнабор”, когда с целью укрепления национальных академий туда приглашались ученые из ведущих исследовательских и учебных институтов центра страны, коснулся и меня. Меня приглашали в Таджикистан и другие места, обещая немедленное присвоение звания действительного члена республиканской академии и должность вице-президента. Приглашал меня и земляк-полтавчанин С.В. Червоненко, бывший тогда секретарем ЦК компартии Украины, впоследствии ставший известным советским дипломатом. Между прочим, дипломатическая его доля была весьма нелегкой. Во время его работы в Пекине (1956 – 1965 гг.) началось серьезное обострение китайско-советских отношений, а его пребывание в Праге (1965–1973 гг.) совпало с так называемыми “событиями в Чехословакии”. В 1973 г. его направили “отдохнуть” послом в Париж, но не знаю, было ли ему там до отдыха... В общем, “национальным академиком” я не стал, о чем, честно говоря, не очень жалею.

Возвращаясь к конференции, скажу, что если в научном плане у нас все было в порядке, то в смысле бытовом возникла серьезнейшая проблема. Дело в том, что участники конференции, которых было более двухсот человек, проели всю мясную и колбасную пайку города Кишинева, отпущенную ему республиканским госпланом. Мясо и колбаса исчезли из местных магазинов, и начальник ЦСУ Молдавии, он же зам-предсовмина республики, взмолился: “Николай Прокофьевич, конечно, конференция хорошая и нужная, но когда же она, наконец, черт возьми, закончится? Нас же местные жители побьют!” После этого разговора я немедленно отпустил тех делегатов, которые до этого просились домой, да и отъезду других не препятствовал. Вот как бывает, когда проводишь конференции в условиях централизованного планирования...

Второй раз я был направлен в Кишинев с почетной миссией. Мне доверили выступить на юбилейной сессии местной академии и вручить почетный адрес президиума АН СССР. Все было, как положено, –

пышно и торжественно, в церемониях принимал участие руководитель республики Иван Иванович Бодюл, с которым у нас быстро установился личный контакт. Причина этого была проста. Дело в том, что, во-первых, мы были с ним одноклассники, во-вторых, почти земляки (он родом из села Александровка соседней Николаевской обл.), в-третьих, наши молодые годы мы прожили почти одинаково (крестьянствовали и голодали; он также в 1937 г. закончил сельскохозяйственный техникум и, более того, в 1942 – военную академию, правда не химическую, а ветеринарную; закончил он и ВПШ).

Потом мне рассказывали про него байку, на мой взгляд, вполне правдоподобную. Когда на пост руководителя республиканского комсомола был выдвинут его полный тезка – тоже Бодюл и тоже Иван, старший Бодюл воспротивился, мотивируя это тем, что на местах в Молдавии может возникнуть недопустимая путаница: вот, например, сообщат в область или район, что едет Иван Бодюл, а они не будут знать, по какому церемониалу оказывать прием – по партийному или рангом ниже.

## В УЗБЕКИСТАНЕ

В любимом мной с курсантских времен Узбекистане я бывал неоднократно и каждый раз с удовольствием, причем не только потому, что меня с этой республикой связывали воспоминания молодости и привлекало узбекское гостеприимство, но и потому, что там я завел несколько настоящих друзей, которых люблю и вспоминаю до сих пор. В Узбекистане я испытал удовольствие общения с умнейшими интеллигентными людьми, среди которых хотел бы назвать директора Института кибернетики академика В. Кабулова, директора Института экономики И. Искандерова, с которым я тесно сотрудничал и после того, как он стал академиком–секретарем Отделения экономики, главным ученым секретарем, вице-президентом Академии наук, заместителем Председателя Совмина, Председателем Госплана УзССР, а также своего одноклассника, тоже крестьянского сына, Ш. Рашидова, ветерана войны, в прошлом сельского учителя, а впоследствии известного писателя, напечатавшего свой первый сборник стихов “Мой гнев” в 1945 г.

Сейчас немодно говорить добрые слова о первых секретарях компартий, но, думаю, никто не станет отрицать того, что только при Советской власти мальчик из бедной крестьянской семьи мог превратиться в руководителя страны или стать академиком, как, кстати, и ваш покорный слуга – автор этих воспоминаний. Добавлю, что и младший брат Шарафа Рашидовича Насыр стал известным ученым и академиком в области механизации сельского хозяйства. Я мог бы вспомнить еще многих крестьянских сыновей, ставших незаурядными учеными, в том числе Д. Рузиева – узбекского экономиста–транспортника, докторанта ЦЭМИ А. Софаева и других, но для этого моя книжка маловата.

Так вот, приехав однажды в Ташкент на крупномасштабную всесоюзную конференцию по общественным наукам, которую проводил П.Н. Федосеев, я возглавил там экономическую секцию, сопредседате-

лями которой были мой близкий друг, ведущий экономист республики, председатель местного Госплана С.К. Зиядуллаев и директор Института экономики АН Узбекистана А.Б. Джамалов. По завершении работы секции я, как положено, должен был доложить итоги нашей дискуссии на заключительном пленарном заседании. Накануне я отказался от приглашения Саида-ака на ужин, так как должен был подготовиться к завтрашнему выступлению. Однако рано утром он с сыном появился у меня в номере гостиницы и предложил перед началом заседания заехать и отведать традиционный узбекский “утренний плов”, который у них принято есть на рассвете – “по холодку”.

Ну, думаю, плов так плов, тем более утренний, когда спиртное, наверное, не подают, тем более, что это запрещено Кораном, и поехал. Захожу в дом, смотрю, ба-аа: стол ломится от шашлыков и всевозможной аппетитной закуски, на столе и сухое, и полусухое, и крепкое, и некрепкое... Деваться некуда, пришлось “завтракать”. Смотрю на часы, уже девять, меня не отпускают, полдесятого, а мы сидим. Я стал нервничать, но меня держали у стола до самой последней секунды.

Подкатываем на полной скорости на автомобиле к зданию Академии наук, я с еще большей скоростью вбегаю в зал. Петр Николаевич, строго взглянув на меня, объявляет мое выступление, и тут я обнаруживаю, что страничек, на которых я накануне вечером набросал тезисы, нет. Искать их уже не было времени, и я, нервничая, пошел к трибуне. Мне было отпущено полчаса, я выступал, как мне потом сказали, тридцать две минуты. Наверное от того, что нервы мои в тот момент были сжаты в комок, выступление прошло с успехом, о степени которого вы можете судить по тому, что зал два раза взрывался аплодисментами. С тех пор я всегда стараюсь выступать без бумажки...

Вечером того же дня прощальным пловом нас угощал директор Института экономики. Как это положено за узбекским столом, тосты были частыми и продолжительными, ни одного гостя вниманием не обошли. Поднимали бокалы и за мои “успехи и здоровье”. Один из тостов мне особенно запомнился, но не своим содержанием, а оговоркой, которую допустил выступавший. Говоря о П.Н. Федосееве и его коллегах, Анер Баймбетович, желая отметить их научные достижения, назвал их “первопроходцами в науке”, желая произнести слово “первопроходцы”. Тут же подняли тост за его здоровье и недоразумение под общий смех замяли.

Заключительные испытания ждали нас утром перед посадкой в самолет. Радужные хозяева выложили перед самолетом гору замечательных арбузов, предлагая всем взять с собой, кто сколько сможет унести. Чтобы не обижать хозяев, я взял один арбуз, но мой коллега, академик-философ, бывший уже в весьма солидном возрасте, попросил взять и для него, поскольку ему это было не по силам. Передав ему свой портфель, я поднял два арбуза и, признаться, еле-еле поднялся с ними в самолет. Как мы довезли их до Москвы и как потом развозили по домам, я рассказывать не стану, но прибыл я домой измочаленный. А еще говорят, что научная работа – непыльное занятие... Отмечу, правда, что домашние были очень довольны. В те времена свежий арбуз в заснеженной Москве был диковинкой.

## В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Бывали мы с М.В. Келдышем и в заграничных поездках. Первая из них была в Чехословакию в 1966 г. Интересно, что эта поездка была первым для Мстислава Всеволодовича выездом за границу, поскольку до этого его в другие страны просто не пускали по причинам “засекреченности”. Была собрана солидная делегация, куда входили академики Б.П. Константинов, В.А. Энгельгардт и др. Целью командировки было знакомство с Чехословацкой Академией наук (ЧСАН) и заключение договора о сотрудничестве.

В Праге нас встретили очень радушно. Президент ЧСАН, рассказывая о развитии науки в стране и о проблемах наших взаимных связей, отметил главное препятствие в их развитии – неповоротливость почты. Пошлешь, говорит, вам какую-нибудь бумагу, будь то научный отчет или предложение о сотрудничестве, а ответа ждешь по три–четыре месяца, а то и вовсе не получаешь. М.В. Келдыш, конечно, не стал ему объяснять, что заграничная почта у нас в стране, прежде чем попасть в Академию или в НИИ, детально изучается в “специальных исследовательских организациях”, и на это требуется время. Добавлю, что, вернувшись в Москву, он поставил этот вопрос в верхах, положение улучшилось, но ненамного.

После первой встречи наша делегация разошлась “по рабочим местам” по принадлежности к той или иной отрасли науки. Я провел целый день в Институте экономики ЧСАН, директором которого тогда был Ота Шик. Я услышал там много интересного, поделился нашим опытом, пригласил чехословацких коллег в гости, на что, естественно, предварительно получил разрешение от начальства.

Вечером у нас была встреча с журналистами, один из которых задал нам вопрос с подковыркою: зачем, мол, нужно развивать экономико-математические методы в условиях социалистической системы хозяйствования. Мне было что ответить на этот вопрос, и я не смутился, на что, по-видимому, рассчитывал тот журналист. Я открыл ему глаза на приоритет Советского Союза в этой области, рассказав о работах Струмилина, Старовского, Попова, отметив, что Василий Леонтьев, который создал себе славу первооткрывателя, набрался идей и опыта именно в группе Попова, начавшей составлять межотраслевые балансы еще в 1924 г.

Из Праги мы поехали в Братиславу, в Словацкую Академию наук. Я побывал и в Политехническом институте, где повстречался со своими коллегами–экономистами, а также химиками, которых навещал еще в свой прошлый приезд, когда работал в МИТХТ.

Вернувшись в Прагу, мы рассказали в президиуме ЧСАН об итогах своей поездки, поблагодарили своих коллег за теплый прием и вернулись в Москву. Больше мы не встречались, поскольку шестьдесят восьмой год разметал тот состав Академии. Кто ушел сам, кого уволили, а кто и эмигрировал... В Чехословакию я ездил и на лечение, главным образом в Карловы Вары.

## 8. ОТ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРИМЕНТОВ К НОВОЙ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА

---

### ЗАРОЖДЕНИЕ СОФЭ

Вспоминая о том, как разрабатывалась и отстаивалась в научных дискуссиях теория, получившая название “Система оптимального функционирования экономики” (СОФЭ), я прихожу к выводу, что эта теория в те годы не могла родиться где-нибудь еще, кроме ЦЭМИ. Дело в том, что молодой научно-исследовательский институт по сравнению с давно действующими, “сложившимися” имеет свои недостатки, но и свои преимущества. Недостатки нового коллектива исследователей – в отсутствии сложившейся единой школы, в неотлаженности взаимоотношений людей, отделов, лабораторий. Да и других проблем, как и у любой вновь созданной организации, немало. Что же касается преимуществ, то они – как бы продолжение указанных недостатков, поскольку “единство школы” и “отлаженность взаимоотношений” временами оборачиваются научным застоем, идейной инерцией и круговой порукой людей, считающих себя единственными хранителями истины.

С первых месяцев работы молодого коллектива ЦЭМИ выявилось отсутствие заикленности на давно действующих, ставших как бы само собой разумеющимися, а на самом деле устаревших, истинах. А ведь устаревшая истина – уже не истина. Например, лет 500 назад общепризнанной и не подвергаемой сомнению истиной считалось утверждение Птолемея о том, что Солнце вращается вокруг Земли. Нужен был Галилей, чтобы люди поняли, что они заблуждаются, нужен был Коперник, чтобы развить идеи Галилея.

Уже в начале 60-х годов, когда был создан ЦЭМИ, да и даже раньше, становилось ясным, что та экономическая теория, на которой строилась советская экономика, устарела. Она не развивалась с конца 20-х годов, когда был свернут нэп и хозяйственный механизм индустриализации страны превратился в систему строго централизованного и натурального (тонны, метры, штуки) распределения ресурсов, заданий. Теория, обосновывающая такую практику ведения хозяйства и отрицающая какое-либо ее изменение или замену, т.е., в философском смысле, развитие, и была долгое время “путеводной звездой” для всех отечественных научно-исследовательских экономических институтов. Конечно, какие-то нюансы, а точнее сказать, – нюансики, изредка в этой теории пересматривались, но сути дела это не меняло. А если где-то и кем-то предлагались хотя бы частичные новации, то они тут же подвергались отрицанию, а инициаторы – разгрому и поношению.

Поначалу ЦЭМИ не “подставлялся”. Его первые исследовательские работы, хотя и отличались новизной, но не вызывали раздраже-

ния, поскольку не выходили за рамки привычных экономико-технологических методов и моделей, обосновывались привычной научной терминологией, а главное, на что мы обращали особое внимание, находили успешное применение в хозяйственной практике, по крайней мере частично. Это касается разработок в области оптимального размещения предприятий химической отрасли, территориальной привязки проекта строительства АВТОВАЗа, оптимизационных моделей организации производственного процесса на машиностроительных предприятиях, создания АСУП на московском заводе “Красный пролетарий”, оптимальных графиков перевозки сыпучих стройматериалов автохозяйствами Главмосавтотранса и др.

Упомянутые разработки получили хорошие отзывы, авторитет ЦЭМИ рос, но пытливые умы нашей честолюбивой – в хорошем, научном смысле этого слова – молодежи стремились к большему, рамки прикладных разработок стали для нее тесны. Начали разворачиваться и теоретические исследования, постепенно превращавшиеся в единую концепцию оптимального планирования и управления экономикой. Первые публикации на эту тему стали появляться уже в середине 60-х годов, в особенности после того, как начал работу журнал “Экономика и математические методы”. На общепрофессиональных научных семинарах сначала робко и спонтанно, а потом все более настоятельно стала звучать идея: необходимо взяться за разработку основ новой экономической теории, а если удастся, то и ее самой. Вначале, правда, определенного названия у этой теории не было, оно выкристаллизовалось позже, но главные направления ее разработки и, соответственно, задачи, стоявшие перед исследователями, были ясны.

Первое – теория должна не просто описывать развитие экономики, а направлять на поиск оптимальной (наилучшей при данных ресурсах общества) траекторию ее развития. Второе – надо отойти от традиционной со времени индустриализации СССР опоры на валовые натуральные показатели (штуки, тонны, метры) и ориентироваться на товарно-денежную сбалансированность хозяйства, если угодно – товарно-денежный оптимум экономики (сюда, конечно, входят и цены). И третье – не ограничивать теорию только словесно-логическими построениями, а довести их до строгих обоснований.

Одним из первых заметных и определяющих общее направление “шагов” в процессе перехода от обсуждения формальных процедур оптимального программирования к более широкому пониманию механизмов функционирования народного хозяйства был трехтомник “Экономико-математические методы” вышедший в свет в 1963–1966 гг. под редакцией А.Л. Вайнштейна. Статьи, входившие в этот трехтомник, в частности, отразили новые подходы к моделированию народного хозяйства и целевой функции потребления, значительно продвинули вперед анализ взаимосвязи функций производства и потребления.

Можно сказать, что 1966 г. в каком-то смысле был переломным в развитии нашего научного направления. Именно в этом году увидели свет публикации, подготовившие почву для выделения СОФЭ как новой, самостоятельной линии в экономической теории. В этом смысле я бы отметил статьи А.А. Лурье “Абстрактная модель оптимального хо-

зыйственного процесса и объективно обусловленные оценки”, Ю.В. Сухотина “О критерии оптимальности народнохозяйственного плана”, публикации В.А. Волконского, В.Ф. Пугачева, К.К. Вальтуха, О.С. Пчелинцева, а также собственную статью “Цены и оптимальное планирование”.

В том же 1966 г. А.И. Каценелинбойген, Ю.В. Овсиенко и Е.Ю. Фарман опубликовали книгу “Методологические вопросы оптимального планирования социалистической экономики”, в которой формулировались особенности методологических принципов новой теории, в том числе:

наличие единого критерия оптимальности как математического выражения основного экономического закона;

необходимость рассмотрения экономики как иерархически построенной саморазвивающейся системы;

математическое описание алгоритмизации механизмов функционирования экономики.

Конечно, точно определить “день рождения” СОФЭ нельзя, поскольку сама идея вынашивалась долго и в процессе обдумывания и обсуждения неоднократно трансформировалась. Однако я хорошо помню один из случаев, когда о ней было объявлено прилюдно. Это произошло 13 сентября 1967 г., когда я выступил на пленарном заседании проблемного Научного Совета с докладом “Основные вопросы развития и применения методов оптимального планирования и управления”. Этот доклад и послужил одной из основ разработки эскизного проекта системы оптимального функционирования экономики. В этом выступлении я подчеркнул, что принципы новой теории имеют общий характер и пригодны для решения разнообразных задач, в том числе и тех, которые могут возникать в рыночной экономике.

В докладе было определено понятие оптимального плана и его целевой функции, рассмотрены вопросы критерия оптимальности, природы оценок оптимального плана, применения системноструктурного метода оптимизации, правомерности выделения “оптимума функционирования” в качестве самостоятельной категории в условиях самодвижения экономической системы и др. Было подчеркнуто, что оптимизационная методология раскрывает новые уровни экономического мышления, не замыкающегося в уже установленные рамки и требующего осмысления коренных проблем современности. Оптимум функционирования тесно связан с оптимумом развития, подобно тому, как статистические стандарты составляют основание динамических народнохозяйственных процессов. Из этого делался вывод, что на смену жесткому централизованному планированию должно прийти гибкое экономическое регулирование, опирающееся на научный выбор экономических параметров управления.

Итак, “знамя было поднято и маски сброшены”. С этого момента исследования, проводимые коллективом ЦЭМИ – от младшего научного сотрудника до директора, получили общую объединяющую и направляющую идею. Одновременно СОФЭ стала не только предметом творческих дискуссий, но и мишенью для критики. В научной литературе и публицистике появился даже расхожий термин “оптимальщики”,

в который вкладывался примерно такой же смысл, как и в слово “отщепенцы”. Но об этом несколько позже. Сейчас же я хочу рассказать о том, как родился сам термин СОФЭ.

Эта история интересна еще и потому, что имеет некоторый детективный оттенок. Чтобы ее рассказать, мне нужно мысленно вернуться к тому времени, когда после непродолжительного пребывания в здании на Волхонке наш институт разместился в седьмом корпусе комплекса старинных зданий бывшей царской резиденции в Нескучном саду, где расположен президиум АН СССР. Здание слегка реконструировали, и у меня образовался уже вполне сносный кабинет с малюсенькой комнатушкой, где разместилась небольшая библиотека, сейф и холодильник. В холодильнике, правда, тогда ничего кроме нескольких бутербродов, которые я брал из дома, не бывало. Работали мы допоздна, и что-то нужно было иметь на ужин. В этом корпусе тогда размещалась только дирекция и пара лабораторий, поскольку дом был небольшой. Поэтому другие лаборатории были разбросаны еще в пяти-десяти местах по Москве, многие сотрудники работали дома. Потом мы переехали на улицу Вавилова, что кардинально не решило проблему размещения. Так продолжалось до тех пор, пока мы не выстроили здание на улице Красикова (ныне Нахимовский бульвар), где ЦЭМИ находится до сих пор.

Однажды мы с Ю.А. Олейником и другими сотрудниками ЦЭМИ засиделись за обсуждением нового направления деятельности института. В конце концов сошлись на том, что его нужно назвать “Системой оптимального планирования и управления народным хозяйством”. Название было лаконичным и отражало суть вопроса, однако мне никак не нравилась его аббревиатура. Уж больно это С.О.П.У.Н.Х. было неблагозвучным, да и в урезанном виде – СОПУ – звучало не лучше. Наконец, я предложил новое название: “Система оптимального функционирования экономики”, отметив, что аббревиатура СОФЭ, во-первых, звучит гордо, лихо и “французисто”, а во-вторых, при желании может расшифровываться как “Система оптимизации ФЭдоренко”. На том и порешили, оставив, правда, СОПУ в скобках.

Будучи весьма довольными собой и оголодавши, мы решили отметить событие где-нибудь в общепите. На “Арагви” денег не было, и мы двинулись на Никольскую в недорогую шашлычную. Отпустив машину, приступили к скромной трапезе, и тут Олейник шепчет мне на ухо: “Николай Прокофьевич, за Вами следят”. Я сначала ему не поверил, но, оглядевшись, обратил внимание на трех молодцов, делавших вид, что им все нипочем. Выхожу из шашлычной, смотрю, ребята к мной. Я сворачиваю за угол, они за мной. Я на остановку автобуса – и они тоже. Пропускаю пару автобусов, и они стоят. Наконец я, как подпольщик-конспиратор, прыгнул в третий автобус перед тем как дверям хлопнуться и “оторвался от хвоста”. Оторваться-то оторвался, но потом никак не мог взять в толк, чего же им было надо, так как никакого криминала и тем более конреволюции за собой не числил. После этого случая я иногда замечал “наружку” то в подъезде, то на улице.

Возвращаясь к рассказу о создании основ СОФЭ, замечу, что дискуссия по проблемам оптимального планирования и управления, раз-

вернувшаяся в 60-х годах, продолжалась, как, впрочем, продолжается и до настоящего времени. В 70–80-х годах она развернулась с новой силой, и хотя участники ее были, по существу, те же самые, она включала и ряд новых проблем, преимущественно методологического характера, что придавало ей особую остроту и напряженность, а также свидетельствовало о том, что СОФЭ представляла и представляет собой не застывшую, но постоянно развивающуюся теорию.

Поначалу создание СОФЭ сопровождалось “внутренними” дискуссиями. Споры на страницах журнала “Экономика и математические методы”, яростные научные стычки на “малых” и “больших” институтских семинарах порой доходили до такой степени горения, что мне временами стоило большого напряжения их улаживать. Помню, как однажды одного неистового спорщика пришлось утихомирить такими словами: “Вы говорите так же, как говорили в 1937 году!!!” Он как-то смешался, утих, но и я задумался, поняв, что допустил ошибку: парень-то этот, в отличие от меня, в те годы вряд ли и в детский сад-то ходил... Главное все же было достигнуто: обсуждение дальше пошло спокойно, а на мой просчет внимания не обратили. Ну, на самом деле, если трудно остановить чистых гуманитариев, ломающих пики, доказывая правильность своих и порочность чужих идей, то как еще приструнить профессиональных математиков, с обидными выкриками швыряющих друг в друга идеологическими кирпичами? Но так вели себя в общем-то соратники. А представляете, какие “марксистско-ленинские кирпичи” летели в наш огород из-за плетня? Об этом я расскажу чуть позже, а сначала остановлюсь на главных причинах, вызвавших яростную критику наших “внешних” оппонентов.

Дело в том, что СОФЭ самой своей сутью вынуждала пересмотреть взгляды на вопросы, ранее вообще не подлежавшие обсуждению, например, о характере действия экономических законов, о содержании целевой функции социалистического хозяйства, о специфической роли категории ценности и ценностных отношений в связи с понятием “абстрактной” полезности и ее роли в реальном механизме хозяйствования и, наконец, о совершенствовании хозяйственного механизма. Последнее было, с точки зрения оппонентов, главным грехом СОФЭ, таким образом претендовавшей на построение альтернативного проекта проведения хозяйственной реформы в СССР, на усиление нормативного подхода к построению этого механизма, что особенно актуально звучит в современных экономических дискуссиях.

## РАЗВИТИЕ СОФЭ

Произнесенный мною в сентябре 1967 г. на пленуме проблемного Научного совета доклад опирался на результаты серьезного исследования, которые, конечно, не могли найти полного отражения в докладе. Это было сделано в моей книге “О разработке системы оптимального функционирования экономики”, выпущенной издательством “Наука” в 1968 г.

Последний из оставшихся у меня экземпляров этой книги мне осо-

бенно дорог не только потому, что он последний, но и потому, что она хранит автограф моего любимого поэта Расула Гамзатова. Однажды во время нашей очередной встречи он с одной стороны ее форзаца на аварском, а с другой – на русском языках написал мне посвящение следующего содержания (привожу, естественно, подстрочный перевод):

“В то время, когда музыканты  
Из музыки делают цифры и товар,  
Вы сумели из цифр и товаров  
Удивительную музыку создать”.

Эта гамзатовская гипербола мне, конечно, польстила, и до сих пор я с удовольствием и гордостью демонстрирую этот авторграф своим друзьям. При этом я задумываюсь о том, почему в течение многих лет мне так и не удалось втолковать многим высокообразованным экономистам суть и преимущества СОФЭ, а дагестанский поэт после нескольких минут моих объяснений понял (или почувствовал?), что главное содержание идеи заключается в создании хозяйственного механизма, построенного на принципе *гармонического взаимодействия* всех его элементов, хозяйственного механизма, действующего, как большой слаженный *оркестр*, где под руководством талантливого управляющего (дирижера, а не шарманщика!) каждый играет по своим нотам и на своем инструменте, а все вместе превращается в чарующую мелодию.

Наверное, все же прав сказавший, что “поэт в России больше, чем поэт”. И, наверное, все же есть что-то общее у “инженеров человеческих душ”, как называл Горький писателей и поэтов, и у “инженеров социальной сферы”, как называют экономистов. Недаром Пушкин в “Евгении Онегине” цитирует Адама Смита. Уж, наверное, он его читал и, наверное, усвоил, если вынес главную его мысль о “простом товаре” в свой гениальный роман в стихах.

Кстати, и некоторые другие великие поэты были не чужды политэкономии, правда, по-видимому, знакомились с нею по разным источникам. Так, Маяковский, скорее всего, прошел экономический ликбез у Островитянова, о чем можно судить по следующим его стихам: “...давайте материальную базу для новых социалистических отношений”<sup>1</sup> или: “Втрое, каждый станок и верстак, работу свою увеличь... Снижай себестоимость, выведи брак... Сжимай экономией каждый пятак. Траты учишь стричь...”<sup>2</sup>. В общем, здесь есть о чем подумать и поразмышлять, в частности о неестественности водораздела между наукой и культурой, о сходстве между директором НИИ и театральным режиссером, а также о том, почему Маяковский почти точно указал дату Октябрьского переворота (помните его: “в кровавом венке революций грядет шестнадцатый год”?), а вот с коммунизмом явно “промазал” (помните его “Фосфорическую женщину” из 2030 года?).

О взаимосвязи науки и поэзии писали многие мыслители, в том числе и английский философ XIX в. Герберт Спенсер: “Общепринятое

<sup>1</sup> Маяковский В.В. Соч. В 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 615.

<sup>2</sup> Там же. С. 621.

мнение, будто наука и поэзия – две противоположности, большое заблуждение... неправда, чтобы истины науки были лишены поэзии... Напротив, наука раскрывает перед нами целый мир поэзии... Люди, посвятившие себя научным изысканиям, постоянно нам доказывают, что они не только так же, как другие люди, но даже гораздо живее их воспринимают поэзию изучаемых ими предметов”<sup>3</sup>. Я бы сам с удовольствием далее поразмышлял на эту тему, но пора возвращаться к СОФЭ.

## ЭКОНОМИКА – ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Итак, в монографии, посвященной разработке СОФЭ<sup>4</sup>, мною были изложены основы разработки проекта Системы, в том числе определены его цели и назначение, методологические предпосылки, требования к математическому и информационно-техническому обеспечению, рассмотрено содержание первого этапа разработки и внедрения СОФЭ и вопросы организации исследований в этой области. Естественно, предшествовавшие этому главы были посвящены детальному обоснованию объективной необходимости совершенствования системы управления экономикой вообще и разработки данного проекта в частности.

Пересказывать содержание книги, разумеется, здесь не имеет смысла. Однако ее кардинальные положения, остающиеся актуальными с позиций современности, я все же хотел бы напомнить. Во-первых, была поставлена проблема *меры сочетания централизации и децентрализации* в принятии экономических решений, включая все звенья хозяйства – от министерства до цеха и рабочего места. Во-вторых, было предложено перестроить систему *ценообразования* таким образом, чтобы она стимулировала развитие экономики в желательном для народного хозяйства направлении. В-третьих, было отмечено, что “нужно количественно и всесторонне обосновать и экспериментально проверить оптимальные методы использования *экономических рычагов управления* разными звеньями народного хозяйства. От того, какие в новых условиях будут установлены взаимоотношения предприятий с госбюджетом, какие будут отчисления от прибыли, плата за фонды, рентные платежи и т.п., зависит рациональное использование фондов предприятий и увеличение выпуска продукции со спросом и повышением ее качества, ускорение технического прогресса и развитие новых производств, повышение рентабельности и эффективности использования основных фондов и оборотных средств”<sup>5</sup>. В-четвертых, была поддержана высказанная еще В.С. Немчиновым идея о *хозрасчетной системе планирования*.

Я был уверен тогда, уверен и сегодня в том, что “хозрасчетными

<sup>3</sup> Спенсер Г. Сочинения. СПб., 1899. Т. VII. С. 27.

<sup>4</sup> Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968.

<sup>5</sup> Там же. С. 11–12.

могут быть не только предприятия, но и органы, объединяющие и управляющие предприятием. У нас не будет необходимых успехов в хозяйстве, если органы, руководящие предприятиями, не будут работать на основе хозрасчетной заинтересованности и хозрасчетной ответственности. Мы против попыток управлять хозяйством преимущественно посредством аппарата, применяющего лишь административные рычаги. Необходимо в дальнейшем перестроить работу министерств таким образом, чтобы они опирались лишь на хозрасчетные объединения, да и сами перешли на хозрасчет”<sup>6</sup>.

Наконец, в-пятых, мною было предложено принципиально новое решение вопроса об использовании *товарно-денежного механизма* (я считаю, что в данном случае правильнее употреблять термин “ценностной механизм”, поскольку он подчеркивает связь цены с народнохозяйственным критерием оптимальности и с категорией общественной полезности, однако первый прижился в научном обиходе) и *самодействия* в сознательно оптимизируемой хозяйственной системе. В частности, я подчеркнул, что теория СОФЭ рассматривает товарно-денежный механизм как средство “поддержания оптимального режима функционирования централизованно планируемой экономической системы в условиях самодействия ее производственных звеньев. Элементы самодействия (с использованием ценностного механизма) допускаются и используются в оптимальной системе на самых различных уровнях: 1) при формировании народнохозяйственного критерия оптимальности в части потребностей членов общества, удовлетворяемых в индивидуальном порядке (с помощью товарно-денежных отношений происходит выявление реальных потребностей населения); 2) при взаимоотношениях между предприятиями и производственными объединениями одного уровня иерархии в процессе реализации плановых заданий; 3) в системе стимулирования различных звеньев народнохозяйственного механизма и т.д. Более широкое использование товарно-денежных отношений предполагает, что финансовые органы не только заботятся о пополнении государственной казны, но проявляют постоянную инициативу в стимулировании роста производства и реализации продукции. В еще большей мере это касается кредитной системы. Ценностной механизм должен обеспечить такой характер саморегулирования (самонастройки) производственных объектов, при котором достигается выход всего народного хозяйства, т.е. всей совокупности этих объектов, на оптимум с точки зрения единого общественного критерия. Иными словами, должно обеспечиваться единство общественных и индивидуальных интересов”<sup>7</sup>.

Самым же важным, на мой взгляд, положением, выдвинутом в этой книге, было указание на то, что “важнейшей предпосылкой изучения экономических отношений является признание их неразрывной связи со всеми другими отношениями в обществе. Из этого следует, что, хотя экономическая наука изучает ту сторону общественных отношений людей, которая отражает их участие в общественном производстве,

<sup>6</sup> Там же. С. 26.

<sup>7</sup> Там же. С. 30.

анализ этих отношений возможен только на основе целостного рассмотрения функционирования всего социального организма”<sup>8</sup>.

Это ключевое для теории СОФЭ положение указывает, что невозможно рассматривать все экономические категории исходя лишь из анализа самой экономики, – необходимо рассматривать всю систему общественных отношений. Значение этого положения особенно четко раскрывается при исследовании вопроса о цели производства, о построении критерия оптимальности экономики. Ввиду возможности многих вариантов развития экономики (которые определяются социальным, научным и техническим прогрессом), всеобщей взаимосвязи производственных процессов и взаимозаменяемости ресурсов и продуктов объективно существует предпочтение, которое отдает общество одним вариантам плана в сравнении с другими. Количественным выражением этого предпочтения должен быть народнохозяйственный критерий оптимальности – синтетический показатель оценки эффективности вариантов функционирования экономики. Существование объективной цели общества – максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей его членов – в свою очередь предполагает возможность и необходимость соизмерения различных потребительских благ с точки зрения их важности для общества.

Именно это положение, из которого следовало, что СОФЭ – это не просто сфера применения или “прикладное поле” для экономико-математических методов и ЭВМ, а *система социально-экономических отношений*, и стало ведущим при развертывании следующего этапа исследований в этой области. Эти исследования стали проводиться на народнохозяйственном уровне, разработка моделей приобрела системный характер, ученые ЦЭМИ приступили к проектам многоступенчатой оптимизации в СОФЭ.

## ЧЕЛОВЕК В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Последовательно осуществляя системный подход к формированию исследовательской тематики, нельзя было обойтись без изучения *проблем положения человека в экономической системе*. И дело было не только в безусловной необходимости учета человеческого фактора в системном моделировании. В данном случае исходили из политэкономического постулата М.И. Туган-Барановского (заимствованного им у Канта) о верховной ценности человеческой личности, а также понимания того, что провал многих предшествовавших научных и практических концепций как раз и состоял в том, что в них человеку отводилась роль *ресурса* (по Сталину – “винтика системы”), а не главной *цели* экономического развития.

Для исследования этой тематики в 1967 г. в ЦЭМИ был создан отдел проблем уровня жизни, который возглавила Н.М. Римашевская. Лабораториями в этом отделе на разных этапах его существования руководили И. Лахман, Б. Грушин и А. Шевяков. Определяющим направ-

<sup>8</sup> Там же. С. 189.

влением работы отдела было создание экономико-математических моделей для анализа и прогноза жизненного уровня населения. Это направление органически увязывалось с работами других подразделений института и ЦЭМИ в целом. Модели были ориентированы на системное представление социально-экономической категории народного благосостояния, которое строится на синтезе и взаимосвязи потребностей и потребления. Ключевым для отдела был так называемый таганрогский проект, работа над которым продолжается до сих пор и который представляет собой комплексное исследование условий, уровня, образа и качества жизни населения на примере большого российского города. Для оценки зафиксированных в Таганроге социальных процессов и механизмов, а также степени репрезентативности полученных там результатов для страны в целом аналогичные обследования, но меньшего масштаба, проводились в Костроме и Таллинне.

Возможно, сегодня осуществление подобного специального проекта вызвало бы недоумение, но в середине 60-х годов, когда социальная статистика практически отсутствовала, бюджетные наблюдения, обследования заработной платы и доходов населения были засекречены, а социология в СССР только начинала зарождаться, он имел не только научное, но и политическое значение. Такой проект позволял трезво взглянуть “за ширму” всеобщего благополучия и увидеть реальность общественных процессов, проверить новые методические подходы к изучению состояния населения. Основными темами первого проекта (1968–1969 гг.) были: социально-демографическая характеристика семей, включая их типологию; доходы по полной структуре источников поступления; денежный состав потребления на микроуровне; жилище и имущество семьи; образование, квалификация и труд. Главная его задача не ограничивалась получением некоей фотографии, а состояла в том, чтобы обнаружить устойчивые связи и взаимодействие факторов формирования семейного благосостояния, а также механизмов, действующих в сфере потребительского поведения.

Своеобразие методологического подхода, применявшегося в этих исследованиях, заключалось в том, что человек и его поведение рассматривались во взаимосвязи и взаимодействии как бы трех ипостасей: *производственной*, где он выступает как участник общественного производства или попросту рабочая сила; *потребительской*, где он функционирует как член малой социальной группы – семьи, домохозяйства; и, наконец, *демографической* – как элемент человеческой популяции и член репродуктивной структуры. Эти исследования начались в период послехрущевских “заморожков”, сменивших “оттепель” конца 50-х годов. Поэтому на первых порах они проводились почти “нелегально”, а результаты их в то время, разумеется, не публиковались, оставаясь в виде научных отчетов в “кладовых” ЦЭМИ. Но они все же приподняли плотную завесу над охраняемыми государством реальными условиями жизни населения, а главное – позволили опровергнуть ряд общепринятых идеологических догм: о социальной однородности советского общества, об эффективности централизованного управления различиями в оплате труда работников, об общественных фондах потребления как гарантии материального равенства.

Уже первые исследования отдела Н.М. Римашевской выявили такие серьезные проблемы, как нестабильность семейной структуры населения и противоречия в реальном положении женщины в государстве развитого социализма. Был предложен новый подход к проблемам низкооплачиваемых работников и малообеспеченности, сформулирована новая доктрина распределения жилья. К концу 70-х годов проведенные исследования позволили сформулировать основные противоречия социальной сферы страны “победившего социализма”, в том числе: хронический и углубляющийся дефицит потребительских благ, сформировавшийся из-за структурного перекоса в экономике; противопоставление объективных законов распределения и волевых решений, принимаемых централизованной системой; дестабилизацию структуры семьи и др.

Естественно, что публиковать результаты этих исследований тогда было очень трудно. Все же, благодаря усилиям Л.А. О니кова, была выпущена научная монография “Семья, труд, потребление (таганрогские исследования)”, правда с грифом “Для служебного пользования”. Замечу, что напечатанная также с большим “скрипом” монография Н.Е. Рабкиной и Н.М. Римашевской “Основы дифференциации заработной платы и доходов населения” (Экономика, 1972), для которой я написал предисловие, до сих пор остается непревзойденной публикацией по проблеме распределения доходов. Фактически неизведанное направление в социологической науке было открыто в монографии А. Овсянникова, И. Петтай и Н. Римашевской “Типология потребительского поведения” (Наука, 1989). Изложенные в ней методы особенно эффективны для современного стратифицированного общества, которым сегодня является Россия.

В настоящее время исследованием данной проблематики коллектив, возглавляемый Н.М. Римашевской, занимается уже в рамках Института социальных проблем и народонаселения (ИСПН) РАН, который выделился из ЦЭМИ. В конце 80-х – начале 90-х годов в составе ЦЭМИ действовала Центральная лаборатория социально-экономических измерений, созданная на правах самостоятельной научной единицы совместно с Государственным комитетом по статистике. Ее успешно возглавлял А. Шевяков, кстати, руководивший партийной организацией ЦЭМИ в дни “черненкового погрома” и которому, естественно, досталось пережить в это время довольно много неприятностей по “своей линии”. Ныне упомянутая лаборатория тоже переведена в ИСПН, где А. Шевяков работает заместителем директора.

Наряду с отделом уровня жизни в 1966 г. в ЦЭМИ группой молодых экономистов и математиков была создана Лаборатория *социологических моделей*, которую возглавил Ю.Н. Гаврилец. Научные исследования лаборатории сразу пошли в двух направлениях: на макроуровне изучались проблемы народнохозяйственного критерия оптимальности и влияния социальных факторов на функционирование экономики, на микроуровне проводились социологические обследования и разрабатывались модели и математические методы анализа и прогноза социального поведения населения.

Тогда, во второй половине 60-х годов, социология была только-

только выпущена из “подполья” и стала активно заниматься изучением нашего общества, давая внеидеологическую объективную оценку разнообразным проявлениям социальной жизни. Она, естественно, шла вразрез с догматами истмата, и публикации добросовестных социологов встревожили тех, кто направлял и руководил общественными науками. Однако надо отметить, что доверие к социологии подрывали и рвачи, проникавшие в хозрасчетные социологические группы из-за нехватки настоящих профессионалов. Все это в совокупности дало повод одному из ведущих советских ортодоксальных философов навесить на эту науку ярлык “троянского коня буржуазной идеологии”. В результате “оргвыводов” в стране были закрыты некоторые научные центры, заменено руководство Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) и Советской социологической ассоциации. Некоторых специалистов ИКСИ (Ю.А. Леваду, Б.Г. Грушина, В.Э. Шляпентоха и др.) я принял на работу в ЦЭМИ.

Впрочем еще до этого, просуществовав один год, едва не была закрыта и наша социологическая лаборатория. Справедливости ради надо сказать, что в этом во многом были виноваты некоторые из ее сотрудников, чье общественное поведение было, мягко говоря, “неадекватным”. В результате “вольницу” пришлось утихомирить, часть людей уволить, заведующему “влепить” выговор, но исследовательские работы продолжались – и не без успеха. Так, во втором номере журнала “ЭММ” за 1967 г. была опубликована весьма интересная статья Ю.М. Гаврильца, ставшая первой из серии публикаций, в которых исследовались социальные проблемы экономической оптимизации, разрабатывались теория и методы измерения интервальной функции полезности, описывались результаты экспериментальных и прикладных расчетов по построению целевых функций конкретных социально-экономических систем.

Социологический бум конца 60-х годов и нескольких лет перед “перестройкой” имел своим следствием целую серию серьезных научных результатов, полученных в том числе и в ЦЭМИ. В частности, разработанная в ЦЭМИ теория структуры многомерных статистических систем успешно применяется сегодня в работах Института социологии РАН.

По мере развития теории СОФЭ как системы социально-экономических отношений поле исследований расширилось и постепенно стало охватывать все более широкие области и разнообразные аспекты экономической деятельности человека. Так, в конце 60-х годов мы стали развивать идеи использования в управлении народным хозяйством *целовеко-машинных систем управления* (работы Ю.А. Олейника, Ю.В. Геронимуса и др.) и связанной с этим разработки имитационных моделей и систем. Вклад института в этом направлении состоял в разработке имитационных моделей хозрасчетных предприятий и объединений, которые использовали существование обратных связей между результатами работы предприятия и ростом его производственных возможностей.

В середине 60-х годов в ЦЭМИ получило развитие направление имитационного моделирования, называемое деловыми играми. Инте-

ресных результатов в этой области добилась Л.И. Крюкова, работавшая в лаборатории Ю.А. Олейника. Эти разработки применялись на практике. Деловые игры проводились с руководителями предприятий, преподавателями вузов и даже с водителями 1-го Московского автокомбината. Своеобразие моделей, разработанных Л.И. Крюковой, заключалось, в частности, в том, что в них учитывался морально-этический фактор поведения человека в экономической системе.

В 1975 г. работу в области имитационного моделирования и разработки человеко-машинных систем возглавил К.А. Багриновский, опубликовавший за три года до этого интересную книгу “Модели и методы экономической кибернетики” и читавший в Новосибирском университете не менее интересный курс “Экономическая кибернетика”. В 70–80-х годах работа Комплексной группы ЦЭМИ по имитационному моделированию была исключительно продуктивной и полезной. Группа организовала и провела несколько тематических конференций и семинаров, выпустила большое количество научных работ, в том числе несколько монографий, среди которых следует отметить книги “Основные методические положения применения имитационного моделирования в экономических исследованиях” (руководители коллектива Багриновский К.А. и Прокопова В.С., 1985 г.) и “Интеллектуальная система в отраслевом планировании” (авторы Багриновский К.А. и Логвинец В.В., 1989 г.). Об исследовании таких важнейших направлений теории СОФЭ, как взаимоотношения человека с природой и развитие научно-технического прогресса, я ниже расскажу отдельно. Сейчас же хочу вспомнить об еще одной важнейшей, можно сказать – ключевой, проблеме, без решения которой разработка СОФЭ не имела бы серьезного смысла, а наши предложения по совершенствованию хозяйственного механизма попросту повисли бы в воздухе.

## НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕНЕЖНО-ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ

В середине 70-х годов становилось все более ясным, что при разработке СОФЭ недостаточно уделяется внимания *финансовой, денежной* стороне механизма функционирования экономики. Вообще-то это было и неудивительно – в ту пору и ученых финансистов было не так уж много, да обычно они шли традиционной, накатанной дорожкой: денежная сторона экономики считалась второстепенной, а в ней ведущим звеном признавался госбюджет, в то время как финансы предприятий, банковская система, страховое дело – сугубо второстепенными, вспомогательными.

За комплексное исследование денежного механизма народного хозяйства и разработку предложений по его реформированию взялась лаборатория, возглавляемая тогда еще кандидатом наук В.Л. Перламуровым. Помню, что первый доклад на эту тему он представил в дирекцию накануне моего очередного отпуска, и объемистая рукопись существенно утяжелила мой курортный чемодан.

Но чтение этой работы в санатории не испортило мне отдыха, по-

сколько она показалась мне весьма интересной. Рассуждения, выводы и предложения авторов были свежими и неординарными, по-видимому, потому, что это были специалисты-финансисты, не зашоренные действовавшей тогда, сложившейся еще в годы сталинской индустриализации, финансовой системой. Возвратившись из отпуска, я вернул рукопись со своими замечаниями и поставил перед разработчиками две задачи. Первая: теоретическую часть исследования органично включить в общую работу по теории СОФЭ, исходя из того, что сбалансирование натурально-вещественных и денежных потоков экономики – основа эффективного функционирования хозяйства и что финансы предприятий, которые должны работать в режиме самофинансирования, выступают как основа денежного механизма страны, на которой зиждится надстройка – банки, бюджет государства и страховые организации. Вторая: подготовить проект кредитной реформы для представления в правительство.

Как мне показалось, В.Л. Перламутров с особым энтузиазмом взялся за вторую задачу. С момента предыдущей кредитной реформы прошло около 40 лет, новая назрела давно, но ничего в этой области не делалось. Правда, по свидетельству А. Зверева – министра финансов СССР в 1938–1961 гг., в феврале 1941 г. Госбанк представлял правительству проект кредитной реформы (весьма ограниченной), но при его обсуждении И.В. Сталин, внимательно выслушавший всех желающих выступить, заключил: “теперь не время для таких реформ...”.

Мы обсудили подготовленный проект, как обычно, сначала на Ученом совете ЦЭМИ, а потом на бюро Отделения экономики. В научной среде он был в целом воспринят положительно. Но когда документы были направлены в правительство, тут и началось... Вскоре меня, моего заместителя Н.Я. Петракова и В.Л. Перламутрова пригласили к председателю правления Госбанка А. Свешникову, к которому наши предложения были спущены из правительства *via* Минфин СССР, естественно, с “соответствующими” комментариями и инструкциями. Дельного разговора у нас не получилось.

Хотя, казалось бы, наши идеи “лили воду на мельницу” банковской системы, и главный банкир страны, по-видимому, это понимал, но, уходя от обсуждения конкретных предложений, отвергал их с порога. Нам даже показалось, что он делал это с грустью в глазах. Все стало понятно потом. Госбанк тогда, по сравнению с Минфином, был второстепенным ведомством, и у Свешникова просто-напросто были связаны руки. В условиях, когда министр финансов имел прямой выход на высшее руководство страны, а председатель правления Госбанка являлся туда только по вызовам, он был вынужден остерегаться неудовольствия грозного финансового ведомства, которое вскоре аукнулось и В.Л. Перламутрову.

Как раз в это время он защитил докторскую диссертацию, и кто-то из аппарата Минфина стал старательно “топить” ее в Высшей аттестационной комиссии. Как рассказывает В.Л. Перламутров, его приятель В.К. Сенчагов, тогдашний заместитель министра финансов В.Ф. Гарбузова, предложил незадачливому диссертанту: “Я устрою тебе прием у Василия Федоровича, ты слегка покаешься, и все препятствия будут

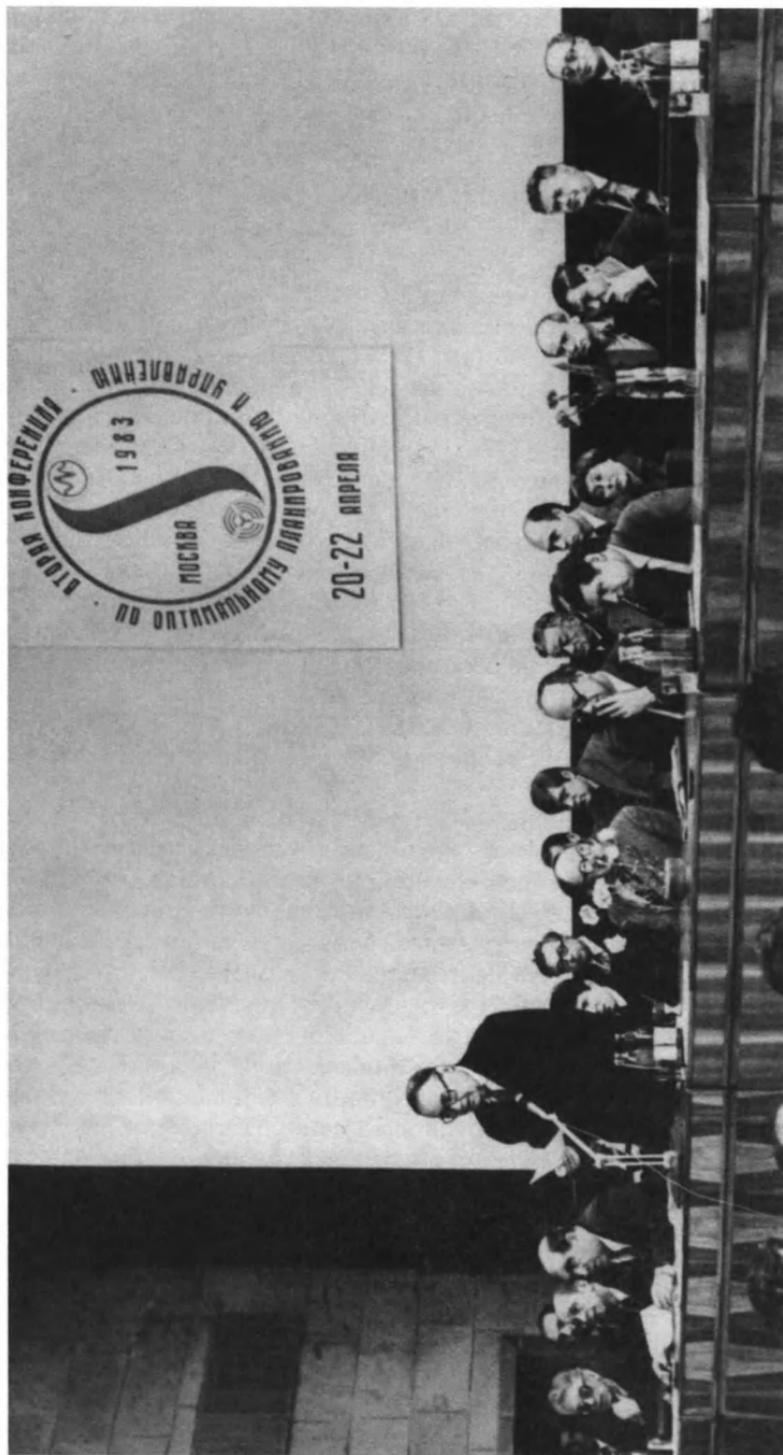
устранены”. Перламутров, как и подобает честному ученому, отказался. Наш “финансовый Галилей” считал, что он прав, да, впрочем, так оно и было. Признаюсь, много сил и времени пришлось мне потратить для того, чтобы ВАК не отказал в утверждении этой докторской. К делу подключилась чуть ли не вся академическая экономическая наука: Л. Абалкин, А. Аганбегян, К. Плотников, П. Бунич и др. И только через два года после защиты Перламутров получил-таки докторскую степень.

## НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Кроме уже рассмотренных элементов теории СОФЭ нельзя не упомянуть и такой важный, как *внешнеэкономический*. Еще в своем зачаточном состоянии любая экономика не могла обходиться без внешнеторгового обмена. За столетия развития этот обмен охватил все этапы общественного разделения труда – от общего, т.е. межотраслевого (грубо говоря, обмен моржовых клыков на бананы), и частного, т.е. внутриотраслевого (хлопок на лен и грузовики на мотоциклы). до единичного, когда сам производственный процесс стал пересекать национальные границы. Сегодня уже никого не удивляет, когда, скажем, в рамках транснациональных корпораций техническая идея рождается в лабораториях Англии или Италии, компоненты сложного прибора производятся в десяти странах, а окончательная его сборка идет где-нибудь на Тайване или в Гонконге. И все это в рамках одной фирмы!

Современная развитая экономика невозможна без глубокого и активного участия в международном разделении труда (в ряде малых стран Запада объем внешнеторгового обмена давно перевалил за половину валового внутреннего продукта), и естественно, что мы в своих исследованиях не могли обойти стороной этот важный момент. В 1966 г. в ЦЭМИ была создана Лаборатория моделей внешней торговли. Ее возглавил Г.Л. Шагалов, который, как и многие другие, перешел к нам из НИЭИ Госплана. Со своими коллегами (Д.С. Фаермарк, Т.С. Кирсанова и др.) он развернул исследования эффективности внешнеэкономической деятельности, связав их с оптимальным экономико-математическим моделированием и прогнозированием. Разработанные народнохозяйственные и локальные статистические и динамические модели оптимизации внешнеэкономической деятельности стали новым словом не только для отечественных, но и зарубежных ученых. Несомненным достижением этой лаборатории было создание “Методики определения эффективности внешней торговли”, научное и официальное признание которой ознаменовало победу той части экономистов, которые рассматривали участие СССР в международном разделении труда в первую очередь с точки зрения экономических критериев и выгод, а не как инструмент внешней политики. Впоследствии эта методика была доработана с учетом опыта практического применения ее первого варианта и также не без борьбы принята официально.

Исследования Г.Л. Шагалова и его коллег внесли свой вклад в фор-



Вторая конференция по оптимальному планированию и управлению

мирование научной базы разработок в области регулирования внешне-экономических связей СССР. Его книга “Вопросы оптимального планирования внешнеэкономических связей” (“Наука”, 1973 г.) получила высокую оценку отечественных и зарубежных экономистов.

## КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ НОВОЙ ТЕОРИИ

Опыт и результаты исследований СОФЭ *второго этапа*, проводившихся в ЦЭМИ, были обобщены в моих последующих монографиях: “Оптимизация экономики” (1977), “Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления” (1979) и в особенности в первом издании книги “Вопросы оптимального функционирования экономики” (1980), где некоторые поднятые ранее проблемы освещались по-новому. Все эти работы увидели свет в издательстве “Наука”.

Кстати, несколько слов о коллективе редакции экономики издательства “Наука”. В 60–70-е годы фактически единственным издательством, которое отваживалось издавать работы ЦЭМИ, была “Наука”. В то время редакция экономики этого издательства бывала “бита” за наши книги как рецензентами извне, так и собственным издательским начальством. Положение у редакции было сложное. Тем отраднее сказать сегодня спасибо тем, кто не побоялся стать с нами в одни ряды – В.С. Баковецкой, Т.Е. Филипповой, И.К. Кокошкиной, Т.И. Мазуркевич, Р.С. Головиной, Н.А. Григорьевой, К.А. Погосовой, Н.Н. Никулиной, Н.Я. Маркович...

В первой из перечисленных моих работ большое место отводилось итогам разработок в области механизма экономического стимулирования, более современно освещались проблемы соотношения оптимального плана и цен, в частности вопрос экономического содержания оценок оптимального плана. В этой книге впервые была обоснована необходимость введения платы за использование производственных ресурсов всех видов; указывалось, что реализация предлагаемой системы экономического стимулирования обладает значительными преимуществами: из нее возникает ряд важных показателей, способных служить в качестве оценок и ограничений при оптимизации планов. Среди этих показателей особенно важны групповые цены на продукты и услуги, дифференцированные по регионам показатели оценок природных и трудовых ресурсов, норма процента за кредит, ставки платежей в бюджет и др. Эти вопросы более детально были рассмотрены во второй из упомянутых книг, которая, как я думаю, может рассматриваться как работа, направленная на *конкретизацию общих положений СОФЭ*. В ней были рассмотрены проблемы разработки системы комплексного планирования, прогнозирования социально-экономического и научно-технического развития, вопросы моделирования и применения системы моделей в хозяйственной практике.

При рассмотрении проблем экономико-математического моделирования была подчеркнута необходимость системного подхода к решению этого вопроса, рассмотрена специфика отраслевых и территори-

альных оптимизационных моделей. В книге была не только отмечена принципиальная возможность создания системы моделей оптимального планирования, сформулированы основные требования и подходы к ее построению, разработанные в научных организациях (при этом специальное внимание было уделено системе моделей многоступенчатой оптимизации перспективных народнохозяйственных планов, разработанной и прошедшей экспериментальную проверку в ЦЭМИ), но и рассмотрен имеющийся опыт применения оптимизационных моделей в плановой практике, в частности, при решении вопросов отраслевого планирования. При рассмотрении проблемных вопросов дальнейшего развития работ в этом направлении была особо выделена необходимость учета оценок оптимального плана, или оптимальных оценок, в частности, возможность их использования для совершенствования ценообразования.

Значительное место в монографии уделено исследованию вопросов функционирования хозяйственного механизма и таким важным категориям, как хозяйственный расчет, кредит и цены. В этой книге впервые были рассмотрены сложные проблемы природопользования в системе управления общественным производством, подчеркнута взаимосвязь экономики и природы, дана оценка природно-ресурсного потенциала страны и обоснован программно-целевой подход к планированию и управлению природопользованием.

Третья из упомянутых книг как бы подводила *общие итоги* почти 15-летней работы над СОФЭ. В этой работе СОФЭ рассматривалась уже во взаимосвязи с системой экономических законов, т.е. на “полит-экономическом” уровне. В частности, были рассмотрены взаимосвязи развития производственных отношений и принципа системности, основного экономического закона, категории оптимума народного хозяйства и цели общественного производства. В ней обоснована правомерность и целесообразность разработки методологических принципов соизмерения затрат и результатов на базе общественной полезности благ и услуг в качестве важного критерия оптимизации плановых и управленческих народнохозяйственных решений. Особое внимание было уделено не столько методике построения и использования экономико-математических моделей, сколько (и прежде всего) их синтезу в единую систему моделей оптимизации экономики, при этом такая система моделей рассматривалась как органическая составная часть системы планирования и управления.

В этой книге впервые было выдвинуто положение о том, что политическая экономия должна изучать экономические законы как законы оптимума, по отношению к которым все частные законы суть развертывание существенных характеристик самого оптимума как основной связи в системе социально-экономических отношений.

Более глубоко и детально это положение было разработано во втором издании этой книги (“Наука”, 1990 г.), где была поставлена проблема перехода от теории оптимального планирования к теории оптимального функционирования народного хозяйства. В ней была проведена мысль об объективном характере внутренней цели (“самоцели”) общественного производства, причем целевое отношение тесно увязы-

валось с иерархической структурой общественного производства на всех этапах исторического развития. Это был, по существу, новый подход к определению предмета и основных принципов СОФЭ, которая не стояла на позициях технико-экономического аспекта общественного производства и вплотную примыкала к политической экономии.

Отмечу, что в данном вопросе СОФЭ и не подменяла политическую экономию, и не смыкалась с разного рода Economics, хотя между ними было много точек соприкосновения, в частности, в обосновании методов рационального ведения хозяйства. Извечные вопросы “что”, “как” и “для кого” производить в СОФЭ ставились принципиально иначе, чем в учебниках западных авторов. В синтетической теории СОФЭ много внимания уделяется “вертикальным” и “горизонтальным” связям в экономике, используются понятия “предельного продукта”, “предельного дохода”, “предельной полезности” и т.п., но они звучат совершенно по-другому: именно сквозь призму народнохозяйственного подхода, через категорию общественной полезности, через понимание объективного характера функционирования и развития путем объективного истолкования самой важной категории СОФЭ – цели общественного производства.

## ЕСТЬ ЛИ У СОФЭ ПЕРСПЕКТИВЫ?

В 1994 г. увидела свет моя книга “Вопросы экономической теории”, которая подводила итоги почти трех десятков лет работы над СОФЭ и намечала новые перспективы развертывания исследований в этой области науки. Задуманная как третье издание книги “Вопросы оптимального функционирования экономики”, она представляет собой, по существу, новую работу. Построенная по логико-историческому методу, она позволяет проследить исторические традиции экономико-математических исследований в разных странах и оценить возможную роль СОФЭ в социально-экономических преобразованиях, направленных на создание своего рода “экономического плюрализма”, предполагающего сочетание самых разных форм собственности и форм ведения хозяйства. В этой книге сделана попытка соединить СОФЭ с анализом переходных процессов в тех своеобразных формах, которые отвечают потребностям “рыночной экономики”.

В этой книге показано, что всемирная история хозяйства может быть представлена в виде сменяющих друг друга способов и форм общественного производства. При этом каждая общественно-экономическая формация имеет массу различных градаций и вариаций в каждой стране, массу национальных особенностей и обстоятельств, так что прямолинейное поступательное развитие хозяйственных форм представляется маловероятным.

Типичные формы общественного производства могут быть весьма разнообразными, но все же можно выделить некоторые общие черты, позволяющие обобщить их в одном понятии общественно-экономической формации. Стержнем ее является совокупность или система производственных отношений, определяющая всю остальную систему об-

щественно-экономических, социально-политических и культурных отношений в обществе. Основным системообразующим фактором является самоцель общественного производства, состоящая в раскрытии богатства человеческой природы. Самоцель определяет “удельный вес” каждого человека, находящегося в данном обществе, систему общественных ценностей, национальных и культурных особенностей данного общества. Историческое развитие как раз и состоит в том, что каждый последующий фазис лишь отбрасывает все устаревшее, ненужное, препятствующее развитию человеческой индивидуальности и закрепляет наиболее ценное и новое, что происходит в системе общественных отношений. Этим и образуется преемственность в развитии общественных форм производства и их поступательное движение.

С каких же позиций можно оценивать степень прогрессивности тех или иных хозяйственных форм? Критерий этот – развитие производительных сил и прежде всего самого человека. Именно этот критерий позволяет сравнивать уровни развития хозяйственных форм как в отдельных странах, так и всего мирового хозяйства. Формы общественного хозяйства, сковывающие развитие индивидуальности, постепенно отмирают и уступают место тем общественным формам, которые позволяют дать больший простор для развития человеческой личности. При этом следует иметь в виду, что каждая общественно-экономическая формация имеет свою онтологическую цель развития, которая находится в том или ином отношении к самоцели общественного производства. Если данная онтологическая цель противоречит самоцели, то и вся общественно-экономическая формация имеет “настоящий предел” своего функционирования и развития. Напротив, если онтологическая цель, закрепленная в определенных общественных институтах данной формации, соответствует самоцели общественного развития, она открывает больший простор для формирования человеческой индивидуальности и имеет все шансы для поступательного движения. Этому несколько не противоречит тот факт, что возможны “попятные движения” в мировой истории и даже “дисфункциональность” общественного развития. Они объясняются также противоречием тех или иных социальных институтов самоцели общественного производства.

Повторю, что исторический процесс не является прямолинейным. Самоцель создает лишь предпосылки для реализации всего лучшего, что заложено в человеческой природе, для раскрытия богатства духовного мира человека. Но реализация этих возможностей зависит от массы жизненных обстоятельств, так что иногда кажется, что вообще нет поступательного движения в истории. Однако самоцель в конце концов пробивает себе путь, хотя и далеко не всегда в адекватной форме.

Если согласиться с Максом Вебером, то с методологической точки зрения социальная культура развивается как нечто целостное, включающее не только этические оценки, но и эмпирический анализ всей совокупности общественных институтов. И с этой точки зрения мы не можем не видеть поступательного движения “социокультурной” традиции народов и стран, что требует тщательного анализа не только мира ценностей, но и всей системы общественных отношений. Если мы признаем, что развитие хозяйственных форм органически вплетается в

анализ “социокультурных” ценностей, то эмпирические исследования должны подтвердить поступательный ход общественного развития. Это значит, что выявление подлинной сущности исторического процесса должно носить *системный* характер, что и предполагает анализ соотношения социальной культуры и всей системы ценностных ориентаций и социально-психологических мотивов, которые управляют человеческими действиями и поступками. Целеориентированное и целерациональное действие является самым главным “идеальным типом” социальных действий, поэтому и нужен системный анализ целей и мотивов, лежащих в основе человеческого поведения.

Как отметил Ю.В. Овсиенко в рецензии на эту мою книгу (см.: Экономика и мат. методы. 1995. Вып. 3), экономическая наука всегда стремилась к тому, чтобы исследовать наиболее злободневные вопросы, выдвигаемые самим ходом социально-экономического развития. Так, представление о всесильной “невидимой руке” дополнилось идеями государственного регулирования, когда экономические кризисы стали основательно сотрясать казалось бы прочное здание мировой экономики; развитие сверхкрупных национальных компаний сопровождалось анализом монопольных эффектов и укреплением антимонопольного законодательства и пр.

Подобные же примеры можно найти и в развитии отечественной экономической науки, ибо отклик ее на новые феномены общественной жизни – явление естественное. Поэтому естественна и ее реакция на исключительно быструю по темпам и радикальную по результатам смену общественно-экономической системы в России. Эти изменения не могли не привести и к резким сдвигам в проблематике социально-экономических исследований. Однако в наши дни работы отечественных экономистов стали приобретать поверхностный, скорее публицистический, а не исследовательский характер. Почти совсем исчезли работы, в которых обсуждается “вечный” для экономической науки вопрос: как рационально вести хозяйство? Снимать этот вопрос с повестки дня нельзя, и во многом именно эта причина заставила меня выступить в 1994 г. с монографией.

То, что я сказал в ней тогда, я готов повторить и сейчас. В частности, хочу еще раз подчеркнуть, что преобразование хозяйственных форм и методов экономического руководства должно опираться на научное понимание механизмов оптимального функционирования, уже давно разрабатываемых отечественной экономической наукой. Даже в длительное время застоя и нарастания кризисных явлений она не стояла на месте. Ею разрабатывались методы оптимального планирования и управления, ориентированные на децентрализацию в принятии хозяйственных решений, гибкое сочетание централизованного регулирования с полной экономической самостоятельностью хозяйственных единиц, их самокупаемостью, принципы оптимального ценообразования, направленного на установление как макроэкономической, так и микроэкономической сбалансированности народного хозяйства.

Касаясь взаимоотношений экономической теории и хозяйственной практики, я готов снова посетовать на недостаточную востребованность практикой как общетеоретических положений СОФЭ, так и кон-

кретных методов оптимизации экономики и ее составных частей, хотя в свое время эти методы иногда применялись под нажимом и давали значительный положительный эффект.

Сейчас положение еще хуже. По идее, переход к рыночной экономике требует резкого роста эффективности экономических процессов, иначе не выжить в конкурентной борьбе. Однако создается впечатление, что об этом никто не думает. Нынешний социально-экономический механизм не приобрел стимула к саморазвитию, свойственного любой рыночной экономике. Более того, мы видим, что происходит быстрое обогащение руководителей производства при одновременном резком спаде самого производства. Быстрый рост богатства отечественных финансистов сопровождается столь же быстрым развалом финансовой системы и ростом государственного долга. Очевидное следствие этих процессов – обнищание населения, сокращение покупательского спроса и снижение товарооборота, сопровождающееся, как ни парадоксально, ростом доходов торговцев.

Все эти процессы протекают на фоне резкого увеличения армии чиновников и их доходов при одновременном уменьшении влияния государства на те социальные и экономические процессы, где оно необходимо при любых условиях. Это прежде всего борьба с преступностью, коррупцией, контроль за соблюдением законов. Все эти виды “нагрузок” на и без того малоэффективную экономику настолько тяжелы, что думать о выходе из кризиса пока не приходится.

Многих нынешних бед можно было бы избежать, будь руководители страны более грамотны в экономическом отношении или с большим вниманием относящимися к экономической науке. Я думаю, что важнейшая роль экономической теории заключается в том, чтобы теоретически смоделировать будущий развивающийся хозяйственный механизм, обеспечивающий оптимальную или близкую к ней траекторию развития народного хозяйства, в том, чтобы научно обосновать и научно осуществить требуемые для этого перемены, рационально и, что особенно важно, с минимальным социальным ущербом построить переходный процесс.

Это в значительной мере продиктовано и нуждами практики хозяйственного строительства, осознанием неэффективности административной экономики. При развертывании рыночной реформы предполагалось, что переход к рынку позволит существенно улучшить использование ресурсов, уменьшить потери, усилить трудовую активность. Но случилось обратное: доходы “новых русских руководителей хозяйства” окончательно перестали зависеть от эффективности работы того, чем они руководят. Более того, чем быстрее их деятельность приближает крах всей отечественной экономики, тем быстрее растут их доходы. Именно поэтому к использованию новейших методов эффективного ведения хозяйства у них нет никакого интереса. Именно поэтому многие негативные стороны, присущие административной экономике, не только выжили, но и усилились.

Однако “нормальная” рыночная экономика характеризуется тем, что в ней взаимодействие экономических интересов покоится не только на стремлении людей к материальным благам, но и на побудитель-

ных мотивах к рациональному использованию общественных ресурсов. Прагматический компромисс между этими побудительными мотивами приводит к гармонии экономических интересов. Поэтому “воля к потреблению” становится базой для согласования разнонаправленных интересов, в том числе базой оптимального развития.

Я не вижу в этом процессе необходимости каких-либо распределительных действий со стороны государства, ибо теория и практика огосударствления всех видов хозяйственной деятельности себя полностью дискредитировали. Подобно тому, как в собственно социальной сфере задачи государства концентрируются на решении проблемы обеспечения прав и свобод граждан, их личной безопасности, в экономической государство должно способствовать повышению эффективности общественного производства, росту благосостояния народа, защите частной собственности.

Известно, что “социалистическое” государство с подобными функциями так и не справилось. Но нельзя бросаться и в другую крайность. Нет ничего ошибочнее считать государственную собственность общенародной, а ее разгосударствление – как само собой разумеющийся переход собственности в руки граждан. Государственная собственность в нашей стране была и, к сожалению, остается групповой, коллективной частной собственностью бюрократии, которая рассматривает все государственное как свою частную собственность. Разгосударствление же собственности может привести и приводит к превращению государственного сектора в собственность мафиозных групп, своего рода криминальной советской буржуазии, среди которых видное место занимают бывшие государственные служащие, причем не только руководители предприятий, но и партийные работники, сотрудники аппарата управления. А это, в свою очередь, приводит к тому, что органы госуправления целью своей деятельности, как и раньше, ставят не интересы нации, а групповые интересы новой советской буржуазии. И пока государство служит им, ни о каком экономическом подъеме не может быть и речи. Более того, возникает реальная опасность социального взрыва, который может не просто отбросить страну на сто лет назад, но и поставить вопрос о самой возможности существования российского государства.

В самом развернутом виде общие и частные итоги работы над СОФЭ мы свели в фундаментальный десяти томный труд “Вопросы оптимального планирования и управления социалистической экономикой”, опубликованный в середине 80-х годов издательством “Наука”. Этот десяти томник некоторые называют “диссертацией ЦЭМИ”. Я был титульным редактором этой работы и соавтором первого тома “Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики” (1982 г.), однако должен отметить, что основная масса работы была проделана редакционной коллегией, составу которой могло бы позавидовать любое печатное издание. В нее входили такие ученые, ставшие впоследствии академиками, как А. Анчишкин, В. Макаров, Н. Петраков, Ю. Яременко и др.

Этому многотомнику в моих воспоминаниях отведено отдельное место, а сейчас, завершая рассказ о сущности СОФЭ, я бы хотел отме-

тить следующее. При создании любой научной теории выкристаллизуется устойчивое смысловое ядро, но образуются и полуфабрикаты, своего рода “отходы производства”, генерируются положения, не прошедшие научной идентификации. Все это, естественно, имело место и в работе над системой оптимального управления экономикой. Не буду здесь говорить об этих неизбежных “отходах”, поскольку это может быть интересно только для профессиональных ученых-экономистов, но не для читателей мемуаров. Что же касается этого ядра, которое, по моему убеждению, войдет, а во многих своих частях и вошло, в современную экономическую теорию, то в самом кратком – и по возможности популярном – изложении оно состоит из следующего.

Экономика XXI в., по-видимому, продолжит свое развитие по линии создания цельной естественной системы целенаправленного функционирования. Это будет отличать ее, с одной стороны, от стихийно развивавшейся экономики прежних веков, а с другой – от сугубо административно управлявшегося народного хозяйства СССР и других бывших стран СЭВ. Ни “невидимая рука” Адама Смита, ни ее антипод – госплановское и госнабовское разверстывание по отраслям, предприятиям и регионам производства–поставок продукции миллионов наименований и типо-сорто-размеров вплоть до каждого болта и гайки – не представляют собой будущее российской, да и, думаю, мировой экономики. И, конечно, не нечто среднее между тем и другим (такие теоретические взгляды также высказывались) ожидает нас в будущем.

Теория СОФЭ не исходит из априорного деления рычагов управления на “экономические” и “административные”, “рыночные” и “плановые”, “централизованные” и “децентрализованные”. Богатый опыт обсуждения этих проблем показывает, что такая классификация является по крайней мере “вторичной” в том смысле, что исходит из внешних признаков, выделяет в первую очередь различия в использовании, а не в *содержании* инструментов управления. Сама совокупность методов управления народным хозяйством и адекватная ей организационно-управленческая структура и представляют собой “хозяйственный механизм” в широком смысле этого слова, или, точнее, “механизм управления народным хозяйством”. Расширительная трактовка понятия “хозяйственный механизм” имеет, по мнению теоретиков СОФЭ, принципиальное значение при анализе системы управления хозяйством.

Развитие учеными ЦЭМИ системного подхода к совершенствованию планирования и управления, опирающегося на единство качественного и количественного анализа хозяйственных процессов, и имевшийся у них опыт разработки и практической реализации экономикоматематических моделей позволили существенно продвинуться в разработке единой концепции оптимального функционирования экономики, формулировке ее теоретических понятий и результатов, вытекающих из отмеченных исходных методологических принципов. Этим определяется представление о СОФЭ как о целенаправленно формируемом и непрерывно совершенствуемом в процессе развития производительных сил и производственных отношений механизме планомерного управления экономикой, адекватном современному этапу развития общества и научно-технического прогресса.

Таким образом, СОФЭ рассматривается в двух аспектах: с одной стороны, как теоретическая концепция, построенная на базе системного подхода и экономико-математического моделирования, а с другой – как некий “норматив” или практически осуществимый механизм хозяйствования.

Разумеется, СОФЭ не создавалась как застывший монолит: раз возникнув, она постоянно развивалась. Многие ее положения уточнялись, от кое-каких пришлось отказываться. Но есть одно, главное, что определяет ее жизнеспособность и применимость в любых исторических, политических и экономических условиях: теория оптимального функционирования экономики формулирует и обосновывает вывод о необходимости исследования экономического развития общества исходя из принципа оптимальности, т.е. основываясь на последовательном учете объективной цели общества и реальных средств ее достижения.

Лучшим доказательством соответствия теории СОФЭ основным направлениям развития экономической науки является сам круг проблем, в решение которых она внесла теоретический и практический вклад. Активное, целеустремленное начало, присущее здоровой экономике, отражается на всех уровнях логического владения объектом, вплоть до самых отвлеченных категорий; и наоборот, понятия экономической теории должны стать непосредственной конституирующей силой самих экономических процессов. В этом смысле возникновение и развитие теории СОФЭ – одно из проявлений более общего процесса превращения науки в непосредственную производительную силу.

Единство теории и практики на уровне политико-экономических обобщений выражается в единстве двух различных аспектов, диалектически взаимодействующих сторон реального объекта, которые должны быть учтены и синтезированы при анализе любой экономической категории.

Первый аспект раскрывается через рассмотрение экономики как системы рациональной деятельности. Эта сторона требует для своего описания терминов оптимизационной задачи – цель, ресурсы, ограничения, оценки и т.д.

Второй аспект состоит в том, что экономика характеризуется сложной структурой экономических интересов отдельных звеньев хозяйства, закономерных отношений по поводу выработки и реализации экономических решений и экономических оценок.

Иначе говоря, если первый аспект преимущественно отражает объективное единство экономики как исходный момент, то второй фиксирует внимание на социально-экономических механизмах достижения и поддержания этого единства, т.е. оно выступает не как непосредственно данное, а как результат, опосредованный процессом развертывания и согласования экономических интересов.

У читателя, естественно, возникнут вопросы: а как обстояло дело с практической реализацией СОФЭ в годы ее создания, не устарели ли ее положения, не следует ли забыть о ней сегодня, когда в стране уже начинают властвовать рыночные отношения? Ну что ж, я готов ответить на эти вопросы.

СОФЭ родилась в сложный и противоречивый период развития со-

ветской экономики, когда усиливался процесс накопления в ней кризисных явлений, приведших страну в конце концов к краю экономической пропасти. Напомню, что еще в 1979 г. был разработан проект Комплексной реформы хозяйственного механизма, в подготовке которого принял участие и ЦЭМИ, внесший в проект ряд конструктивных идей, непосредственно вытекавших из теории СОФЭ. Принятое после этого ЦК КПСС и Совмином СССР постановление о совершенствовании хозяйственного механизма полностью игнорировало все содержание наших деловых предложений. Через некоторое время стало очевидным, что принятые тогда меры никакой пользы народному хозяйству не принесли. Было потеряно целое десятилетие.

Честно говоря, у нас тогда стали опускаться руки. Из-за невнимания к предложениям ЦЭМИ, из-за их неприятия, искусственного замалчивания (я уже не говорю об июньском “черненковском” погроме 1983 г.) мы теряли в бездействии годы, когда надо было принимать самые решительные меры для преодоления застоя в хозяйстве, падения его эффективности, сокращения темпов роста технического прогресса и жизненного уровня народа.

Иногда обидно слушать обывателей, машущих рукой и с гримасой говорящих: “ох уж эти мне экономисты!”. Ну как же они не понимают, что есть экономисты-ученые, а есть “экономисты”, принимающие хозяйственные и политические решения. Вся закавыка как раз в том, что те, кто принимал государственные решения в те годы, да и сейчас, не понимали и не понимают, что надо больше доверять науке; полезнее не тот ученый, который послушно комментирует принятые руководством решения (хотя, конечно, популяризация в отличие от “популизации” тоже полезное дело), а тот, кто стремится внести новое слово в науку, не оглядываясь на цитаты и авторитеты. Полезнее, нужнее не тот, кто поддакивает, а тот, кто конструктивно критикует, даже если он в чем-то и ошибается, ибо свежий, безбоязненный взгляд на вещи – куда большая гарантия от ошибок, нежели взгляд через розовые очки или взгляд талмудиста и начетчика.

Думаете сегодня, в “демократическую эпоху”, на ученых перестали навешивать ярлыки? Да ничего подобного! Вот вам пример: летом 1996 г. заслуженный и уважаемый академик Д.С. Львов выступил в *ученой* аудитории с давно запланированным *научным* докладом, где, опираясь на объективные данные, дал некоторые оценки состояния дел в российской экономике. Естественно, что не все из этих оценок были лестными. На другой же день в газете “Куранты” его и тех, кто его слушал, обвинили ни много ни мало в предательстве. Статья так и называлась: “Академики сдают Ельцина”. Не возьму в толк, чем отличаются нравы нынешней, считающей себя демократической, прессы от традиций газеты “Правда” или журнала “Коммунист”. Впрочем, последние хоть формулировки-то выбирали покультурней, не используя, подобно “Курантам”, жаргон, принятый в мире уголовников. Как будто ничего не изменилось... Нет, изменилось: раньше мы были обязаны (это даже было установлено в законодательном порядке) реагировать официально на выступления прессы, а сейчас на такие “статьи” можно не обращать внимания, хотя все равно неприятно.

Возвращаясь к СОФЭ, хочу отметить еще одно: в период перестройки многие утверждали, что идеи, закладывавшиеся тогда в новый хозяйственный механизм, родились как бы на пустом месте и произведены на свет “новаторами” того времени. Они забыли, что несмотря на застойные процессы, которые захватили тогда и экономическую науку, она все же развивалась, вырабатывая исподволь новые взгляды и подходы к решению народнохозяйственных и социальных проблем нашего общества. Одним из возмутителей спокойствия был ЦЭМИ, выступивший инициатором разработки теории СОФЭ, смелым критиком устаревших положений и догм официальной политэкономии.

Именно ЦЭМИ, опираясь на теорию СОФЭ, первым выступил против затратных методов в ценообразовании, обосновал эффективность использования цен, балансирующих спрос и предложение, выступал за широкую самостоятельность предприятий, предлагал введение платы за природные ресурсы. Еще тогда закладывались теоретические основы нового экономического механизма.

Но вот парадокс: если во времена застоя нас критиковали, так сказать, слева, за то, что мы замахивались на марксистские догмы, то теперь находятся люди, которые критикуют нас как бы справа, утверждая, что разрабатывавшиеся модели и системы планирования – некое обоснование чрезмерной централизации управления хозяйством, натурализации планирования производства. Так что мы находимся между двух огней. Нас умудрялись и умудряются критиковать с обеих сторон: и как “оголтелых рыночников”, и как “централистов–натуралистов”. Объясняется это тем, что некомпетентные критики не поняли, что теория СОФЭ зиждется на сочетании централизации и децентрализации, плана и рынка. СОФЭ всегда рассматривала в качестве органической составной части экономической системы, во-первых, центральные органы управления, принимающие решения не по решению политбюро, иной олигархической структуры или по воле отдельных руководителей (как это происходит сейчас), а только на демократической основе, во-вторых – и это всегда подчеркивалось – самостоятельных экономических агентов, не подчиняющихся волевым решениям сверху, а преследующих собственные экономические и общественные интересы. Поэтому важнейшей задачей экономической науки была и остается разработка механизмов согласования интересов хозяйствующих субъектов, выработка таких “правил игры”, когда, преследуя свои собственные цели, они тем самым вносят вклад в развитие экономики в целом, в общественное благосостояние.

В соответствии с такой общей постановкой развивался и экономико-математический инструментарий. Разрабатываемые ЦЭМИ методы и модели являются по большей части универсальными. Более того, можно смело ожидать, что их применение в условиях рыночной экономики существенно расширится, поскольку растет заинтересованность предприятий в росте эффективности и объемов производства, а значит, и в использовании оптимизационных методов и приемов. Арсенал таких средств чрезвычайно широк и детально разработан. Правда, для их успешного применения нужны специалисты и техника, но это дело наживное...

Конечно, рыночная экономика заставит пересмотреть многое в неработанном арсенале экономико-математических методов и моделей. Тут потребуется нечто новое, и я знаю, что сегодня ЦЭМИ, Институт проблем рынка, Институт народнохозяйственного прогнозирования, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Институт экономики и другие думают над этим. Несомненно, что проблематика экономических исследований должна меняться, как меняется сама жизнь. В новых условиях потребуются переосмысление и развитие некоторых положений теории СОФЭ, поэтому мне кажется, что было бы неправильно прекращать или сокращать теоретические исследования проблем оптимизации экономики. Теперь эти вопросы можно обсуждать и разрабатывать смело, активно и всесторонне.

Наконец, сегодня, когда наше Отечество выбирает, какой дорогой оно войдет в третье тысячелетие, так нужна, я бы сказал, жизненно необходима добротная истинно конструктивная экономическая теория. Эх, сбросить бы сейчас с плеч десяток-другой прожитых лет и с прежней энергией взяться за дело!

## ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Рассказ о создании основ и развитии теории СОФЭ был бы не полон, если бы я обошел стороной возникшую вокруг этого *дискуссию*, которая началась в 60-х годах и продолжается до сих пор. С особой остротой и напряженностью она развернулась в 70–80-е годы, когда речь шла прежде всего о характере действия экономических законов, определяющих оптимум, о поведенческом аспекте теории СОФЭ, о ее практической и прогностической функции, о содержании целевой функции социалистического хозяйства, о специфической роли категории ценности и ценностных отношений в связи с понятием “абстрактной” полезности и ее роли в реальном механизме хозяйствования и, наконец, о практических рекомендациях теории СОФЭ по совершенствованию хозяйственного механизма. Последний аспект приобрел особую остроту, поскольку СОФЭ претендовала на построение альтернативного проекта проведения хозяйственной реформы в СССР. Именно потому, что эта дискуссия носила характер принципиальных разногласий по ключевым вопросам развития отечественной экономики, о ней, хотя и коротко, но следует рассказать.

Рассказу о дискуссии вокруг СОФЭ я бы хотел предпослать описание “классического” образчика эволюции взглядов и своеобразной логики одного из наших оппонентов–“классиков” – К.В. Островитянова, отрицавшего один из важнейших принципов СОФЭ, а именно – гармонию двух теорий ценности. Читателю будет интересно узнать, что студент Киевского коммерческого училища К.В. Островитянов в 1913 г. сдал экзамен по политической экономии по учебнику М.И. Туган-Барановского, который пытался примирить Маркса с Кантом и, опираясь на второго, подходил к изучению этой науки с точки зрения этики. В этом отношении создатели СОФЭ являются последователями Туган-Барановского, писавшего следующее: “Во всяком случае, оказывается,

что обе теории ценности, по обычному мнению взаимно исключают друг друга, находятся в действительности в известной гармонии друг с другом. Обе теории исследуют различные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила субъективные, трудовая теория – объективные факторы хозяйственной ценности”<sup>9</sup>.

Как же пришел выпускник Тамбовской духовной семинарии К.В. Островитянов к пониманию “порочности” этической концепции политэкономии и неприятию идей Туган-Барановского? Вот как он пишет об этом сам: “Марксистское учение представители семинарской богословской науки обвиняли в безнравственности. На страницах “Епархиальных ведомостей” одобрительно отзывались о ревизионистских попытках Струве, Туган-Барановского, Бернштейна поправить марксизм по Канту и Бем-Баверку. Я отсюда сделал вывод: если церковники-реакционеры хвалят Туган-Барановского, то это свидетельствует о неправильности его концепции”<sup>10</sup>. Думаю, к этому ничего добавлять не надо, пусть читатель судит сам. Скажу только, что критики СОФЭ – последователи К.В. Островитянова ушли от него недалеко, что будет видно из последующего изложения.

Начну с того, что отечественные научные экономические журналы если и выносили на свои страницы вопросы оптимального функционирования экономики, то только в качестве мишени – иногда для мелких уколов, а чаще для шквального артиллерийского огня. Более всего усердствовал главный литературный миномет Госплана СССР – журнал “Плановое хозяйство”, не испытывавший в этом деле ни дефицита боеприпасов, ни недостатка в бомбардирах.

Щедрые поставки того и другого осуществлял Госплан СССР, тогда безраздельно властвовавший над отечественной экономикой. На словах он, естественно, демонстрировал желание улучшить работу всех звеньев народного хозяйства. Но при этом главным залогом такого улучшения, по мнению Госплана, являлась неизменность методов его собственной работы, а также неприкосновенность его “священных быков” для какой бы то ни было критики снизу, а тем более критики со стороны науки, главной задачей и основным занятием которой, в чем было твердо убеждено несколько последовательных поколений плановиков-управленцев, является воскурение фимиама над их планами и отчетами. А тут, представьте себе, сколоченная “этим химиком” Федоренко компания выскочек, называющая себя ЦЭМИ и состоящая преимущественно из весьма молодых (и в большинстве своем беспартийных) экономистов, да еще сильно разбавленная математиками с их непонятно для чего нужными формализованными моделями, замахивается на святое! Хотят, видите ли, перестроить всю систему (включая и самый верх) управления хозяйством!!

Временами, беседуя с кем-либо из наших госплановских оппонентов, я ловил себя на мысли о том, что в их терминологии проскальзывают фрагменты из глумовского трактата “О вреде реформ вообще”.

<sup>9</sup> Туган-Барановский М.И. Основы политической экономики. СПб., 1915. С. 57.

<sup>10</sup> Островитянов К.В. Думы о прошлом. М., 1967. С. 62.

Не могу удержаться, чтобы не привести здесь обширную цитату из этого сочинения. “Артикул первый. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что включает в себе реформа? Реформа включает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место одного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то, и другое одинаково: 1-е) отменяя старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отменяется, и составлять таковые умозаключения: отменяется нечто непригодное, такое-то учреждение отменяется, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободномыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит... 2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов”<sup>11</sup>.

Вы можете смеяться, хотя юмор классиков штука, скорее, грустная. Но как сейчас помню совет, полученный мной в одном из “руководящих органов”: «Никогда не называйте свои труды “О совершенствовании чего-то”, а пишите – “О дальнейшем совершенствовании”. Таким образом Вы избежите подозрений в том, что Вы считаете это что-то несовершенным. Запомните раз и навсегда: если наша родная партия чем-то руководит, а руководит она у нас всем, то это уже совершенно, а значит, может подлежать только *дальнейшему* совершенствованию». Ну вот, а спрашивали, куда это подевались островские, щедрины и гоголи? Вот они, голубчики! Не там искали...

В “Плановом хозяйстве” с критикой в адрес СОФЭ выступали не только работники плановых органов (А.В. Бачурин, Н.П. Лебединский и др.), но и доктора экономических наук Я.А. Кронрод, А.Я. Боярский, А.И. Кац и др.

Насколько временами эта критика была тенденциозна и неконструктивна, можно судить хотя бы по тому, что этого не выдержала даже газета “Правда”, отметившая 4 июня 1973 г. в редакционной статье, что «указанные статьи, опубликованные в журнале “Плановое хозяйство”, отличаются тенденциозностью, отсутствие конструктивного подхода, искажение позиций оппонентов. Подобные публикации не способствуют ни развитию советской экономической науки, ни решению тех практических задач по совершенствованию системы планирования и управления народным хозяйством, которые поставлены партией».

Этой цитатой, наверное, можно было бы и закончить повествование о критиках СОФЭ, однако, думаю, их позицию следует осветить подробнее, хотя бы ради того, чтобы не получить упрек в голословности. Замечу, что на то выступление “Правды” журнал “Плановое хозяйство” не отреагировал и продолжал стоять на страже рутинных методов плановой работы, не принимая во внимание конструктивные предложения авторов СОФЭ. Облекая в наукообразную форму свои аргументы в защиту консервативных методов работы, заведенных шаблонов, он выдавал рабское следова-

<sup>11</sup> Островский А.Н. Собр. соч. М., 1960. Т. 5. С. 307.

ние этим шаблонам и механическим привычкам за самую прогрессивную научную методологию.

Чего стоит, например, аргументация А. Викентьева в его рецензии под названием “Большие ошибки книги Н.П. Федоренко” (имеется в виду моя книга “О разработке системы оптимального функционирования экономики”, 1968 г.). Судите сами, вот вам цитата: «Н.П. Федоренко... непозволительно (?) узко трактует фронт советской экономической науки, относя к нему только людей, занятых в институтах. Но все дело в том, что горизонт советской экономической науки гораздо шире, чем его представляет автор. Работа экономистов, занятых в государственном аппарате, особенно центральном, есть самая настоящая научная работа, причем гораздо более сложная, чем в научном институте... Например, Госплан есть не только часть государственного аппарата, но и важнейшая часть советской экономической науки, ибо разработка плана есть самая доподлинная научная работа. Рассматриваемая в таком единственно правильном аспекте, советская экономическая наука занимается отнюдь не только “комментированием”, как высокомерно, но совершенно ложно утверждает автор. Экономическая наука принимает самое активное участие в разработке хозяйственной политики партии, научных основ этой политики». Вот еще несколько выдержек из этой рецензии: «Развенчивание советской экономической науки и охаивание всего того, что она до сих пор сделала, нужно Н.П. Федоренко для достижения его главной цели – для доказательства, что только представляемое им направление “оптимального плана” является единственно научным... На самом деле планирование народного хозяйства в нашей стране всегда было научным, а значит и было оптимальным. Но эта оптимальность носила исторический (!) характер... За той теорией, которая предшествовала “оптимальному плану”, находится славная более чем полувековая история, истинность этой теории давно проверена и подтверждена практикой. Поэтому любые наскоки на нее со стороны Н.П. Федоренко не имеют и не могут иметь никакого успеха... Никакой новой теории “оптимального плана” не существует»<sup>12</sup>. Перечитываешь эти строки и перед глазами невольно возникает бессмертный образ Василия Семи-Булатова, который был “ужасно предан науке” и для которого “рубль не имеет никакой цены”, поскольку “наука его затемнила у его глаз своими дальнейшими крылами”, с его сакраментальным высказыванием: “Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда”.

Ну, Бог с ним, с Викентьевым. Были у нас оппоненты и посерьезнее. Их объединяло одно стремление – стоять на страже административно-командной системы управления, “освящая” нежелание коренного изменения своей деятельности ссылками на “объективность” экономических законов социализма, истолковывая эту объективность в духе традиционного фатализма.

Складывалась парадоксальная ситуация: за совершенствование

---

<sup>12</sup> Викентьев А. Большие ошибки книги Федоренко // Коммунист. 1969. № 3. С. 64–66.

плановой работы ратовали ученые, а практические работники плановых органов, призванные заниматься “субъективной” деятельностью планирования, обвиняли их в недооценке объективности законов и в проповеди “волюнтаризма”. Иначе говоря, плановые работники принимали “интуитивные” решения, преподносимые “сверху”, и отрицали научные обоснования совершенствования хозяйственной практики, включая даже методологию межотраслевых балансов.

Навязывание командно-волевых решений, которые Госплан окроплял “святой водой” надуманных “объективных экономических законов социализма”, одновременно предавая анафеме разумные доводы и принципы рациональной хозяйственной деятельности, началось задолго до появления целостной теории СОФЭ. Еще с начала 30-х годов “Плановое хозяйство”, критикуя В.А. Базарова, В.Г. Громана, Н.Д. Кондратьева и других, откровенно проповедовало субъективизм и волюнтаризм, объявив “план”, а затем и “диктатуру пролетариата” основным рычагом управления хозяйством. Апологеты командно-административных методов планирования и управления (Л.М. Гатовский, К.В. Островитянов, А.И. Пашков и др.), защищая экономические законы, объявили государство “творцом” этих законов, трактуя их “объективность” в том смысле, что они “необходимы” для диктатуры пролетариата.

Подобное истолкование “объективности” всегда лежало в основе деятельности “старого Госплана” – верного защитника и проповедника субъективизма. Он никогда не отказывался от командно-волевых методов руководства экономикой, а теорию “самотека” в хозяйственном строительстве объявил главной опорой так называемого “правого уклона” во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, Л.В. Томским. Журнал “Плановое хозяйство” вел активную полемику со сторонниками применения математических методов в экономических исследованиях и планировании. В течение всех 60-х и 70-х годов, да и позже, журнал занимал крайне правые позиции, не признавал указанные методы, активно боролся против СОФЭ с самого ее зарождения. В нем не появилось ни одной статьи по проблемам оптимального планирования, критерия оптимальности народнохозяйственного плана, экономического содержания оптимальных цен. Зато в 70-х годах все указанные проблемы журнал истолковывал как порождение буржуазной экономической науки и, говоря словами одного из самых почитаемых Госпланом авторов – А.И. Каца, все эти проблемы были плодом “запоздалых признаний и бесплодных заимствований”. Экономикоматематические методы преподносились как порождение “вульгарной” политической экономии, как заимствование теории “факторов производства” и “предельной полезности”.

Объявив теорию СОФЭ теорией, возникшей под влиянием западной экономической мысли, журнал “Плановое хозяйство” отказался от признания ее достижений как в совершенствовании хозяйственного механизма, так и в трактовке закономерностей социально-экономического развития. В передовой статье журнала (1973. № 9. С. 4)

говорилось о том, что “в теоретических обоснованиях СОФЭ и практических выводах ее авторов об улучшении планового управления и методов хозяйствования, по существу, не признается определяющее значение в научном планировании и, следовательно, в управлении экономикой сознательного применения объективных экономических законов”. Об этом же в том же номере журнала писал зампред Госплана СССР Н.П. Лебединский, поддержанный затем рядом авторов, отвергавших “с порога” любые предложения авторов СОФЭ.

Как раз важнейшим пунктом теории оптимального функционирования экономики является признание наличия объективной цели развития общества. Однако эта цель не должна была пониматься как некая автоматически действующая, независимая от сознательной планирующей деятельности общества, реальность. Такой взгляд вел к появлению излишней самоуспокоенности и самоуверенности, к недостаточной ответственности государственных органов, призванных принимать планово-экономические решения. Возникла бы видимость, что и без творческих усилий дела будут идти хорошо, уже однажды заведенным порядком. Это означало бы автоматическую привязанность к уже проторенным путям. В результате во многих случаях, когда развитие идет путями и способами, которыми оно шло раньше, а между тем новые условия требуют их принципиального обновления, возникает видимость освященности этих рутинных методов некоей “внутренней целью”, существующей независимо от рациональных доводов и условий человеческой деятельности. Высшая цель здесь невольно трактуется как оправдание субъективизма, как нежелание досконально изучать экономику и вести полемику со своими оппонентами на языке разумных аргументов.

Положения теории СОФЭ имеют объективное содержание. Оно заключается в том, что общество не может произвольно выбирать пути своего развития, что сама постановка и реализация целей зависит от данных объективных условий (степени познания законов развития общества и природы, состояния материальных производительных сил, сложившейся системы форм общения, уровня развития самих индивидумов, особенностей их национального менталитета и т.п.). Если эти условия недостаточно учтены при разработке научной концепции, то такая концепция не будет адекватной реальной действительности. Объективные законы действуют и в тех случаях, когда общество не знало или не осознало в достаточной степени их требования к хозяйственному механизму. В таких случаях они будут себя проявлять через неувязки, возникающие в процессе сознательно регулируемого функционирования экономики. Важно, чтобы сигналы, объективно свидетельствующие о наличии последних, достаточно быстро улавливались, а научная концепция учитывала бы в непротиворечивой форме требования экономической жизни.

В этом отношении теория СОФЭ дала наиболее адекватную трактовку таких категорий, как критерий и норматив эффективности, учет фактора времени и принципы оценки природных ресурсов, механизм формирования воспроизводственных пропорций и др.

В дискуссии вокруг теории СОФЭ особенно горячо обсужда-

лись два вопроса: а) существует ли единый народнохозяйственный критерий оптимальности? б) может ли быть критерием оптимальности достижение максимума общественной полезности благ и услуг?

По первому вопросу существовали разные точки зрения. С отрицанием возможности построения единого критерия оптимальности выступил А.Я. Боярский, который утверждал, что “такого общего математического критерия быть не может”. Правда, противореча самому себе, он писал: “Конечно, основной критерий оптимальности плана производства – максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества”. Однако он тут же добавлял, что “во-первых, математически не решается вопрос о том периоде времени, в котором должен быть получен максимум потребления. Во-вторых, не решается и вопрос об ассортименте, если только не стоять в этом деле на позиции теории предельной полезности, которая, впрочем, сулит только кажущееся его решение, т.е. решение, которое зависит от субъективных точек зрения”<sup>13</sup>. Таким образом, никакого соизмерения полезностей, помимо субъективных оценок, А.Я. Боярский не видел. На таких же позициях стоял и наиболее авторитетный из критиков СОФЭ Я.А. Кронрод, который утверждал, что никакого соизмерения общественных полезностей продуктов не было, не может быть, если “не считать давно отброшенной научной схемы теории предельной полезности”<sup>14</sup>.

Я.А. Кронрод и его ученики проводили мысль о том, что процесс познания законов и процесс их использования резко разделены во времени. Приписывая СОФЭ отрицание объективных законов, обвиняя ее в навязывании “телеологической” точки зрения, которая якобы состоит в “конструировании” законов экономики из субъективных представлений об оптимуме, Я.А. Кронрод пытался доказать, что анализ экономических отношений и законов – это нечто предварительное по отношению к исследованию оптимума. Нетрудно видеть, что Я.А. Кронрод отделял экономические законы социализма от процесса сознательной оптимизации экономики, не учитывая того факта, что экономические законы являются одновременно и законами социально-экономического оптимума. На самом же деле, чтобы установился режим оптимального функционирования экономики, необходимо сознательное общественное действие, приводящее фактическое ее состояние в нормативно-оптимальное, соответствующее научному представлению об объективном критерии оптимальности ее развития, механизме ее оптимального функционирования.

Новое понимание объективности экономических законов в контексте категории экономического оптимума было дано в работах В.Г. Гребенникова, О.С. Пчелинцева, С.С. Шаталина, которые предложили свое понимание полезности и связанных с ней производственных отношений. “Под общественной полезностью здесь понима-

<sup>13</sup> Боярский А.Я. Математико-экономические очерки. М., 1962. С. 20.

<sup>14</sup> Плановое хозяйство. 1973. № 5. С. 90.

ется потребительная стоимость, достигшая определенности экономической формы, т.е. получившая новое качество в связи с превращением ее в высшую цель социалистического производства. Мы не разделяем мнения тех экономистов, которые готовы признать за общественной полезностью роль общеисторической категории. К области политической экономии потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы”<sup>15</sup>.

Утверждение Я.А. Кронрода, будто экономические категории и законы нельзя выводить из научного представления об оптимуме, на деле есть оправдание так называемого “хвостизма”, органически присущего традиционной, официальной политической экономии, с которой полемизировал и сам Я.А. Кронрод. В теории СОФЭ речь идет не о каких-то “нереальных”, “выдуманных” экономических отношениях, “волюнтаристски” навязываемых объективной экономической реальности, а о тех отношениях и законах, которые неотделимы от самого социально-экономического оптимума. Не законы предшествуют оптимуму, а именно оптимум определяет все законы и категории, обобщаемые в его рамках. Поэтому оптимум есть нечто первичное по отношению к “конструируемым” производственным отношениям, призванным устранить те пороки и противоречия, о которых даже не заикалась “официальная” политическая экономия. Изучая оптимум в аспекте того, что “должно быть”, СОФЭ соединяет воедино и анализ реальных возможностей и условий, и пути их превращения в объективную необходимость.

Совершенно очевидно, что Я.А. Кронрод стоял на позициях “экономического детерминизма”. Он не признавал никакой иной объективности “социального”, кроме “естественноисторической”. Между тем включенность человека, одаренного волей и сознанием, поступающего обдуманно или под влиянием страсти, в процессе естественноисторического развития приводит к последовательной гуманизации этого развития, раскрепощению внутреннего мира человека, что и явилось предпосылкой “царства свободы” как свободы выбора вариантов общественного развития. Объективная данность производственных отношений, относительно независимых от воли и сознания людей, не может пониматься абсолютно, т.е. проявляться вне и помимо целенаправленной деятельности людей. В этом и заключается один из ключевых методологических принципов теории СОФЭ, авторы которой, как и многие другие ученые, отвергают фаталистическое понимание объективности законов, указывают на сочетание в экономике материального и идеального, объективного и субъективного, ибо в противном случае выявить специфику действия экономических законов невозможно.

Я согласен со своими коллегами, так объясняющими истоки неприятия и отрицания теории СОФЭ. Думаю, дело в том, что система оптимального функционирования экономики никак не укладывалась в те

<sup>15</sup> Экономика и математические методы. 1975. Т. XI. Вып. 1. С. 37.

идеологические трафареты, которыми оперировали в 60-е и 80-е годы официальные пропагандисты “развитого социализма”. Вопреки их утверждениям о построенном в стране “законченном” социализме и необычайных успехах общественного производства, СОФЭ раскрывала лживость таких умозаключений. Застойный период привел к падению темпов развития экономики и к откровенному провалу обещаний социальных благ для всего населения.

Разрабатываемая система объединяла то лучшее, что содержалось в социалистических лозунгах и реально осуществленных социальных гарантиях для населения с возможным оживлением экономики за счет привлечения рыночных механизмов товарно-денежных отношений. Это не было повторением идей “евросоциализма”, где западноевропейские компартии и профсоюзы в условиях абсолютно господства рыночного хозяйства добивались лучшего удовлетворения социальных запросов населения. СОФЭ открывала возможности включить рыночные отношения в сложившуюся (пусть и в неудачном исполнении) обобщественную экономику. В конечном итоге это было бы встречным движением, но с противоположных стартовых позиций. Новая система хозяйствования могла преобразовать прежнюю идеологию страны Советов, направив ее на успешную реализацию принципов социализма с помощью живительной силы товарно-денежного двигателя<sup>16</sup>. В этом смысле имели основание утверждения авторов СОФЭ об идеологической новизне их предложений. Конечно же, такие претензии на самостоятельную идеологическую основу не могли не вооружать против новой системы защитников чистоты развитого социализма.

СОФЭ была “костью в горле” именно потому, что ее социальная направленность совпадала с объявленными, но не реализованными идеями социализма, призывала к достижению тех же целей (социальной справедливости, равенству, отмене эксплуатации и т.д.), но иными путями. Перспектива принятия идеологии СОФЭ означала для власть предержащих страшную опасность неизбежной ломки системы, при которой свобода людей была ограничена государственной собственностью на средства производства, постоянным вмешательством чиновников и в частную собственность граждан, в право распоряжаться ею по собственному усмотрению. СОФЭ неизбежно лишала их прав и орудий для ограничения свободы сознания, миропонимания, повседневного поведения человека в личной и общественной жизни.

СОФЭ, ориентированная на реальное обеспечение социальных гарантий, сбалансированность экономических условий деятельности личности и общества в целом, означала *прекращение произвола над личностью и экономикой*. Этого, с позиции людей, безнаказанно и привычно творивших этот произвол в течение десятилетий, а также тех, кто подводил под него научную базу, допустить было никак нельзя.

<sup>16</sup> См.: Львов Д., Овсиенко Ю., Сухотин Ю. Еще раз о реформационном потенциале СОФЭ // Российский экон. журнал. 1996. № 9. С. 63–67.

Впрочем, чтобы у читателя не создалось впечатления, что ЦЭМИ с его СОФЭ представлял собой крепость, окруженную одними противниками, нельзя, конечно, не отметить, что противостоявшие СОФЭ и ее создателям научные и “административные” силы все же не были монолитными. По правде говоря, были у нас и верные союзники, и их было значительно больше, чем противников. И то, что наши идеи и разработки (в том числе прикладные) с энтузиазмом воспринимались на уровне предприятий и отраслей, и то, что в них действительно нуждалась хозяйственная практика, вселяло в нас уверенность в своей правоте и придавало силы в борьбе с оппонентами.

Отмечу также, что нам удавалось в той или иной мере находить общий язык с теми или другими работниками аппарата Госплана. Я подчеркиваю слово “аппарата”, поскольку с НИЭИ Госплана и его директором А.Н. Ефимовым у нас были особые отношения, о которых я уже рассказывал. Некоторое время в составе Госплана, о чем говорилось выше, действовал даже отдел применения в планировании экономико-математических методов (его возглавлял один из бывших и ведущих сотрудников ЦЭМИ профессор Ю.Р. Лейбкинд). Этот отдел впоследствии был ликвидирован, а Ю.Р. Лейбкинд вернулся в ЦЭМИ.

Определенную поддержку мы получали и в Отделе науки ЦК КПСС, где нашими кураторами в то время были разумные и честные люди – сначала А. Вавилов, а затем В. Иванов. Когда могли, они защищали, а иногда просто выручали нас, говоря при этом, что наука, мол, работает, предлагает новое, к тому же математически обоснованное; пусть работают, а мы посмотрим, что из их разработок можно реализовать на практике, ведь на уровне отраслей и предприятий они что-то полезное выдали... Впрочем, главный удар ЦЭМИ получил как раз из этого отдела, но это было уже позже – в 80-х годах.

Бывали у нас и приятные сюрпризы. Как-то тогдашнее правление Госбанка СССР рассмотрело наши предложения о новой концепции банковско-финансовой системы и не только заклеило ее, но, видимо, запустило жалобу на “самый верх”. В предчувствии выволочки я вместе с разработчиками этого “блока” СОФЭ Н. Петраковым, В. Перламутровым и Л. Брагинским отправился к референту главы Правительства А.Н. Косыгина по банкам и банковской деятельности Н. Митрофанову. Совершенно неожиданно для нас разговор получился на редкость доброжелательным. Референт больше соглашался с нами, чем противоречил. В результате госбанковская “телега” неприятных последствий и “оргвыводов” не вызвала.

Не стану давать оценку своим дипломатическим способностям, которые мне приписывают мои коллеги. Может, с их помощью, а может за счет природной казацкой смекалки и хитрости, но мне иногда удавалось разгонять тучи, сгущавшиеся над ЦЭМИ в самых высоких кабинетах

И дело было не только в дипломатических или каких-то других мо-

их способностях. Мною кроме прочего руководила еще и прагматическая идея, великолепно выраженная Ф.М. Достоевским: “Если ты направишься к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели”.

## ЕДУ ЗА ОКЕАН ДЕЛИТЬСЯ ОПЫТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Нашими разработками в области программно-целевого управления заинтересовались за рубежом. Так, в 1972 г. президент Чили Сальвадор Альенде, собиравшийся строить у себя в стране социализм, пригласил специалистов из СССР и “братских” стран на конференцию “Путь Чили к социализму” с тем, чтобы они поделились своим опытом и достижениями в этой области. Позвали туда и меня. Отмечу, что организацию и финансирование конференции проводил Институт стратегических исследований Великобритании.

Мы с профессором Б. Исаевым добирались до Сантьяго долго, со множеством посадок и взлетов. Вечером в отель “Хилтон”, где разместились все делегации и где проходила сама конференция, приехал президент страны. Он познакомился с руководителями делегаций и объяснил, что основной вопрос, который будет обсуждаться – это путь Чили к социализму. Прежде всего он спросил: “А где советская делегация?”. После того, как мы были ему представлены, С. Альенде в течение получаса беседовал со мной и попросил обязательно выступить. Он предложил всем участникам высказываться откровенно, раскрывать опыт своих стран многосторонне, не скрывая трудностей и проблем социалистического строительства.

С. Альенде выступил наутро, открывая конференцию. Вслед за ним был доклад председателя чилийского госплана о реальных экономических проблемах страны и возможных путях их преодоления. Потом представитель Франции рассказал об опыте социалистов в управлении национальной экономикой. Вслед за ним докладывал я, остановившись главным образом на программно-целевых методах планирования и управления народным хозяйством и его отдельными звеньями. Я не скрывал, что в СССР продолжается дискуссия по вопросу о целесообразности применения этих методов, однако высказал мнение, что они могли бы принести большую пользу именно в условиях Чили. Профессор Исаев в своем докладе дал сравнительный анализ финансовых и кредитных систем, действующих в социалистических странах. После нас выступали представители Польши, Югославии и других стран. Судя по реакции аудитории, по задававшимся вопросам встреча была деловой и весьма полезной.

Экономические проблемы, которые существовали в стране, действительно, были очень и очень серьезными. Об этом можно было судить не только по статистическим данным, но и по “бытовым мелочам”, с которыми мы столкнулись в первый же день. Так, на прогулку

по Сантьяго мы с Исаевым отправились пешком (а наш “Хилтон” располагался в 5 км от города), поскольку городской транспорт не действовал, а такси стоило бешеные деньги. Счетчиков в машинах не было, и о тарифе нужно было сговариваться предварительно. Мы, кстати, стали невольными свидетелями скандала нашего югославского коллеги с местным таксистом, обобравшим его буквально до нитки. За небольшую поездку таксист потребовал у нашего коллеги практически все деньги, которые оставались у него на гостиницу и питание. Ужин в ресторане тоже стоил очень дорого, поэтому мы с Б. Исаевым, будучи опытными “социалистическими туристами”, прихватив на базаре великолепные чилийские помидорчики, имея собственную колбасу и консервы и прикупив бутылку местного виноградного вина, вкусно и недорого перекусили. Кстати, добыть вина нам тоже оказалось нелегко, поскольку оно продавалось тогда только по предъявлению пустой бутылки. В то время в Чили стекло было большим дефицитом, и мы долго объясняли продавцу, что забыли в Москве пустую посуду и просим сделать для нас исключение из правил, на что он в конце концов согласился.

Тяжелое впечатление произвели на нас окраины Сантьяго, застроенные хибарами из фанеры, жести и шифера. Для поездки в этот “бидонвилль” нам в посольстве специально дали потрепанный автомобиль, так как на хорошей машине ездить туда было опасно: голодные и озлобленные местные жители, руководствуясь классовым сознанием, могли забросать ее камнями. Такие случаи, действительно, бывали.

Наконец, неоднозначные мысли вызвала у нас встреча с преподавателями и студентами Католического университета Сантьяго, где мы с профессором Исаевым прочитали по лекции. За весьма и весьма скудным обедом в столовой университета завязалась беседа, в ходе которой мы рассказывали о советской науке и высшей школе. Узнав о том, сколько зарабатывают у нас в стране ученые и преподаватели, наши собеседники не скрыли своей зависти: “Вот нам бы столько!”. Было о чем призадуматься и нам...

Не стану спорить с официальной оценкой событий сентября 1973 г., приписывающей приход к власти в Чили генерала Аугусто Пиночета Угарте действию “внешних реакционных сил”. Скажу только, что экономическая обстановка в стране накануне пиночетовского мятежа была тяжелой. Это я видел собственными глазами.

## КОМИССИЯ “ВОСТОК – ЗАПАД”

Францию я посещал несколько раз, был там и в командировках по линии Академии наук, и по приглашению председателя Плановой комиссии Республики де Ортоли, с которым у нас установились добрые деловые отношения. Кроме этого, во Франции регулярно проходили заседания комиссии “Восток – Запад”, работа которой финансирова-

лась фондом Форда. В эту комиссию входили известные ученые ведущих западных стран, а с “Востока” приезжали ученые СССР, Югославии, Польши и Чехословакии, которую, кстати, представлял Ота Шик – идеолог чехословацкой экономической реформы и теоретик “рыночного социализма”, “награжденный” за это в Москве ярлыками оппортуниста и контрреволюционера. В то время он был директором Института экономики Чехословацкой Академии наук.

Заседания этой комиссии посвящались таким темам, как план и рынок, методологические вопросы планирования, экономика научно-технического прогресса, вопросы налогообложения, экономика природопользования и т.п. Мне было очень интересно узнать, насколько серьезно в рыночной экономике Запада ставятся и решаются проблемы планирования и долгосрочного прогнозирования. Там не занимались, подобно нашему Госплану, составлением директивных графиков выращивания цыплят, утят и поросят, они планировали макропоказатели в области уровня жизни, налогообложения, военных расходов. Технический прогресс они двигали вперед не лозунгами, транспарантами и стенными газетами, а “копейкой”, отменяя налогообложение с той части прибыли, которая тратилась на цели научно-технического прогресса. Так, в Японии специальным постановлением государства для фирм, разрабатывающих и внедряющих современные средства электроники, определялась пониженная ставка банковского кредита. Тот, кто понимал важность технического прогресса, стимулировал его развитие с помощью денежного механизма. Одной из первых среди соцстран это поняла Венгрия, отменившая в свое время все ввозные таможенные пошлины на электронику, и современные технические средства потекли туда рекой.

Кстати, затраты спонсора наших конференций – фирмы Форд Моторз Корпорэйшн – на их проведение также не облагались налогом. Между прочим, во многих странах не облагаются налогами расходы на представительство. Это относилось и к оплате приемов советских делегаций. Правда, частенько за одним банкетным столом сживали по два–три члена советских делегаций с тридцатью–сорока представителями принимающей стороны, но это уже их дело...

На заседаниях комиссии “Восток – Запад” обсуждались также вопросы управления, структуры экономического механизма, в частности ценообразования, и др. Иногда нам было о чем рассказать, а иногда бывало стыдно, особенно когда речь заходила о проблемах природопользования, и мы с К. Гофманом краснели, поскольку вынуждены были докладывать о принятой у нас балльной методике, хотя сами были ее принципиальными противниками. Несмотря на такого рода неприятности, которые иногда возникали, дискуссии на той комиссии были весьма и весьма полезными, надеюсь, для всех участников без исключения.

Заседания проходили не только в Париже, но и в других городах Франции, в том числе и в Ницце, которая, на мой взгляд, не такое уж шикарное место для отдыха, как многие думают. Там, что-

бы сходить выкупаться, нужно пересечь напряженную автотрассу, и ты вынужден плескаться в море, над которым стелются выхлопные газы и асфальтовая пыль. Ницца, Ницца! Ей-Богу, в Крыму и на Волге куда лучше. Может быть, на мое отношение к этому городу оказывает влияние не совсем приятное воспоминание, связанное с проведением там очередного заседания комиссии “Восток – Запад”.

В это время на юге Франции стояла сильная жара, американцы и другие коллеги с Запада приходили на заседания чуть ли не в шортах, а мы, как было положено советским командированным, в полном костюмном облачении и при галстуках. Мне это стало надоедать, и одно из утренних заседаний меня коллеги уговорили пропустить, чтобы отдохнуть, выкупаться, расслабиться и после обеда снова пойти на заседание, тем более, что до этого ни одного часа я не пропускал, чем грешили многие, в том числе и наши участники. Отсиживал я не ради порядка, а потому что вправду было что послушать.

Не успел я вернуться с моря, как вбегают в номер мои ребята и, запыхавшись, докладывают, что на утреннем заседании между одним из наших сторонников централизованного планового хозяйства и “рыночником” О. Шиком завязалась острая дискуссия, которая накалилась до такой степени, что стала перерастать в личностный конфликт. Что, мол, никто, ни Дэнлоп (профессор Гарвардского университета, руководитель делегации США), ни Василий Леонтьев (так и хочется фамилию Василия написать так, как она произносится в Америке – Леонтьефф) уговорить их не могут, в общем пошла стенка на стенку. Послали за вами, Николай Прокофьевич, поскольку якобы вы один можете навести порядок.

Ну что делать, натягиваю пиджак, завязываю галстук и вперед! Веду речь о сочетании рыночных и плановых начал в социалистической экономике, о трудах Либермана, Петракова, Гофмана и т.п., чувствую – конфликт стихает, но до мировой далеко. Приметил, что за ужином “петухи” расселись за разные столы и не смотрят друг на друга. Что делать? Уговоры не помогают, надо применять химические средства. Встаю и объявляю, что у меня якобы сегодня день рождения и, во-первых, именно этим объясняется мое отсутствие до обеда, а, во-вторых, я приглашаю к двадцати двум часам к себе в номер руководителей делегаций. Не зря все-таки я всегда возил с собой кое-какие припасы: водочку, коньячок и икорку. Вот и пригодились.

Народ собрался, пришел и О. Шик. Рюмка за рюмкой (а иностранцы любят нашу водку!), произнесли все возможные тосты, в том числе за успешное развитие народного хозяйства СССР, вроде бы дело к мировой, но не тут-то было. Опять начали спорить, а время уже к двенадцати. Тогда я спрашиваю своего коллегу, осталось ли у него что-нибудь еще? Тот кивает головой. Я с ним пошептался, и он объявил, что у него день рождения завтра, т.е. через двадцать минут, а на следующий вечер у нас запланирована экскурсия, поэтому он предлагает отметить это дело у него в номере безотлагательно. Идти было недалеко – только перейти коридор, и мирная конференция продолжилась. То, что не

сделали водка с закуской, сделало время. К трем часам утра все устали, полемический задор скис, и дело кончилось тем, что спорщики пожали друг другу руки, обнялись и отправились спать.

Я в таких случаях никогда спать не ложился, а отправлялся на пешую прогулку, как всегда любил, — в одиночестве. Отмахав пару-тройку километров по свежему морскому воздуху, приняв контрастный душ, позавтракав и выпив чашку крепкого кофе, я снова был готов к подвигам. Подкатил автобус, который должен был отвезти нас в Монте-Карло, мы уселись и поехали. Рядом со мной сидел бледный и задумчивый Ота Шик, видимо, размышлявший о преимуществах рыночного социализма. Вдруг он встрепенулся и попросил остановить автобус. В чем дело? Оказывается, он вспомнил, что в тот день к полудню в Ниццу к нему должна была приехать его жена. Мало того, что он забыл об этом событии, он еще оставил в гостинице кошелек, и, не имея с собой денег ни на автобус, ни на такси, шел обратно с десяток километров пешком, о чем, правда, мы узнали только вечером, иначе снабдили бы его монетками на проезд. Вот уж, действительно, “староместский рассеянный” (в Праге Академия наук расположена в районе с названием Старе Место)! Вечером, после возвращения из Монте-Карло, Ота пригласил меня к себе и познакомил с супругой. Это была очень привлекательная женщина, в прошлом участница антифашистского движения со стажем работы в подполье. Мы выпили по бутылке прекраснейшего пльзеньского пива, который она специально привезла с собой, и повеселились, рассказывая ей о наших приключениях.

О посещении казино в Монте-Карло стоит рассказать отдельно. Для советских людей это было, конечно, экзотическое зрелище. Первое, что поразило меня там, это были русские старушки, дети эмигрантов “первой волны”, которые сидели вокруг игорных столов, не принимая участия в игре из-за отсутствия средств, но старательно ведя статистику выигрышей. Когда я спросил, зачем они это делают, они объяснили, что, во-первых, это для них развлечение, а во-вторых, они все же надеются поймать какую-нибудь закономерность в периодичности вращения рулетки и, может быть, сыграть разок на имеющуюся у них мелочь.

Времени на то, чтобы вести статистику, у меня, естественно, не было, а с моей мелочью у рулеток делать было нечего; поэтому я перешел в другой зал, где стояли игральные автоматы, которые во всем мире называют “однорукими бандитами”, поскольку у них сбоку только одна ручка (рычаг), и грабят они людей довольно эффективно. Я присел в кресло и стал наблюдать, размышляя: вот люди проигрывают и проигрывают, но не может же это продолжаться без конца, надо же, чтобы кто-то и выигрывал, иначе не будет интереса. Пристроившись к одному из “бандитов”, который на моих глазах перед этим только выигрывал, я сунул ему в пасть монетку в пять франков. Проглотил, не прожевывая. Еще пять франков, опять то же самое. Ну, думаю, Бог троицу любит, кину последнюю и, если снова проглотит, на этом остановлюсь. Дергаю рычаг, и вдруг слы-

шу звон монет. В лоток сыплется несколько жменей (пригоршней) франков. Удача или расчет?

Так или иначе, но я насчитал сто пятьдесят франков, вернулся к своим и стал звать их пить шампанское. Воистину, “колы гроши прийшли на дурныцю, так на дурныцю их трэба и потратить”. Совсем уж собрались, но тут меня остановила наша милая переводчица и попросила совета по методике игры в рулетку. Мол, бабульки советов не дают, говоря, что если бы они знали на что ставить, то сами давно поставили бы. Я ответил, что опыта у меня в этом деле никакого, однако, если руководствоваться принципами эконометрики, то нужно ставить подряд на одну цифру с возрастающей ставкой, тогда вероятность выигрыша увеличивается. Она так и сделала, поставила десять франков – нет выигрыша, пятнадцать – снова нет, двадцать – опять мимо. И когда сумма ее ставок достигла пятидесяти франков – выигрыш! Получив фишек более чем на шестьсот франков, наша переводчица сначала предложила мне долю в выигрыше, но я благородно отказался. Тогда она угостила всю компанию шампанским, мы еще побродили по городу и к ужину вернулись в Ниццу, чтобы наутро вновь продолжить заседание.

По итогам конференции в Ницце был издан сборник докладов ее участников под редакцией Дэнлопа и Федоренко. С профессором Дэнлопом мы встречались и в Швейцарии, в маленьком городке неподалеку от Женевы. В разгар заседания, по указанию президента Картера, Дэнлопа срочно отозвали в Вашингтон. Как выяснилось, президент США предложил ему занять пост министра труда в своем правительстве. Когда через полгода я приехал в Вашингтон и спросил, могу ли я встретиться с министром труда Джоном Дэнлопом, мне ответили, что он не выдержал работы в правительстве и трех месяцев, махнул рукой и уехал в Гарвард.

Комиссия “Восток – Запад” неоднократно собиралась во Франции, но каждый раз в разных городах. Так, мне запомнились очень интересные дискуссии в Нанси, касавшиеся проблем разработки экономико-математических моделей размещения производства. Тут нам было чем похвастаться, наши модели получили одобрение и были использованы западными коллегами, в том числе одним из французских институтов, разрабатывавшим проекты размещения производства в африканских странах.

Я бывал в этом институте в те времена, когда приезжал в командировки к французским специалистам. Наиболее плодотворными для меня были посещения Плановой комиссии при президенте Франции, в ходе которых я подробно и внимательно ознакомился с практикой и методологией ее работы, мы вели интересные, откровенные и дельные дискуссии. Главной функцией этой комиссии было составление экономических прогнозов на основе информации, предоставлявшейся фирмами. У них был очень хороший ВЦ, с работой которого я подробно ознакомился.

Председатель Плановой комиссии доктор де Ортоли был радушным хозяином. Он, не жалея своих выходных дней, показывал нам достопримечательности и музеи Парижа, а также отправлял нас со своим

помощником осматривать пригороды. Особенно мне запомнилась наша поездка в Версаль, однако не только из-за действительно замечательных красот этой резиденции французских королей, построенной Людовиком XIV. В тот день на лавочке в версальском парке я оставил свой (подаренный в Японии когда-то) фотоаппарат и, вернувшись за ним через час, нашел его на том же месте, хотя был воскресный день и народу в парке было полным-полно. Но и не это было главным, и даже не буйбиз (уха из пятнадцати рыб), а также очень вкусные лягушки в шикарном придорожном ресторане. Самое большое впечатление произвело на меня наше ночное возвращение, когда машина чуть было не врезалась на полном ходу в неосвещенный асфальтовый каток, оставленный рабочими без присмотра. Слава Богу, что я его вовремя заметил и закричал “стоо-оп!”. Наш водитель успел затормозить, и мы остановились перед этим катком на расстоянии менее метра. Заезжайся я тогда, кто бы писал сегодня эти мемуары?

Тогда же я познакомился с доктором Маннеймом, который, как он рассказывал, предложил два своих загородных имения в дар Французской коммунистической партии. Дело в том, что сам он был коммунистом, да и его дети – студенты Сорбонны – от него не отставали. Сын был убежденным сторонником Мао, а дочь примыкала к организации левого, правда, не совсем понятно какого, толка. Как мне показалось, они любили друг друга, но из-за политических разногласий жили раздельно.

Европейские политические бури конца 60-х годов шумели и в парламентах, и в политических клубах, и в студенческих аудиториях, и в отдельных семьях. Нам также приходилось с этим сталкиваться. Во время встречи в парижской Высшей коммерческой школе после объявления моего выступления часть слушателей (человек 20) демонстративно покинула аудиторию. Мне объяснили, что это представители Чехословакии таким образом выражают свой протест. Ну ладно в аудитории, но вот, увидев меня рядом с собой за ужином, они вышли из-за стола, а потом еще покинули автобус, который должен был поздно вечером доставить нас всех в Париж. “Пражская весна” – “пражской весной”, но мне было немного жаль ребят, неизвестно как добравшихся ночью в город. Как говорят в Одессе, “лопни, но держи фасон”.

Добавлю, что с де Ортоли я встречался и в Москве. Помню, как во время приема по случаю визита в СССР президента Франции Помпиду (в состав делегации входил и де Ортоли) нас представлял друг другу президент Академии М.В. Келдыш. Де Ортоли сказал: “Нас представлять не надо, мы друзья”.

Справедливости ради надо сказать, что “политические бури в стакане воды”, доходившие до смешного, происходили и в нашей делегации. Однажды французские студенты, весьма довольные общением с нами, пригласили нас в ресторан, причем выбор последнего предложили мне. Я сказал, что к “Максиму”, мы, конечно, не пойдем, так как это удовольствие нам всем не по зубам, но вкусно и недорого можно поесть в китайском ресторане. Вы бы видели в этот момент моего коллегу – заведующего методологическим отделом Госплана СССР: как он испу-

гался! “Николай Прокофьевич, что Вы делаете! Вы что, не понимаете, как это может быть политически оценено при наших нынешних отношениях с Китаем? – зашептал он. – Я ни в коем случае туда не пойду”. Как я ни пытался ему втолковать принципиальную разницу между маоистами в Пекине и парижским рестораном с китайской кухней, он ни в какую. Мы со студентами пошли в ресторан без него. Вечер был замечательный, еда вкусная, обстановка и настроение хорошие. С нами была пара студентов, говоривших по-русски, поэтому общение было свободным. Я даже рассказывал французские анекдоты, которые ребятам очень понравились. Один коротенький хочется привести здесь:

“Звонит телефон, к нему подходит девушка.

– Алло, это Мари?

– Да, это я.

– Мари, дорогая, я тебя люблю и прошу выйти за меня замуж.

– Я согласна, но, простите, кто это говорит?”

В общем, отлично поужинав и проведя вечер в хорошей компании, в великолепном настроении я вернулся в отель и зашел навестить коллегу. Смотрю, в шикарном хилтоновском апартаменте (с бассейном!) сидит мой идеологически выдержанный коллега, а перед ним четвертинка водки и кусочек колбаски с хлебом... Вот такие чинуши и создавали за границей славу о русских, как угрюмых, нелюбимых и, по меньшей мере, странных людях.

Правда, надо быть самокритичным. Там же во время семинара по методологии экономического прогнозирования я познакомился с новым президентом фирмы ФИАТ, делавшим доклад о прогнозе развития концерна до 2000 г. Он пригласил меня с женой после завершения семинара в Италию, побыть пару недель гостями фирмы. Я представлял себе, какая это могла бы быть роскошная поездка, но отказался, сославшись якобы на большую занятость. Конечно, у меня было время и тем более желание, но я знал, что будет проблема с визой, знал, как на это отреагируют в Москве, и не стал рисковать. Думаю, что мой отказ тогда не вызвал недоумения, которое часто возникало при общении с советскими коллегами у иностранцев, не понимавших нашей “специфики”. Впрочем, впоследствии и у него были трудности.

Как-то в период проведения переговоров по поводу строительства ВАЗа этот президент приехал в Москву “своим ходом” на автомобиле. Обратное он решил лететь самолетом, а свою машину подарить кому-нибудь в Москве. Он предлагал ее одному, другому, третьему, но все (среди них, как помню, был и председатель Моссовета В.Ф. Промыслов) наотрез отказывались. Три дня он, бедняга, мотался по Москве и никому так и не смог ее подарить. Создалась нелепая ситуация, дело дошло до Косыгина, который сказал: “Да возьмите вы, наконец, у него кто-нибудь эту машину, не портите мне политику!” Не знаю уж, кому она досталась.

Еще об Италии, в которой я побывал еще не раз. Некоторые эпизоды мне особенно памятливы. Так, во время посещения химического концерна “Монтекатини”, где я осмотрел очень интересную установку

по производству ацетилена из природного газа, судьба завела меня в Милан. Меня угостили ужином в великолепном ресторане, действовавшим по принципу “шведского стола”. Гвоздем программы там была жаренная целиком телячья туша. В этом ресторане я получил два сувенира: пластинку с записанной в его зале музыкой и симпатичную пепельницу, на которой было что-то написано. Когда по возвращении в гостиницу мне перевели эту надпись, оказалось, что она буквально означает следующее: “Я украл эту пепельницу в таком-то ресторане”. Ну украл, так украл, что же теперь делать, не нести же обратно. Эта пепельница до сих пор стоит на моем столе.

Запомнилось мне и посещение Сорренто, где происходила одна из очередных встреч с Дж. Дэнлопом. Во время экскурсии к местному замку я неожиданно увидел на одной из каменных плит, которыми был вымощен двор, отпечаток ступни и рядом с ней надпись латинскими буквами: Anna Pavlova. Оказалось, что я стоял перед плитой, которой когда-то коснулась нога великой русской балерины. Не помню, о чем я думал тогда и что чувствовал, но, охваченный волнением, стоял на том месте до тех пор, пока меня не позволили идти дальше...

## С ЛЕКЦИЯМИ В МЕКСИКЕ

Получив некоторую известность на американском континенте после поездки в Чили и участия в работе комиссии “Восток – Запад”, я (правда, несколько неожиданно) получил приглашение из Мексики прочесть курс лекций в одном из семи университетов Мехико. Поездка оплачивалась принимающей стороной.

Работа предстояла очень напряженная: нужно было за три дня прочесть двенадцатичасовой курс лекций об основах применения экономико-математических методов в планировании, об уровне развития научных исследований в этой области, а также о хозяйственном механизме в СССР. Мы эту работу разделили с В.М. Иоффе, но все равно нам обоим пришлось попотеть в прямом и переносном смысле. В Мехико стояла жара как в Кара-Кумах и, если бы не помощь нашего гида – выпускника Университета им. П. Лумумбы и его жены – бывшей москвички, а также забота хозяев гасиенды, на которой нас поселили, нам бы пришлось туго.

Жили мы недалеко от университетского городка, который впоследствии, когда в Мехико проходила всемирная олимпиада, практически сросся с олимпийской деревней. В 10 км от нас, а для Мехико это расстояние небольшое, находился парк Чапультепек, в северной части которого расположился, можно сказать, музейный городок. Вокруг небольшого озера рядышком там находятся Национальный музей антропологии, Музей современного искусства и Национальный музей истории. До другого музейного центра, расположенного возле площади Конституции (Сокало), где можно было осмотреть Дворец изящных искусств, Музей религиозного искусства вместе с церковью Саграрио Метрополитано, а также Галерею живописи и скульптуры Сан-Кар-

лос, было еще 3 км. К моему глубочайшему сожалению, с мексиканской живописью, особенно с картинами Тамайо и О'Хиггинса, познакомиться не удалось. Правда, проезжая по городу, я видел монументальные, чисто мексиканские фрески и мозаики Риверы, Ороско и Сикейроса. Но вот в Национальном музее истории я узнал для себя много нового о Латинской Америке, меня буквально поразила скульптура и керамика древних ацтеков, майя, сапотéков, тольтеков и др. Кое-что из керамики, стилизованной под культуру древних индейцев, я привез в Москву и заботливо берегу до сих пор.

Конечно, наше настроение весьма поддержал теплый прием, оказанный нам в университете как студентами, так и профессурой. Можно устать буквально за десять минут, когда чувствуешь, что аудитория тебя не слушает. И можно выдержать многочасовую лекцию и последующую дискуссию, если люди слушают тебя с вниманием, живо реагируют на твою речь и задают интересные вопросы. После такого общения физическая усталость с лихвой компенсируется творческим удовлетворением. Было приятно также и от того, что нашей работой остался очень доволен советский посол в Мехико. Как бы в награду он повез нас осмотреть развалины древнего города Теотиуакана, возникшего во II в. до н.э., еще в доацтекские времена. Впечатляющим был осмотр храмов Земледелия (с фресками), храмов Тлатлока и Кецалькоатля, руин "Пирамиды Луны", но более всего нас поразила "Пирамида Солнца", на вершину которой через шесть уступов вела лестница с несколькими тысячами ступеней, на которые древние паломники должны были подняться, чтобы полностью завершить ритуал паломничества. Я еще тогда был, как говорится, в силе и решил добраться до вершины, чтобы потом хвастаться, что, кстати, сейчас и делаю. Мой коллега В.М. Иоффе остался на первом уступе, посол вообще не пошел наверх, а меня нелегкая все же занесла на вершину. Признаюсь, спускаться оказалось много тяжелее, чем подниматься. После этого подвига посол угостил нас хорошим шашлыком, а утром мы уже летели над Атлантикой в сторону Москвы.

## КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Проблематика стимулирования научно-технического прогресса представляет собой важную часть теории СОФЭ. Так сложилось, что в период пика исследований этой теории на долю ученых ЦЭМИ и Отделения экономики выпало участие в проведении большой разработки общегосударственного значения, о которой я и хочу здесь рассказать.

Начну с того, что в 60-е годы советская экономика на первый взгляд казалась процветающей. Об этом свидетельствовали темпы экономического роста, которые были выше, чем в передовых капиталистических странах, бесспорные успехи СССР в космосе и оборонной

промышленности, изменение ситуации в жилищном строительстве, освоении богатейших месторождений нефти, развитие гидроэнергетики и ряд других достижений.

Однако расчеты показывали, что успешный экономический рост только за счет экстенсивных факторов приближается к своему пределу. Стали заметно сокращаться возможности увеличения численности занятых в народном хозяйстве, дальнейшее увеличение капитальных вложений в производство из-за большого объема “незавершенки” перестало обеспечивать его эффективность, стали явно ощущаться природно-ресурсные ограничения. Традиционные источники роста постепенно исчерпывались, нужно было искать новые.

Такой источник, способный возместить потери экстенсивных факторов – труда, капитала и природных ресурсов, был только один – научно-технический прогресс во всем многообразии его проявлений. Идея интенсификации развития народного хозяйства путем его переориентации на достижения науки и техники, зародившись в среде ученых-экономистов в недрах Отделения экономики, быстро стала популярной в директивных органах и стала усиленно пропагандироваться.

## НТП И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА

Справедливости ради следует отметить, что сама идея интенсификации не была принципиально нова. К описываемому моменту всему миру, и особенно экономически развитым странам, было ясно, что одними из важнейших, если не важнейшими, факторами экономического роста стали научно-технический прогресс, повышение образовательного уровня и другие моменты, не имеющие прямого отношения к увеличению численности рабочей силы, объема капитала, количества других ресурсов, вовлекаемых в производство. Такие известные американские экономисты, как С. Фабрикант, Р. Солоу, Э. Денисон, дали этому влиянию количественную оценку. Первый из них посчитал, что в США на эти факторы приходится 90% увеличения выпуска продукции. Э. Денисон же сделал вывод, что около 40% общего прироста душевого национального дохода в США в 1929–1957 гг. было вызвано “прогрессом в знаниях”<sup>17</sup>.

Я думаю что, основываясь на статистических данных, точно рассчитать влияние НТП на рост эффективности производства невозможно, но то, что оно сегодня является значительным, а может быть, и решающим для судеб экономики отдельных стран, да и всего мира, не подлежит сомнению.

Известно, что наша страна в недавнем прошлом была одной из ведущих научных мировых держав. Специальная комиссия, работавшая в свое время по заданию М.В. Келдыша, сделала вывод, что ученые Советского Союза на уровне мировых достижений разрабатывали около

---

<sup>17</sup> Denison E. The Sources of Economic Growth in the U.S. Committee for Economic Development, 1962.

80–85% всей известной миру естественнонаучной тематики. Не буду утомлять читателей данным о затратах на науку, численности занятых и т.д. Не стану также сравнивать положение науки в СССР и в нынешней России. Это разговор отдельный. Рассказ не об этом.

Речь о том, что на рубеже 60–70-х годов мы поняли, что несмотря на бесспорные выдающиеся достижения нашей страны в науке и технике механизм указанного влияния пробуксовывает, а иногда просто не срабатывает. Оказалось, что *прогресс науки и научно-технический прогресс производства* – вещи разные, что рождение новшеств само по себе не влечет экономических и социальных последствий.

Добывание нового знания путем фундаментальных исследований и экспериментов – это только самое начало большого пути, за которым следуют: *инкубационный период* (в течение которого устанавливается и доказывается техническая возможность осуществимости новшества и его потенциальные коммерческие возможности), *этап опытно-промышленных разработок* (когда разрабатываются необходимые технологические процессы и оборудование) и *стадия коммерческого распространения* (когда происходит промышленное или потребительское применение новинки). Именно эти стадии, в особенности последняя, и определяют скорость и степень влияния научно-технического прогресса на экономику.

Одним словом, главная проблема НТП – это, по бытовавшему тогда, да бытующему и сегодня, выражению, *внедрение*. Напомню, что в свое время составление пятилетних и годовых планов “внедрения” новой техники охватывало всю экономику – от отдельных заводов до народного хозяйства в целом. Я никогда не любил этого слова и всегда старался его избегать. Еще более я укрепился в этом к нему отношении после тирады П.Л. Капицы на одном из общих собраний Академии, когда он высказался против использования этого термина в данном контексте, считая, что “внедряют” только чужеродные тела, а слово “внедрение” по своему звучанию предполагает реакцию отторжения.

## “БУЛОЧКИ С ИЗЮМОМ”

На мой взгляд, очень интересную и наглядную схему НТП сочинил более 70 лет назад известный русский ученый, энтузиаст научной организации труда, создатель и первый директор Центрального института труда А.К. Гастев<sup>18</sup>. В своей книге он приводит следующий “график каждого изобретения”, по внешнему виду напоминающий стихотворение, что немудрено, так как Гастев был еще и известным поэтом:

*“Замысел обозначим буквой А,  
модель обозначим буквой Б,  
конструкцию обозначим буквой В и  
товар обозначим буквой Г.*

<sup>18</sup> Гастев А. Как надо работать. (Практическое введение в науку организации труда.) Изд. 3-е. М., 1927.

Если это изобретение представлено только А, то оно не встретит никакого отклика в нашем обществе. Оно может вызвать некоторый временный интерес, не больше.

Если оно представлено А+В, в него будут верить.

Если оно будет представлено А+В+В, им заинтересуются заводы.

Если оно будет представлено А+В+В+Г, им заинтересуется рынок”<sup>19</sup>.

Вот как раз с коммерциализацией научно-технических достижений или с так называемым внедрением, а по классификации Гастева, с превращением “А” в “Г” у нас в стране дело обстояло неважно. Плановый механизм советской экономики, настроенный на экстенсивный путь экономического развития, объективно не был приспособлен к тому, чтобы придавать научно-техническому развитию первостепенное, решающее значение. Более того, в нем было заложено множество крупных и мелких барьеров, которые приводили к тому, что хозяйственные руководители не только не были заинтересованы в нововведениях, а зачастую шарахались от них. В широко известной истории о появлении знаменитых “филипповских” булочек с изюмом меня всегда удивляло и занимало не столько то, как Филиппов сообразил проглотить таракана на глазах разгневанного московского губернатора, а то, как мало времени и затрат отняло у него “внедрение новинки в производство”. Если помните, по дороге в пекарню он купил в бакалее кулек с изюмом и высыпал его в готовившееся тесто. Счастливец Филиппов! На какие муки был бы он обречен, если бы это произошло в условиях нашей плановой системы! Сколько времени и сил ему нужно было бы потратить на хождение по десяткам кабинетов, составление, согласование и утверждение заявок, оформление ГОСТов и технических условий, согласование техпроцессов, цен, санитарных норм и т.д. Скорее всего, он махнул бы на все это рукой, и булочки с изюмом так и не появились бы на прилавках.

Булочки-то ладно, но вот то, что мы импортируем персональные компьютеры, изобретенные когда-то сибирским инженером Гороховым, а американская компания “Майкрософт” наживает миллиарды долларов на продаже математического обеспечения, разрабатываемого лучшими русскими программистами, это уже “не фунт изюму”...

Осознав безусловную необходимость новой технической реконструкции народного хозяйства и на этой основе преобразования материально-технической базы общества, руководство государства поставило перед страной грандиозные задачи. Под лозунгами “превращения науки в непосредственную производительную силу”, “соединения научно-технического прогресса с преимуществами социалистической системы хозяйствования” и т.п. было намечено произвести существенные изменения в четырех направлениях, которые должны были повести страну по пути технического прогресса. Это – *научно-техническая политика, структурная политика, финансовая политика и управленческая политика.*

---

<sup>19</sup> Там же. С. 116.

Однако если с первыми тремя направлениями еще можно было справиться, то неприкасаемость четвертого, а так же то, что первые три были как бы производными от него, никак не позволяло “соединиться” ему с научно-техническим прогрессом. Если плановая система еще как-то содействовала прогрессу знаний, то коммерциализация научных результатов в ее рамках была неразрешимой проблемой.

И дело было не в “недопонимании” или “недооценке” научно-технического прогресса “отдельными руководителями”. Суть проблемы заключалась в *хозяйственной системе*, базировавшейся на затратной концепции и делавшей нововведения невыгодными. При этой системе предприятия, министерства и Госплан устраивал только тот “прогресс”, который вместо сокращения издержек вел к их росту. А такой прогресс, в котором производитель не заинтересован и который нужно вводить насильственными методами, собственно прогрессом назвать нельзя.

Еще одним важным пороком существовавшей системы управления было отсутствие в ней эффективных обратных связей, т.е. воздействия потребителя на производителя, результатов руководства на руководителя и т.д. Итогом многолетнего функционирования этой системы явилась углубляющаяся изоляция отечественной научно-технической сферы от происходившего весьма интенсивно мирового технологического развития, а также становившееся во многих случаях все более заметным техническое отставание СССР от экономически развитых западных стран. Если страна могла гордиться успехами в освоении космоса, в оборонной науке, то в области “гражданской” компьютеризации, распространения материало- и энергосберегающей технологии и, особенно, в том, что касалось качества потребительских товаров, отставание стало просто неприличным для великой державы.

## КАК СОЕДИНИТЬ НТП С ПРЕИМУЩЕСТВАМИ СОЦИАЛИЗМА

Итак, к началу 70-х годов жизнь потребовала, во-первых, провести всеохватывающий анализ того, что же дала и может дать фундаментальная и прикладная наука, какими заделами в области теоретических и проектно-конструкторских разработок располагает страна, иными словами, дать по возможности точную оценку научному потенциалу страны; во-вторых, определить приоритетные направления научно-технического прогресса, на которых следовало бы сконцентрировать имевшиеся ограниченные ресурсы; в-третьих, наметить пути и принципы реформирования хозяйственного механизма с тем, чтобы он мог стимулировать переход экономики к интенсивным методам на основе распространения достижений НТП.

Забегая вперед, скажу, что осознание неотвратимости преобразования хозяйственного механизма стало одним из главных результатов серьезнейшей работы, начатой в стране в 1972 г. и получившей название “Комплексная программа научно-технического прогресса” или коротко – КП НТП. Этот труд, затевавшийся в том числе и с целью дока-

зять преимущества социализма в научно-технической области, скорее доказал обратное. И чем дальше мы углублялись в решение первых двух задач, тем более очевидной становилась безусловная и жизненная потребность реформирования существовавшего хозяйственного механизма. Более того, эта работа позволила в общих чертах и в некоторых деталях определить направления и цели необходимого реформирования экономики. Но обо всем по порядку.

Прежде всего следует напомнить, а многие об этом и не знают, что сперва, т.е. до КП НТП, затевалась другая масштабная работа. Началом здесь послужила моя встреча и длительная обстоятельная беседа с А.П. Кириленко, ведавшим тогда в Политбюро ЦК КПСС вопросами экономики. После этого разговора по его поручению я подготовил записку “О необходимости разработки долгосрочных прогнозов экономики СССР”, которая была направлена руководству страны.

Следует сказать, что я пришел к Кириленко не с пустыми руками. Дело в том, что в ЦЭМИ стали готовиться к разработке долгосрочных народнохозяйственных прогнозов задолго до принятия решения о КП НТП. В определенной мере на это решение повлиял и прогностический бум, начавшийся на Западе, в частности, первые работы основанного в 1968 г. “Римского клуба”, взявшегося за разработку серии глобальных прогнозных моделей развития человечества на 50–100 лет, в которых широко использовались системный анализ и кибернетические методы. Уже первый доклад “Римского клуба” “Пределы роста”, подготовленный в 1972 г. исследовательской группой Массачусетского технологического института под руководством Д. Медоуса, вызвал большой интерес мировой научной общественности и широкую дискуссию.

К сожалению, многие выводы этого прогноза сбываются уже сегодня. Видимо, Медоус был прав, говоря о том, что противоречия между быстро растущим населением Земли, бурным развитием средств производства и быстро истощающимися природными ресурсами планеты, а также разрушительным воздействием промышленности на среду человеческого обитания ведет к глобальному кризису. Думается, что человечество уже вступило в этот кризис, разгар которого группа Медоуса прогнозировала к середине XXI в. Важность и перспективность развития прогнозных исследований доказали и последующие разработки “Римского клуба”, например, доклады М. Месаровича и Е. Пестеля “Человечество на перепутье” (1974 г.), Я. Тинбергена “Преобразование международного порядка” (1976 г.) и Е. Ласло “Цели для человечества” (1977 г.).

Некоторый опыт долгосрочного прогнозирования был и у нас – я писал о прогнозе Михалевского. Приступили к прогностическим разработкам в НИЭИ Госплана и других институтах. В печати стали появляться первые работы на эту тему, в том числе книга Г. Тэйла “Прикладное экономическое прогнозирование” (под редакцией Э.Б. Ершова) (1970), а также отечественные монографии, например “Научные основы экономического прогноза” (1971), среди авторов которой были А.И. Анчишкин, В.Н. Кириченко и Ю.В. Яременко, а также “Прогнозирование потребности в оборудовании” В.К. Фальцмана (1969) и др.

Настало время ставить эту работу на серьезную основу, собирать в единое целое пока еще разрозненную команду отечественных эконо-

мистов-прогнозистов. В качестве ядра такой команды в ЦЭМИ был создан отдел народнохозяйственного прогнозирования. Возглавить отдел я пригласил А.И. Анчишкина, а заведовать лабораториями этого отдела – Э.Б. Ершова, В.К. Фальцмана, Ю.В. Яременко. Лаборатория Анчишкина занималась расчетам темпов экономического роста, на него же были потом возложены функции синтеза материалов КП НТП. Лаборатория Яременко ориентировалась на прогнозирование структуры экономики, Фальцмана – на прогнозирование развития машиностроения, а впоследствии – всего инвестиционного комплекса, включая строительство и металлургию. В этот отдел также была включена и лаборатория Михалевского. После трагической гибели Бориса Натановича ее возглавил Ю.П. Соловьев, переориентировавший исследования на социальную проблематику.

Если перевести структуру отдела народнохозяйственного прогнозирования ЦЭМИ с языка изучавшихся объектов на язык экономико-математического аппарата, то исследования лаборатории Анчишкина базировались на аппарате производственной функции, Яременко – межотраслевого баланса народного хозяйства, Фальцмана – инвестиционных матриц. Для отдела была приобретена специальная ЭВМ.

Нам с А.И. Анчишкиным удалось привлечь для работы над программой многих ученых других отделов ЦЭМИ, а также других институтов Отделения экономики. Была сформирована первоклассная команда, способная синтезировать результаты технико-экономических исследований в разнообразных сферах науки и техники.

Таким образом, упомянутая мною записка в ЦК не была набором “добрых пожеланий”, а базировалась на некотором научном опыте, что позволило веско аргументировать содержащиеся в ней предложения. К этим предложением “наверху” отнеслись достаточно серьезно, в частности, записка понравилась А.П. Кириленко, который дал указание о подготовке специального партийно-правительственного решения о разработке крупномасштабного всеохватывающего долгосрочного прогноза социально-экономического развития СССР и поручил разработку прогноза Академии наук СССР.

Впрочем, от этого решения вскоре отказались, в основном по настоянию президента АН СССР М.В. Келдыша, считавшего, что масштабы проекта чересчур велики, и Академия просто-напросто с ним не справится. У того проекта были и “идеологические” противники, опасавшиеся, что такой прогноз может “задеть основы”. В конце концов постановление ЦК и Совмина по предложению М.С. Келдыша было принято, но в нем было решено разработать Комплексную программу научно-технического прогресса, выделив в ней специальный социально-экономический раздел.

Надо признать, что в Академии ранее не проводилось аналогичных по масштабу и специфике исследований. В разработке программы, рассчитанной на период 1976–1990 гг., приняло участие около 270 ведущих специалистов, представлявших более 90 научных и проектных институтов. Обоснования и расчеты были сведены в 17 проблемных томов и один сводный.

В качестве существенного момента следует отметить разработку

для КП НТП специальной методологии прогнозирования, а также то, что в процессе этой работы был накоплен совершенно новый и весьма богатый опыт организации крупномасштабных междисциплинарных исследований с большим количеством участников и в относительно сжатые сроки. Эта методология и этот опыт впоследствии были использованы Академией для других разработок.

Таким образом, КП НТП побудила отечественных экономистов существенно продвинуть методологические и теоретические исследования. В ходе работы над программой была создана модель межотраслевых взаимодействий, впервые в стране были синтезированы инвестиционные матрицы межотраслевого баланса, изучены специфические особенности жизненных циклов технологий, характерные для экономики дефицита, и т.д.

## КАК, ГДЕ И КЕМ РАЗРАБАТЫВАЛАСЬ ПРОГРАММА

Для организации, руководства и координации всей работы над КП НТП при президиуме АН СССР и Государственном комитете СССР по науке и технике (ГКНТ) в 1972 г. был создан необычный по составу и числу участников Научный совет, состоявший из более чем ста специалистов и объединивший крупнейших ученых. В его работе участвовал президент АН СССР М.В. Келдыш. Членами Совета были практически все вице-президенты Академии наук, руководители ее территориальных отделений, президенты медицинской, педагогической и сельскохозяйственной академий, директора ведущих научных институтов. В Совет входили: председатель ГКНТ, министр высшего образования, первые заместители председателей Госплана, Госстроя и ЦСУ СССР, представитель Президиума Совета Министров СССР, руководители других ведомств, что свидетельствовало о высочайшем уровне руководства этой разработкой.

С самого начала председателем Научного совета и его бюро, руководителем и “душой” всей работы стал виднейший советский ученый в области радиотехники и электроники, вице-президент АН СССР В.А. Котельников. Он задавал тон работе, и во многом благодаря его знаниям, опыту, организаторским способностям и умению ладить с людьми деятельность Научного совета и судьба всего проекта были “обречены на успех”. Его заместителем был зампред ГКНТ, в прошлом министр химической промышленности С.М. Тихомиров. Проблемные комиссии возглавляли ведущие специалисты, в том числе ученые с мировыми именами, так, академики Б.Е. Патон (комиссия по черной металлургии), А.И. Целиков (комиссия по машиностроению, в которой весьма успешно работал В.К. Фальцман, опубликовавший об этом интересные воспоминания)<sup>20</sup>, и др. В состав Совета кроме меня были включены и другие сотрудники ЦЭМИ. Необходимо также отметить, что большая и ответственная научно-организационная работа по подготовке КП НТП была поручена Научному совету по прогнозированию и ЦЭМИ, а персонально – заместителю председателя Совета А.П. Яркину, другим сотрудникам института – уче-

<sup>20</sup> См. его статью в журн. “Вопросы экономики”. 1997. № 5.

ным секретарям Совета по отдельным научным направлениям КП НТП. Они с этим важным участком работы успешно справились.

Программа состояла из шести блоков (сводных разделов): “Задачи научно-технического прогресса в долгосрочной перспективе”, “Основные направления научно-технического прогресса”, “Развитие науки”, “Подготовка кадров и развитие системы образования”, “Экономические и организационные условия ускорения научно-технического прогресса” и “Социально-экономические последствия научно-технического прогресса”. Материалы к сводным разделам готовили комиссии по отдельным проблемам. Скажем, в рамках третьего блока изучалось развитие фундаментальных исследований, в рамках второго – развитие науки в отраслях народного хозяйства, в регионах и за рубежом, ресурсы науки, научные кадры, научное приборостроение и т.д. Наибольшее число проблемных комиссий было в “региональном” блоке, где готовились комплексные программы НТП для союзных республик и более чем десятка экономических районов РСФСР.

Возглавлять “социально-экономическое направление”, включавшее два последних блока, было поручено мне как академику-секретарю Отделения экономики АН СССР. Мы поставили перед собой задачу ответить на два главных вопроса: каковы предпосылки и условия ускорения НТП в стране; как отразится НТП на эффективности, росте производства, на изменении его структуры, а также на повышении народного благосостояния.

Скажу сразу, что на второй вопрос нам ответить было легче, хотя этот ответ потребовал проведения специального крупномасштабного экономического исследования, большого числа расчетов.

Сложности с разделом “Совершенствование системы управления и планирования как необходимое условие ускорения НТП” были связаны с тем, что этот раздел представлял собой, по сути дела, своеобразную программу экономической реформы, поскольку в нем определялись направления совершенствования административной системы, планирования, организационной структуры управления, ценообразования, финансов и кредита, управления внешнеэкономическими связями и прочее, изложенную нами в соответствии с уже практически разработанной к тому времени в ЦЭМИ теорией СОФЭ.

При этом мы не ограничивались предложениями о частных “улучшениях”, а обосновывали необходимость радикальных изменений, замахиваясь при этом на “священных коров”. В частности, предлагалось заменить затратную концепцию ориентацией на конечные результаты экономической деятельности, принципиально изменить взгляды на соотношение групп “А” и “Б”, ввести программно-целевой подход в народнохозяйственном планировании. Уверен, что те предложения, которые касались и реформы ценообразования, и введения оптовой торговли средствами производства, и введения платы за фонды, заемные средства, природные и трудовые ресурсы, и совершенствования стимулирования работников, нам не удалось бы вынести на обсуждение, если бы на всей этой работе не стоял гриф “совершенно секретно”.

Моим молодым читателям может показаться неправдоподобным, что такие, по нынешним временам безобидные, предложения нужно

было тщательно утаивать от общества. Но правда состояла в том, что ее – правду – тогда позволялось говорить только “за закрытыми дверями и в очень узком кругу”, а писать только “на пронумерованных страницах”, хранившихся и строго учитывавшихся в особом отделе.

Но даже и в этих условиях некоторые вещи мы боялись называть своими именами и занимались “самоцензурой”. Особенно это касалось принципа монополии внешней торговли. Нам и многим другим было абсолютно ясно, что этот принцип, отрезавший наших производителей от непосредственного участия в международном разделении труда, в мировом технологическом обмене, надо пересмотреть. Однако, боясь поставить под угрозу всю работу в целом, мы изобретали по этому вопросу формулировки типа “органическое соединение производственных и внешнеторговых функций”, “повышение инициатив и ответственности министерств и предприятий в развитии внешних связей” и т.п.

В те времена самые безобидные предложения по совершенствованию в этой сфере воспринимались как подрыв основ. В этом смысле показательно происходившее летом 1971 г. обсуждение на заседании бюро Отделения экономики научного доклада по проблеме совершенствования системы управления внешнеэкономическими связями, подготовленного под руководством Ю.С. Ширяева, хорошо и глубоко разбиравшегося в этой тематике. Я на этом заседании не присутствовал и рассказываю со слов одного из участников разработки и очевидцев происходившего – А.В. Летенко.

Доклад Ю.С. Ширяева был встречен учеными с большим интересом и оценен по достоинству, т.е. положительно. Однако на заседании присутствовал один из братьев Пекшевых – в то время весьма влиятельных фигур в области внешней торговли. Младший брат был членом коллегии Минвнешторга, а старший курировал эти вопросы в ЦК КПСС. Выступивший последним Ю.А. Пекшев высказался коротко, ясно и категорично, заявив буквально следующее: “Дайте хороший товар и будет вам эффективная внешняя торговля! Все ваши так называемые научные рассуждения ни к чему, поскольку никто и никогда вам не позволит замахиваться на непоколебимый принцип монополии внешней торговли!” Всем стало все ясно, и председательствовавший на заседании академик Т.С. Хачатуров прения прекратил. Все понимали, что Ю.С. Ширяев стопроцентно прав, но плетью обуха не перешибешь, а если упираться, то можно добиться и оргвыводов...

Возвращаясь к нашей работе над КП НТП, хочу особо подчеркнуть, что на плечи экономистов, составлявших половину членов бюро “большого” Совета, легла нелегкая задача. Кроме разработки проекта самой Программы следовало обеспечить теоретическую и методологическую основу экономического прогнозирования, провести сводно-экономическую работу как по отдельным разделам, так и в целом по сводным томам.

В сводной и проблемных комиссиях вместе со мной работали известные ученые-экономисты из разных исследовательских организаций. Назову здесь только сотрудников ЦЭМИ. Это были Д.С. Львов, Н.Я. Петраков, С.С. Шаталин, В.Л. Перламутров, К.А. Багриновский, Л.В. Брагинский, Р.А. Галецкая, А.И. Гладышевский, К.Г. Гофман,

В.Г. Гребенников, Ю.Р. Лейбкинд, Б.В. Ракитский, Н.М. Римашевская, Е.Г. Ясин.

Первой важной задачей, стоявшей передо мной, было установление тесной и действенной связи с “технарями” (так мы – экономисты – за глаза называли разработчиков, входивших в комиссии, занимавшиеся отдельными отраслями и направлениями развития науки и техники). Для этого мы с В.А. Котельниковым, с которым у меня сразу же сложились добрые отношения и полное взаимопонимание, установили за правило регулярные встречи с “технарями”, докладывавшими о ходе и результатах своей работы. Кроме этого, по согласованию с Владимиром Александровичем, в каждую из этих комиссий я направил в качестве своего представителя по экономисту, многие из которых были сотрудниками ЦЭМИ. На долю этих представителей пришлось едва ли не самое трудное. Кроме того, что они занимались повседневной организаторской деятельностью, требовавшей терпения и нервов, на их плечи легла основная сводно-экономическая работа, подготовка итоговых материалов – текстов и таблиц. Всех сегодня и не упомяну, но среди них были Н.И. Комков, А.Е. Варшавский, А.А. Бесчинский, Б.Г. Салтыков, Л.Э. Миндели, В.К. Фальцман, О.Б. Брагинский, В.М. Иоффе, И.Е. Кричевский, Е.П. Щукин, М.Я. Лемешев, Е.А. Хруцкий, В.А. Волконский, Ю.А. Левада, А.Е. Мелков, Н.С. Соловьев, Ю.П. Соловьев, Р.А. Галецкая, Б.Д. Бреев, Г.Л. Шагалов и др. 25 лет тому назад это была “молодежь ЦЭМИ”, набиравшая в ходе работы над КП НТП большой и незаменимый опыт; сегодня многие из них солидные “ученые мужи”. Горько говорить об этом, но не все из этого списка живы сейчас. Пользуюсь случаем, чтобы тем из названных коллег, кто сейчас читает эти страницы, еще раз выразить глубокую благодарность за их подвижнический труд, и еще раз от все души помянуть так рано ушедших от нас.

Учитывая значительный объем работы, времени, отведенного на нее, было мало. В августе 1972 г. был утвержден Перечень важнейших народнохозяйственных проблем и научно-технических прогнозов, основные требования к этим прогнозам и методические принципы их составления, а уже в октябре мы были должны представить первую редакцию материалов. В сентябре был подготовлен конспект Комплексной программы, в основу которого были положены материалы, подготовленные временными научно-техническими комиссиями, а к ноябрю был готов предварительный вариант КП НТП. Когда этот вариант был рассмотрен, стало ясно, что необходимо провести дополнительные расчеты и технико-экономические обоснования, утрясти содержание некоторых разделов, более гармонично увязать их друг с другом и сформулировать более четко выводы.

На этом особенно настаивал М.В. Келдыш, внимательно следивший за нашей работой, требовавший максимальной точности и конкретности и неоднократно повторявший: “Нужно дело и еще раз дело, и никаких лозунгов!”. К новогодним праздникам стало окончательно ясно, что с учетом времени, необходимого на доработку и рецензирование, мы сможем закончить работу не раньше середины марта наступающего 1973 г.

Сроки мы выдержали, но это стоило большого напряжения. Члены сводной комиссии фактически пару месяцев даже находились на “казарменном положении”. Правда, наша “казарма” располагалась в уютнейшем месте, где, кстати, сегодня я, вспоминая былое, и диктую эти строчки, причем диктую именно в той комнате (№ 37), где все тогда и происходило. Та же комната, где я тогда жил и где был “штаб” нашей бригады, те же стены, та же мебель, тот же “президентский” номер наискосок по коридору, где останавливался М.В. Келдыш, заезжавший к нам ненадолго по выходным подышать свежим воздухом и посмотреть, как идет наша работа, те же картины на стенах, те же деревья за окном и даже птицы поют теми же голосами, что и четверть века тому назад. Правда, не было тогда колокольного звона, который слышен от находящейся неподалеку недавно восстановленной красавицы церкви Иконы Казанской Божьей матери.

Наверное здесь, в “Узком”, а рассказ я веду именно о нем, так же звонили колокола и так же пели птицы и три века тому назад, когда боярин Стрешнев возводил первые постройки. С тех пор здесь один за другим сменилась череда хозяев – князя Голицыны, Толстые, Трубецкие, да и нынешний храм – третий по счету. Сначала был небольшой деревянный, а сегодня – каменный красавец в стиле “нарышкинского барокко” с элементами украинской архитектуры. Наверное, из-за этого он мне особенно нравится...

С “Узким” связано множество известных имен, в том числе и Наполеона Бонапарта, который, как гласит легенда, с высокой колокольни упомянутой церкви якобы наблюдал за отступлением из Москвы своей армии, возвращавшейся на Запад по проходящей вблизи Старой Калужской дороге. Но истинную славу “Узкому” составила русская интеллигенция, начиная с последних хозяев имения – братьев Трубецких, один из которых был ректором Московского университета, другой – ученым и писателем, а третий (Паоло) – знаменитым скульптором. Интеллигенция, в основном ученые, продолжала “хозяйничать” здесь и после Октябрьской революции, когда тут был организован санаторий. Об этих временах интересно пишет часто бывавший в “Узком” Н.Д. Телешов в “Записках писателя”. В те времена “Узкое” притягивало к себе цвет московской культуры. Вместе с учеными здесь отдыхали многие известные композиторы, артисты и певцы, художники и писатели, актеры Малого, Художественного и других театров. Если же прибавить сюда практически полный список действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук, отдохавших здесь в разные годы, то “Узкое”, без сомнения, можно было бы назвать одним из главных научно-культурных центров мирового масштаба.

Многие славные традиции “Узкого” свято соблюдаются до сих пор, в частности, как и прежде, здесь высокопрофессиональный, заботливый и внимательный персонал. Однако поддерживать традиции и обстановку становится все труднее. Не хватает денег на ремонт, все ближе и ближе к “Узкому” подступает город с его шумом, запахами и своими “представителями”. В хорошую погоду тенистые аллеи, цветники



Вручение М.В. Келдышу диплома Почетного доктора  
(справа академики Н.П. Федоренко, Б.Н. Петров и В.А. Котельников)

и берега живописных прудов заполняются не всегда трезвой и не всегда выражающейся академическим языком молодежью, лавочки в парке занимают полуголые влюбленные, так что пожилому академику негде присесть и передохнуть во время прогулки...

25 лет назад в “Узком” еще было тихо и спокойно: и работать, и отдыхать можно было без помех. Поэтому я и решил “авральный” этап работы над КП НТП провести именно здесь. По моей просьбе президент Академии М.В. Келдыш распорядился создать там для нас рабочую обстановку и хорошие бытовые условия. Временами мы работали почти круглые сутки с короткими перерывами на еду и сон. Последнее

заседание сводной комиссии 31 декабря 1972 г. продолжалось почти до звона кремлевских курантов.

12 апреля 1973 г. сводный том КП НТП обсуждался на совместном заседании президиума АН СССР и коллегии ГКНТ с участием президентов всех других академий. Еще через неделю, предоставленную нам для доработки с учетом высказанных замечаний, Программа была представлена руководству партии и правительства, и мы с естественным волнением стали ждать обсуждения, которое должно было произойти в кабинете А.Н. Косыгина.

Говоря словами Н.С. Лескова, “так в тогдaшнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала”. И здесь, по-видимому, нельзя не вспомнить с благодарностью руководителей и коллектив производственного комбината ВИНТИ, на долю которого выпала трудная работа по оперативному выпуску неоднократно переделывавшихся томов КП НТП, которые к тому же выходили под грифом “совершенно секретно”, что создавало большие сложности для издания и рассылки информационных и научных материалов.

29 мая обсуждение Комплексной программы состоялось, и оказалось, что в каком-то смысле волновались мы не зря. Поначалу все шло нормально. Заседание вел сам Алексей Николаевич, в зале находились председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, некоторые министры и их заместители. Основной доклад по итогам исследования делал руководитель всей разработки В.А. Котельников. После него вдруг встал заместитель Байбакова А.А. Горигляд и по бумажке стал зачитывать замечания, сводившиеся к тому, что КП НТП – это якобы прикидочный прогноз, что за ним не стоит никаких расчетов и т.п. В заключение он сделал вывод, что эту Программу нельзя ни одобрить, ни принять.

Меня это выступление очень задело, поскольку в нем без веских аргументов перечеркивались серьезные результаты напряженного труда сотен ученых, да и мне лично, как одному из руководителей проекта, стало просто обидно. Я попросил А.Н. Косыгина дать мне слово и сказал, что, судя по выступлению, А.А. Горигляд этой программы в глаза не видел, а зачитал нам записку, подготовленную его помощниками, которые тоже дальше оглавления не заглянули, чем и подвели своего начальника. Сев на место, я получил записку от академика А.П. Александрова, где он предсказывал мне, что Горигляд вскоре проглотит меня вместе с моими японскими запонками. Я, действительно, в тот день приоделся, нацепив в первый раз новые запонки, которые незадолго до этого привез из Японии и привез, по-видимому не зря, если Александров сразу обратил на них внимание. Но Анатолий Петрович ошибся, и меня никто не съел, хотя запальчивые речи в кабинетах такого высокого начальства в те времена многим выходили боком. Не знаю уж, сыграла ли тут роль моя выходка, но буквально через три дня А.А. Горигляд ушел на пенсию.

Возвращаясь к тому заседанию, замечу, что в целом обсуждение прошло спокойно и носило деловой характер. Нам рекомендовали доработать саму Программу, а также на основе ее материалов подгото-

вить краткий доклад, что и было впоследствии сделано в спокойной обстановке. В ноябре 1973 г. уточненный вариант КП НТП и краткий доклад были направлены правительству.

В начале 1974 г. Госплан СССР принял специальное постановление о том, чтобы учесть данные КП НТП при составлении плановых документов на предстоящую десятую пятилетку, для чего члены наших временных научно-технических комиссий должны были принять участие в работе соответствующих отделов Госплана. Но, к сожалению, эта работа, едва начавшись, постепенно захирела, и в полной мере рекомендации КП НТП Госпланом так и не были учтены.

Отмечу, что работа над КП НТП впоследствии была продолжена, но создание следующих ее “модификаций” из сопровождавшегося энтузиазмом поиска неизведанного превратилось в постепенно угасающее занятие, к которому заметно снизился интерес и со стороны руководства страны, и со стороны ученых. Вместе с тем тот наш труд не пропал даром. Определенные разработки в области теории и методологии прогнозирования, изложенные в социально-экономическом разделе КП НТП, до сих пор используются в различных областях экономических исследований. Очень важным итогом работы над Программой мне представляется и то, что она позволила сделать значительный шаг в осознании объективной необходимости перестройки существовавшей тогда хозяйственной системы, в определении ее основных направлений.

Прецеденты разработки подобных программ имеются и сегодня. В качестве примера можно привести проект развития НТП в США под названием “Устойчивая Америка”, а также подготовленный Минэкономики РФ по американскому образцу и представленный в декабре 1997 г. правительству документ “Государственная стратегия устойчивого развития Российской Федерации”. Как отметил при его обсуждении председатель Госкомэкологии В. Данилов-Данильян (бывший сотрудник ЦЭМИ), этот документ – фактически полный аналог первого (сводного) тома КП НТП и отличается только меньшим количеством прогнозных расчетов. Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, с удовлетворением отмечу, что добротная научная работа, особенно в области теории и методологии, способна приносить плоды и через 25 лет, и более того. И, во-вторых, такого рода работы следует продолжать; правда, сегодня, на мой взгляд, большее внимание следует уделять не прогнозной части, а вопросам стимулирования технического прогресса в новых рыночных условиях, скажем, за счет изменений тарифной, налоговой и кредитной политики.

Говоря о КП НТП, нельзя не вспомнить добрым словом того, кто сделал неоценимый теоретико-методологический вклад в ее разработку. Я имею в виду очень талантливую и уважаемого коллегами ученого-экономиста А.И. Анчишкина, стремительно развивавшаяся научная карьера которого сулила ему большие перспективы, но, к сожалению, из-за болезни и скоростижной смерти оборвалась на самом взлете.

В свое время, следуя своим описанным выше кадровым принципам, я пригласил А.И. Анчишкина на работу в ЦЭМИ из НИЭИ Госплана и назначил его заведовать отделом прогнозирования научно-

технического прогресса, созданного специально под разработку КП НТП. Не скрою, что это было одним из ценнейших кадровых приобретений для ЦЭМИ, а моя слава “Ивана Калиты” еще более укрепилась. Этот отдел, в котором, как я уже говорил, работали и такие талантливые люди, как Ю.В. Яременко и В.Б. Фальцман, которых я тоже пригласил из НИЭИ, стал не просто рядовым подразделением Института, в нем были заложены основы прогностической школы ЦЭМИ. Кстати, по этому поводу у меня как-то состоялся памятный разговор с директором НИЭИ А.Н. Ефимовым. “Николай Прокофьевич, я понимаю, почему самые мои способные ребята уходят к тебе, – сказал он. – Они, как балерина Павлова, предпочитают Большой театр областному пермскому”. Шутка шуткой, но, признаюсь, что ефимовское сравнение ЦЭМИ с Большим театром было для меня весьма лестным.

Впоследствии на базе упомянутого отдела был создан институт, занимавшийся экономическими проблемами научно-технического прогресса. Первым его директором стал Александр Иванович Анчишкин. Потом на этом посту его сменил Юрий Васильевич Яременко, при котором институт был переименован (на мой взгляд, обоснованно), и теперь он называется Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Пиком служебной карьеры А.И. Анчишкина стала должность начальника Сводного отдела и члена коллегии Госплана СССР. Там он проработал недолго, но кое-что важное сделать успел. Работа в Госплане, к несчастью, “аукнулась” ему двумя инфарктами подряд, после которых он ушел на более спокойное место – в университет.

К глубочайшему сожалению, недавно и безвременно ушел из жизни и Ю.В. Яременко – талантливый ученый, сформулировавший в своих работах исходные принципы теории функционирования многоуровневой экономики, основанной на качественных характеристиках используемых ресурсов и своеобразной структуре общественных институтов. В дальнейшем Ю.В. Яременко развивал эти идеи, базировал на них предложения по формированию структурной политики, сформировал целостную и не традиционную для экономической науки систему понятий и образов, с помощью которых анализировал происходящие процессы, в том числе понятия экономических приоритетов, технологического равновесия и технологических разрывов.

Главное и принципиальное изменение в исследовательских приоритетах Института народнохозяйственного прогнозирования во второй половине 80-х годов заключалось в переходе к прогнозам масштабных перемен в формах социально-экономического развития страны – от прогноза ресурсного обеспечения, эффективности использования потенциала, оценки целевых ориентиров к прогнозу институциональных перемен, нового образа экономической и социальной жизни страны.

Переход к рыночной экономике, распад СССР потребовали серьезной перестройки исследовательских направлений в институте, поскольку фундамент расчетов по прогнозированию нужно было созда-



Академики Ю.В. Яременко и А.И. Анчишкин (справа)

вать заново. Значительное место заняли аналитические исследования экономического кризиса и выработка мер и рекомендаций по стабилизации положения в экономике. Сегодня под руководством нового директора В.В. Ивантера институтом активно проводятся исследования по крупным отраслям и межотраслевым комплексам, а также развивается новое направление – прогнозирование экономического развития стран СНГ.

## ПРИРОДА ГЛАЗАМИ ЭКОНОМИСТА

Важное место среди проблем, исследовавшихся в рамках программы СОФЭ, занимали вопросы природопользования. Поскольку все, что было связано с землей-матушкой, волновало и занимало меня еще с тех времен, когда я с отцом и матерью поливал ее своим потом, к этой тематике у меня всегда было особое отношение, и я не жалел сил и времени на разного рода выступления и полемику – в печати, на различных конференциях, в записках правительству и т.п., в которые вложил не только знания ученого-экономиста, но и сердечную боль крестьянского сына.

## СОХРАНЕНИЕ ПРИРОДЫ: НЕ ПАССИВНАЯ ЗАЩИТА, А АКТИВНАЯ БОРЬБА!

Вернусь в своих воспоминаниях к тому времени, когда я впервые в своих исследованиях самым серьезным образом столкнулся с проблемами экологии. Вопросы защиты окружающей среды и населения от вредных выбросов промышленных объектов самым естественным образом встали передо мной, когда я занимался химизацией народного хозяйства. В “блаженные” прежние времена достаточно было вписать в проект или технико-экономическое обоснование, предшествующее проектированию предприятия, стандартные (хотя и примитивные) очистные сооружения и уверенно ожидать утверждения проектных документов. Но наращивание мощностей новых заводов, усложнение технологий промышленного производства новой продукции многократно усиливали “давление” на природу, особенно в местах сосредоточения многих подобных предприятий.

Так называемое фоновое загрязнение, т.е. то, которое уже имелось до размещения в этом регионе нового химического завода, заметно усугубляло последствия внесения новых вредных выбросов. Появились целые регионы, в которых при благоприятных в остальных отношениях экономических показателях новый химический комбинат не мог быть размещен по чисто экологическим соображениям. Накопившиеся здесь источники загрязнения ставили запретительный барьер перед любым новым вкладчиком в этот “фон”. А в относительно благополучных незагрязненных районах намного сложнее было с обеспечением рабочей силой, перевозкой сырья, готовой продукции и другими составляющими производственной инфраструктуры.

Во всех местах предполагаемого размещения новых производств, включающих химические процессы (в том числе нефтехимии, металлургии, целлюлозно-бумажного производства и т.п.), в состав проектируемых расходов пришлось включать затраты на сооружение и эксплуатацию очистных сооружений, позволяющих не выходить за нормативы предельно допустимых вредных выбросов в любой выбираемой точке строительства.

Ставший весьма популярным в 60–70-е годы лозунг об освоении безотходных технологий на несколько десятилетий опередил реальные возможности техники. Химикам хорошо известно, что даже в идеальных лабораторных условиях, когда ставятся так называемые балансовые опыты (в них сравнивают количество израсходованного вещества и количество полученного продукта), общий выход неизбежно меньше расхода. Разница списывается на потери. Это и есть та доля вещества, которая не превратилась в целевые продукты, а, как правило, представляет собою сложную смесь результатов побочных реакций, в том числе и вредных соединений.

В промышленных условиях доля потерь гораздо больше, чем в лаборатории, и содержание их намного сложнее. Поэтому очищать, улавливать и нейтрализовать отходы приходится с помощью не одного, а нескольких технологических приемов, т.е. на нескольких технологиче-

ских установках. И масштабы нужно для этого оборудования сопоставимы с теми, что используются в основном производстве. Ведь если на нефтехимическом комбинате получают 300–500 тыс. в год синтетического каучука, а на нефтеперерабатывающем заводе один блок первичной переработки пропускает в год 6 млн сырой нефти, то даже 1% отходов (а это близко к идеальным результатам) составит десятки тысяч тонн. Если разлить отходы такой нефтеперерабатывающей установки в 60-тонные цистерны, то они образуют 20 железнодорожных составов по 50 вагонов в каждом.

Очистное хозяйство превращается в самостоятельный завод в составе химического комбината. Немудрено, что на некоторых заводах со сложной химической технологией затраты на защиту окружающей среды и населения достигают половины того, что надобно потратить на создание основного производства. Завод дорожает в 1,5 раза.

Вначале экологические проблемы представлялись мне досадными, но легкопреодолимыми за счет небольшого добавления затрат. С годами доля и общая сумма этих расходов раздражающе нарастали. Делалось ясно, что возникла самостоятельная, очень серьезная экономическая проблема, требующая глубокого изучения. Пришло понимание того, что только пассивными мерами, т.е. ликвидацией и обезвреживанием отходов, дело не решится. Если общее количество отходов росло пропорционально росту объемов производства, то с составом было сложнее.

Химики, таким образом, создали своего отрицательного героя – вредные отходы. До определенного времени его поведением можно было управлять, затрачивая для этого все возрастающие средства. Но “герой” вел себя все более и более нагло, что вполне отвечало его характеру. И уже не химики, а их детище – отходы – стали предъявлять свои требования к породившей их химической промышленности. Для усмирения взбунтовавшегося дитяти понадобились иные меры – активные действия, заключавшиеся прежде всего в замене прежних технологий новыми, малоотходными, либо в более комплексной переработке сырья. Реальным механизмом воздействия на промышленную сферу, где возникла эта коллизия, могли стать только меры *экономического* давления, поскольку явственно было видно, что чисто административное вмешательство нужных результатов не давало. Запреты на сверхнормативные выбросы регулярно нарушались, требования о строительстве и напряженной работе очистных устройств выполнялись плохо, так как вели к росту затрат. При твердых отпускных ценах на химическую продукцию, неизменных в течение 10–15 лет, это становилось губительным для хозяйственного расчета предприятий.

Так, двигаясь от частного к общему – от конкретных проблем борьбы с отходами химического производства к общим проблемам влияния производственной деятельности человека на природу, я стал более глубоко вникать в проблемы *экологии*, начиная с постановок “крестного отца” этой науки и автора термина “экологии” Эрнста Гаккеля – известного немецкого биолога XIX в., а также разделявшего его взгляды К.А. Тимирязева. В их дефинициях меня прежде всего привлекло то, что они оба закладывали в основу процессов приспособления

организмов к условиям существования и природопользования (если говорить о человеке) принцип пользы, т.е. принцип *экономический*.

“Втягиваясь” в эту тематику, я “перелопатил” кучу литературы, начиная с книги американского географа середины XIX в. Дж. Перкинса Марша “Человек и природа, или влияние человека на изменение физико-географических условий природы”, трудов одного из основателей общей экологии А. Леопольда и великого русского натуралиста В.И. Вернадского и кончая книгой Р. Карсона “Безмолвная весна”, произведшей в начале 60-х годов во всем мире эффект разорвавшейся бомбы, в результате чего Д. Кеннеди и все последовавшие за ним американские президенты сделали охрану окружающей среды одним из важнейших принципов государственной политики США.

Изучение этой литературы привело меня от понимания экологических ограничений первого уровня, с которыми я уже был знаком и которые связаны с локальными воздействиями промышленных предприятий на ресурсы и среду, к осознанию реальной опасности полного разрушения крупных экологических систем и глобального воздействия хозяйства человечества на биосферу Земли в целом, которые называют ограничениями, соответственно, второго и третьего уровней. Меня поразили данные о скорости и масштабах антропогенного разрушения поверхностных слоев литосферы и, в частности, о том, что за последние 100 лет биомасса растений и животных на суше уменьшилась на 7%, а продуктивность живого покрова Земли снизилась на 20%; о том, что под угрозой исчезновения сегодня находится 25 000 видов растений, а темпы исчезновения видов животных в наше время в 1000 раз выше, чем в эпоху динозавров; о том, что уже 10% суши полностью потеряли свою биологическую продуктивность и из 3,2 млрд га пахотной земли половина настолько истощена, что ее обрабатывать экономически нерентабельно; о том, что площадь пригодных для обработки земель за последние 100 лет уменьшилась в 2 раза, тогда как площадь земель, частично или полностью утративших плодородие, – увеличилась в 4. Глубокую тревогу вызвали данные о нарастании глобального парникового эффекта и разрушения защитного озонового слоя.

В то же время я никак не мог принять доводы развернувшейся в 70-е годы пропаганды нулевого экономического роста, которая была как бы реакцией на пессимистические прогнозы “Римского клуба” (Форрестер, Медоус и другие) и призывала к прекращению расширенного экономического развития. Мне было ясно, что вульгарное понимание нулевого экономического роста привело бы и к застою научно-технического прогресса, и к культурной деградации. Вместе с тем верная идея, заключавшаяся в том, что человечество должно свести к минимуму свое воздействие на природную среду не сокращая, а расширяя производство, а также познание общих и частных экологических лимитов развития человечества требовали серьезного обоснования в процессе дальнейшего развития эколого-экономической теории, чем я в конце концов и увлекся.

## ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ – “ПЯТАЯ” СФЕРА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Первое, что мне было ясно с самого начала, это то, что гуманистическими призывами, отчаянными акциями “Гринписа” и даже правовыми инструментами проблема решена быть не может. На охрану природы нужно было взглянуть трезвыми глазами экономиста, т.е. исследовать вопрос в терминах этой науки. Следовало в этой сфере выявить *экономические интересы*, задействование и правильная ориентация которых может помочь решить в общем-то почти любую человеческую проблему.

Первый шаг был прост. Он заключался в признании воспроизводства природных ресурсов “пятой” сферой материального производства – в дополнение к четырем “марксовым”: добывающая промышленность, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и транспорт. Человек всегда “по мелочи” занимался восстановлением природы, в том числе подсаживал лес, очищал источники воды, однако масштабы этой деятельности были невелики. В 70-е годы заканчивающегося века рост затрат на охрану среды и воспроизводство природных ресурсов приобрел взрывной характер, и сами эти затраты стали сопоставимы с затратами на производство. Так, в 1978 г. в частном секторе США 7% всех капитальных вложений были направлены на защиту воздуха и вод от загрязнений. В Японии в 1975 г. промышленные инвестиции частных компаний на защиту среды достигли 20%, на Западе повсеместно возникла совершенно новая область бизнеса: в 80-е годы в США на производство оборудования для борьбы с загрязнениями тратилось более 15 млрд долл. ежегодно. В Советском Союзе абсолютные цифры и темпы роста затрат в этой области были поскромнее, но общая тенденция была та же.

В общих чертах была ясна и главная задача нового научного направления – “экологии”, которую, коротко говоря, можно определить как анализ эколого-экономической эффективности использования и рационального перераспределения получаемых естественных ресурсов. Нужно было добиться того, чтобы экологические приоритеты принимались с учетом их экономической реальности.

Но экономический анализ не может ограничиваться констатацией затрат. Без соизмерения с результатами он не имеет никакого смысла, а для такого соизмерения нужно было ответить на главный, ключевой вопрос экономики – “что почем”, т.е. дать экономическую (денежную) оценку природным ресурсам, определить, сколько стоит гектар земли, кубометр воды и проч. И почему бы этого не сделать, если мы знаем, сколько стоит машина, тонна металлоконструкций, мешок цемента? Без этой оценки было невозможно экономическое обоснование вложений в воспроизводство, охрану и улучшение использования природных богатств и выбора наиболее выгодных, с народнохозяйственных позиций, способов их утилизации. Эти оценки должны были применяться при определении экономической эффективности работы отраслей и предприятий по использованию, охране и воспроизводству природных

ресурсов, обосновании нормативов извлеченных полезных ископаемых при их добыче и переработке, нормативов утилизации лесных и водных ресурсов, отводов сельскохозяйственных и лесных угодий для строительных нужд и, наконец, для разработки нормативов экономического стимулирования предприятий и организаций за улучшение использования природных ресурсов и санкций за нарушение требований рационального природопользования.

Следует оговориться, что, конечно, нельзя подходить с чисто экономической меркой ко всем мероприятиям по охране и воспроизводству природных благ. Например, имеются виды антропогенного воздействия на природу, к которым пока просто не ясно, как “подступиться” с расчетами. Скажем, как оценить уже сегодня заметное влияние линий электропередач на магнитное поле Земли?

В ряде ситуаций сохранение или улучшение природного блага должны рассматриваться как социальный норматив, а не подвергаться обсуждению с позиций экономической выгоды. Если речь идет о ликвидации загрязнений, опасных для здоровья людей, или о сохранении уникальных природных комплексов, то роль экономиста в решении этих проблем относительно скромна: он не должен решать вопрос – выгодна или невыгодна данная природоохранная мера; он должен подсказать, как ее осуществить с минимальными затратами. Для этого вовсе не требуется знать, какова ценность в рублях и копейках, скажем, подлежащих охране редких видов животных. Не нужна, следовательно, и экономическая оценка этих природных объектов, которые нельзя назвать “ресурсами”. Но это – лишь исключение из правила. Правило же состоит в необходимости создания системы экономической оценки всех природных ресурсов.

Впрочем, какое-то время это правило подвергалось сомнению. Те, кто считали, что природные ресурсы нельзя признавать элементом национального богатства и объясняли эту позицию тем, что эти ресурсы не созданы трудом человека, задавали нам “каверзные” вопросы, например: “Сколько стоит Гольфстрим или почему сегодня Байкал?” Меня эти вопросы не смущали и не смущают, и ответы на них у меня есть. Так, на мой взгляд, сегодня *пока* не настало время давать денежную оценку Гольфстриму. Но если когда-нибудь человечество получит в свои руки возможность и решит повернуть воды этого течения, скажем к берегам Гренландии, то для определения эффективности строительства дамбы экономической ценности Гольфстрима не избежать.

Об истории борьбы со сторонниками развития лесоразработок, горнорудной промышленности и целлюлозно-бумажного производства на берегах Байкала и вспоминать не хочется. У многих на памяти широчайшая дискуссия по этой проблеме, развернувшаяся в средствах массовой информации и даже на киноэкранах (вспомните фильм Сергея Герасимова “У озера”). Вместо того, чтобы наложить строгое табу на малейшие покушения на уникальное хранилище, содержащее 1/5 запасов всей поверхностной пресной воды планеты Земля и 80% пресной воды СССР, правительство пошло на поводу у людей, руководствовавшихся элементарными и сиюминутными экономическими интересами. Действительно, строительство ЦБК на берегу Байкала с точки ограни-

ченных интересов самого этого ЦБК было крайне выгодно: вот тебе уйма леса, вот тебе уйма чистой воды. Целлюлоза, конечно, получалась дешевая, но вот уникальная природа...

Я принципиально, демонстративно и наотрез отказался участвовать в работе научно-правительственной комиссии по строительству ЦБК, считая для себя этот вопрос навсегда решенным. С неприятным чувством вспоминаю неприличное, на мой взгляд, представление, устроенное неким академиком, прилюдно на расширенном заседании коллегии ГНТК выпившим из вынудой из кармана колбы воду, якобы набранную в Байкале неподалеку от того самого ЦБК. И что же? От одного стакана тогда еще чистой байкальской (если она была байкальской!) воды академику ничего не сделалось, но сегодня воду в Байкале начинают мутнеть (раньше их прозрачность достигала сорока метров), их химический состав меняется, насыщенность кислородом сокращается, число видов растений и животных, из которых 3/4 уникальны, сокращается, в том числе исчезают омуль, хариус, голомянка и нерпа. И это в то время, когда водопроводную воду в российских городах уже без риска для здоровья пить нельзя, когда богатые люди для питья стали покупать в магазинах чистую воду (зачастую завезенную из французских и швейцарских Альп) по доллару за бутылку!

Вы спросите, причем здесь экономическая оценка? Отвечу. Если представить гипотетически, что можно было бы разлить воду, которую хранит Байкал (23 тыс. куб. км), по бутылкам и продать их (для простоты расчета, по тому же доллару за штуку), то можно бы было выручить за них столько денег, сколько хватило бы на строительство многих миллионов целлюлозно-бумажных заводов. Думаю, что если бы 30 лет назад для безответственных радетелей загрязнения Байкала существовала угроза выплатить из своего кармана такую сумму в возмещение ущерба, то они задумались бы над своей аргументацией. К сожалению, у этих людей находятся последователи и сегодня. Я имею в виду активистов строительства Катуньской ГЭС в уникальном по природным богатствам и климатическим условиям, одном из красивейших мест на земном шаре – Горном Алтае с его истинной жемчужиной – Телецким озером.

Но в то время Советский Союз был единственной страной в мире, где природные ресурсы расходовались бесплатно или по символической цене, где национальное богатство исчислялось со стыдливой госкомстатовской оговоркой: "...без стоимости земель, лесов и водных ресурсов". Мало того, бесплатность природных ресурсов утверждалась как незыблемый закон социализма. Эта "незыблемость" была следствием вполне реального экономического интереса административной системы. Понадобилось примерно два десятилетия острой идейной борьбы, чтобы преодолеть предубеждение против правомерности самой постановки вопроса об экономической оценке природных ресурсов. Лишь в 1972 г. было принято Постановление ЦК и Совета Министров СССР "Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов", и ученые получили задание разработать методику и приступить к практическому осуществлению ресурсно-оценочных работ. Могу с гордостью отметить, что этот перелом произо-

шел во многом благодаря усилиям ЦЭМИ, который с первого дня своего образования последовательно выступал в защиту природы. Именно в ЦЭМИ начались первые работы по экономической оценке природных ресурсов в рамках теории СОФЭ, здесь последовательно отстаивалась идея об экономической оценке всех без исключения ресурсов, как неотъемлемой части и условия разработки оптимального плана, восходящая, с математической точки зрения, к положению линейного программирования (вообще – оптимального программирования) о том, что все факторы, участвующие в производстве, должны оцениваться по их вкладу в приращение критерия оптимальности экономической системы, рассматриваемой в данной задаче.

## ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ – ЕДИНАЯ МЕТАСИСТЕМА

Для исследования проблем природопользования мне удалось собрать со всех концов Советского Союза ученых всех возрастов и ученых степеней – сторонников стоимостного подхода к природным ресурсам и к экономическому решению экологической проблемы. Организационно это направление оформилось в рамках ЦЭМИ, где сначала была создана лаборатория под руководством профессора М.Я. Лемешева, расширившаяся до специализированного отдела института, включавшего несколько лабораторий. Отмечу, что это было тогда первым и единственным в стране подразделением такого рода.

К Михаилу Яковлевичу я присматривался давно. В то время это был молодой, инициативный, энергичный, мыслящий доктор экономических наук. Он обстоятельно изучил производственные взаимоотношения сельского хозяйства с энергетикой, машиностроением, химической промышленностью, строительством и впервые в стране высказал мысль о необходимости формирования народнохозяйственного агропромышленного комплекса как единого объекта планирования и управления. Эти его разработки были позже опубликованы в монографии “Межотраслевые связи сельского хозяйства” (Экономика, 1967).

Для рационального функционирования АПК М.Я. Лемешев предложил при его планировании использовать модель межотраслевого баланса, а для реализации плановых пропорций – рыночный механизм в форме договорных отношений вместо применявшихся тогда директивных плановых заданий по размерам посевных площадей, поголовью скота и другим натуральным показателям. Это предложение вызвало не просто критику, а, я бы сказал, оголтелую обструкцию со стороны работников плановых органов, партийных функционеров и ортодоксальных “аграрников–марксистов”.

Я разделял научные позиции М.Я. Лемешева и защищал их (и его самого) как мог и в Госплане, и на научных конференциях. Наконец, в 1968 г. я предложил ему перейти на работу в ЦЭМИ. В то время у меня уже созрела убежденность в необходимости создания в институте специального подразделения по исследованию проблем охраны окру-



На заседании Ученого совета ЦЭМИ  
(слева направо: В.Л. Перламутров, Ю.В. Овсиенко, М.Я. Лемешев)

жающей среды, и я решил, что именно М.Я. Лемешев должен его возглавить. Скажу, почему именно он.

Мое внимание М.Я. Лемешев привлек еще в то время, когда я занимался проблемами химизации. Тогда все агрохимики и специалисты Минсельхоза выступали с одним требованием: как можно больше средств на химизацию аграрной сферы. Лемешев же отстаивал нетривиальную точку зрения: потребление удобрений и средств защиты растений должно быть не максимальным, а оптимальным, т.е. эффективным экономически. И, что для того времени было уже совсем необычным, он обращал внимание на необходимость изучения возможных отрицательных последствий химизации для природной среды и здоровья людей. Так вопрос не ставился тогда даже на Западе, который по масштабам химизации сельского хозяйства намного опережал нашу страну.

К сожалению, я несколько запоздал со своим приглашением, поскольку к тому моменту Михаил Яковлевич уже дал согласие перейти на работу в Сибирское отделение Академии наук, где написал две монографии: “Системный подход в экономических исследованиях” (Наука, 1971) и “Комплексные программы в планировании народного хозяйства” (Экономика, 1972), в которых, в частности, обосновал необходимость формирования специализированного природоохранного комплекса как единого объекта планирования и управления. Подобные работы велись и в ЦЭМИ. Надо было объединить усилия ученых, и в 1972 г. М.Я. Лемешев, наконец, пришел в ЦЭМИ.

Вспоминаю, с какой страстью он отдавался полюбившемуся ему делу охраны природы, а значит, и благополучию экономики и здоровья населения. К этому времени уже многие в СССР стали заниматься проблемами экологии. Но в ЦЭМИ был особый подход. В институте исходили из того, что экономика и экология – это неразрывная единая *метасистема*, требующая многоотраслевого, многоаспектного рассмотрения и изучения. В этих целях под руководством М.Я. Лемешева в ЦЭМИ был учрежден постоянно действующий семинар “Экономика и экология: их взаимосвязь и зависимость”. Красочные афиши с годовым планом докладов на семинаре печатались и распространялись Всесоюзным обществом “Знание”. Семинар проводился ежемесячно. В его работе участвовало не менее 100–150 специалистов. Это были экономисты и юристы, биологи и математики, климатологи и медики, почвоведы и лесоводы и многие другие работники плановых, хозяйственных и научных учреждений. Многие люди до сих пор вспоминают об этой поистине уникальной научно-просветительской работе. Семинар непрерывно действовал 15 лет – с 1972 по 1986 г. Наряду с этим проводились ежегодные выездные школы–семинары с той же тематикой. Такие школы прошли во всех республиках Советского Союза.

Особое значение в ЦЭМИ придавалось подготовке молодых научных кадров в области оптимизации природопользования. Для этого научного направления мною выделялись самые большие квоты на прием аспирантов. За 15 лет только профессором Лемешевым было подготовлено 68 кандидатов и 12 докторов наук. Значительное число молодых ученых подготовили профессора К.Г. Гофман и Н.Ф. Реймерс. Таким образом, была создана крупная эколого-экономическая школа, представители которой работали во всех республиках СССР и по всей Восточной Европе.

После ухода из института Михаила Яковлевича отдел возглавил профессор К.Г. Гофман, ранее заведовавший одной из лабораторий. Ему удалось успешно направить коллектив на глубокое, принципиальное разрешение многих трудностей, возникших при обосновании новых для нашей экономической науки, да и для мировой экономики, подходов к качественным и количественным оценкам в этой области. К глубочайшему сожалению, Константин Георгиевич безвременно ушел из жизни в 1994 г. в расцвете своего истинно творческого таланта. В настоящее время этим научным направлением руководит профессор А.А. Гусев.

В 1970 г. институт начал работы по экономической оценке земли, а несколько позднее – по экономической оценке природных ресурсов (ЭОПР). Мне довелось возглавить работу по созданию соответствующей методологии. В частности, были выполнены методические разработки по экономической оценке вод, лесов, рекреационных угодий, по экономической оценке ущерба, наносимого загрязнениями окружающей среде и здоровью населения, по оценке экономической эффективности природоохранных затрат, по оценке экономической эффективности использования средств космической техники для изучения природных ресурсов Земли, по обоснованию размеров платы за загрязнение окружающей среды. Это послужило развитию природоохранного

планирования в стране, что выразилось, в частности, в том, что в союзном, республиканских и местных бюджетах начали планироваться отдельной строкой затраты на охрану окружающей среды. В 1987 г. их сумма достигла 1,2% от объема внутреннего валового продукта страны. В то время этот показатель был вдвое ниже, чем в США, Германии и Японии, но это был несомненный успех в области охраны природы и здоровья людей.

Экономисты-экологи ЦЭМИ выдвинули ряд принципиальных предложений, ранее не допускавшихся к обсуждению, например, о перенесении основной доли рентных платежей и их повышении в пользу Госбюджета, в сферу первичного освоения природных богатств при уменьшении их изъятия на последующих стадиях переработки, т.е. о сокращении налогов на этих стадиях. Были также разработаны методики расчета штрафов за нарушение экологических нормативов. На этой основе были проведены расчеты по созданию денежных фондов с целевым использованием, прежде всего на защитные экологические мероприятия, т.е. на нейтрализацию вырабатываемых вредных продуктов. Предлагалось более существенные выплаты из таких фондов производить тем предприятиям, которые переходят на новые технологии с минимальным созданием вредных веществ.

## В РУБЛЯХ ИЛИ В БАЛЛАХ?

От этих и других предложений по коридорам экономической науки потянуло “рыночным запахом”, и вокруг экономики экологической деятельности и природопользования в Отделении экономики Академии наук разгорелись принципиальные споры. Главным оппонентом ЦЭМИ тогда был Институт экономики АН СССР, где это направление исследований возглавляла Е.С. Карнаухова. В двух словах сущность разногласий сводилась к следующему: Институт экономики предлагал оценивать качество земли и других природных факторов в отвлеченных единицах (баллах), основываясь на их биогеохимических характеристиках, ЦЭМИ предлагал давать им стоимостную оценку, учитывая не только естественнонаучные параметры, но и чисто экономические, например, характеристику земель с точки зрения возможности использования на них достижений технического прогресса для повышения урожайности, удаленность от мест сбыта и переработки сельхозпродукции, состояние производственной инфраструктуры региона (транспорт, коммуникации, складские емкости и т.п.).

Наши дискуссии были упорными и длительными, но силы были потрачены не зря. Отмечу, что Е.С. Карнаухова впоследствии согласилась с рентной теорией и даже написала об этом книгу. Но это было потом.

Первые же исследования института показали очевидность того, что отсутствие ЭОПР в системе существовавших денежных оценок производственных ресурсов отрицательно сказывается на соизмерении затрат и результатов в народном хозяйстве, и сначала было неясно, почему этого не видят наши оппоненты, выдвигавшие временами просто

абсурдные предложения. Так, в отличие от отстаивавшейся ЦЭМИ концепции дифференциальной ренты для ЭОПР, исходя из эффективности эксплуатации природных ресурсов, они, в частности, предлагали оценивать землю по тринадцатикратной валовой продукции с оцениваемого участка. Поскольку объяснить происхождение этой “чертовой дюжины” толком никто не мог, родилась шутка, что, мол, эту цифру подбросила сама нечистая сила. Потом стало понятно, что собака зарыта не в самих теоретических концепциях, уже апробированных мировым опытом, а в том, что их практическое применение естественным путем ставило вопрос о необходимости всеобщей и серьезной экономической реформы в стране.

Дело в том, что целями определения ЭОПР служили следующие возможные направления их использования в народном хозяйстве: 1) массовые планово-проектные расчеты (отводы земель из сельскохозяйственного оборота для промышленных нужд и т.п.); 2) учетно-аналитические разработки (ведение кадастров природных ресурсов, исчисление национального богатства с оценкой природных факторов и т.п.); 3) перспективное планирование (разработка генеральных схем развития и размещения производительных сил и т.п.); 4) совершенствование системы экономического стимулирования (платежи за использование природных ресурсов, изменение ценовых пропорций в народном хозяйстве и т.д.).

Так вот, если первые три направления использования ЭОПР были относительно “безопасными”, то развитие четвертого таило в себе “бомбу” – необходимость кардинального изменения структуры цен в народном хозяйстве, а, по существу, означало бы серьезную экономическую реформу. Это-то сразу и поняли наши оппоненты. Чтобы не ставить под угрозу развитие ресурсооценочных работ в СССР вообще, нам пришлось “вилять”, называя наиболее важным первое направление, а четвертое считая “перспективным”. Этой перспективы, впрочем, долго дожидаться не пришлось. Проблемы ЭОПР по четвертому направлению остро встали в самом начале “перестройки”.

Исходным показателем для ЭОПР являются замыкающие затраты на продукцию природоэксплуатирующих отраслей. По экономическому смыслу эти затраты представляют собой общественно необходимый предел затрат на увеличение ресурсов используемой продукции. По первым трем направлениям ЭОПР замыкающие затраты использовались сугубо как расчетные “теневые” цены. Возможность их применения как прообраз реальных цен встала на повестку дня в период “перестройки” при подготовке реформы системы ценообразования. В первую очередь речь шла об устранении сложившейся диспропорции в ценах на первичные продукты из природных ресурсов (в основном невозпроизводимых) и на продукцию машиностроения. Здесь важную роль могли сыграть расчеты замыкающих затрат по утилизационным технологиям с целью рационального использования совокупности первичных и вторичных сырьевых ресурсов. Однако такая реформа не была осуществлена.

Стартовые диспропорции сыграли негативную роль при либерализации цен в период перехода к рынку, законы которого диктуют более

высокий, отражающий степень их естественной ограниченности уровень цен на природные ресурсы относительно цен конечной продукции. Рыночный механизм расширяет границы прибыльных вложений в сбережение природных ресурсов с ростом их дефицитности. Этим, кстати, объясняются достижения стран с развитой рыночной экономикой в области снижения природоемкости общественного производства (т.е. удельного расхода природных материалов на единицу конечного продукта). Однако в современных условиях в России, поскольку рынков природных ресурсов не создано, ценовые пропорции не отражают их дефицитности. В связи с этим, возможно, пригодится опыт ЦЭМИ по определению замыкающих затрат, например для земельно-оценочных работ, как стартовых условий перехода к рыночной оценке земель. Такого рода исследования целесообразны при принятии концепции кардинальной налоговой реформы, вопрос о которой остро стоит на повестке дня.

Интересно отметить, что период от разработки исходных положений ЭОПР до выхода в свет самой методики составил 15 лет. Такой большой временной интервал был обусловлен не столько совершенствованием исходных положений, сколько бюрократическими проволочками всякого рода межведомственных согласований, подчас ухудшавших промежуточные варианты методики.

В 1997 г. при формировании нового Министерства природных ресурсов России при личной встрече министра с Б.Н. Ельциным последний поставил перед ним первоочередную задачу – оценить природные ресурсы страны. Насколько дальновидно и важно было 25 лет назад организовать эти исследования!

ЭОПР послужила также основой для введения в последнее время платежей за природные ресурсы. Хотя стимулирующая роль их сейчас остается слабой, оценки относительно низкие, но при совершенствовании налогообложения их роль, несомненно, должна возрасти.

В начале 70-х годов в ЦЭМИ были развернуты работы и по оценке экономического ущерба от загрязнения окружающей среды. Как ни странно, главными оппонентами по этому вопросу стали медики, которые считали, что так как есть нормативы предельно допустимых концентраций (ПДК) загрязнений в окружающей среде, то экономисты должны ограничиться поиском путей их достижения с минимальными затратами при выделении необходимых ресурсов. Однако в большинстве регионов страны превышение ПДК было и является до сих пор “нормой”. Для достижения ПДК никогда не хватало ни инвестиций, ни эффективных природоохранных технологий. В конце концов медики (однако не все) согласились с целесообразностью проведения расчетов экономического ущерба с целью воздействия этого показателя на принятие решений по скорейшему достижению ПДК.

Определение ущерба – сложная междисциплинарная проблема, где требуются знания и усилия экономистов, медиков, биологов и специалистов других областей знания. Для разработки соответствующей методики была собрана группа энтузиастов из разных научных учреждений, для чего понадобился мой авторитет члена президиума Академии наук. В середине 80-х годов такая методика была разработана и одоб-

рена правительством. Первоначально она использовалась в планово-проектных расчетах по согласованию производственной и природоохранной деятельности. Она пригодилась и в начале 90-х годов, когда послужила основой для установления вводимых платежей за загрязнение окружающей среды. Правда, тогда были приняты заниженные оценки ущерба, но свою положительную роль они выполнили и продолжают выполнять. Ныне роль этой методики возрастает, так как дело идет к полному учету экологических издержек в системе национальных счетов.

Направленная на решение сложнейшей научно-практической проблемы, методика требовала постоянного совершенствования, поэтому в конце 80-х годов была подготовлена ее новая редакция, которая снова попала в бюрократические жернова. В это время пора крупных бесплатных научных работ, проводимых на голом энтузиазме, закончилась. В ответ на просьбу авторов о финансовой поддержке исследований по доработке методики последовал отказ, сопровождавшийся возмущением чиновников. Работы были прекращены. Жаль, не хотелось бы, чтобы наработанный ЦЭМИ за 25 лет опыт исследований в этой архиважной научно-практической области, представляющий собой, на мой взгляд, весомый вклад в отечественную и мировую науку, пропал втуне.

Возвращаясь к началу этой работы, хочу отметить, что большинство научной общественности, особенно в республиках СССР, нас поддерживало, однако позиция Института экономики, чего, впрочем, можно было ожидать, получила мощную поддержку со стороны Госплана, твердо отстаивавшего концепцию о том, что залегающие в земле средства производства при социализме стоимости не имеют, что земля – общенародное достояние и посему ее денежная оценка – это почти “подкоп под основы”. Именно поэтому моя статья на эту тему, название которой я вынес в заголовок данной главы, пролежала в редакции журнала “Плановое хозяйство” без малого три года. Когда я понял, что там она света не увидит, я передал ее в “Литературку”, где она и была опубликована в августе 1972 г.

В каком-то смысле та статья тронула лед с места. После нее некогда “крамольные” идеи стали предметом безбоязненного обсуждения. Но нужно было приложить еще не мало усилий, чтобы убедить и руководство, и научную общественность в нашей правоте. Я сам несколько раз выступал с докладами и в Комитете по науке, и на всесоюзных конференциях и, конечно, рад, что в конце концов точка зрения ЦЭМИ все-таки возобладала. Методики ЦЭМИ были одобрены президиумом Академии и ГКНТ, были подготовлены и одобрены предложения о разработке “Экологической программы СССР”. Предложения ЦЭМИ, рассматривавшиеся когда-то как “завиральные идеи”, стали воплощаться в жизнь.

Так, с началом “перестройки” платежи предприятий за пользование природными ресурсами были введены в стране уже в законодательном порядке. Однако мы считали, что на этом останавливаться нельзя и продолжали “звонить в колокола”. В этом смысле показательна опубликованная мной, К. Гофманом и Я. Варумом в марте 1987 г. в

“Известиях” статья “Экономика экологии”, где изложен наш взгляд на формирование экономического механизма природоохранной деятельности предприятий, который, как мы писали “позволил бы сделать хозяйственный расчет не врагом (как это бывает ныне), а другом природы”. В этой статье мы также выдвинули принципиальный тезис о том, что *сохранность природной среды должна быть не условием хозяйственной деятельности, а одной из ее конечных целей*, т.е. задачей того же ранга, что и удовлетворение потребностей населения в продукции и услугах, социальное развитие.

## СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Сегодня можно было бы радоваться тому, что в России наступила эра рыночных отношений, когда все, в том числе и природные ресурсы, наконец, может получить верную денежную оценку. Однако радоваться особенно не приходится, поскольку в новых условиях возникли опасности уже другого рода, связанные с возможностью подчинения природопользования слепой игре рыночных сил, что может привести к самым пагубным последствиям. Во всяком случае сегодня мы наблюдаем, что стремление к вывозу невозобновляемых ресурсов, характерное для советской экономики, в “новой рыночной России” не прекратилось, т.е. источники благосостояния пока не изменились. Разница только в том, что если раньше от этого вывоза доставалось “всем понемножку”, то сегодня к этим источникам присосалось несколько десятков тысяч наживающихся на этом человек, а остальным приходится перегораживать транспортные коммуникации, чтобы выколотить себе и детям кусок хлеба. Вот тебе, матушка, и природопользование!

Примерно то же происходит и с наукой о природопользовании. Сегодня, когда ее значение вроде бы уже никому не надо доказывать, исследовательские работы, важность которых трудно переоценить, оставлены просто-напросто из-за нехватки нескольких миллионов рублей. Жаль, ведь эти считанные миллионы неминуемо вернутся миллиардами (если считать в “новых” рублях).

Актуальность продолжения исследований в области экономики природопользования в современных условиях несомненна. И главный вопрос, который должен стоять в центре внимания – это связь природно-ресурсной политики с экономическими преобразованиями, происходящими в России. Эта связь имеет несколько взаимосвязанных аспектов. Стержнем здесь является сопряжение платного природопользования с экономическими оценками природных ресурсов на рентной основе.

Платное природопользование, которое должно объективно отражать в реальных экономических показателях стоимость потребляемых природных ресурсов, в настоящее время эту функцию не выполняет, поскольку существующая плата за ресурсы остается на уровне *одно-двух порядков* ниже их более или менее достоверной экономической оценки.

Как я уже сказал, рентный доход от эксплуатации природных ресурсов был и по-прежнему остается в России основным источником доходов государственного бюджета. Но этот доход собирается в основном путем косвенного налогообложения и в значительной мере присваивается теми, кто добывает и перерабатывает, а затем и продает ресурсы или продукцию из них, в том числе и за рубеж. Непосредственно в источнике его образования государство изымает лишь несколько процентов рентного дохода, что искажает межотраслевые пропорции и фактически поощряет масштабное негативное воздействие на окружающую среду.

Переход к плате за природные ресурсы на рентной основе непосредственно связан с необходимостью реформы отечественной системы налогообложения. Речь идет о переходе от преимущественно косвенного налогообложения к прямому природно-ресурсному, но основывающемуся на принципе “фискальной нейтральности”. Важно отметить, что при таком прямом налогообложении можно собирать налоги полностью, чего нельзя добиться при косвенной системе.

Такую реформу нельзя провести сразу, в один момент. В ее ходе нужно последовательно заменить в структурной части бюджетов другие налоги рентными платежами, потом осуществить меры по приспособлению налогоплательщиков к новым условиям налогообложения путем развития налогового кредита и льгот для отдельных плательщиков, наконец, нужно незамедлительно развернуть фундаментальные и прикладные ресурсооценочные исследования.

Для условий начала рыночных реформ в России в лаборатории А.А. Гусева были выполнены экспериментальные расчеты по возможным изменениям в налоговой системе. В случае ограничения налогообложения прибыли исключительно нуждами Федерального бюджета ставка налога на прибыль могла бы быть уменьшена с 30% (действовавшая ставка) до 11% при увеличении земельного налога (который на сегодня до смешного мал) в 12 раз. При этом учитывалась компенсация земельным налогом потерь бюджетов нижестоящих уровней от перераспределения поступлений по налогу на прибыль.

Были проведены и практические эксперименты. Так, в Новгородской обл. с участием иностранных специалистов была сделана попытка перейти к налогообложению на рентной основе, не меняя отношений с Федеральным бюджетом. Но этот эксперимент был закрыт “сверху”, как противоречащий существующей налоговой системе.

В России накоплен некоторый опыт экономических оценок природных ресурсов исходя из определения замыкающих затрат на продукцию природоэксплуатирующих отраслей, в качестве которых в настоящее время во многих случаях служат мировые цены. На Западе в качестве аналога рыночных цен на ресурсы выступают риэлтерские рентные оценки. Разработаны процедуры получения таких оценок. Практика оценок западных риэлтерских служб непосредственно связана с государственной политикой регулирования цен на ресурсы и продукцию в связи с дотационностью и монополизмом отдельных отраслей природопользования. Думаю, что и в нашей стране следовало бы сформировать рынок риэлтерских услуг с учетом отечественного и за-

рубежного опыта ресурсооценочных работ. Для этого необходима подготовка специализированных кадров, а ризлтерские службы должны иметь *лицензии МПР России*. Фундаментальной основой оценочных работ должна служить разработка комплексных территориальных и “поресурсных” кадастров природных ресурсов и объектов.

Платежи за природные ресурсы *на новой основе* должны быть базой весомых целевых фондов охраны и воспроизводства природных ресурсов. Рентная оценка ресурсов может стать основой их залоговой стоимости для привлечения инвестиций в оздоровление экономики.

“Концепция устойчивого развития” предусматривает ступенчатое ужесточение нормативов природопользования. Исходя из многообразия форм собственности хозяйственных субъектов наряду с целевыми затратами на достижение паритета экономических, экологических и других ценностей будет возрастать роль многоцелевых предпринимательских затрат ввиду необходимости технологической модернизации.

Налоговая реформа будет способствовать реформе национального счетоводства, которая предусматривается в рамках подписанных соглашений об устойчивом развитии. На микроуровне – в бухгалтерских счетах – должны быть отражены полные экологические издержки (с учетом экономического ущерба от экологических нарушений) и рентные платежи за ресурсы. На макроуровне должен выступать “очищенный” ВВП, т.е. рассчитанный без компенсационных издержек экологического и природно-ресурсного характера. Он будет действительно отражать показатели экономического роста или спада. Целесообразно в связи с переходом отечественной статистики на международные стандарты поручить Госкомстату России учесть в макроэкономических показателях экологическую и природно-ресурсную составляющие.

Необходим закон о государственной собственности на природные ресурсы с учетом упорядочения экономических отношений между Федерацией и регионами. Применительно к уже достигнутому уровню общественно-экономического развития и на Западе, и тем более у нас адекватной для природных ресурсов является государственная собственность (за исключением, частично, земельных ресурсов). В Германии, например, наметилась тенденция выкупа государством частных лесных ресурсов.

В действующем законодательстве даже нет понятия “объект права государственной собственности”, без чего сложно наладить нормальные экономические отношения внутри государства. Закон должен носить рамочный характер, где должно быть зафиксировано разграничение полномочий по управлению госсобственностью на природные ресурсы между федеральными и региональными органами власти с последующим разграничением прав собственности и упорядочением экономических отношений.

В соответствии с общим рамочным законом должны быть внесены изменения в “поресурсные” законы – Водный, Лесной кодексы и др. Сейчас разграничение собственности только на основе договоров между Федерацией и субъектами Федерации имеет более низкий правовой статус, чем на основе федерального закона, поскольку такие договора не подлежат ратификации парламентом. Это делает их уязвимыми по

отношению к федеральным “поресурсным” законам. Такое положение таит в себе потенциальную конфликтную ситуацию.

Экономические оценки природных ресурсов могут способствовать процессу разграничения собственности на уровнях Федерации, субъекта Федерации и муниципальном. Например, с высоты федерального уровня совершенно неэффективно распоряжаться песчаными и гравийными месторождениями. В то же время есть природные объекты, для которых необходимой является именно федеральная собственность.

Наряду с законодательными целесообразна разработка нормативных документов об эксперименте по реформированию налогообложения в некоторых субъектах Федерации.

К сожалению, в России природные ресурсы так до сих пор и не учитываются в составе национального богатства. А ведь экспериментальные расчеты, выполненные еще 25 лет тому назад и впоследствии перепроверявшиеся, показали удвоение национального богатства с учетом ресурсов. Еще в упомянутой статье в “Литературной газете” были приведены данные о том, что стоимость основных производственных фондов СССР, составлявшая тогда 461 млрд руб., фактически равна стоимости природных богатств страны. По экспертной оценке, максимальная стоимость сельскохозяйственных земельных угодий, запасов леса и полезных ископаемых составляла примерно 420 млрд руб. В настоящее время, когда значительная доля основных фондов изношена, оценка природных ресурсов может превалировать над традиционной частью национального богатства.

В оценке природных ресурсов существуют два аспекта – рост их абсолютной стоимости и нарастание их потерь от деградации и истощения. Превышение темпов роста потерь над увеличением стоимости природных ресурсов означало бы деградацию природной основы роста национального богатства. В этом случае цели охраны и воспроизводства природных ресурсов получили бы социальное предпочтение перед традиционными экономическими установками. В настоящее время темпы использования природных ресурсов превышают их воспроизводство. В связи с этим экономические преобразования, о которых говорилось выше, становятся в высшей степени актуальными.

Одним из экономических инструментов, направленных против деградации природных ресурсов, может стать страхование рисков технологий, объектов и процессов. К числу рисков технологий относятся открытые горные разработки, сплошные рубки леса; по объектам – изношенные основные производственные фонды водного хозяйства; по процессам природно-антропогенного характера – наводнения, подтопления, землетрясения. Экономическая оценка последствий крупномасштабных нарушений может служить основой тарифных ставок страхования. При этом долговременные косвенные последствия значительно превышают прямые. В разных странах, по оценке ЮНЕСКО, каждый доллар, вложенный в антисейсмические мероприятия, уменьшает ущерб на 5 долл. Но технология расчета ущерба идентична как для землетрясений, так и для наводнений, паводков и т.п. Важен только масштаб катастрофы и цепочка косвенных последствий. В нашей

стране накоплен определенный опыт экологического страхования, приемы которого применимы и для рассматриваемых выше случаев. Опыт показывает, что страхование выполняет не только превентивную и компенсирующую функции, временно свободные страховые средства могут служить источником финансирования природоохранных мероприятий. Страховые компании идут на это, чтобы снизить свои риски.

Экономический механизм природопользования может быть действенным только при адекватной институциональной поддержке. В числе ее функций – совершенствование нормирования и лицензирования, введение аудита и риэлтерских услуг природопользования, разработка кадастров природных ресурсов и т.д. Такая поддержка во многом должна базироваться на рыночной основе. Помимо рынков аудита, страхования, риэлтерских услуг перспективным является введение рыночных отношений по лицензированию природопользования. В США такого рода рынок начал развиваться сначала при торговле правами на загрязнение в пределах общих квот допустимых воздействий. В дальнейшем стал формироваться рынок торговли лицензиями на водопотребление. Практика показала экономическую эффективность таких рыночных методов. Думаю, что этот опыт целесообразно использовать и в России, в частности, необходимо ввести такой порядок, в соответствии с которым специализированные рыночные структуры должны иметь лицензию МПР России.

Природа – мать богатства. Эта истина на рубеже XXI в. приобрела новое звучание. Стала очевидной угроза того, что все усилия человечества, направленные на улучшение материальной жизни, на накопление для этого вещественного и духовного богатства, могут пойти прахом, оказаться бесполезными. Ибо, если мать лишена сил, она рожать не может. А человечество, которое столетиями было занято “борьбой” с природой, вело наступление на нее, “покоряло” ее, похоже, готово праздновать свою победу. Только как бы не стала пирровой эта победа – вот в чем исторический вопрос, решение которого зависит от всех народов, от каждого человека в отдельности. Чтобы “проиграть” в этой битве и таким образом выжить, человечеству нужно сегодня приложить немало усилий, нужен целый комплекс целевых экономических, институциональных и правовых инструментов, для получения которых необходимо продолжать и углублять фундаментальные экономико-экологические исследования. Пока еще намного больше вопросов, чем ответов. А ответов требует строгий экзаменатор – сама Природа.

### УСТАРЕЛА ЛИ ТЕОРИЯ СОФЭ?

Во второй половине 70-х – начале 80-х годов институт напряженно работал над десятитомной монографией, о которой я уже упоминал и которая как бы венчала коллективные исследования по СОФЭ. Убежден, что замысел этого проекта – крупнейшего в истории отечественной экономической науки – был оправдан не только целью систематического и развернутого изложения огромного материала, накопленного учеными ЦЭМИ и их единомышленниками из других научных организаций страны. Совместная работа над десятитомником придала новый импульс творческой консолидации всей экономико-математической школы, интеграции разработок ее отдельных авторов и направлений. Именно в этом всегда заключался корень успехов коллектива института, источник его динамизма и жизнестойкости. Именно в этом я видел приоритетную задачу своей работы.

Ниже будет дан краткий обзор отдельных частей десятитомника, а начать хочу с напоминания о содержащихся в нем главных принципах и выводах, которые прочно связывают этот труд с сегодняшним днем, с острыми проблемами российских реформ и их перспективами на будущее.

К сожалению, сегодня о СОФЭ часто и, на мой взгляд, совершенно неверно судят как о научном продукте, целиком принадлежащем прошлому. Увы, подобной оценки придерживаются даже некоторые из тех, кто отдал СОФЭ свои лучшие годы. Конечно, говорят они, эта работа сыграла важную роль в подготовке общественного сознания и научной мысли к переходу от плановой системы к рыночной экономике. Но разве разрабатываемый под именем СОФЭ образ экономики не был всего лишь паллиативным “заместителем” рынка в условиях, когда о кардинальных рыночных реформах не могло быть и речи и экономическая наука была зажата в тисках жесточайшего идеологического контроля? Отсюда делается вывод: когда появилась возможность осуществить рыночные преобразования в полной мере, СОФЭ якобы потеряла свою ценность, оставшись лишь в качестве объекта изучения для историков экономической науки и воспоминаний ее авторов.

Нет более убедительных аргументов, опровергающих этот вывод, чем те уроки, которые нам всем приходится извлекать из сегодняшней тяжелой ситуации в российской экономике. Вновь и вновь анализируя ее исходные причины, я невольно возвращаюсь к основополагающим принципам рационализации хозяйственной системы, выдвинутым в свое время теорией СОФЭ.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что все десять томов посвященного ей фундаментального труда объединены единой теоретической программой, последовательно осуществлявшейся в ЦЭМИ в 60–80-х годах. Эта программа основывается на видении экономики как воплощенного в отношениях хозяйственных субъектов – предприятий, органов управления, семейных хозяйств – алгоритма решения задач оптимального распределения ресурсов.

Такое видение экономики было предложено учеными отечественной (в основном ЦЭМИ) и зарубежной экономико-математической школы. В их работах, послуживших теоретическим истоком исследований СОФЭ и развитых в этих исследованиях, доказано, что *процессы достижения рыночного равновесия, с одной стороны, и народнохозяйственного планирования – с другой, имеют ряд общих принципиальных черт.* Такова природа алгоритма экономической оптимизации. Это фундаментальное открытие обеспечило возможность объяснить на единой методологической платформе такие явления, как цены, рентные отношения, нормативные параметры расчетов экономической эффективности. И, что еще более важно, свойства алгоритмов оптимизации позволили придать строгий теоретический смысл и математическое выражение многим институциональным характеристикам экономики, таким как децентрализация системы управления, экономические методы согласования интересов хозяйственных ячеек и т.д.

В этом смысле показательными являются работы, выполненные в ЦЭМИ отделом В.Ф. Пугачева, который еще в 1960 г. принес в немчиновскую ЛЭММ разработки, описывающие экономику как замкнутую систему. Этот отдел развернул в ЦЭМИ изучение проблем народнохозяйственного и локального критерия оптимальности и принципов многоступенчатой оптимизации, участвовал в разработке системы оптимального перспективного планирования народного хозяйства. Когда “перестройка” поставила перед экономической наукой новые задачи по созданию механизма, органически сочетающего централизованное руководство экономикой с широким использованием рыночных отношений, Всеволод Федорович и к этой проблеме подошел с позиций принципа народнохозяйственной оптимальности, проведя со своим коллективом (А.К. Пителин, С.В. Граборов и др.) компьютерное моделирование оптимизационного хозяйственного механизма и показав, что такой механизм мог бы обеспечить эффективное развитие народного хозяйства. Сегодня В.Ф. Пугачев со своей лабораторией успешно работает над проблемами оптимизации инвестиционной политики в условиях экономики переходного периода.

Возвращаясь к теории СОФЭ, отмечу, что она с самого начала отвергла целый ряд идеологических штампов, таких как преимущество плана над рынком, крупных предприятий над мелкими, роста отраслей группы “А” перед отраслями потребительского назначения и т.п. Она поставила своей целью выяснение общих принципов и разработку конкретных методов рационального ведения хозяйства на всех уровнях – народнохозяйственном, отраслевом, региональном, отдельного предприятия.

Исходным в теории СОФЭ выступает принцип максимизации решающего критерия эффективности функционирования экономики – уровня благосостояния населения. Экономика, ориентированная на человека, соединяющая принципы экономической эффективности и социальной справедливости, – не теоретическая абстракция. Это общезначимое нравственное предписание, императив, реально проявляющийся в развитии всех стран, стремящихся использовать возможность современной цивилизации и встать на уровень ее действительных потребностей. Это императив, практически реализуемый странами, успешно проводящими реформы. Что происходит, когда этот императив не выполняется, ясно показывает нынешний российский опыт.

Указанный исходный принцип сразу же поставил теорию СОФЭ в положение “чужака” не только в среде насквозь догматизированной официозной экономической науки СССР, где понятие “социалистической” экономики автоматически отождествлялось с понятием “эффективной” экономики, о чем я уже рассказывал. СОФЭ незамедлительно вызвала реакцию отторжения и со стороны тех отечественных экономистов (на жаргоне тех лет именовавшихся “рыночниками”), в глазах которых столь же априорно эффективной является рыночная экономика “классического”, с минимальным участием государства, образца. Первые обвиняли СОФЭ в следовании в фарватере “буржуазной мысли”, вторые отвергали ее как якобы плохо прикрытую разновидность планового централизма. В результате неприятия СОФЭ потенциал, заложенный в ней, оказался невостребованным и тогда, когда возобладал курс на “ускорение” методами административного нажима на экономику, и тем более с начала 90-х годов, когда экономика была безоглядно брошена в поток преобразований радикально-либералистского толка. Дело дошло до того, что отечественные предприятия приобретают у американцев системы, предназначенные для моделирования и оптимизации планов производства, аналогичные разработкам, давно осуществленным в рамках СОФЭ<sup>1</sup>. Но это лишь частный пример, игнорируются куда более значимые идеи и разработки.

Среди них прежде всего необходимо напомнить принципы, предложенные и использованные в СОФЭ и имеющие важное значение для сегодняшней экономики:

единство ограничений и целей, увязка различных элементов экономики – цен, нормативов и т.д.;

возможность и необходимость сознательного выбора, т.е. явного учета интересов многих экономических субъектов, выраженных в виде цели, вариантов и ограничений, что само собой отрицает “самотек”, автоматическое действие “невидимой руки” (рынка, провидения или еще чего-нибудь, о чем знает только Адам Смит);

соизмеримость благ, т.е. их сопоставимость в настоящем и будущем, возможность и необходимость распределения благ между настоя-

---

<sup>1</sup> См.: Финансовые известия. 1996. 23 апр.

щим и будущим (сегодня интересы будущего игнорируются полностью, как на макро-, так и на микроуровне);

применение системных динамических критериев, противостоящее локальным во времени или пространстве сиюминутным и узкоэгоистическим целям;

согласование и учет интересов широких классов экономических субъектов (сейчас игнорируются интересы целых слоев населения);

обратные связи: единство социально-экономического мониторинга (наблюдения) и инжиниринга (создания и реформирования).

Даже простое перечисление развитых в СОФЭ принципов анализа экономики и формирования социально-экономических решений показывает, что применение их в практике реформирования позволило бы избежать крайностей, присущих, к сожалению, нашему “домотканному” способу развития вообще и особенно опасных для нестабильной экономики переходного периода.

Осознание и учет пространственно-временной зависимости между всеми составляющими экономического процесса, представление о качественных особенностях оптимальных траекторий развития и о единстве методов социально-экономического мониторинга и инжиниринга дают основу для экономического согласования интересов и условий функционирования на всех уровнях принятия общеэкономических и конкретных управленческих решений.

Считается, что споры 60–70-х годов между авторами СОФЭ и их оппонентами об “объективности экономических законов” отражали не столько научный интерес к подобным вещам, сколько печальную необходимость говорить эзоповским языком о том, что представлялось действительно важным и принципиальным. Поскольку цензуры больше нет и нет нужды лукавить, приобретенная поколениями советских экономистов изощренность в выстраивании “тонких намеков” и теоретических гибридов ныне якобы не имеет никакой цены.

Даже если что-то в этом приговоре верно, он приводит отнюдь не к мысли о покаянии. Лучше подумать о другом. Интеллектуальная игра с понятиями “должного” и “сущего”, когда одно попеременно выдается за другое, продолжается и поныне, едва ли не в более очевидных демагогических формах и с существенно меньшим вниманием к соблюдению общепринятых норм научных доказательств и профессиональных дискуссий. Но это не повод отрицать фундаментальную значимость самой проблемы соотношения “нормативно-этической” и “позитивно-познавательной” составляющих экономической теории. Теория СОФЭ внесла в постановку и исследование этой проблемы значительный вклад.

Парадоксальный факт в истории мировой экономической мысли заключается в том, что хотя фундаментальная роль этического фактора в экономике отнюдь не замалчивалась (М. Вебер был создателем теории “хозяйственной этики”), господствующие теоретические системы умудрились оставить этот фактор на обочине. Западная Economics, в классическом и современном вариантах, пользуется этическими постулатами лишь для того, чтобы вывести на сцену фигуру “экономического человека”, своего рода автомат, раз и навсегда “взведенный” на

определенный тип поведения. Этический фактор вновь появляется на последнем этапе Esonomics, и опять извне, не как элемент, органически присущий самой теории – когда речь идет о проблеме социальной справедливости. Характерно, что эта проблема трактуется как внеэкономическая, как предмет забот государства и повод для его властного вмешательства, а не как момент, определяющий важные характеристики поведения экономических агентов и функционирования экономических институтов.

Теория же СОФЭ возвела принцип всеобщего блага (народнохозяйственного оптимума) в статус главной предпосылки, т.е. прямо начинает с этики. На первых порах становления теории основное внимание было уделено обоснованию свойств механизма функционирования экономики, вытекающих из этого принципа. Начиная с 80-х годов исследователи СОФЭ вплотную подошли к выяснению главного содержания этического фактора в экономической жизни: именно он лежит в основе механизмов как устойчивости, так и эволюционных изменений комплексов социальных ролей (институтов), в рамках которых только и могут успешно интегрироваться и быть эффективными действия людей, в том числе в экономической плоскости.

Постепенное прояснение отмеченной выше действительно Великой Проблемы экономической теории (впрочем, пока не осознаваемой ею самой в полной мере) позволило бы вывести из тупика дискуссии вокруг вопросов об отношениях институтов власти и собственности, государственного и гражданского начал в экономической жизни – дискуссии, испытывающие острый недостаток в понятиях и, как водится, возмещающие этот недостаток обилием слов, а зачастую и просто пустословием.

Теория СОФЭ выдвинула принцип четкой регламентации общих для всех хозяйствующих субъектов правил поведения. В самых общих чертах они сводятся к тому, чтобы ни один из участников экономического процесса не совершал действий, преднамеренно наносящих ущерб другим, и не мог иметь иных источников дохода, кроме образующегося в результате общественно полезной деятельности. При этом часть эффекта присваивается участником, остальное – обществом в целом, обеспечивая его социальной и экономической прогресс.

Необходимость соблюдать определенные и общеобязательные правила в хозяйственных отношениях, разумеется, не является открытием СОФЭ. Эта теория придала им четкость и доказательность благодаря анализу математических моделей, на которых базируются все ее выводы. Главное требование состоит в том, что из хозяйственной жизни должны быть исключены любые формы безвозмездного присвоения одними участниками результатов работы других (не считая, естественно, тех, кому общество обязано помогать). Это достигается через механизм экономического равновесия, в котором доходы участников отражают их вклад в общественное благосостояние.

## СОФЭ И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ

Исследуя механизм экономического равновесия, теория СОФЭ пришла к принципу сочетания централизации и децентрализации в управлении экономическими и социальными процессами. Существенным моментом здесь является то, что каждая из этих форм управления не ограничивает, а дополняет сферу действия другой. В исследованиях СОФЭ это трактовалось как сочетание “вертикальных” и “горизонтальных” отношений. При этом управляющие воздействия по вертикали, исходящие от центральных органов, рассматривались в первую очередь как процесс формирования одновременно “сверху” и “снизу” системы экономических параметров и нормативов. Результатом этого процесса явилось бы определение областей выбора вариантов хозяйственных связей по горизонтали, т.е. отношений между локальными хозяйственными звеньями (предприятиями и их объединениями), действующими самостоятельно на основе рыночных контрактов и свободного гражданского оборота ресурсов.

Таким образом, *теория СОФЭ нацеливала экономические реформы в нашей стране на создание смешанной экономики.* Необходимо подчеркнуть, что речь шла не о модели “мирного сосуществования” государственного и частного секторов экономики, с двумя типами хозяйственных взаимоотношений (план и рынок, государственная и частная собственность, административные и договорные цены), а о системе, функционирующей по единым принципам, где плановое и рыночное начало органически сопряжены и взаимно модифицируют друг друга.

Авторам СОФЭ с самого начала было ясно, что рыночные отношения нельзя ограничивать только процессами купли-продажи благ и услуг по горизонтали. Они должны опосредовать и некоторые виды вертикальных отношений между предприятиями и органами государственной власти. В определенном контексте власть выступает как своего рода экономический ресурс, и извлечение дохода от использования этого ресурса должно быть поставлено в рамки четких правил и прозрачных процедур, совместимых с общим принципом распределения доходов соответственно вкладу в общественное благосостояние. Если такие правила и процедуры не установлены, власть может превратиться в источник особого рода монопольной ренты, присваиваемой частными лицами – чиновниками и “сотрудничающими” с ними искателями способов поживиться за счет государственной казны, особых льгот и преимуществ, предоставляемых от имени государства.

Опыт последних лет показал, что российские реформы оказались наиболее непродуманными и уязвимыми именно в этом узловом звене – в стыке вертикальных и горизонтальных отношений в экономике, которому СОФЭ уделила особое внимание. Отказ от ряда функций централизованного управления, таких как разработка перспективных планов, поддержка крупных долгосрочных проектов, регулирование дифференциации доходов и т.п., задающих общие “рамочные” условия для взаимоотношений между субъектами рынка, привел к потере управляемости экономикой в целом и резко возросшей социальной напряженности в обществе. Пренебрежение институциональными правилами

(необходимость соблюдения которых доказывалась исследованиями СОФЭ), препятствующими извлечению частными лицами экономических выгод от манипулирования полномочиями государственной власти, породило повальную коррупцию и разбазаривание казны в огромных масштабах.

В ходе реформ был грубо нарушен основополагающий принцип теории СОФЭ о прямой связи доходов любого участника с народнохозяйственным эффектом его деятельности. У отдельных лиц появилась возможность присваивать средства налогоплательщиков, сбережения населения, прямо урезать уровень заработной платы и наживаться на финансовом хаосе, порождаемом неплатежами. Добычей частных структур становится значительная часть рентных доходов от эксплуатации природных ресурсов страны. Перечень подобных “заработков” можно продолжить. Не в этом ли одна из главных причин экономического кризиса в России? Раз появилась возможность получать доходы не только *не в меру*, но даже *помимо* какой-либо общественно полезной деятельности, то экономика неизбежно хиреет. Так и выходит: сокращаются объемы производства продуктов и услуг – растут доходы руководителей. Сокращаются прибыли реального сектора экономики как основного источника доходов банковской системы (в нормальной экономике) – растут состояния крупнейших банковских чиновников.

Теория СОФЭ доказала, что экономика, в которой ценностные параметры существенно отличаются от оптимальных оценок, а пропорции распределения доходов перестают зависеть от оценок вклада хозяйственных агентов в общехозяйственный результат их деятельности, не может быть жизнеспособной. Ситуация в российской экономике убедительно это подтверждает. Если американцы гордятся своими выдающимися предпринимателями за их вклад в экономические успехи страны, в создание новых рабочих мест и подъем зарплат тысяч и тысяч работников, то среди магнатов нынешнего российского предпринимательства преобладают совсем другие люди. Теоретик СОФЭ сказал бы, что оценка их деятельности – отрицательная, особенно если к огромным суммам напрямую присвоенных средств, не покрываемых полезным результатом, прибавить ущерб от недополученного общественного дохода.

С готовыми научными идеями нередко случается, что изменение обстоятельств ставит вопрос об их использовании в совершенно новом ракурсе и в новых областях реальной жизни. СОФЭ может служить тому примером.

Присмотримся к тому, что сегодня составляет круг наиболее острых проблем на российском предприятии, образовавшемся на базе крупного производственного комплекса. Прежде это был завод или группа заводов (рудников, карьеров и т.п.), выполнявших роль производственных “терминалов” в громадной многофункциональной системе, нити управления которой тянулись вверх, вплоть до общего для всей страны центра. Ключевые функции управления – стратегия, финансы – сосредоточивались выше уровня производственных комплексов, на министерском уровне и выше.

Кстати говоря, именно поэтому неизменно проваливались все по-

пытки придать советскому предприятию статус экономической самостоятельности: *предприятием* в собственном смысле слова оно как раз и не было, не было у него хотя бы минимального набора жизнеспособных органов для самостоятельного плавания.

Сейчас производственному комплексу, которому предстоит стать *предприятием* уже не в советском, а подлинном смысле этого слова, придется регенерировать, заново достраивать у себя, внутри, недостающие функции управления и обеспечивающие их органы и кадры. Это невероятно сложная проблема, но я хочу заострить внимание на другом.

Уровень хозяйственной целостности, а значит, и комплекс проблем, форм и методов ее обеспечения, во многом сместился “вниз”, с народнохозяйственного на отдельное крупное предприятие, разумеется, не во всем объеме задач и функций управления народным хозяйством в целом, но в ряде весьма существенных моментов. Оптимальное сочетание централизации и децентрализации управления, административных и экономических его рычагов, методы организации взаимных расчетов между отдельными звеньями предприятия с использованием механизма внутренних (трансфертных) цен в увязке с ценами, определяемыми внешней средой предприятия, – все это проблемы, хорошо известные практике управления такой сложной системой с полным набором хозяйственных функций, какой является, например, современная крупная корпорация. Разработки СОФЭ предоставляют богатейший материал для использования при решении задач организации системы функционирования таких корпораций и получают в них новый импульс для теоретического углубления и разнообразных практических приложений.

В рамках СОФЭ был создан большой научный задел, позволяющий обоснованно оценивать инвестиционные проекты, отбирать наиболее эффективные варианты технологических, управленческих и организационных решений и других хозяйственных мероприятий.

Конечно, формирование рыночной экономики принципиально меняет существо отношений, складывающихся при принятии хозяйственных решений о капитальных вложениях, технологических и организационных нововведениях и т.д. Главное изменение заключается в том, что выбор этих решений не может, как прежде, опираться на жестко заданную и унифицированную систему правил и предписаний, имеющих статус официального (государственного) документа или ведомственной инструкции.

Вклад разработчиков СОФЭ в создание подобных документов был весьма значителен, хотя и здесь им приходилось работать в очень сложных условиях. Тянувшиеся десятилетиями баталии вокруг Методики оценки эффективности капитальных вложений – богатый сюжет для воспоминаний.

Научно-методические разработки в данной области, применявшиеся в советской экономике, были ориентированы на примат государственных интересов. Игнорируя наличие большого числа суверенных экономических агентов со своими собственными интересами, они отчасти устарели. Но, с другой стороны, попытки некритически использо-

вать зарубежные пособия по оценке инвестиционных проектов очень часто не приводят к желаемому результату. Ведь эти пособия рассчитаны на иную систему деловых отношений, предполагают высокий уровень деловой этики, надежность заключаемых договоров, стабильность (и действенность!) законодательства, налоговой и тарифной систем.

Вот здесь-то и пригодился бы научный материал и практический опыт, накопленный отечественными специалистами в рамках исследований СОФЭ. Думается, назрела необходимость обобщения и развития этого опыта при подготовке нового руководства по оценке инвестиционных проектов применительно к условиям переходного периода и с учетом российской специфики.

Одна из областей экономической науки, где пионерный характер исследований СОФЭ проявился наиболее ярко, – это организация рационального природопользования, нацеленного на снижение экологического ущерба от хозяйственной деятельности. Новая социально-экономическая ситуация в России не снизила актуальности этого направления (экологическое положение продолжает ухудшаться) и к тому же сравнительно меньше затронула его научный аппарат и практическую “рецептуру”, разработанную специалистами СОФЭ применительно к плановой экономике.

Даже очень хорошо развитые рыночные институты (не говоря уже об их уродливых российских суррогатах) не в состоянии сами по себе справиться с экологическими проблемами. Ведь ущерб от загрязнения окружающей среды относится к так называемым “внешним эффектам”, плохо поддающимся рыночной оценке в сделках покупателей и продавцов производимой продукции и услуг. Необходимы специальные средства воздействия, представляющие своего рода сплав элементов коммерческих и публично-властных отношений. Именно так поставила эту проблему теория СОФЭ, и применимость предложенных ею “рабочих” инструментов экономики природопользования в новых условиях только возросла.

К этому стоило бы добавить, насколько действенной поддержкой оказались экономические расчеты, проведенные специалистами ЦЭМИ на базе методологии СОФЭ, в ходе широкого общественного движения против печально знаменитого проекта “позднего застоя” – переброски стока северных рек. Заслуженный крах этого проекта создал убедительный прецедент, который внушает надежды на то, что и в дальнейшем работа ученых и ее результаты – в их числе СОФЭ – смогут активно воздействовать на жизнь нашего общества.

Создание СОФЭ убедительно показало, что современная экономическая наука немыслима без математических методов. Изучение социально-экономических объектов невозможно без системного подхода к этому процессу, т.е. вне рамок экономико-математической техники анализа и прогнозирования. В противном случае полученные знания будут недостоверными, носить субъективный характер, а рекомендации на их основе будут неэффективными.

Поэтому не потеряло своей значимости одно из важных направлений разработок СОФЭ – комплексное исследование процессов и мето-

дов системного моделирования. Эта область исследований не распадается на отдельные дисциплины и представляет собой самостоятельное научное направление. Его *предмет*: совокупность составляющих процесса моделирования и сам процесс построения и использования математических моделей. Его *цель*: разработка методологии и методики изучения и регулирования экономических систем. Его *метод*: соединение экономической теории с теорией социально-экономических изменений и математической теорией.

## КАК СЕГОДНЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИДЕИ СОФЭ?

Системный характер построения и применения СОФЭ, с одной стороны, отвечает современным требованиям научного и практического подхода к прогнозным, плановым расчетам, к управлению экономикой страны и решению социальных проблем, если рассматривать народное хозяйство страны как единую систему, развивающуюся с целью наилучшего решения социальных задач. С другой стороны, системный социально-экономический подход не противоречит возможности использования методологии СОФЭ для исследования и практического решения частных проблем, как в области экономического роста и структурного совершенствования, так и отдельных социальных вопросов периода перестройки, восстановления экономики, повышения уровня жизни населения.

В условиях неустоявшейся социально-экономической системы в России трудно рассчитывать на оптимизацию экономики в целом. Для этого нет еще общественных условий. Но, опираясь на методологию СОФЭ, результаты прежних научных разработок, опыт выполнявшихся практических расчетов, и сегодня можно проводить довольно широкий круг аналитических, прогнозных и других исследований.

Моя уверенность в сказанном проистекает прежде всего из того, что основой методологии СОФЭ является программно-целевой подход, позволяющий оптимально развязывать как чисто экономические, так и социальные узлы. Более того, на мой взгляд, только при условии применения этого подхода может быть сегодня предложена реальная программа вывода российской экономики из кризиса. Конечно, отсутствие народнохозяйственного (общегосударственного) планирования по оптимизационной методике снижает уверенность в достижении оптимума по отношению к конечной цели, но выделенные производственные, финансово-промышленные комплексы, не говоря уже о предприятиях, могут лучше организовать свою деятельность и добиться дополнительных успехов, используя прежние и новые разработки в области СОФЭ. Для этого есть не только теоретические обоснования, но и модельное обеспечение, подготовленное для планового ведения работы экономических объектов. Доработка же их для рыночных условий функционирования вполне доступна.

Решение задач оптимизации либо их имитационной разновидности обеспечивает строгую количественную сбалансированность получае-

мых результатов. Причем это свойство справедливо для всех вариантов решений. Быстрый расчет любого заданного числа вариантов, в том числе путем изменения исходных условий в математических моделях, обеспечивает новый взгляд на возможности экономических исследований. Одно дело, когда в распоряжении экономиста имеется два-три варианта решения, полученных в результате рутинного способа расчета планов, и совсем другое, когда по своему желанию с помощью компьютерной техники можно целенаправленно изменять задаваемые условия.

Многовариантные решения конкретных задач математического моделирования позволяют принципиально расширять и изменять методики анализа экономических процессов от макроэкономического уровня до самых простых ячеек общественного производства, от анализа динамики поведения всего населения до уровня семейного коллектива. Складывается новый активный стиль аналитической работы в экономике, появляются новые условия для выявления разного рода зависимостей, например, зависимости материальной поддержки малообеспеченного населения от возможных источников поступления средств, способных сохранить и поднять уровень этой поддержки. То же самое относится ко всем формам социальной помощи, причем перераспределение средств в пользу социальных задач можно рассчитать одновременно с перераспределением их изъятия у остальных получателей. Складывается новая психология аналитической работы, и на новый уровень поднимается ее результативность.

Прогнозирование развития экономики страны не представляется возможным без системного подхода к анализу структуры народного хозяйства, а универсальным инструментом для этой работы является математическое моделирование экономической деятельности. Принятие в качестве основной цели социального критерия и выход во всех вариантных расчетах на этот показатель делает прогноз важным инструментом для последующей организации управления. Так, исследовательская деятельность Института народнохозяйственного прогнозирования РАН подтверждает жизненную стойкость тех принципов математического моделирования и установок на осуществление СОФЭ, которыми руководствовался первый директор института А.И. Анчишкин. Институт прогнозирования и ЦЭМИ, по-видимому, в наибольшей степени использовали и продолжают развивать направление прогнозных исследований, содержащихся в СОФЭ до момента разделения прежнего ЦЭМИ АН СССР.

Вообще та часть, которая в Системе относилась к прогнозированию, была проработана и оснащена математическим модельным аппаратом полнее, чем другие направления, и оказалась принятой на вооружение большими коллективами экономистов, уже знакомых с материалом, который они сами создавали. Можно, кроме того, поддержать мнение о том, что приложение принципов СОФЭ к прогнозированию проходило в более благоприятных условиях, чем к планированию. В отношении прогнозов ощущалась гораздо большая свобода и в постановке задач, и в трактовке результатов. В нынешних же условиях мно-



Профессор Н.М. Римащевская – директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

гие модели почти без каких-либо модификаций применимы к требованиям рыночного функционирования. Не анализируя новые работы этого направления, ограничиваясь тем, что вошло в СОФЭ до разделения ЦЭМИ на несколько институтов, можно признать раздел прогнозирования одним из наиболее удачных и хорошо подготовленных к использованию в изменившихся условиях.

## ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ДЕСЯТИТОМНИК

Мысли о том, насколько Система применима в современных условиях, приходят ко мне, когда я сегодня перелистываю фундаментальный труд “Вопросы оптимального планирования и управления социалистической экономикой”, созданный под моей общей редакцией. Как я уже писал, он был опубликован издательством “Наука” в 1982–1985 гг. и состоит из 10 томов. Каждый из них представляет собой самостоятельную научную монографию, хотя все они объединены единым замыслом – изложить в комплексе новую идеологию совершенствования управления экономикой, разработанную учеными ЦЭМИ и их единомышленниками из других научных организаций.

Основные моменты этой идеологии описаны мной выше, поэтому я не стану повторяться. Хочу отметить, что для своего времени выход в свет десятитомника стал заметным научным событием, и он до сих пор используется в вузах как учебное пособие.



Академик Н.Я. Петраков –  
директор Института  
проблем рынка РАН



Член–корреспондент РАН  
В.В. Ивантер – директор  
Института народнохозяйственного  
прогнозирования РАН

Конечно, эта работа несет отпечаток своего времени, поскольку разработка СОФЭ была ориентирована на совершенствование планирования и управления в условиях жесткого регулирования из единого центра всего народного хозяйства, всей культурной и социальной сферы. Система включала три основных уровня планирования и управления – общегосударственный, отраслевой и предприятий. Для создания общей системы, охватывающей всю производственную деятельность общества, трехуровневая система была дополнена региональным направлением планирования. Кроме того, ради последовательного соблюдения системного подхода СОФЭ включала планирование международными связями в форме вертикальных комплексов – программ научно-технического прогресса, развития агропромышленного комплекса и др. Предусматривались и горизонтальные межотраслевые комплексы типа нефтехимического, топливно-энергетического и т.п. Таким образом, экономика оказывалась “прошитой” по всем основным внутренним связям по вертикальным и горизонтальным производственным и финансовым связям. Менее полно были отражены связи в социально-культурном блоке и зависимость этого блока от изменений в экономике. Естественно, за годы перед началом перестройки и за последние 7–10 лет специализированные научные организации АН СССР, а потом РАН, значительно восполнили этот пробел, и я думаю, что было бы неплохо переиздать эту работу, внося в нее изменения и дополнения с учетом изменившихся условий.

Итак, перелистывая книги десятилетия по порядку, думаю о том, что бы я сегодня добавил в него, что бы выбросил, что переделал, а что бы оставил без изменений, если бы вдруг стал редактором его переиздания.

Центральной частью книги I *“Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики”* (1983) является изложение предмета и задач СОФЭ. Конечно, книга с избытком наполнена “заклинаниями”, что было неизбежной данью времени, без которой ее просто бы не приняли к печати. Вместе с тем, я думаю, что принципы, провозглашенные в основном экономическом законе социализма, сохраняют значимость вообще для всех современных цивилизованных обществ, совпадая с гуманитарными и общеэтическими (библейскими) установками культурного человека. Практика переходного периода в нашей стране заставляет говорить прежде всего о том, в какой мере они нарушаются. Экономические законы, объективно регулирующие рыночное хозяйство, следовало бы сегодня пересказать уже не в частично завуалированной форме, а в их современном, подтвержденном практикой других стран изложении. Системное регулирование социально-экономических процессов и роль моделирования теперь не нуждаются в постоянном расшаркивании перед марксистскими авторитетами и могут быть показаны более полно и прямо. На мой взгляд, в книге неплохо раскрыта сущность системного подхода к экономике и социальным проблемам. Этот подход господствует во всех разделах СОФЭ, и его актуальность, думаю, непреходяща в любых условиях.

В книге II *“Проблемы методологии комплексного социально-экономического планирования”* (1983) раскрывается подход к системному планированию и его социально-экономической части. Сегодня я бы выделил этот аспект СОФЭ в отдельную проблему, а не рассматривал бы ее как часть плановых разработок. Напрашивается и очевидная необходимость введения раздела, посвященного частному сектору экономики, где основное внимание следовало бы уделить прогнозированию и экономическому воздействию на субъекты хозяйственной деятельности. Придется, по-видимому, делать поправки и уточнения в методах руководства госсектором, внося коррективы в планирование его развития, уделяя больше внимания прогнозным, программным и многовариантным разработкам.

В книге III *“Методы народнохозяйственного прогнозирования”* (1982), где изложены отличия прогноза от плана и существо связей между ними, а также предложены основные направления прогнозирования народного хозяйства, вероятно, нужно будет учесть, что сегодня на арене прогнозирования сменились основные фигуранты, которыми стали спрос на продукцию и услуги, а также проблема конкурентного противоборства.

Предложенные в книге IV *“Система моделей народнохозяйственного планирования”* (1982) виды моделей и способы их согласования напрямую применимы в государственном секторе экономики. При доработке этой системы предстоит преодолеть новую трудность для моделирования: согласование условий совместной деятельности двух хозяйственных укладов. Поскольку частный и государственный секторы

сосуществуют в единой экономике страны, должны быть разработаны достаточно надежные способы согласования вариантного подхода для одного – с директивным планом работы, для другого – с их симбиозом. Сегодня сложнее, чем прежде, складывается взаимодействие регионов друг с другом и особенно с федеральным центром. Последнее вообще можно оценивать как принципиально новую проблему, следовательно, моделировать ее нужно по новому стандарту.

Раздел теории СОФЭ, изложенный в книге V *“Межотраслевые комплексы в системе моделей”* (1983), в наибольшей мере заполнен материалом, прошедшим экспериментальную и практическую проверку. Модели функционирования отраслевых и межотраслевых комплексов могут и в условиях переходного периода непосредственно использоваться в той форме, в какой они изложены, либо быть легко приспособлены к этим условиям. Особую ценность преобретают модели этого класса в динамической и имитационной постановке. В оптимизационном процессе необходимо отразить взаимодействие производственных объектов с банковскими структурами. Важными дополнениями к ранее созданным межотраслевым моделям должны быть оценки спроса на продукцию с оглядкой на ожидаемые возможности конкурентов, доступность и надежность кредитования производств, самофинансирование их развития. Требуется также отразить ряд дополнительных ограничений для успешного вхождения в складывающийся рынок, поскольку производственные межотраслевые комплексы будут все энергичнее оттесняться на второй план финансово-промышленными группами и ощущать на себе все большее давление банков. Качественное изменение роли иностранного капитала в отечественной экономике вызывает необходимость множества дополнительных вариантов оптимизационных или имитационных расчетов.

Авторы книги VI *“Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики”* (1985) вменяют понятию “хозяйственный механизм” важнейшее конституирующее свойство. Оно заключается в придании всем элементам хозяйственной системы единого признака: меры участия их в экономическом процессе, т.е. экономического результата, выраженного в целевой функции. Это сводится к сопоставлению результатов и затрат и выражается приращением экономического эффекта (целевой функции) на каждую единицу затрат. Тем самым обеспечивается органическая увязка экономических интересов всех звеньев народного хозяйства с конечными целями экономической системы. Этот подход актуален и сегодня, однако происходящая перестройка экономики требует расширения перечня нормативов, определяющих этапы решения социальных и экономических задач, и пересмотра их уровней и соотношений. Каждый из нормативов следует обосновывать более полно, чем это практикуется до сих пор. Нормативный способ целеполагания в СОФЭ применяется на всех этапах планирования и прогнозирования. Его связь с экстраполяционными методами, видимо, следует раскрыть более полно.

Внимание, уделенное в книге целевому программированию, и глубина рассмотрения его методологии очень ценны, но необходимо более четко описать минимально необходимое содержание программы

и проследить ее связь с ресурсами народнохозяйственного уровня. Следует расширить и пересказать по-новому темы, связанные с инвестиционным процессом, поведением потребителей, финансами и кредитом.

В книге VII *“Моделирование в процессах управления народным хозяйством”* (1984) основное внимание уделено имитационным системам исследования экономических процессов и соответствующим математическим моделям. Имитация спроса, предложения и их сбалансирования приобретает в переходных условиях, и еще больше по мере увеличения частного сектора экономики, возрастающее значение. В книге рассмотрены проблемы управления в условиях неопределенности, углубление исследования которых также очень важно.

Актуальность программно-целевой методологии, изложенной в книге VIII *“Проблемы разработки и реализации комплексных программ”* (1984), несомненна. При сложившемся в России кризисном состоянии экономики приходится ранжировать промежуточные цели и осуществлять оптимизацию с поправками на значимость, придаваемую каждой цели. Лучший способ для этого – комплексные программы. В этой книге также показано модельное описание ресурсных проблем, оценки эффекта достижения поставленной цели, сравнения и отбора вариантов программ достижения цели и т.п.

Материалы, собранные в книге IX *“Экономико-математические модели в системе управления предприятиями”* (1985), в большей части проверены на практике и применимы в современных условиях Российской Федерации. Моделирование открывает возможность изучения неограниченного количества вариантов развития объекта, его поведения в зависимости от изменяющихся внешних условий и внутренних связей. В результате оптимальность принятого варианта может быть обоснована всесторонне. Это очень важно, поскольку ныне предприятия и фирмы вынуждены изучать тенденции рынка, возможности платежеспособного спроса на те или иные виды продукции. Их планы должны предусматривать не один вариант работы, прежние технологии их разработки все более дополняются элементами прогнозирования. Необходимо учитывать возросшую роль неопределенности внешних условий хозяйственной деятельности.

В книге X *“Математический аппарат экономического моделирования”* (1983) проведен многосторонний, глубокий и последовательный системный анализ математического программирования. Наряду с общим изложением классификации, содержания и анализа существа методов этого направления математической науки показаны возможности их использования в экономике. После 1983 г., несомненно, сделано много ценного для развития методов экономико-математического моделирования и их эффективного использования в новых условиях, однако это не снижает ценности содержащегося в книге материала.

Думается, что даже такой – более чем беглый – обзор содержания десятичника показывает, что система оптимального функционирования экономики в середине 80-х годов получила достаточно полное оформление как новый подход к планированию, прогнозированию и управлению с позиций последовательной системности, выявления оптимальных решений, полноценного применения математического программирования и компьютерной техники.

Положенные в основу СОФЭ принципы позволяют использовать ее аппарат и выводы в современных условиях и для предприятий, и для их комплексов, а также для всей сферы государственного подчинения. Многие применимо и к частному сектору. Новые условия, несомненно, требуют дополнительных исследований и рекомендаций, т.е. продолжения работы как в целом над Системой, так и над ее отдельными направлениями.

В заключение этого раздела нужно сказать несколько добрых слов об ответственном секретаре десятичника Л.И. Лопатникове – одном из незаурядных специалистов в области экономической журналистики, проработавшем в ЦЭМИ более 20 лет и принявшем активное участие в подготовке многих институтских изданий – книг, научных записок, журнальных и газетных публикаций. Главным делом своей жизни, и я думаю, не зря, Леонид Исидорович считает созданный им “Экономико-математический словарь”, выпущенный в свое время в двух вариантах – научном (в издательстве “Наука”) и популярном (в издательстве “Знание”). Оба эти варианта выдержали в сумме 14 изданий, в том числе в Германии, Венгрии, Болгарии, Китае, на Кубе. Наше творческое сотрудничество с Л.И. Лопатниковым началось еще до его поступления в ЦЭМИ в 1968 г., когда он “вел” нашу тематику, работая в “Экономической газете”. Он никогда не переставал ощущать себя журналистом, практически все годы работы в ЦЭМИ преподавал курс экономической журналистики в МГУ, а когда представилась возможность вернуться к любимому делу, занял в 1990 г. должность экономического обозревателя в одной из экономических газет.

## 10. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

---

### О ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Размышляя о нынешних проблемах российской экономики, а также о применимости теории СОФЭ в современных условиях, я часто вспоминаю известный афоризм: “нет ничего практичнее хорошей теории” и все более и более склоняюсь к “крамольной” мысли о непродуктивности и вредности навешивания ярлыков на любые теории, деления их на “чистые и нечистые”, что предусматривает априорное их признание или отрицание исходя только из их названий. Думается, экономическая теория может быть верной или неверной, а определяющим признаком ее рациональности может быть только ее доказанная практическая польза. Таким образом, в экономике, выражаясь языком философии, полезна только та теория (комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления), предложение которой в дедуктивном виде может быть установлено при помощи доказательства. Но это доказательство достигается не в виде математической теоремы, а в результате сложного динамического процесса взаимной адаптации теоретических выводов и отладки практических механизмов реализации.

На мой взгляд, *настоящая экономическая теория представляет собой синтез “музыки цифр” и логики здравого смысла* и, так же как музыка или логика, не должна иметь классово-принадлежности. Однако многие читатели могут вполне обоснованно заметить, что вот, мол, Федоренко всю свою жизнь занимался социалистической экономикой, а теперь, видишь ли, как рассуждает... Думаю, здесь мне нужно объяснить, не ограничиваясь утверждениями, типа: “а другой экономики у нас не было” или “мы все тогда верили в лозунги марксизма, и только сейчас у нас открылись глаза”, хотя в этих утверждениях тоже есть доля правды. Поэтому ниже, не претендуя на бесспорность и тем более на полноту и систематичность изложения своих утверждений, я считаю необходимым поделиться некоторыми своими размышлениями об экономической теории вообще и так называемой теории социалистической экономики, в частности.

И еще одно вводное замечание. Я не понимаю тех, кто не приемлет слов: “социалистическая экономика”, стыдливо прикрывая терминологический срам фиговым листком типа “социально ориентированная” экономика. Думаю, здесь что в лоб, что по лбу. Я пойму этих людей

только тогда, когда в оборот войдут термины типа “капитало ориентированная” или “коммунально ориентированная” вместо “капиталистическая” и “коммунистическая”. Наверное, этого не будет, а, впрочем, чем черт не шутит...

В конце XIX в., когда социализм стал заметным и влиятельным общественным движением, римский папа Лев XIII в своем послании “*Regum novarum*” (1891 г.) подверг его осуждению. После Второй мировой войны, когда последовала широкая экспансия социализма по всему миру, Ватиканская конгрегация Священной канцелярии (бывшая инквизиция) своим декретом от 1 июля 1949 г. отлучила от церкви тех, кто сочувствует коммунистическим партиям, читает их прессу и голосует за коммунистических кандидатов на выборах.

Но времена меняются. В 1993 г. Иоанн-Павел II говорил: “В марксизме и даже коммунизме имеется рациональное зерно. И конечно же, это зерно не должно потеряться и погибнуть!... Сторонники разнузданного капитализма игнорируют добрые деяния, совершенные при коммунизме: борьбу с безработицей, заботу о бедных... Было бы иллюзией, что восточные режимы можно заменить западной капиталистической моделью, которая является гедонистской, потребительской, атеистичной”.

Католическая церковь – как система ценностей и как организация – за без малого тысячелетие своего существования знала подъемы и упадки, добрые дела и преступления. Она постоянно учится у жизни. Представления и выводы, абсолютно невозможные столетие или пятидесятилетие назад, стали естественными и нужными в наше, не слишком благоприятное для социализма и коммунизма время. Справедливости ради надо добавить, что Ватикан и раньше указывал на такие пороки капитализма, как присущие его морали “необузданную жадность” и “эгоизм”, объясняя их “печальными следствиями первородного греха”.

Все это не только делает честь интеллекту и историческому чутью Иоанна-Павла II, но и привлекает умы и сердца простых людей. Замечали ли это отечественные конфессии, либеральные реформаторы, профессиональные демократы?

Давно известно, что в жизни цивилизованного мира то в одной, то в другой стране случаются социальные революции. Иногда за ними следуют контрреволюции. Обычно этим последним предшествует такое явление, которое по французскому прецеденту получило общее название “термидор”. В Париже 9 термидора 2-го года Республики (27/28 июля 1794 г.) в результате заговора, возглавлявшегося Ж. Фуше, Ж.Л. Тальеном и П. Баррасом, была ликвидирована находившаяся в то время в кризисе якобинская диктатура. Этот переворот привел к власти крупную буржуазию (Директория, 1795 г.), вслед за чем, после пришествия Бонапарта (1799 г.), во Франции произошла реставрация монархического строя.

За сто с лишним лет до этого что-то подобное произошло и в Англии. Созданная пивоваром – диктатором Кромвелем, английская буржуазная республика прекратила свое существование через 11 лет, когда офицеры республиканской армии, ведомые генералом Монком, не

догадываясь, что когда-нибудь и их действия станут называть “термидором”, призвали в 1660 г. на трон Карла II Стюарта.

Некое подобие “термидора” свершилось в СССР в наше время. Если революции делают одни социальные силы и политические лидеры, а контрреволюции – иные, им противостоящие, то термидоры всегда дело рук – в принятой системе терминов – выходцев из революционеров, быстро сменивших свои ориентиры и перспективы на противоположные. Также давно замечено, что основа термидора – реакция людей на социальные и психологические напряжения лет революции. Причем, если революции имеют своих выдающихся людей, то термидоры “нуждаются в посредственностях”, роли которых кратковременны и мимолетны.

Думаю, что одна из главных причин нынешнего отступления социализма состоит в том, что от И. Сталина и до М. Горбачева включительно в нашей стране, по существу, не развивалась его теория. Никакая теория не может стоять на месте. Если же она “стоит”, то и практику шарахает в любую сторону – то в глобальное огосударствление, то в изживание товарно-денежных отношений, то в обещание за два десятилетия построить материально-техническую базу коммунизма, то в ускорение – перестройку и т.п. Теория может “жить и дышать” только в атмосфере дискуссий, споров, сопоставления аргументов. Это равно справедливо и для физики, и для биологии, и для социологии, и для экономики. Сама по себе наука такова. Правда, обычно к очередному партсъезду публиковались те или иные теоретические новации. Но они – когда верные, когда сомнительные, когда пустопорожние – преподносились как беспрекословная директива. Уже это лишало их значимости действительно теоретических новаций.

И второй момент: новая ступень в развитии научной теории вовсе не обязательно отвергает прежнюю. В физике теория Эйнштейна вовсе не отвергает теорию Ньютона. Теория реактивного сопла не отвергает теорию двигателя внутреннего сгорания. Происходит иное – новая теория либо дополняет старую, либо включает ее в себя как частный случай. В экономике так же, хотя несколько по-иному: без физиократов не было бы А. Смита, без А. Смита – К. Маркса, без К. Маркса – Д. Кейнса, без Д. Кейнса – М. Фридмана.

Новое в теории может оказаться несостоятельным практически. Таковым проявил себя современный монетаризм в тех странах, где применялись методы Международного валютного фонда. Это не признано только у нас. Новое может быть и преждевременным. Так, разработанная в конце прошлого века шведским инженером Карлом Густавом Лавалем теория реактивного сопла нашла практическое применение через полвека. Идея Леонардо о создании вертолета была реализована почти через 500 лет. Может быть даже так, что выдвигается истинная идея, но научные доказательства ее еще предстоит найти. Например, голландский биолог XVII в. Ван-Гельмонт идею самозарождения жизни – в противовес христианству – доказывал так: если в темном и изолированном помещении оставить горсть зерна и тряпку, то через несколько недель непременно найдешь живых мышат...

Меня в студенческие годы весьма поразила мысль В.И. Ленина в

его работе “Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов” о том, что создававшаяся *марксова теория была научной гипотезой*. А теперь, спустя десятилетия, практика доказала ее истинность. Именно так. И к ленинизму это столь же применительно, как к любой социально-экономической теории. Ф. Энгельс на склоне лет заметил, что Маркс создал политическую экономию в узком смысле (капитализма), а политическую экономию в широком смысле (общесоциальную) создать еще предстоит. Вот так мыслили настоящие ученые. Точнее, только так истинные ученые и могут мыслить. А когда сегодня вчерашние обоснователи “развитого социализма” кинулись “научно” обосновывать в России пещерный капитализм, то тут, думается, надо вспомнить афоризм Ж.-Ж. Руссо: “Если полагать цель жизни в успехе, то гораздо естественнее быть подлецом, чем порядочным человеком”. Тут ни прибавить, ни убавить...

Можно только предполагать, сколь изменилась, обогатилась бы социалистическая теория и практика, если бы с конца 20-х и до конца 80-х годов они могли бы развиваться свободно. А теперь эта отсталость, неразвитость (с позиций конца XX в.) – одно из основных орудий антисоциалистов и антикоммунистов, причем как из лагеря буржуазных либералов (что естественно), так и коммунистических термидорианцев, что, впрочем, столь же естественно.

Раньше мы знали о П. Сорокине по известной статье В.И. Ленина “Ценные признания Питирима Сорокина” и еще, что он был секретарем А.Ф. Керенского и товарищем Л.Б. Красина. Теперь знаем, что он выдающийся ученый-социолог XX в., один из родоначальников теорий социальной мобильности и социальной стратификации, основатель и в течение 35 лет руководитель факультета социологии Гарвардского университета. В своей “Системе социологии” он пишет, что революции (добавлю, и контрреволюции тоже, поскольку они – те же революции, только с обратным знаком) проходят три типические фазы. Первая – свержение старой власти, радость и братание; вторая – ухудшение экономического положения, рост недовольства, нарастание хаоса и приход к власти диктатуры; третья – длительное строительство нового общества, экономики, благосостояния, порядка, демократии. Так было в Англии в XVII в., во Франции – в XVIII, в России и затем Советском Союзе – в нашем веке.

В свете сказанного я бы никогда не признал тоталитаризм, репрессии, как упорно твердят западные и отечественные либералы (термидорианцы – всегда либералы), явлением исключительно советским и социалистическим. Нет, это послереволюционное (послеконтрреволюционное) явление всякого общества – явление именно второй фазы, будь то в Лондоне, Париже, Мюнхене, Москве, Пекине или в менее известных городах. И демократия – так ли, сяк ли понимаемая – атрибут стабильного и экономически высокопроизводительного общества. Поэтому в странах “третьего мира” ее, скажем, маловато. В пору же великой депрессии 30-х годов и в развитых странах, охваченных кризисом, демократии заметно поубавилось: где расстреливали демонстрации безработных, где танками блокировали поход в столицу ветеранов войны, а где и фашизм пришел к власти.

Пару лет назад побывавший в Москве французский коллега, поинтересовавшись темпами нашего роста цен, заметил, что во Франции в случае схожей ситуации уже, конечно же, все бастилии по всей стране были бы взяты. Так что демократия – вещь все-таки производная от экономики (одновременно, разумеется, способствующая развитию ее и общества).

Наш термидор 1991–1993 гг. прервал естественный процесс в третьей фазе. Начался новый цикл? Первую его фазу мы быстро прожили, и сегодня усилиями Ельцина и его правительств Гайдара и Черномырдина втянуты во вторую фазу. Теперь перед нами альтернатива: вернуться в третью фазу социалистического развития (ограничив капиталистическое кратковременным зигзагом) либо, пройдя через капиталистический хаос и капиталистическую диктатуру, ждать последующего, т.е. сначала дикого, криминального, далее – полудикого и цивилизующегося, а затем цивилизованного (по определению римского папы – “разнузданного”) капитализма, и тогда уже в рамках социал-демократической доктрины реформировать его в сторону социализма.

Это долгое движение, кстати сказать, – дело крайне сложное. Как пишет шведский социал-демократ Бу Густавссон, “успешная реформистская стратегия представляет собой постоянную езду на двух седлах, причем оба постоянны и неприемлемы”. По какому пути пойдет Россия? “Не дает ответа...”

Пока она не дает ответа, можно и нужно сколь можно четко определиться с самим механизмом функционирования социалистического общества и его экономики. Мы знали этот его механизм в его экстремальных формах – индустриализации, войны, послевоенного восстановления, военно-политического противоборства. Его еще называют мобилизационной моделью. А не мобилизационная, основная, т.е. естественная модель какова? Здесь можно высказать только некоторые гипотетические суждения. Все-таки времена Ван Гельмонта прошли, а новые леонардо и томасы мори еще не народились.

Обращение к основам так называемой политэкономии социализма, очевидно, также нам ничего не даст. Ее “объективные законы” (напомню, “основной” закон, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения по труду, закон социалистического накопления и проч.) теоретически оправдывали всевластность и сам факт существования командно-административной ситуации и, по сути дела, вполне могут быть заменены циничным принципом “единства политического и хозяйственного руководства”. О “практичности” этой политэкономии говорить не приходится.

Мне кажется, что для дальнейших рассуждений о социалистической модели экономики в качестве исходной можно и должно взять давнюю идею об обществе как едином трудовом кооперативе. Впервые, насколько знаю, она была выдвинута К. Каутским, а первым практиком несколько ранее был Р. Оуэн, который (чистая душа!) рекомендовал свои кооперативы и Николаю I для России. Осенью 1918 г. В. Ленин писал: “Социалистическое общество есть один большой кооператив”. Его статья “О кооперации”, если читать без шор, относится вовсе не к сельскому хозяйству, а к социалистическому обществу в це-

лом. Социал-демократы и коммунисты в отношении к этой основополагающей идее или не различались, или различались мало. И современные социалисты и социал-демократы многих стран исповедуют эту идею. Например, в программе шведских социал-демократов (1981 г.) цель партии определяется так: “Создание общества, в котором ответственность за производство и распределение находится в руках людей, граждане независимы от всех чиновников и находятся вне их контроля, классовое общество уступает место сообществу кооператоров”. Сказано несколько туманно, но тем не менее, по сути, определено и недвусмысленно.

В строительстве кооперативного движения многие государства прошли большой путь. Почти каждый швед, финн, датчанин, австралиец, итальянец и граждане других стран – члены потребительских, производственных, ссудных, жилищных, рекреационных и иных кооперативов. Отмечу, что лидирующее место в мире по развитию кооперативного движения занимает Италия, где в кооперативах занято до 9% трудоспособного населения. Есть примеры и у нас. Я знаком с председателем сельхозкооператива из села Шукты Акушинского района Дагестана М. Чартаевым. Это предприятие – действительно социалистический кооператив. Честно в глаза я сказал Магомеду Абакаровичу, что он русский Роберт Оуэн. Он со мной согласился, только поправил: может быть, российский? Так что для низового, первичного звена системы модель отработана.

По мнению многих экспертов (особенно профсоюзных), поскольку кооперативы во всем мире доказали, что они способны производить конкурентоспособную продукцию и являются альтернативой капиталистическим предприятиям во многих сферах приложения труда, процессу концентрации богатства и власти в собственности узкого круга лиц, представляют собой демократический институт, обеспечивающий защиту экономических и социальных прав своих членов, *кооперативную форму собственности можно рассматривать как “третий путь” развития производственных отношений, имея в виду в качестве первых двух – пути развития частной и государственной собственности.* Эти эксперты считают, что эта форма собственности может и должна выстоять в конкурентной борьбе с частным капиталом, прочно утвердиться на национальном рынке товаров и услуг в качестве одной из основных форм хозяйствования, если ей будет оказана общественная поддержка, а также законодательная и финансовая поддержка правительства.

Тому, кто считает эти соображения наивными, по-видимому, не известны модели преобразования форм собственности, получившие распространение в США и других западных странах, подобные модели ESOP (Employee Stock Ownership Plan или План создания акционерной собственности работников), разработанной американским ученым и общественным деятелем Л.О. Келсо (1913–1991 гг.). В соответствии с этой моделью государство принимает экономическую политику, признающую и обеспечивающую потребность каждого гражданина стать владельцем доли капитала наряду с деятельностью в качестве наемного работника, а с выходом на пенсию – вместо нее. Компании, приме-

няющие ESOP, становятся более производительными и конкурентоспособными, а их работникам гарантируется обеспеченная жизнь до конца дней. Не слышится ли вам, дорогой читатель, в предыдущей фразе отзвук формулировки “основного экономического закона социализма”?

Из сказанного понятно, почему в настоящее время в США свыше 11 млн работников идут по пути превращения в совладельцев компаний. Модель ESOP применяют там 12 тыс фирм с суммарными активами в 120 млрд долл., на которых занято 13% рабочей силы страны. Поддержка подобных моделей в той или иной мере существует в 70 странах мира. Встань сегодня из могил Г. Форд, Т. Батя, Дж.П. Морган, П. Рябушинский и другие мастера своего дела, они, наверное, с изумлением признали бы современный мир скорее социалистическим, чем “родным” для них капиталистическим. Конечно, это было бы большим перехлестом, но то, что современное общество так или иначе движется в социалистическом направлении, вряд ли можно принципиально отрицать. Так что по крупному счету “крот истории” роет в ту сторону, а уж от нас самих в некоторой степени зависит сам темп движения.

Я далеко не наивный человек и думаю, что сегодня еще рано и мечтать о том, чтобы все работники в России стали собственниками, и о том, чтобы рассмотренный выше гипотетический “третий путь” завтра же смог составить реальную конкуренцию первым двум. Для этого сегодня в России нет главных условий: большинство людей, работающих по найму, не только не обладает средствами для инвестирования, но находятся на грани бедности; в промышленности нет массовой прослойки мелких собственников и бизнесменов, она растет в сфере услуг, но медленными темпами; аграрная реформа (а фермерство – это главная опора мелкой производственной кооперации) в России фактически еще не начиналась, поскольку так называемая коммунистическая фракция, обладающая большинством в Думе и завоевывающая все новые позиции на локальных выборах, блокировала и блокирует ее. Современные тенденции в расстановке политических сил в России не позволяют оптимистически оценивать перспективы в этой области и после 2000 г.

Думаю, что, с одной стороны, в России нет условий для создания оуэновских “Новых Гармоний” или “идеальных промышленных общин”, а с другой – она уже не вернется к “старым сталинским гармониям”, представляющим собой простую кооперацию, по сути дела, рабского труда. Однако, как и многие другие российские экономисты, я считаю, что кооперативное движение в нашей стране имеет громадные неиспользованные резервы. У него есть огромные возможности проявить себя во всех отраслях, работающих на потребительский рынок (особенно в сельском хозяйстве), оптимально сочетая традиционный для России коллективистский подход со свободой частной инициативы. Но эта свобода появится только после того, как в стране завершится процесс “настоящей” приватизации, и каждой кусочек собственности, каждый квадратный сантиметр земли в России будет иметь своего постоянного и заботливого хозяина. На завершение этого неустойчивого и подверженного колебаниям процесса будет еще потрачено много времени и усилий.

Многие российские либеральные партии сегодня выступают приверженцами социально ориентированного рыночного хозяйства. Во всех современных индустриально развитых странах экономика именно такова. Везде государство в той или иной мере ограничивает чисто рыночные проявления в экономике и проявляет заботу о гражданах. У одних эта ориентация сильнее, у других слабее, но и там, и там она имеет место. После Великой депрессии и Второй мировой войны без этого не обойтись – люди просто не позволят. И национальное планирование существует – у французов, голландцев, японцев, южных корейцев, турок и многих других.

Известно и такое понятие, как *смешанная экономика*, под чем подразумевается, как правило, капитализм с элементами социализма. Но ведь социально ориентированная или смешанная экономика – феномен третьей сорокинской фазы. Во второй ее никогда не было! У нас с 1992 г. принялись создавать капитализм, изничтожая все социалистические методы хозяйства и социальной сферы. Поскольку ломать легче, чем строить, то “изничтожение” идет наиболее “успешно”. Так о какой же социально ориентированной или смешанной экономике можно вести речь? Ясно, что ни о какой!

Не думаю, что принародное объявление в 1991 или 1992 г. “приступаем к строительству капитализма!” позволило бы тогда этот “приступ” осуществить. А теперь со словами “социально ориентированная” и “смешанная” делаются попытки создать дикую рыночную экономику с красивыми этикетками. Но этикетки на суть дела повлиять не могут, они могут только какое-то время обманывать народ.

Думается, нашим согражданам в искаженном виде преподносится и само содержание рыночной экономики. На деле рыночная экономика – это вовсе не вольные цены, частная собственность, торговля землей, конвертируемая национальная валюта. Рыночная экономика – это система, сеть многочисленных и разнообразных хозяйствующих на основе самофинансирования (а значит, самоуправления) субъектов общества – семей, предприятий, объединений предприятий, государства. И еще – в ходе хозяйственной деятельности капитал каждого субъекта должен прирастать, весь доход не может проедаться, иначе рынок на этом субъекте “поставит крест”.

Современное рыночное хозяйство должно быть действительно хозяйством социально ориентированным. Государство своим регулирующим законодательством, собственными финансовыми и иными ресурсами поддерживает на определенном уровне социальную защищенность личности, семьи, трудового коллектива. На Западе многочисленные гарантии социальной защищенности закреплены уже и в международных документах – к примеру, в “Хартии Европейского Сообщества об основных социальных правах”. В некоторых развитых странах, например во Франции, уже решается вопрос о предоставлении всем гражданам государственно гарантированного уровня дохода с момента рождения до смерти. Об этом не мечтали даже при “развитом социализме”.

Что же касается вольных цен, частной собственности и прочего – это для второй половины XX в. дела вторые, пятые и десятые. Дела в

современной индустриальной экономике ведут в основном на заемный капитал, на арендованном оборудовании и арендованной земле. Собственным является дело (бизнес), а не капитал. На многие продукты цены определяет не базар, а транснациональные корпорации, государства и даже межгосударственные объединения (ЕС, ОПЕК и т.п.), курсы валют регулируют центральные банки и т.д.

Таким образом, так называемый свободный рынок – это один из мифов конца XX в. Так можно было говорить еще до Первой мировой войны, которая заставила эту свободу резко сократить. Далее в том же направлении действовали: кризис 1929–1933 гг., Вторая мировая война, послевоенное восстановление, нефтяной кризис 70-х. В последнее время – это напряжение в отношениях “Север–Юг” и мировая экологическая обстановка.

Теперь еще об одном – о первоначальном накоплении капитала. Так часто обозначают идущий у нас сегодня процесс создания капиталистического хозяйства. Думаю, что цели и последствия происходящей приватизации госимущества так называть нельзя. В точном значении накопление капитала – это его увеличение, приращение. Когда на заре капитализма происходило первоначальное накопление, то это означало следующее. Где-нибудь во Флоренции, Манчестере, Лионе или Иваново-Вознесенске ремесленник нанимал дополнительных учеников – завтрашних работников, жал в кулак каждый фартинг или пятак, расширял мастерскую, заводил фабричку, фабричку превращал в фабрику, ставил контролеров, надсмотрщиков, управляющих... И при желании мог и отойти от дел: он уже не жалкий ремесленник, а капиталист. Были и сейчас есть примеры быстрого обогащения – за счет незаконных деяний или изобретения прибыльных новинок, но они все же являются исключением из общего правила.

У нас же теперь происходит иное – перераспределение капитала от государства в руки капиталистов (сиречь – предпринимателей). Суть в том, что почти все они происходят от Полиграф Полиграфыча, и поэтому в процессе нынешней “дележки” объем совокупного национального капитала сокращается, поскольку шариковых интересуется только сама дележка, а не честное и трудовое приращение богатства. Поэтому по всей стране выходят из строя из-за почти полного отсутствия ремонтов и нового промышленного строительства станки и оборудование, истощаются почвы, сокращается рабочее стадо скота и т.п. Разве сокращение капитала можно называть накоплением? Вещи надо называть их именами. Это перераспределение, да такое быстрое и так задешево, имеет одно имя – разворовывание.

Что касается собственно *социалистической рыночной экономики*, то гипотетически она может быть представлена так. Работают предприятия разных форм собственности, какие-то – на свои капиталы. Это – семейные предприятия, мелкие и средние товарищества. На других (крупных и средних) работают либо собственники, либо арендаторы зданий, оборудования и т.п. Если предприятие кооперативное, то все члены кооператива – равные в правах собственники его капитала (один человек – один голос). Если предприятие акционерное, то контрольный пакет акций принадлежит трудовому коллективу. Именно коллек-

тив – собственник, а не Иванов, Петров или Сидоров персонально, потому что каждый из них, при всех своих акциях, всего лишь мелкий кредитор и не более того.

Здесь стоит вспомнить, что еще летом 1918 г. Григорий Сокольников (идейный последователь С.Ю. Витте, один из отцов нэпа, блестяще прошедший денежную реформу 1922–1924 гг.) предлагал не административно, а на акционерной основе проводить национализацию промышленности России. Но тогда было не до таких тонкостей, а потом то ли не вспомнили, то ли посчитали, что поздно уже. Впрочем, акционерная форма собственности никак не вписывалась в сталинскую экономическую модель, как и сам Сокольников, убитый в застенках НКВД 21 мая 1939 г. Кстати, сам Сокольников и его выдающиеся достижения на посту наркома финансов заслуживают самого внимательного изучения и детального описания, для чего, к сожалению, здесь не хватит места. Ограничусь только некоторыми цифрами, которые говорят сами за себя и которые надо бы постоянно держать перед глазами нашему нынешнему правительству, уже который год обещающему, что вот-вот уже скоро у нас начнется экономический рост. Так вот, при Сокольникове рост производства в практически разрушенной перед этим российской промышленности составил: за 1922–1923 гг. 38,3%, за 1923–1924 гг. – 27,5; за 1924–1925 гг. – 56%. Фантастика!

Возвращаясь к нашей теме, поставлю вопрос: что такое экономика страны? Это трудовые коллективы, как матрешки, вложенные одна в другую. Самая маленькая – семья, побольше – бригада, участок, фабрика, завод, самая большая – трудовой коллектив страны. И именно трудовой коллектив точно оценивает людей, их сильные и слабые стороны. От коллектива не скроешься, он знает, кто чего стоит, он не пропустит неумеху, лентяя или стяжателя себе в руководство, если, конечно, есть в государстве закон о трудовых коллективах. Во Франции есть, в Германии и Италии есть, в СССР был, почему бы и России не жить по такому закону?

Как и всякий собственник, коллектив сам будет отвечать за себя: хорошо поработали – с прибытком, плохо – сами виноваты... Коллективы-смежники договариваются друг с другом об условиях поставок, перевозок, о ценах и т.п., либо создают на кооперативной или акционерной основе картели, синдикаты, доверяя им эти функции. Ведь вся технологическая цепочка – от сырья, топлива и до хлеба, ботинок завязана на общий результат. Если хлеб из-за дороговизны не распродается в булочных, то и селяне, и транспорт, и нефтяники останутся без оплаты своего труда. Когда эти связи – и по горизонтали, и по вертикали – налажаются, то никто из цепочки не станет “тянуть одеяло на себя”, каждый зависит от других. И кроме того, коллективному собственнику в отличие от индивидуального при любом повороте дел никуда не деться. Значит, надо дела вести непременно лучше, надежнее. Каждый год, квартал или месяц коллектив подводит итоги: как поработали, сколько заработали, сколько денег пустить на зарплату, сколько надо вложить снова в дело на его совершенствование или расширение, сколько и на каких условиях взять кредитов и т.п.

Думаю, нужен и государственный закон, по которому часть акций

(и, соответственно, доходов) отдается пенсионному фонду страны (ведь сегодняшние работники – это завтрашние пенсионеры), детскому фонду (всех детей нужно растить, учить, лечить) и госбюджету (всем от мала до велика нужна милиция, армия и т.п.). Вот тогда это будет настоящая рыночная экономика.

Что касается государства, то оно должно и законы о хозяйствовании издавать, и следить за тем, чтобы экономика развивалась гармонично, сбалансированно. При этом “законы издавать хорошие, человеческому естеству приличные; противоестественных же законов, а тем паче невятных и к исполнению неудобных не публиковать”<sup>1</sup>.

И разумеется, хозяйство надо планировать, а малое и среднее предприятие всячески поощрять и оберегать льготными ссудами и страхованием на первые, самые рискованные годы работы. Способы и методы такого государственного воздействия на народное хозяйство известны и отработаны.

Экономика – не спорт. В ней главное не быстрее, а эффективнее, чтобы каждый шаг укреплял хозяйство, улучшал жизнь людей. Материальная основа такой экономической политики состоит в *структурной* перестройке, чтобы все большую долю в производстве занимали легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство, жилищное строительство, культура, наука, а также перестройке *технологической*, чтобы старое, изношенное оборудование заменялось высокопроизводительным, экономичным. В 1992 г. говорили: рынок отрегулирует, все само собой образуется. Не образовалось и никогда само собой не образуется. Нужна именно политика государства, эти цели преследующая и реализующая.

Все вместе взятое, как представляется, и будет единым народнохозяйственным кооперативом. Высшим органом его управления, возможно, следует сделать Всероссийский съезд трудовых коллективов. Он будет представлять граждан как работников, совместно с правительством и парламентом (этот последний представляет граждан как потребителей, а формирование правительства на паритетных началах организуют и работники, и потребители) выработать экономическую стратегию и политику и контролировать их реализацию. В этом, думается, и заключается специфика социалистической демократии; она распространяется не только на налоговую сферу экономики, но на все народное хозяйство.

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Мысли, которые я изложил на предыдущих страницах, повторяю, не претендуют на бесспорность, представляют собой, скорее, “информацию к размышлению”, а о реализации высказанных идей сегодня го-

---

<sup>1</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 483.

ворить рано. Сейчас я бы хотел поделиться некоторыми соображениями по ряду насущных вопросов экономической теории и практики.

До перестройки ученые были лишены возможности исследовать альтернативные пути социально-экономического развития, рассматривать иные модели социалистической экономики, кроме директивно-плановой. Господствовавшей в ту пору была теория трудовой стоимости, согласно которой стоимость товара создается производительным трудом, а все другие факторы производства стоимости не создают, а лишь перераспределяют прибавочный продукт в соответствии с законами рынка. Из превышения стоимости товара над стоимостью рабочей силы делался вывод о присвоении прибавочного продукта собственниками средств производства, об эксплуатации труда капиталом.

Представив капитализм как общество несправедливости и эксплуатации, марксизм направил энергию миллионов людей на ниспровержение этого строя. Треть человечества была вовлечена в “наш последний и решительный бой” за “освобождение труда” и построение нового общества.

Главный же парадокс истории заключается, однако, в том, что трудовая теория стоимости, породившая мощное антикапиталистическое движение, оказалась чрезвычайно разрушительной именно для тех стран, которые назвали себя социалистическими. Она на десятилетия определила неправильную ориентацию хозяйственных решений и, как следствие, деградацию производительных сил общества. То, что ни в одной социалистической стране так и не удалось создать здоровую и конкурентоспособную по мировым меркам экономику – бесспорный исторический факт.

Известно, что система ценообразования в нашей стране строилась на основе себестоимости продукции, реализуя наиболее примитивную трактовку теории трудовой стоимости. Процент на капитал и природные факторы на цены не влияли. Отсюда получалось, что самую дешевую продукцию дают заводы-гиганты, а самую дешевую электроэнергию – мощные гидростанции, в том числе и на равнинных реках. На что ориентировали практику такие цены и стоящий за ними механизм хозяйствования, всем хорошо известно. Но от оставленного нам наследия уже никуда не уйти – ни от огромных омертвленных капитальных средств, ни от затопленных плодородных полей, ни от загубленных рыбных богатств, ни от загрязнения воздушной среды.

В таком состоянии страна вошла в период перестройки. Экономический рост прекратился, негативные процессы нарастали. Достоинно вписаться в мировой рынок наше хозяйство не смогло в силу технологической отсталости и монополизации производства. Не последнюю роль в этом сыграла и ни на что не похожая система цен, сформированная согласно трудовой теории. Следствие этого – дешевые и потому разбазариваемые энергоносители, сырьевые ресурсы и очень дорогая, хотя и низкосортная, промышленная продукция. В общем, полукOLONиальная, отсталая экономика.

Были отсюда сделаны необходимые выводы? Отнюдь. Нашлось другое объяснение: во всем виновата административно-командная система! Но это полуправда. А вся правда в том, что система управления

служила проводником насаждаемых сверху идеологических установок, исполнителем приговора, подписанного трудовой теорией стоимости.

При этом идеологи реформ оставили без должного внимания отечественное теоретическое наследие. Речь идет прежде всего о системе оптимального функционирования экономики. Повторю: уже в 70-е годы создателями СОФЭ были сформулированы теоретические предпосылки создания хозяйственного механизма типа регулируемого рынка. Именно за это теория СОФЭ неоднократно подвергалась огульной и некомпетентной критике. Критикой 1983–1985 гг. противникам СОФЭ удалось реализовать свою главную цель – вывести теоретическую базу реформ и вместе с ней и ЦЭМИ из процесса рыночных преобразований.

К сожалению, Академия наук до сих пор не дала принципиальной оценки этой акции. Это тем более важно, что в СОФЭ реформаторы, при желании, могли бы найти ответы на важные вопросы, связанные с эффективным преобразованием российской экономики.

Взять, к примеру, нынешнюю систему налогообложения. Не буду подробно останавливаться на азбучной истине, заключающейся в том, что эта система должна иметь стимулирующий, а не чисто фискальный характер, поощрять развитие производства и обмена, содействовать расширению базы налогообложения. Устанавливать непомерные налоги – это для государства все равно, что пилить под собой сук. Однако пополнять казну надо, а простое снижение налоговых ставок в условиях острого бюджетного дефицита может вызвать непоправимые негативные последствия. Что же делать? Может быть пересмотреть структуру налогообложения?

Действительно, в существующей сегодня в России налоговой системе, как и раньше, ориентир сделан на труд, на обложение текущих доходов. Их доля в доходной части консолидированного бюджета составляет более 70%. В то же время доля налогов, связанная с капиталом и природными ресурсами, на порядок меньше. Такая структура налогов никак не соответствует структуре формирования реальной народнохозяйственной прибыли, 2/3 которой (если считать в мировых ценах) образуется в топливно-энергетическом комплексе и сырьевых отраслях. Иначе говоря, главным и определяющим источником реальных доходов в нынешних условиях является отечественный природно-ресурсный потенциал.

Поэтому, на мой взгляд, следует прислушаться к предложениям тех, кто считает, что не трудовая составляющая стоимости, а доходы от использования природных ресурсов или так называемая природная рента и должны стать основой налоговых поступлений. За счет природной ренты Россия могла бы покрывать первоочередные расходы на оборону, на поддержку конверсии, науки, образования и культуры, содержание госаппарата и другие необходимые государственные расходы. Предприятия же перерабатывающей промышленности и сельского хозяйства оказались бы почти в условиях “налогового рая”, что крайне важно для их дальнейшего развития. Значительную их часть, имеющую стратегическое значение для России, вообще можно было бы освободить от всех налогов. В результате затраты на производство про-

дукции обрабатывающей промышленности могли существенно снизиться, а ее конкурентоспособность – резко возрасти. Отмена ряда традиционных налогов, и в первую очередь на заработную плату и НДС, улучшила бы инвестиционный климат в стране, создала бы серьезный стимул для иностранных инвесторов, для притока валюты в страну. Это также благоприятно повлияло бы и на снижение инфляции, способствовало бы стабилизации курса рубля.

Но тогда мы могли бы, правильное сказать, должны были бы совсем иначе подойти и к решению проблемы собственности и приватизации.

Давно и хорошо известны экономические и социальные преимущества взимания налогов прежде всего с той части богатства, которая дарована нам свыше, как говорится, Создателем, а не является творением рук человеческих. Описание экономических преимуществ природно-ресурсного налогообложения можно найти сегодня едва ли не в любом учебнике по рыночной экономике. Однако примеры практического использования такого налогообложения во всем мире можно пересчитать буквально по пальцам. И дело здесь не в трудностях перехода к природно-ресурсному налогообложению, хотя они и существуют. Низкие налоги на богатство в современных рыночных экономиках остаются “священной коровой”, на которую не решаются посягнуть власти предрешающие. Если мы всерьез хотим реформировать экономику, то должны в первую очередь перейти от символического к полновесному налогообложению природно-ресурсного потенциала. Необходимость этого диктуется не только насущными задачами оздоровления российской экономики, но и стратегией перехода к экологически устойчивому хозяйствованию.

Что же мешает? Прежде всего интересы тех, кто нажил огромный капитал на присвоении ренты с природных ресурсов. Это сравнительно небольшая прослойка общества, которая сегодня получила доступ в высшие эшелоны государственной власти. Отмахнуться от этих интересов трудно, да и опасно, но другого выхода сегодня у России нет.

Осознание необходимости новой налоговой политики, а в конечном счете, чувство самосохранения и должно объединить россиян, противопоставить их общую волю разбазариванию природных богатств России, положить конец коррупции и лихоимству. Решающее значение в борьбе с этим злом призвана сыграть рентная система налогообложения.

В России сейчас сложилась уникальная ситуация: не состоялась еще передача земли частным собственникам. Этой ситуацией надо уметь воспользоваться и решить принципиальный вопрос: частная собственность или частное владение (пользование) землей, свободная торговля или аренда? Я склоняюсь ко второму пути и более подробно останавлиюсь на этом вопросе в последней главе. Здесь добавлю только, что правительству и Федеральному собранию следовало бы все тщательно взвесить. Предлагаемая ныне программа приватизации земли, думается, преследует сиюминутную цель – собрать немедленно какие-то деньги для покрытия нужд бюджета. Однако это означает, что будущие правительства лишатся возможности иметь гораздо больший приток

доходов от земли. Они неизбежно столкнутся с ростом социальной напряженности, с труднопреодолимыми препятствиями в борьбе с коррупцией и криминализацией экономики.

Не менее важно, на мой взгляд, переориентировать соответствующим образом и кредитную политику. В большинстве стран мира земля сегодня рассматривается как один из наиболее привлекательных видов залога для получения банковского кредита. Так банкам проще. Им в этом случае не надо оценивать реальную платежеспособность заемщика, анализировать обоснованность целевого назначения кредита, проводить банковский контроль за эффективностью использования денежных средств. Но при этом упускается из поля зрения другая, исключительно опасная по своим последствиям сторона проблемы: банковские кредиты под залог земли стимулируют спекуляцию земельными участками, приводят к необоснованному обогащению кредиторов. Те же, кто получает кредит на таких условиях, нередко быстро разоряются. Опыт западных стран, в том числе и Англии середины 80-х годов, наглядное тому подтверждение. Вот почему ссуды под залог земли не должны стать у нас определяющей формой инвестиционных кредитов. Кредитную систему в России надо строить на иных, более цивилизованных, нежели на Западе, принципах, отвечающих такому характеру экономических отношений, которые бы исключали социальные конфликты и кризисы, саму основу возникновения экономического неравенства.

В решении многих аспектов приватизации наделано немало глупостей. Кажется, что реформаторами остались незамеченными весьма примечательные факты эволюционного развития экономики и прежде всего вычленение системных функций экономики из всего набора функций общественного развития. Сегодня повсеместно идет постепенный процесс автономизации экономики, отделение политической власти от власти экономической. Это, в свою очередь, открывает дорогу для все более широкой кооперации и углубления разделения труда, для увеличения масштабов технических и организационных усовершенствований производства.

И не странно ли выгоды, извлекаемые обществом из автономного существования экономики, приписывать не этому источнику, а всего лишь одному из обеспечивающих его факторов – институту собственности?

В ходе эволюционного развития способы реализации функции собственности могут изменяться и действительно изменяются. Поэтому не существует раз и навсегда закрепленных и освященных историей преимуществ одной формы собственности над другими. Более того, сохранение конструкции старого института частной собственности носит все более рудиментарный характер, как остатки крепостных укреплений в современных городах. В связи с этим пафос борьбы за и против частной собственности в значительной мере теряет свое реальное содержание и превращается в жупел, используемый политическими партиями и стоящими за ними группами давления, соперничающими в борьбе за “кусочек государственного пирога”.

Главное, что сегодня сдерживает реформы, это, конечно, не смена форм собственности. Тормозом реформ является нерешенность вопроса о власти. К сожалению, у нас не произошло разделения политиче-

ской и экономической власти. Политика продолжает довлеть над экономикой, как в “славную эпоху Госплана”. А поэтому у нас как не было, так и нет института собственности вообще, в том числе и частной. При переходе к рыночной системе, генеральной формулой которой является “товар–деньги–товар”, в России произошла ее подмена другой формулой: “власть–деньги–власть”. И дело сегодня не в обсуждении пропорций между государством и рынком, а в том, как преодолеть негативное влияние коррумпированной власти на экономику. Вот в чем суть проблемы.

И все это проистекает из игнорирования теоретических положений современной науки. В поле зрения реформаторов оказалось лишь одно из направлений западной экономической мысли – либерализм, причем далеко не в лучшем, “чикагском” (монетаристском), исполнении.

Так, современная теория институционализма раскрывает особенности современных представлений о роли государства в рыночной экономике, в реализации определяющих целей общества. Это прежде всего неприятие “беспредела” в достижении личных или групповых интересов. Это понимание необходимости развития системы механизмов, принуждающих предпринимателя каждый раз при реализации своих интересов соотносываться с интересами общественными.

Без развитой системы институтов, защищающих права потребителей, производителей и государства, нельзя себе представить современный рынок. И один из очень важных выводов институциональной теории как раз и состоит в том, что государственное регулирование, будучи альтернативой рыночной самонастройке, не является, тем не менее, антиподом рынку. Это его продукт и важный конституирующий элемент. Не случайно оно так широко практикуется сегодня не только государством, но и самим бизнесом.

Немало полезных выводов для практики дает и эволюционная теория экономики.

Важно подчеркнуть, что для различных направлений современной экономической мысли как у нас в стране, так и за рубежом есть одно объединяющее начало: требование учета при исследовании того или иного социально-экономического явления наибольшего числа факторов, как положительных, так и отрицательных. Взвешивая все pro и contra, всегда можно найти компромиссное решение. Классический объект для применения такого системного подхода – это инфляция.

Вряд ли кто-то будет отрицать тесную связь состояния денежной массы и инфляции, так же как и оспаривать знаменитое высказывание Милтона Фридмана о том, что инфляция всегда и везде является денежным явлением. Но такая же (или примерно такая же) взаимосвязь существует и между инфляцией и спадом. Однако почему-то сторонники монетаристской идеологии пытаются в этом случае сохранить фигуру умолчания. Подлинной науке всегда был чужд столь примитивный одномерный подход, и недаром многие серьезные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, с большой иронией относятся к непоколебимой вере наших либералов в возможность управлять процессом инфляции с помощью лишь одних монетаристских методов.

Перед нами на самом деле не один, а два врага: инфляция и спад

производства. Таким образом, принимаемые решения, направленные на подавление инфляции, должны быть разумным компромиссом между требованиями снижения инфляции и поддержания объема производства. Альтернативы такому подходу нет.

Не надо забывать, что инфляция – это не просто опасный и ненасытный зверь, пожирающий, с ведома и благословения государства-грабителя, народное благосостояние и более всего предпочитающий отнять последний кусок у самых бедных людей. Это еще и оборотень, принимающий различные обличья, когда на него набрасывают искусственные путы, в то же время не отрывая его от источника, в котором он черпает живительные силы. Источник этот хорошо известен всему миру. Это безалаберная экономическая политика.

У всех в памяти, как в конце 80-х годов при “стабильных” (искусственно сдерживавшихся) ценах такая политика вынудила инфляцию обернуться “навесом” отложенного спроса и развалом потребительского рынка. Сегодня мы все свидетели того, как искусственно сдерживаемая инфляция, но уже при свободных ценах, приняла обличье коммерческих неплатежей, невыплаты зарплат, стипендий, пособий и проч. И заметьте, инфляция по-прежнему обходит стороной вырастающие как на дрожжах многоэтажные особняки и “Мерседесы”. По-прежнему любимым ее лакомством остается бабушкина пенсия. Какую маску наденет инфляция завтра?

На этот вопрос пока ответа нет, но то, что инфляция вызывает эрозию логики экономического мышления, – несомненно. Если раньше, в условиях плановой экономики, в основу экономической политики закладывались директивные показатели производства “в натуре”, то теперь мы как бы снова возвращаемся к плану, но уже с другого конца. Задается не выпуск, а показатель минимальной инфляции, при этом главным источником инфляции считается дефицит бюджета. Воистину, “все смешалось в доме Облонских!”: бюджетный дефицит рассматривается в качестве причины инфляции, тогда как на самом деле он является ее следствием. Вместо того, чтобы отслеживать инфляцию в качестве результирующего показателя проводимой правительством экономической политики, ее уровень теперь принимается как исходный параметр для разработки финансового плана – бюджета страны.

Как видим, меняется форма, а не содержание. Мы продолжаем скользить по поверхности явления, не затрагивая сути главных процессов, от которых зависит успех реформ в России. Наши постоянные провалы в экономической политике еще раз подтверждают, что нельзя на теорию смотреть как на нечто абстрактное, далекое от жизни. За это заблуждение наш народ всегда платил и продолжает платить большую цену. При использовании теоретического задела, накопленного мировой, в том числе российской, экономической наукой, реформы в России могли бы пойти совсем по другому руслу, что позволило бы избежать тех пагубных последствий, которые мы наблюдаем сейчас.

В заключение все же отмечу, что в нынешней ситуации есть нечто, что меня отчасти утешает. Во-первых, уверенность в том, что я могу сегодня писать все это, не опасаясь репрессий. Во-вторых, надежда, что эти мои строки прочтут те, кому они адресованы.

## 11. ОБ ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: КАМО ГРЯДЕШИ?

---

Проблематика “переходных периодов” самая древняя в общественных науках. Еще Адам сказал своей жене по дороге из рая: “Мы, Евочка, живем с тобой в переходный период”. С тех пор и по настоящее время эта тематика исследуется неустанно (в России этим занимается сегодня Институт экономических проблем переходного периода), однако заметных успехов, увы, пока не достигнуто. Думается, что лучшими из всех рекомендаций в этой области до сих пор остаются положения третьей главы книги Бытия, где Господь Бог дает наставления своим изгнанникам. Его предсказания сбываются и в общем (“В поте лица будешь есть хлеб...”), и в деталях. Когда я вижу сегодня массу людей, вырванных, как в униформу, в импортную кожу, и вспоминаю классический образ чекиста – в кожаной куртке с маузером на поясе, мне приходит в голову та же глава из Библии, стих 21, где сказано: “И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их”. Наверное, действительно, кожаные куртки и регланы – это воистину одежда “переходного периода”.

Шутки шутками, но разобраться в том, что же с нами случилось в последнее десятилетие, почему это произошло и что же нам делать дальше, конечно, попытаться нужно. Я отнюдь не претендую на императив и на то, чтобы на нескольких страницах исчерпать проблему. Это слишком неподъемная тема не только для мемуарного жанра, но даже для серьезной публицистики.

### М.С. ГОРБАЧЕВ И ЕГО “ПЕРЕСТРОЙКА”

Свои размышления о нынешних делах в российской экономике хочу начать с одной “сборной” цитаты из выступления известного политического деятеля. Собранная с двух страниц в один абзац, она минимально отредактирована для удобства чтения, но без малейшего искажения смысла сказанного.

Итак: Здесь и увеличение безработицы, обострение всего комплекса социальных проблем. Нарастающий кризис политических институтов, духовной сферы. Не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, сталкиваемся ныне с небывалым переплетением, взаимоусилением всех групп противоречий, с таким количеством социальных и прочих тупиков, какого не знали за все века своего развития. Обостряются прежде всего противоречия между трудом и капиталом. Перестройка производства изменила обстановку, позволила капиталу перейти в контрнаступление, лишить трудящихся значительной части их социальных завоеваний. По ряду

показателей уровня жизни трудящиеся оказались отброшенными на много лет назад. Рекордной для всего послевоенного периода является безработица. Заметно ухудшается положение крестьян и фермерства. Углубляется, становится все более разительным социальное расслоение. Правящие круги не могут не понимать, что подобное положение чревато социальными взрывами, политической дестабилизацией. Но это не делает их политику более взвешенной. Небывалые масштабы приобрело целенаправленное культивирование индивидуализма, права сильного в борьбе за существование, аморализма. Нельзя не сказать о серьезной опасности всей внутренней обстановки и для международных отношений. Последствия такого поворота труднопредсказуемы, их опасность недооценивать нельзя. Думаю, достаточно...

Догадались ли вы, дорогой читатель, кто это характеризует нынешнее состояние России? Вы скажете – Зюганов? Нет. Анпилов? Нет. На самом деле – это М.С. Горбачев.

Теперь нужно угадать, по какому поводу сказаны эти слова. Можно подумать, что это одна из его предвыборных речей начала лета 1996 г., когда М.С. Горбачев резко и в общем-то по делу критиковал политику правительства. Нет. Эта цитата “собрана” со страниц Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, где М.С. Горбачев дает характеристику современного этапа углубления *общего кризиса мирового капитализма*<sup>1</sup>. Как все похоже. Да что там похоже – одно и то же!

Так что ж, у нас теперь капитализм, и мы подключились к глобальному процессу его “загнивания”? Может быть, мы рано повывбрасывали с полок научные труды ученых, много лет занимавшихся “критикой буржуазных теорий”? Как было бы славно и удобно тем, кто пытается разобраться в том, что же происходит сегодня с российской экономикой и как ей развиваться дальше! Скажем, если у власти Гайдар и Чубайс, то читаем Сакса и Фридмана; если же на выборах побеждает Зюганов, то упомянутых буржуазных “апологетов-фальсификаторов” выбрасываем и опять берем с полки сочинения Кронрода, Цаголова и Кузьминова.

Нет, друзья мои, все не так просто. Смена вывесок и лозунгов не ведет к немедленным социально-экономическим изменениям, особенно, если лозунги фальшивые. Впрочем, в законе Мерфи умно сказано, что хороший лозунг может заменить анализ на пятьдесят лет. Мерфи, правда, не думал, что одна страна может жить без анализа намного дольше, а отдельные люди и всю свою жизнь.

Когда руководителем страны в 1985 г. стал М.С. Горбачев и среди другого заявил, что “партия поддерживает смелый поиск, соревнования идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии”<sup>2</sup>, честно говоря, я, как и многие мои коллеги, воспринял духом, на какое-то время забыв слова великого русского историка Ключевского, отмечавшего два вредных предрассудка, – веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения.

<sup>1</sup> Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политгиздат, 1986. С. 13–14.

<sup>2</sup> Там же. С. 168.

Если вы читали эту книгу с самого начала, то, наверное, вам не нужно объяснять, что случаев разочароваться в творческой мощи власти у меня было предостаточно. Однако неожиданное появление в составе “геронтологического Политбюро” молодого, энергичного человека породило кое-какие надежды на лучшее будущее, на то, что что-то, наконец, удастся изменить. Признаюсь, грешен. Сблзнитья было так легко, поскольку надежда на то, что когда-нибудь я стану жить в стране, где анализ будет важнее лозунга, никогда не умирала. И вот, как говорится, “процесс пошел”...

Лично с М.С. Горбачевым я встретился впервые в начале 80-х годов, когда он еще работал секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Эта отрасль экономики давно отстала в своем развитии, и всему населению страны было ясно, что необходимы серьезные реформы. Продовольствие – основа стабильности благополучия любого государства, и если великая держава половину своей потребности в продуктах питания удовлетворяет за счет импорта, то здесь что-то не в порядке. Помню, как-то Дьердь Ацел – второе лицо в венгерской компартии – в интервью финскому телевидению сказал, что, мол, не может страна называть себя социалистической, если не способна прокормить свой народ. Межпартийный скандал тогда разразился грандиозный, но Ацел-то все же, думаю, был недалек от истины. Наверное, эта истина была более чем очевидна и М.С. Горбачеву, бывшему первому секретарю черноземного Ставропольского крайкома.

Я не был глубоким специалистом в области аграрной экономики, но деревенские детство и юность, а также понимание общей экономической ситуации в стране, научные работы институтов Отделения экономики позволяли мне, как я думал, мысленно отделять дельное от пустого. Для меня и моих коллег было очевидным, что главное для подъема сельского хозяйства – это установление паритетных цен на городскую и сельскую продукцию, чтобы нормально работающее хозяйство стало рентабельным. Кроме этого я осознавал, что постепенная деградация потребительского, и особенно продовольственного, рынка – это тикающие часы на mine замедленного действия, грозящей мощным социальным взрывом. Нужно было принять также меры по обеспечению деревни промышленной продукцией. История СССР знала подобную ситуацию. Я имею в виду печально известные “ножницы цен” 1923 г., когда советскую власть в стране удалось спасти только за счет экстраординарных закупок зерна. Нечто подобное происходит и сегодня. Когда цены на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары начинают расходиться так далеко, что угрожают новым разрывом между городом и деревней.

После трагикомической истории с продовольственной программой, осуществленной по известной и много раз отработанной схеме: (1) шумиха, (2) неразбериха, (3) поиск виновных, (4) наказание невиновных, (5) награждение начальства, стало ясно, что нужно что-то предпринимать, дабы не оказалось слишком поздно. Как ни печально, та продовольственная программа не только оказалась пустышкой, но после нее продовольственная ситуация в стране стала стремительно ухудшаться. Ну точно, как говорил граф Твэрдоонто: “Когда повсюду заго-

ворили о неизобилии и о необходимости заменить оное изобилием, – грешный человек, соблазнился и я! Думаю: надобно что-нибудь сделать и мне. Сажусь, пишу, предписываю: чтобы везде было изобилие! И что ж! От одного этого неосторожного слова неизобилие, до тех пор тлевшее под пеплом и даже казавшееся изобилием, – вдруг так и поползло изо всех щелей! И такой вдруг сделался голод, такой голод...”<sup>3</sup>.

Как академик-секретарь Отделения экономики АН СССР я напросился на прием к новому секретарю ЦК и вскоре был принят. Говорили больше часа. И, как мне показалось, быстро нашли общий язык. Видимо, на меня – при всем моем жизненном опыте – подействовали непривычные в стенах ЦК простота в общении, внимание в разговоре, спокойствие и улыбочность моего собеседника. Я предложил собрать совещание ученых-экономистов, чтобы выработать программу подъема народного хозяйства. Аргументировал я свое предложение, в частности, и тем, что, мол, Сталин же встречался с литературоведами, готовя свою известную работу “Вопросы языкознания”, так почему бы и ему не встретиться с экономистами в преддверии разработки программы экономических реформ.

Мы подробно обсудили тематику этой встречи, в том числе решили детально рассмотреть вопросы перспектив развития народного хозяйства, перестройки системы планирования и управления экономикой. Через два дня я послал ему список ученых, которых, по моему мнению, следовало бы пригласить на совещание. Недели через две-три совещание, на котором присутствовало около 25–30 ведущих ученых Академии наук, Госплана, ведомственных институтов, состоялось. Горбачев сказал всего несколько вступительных слов, и начались выступления. Выступил и я, высказав свою точку зрения по поводу основных направлений совершенствования народнохозяйственного планирования, в том числе с применением математических методов и ЭВМ.

Сам Михаил Сергеевич долго на совещании не пробыл. Вскоре после начала, оставив вместо себя на председательском месте одного из секретарей ЦК, он ушел и до конца совещания на нем не появлялся. Под конец он пришел снова, зачитал пару страниц “заключительного слова”, подготовленного ему сотрудниками Отдела науки ЦК. На этом встреча руководства страны с ее ведущими учеными-экономистами закончилась. Надо сказать, что расходились мы по домам без особого воодушевления. От этого совещания мы фактически не получили ничего: ни оценки нашей работы, ни пожеланий по поводу дальнейшего развития научных исследований, ни изложения взглядов руководства страны на основные экономические проблемы и намерений в области реформ.

Уверен, что ликвидирую мы в те годы очереди, особенно в провинции, за мясными продуктами, овощами, фруктами, ничего похожего на последующий обвал не случилось бы. Как говаривал в свое время знаменитый русский флотоводец и ученый С.О. Макаров: “Под Полтавой мы победили наваристыми щами, а Наполеона изгнали гречневой кашей...”. Не помню, цитировал ли я тогда Горбачеву эти слова.

---

<sup>3</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения. М., 1988. Т. 7. С. 100.

Впрочем, как вскоре выяснилось, если даже цитировал, то без последствий...

Чем дальше, тем чаще мне в голову стала приходить мысль о том, что милый человек – не обязательно человек дельный. Дела-то не было. В 1985 г. страна с удовлетворением (а через несколько месяцев, послушав множество выступлений и речей Горбачева в Москве, Ленинграде, Тольятти и других городах, чуть ли не с радостью) воспринимала его избрание на пост руководителя государства. Когда же в августе 1991 г. СССР раздирали противоборствующие силы и нужно было крепко держать в руках кормило, а президент вместо этого уехал купаться в море, я, честно сказать, не особенно удивился. Не чувствовалась в новом лидере деловой жилки, способности в критические минуты брать “в руки штурвал”, принимать на себя ответственность за принятие серьезных решений. Более того, чувствовалось у него явное стремление избегать видимой причастности к непопулярным мерам и делегировать собственные полномочия заместителям и чиновничьему аппарату, чего настоящий лидер делать не имеет права и что в конце концов, как я думаю, Горчабева и сгубило.

Все это я начал понимать уже после совещания ученых-экономистов. Как-то среди прочих бумаг в Академию наук со Старой площади пришло письмо с указанием представить наши предложения по, как тогда говорилось, “дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма”. Мы составили развернутые 60-страничные “предложения”, охватывавшие проблемы, которые мы с Горбачевым обсуждали при личной встрече и по которым у нас, как я понял, было достигнуто принципиальное согласие. Через день мне позвонил помощник Горбачева и попросил сократить наш материал до 20 страниц, что также было сделано, а еще несколько дней спустя по требованию того же помощника материал сократили вообще до 7 страниц. Признаюсь, по мере сокращения объема наших предложений пропорционально сокращался и наш энтузиазм по поводу благополучного исхода всей затеи. И, как оказалось, не зря...

Вскоре меня пригласили на совещание по обсуждению проекта официального постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по данному вопросу. Открываю проект и ничего из наших предложений не нахожу. Когда дошла очередь до моего выступления, я спросил: “Михаил Сергеевич, я что-то не вижу здесь предложений Академии наук. Вы, наверное, помните...”. Договорить мне не удалось. “Да, да, Николай Прокофьевич, – прервал меня он, – я их помню, но ваши предложения выпали, так как против них была Госкомсельхозтехника. Ничего не поделаешь...”. И развел руками.

Последний раз я встретился с М.С. Горбачевым, ставшим к тому времени уже Генеральным секретарем ЦК, в 1985 г. на совещании, посвященном вопросам темпов и пропорций развития советской экономики на перспективу. В совещании участвовали Н.И. Рыжков, Л.М. Володарский (начальник ЦСУ СССР), Л.А. Воронин (первый зампред Госплана СССР), В.П. Воробьев (начальник отдела перспектив экономического и социального развития Госплана СССР), В.Н. Кириченко (директор НИЭИ Госплана СССР), Е.И. Капустин (директор Института

экономики АН СССР), А.В. Орлов (директор Всесоюзного научно-исследовательского института конъюнктуры и спроса), И.Д. Иванов (зам. директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР) и Е.К. Смирницкий (руководитель группы консультантов Экономического отдела ЦК КПСС).

Я не зря привел этот список полностью, чтобы показать, что “компания” собралась серьезная, и разговор был серьезный и откровенный. Сегодня, когда я перечитываю текст своего выступления на той встрече, то думаю, что, может быть, в тот день стоило еще более громко “прозвонить в колокол”, хотя куда бы еще громче? Я привел фактические данные о неуклонном снижении темпов экономического роста за предшествующий период, данные экстраполяционного варианта прогноза на ближайшее будущее, оказавшиеся, по нашим расчетам, в 2 раза ниже нижней допустимой границы, наконец, изложил основные меры, которые, по мнению ученых Академии наук, следует предпринять в первую очередь и в перспективе в области распределения ресурсов, укрепления материальных основ эффективной социальной политики, сбалансированной структурной политики, развития хозяйственного механизма.

Вы спросите, чем все это кончилось? Да ничем. Выступление Горбачева свелось к традиционному набору всем известных фраз типа “и это важно” или “процесс пошел”, конструктивных же выводов сделано не было. Больше на такие совещания я не ездил. Один раз послал вместо себя своего заместителя Н.Я. Петракова, а были ли еще приглашения, не помню. Кстати, Николай Яковлевич Горбачеву понравился, и вскоре он пригласил его к себе помощником по экономике. Петраков согласился и со свойственным ему энтузиазмом включился в работу. Правда, через год этот энтузиазм иссяк, поскольку его советы почти никогда не принимались во внимание, и в конце концов по его настоятельной просьбе он был отпущен восвояси. Свою оценку тому периоду он дал в статье “Потерянный год”, опубликованной в одной из газет. Вскоре Н.Я. Петраков стал академиком и возглавил вновь созданный академический Институт проблем рынка.

Впрочем “рыночником” Николай Яковлевич прослыл задолго до этого события. Как он сам рассказывает о себе, переосмысление коммунистических догм он начал, еще будучи студентом МГУ. Кстати, первое наше знакомство с ним было заочным. После окончания университета Н.Я. Петраков был направлен на работу в НИИТЭхим, созданный когда-то по моей инициативе. Как он рассказывает сам, первую книгу по отраслевым проблемам, которую он там прочитал, была моя монография 1956 г. “Экономика промышленности синтетических материалов”. В ЦЭМИ Николай Яковлевич попал, пройдя “славный путь”, т.е. поработав некоторое время в НИЭИ Госплана СССР.

На страницах этой книги я говорил о Петракове не раз с чувством уважения и искренней симпатии, скажу еще несколько слов. Убеденным рыночником он проявил себя в 1964–1971 гг., когда ему удалось опубликовать четыре книги и ряд статей, где он пытался обосновать необходимость отказа от тотального директивного планирования и распределения и доказать эффективность рыночных механизмов. В тот пе-

риод он еще полагал, что рыночная система совместима с социализмом и идейно примыкал к взглядам О. Шика. Надо заметить, что школа рыночников сложилась тогда в СССР на самостоятельной основе, а не под влиянием чехословацких, венгерских и польских экономистов, которые были скорее нашими единомышленниками, а не учителями.

Так или иначе, но в ноябре 1971 г. газета “Правда” раскритиковала Н.Я. Петракова как сторонника и проповедника идей “рыночного социализма”, что означало автоматическое внесение его фамилии в черный список Госкомпечати СССР. Таким образом, один из ведущих ученых-экономистов страны более чем на десятилетие был лишен возможности публиковаться где-нибудь кроме узконаучных журналов и только по “безобидной” тематике – по вопросам экономико-математического моделирования. Впервые “лишенец” Петраков опубликовался после вынужденного перерыва в 1985 г. На какое-то время Николая Яковлевича захватил водоворот политической деятельности, когда по списку Академии наук он был избран народным депутатом СССР, заняв при голосовании место между двумя физиками – Сагдеевым и Сахаровым. Проработав в течение года экономическим советником М.С. Горбачева, он вернулся в Академию, но не только по той причине, которая была указана выше. Еще одной причиной и поводом для того, чтобы “хлопнуть дверью”, как рассказывает Николай Яковлевич, стали кровавые события в Вильнюсе в январе 1991 г.

Рассказывая о Н.Я. Петракове, не могу удержаться, чтобы не обнародовать здесь одно из его прозвищ, которые он получил в ЦЭМИ. Случилось так, что Александр Анчишкин и Николай Петраков одновременно были избраны соответственно действительным членом и членом-корреспондентом АН СССР. В тот же день они получили от ученого секретаря Отделения А.И. Семенова телеграмму следующего содержания: “Поздравляю Александра Первого и Николая Второго!”. Кого Семенов подразумевал под Николаем Первым, можно только догадываться, поскольку прозвищ императорского ранга мне никогда не давали. Правда, на праздновании моего 80-летнего юбилея, друзья вручили мне шуточную грамоту о присвоении звания “Верховного атамана всего эконометрического казачества”, но не более того.

## **Н.И. РЫЖКОВ И ЕГО “РАДИКАЛЬНАЯ” РЕФОРМА**

Но вернемся в 1987 г. Что же стало с реформой? Новый председатель Совмина Н.И. Рыжков “разработал” пакет постановлений, который получил общее наименование “радикальная экономическая реформа”. Этот пакет состоял из нового закона “О государственном предприятии (объединении)” от 30 июня 1987 г. и десяти постановлений ЦК КПСС и Совмина, принятых в один день – 17 июля того же года. Уже название первого из этих постановлений меня насторожило, поскольку в нем были слова: “о... повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования”.

Разумеется, страна нуждалась в радикальном реформировании ме-

ханизма управления экономикой, однако весь набор постановлений составлялся сугубо людьми аппарата ЦК, Госплана и Совмина. А они умели писать так, что написанное по форме воспринималось как новшество, даже радикальное новшество, а по сути оставляло неизменным основу хозяйственного механизма страны: натуральные балансы производства и распределения основных видов продукции, разрабатываемые Госпланом и Госснабом. Их выполнение (или невыполнение) и признавалось главным оценочным показателем работы отраслей, республик, предприятий. Единственное новшество состояло в том, что вместо нескольких десятков тысяч таких балансов было признано нужным разрабатывать несколько тысяч. Как говорится, тех же щей, но пожиже влей, или, как писал М.Е. Салтыков-Щедрин про реформы иомудского принца Иззедин-Музафер-Мирзы: “Домой ежжал, рифор-ма начинал. Народ гонял, помпадур сажал: риформа кончал”<sup>4</sup>. А край экономической пропасти был все ближе и ближе...

Я уже говорил, что “старый” партгосаппарат всегда внимательно следил за учеными-экономистами, да и вообще за обществоведами. Заведомо апологетическая тематика поддерживалась и щедро финансировалась, однако к тем, от кого хотя бы немного “попахивало рынком”, отношение было иным, и меры принимались весьма жесткие. Любые научные рекомендации, предусматривавшие хотя бы малейшее “отпускание вожжей”, рассматривались как антинаучные, а их авторы обвинялись в буржуазном уклоне. Но в 80-х годах начали случаться серьезнейшие “промашки”. Примером тому может служить тематика “регионального хозрасчета”, разработка которой велась в начале 80-х годов главным образом за пределами Москвы.

Одним из ведущих “теоретиков” в данной области стал эстонский профессор Бронштейн, идеи которого неожиданно были поддержаны центральной (читай – партийной) прессой. Смысл этой “теории” заключался в обосновании региональной и республиканской экономической самостоятельности. Но экономическая самостоятельность предполагает защиту регионального рынка, а защитить его можно только известными всему миру способами: собственной валютой, а значит таможей, а значит границей и т.д. Таким образом, невинная с виду идея со скромным названием на самом деле являлась экономическим обоснованием сепаратизма. Из мешка торчало такое большое и острое шило, что просто удивительно, как нетерпимые к малейшему проявлению экономического инакомыслия “стражи идеологического порядка” не только не заметили его, но и поддержали бронштейнов из Прибалтики, с Украины и т.д. Чем все это закончилось, хорошо известно.

Кстати говоря, было даже как-то немного обидно за себя. Если раньше за совершенно невинные “прегрешения” сотрудников ЦЭМИ почти распинали на идеологическом кресте, то здесь люди фактически предлагают разодрать на части Советский Союз и его народное хозяйство, а им за это ничего!

---

<sup>4</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 290.

На мой взгляд, “решающими” или “грозовыми” для нашей страны стали 1988 и 1989 гг. По масштабам экономических и социальных последствий для России и всего мира их можно сравнить разве только с 1920 или 1945 гг. Однако справедливости ради, думаю, здесь нужно сделать небольшое отступление, чтобы объяснить, с какими критериями я подхожу к оценке того, что произошло тогда и что происходит с нашей экономикой сегодня. Постараюсь быть объективным и руководствоваться в своих оценках тем, чем руководствовался всегда – стремлением к поиску рациональных (“оптимальных”!) путей и способов эффективного социально-экономического развития страны.

Я никогда не считал и сейчас не считаю для себя главным поиск ответа на сакраментальный русский вопрос “кто виноват?”, ибо думаю, что только дурак радуется, когда находит виноватых, умный же – когда находит решение проблемы. Я не брющающий прокурор и никогда не приписываю к преступным намерениям то, что адекватно объясняется глупостью. Поэтому и подходы к решению известных русских вопросов: “что делать?” и “чего не делать?” я всегда старался искать не торопясь и не шарахаясь, не предлагая перестраивать сразу и все, и вся, поскольку истинная мудрость заключается в понимании того, когда следует избегать усовершенствований.

Обращаясь к молодежи, хочу сказать: поверьте, что ни у кого, даже у самых “раскейнсианских” и “расфридмановских” светил Запада, даже у самых “рассолженицынских” отечественных мудрецов России вы не найдете готовых ответов на все вопросы жизни, так как все является возможным только для тех, кто не знает, о чем говорит. Будьте мудры, “аки змии”, и собирайте мудрость по крупицам, не слушайте крикунов. Будьте патриотами, но патриотами с рассудком, и любого, кто приходит к вам и кричит, что больше всего на свете он любит Родину, сначала спросите, а какова, по его мнению, должна быть у нее доля накопления в национальном доходе? Пытайтесь спокойно и беспристрастно разобраться в том, что происходит, руководствуясь лозунгом великого Спинозы, за чтение которого я когда-то угодил в лагерь: “Не радоваться, не печалиться, а понимать!”.

Как же оценить то, что произошло десять лет назад и происходит сегодня в российской экономике? Судить об этом можно только по цифрам и фактам. Существует надпартийная и неотвратимая логика действий, определяемая фактическим состоянием дел и объективными законами социально-экономического развития, отменить которые не может никакая Дума и никакой президент. Поэтому выдергивание “единственно виноватых” в развале страны из череды отечественных руководителей – от Рыкова и Сталина, Косыгина и Брежнева, Горбачева и Рыжкова до Ельцина и Черномырдина – было бы неправильно. Каждый из них вложил свою лепту в “общее дело”.

Основные структурные пропорции (вернее сказать, диспропорции) и безрадостное состояние нашего хозяйства уходят своими прочными корнями в милитаризованную плановую систему, созданную для войны и пережившую свой век на десятки лет. Сохраняющаяся до сих пор, взятая в наследство реформаторами, ориентация на вывоз невозобновляемых ресурсов, проедание основного капитала, пренебрежение чело-

веческой жизнью и природой могла создавать какое-то время видимость роста производства и потребления. Но в конце концов она привела к банкротству системы, в которой хозяйство регулировали не объективные интересы и целесообразность, не поиск научно обоснованных оптимальных решений, а чиновник, узурпировавший право планировать и распределять, исходя из субъективных, полностью идеологизированных и политизированных (как правило, неправильно понимаемых) побуждений, не говоря уже о чисто карьеристских и меркантильных соображениях.

В результате страна уже к концу 70-х годов вышла на нулевые темпы прироста национального дохода, близился крах, и руководители государства, которым столько раз пытались “открыть глаза” (вспомните судьбу прогноза Б. Михалевского!) и, наконец, открыли, постарались его предотвратить. Реформы стали жизненно необходимы, поэтому я не могу согласиться с обвинениями в адрес тех, кто начал реформы, в том, что они якобы виноваты во всем и прежде всего в том, что взялись за это дело.

Не реформа вызвала развал страны и ее хозяйства, а уже состоявшийся развал экономики потребовал прекратить издевательство над ее объективными законами. Пришла пора строить экономику и общественную жизнь по-человечески. К рынку мы обречены были вернуться, и мы вернулись. Когда-то Уинстон Черчилль сказал: “Демократия – отвратительная форма общественного устройства, но лучшей, к сожалению, нет”. То же мы можем сказать и о рыночном устройстве экономики.

Но вопрос сегодня в другом: почему реформы идут плохо, что мешает им достичь поставленных целей (впрочем, если таковые, действительно, имеются)? Ответив на этот вопрос, мы сможем правильно поставить диагноз сегодняшним болезням, а там уже можно будет говорить и о лечении.

Первые попытки реформирования советской экономики датируются началом 60-х годов. О предложениях довоенных экономистов, объявленных в конце концов немецко-японскими шпионами, мы не говорим. Однако дальше газетной реабилитации некоторых общепринятых в мире экономических терминов (например, прибыли) тогда дело не пошло, а после октябрьского пленума ЦК 1964 г. и вовсе заглохло.

Более или менее серьезно принялись за реформы после 1985 г. Впрочем, в полном смысле реформами проводившиеся мероприятия назвать нельзя, поскольку меры принимались на краю экономической пропасти и под дулом экономического пистолета. Сколько-нибудь вразумительных программ не было, а главное – *не был изменен хозяйственный механизм*, т.е. руководство государства сознательно или несознательно, не решилось сломить господствовавшую у нас в течение десятилетий затратную экономическую концепцию. Под прикрытием “заклинаний” о “радикальной” реформе было сохранено всевластие пресловутого “вала”, который, подобно наркотику, за счет манипуляций с повторным счетом и всеохватывающего расточительства создавал иллюзию превосходства социалистической экономической системы над капиталистической, но в конце концов, как и любой другой наркотик, все же сгубил эту систему.

Сначала под флагом *ускорения* была утяжелена инвестиционная

нагрузка и еще более усилены структурные диспропорции, а потом последовала серия, на мой взгляд, неприемлемых в тех условиях хозяйственных решений:

“Перестройщики”, ничтоже сумняшеся, провели последовательную серию ошибочных акций: глупейшую антиалкогольную кампанию, в ходе которой были не только порублены виноградники, но подрублен под корень государственный бюджет; беспощадную войну с “нетрудовыми доходами”, не затронувшую взяточников и казнокрадов, но зато окончившуюся блестящей победой над бабулками, торгующими петрушкой со своих огородов, а также успешным разгромом личных подсобных хозяйств; резкое сокращение импорта ширпотреба и продовольствия после падения мировых цен на нефть, закончившееся опустошением полок в магазинах и окончательным развалом потребительского рынка.

Масла в огонь подлило принятое Политбюро ЦК в 1988 г. решение о введении так называемых договорных и свободных цен. С виду “рыночное”, но проведенное без учета реальных условий и безо всякой подготовки, это “мероприятие” привело к дальнейшему углублению разрыва между товарной массой и денежными доходами населения. Если в 1987 г. этот разрыв (или, как его еще называют, “навес”) не был трагическим и составлял 12 млрд руб., то в 1988 г. он увеличился почти в 4 раза – до 45 млрд, а к 1991 г. составил уже более 100 млрд руб.

Последний удар под лозунгом “ускорения” был нанесен экономике страны в том же 1988 г., когда вместо запланированного сокращения инвестиционной нагрузки на 24 млрд (тех еще!) руб. было осуществлено ее волюнтаристское, а главное – инфляционное, поскольку финансировалось за счет печатного станка, увеличение. В новые стройки в том году было вложено 59 млрд необеспеченных денег. Результатом был невиданный и немислимый 127-миллиардный дефицит госбюджета на 1989 г. Этот дефицит подобно безжалостному монстру переломал рычаги административной системы, вызвал крах советской экономики, финансовый развал СССР (впоследствии политически подтвержденный в Беловежской Пуще) и, как следствие, принес неисчислимые несчастья миллионам людей. Когда я вижу на экране телевизора некоторых наших “ускорителей”, приватизировавших народное добро, восседающими в президиумах под лозунгами патриотизма и народовластия и с умным видом продолжающих пытаться поучать и командовать, а также обвинять других в своих собственных грехах, мне за них становится по меньшей мере стыдно.

Распад финансов, последовавшее за развалом СССР разрушение народнохозяйственного комплекса, действовавшего до этого по принципу единой фабрики, привели к сокращению производства; обесценение зарплаты вызвало забастовочное движение и развал профсоюзов; прилавки опустели полностью. Угроза голода в стране стала реальной. Вот тут, как из рога изобилия, “посыпались” реформистские “стабилизационные” и “социальные” программы.

Созданию этих программ предшествовал ряд публикаций некоторых трезвомыслящих ученых, из которых запомнились статьи Д.В. Валового о противозатратном механизме в “Правде”, статья Н.Я. Петрова “Золотой червонец – вчера, сегодня, завтра” в “Новом мире” и ряд

других публикаций. Нужно сказать здесь и о серии статей Н.П. Шмелева. Первая из них – “Авансы и долги”, напечатанная в июне 1987 г. в том же “Новом мире”, произвела шоковый эффект, и, наверное, в СССР не было грамотного человека, который бы ее не прочитал. Она еще пестрела привычной “партийно-ленинской” терминологией, что в то время было неизбежно, и адресовалась к инстинкту самосохранения тогдашнего “начальства”, но главное в ней было сказано в полный голос: *“так дальше жить и хозяйствовать нельзя!”*

Думаю, что к этому времени и до правительства эта мысль наконец дошла. В 1987 г. были подготовлены серьезные аналитические материалы и предложения, в разработке которых принимали участие и многие ведущие экономисты страны, в том числе академики А.Г. Аганбегян и А.И. Анчишкин. Входил в нее и С.А. Ситарян, о котором, пользуясь случаем, хочу замолвить доброе слово. С С.А. Ситаряном мы познакомились и подружились давно, еще в ту пору, когда он был заместителем председателя Госплана СССР. Продолжаем дружить и по сей день. Теперь он академик, директор института.

Возвращаясь к описываемому периоду, отмечу, что тогда же был принят Закон о предприятии, начался подъем кооперативного движения, приступили к реорганизации банковской системы, появились и стали набирать силу малые предприятия. Словом реформы, хотя медленно и осторожно, но начались.

Летом 1989 г. после бурного Первого съезда народных депутатов и избрания Верховного Совета было сформировано новое правительство СССР. В его составе была образована Государственная комиссия по экономической реформе (ГКЭР) во главе с зампредом Совмина Л.И. Абалкиным. В нее вошли руководители экономических ведомств, крупные хозяйственники и банкиры, ведущие ученые-экономисты (кроме тех, кто был избран народными депутатами и входил в состав органов законодательной, а не исполнительной власти). Членами комиссии стали академики А.Г. Аганбегян, С.С. Шаталин, член-корреспондент В.А. Мартынов, профессора Р.Н. Евстигнеев, Г.А. Егиазарян, Б.З. Мильнер и др. К работе Комиссии активно подключались как отдельные ученые, так и коллективы институтов, входящих в состав Отделения экономики и Отделения мировой экономики и международных отношений АН СССР.

В результате энергичных усилий Комиссии в сравнительно короткий срок была подготовлена концепция (программа) под названием: “Радикальная экономическая реформа: первоочередные шаги и долговременные меры”. Концепция была обсуждена и одобрена на Всесоюзной научно-практической конференции в Москве 13–15 ноября 1989 г. В ней нашли освещение такие вопросы, как цели и ключевые направления реформы, возможные альтернативные варианты ее развития, основные элементы (блоки) хозяйственного механизма переходного периода, этапы осуществления реформы с приложением сетевого графика на период 1990–1995 гг.

Страна получила шанс вступить на путь взвешенного и поэтапного движения к рыночной экономике. Но этому, к сожалению, не суждено было осуществиться. Программа “500 дней” стала преддверием после-

дующей смуты. Но прежде чем обратиться к этой программе, а также попытаться разобраться в том, что же помешало осуществлению первоначального замысла реформы, следует подчеркнуть еще один принципиально важный момент. 1989–1990 гг. были не только временем сочинения бумаг, написания концепций и программ. Несмотря на крупные ошибки в проведении текущей экономической политики, о которых я уже сказал, нельзя не признать, что это были годы реальных, практических шагов по реформированию экономики.

Что же помешало дальнейшему осуществлению реформы по избранному варианту? Я согласен с Л.И. Абалкиным, выделяющим здесь следующие две главные причины.

Во-первых, реформа натолкнулась на мощное сопротивление консервативных сил, прежде всего в правящей партии и госаппарате. Комиссия Л.И. Абалкина выглядела в этом аппарате чужеродным телом, к тому же она не обладала необходимыми властными полномочиями. Решения самого правительства в этой области наталкивались на глухое сопротивление по самым разным направлениям: в Верховном Совете, в профсоюзах, в аппаратных структурах. У руководства страны (и партии) обнаружился дефицит политической воли, решительности и последовательности в проведении курса радикальной экономической реформы. В качестве примера можно сослаться на торпедирование подготовленной правительством реформы цен в ее “мягком”, поэтапном варианте, предусматривавшим постепенную либерализацию цен, начиная с дорогостоящих автомобилей, предметов роскоши, деликатесов, импортной электроники и т.п. Затягивание с принятием назревших мер не только замедляло ход социально-экономических преобразований, но и подталкивало к экстремистским решениям.

Во-вторых, крайне негативное влияние на ход реформы оказал “разбуженный муравейник” политических страстей и амбиций. Развернулась беспрецедентная борьба за власть, а по существу (как вскоре выяснилось), за места и кресла в предвкушении предстоящего дележа собственности. В пьянящей атмосфере ложно понятой свободы крушились институты государственной власти и управления, без которых невозможно функционирование современной рыночной экономики.

И тут уже было не до науки, не до советов ученых, даже тех, кто наиболее глубоко понимал, что такое экономические реформы. Неостребованными в конце концов оказались знания и опыт таких ученых, как академик Л.И. Абалкин, которого я очень высоко ценю и которому, кстати, весьма признателен за его советы при написании этой книги. Леонид Иванович – один из малого числа отечественных политэкономов, для которых связь теории с практикой стала своеобразной доминантой в научной и педагогической (а у него еще на некоторое время – и государственной) деятельности.

Хочу заметить, что я до сих пор жалею о том, что мне в свое время так и не удалось “заманить” Леонида Ивановича на работу в ЦЭМИ. Эти предложения я делал ему несколько раз, но каждый раз он отговаривался тем, что не хочет бросать политэкономю. Ну что ж, Бог ему судья... Через год после начала “перестройки” Л.И. Абалкин возглавил Институт экономики РАН.

## Г.А. ЯВЛИНСКИЙ И ЕГО ПРОГРАММА “500 ДНЕЙ”

Говоря о программе “500 дней” или о “программе Явлинского”, которую нельзя оценить однозначно, хочу заметить, что в содержательном, профессиональном плане она мало отличалась от программы Л.И. Абалкина. Они обе исходили из безальтернативности перехода к рыночной экономике, из необходимости разгосударствления собственности и создания ее многообразных форм, из первоочередности задач радикального финансового оздоровления и укрепления рубля. Главные различия касались характера и темпов преобразований (одним прыжком или поэтапно), а также отношения к судьбе страны (сохранение СССР как единого государства или его превращение в экономический союз независимых государств). Программа Явлинского, в первоначальном варианте рассчитанная на 400 дней, вобрала в себя логику и содержание предшествующих программных документов, базировалась на разработках нескольких институтов, в том числе ЦЭМИ, и большой группы ученых – экономистов, многие из которых прошли школу ЦЭМИ. Ряд ее положений, в том числе по финансово-кредитной системе, ценообразованию, конверсии, земельной реформе, развитию производственной инфраструктуры были хорошо обоснованы и сформулированы, некоторые предложения актуальны и сегодня.

Новым в этой программе был удачный публицистический прием – разложить мероприятия программы по дням. Конечно, мало кто сомневался, как, наверное, и сам Явлинский, что идея решить все проблемы отечественной экономики за полтора года по графику, похожему на железнодорожное расписание, была утопической с самого начала. Однако простых рецептов перехода к рынку в сжатые сроки и “малой кровью” требовала тогдашняя политическая ситуация, в которой экономическая реалистичность программы отступала на второй план перед потребностью сближения Горбачева и Ельцина, поворота массового общественного сознания к рыночным идеям. В поддержку программы “500 дней” включился мощный аппарат средств массовой информации, ловко игравший на популистских настроениях и накопившемся в обществе нетерпении, желании быстрых перемен. Люди устали ждать “светлого будущего” и требовали его прихода уже завтра, что вполне соответствует российской ментальности, описанной во многих русских сказках, в том числе “По щучьему веленью”.

Сейчас трудно спорить о том, какая программа реформ была лучше, а какая хуже. К тому же все оценки и сравнения с самого начала были крайне политизированы и даже мифологизированы, и это, к сожалению, сохраняется и по сей день.

Думаю, уточнив в спокойной обстановке содержание программы “500 дней” и установив реальные сроки ее осуществления, а также сделав ее “синтетической”, т.е. использовав все лучшее из альтернативных программ, проектов и материалов, можно было бы “запустить” ее в дело и она принесла бы немало пользы, конечно, если бы (и это главное!) она представляла собой не график мероприятий, а *программу*

*адаптивного управления*, корректирующуюся и оптимизирующуюся после анализа результатов каждого последующего этапа реформы.

Руководство страны, на мой взгляд, просто испугалось предусматривавшихся в программе радикальных перемен, поскольку там не только не упоминалась КПСС, но всей своей сутью она диалектически отрицала партийные органы всех видов и уровней. Под давлением консервативных сил, после долгих колебаний Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и отверг программу “500 дней”. И я почти согласен с Н.П. Шмелевым, считающим, что крах перестройки в ее горбачевском варианте и крах самого Горбачева как лидера страны был предрешен именно в тот момент. Я говорю “почти согласен”, поскольку мне не совсем ясно, что бы было, если бы Горбачев принял эту программу. А смог бы он провести ее в жизнь? А сняло бы это его противостояние с Ельциным? Ведь 6 сентября 1990 г. Верховный Совет РСФСР (Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов, а с ними и И.С. Силаев) официально одобрил и принял программу “500 дней”, которая очень скоро была забыта, и в ход была запущена “шоковая терапия”.

Следует напомнить, что тогда – в конце 1990 г. – программа “500 дней” и другие подобные ей стали предметом политических игр. Кроме того, в тот момент взаимоуничтожение было главной целью законодательной и исполнительной ветвей власти, и тут уже не до экономики. Союзные республики “побежали с тонущего корабля”, а вторая торпеда взорвалась после ликвидации СЭВ, на страны которого был в основном ориентирован наш внешнеторговый оборот.

Самое же страшное произошло вслед за этим – была разрушена социальная база реформ, утеряна ее всенародная поддержка: тысячу–другую спекулянтов, паразитирующих на язвах отечественной экономики и болячках внешней торговли и весьма довольных нынешним положением, за народ принимать нельзя.

## Е.Т. ГАЙДАР И ЕГО “ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ”

Итак, к началу 90-х годов создалась ситуация, когда экономическую катастрофу предотвратить уже было невозможно, нужно было браться за ликвидацию ее последствий. Каковы же успехи на этом поприще?

Следует признать, что обвинения в адрес “рыночных либералов” в том, что только они и лишь они ограбили страну, следует признать не вполне состоятельными. Как говорили древние, “после того не значит вследствие того”. Ограблена страна была раньше и скатилась к катастрофе именно из-за отсутствия рынка, из-за низкой эффективности производства, торможения научно-технического прогресса, из-за подавления личной инициативы, возможностей самореализации личности, развития пассивности и иждивенческих настроений. Впрочем, масштабы ограбления, начатого в 1992 г., тоже отнюдь не малые: двукратное сокращение объема ВВП, утяжеление структуры экономики, беспрецедентное по своим масштабам “бегство капитала”, вымывание из производства наукоемкой продукции, разрушение технологического ряда

экономики, гибель научных и инженерных школ. В социальной сфере: обнищание населения, демографическая катастрофа, резкое и неоправданное расслоение общества на богатых и бедных. Серьезный профессиональный просчет (не говоря уже о нравственной стороне этой акции) был допущен и при ограблении ни в чем не повинных вкладчиков сберегательного банка, когда денежные сбережения населения были ошибочно отождествлены с отложенным спросом. Таким образом, в одночасье был уничтожен один из мощнейших инвестиционных ресурсов, подорвано доверие к отечественной банковской системе и национальной валюте. Подтверждается истина: грабить других – себе дороже.

В связи со сказанным у некоторых читателей может возникнуть вопрос: так что, “куда ни кинь – везде клин”, т.е. и так нехорошо, и так плохо? Может быть, не надо было отказываться от командно-административной экономики, может стоит вернуться обратно? Отвечу: на мой взгляд, альтернативы рынку нет; проблема в том, чтобы двигаться к нему по возможности с меньшими издержками.

Так есть ли достижения у реформаторов? Объективно говоря, кое-какие успехи, безусловно, есть. Прекратилось господство идеологии над экономикой. Хозяйство стало в известной мере деполитизированным. Централизованное государственное распределение, субъективные ограничения и квоты сняты. Произошло широкомасштабное разгосударствление собственности. В экономике появились настоящие деньги и настоящий кредит. Можно было бы сказать, что *основы рыночного хозяйства в России созданы*, но, например, мнение директора Института проблем рынка РАН академика Н.Я. Петракова на этот счет менее оптимистично. Он считает, что “мы просто не создали нормальный рынок. Многие политические структуры полагают, что рынок создан, но, например, гайдаровцы утверждают, что он недостаточно либеральный. Коммунисты считают наоборот, что он есть, но недостаточно регулируемый, и нужно больше государственного регулирования. Но все – от правых до левых – признают, что рынок существует. Мое глубокое убеждение – настоящего рынка нет. Есть только отдельные его атрибуты”<sup>5</sup>.

Наверное, Николай Яковлевич прав, поскольку полной и действительной деполитизации хозяйства и собственности у нас пока еще не достигнуто. В стране происходит слияние новых собственников и возникших финансовых групп с государственными структурами. Политические партии, выборные кампании и деятельность обслуживающих их средств массовой информации щедро оплачиваются доходами от поделенной собственности. Контроль со стороны криминальных структур на корню душит рыночную среду и свободную конкуренцию. В стране произошла крупномасштабная демонетизация экономики. От 1/3 до 1/2 платежей осуществляется с использованием бартера и различных денежных суррогатов, нарастает кризис платежей. Размер кредиторской задолженности достиг половины ВВП. По оценкам, объем находящейся-

---

<sup>5</sup> Петраков Н. От империи зла – к воровской империи // *Вечерняя Москва*. 1997. 21 окт.

ся в России долларовой массы сравнялся с объемом обслуживающей хозяйственный оборот рублевой массы.

А как смотрят на достигнутую сегодня Россией степень вхождения в рыночную экономику иностранные эксперты? Думаю, что в какой-то мере о степени развитости нашего рынка можно судить по следующей оценке: в опубликованном 1 декабря 1997 г. газетой “Wall Street Journal” рейтинге так называемых свободных экономик, учитывающим наличие в странах свободной конкуренции, степень коррумпированности, развитость теневой экономики и прочее, Россия стоит на 104 (!) месте.

Может быть, сказанным и объясняется тот факт, что в целом положение в экономике остается неудовлетворительным, и цена, которую за “успехи” рыночных реформ уже заплатил и продолжает платить народ, с ними несоразмерна. В чем же главная причина?

Как ни парадоксален следующий вывод, но основной причиной неудач сегодняшних реформ является их сердцевина – *концепция либерального монетаризма*, точнее, необоснованно приписываемая ей роль всемогущей панацеи. Не спорю, монетаристские меры необходимы и важны для *подготовки условий* перехода к эффективной рыночной экономике, для подрыва субъективистской диктатуры власти в области цен, зарплаты и торгового оборота. Однако нигде в мире и никогда в истории они не смогли и не смогут породить экономически гармоничную рыночную систему, так как не создают стимулов к созидательной хозяйственной деятельности. Более того, в определенной обстановке, которая как раз и наличествует в стране сегодня, когда собственность принадлежит пока еще неизвестно кому, когда чиновники всемогущи, когда сосудистая система денежного обращения и кредита страдает прогрессирующим склерозом, когда налоговая политика имеет чисто фискальный характер, нет здоровой конкурентной среды и в экономике творят беспредел безжалостные монстры, получившие название “естественной монополии”, когда всемогущие власти как в центре, так и на местах не только восстанавливаются, но и еще более возрастают, монетаристские меры приводят к нарушению естественных связей в самой основе товарно-денежных отношений, и вопрос о создании эффективного рынка отодвигается на неопределенную перспективу.

В чем же здесь основная червоточина? Думаю, что главное – в недопонимании “Гайдаром и его командой” возможных последствий принимавшихся ими мер. Нужно было убирать “навес” отложенного спроса? Да, нужно. Но нужно было не элиминировать его, а трансформировать, скажем, в безналичные приватизационно-инвестиционные средства. Нужно было либерализовать цены? Да, нужно, но не так, чтобы практически все предприятия страны лишились оборотных средств, что привело к глобальной системе неплатежей, вакханалии бартерных сделок и “черного нала” и, следовательно, сужению базы налогообложения, вызвавшему хронический кризис госбюджета. Нужна была приватизация? Да, нужна, но именно приватизация, а не разворовывание.

Другого названия для того, что произошло в России с изменением прав и форм собственности, а также с ее конкретным переделом, я дать

не могу. Как иначе можно оценить, что, например, флагман российского тяжелого машиностроения – завод “Уралмаш” (выпускавший в годы войны около трети всех советских танков) был приватизирован всего за 0,001 его балансовой стоимости? Подчеркиваю – балансовой, а не реальной, которая, наверное, еще в тысячи раз больше. Если бы приватизация прошла в России нормально, продуманно и взвешенно, то на несколько лет вперед государственный бюджет России оказался бы, наверное, самым богатым в мире. Сегодня же он один из самых тощих, и где собрать его доходную часть, правительство, по-моему, просто не знает.

Как рассказывал недавно выступавший в ЦЭМИ американский профессор экономики М. Бернштам, хорошо знакомый с Нобелевским лауреатом М. Фридманом – отцом концепции, взятой на вооружение Гайдаром и его командой, сам М. Фридман назвал этих ребят “bastards of monetarism”. Если перевести это выражение не в прямом и грубом смысле, то оно выглядит как “примазавшиеся к монетаризму” или “монетаристы-самозванцы”. Наверное, Фридман прав, впрочем, ему лучше знать. Можно спорить: плох или хорош монетаризм, ибо любая концепция (как гипотеза) имеет право на существование. Но, конечно, Фридману обидно, что на одной шестой земного шара кто-то из его творения сделал пугало, а слово “монетаризм” звучит как ругательство.

Самого Е. Гайдара в период его работы в Академии наук я не знал и о научных достижениях не слышал. Мы встретились лишь однажды, когда я написал для газеты “Правда” статью о том, как, по моему мнению, нужно совершенствовать хозяйственный механизм. Он позвонил, пригласил к себе и высказал лишь одно замечание: статья займет два газетных подвала, а это в “Правде” позволено только членам Политбюро. У нас возникли некоторые разногласия по поводу сокращений: я предложил выбросить все цитаты, но он поначалу отказался. В конце концов статья все же была опубликована в полном объеме.

Егор Гайдар работал во Всесоюзном институте системных исследований (формально “наполовину” находившемся в ведении Академии наук, но не входившем в Отделение экономики) под руководством академика С.С. Шаталина, который считал его весьма способным учеником, “вывел” в доктора наук, а в конце концов дал о нем превосходные рекомендации Бурбулису и Ельцину. Не знаю, зачем он это сделал. Через полторы–две недели после того, как Гайдар стал фактическим главой правительства, Шаталин сказал у меня в кабинете: “Егору не следовало бы становиться премьер-министром. Жизнь у него сложилась так (дед – известный писатель, отец – адмирал), что он никогда не занимал денег до получки. А в России человек, не знающий цену копейке, не может руководить правительством”.

Когда же в первые месяцы гайдаровских реформ у специалистов пошли разговоры сначала о порочности, а потом о пагубности принятого курса, добряк Станислав Сергеевич стал нас успокаивать: “Созвонюсь, заеду к Егору, все ему выскажу, и он, конечно, поправит ошибки”. Прошло еще несколько месяцев, и Шаталин, уже академик-секретарь Отделения экономики РАН, как-то неожиданно на совещании директоров академических институтов высказался так: “Я Егору больше

руки не подаю...”. Позже выяснилось, что Гайдар отказался встретиться со своим учителем, а еще позже один из его заместителей по Институту проблем переходного периода, нарочито не поддерживающему контактов с экономическими институтами Академии наук, публично заявил: “Ох уж эти мне реликтовые советские академики...”. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А советские кандидаты и доктора наук, конечно, уж никак не реликтовые...

Ну и что же получилось у экономиста-новатора? Не буду останавливаться здесь на итогах его деятельности подробно, все это описано многими другими авторами и многократно. Остановлюсь лишь на одном примере. Выше я упоминал о “навесе” отложенного спроса, с которым так рьяно стал бороться Е. Гайдар. И что же вышло в результате? Здравомыслящему человеку и представить невозможно: к середине 1997 г. общая задолженность рабочим и служащим по зарплате (и без того невысокой) составила более 50 трлн руб., пенсионерам – 18 трлн, а запасы товаров в розничной торговле – 41 трлн руб. Такой объем запасов объясняется двукратным падением промышленного и сельскохозяйственного производства.

Что это значит? Это значит, что если вдруг завтра будут выплачены все долги по зарплате и пенсиям, то послезавтра товары с магазинных полок будут сметены за считанные минуты. А на третий день либо цены на них взлетят во много раз, либо надо будет снова возвращаться к талонам на ботинки и карточкам на продовольствие. Так спрашивается: куда мы шли и куда мы вернулись?

Честно говоря, как-то даже неудобно объяснять доктору экономических наук, а тем более ученику своего ученика, от чего богатеет государство, т.е. те прописные истины, которые знал даже А.С. Пушкин. Помните седьмую строфу из “Евгения Онегина”, где упоминается Адам Смит?

Впрочем, выступавшая недавно по телевидению школьная учительница Егора хвалила его за начитанность. Ну что ж, судя по всему, она права. Е. Гайдар, конечно, весьма эрудированный интеллигент. Но, наверное, все же прав был и другой его учитель – ныне покойный академик С.С. Шаталин – в том, что народное хозяйство не могут вести “книжники”, и тем более люди, не знающие, что такое занятый до полочки рубль.

Недавно меня весьма удивил Яков Уринсон. Он в телевизионном интервью вдруг поставил на одну доску Егора Тимуровича Гайдара и Петра Аркадьевича Столыпина. Согласен, что при желании тут можно найти какое-то сходство: оба боролись с последствиями крепостничества (один большевистского, другой царского), оба разрушали общины и насаждали частную собственность. Но на этом сходство и кончается. Дело в том, что через восемь (!) лет после начала столыпинских реформ Россия по уровню развития производительных сил сравнялась с Францией и Японией. А куда скатилась Россия трудами Егора Тимуровича? Слова в экономике бывают полезны, но цифры все же важнее...

### НА ПОРОГЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Прочитав предыдущую главу, читатель ждет от меня ответа на вопрос: что же делать дальше с нашей экономикой? Я не возьму на себя смелость давать оценку предложениям на этот счет, разработанным в Отделении экономики РАН, отдельными институтами и учеными. Наверное, надо собрать их всех вместе, обсудить, выработать оптимальную программу и поручить ее выполнение знающим и дельным администраторам.

Обзор и оценка этих программ – это разговор отдельный. Но о том, что касается *задач, которые стоят перед отечественной экономической наукой на пороге нового тысячелетия*, я позволю себе высказаться. Скажу сразу, что я не предлагаю какую-то законченную программу, а излагаю некоторые мысли, пришедшие мне в голову.

На мой взгляд, первоочередным требованием к анализу проблем, поднимаемых отечественной наукой на пороге третьего тысячелетия, должен стать *междисциплинарный* подход к их исследованию, проводимому совместными усилиями экономистов, представителей естественных наук и специалистов других отраслей знания. Несомненно, что их следует рассматривать на фоне и в сравнении с мировым опытом и мировыми достижениями.

Особенности текущего момента, определяемые близостью края экономической пропасти, требуют, чтобы в этой “междисциплинарной связке” ведущим был оптимизационный подход, а исследования в смежных областях согласовывались с достижениями экономической науки, которой пора, наконец, в полной мере проявить себя как “физике общественных наук”.

Думается, настала пора развернуть в обратную сторону известную формулу междисциплинарных взаимодействий в системе “наука – техника – экономика”, обратив ее в следующий девиз, определяющий приоритеты в современных экономических исследованиях: “человек – природа – экономика – наука – техника”.

Какие же проблемы должны быть исследованы главным образом и в первую очередь?

Первая из них – это проблема *человка* и прежде всего *человека труда* (любого – физического или интеллектуального), ибо главным и единственным залогом возрождения России и ее экономики является честный, производительный и умно организованный всеобщий труд.

Поэтому кроме привычных для экономистов тем, а именно: динамика производительности труда, структура и использование трудовых ресурсов, социальное обеспечение и социальная защита, здравоохранение и т.п. нужно поднять такие ключевые вопросы, которые определи-

ли бы *позитивный плодотворный идеал*, идею созидания и упорного продуктивного труда как цели жизни отдельного человека, его семьи и всего общества, т.е. того самого полезного труда (а не воровства и стрижки купонов), который только и сможет обеспечить благополучие всех и каждого в отдельности.

Как мне представляется, новая *“национальная идея”* только тогда сможет стать привлекательной и сможет объединить население, когда она будет обращена к человеку, к его семье, его детям. Он должен увидеть в ней гарантии своей личной безопасности, возможность достичь в пределах срока своего существования на земле материального благополучия и обеспеченной старости.

Эта идея должна быть сформулирована так, чтобы она недвусмысленно подразумевала такие человеческие ценности, как мораль (в том числе религиозная – ни умалчивать об этом, ни ханжествовать по этому поводу не надо), нравственность, духовность; незыблемость основных прав и свобод человека; материальное и культурное благополучие; простор для личной инициативы и личная ответственность (включая трудовую дисциплину); наконец, гарантии нормального существования больным и слабым. При этом нужно помнить, что не только *“бытие определяет сознание”*, но и наоборот (т.е. здесь происходит и должно происходить взаимовлияние и взаимодействие).

В связи с этим проект политической и хозяйственной систем следует построить таким образом, чтобы он нес в себе гарантии того, что человек труда, глубоко осознавший, что нормальную жизнь для себя он может и должен устроить сам, смог бы заниматься этим беспрепятственно, не опасаясь за здоровье и собственность свою и своих близких. Только в этом случае можно будет преодолеть все еще сохраняющиеся явления, которые наши недруги, думаю, не совсем справедливо, относят к общим стереотипам российских нравов и психологии: неуважение к личности и собственности, зависть к успехам соседа (являющуюся биологической основой *“классового сознания”*), массовое пьянство и воровство, непонимание демократии и неприятие самоуправления, национальные предрассудки и при всем этом претензии на особую ведущую роль в мировой культуре и мировой истории.

Распад тоталитарного режима произвел в России эффект вакуумной идеологической бомбы. Большинство людей, можно сказать все наше общество, потеряло ориентиры на будущее. Образовались пустоты, заполняющиеся сегодня, к сожалению, разным идеологическим мусором, который так или иначе, рано или поздно придется вычищать. Надо активно бороться за здоровую психику русского человека, без которой у российской экономики нет будущего, какие бы мы не составляли модели ее развития. В связи с этим нельзя не обратить внимания на тесную взаимосвязь экономических успехов и объединяющих людей труда здорового патриотизма и чувства *национального единства*, демонстрируемую не только нациями, гомогенными в этническом аспекте (Германия, Япония), но и гетерогенными (США, Австралия).

Говоря проще, мы должны превратиться из *населения*, разделенного равнодушием и частными интересами, в *народ*, объединенный совместными целями и осознанием своего места и роли в мире и истории.

Без этого из экономической и, что хуже, духовной ямы, в которую мы соскальзываем, нам не выбраться.

Вторая проблема, напрямую связанная с жизнью человека, со средой, в которой он обитает и которую он эксплуатирует для целей производства и потребления, – это проблема *рационального природопользования и ресурсосбережения*.

Нерациональное, а временами и хищническое использование ресурсов, данных природой, по своей сути являющееся ограблением собственных детей и внуков, не может рассматриваться иначе как национальный позор или государственное преступление. А ведь деградация природы и окружающей среды приняла сегодня в России катастрофический характер. Приведу лишь некоторые факты. За 1991–1997 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в стране сократилась на 27 млн га, в том числе пашни на 9,5 млн, площадь лесов на 52 млн. Это произошло из-за экспансии городского, поселкового и коттеджного строительства, а также за счет того, что часть угодий из-за бедственного положения колхозов и совхозов просто заброшена, заросла мелколесьем и кустарником. Более половины пашни подвержено сильной эрозии, около 1/3 закислено, большое количество угодий характеризуется низким содержанием гумуса, фосфора, калия, т.е. основных компонентов плодородия.

Не миновала беда и наши леса. Они повсеместно губятся бесконтрольными рубками и распродажей, пожарами, лесными вредителями. Посадка и посев лесов за 10 лет сократились вдвое, уменьшились и санитарные рубки.

В последнее десятилетие резко обострилась проблема охраны и воспроизводства водных ресурсов. Медиками и гигиенистами установлено, что половина заболеваний населения обусловлена плохим качеством окружающей среды и, главным образом, питьевой воды. Приходится ли удивляться, что в условиях, когда 70% россиян пьют недоброкачественную, а то и просто непригодную воду, растет заболеваемость, возникают различные эпидемии.

Крайне неблагоприятное положение складывается с состоянием атмосферы, особенно в средних и крупных городах. Наивные надежды на то, что сокращение промышленного производства улучшит состояние воздуха, не оправдываются, более того, загрязнение его усилилось, а в ряде случаев возросло до опасного уровня. Ведь предприятия используют до предела изношенное оборудование и коммуникации. Аварии, протечки и взрывы стали рядовым явлением. Контроль за резко возросшим автомобильным выхлопом происходит только на словах. Резко упала утилизация и переработка промышленных, в том числе высокотоксичных, отходов. Явное неблагоприятное положение отмечается и в области радиационной безопасности, хранилища ядерных отходов в стране переполнены.

При всем этом нельзя спокойно относиться к тому, что в федеральном бюджете на 1998 г. расходы на охрану окружающей среды предусмотрены в 10 раз меньше, чем 10 лет назад. В общем, беда, да и только. По-видимому, руководству страны есть о чем подумать.

Свои задачи стоят и перед учеными. Так, наряду со стимулированием

ем снижения материалоемкости и энергоемкости национального продукта, которое в рыночных условиях должно происходить за счет стремления производителей к снижению издержек, необходимо научное обоснование таких вопросов общегосударственного масштаба, как определение оптимального режима эксплуатации биосистем (леса, воды, воздуха, животного мира и др.), гарантирующего их способность к полноценному воспроизводству, а также максимальное увеличение коэффициента полезного использования всех видов ресурсов, в том числе “внутриобщественного” оборота извлеченных веществ природы за счет их всемерной утилизации. Следует серьезнейшим образом развивать исследования в таких областях, как замена истощающихся видов природных ресурсов другими их видами и синтетическими материалами, поиск альтернативных способов производства энергии и новых агротехнологий, наконец, использование огромных и разнообразных ресурсов Мирового океана.

Решить названные задачи без всеохватывающего стимулирования научно-технического прогресса невозможно, и это – третья проблема. Однако прежде чем обратиться к ней, я бы хотел особо остановиться еще на одном вопросе, непосредственно связанном с проблемой природопользования, – *о собственности на землю, на главное национальное достояние страны*. От того, как решится спор – пускать или не пускать завтра землю в свободную продажу, зависит не только судьба экономических реформ, но и судьба Отечества в целом. Поэтому, на мой взгляд, не стоит поддаваться напору тех, кто торопится с решением этого вопроса. Важно не допустить очередного произвола.

У Ельцина в этом смысле есть хороший шанс стать первым из руководителей России, который приложит усилия к тому, чтобы, наконец, прервалась тянущаяся с царского времени и до нынешних дней непрерывная череда насилия властей над крестьянством. Вспомним столыпинские умирения противников его аграрной реформы. Вспомним “комбеды”, конфискации, крестьянские восстания и первый советский жуткий голод 21-го года, унесший 5 млн человеческих жизней. Голодная смерть соседей в моей родной Преображенке под кумачовым лозунгом “Борьба за хлеб – это борьба за социализм” и под стук колес товарных поездов, увозивших этот хлеб в Германию, – все это на моей памяти. А ликвидация Хрущевым личных подсобных хозяйств, а бездумная аграрная политика застоя, результатом которой стал позорный для России импорт продовольствия? А возвращение слова “голод” в наш словесный обиход в 80-х, т.е. уже при “перестройке”? Ну, а чем лучше нынешнее разбазаривание ресурсов под лозунгом спешной и недостаточной продуманной приватизации? Наверное, россиянам пора все-таки остановиться, одуматься и решить: а хотим ли мы вообще сохранить в нашем селе настоящего крестьянина, эффективного производителя, истинного хозяина и хранителя русской земли?

Безусловно, существовавшая в стране аграрная концепция должна быть коренным образом изменена, поскольку за десятилетия своего господства она доказала полную несостоятельность. Но вот вопрос: что вместо нее? Надежда на то, что превращение земли-кормилицы в товар – посредством действия свободной рыночной стихии – само со-

бой тут же родит эффективную аграрную экономику, является не просто маниловщиной, но весьма опасным для судеб всей страны заблуждением. Аграрная концепция (если этот термин вообще применим в данном случае) нынешнего российского правительства вызывает серьезную тревогу за нашу землю-матушку.

Хочу подчеркнуть, что сегодня российскому обществу не вполне добросовестно внушается мысль о том, что Земельный кодекс России будто бы запрещает частную собственность на землю. Это не так. Кодексом предусматривается бесплатное (без выкупа) наделение землей всех крестьян и горожан, кто согласен ее обрабатывать. Причем земля предоставляется в частное пользование с правом наследования. Это и есть самая эффективная и социально справедливая форма частной земельной собственности. Она, кстати, полностью соответствует многовековой практике общинного землепользования в России, на долю которой в начале уходящего века приходилось более половины мирового производства ржи, 1/4 пшеницы и овса, 2/5 ячменя, 1/4 картофеля.

Отличая в Священном Писании этическое содержание от мистического, возьму на себя смелость процитировать этот источник и напомнить, что запрет на продажу земли был положен еще в библейские времена. Там говорится: “Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня” (Левит 25, 23). Это предостережение было сформулировано в IX–VII вв. до н.э., однако со временем не утратило своего глубокого смысла. Сегодня, когда обществу навязывается идея распродажи земли, нелишне вспомнить высказывание Л.Н. Толстого, сделанное им во время начала столыпинской реформы, о том, что земля, может принадлежать только Богу и всем сынам человеческим, работающим на ней. Она есть собственность всех поколений людей. Продажа земли есть скрытая продажа личности в рабство.

Сейчас особенно актуально воспринимаются суждения великого писателя о самой сути борьбы за право купли-продажи земли. Приведу их дословно: “... происходит непрерывающаяся борьба за земельную собственность и борьба теми орудиями, которые дает правительство своими узаконениями о земельной собственности. И в борьбе этой всегда одерживают победу не работающие на земле, а участвующие в правительственном насилии”<sup>1</sup>.

Могут сказать, что это дела давно минувших дней. Да, это так. Но давайте посмотрим на проблему с современных позиций. Совершенно очевидно, что трудовому люду, тем более подавляющему большинству крестьян, доведенному и коммунистами, и нынешними реформаторами до нищеты, землю не приобрести. Думаю, это будет не под силу и нынешним так называемым крепким крестьянским хозяйствам из-за непосильных ставок банковского кредита и пресловутых “ножниц” между ценами на сельхозпродукцию, с одной стороны, и на промтовары, удобрения и энергоносители, с другой. Напомню, что подобные “нож-

---

<sup>1</sup> Толстой Л.Н. Собр. соч. В 20 т. М., 1964. Т. 16. С. 511.

ницы цен” один раз уже (в 1923 г.) чуть было не сгубили наше государство.

В таких условиях земля скорее всего окажется в руках алчных дельцов и станет использоваться как средство спекуляции и наживы. Не стоит верить тем, кто обещает поправить таким образом государственные финансы. Надежды на “бюджетный эффект” от такой распродажи эфемерны, так же как оказались липовыми обещания о больших доходах от приватизации промышленности.

Неверно утверждение о том, что во всех странах мира, кроме России, земля свободно продается и покупается. Даже в тех случаях, когда земля продается в собственность, как, например, в США, это обуславливается ее строго целевым использованием, предусмотренным договором, по которому перепродажа земли в целях спекуляции запрещается. В ряде капиталистических государств право на землю реализуется в форме арендных отношений землепользователей с государством. Имеются примеры, когда земля, объявленная национальным достоянием, предоставляется в аренду всем желающим через аукционы. Банки в этих случаях охотно дают кредиты предпринимателям без залога земли. Подобный подход позволяет создавать рабочие места и способствует образованию капитала без спекуляции землей.

Я лично – сторонник аренды. Ее сроки и ставки – это проблема второго плана, главное – решить вопрос в принципе. По-видимому, могут быть и другие – “смешанные” – варианты, их надо изучить и обсудить. В стране могут сосуществовать разные формы собственности: государственная, арендная (как господствующая) и частная. Существование последней должно регулироваться строгим законодательством и не менее строгим его соблюдением, дабы обеспечить целевое использование земли и не допустить своевольной торговли ею. Но очевидно, что нашей исполнительной власти прежде всего следовало бы сосредоточить внимание не на распродаже земли, а на мерах по повышению эффективности ее использования, на сохранении и повышении ее ныне стремительно убывающего плодородия в интересах нынешнего и будущих поколений россиян.

Отечественная наука имеет большой опыт и значительные результаты в исследовании аграрной экономики, проблем природопользования вообще и землепользования в частности. Имена Докучаева, Вернадского, Чаянова известны всему миру. Я уже рассказывал о разработках ЦЭМИ в области экономики природопользования. Есть талантливые ученые у нас и сегодня, и они, честно говоря, несколько устали ждать того, чтобы их знания и опыт были востребованы Отечеством. Они помогут разобраться в том, что такое земля как средство производства, что такое земельная рента, какая разница между землевладением, землепользованием и земельной собственностью, они скажут, как нужно строить земельные кадастры и помогут их разработать. Их нужно только позвать!

Будущее России неотделимо от благоденствия ее кормильца – земледельческого класса, продолжение же вывоза энергоносителей в обмен на продовольствие – это путь в никуда. Распродажа земли приведет не к благоденствию сельского труженика, а к превращению его в по-

денщика-паупера, озабоченного не тем, чтобы накормить страну, а элементарным собственным выживанием. Эта распродажа приведет только к тому, что богатые будут продолжать богатеть, люди среднего достатка – беднеть, а бедные обнищают окончательно. Нашу землицу может ждать такая же судьба, как и пресловутых ваучеров, значительная часть которых была попросту пропита. Тогда к бомжам на городских вокзалах и свалках могут добавиться еще и безки (безземельные крестьяне). Нам же останется размышлять, чем кормить себя, детей и внуков, когда упадет давление в экспортных газопроводах. А о том, что может произойти, если нашему кормильцу действительно окончательно надоест терпеть произвол, я не хочу и думать. Не хватало нам только сегодня нового Стеньки Разина.

Возвращаясь к перечню наиболее актуальных научных направлений, отмечу, что и в лучшие годы наша страна не имела возможности развивать все без исключения направления *научно-технического прогресса*. Сегодня же, в условиях относительного дефицита средств, происходит развал отечественного научно-технического потенциала (я имею в виду не только фундаментальную и прикладную, оборонную и “гражданскую” науку, но и технический уровень производственного аппарата, вступившего в невиданный доселе этап “обратной амортизации”, а также образование и культуру). Я называю этот дефицит относительным, поскольку, по имеющимся расчетам, к примеру, водочные и табачные льготы различным “привилегированным” организациям в 1995 г. превышали бюджет Российской академии наук в 35 раз (!). Ошибочна и государственная политика, прижимающая науку в надежде, что она естественным путем сама освободится от кадрового балласта. Вопреки надеждам властей происходит обратное – из российской науки уходят лучшие. По-видимому, нашему правительству неизвестно, что за всю историю человечества затраты на науку ни разу не разорили ни одного фараона, ни одного царя, ни одного президента или генсека.

В условиях, когда надежды на рост финансово-материального обеспечения НТП беспочвенны, в этой области требуется выделять приоритетные направления на основе доскональных экономических обоснований. Направления НТП должны отбираться по признакам ожидаемых наиболее ощутимых результатов, с обязательным прогнозированием социальных и экологических последствий. Их реализация должна основываться на применении программно-целевого управления. Не беря на себя смелость априори оценивать приоритеты НТП, все же отмечу, что, по-видимому, для России проблемы инфраструктурного развития вообще, а информатизации в частности и в особенности, приоритетны абсолютно, поскольку уровень их решения определяет место любой страны в современном мире, а наше отставание здесь наиболее разительно. Пусть это кому-то покажется тривиальным, но я никогда не устану повторять: научно-технический прогресс и образование – это основа основ. Нация, пренебрегающая этим, обречена оставаться на обочине мировой цивилизации.

Четвертое направление, требующее серьезного научного исследования – это *развитие системы государственно-политического устройства и хозяйственного управления*. Исходя из общепризнанной се-

годня посылки о том, что возврат России к тоталитаризму – это предположение гипотетическое и событие маловероятное, но учитывая при этом многолетние российские традиции, психологию и менталитет масс, представляется, что поиск путей становления многопартийной политической и рыночной экономической систем следует искать по линии, равнодействующей между усилением центральной верховной власти (с эффективным взаимным контролем ее трех ветвей – законодательной, исполнительной и судебной) и всемерным развитием демократии на региональном и местном уровнях.

Для *общества* это означает повсеместное господство права, приоритет естественных свобод и прав человека, всемерное развитие самоуправления.

Для *народного хозяйства* это означает мощный и крепкий казенный сектор, составляющий до трети национальных активов (фундаментальная наука, оборонная промышленность, производственная инфраструктура), группу отраслей, находящихся под жестким государственным контролем (естественные монополии) и одновременное торжество полной (в пределах законности) свободы для корпоративного и частного сектора во всех сферах экономики, а также стимулирование развития кооперативного движения, имеющего, на мой взгляд, большие резервы и будущее.

В отличие от тех теоретиков, которые доходят почти до полного отрицания роли государства в экономике, и от тех, кого можно назвать “оголтелыми этатистами”, я занимаю позицию “равнодействующего вектора”, в частности полагая, что хотя бы в переходный период (а продлится он, думаю, не менее трех десятков лет, по-старому – шесть пятилеток) такие функции государства, как планирование (не директивное, но прогнозно-регулирующее), поддержка финансово-кредитной системы, пенсионных и других фондов, страхования, вторичного фондового рынка и т.п., безусловно, должны сохраниться. Государству пока еще рано отстраняться и от проблем ценообразования.

Очевидно, что Россию неизбежно ждет рост безработицы, поскольку настоящие структурные сдвиги и ликвидация неэффективных производств фактически не начинались. Процессы эти сложные и без активного участия государства сделать их минимально болезненными, смягчить их многообразные негативные социальные последствия нельзя. Наконец, еще далеко не закончены в стране процессы перестройки форм и прав собственности, а также передела ее как таковой. Государство не имеет права устраняться от этих процессов. Более того, необходимо тщательно перепроверить уже проведенные в этой области акции и, возможно, пересмотреть некоторые (если не многие) из них.

Этот список можно продолжить государственной поддержкой малого и среднего бизнеса, частного жилищного строительства и т.д. и т.п., но пространно останавливаться на этой теме не входит в мою задачу. Отмечу только, что и в перечисленных областях для экономической науки непочтатый край серьезнейшей работы.

В заключение этой темы хочу обратить внимание еще на один важнейший ее аспект, а именно – на проблему доверия людей к государст-

ву, в частности, к его валюте, которая представляет собой, по сути дела, договор между народом и властью. Нарушение государством этого договора ведет к разрушительным для экономики последствиям: народные деньги не инвестируются, вместо кредитования отечественной экономики путем помещения средств в национальные банки население обращает их в доллары, кредитуя таким образом экономику США. Недоверие к государству, применяющему конфискационные меры и практикующему громадные и многомесечные невыплаты по своим обязательствам, выражается в массовом “бегстве” огромных капиталов за границу. Думаю, если бы в России люди были гарантированы от государственного произвола и освобождены от невыносимого налогового бремени, они не прятали бы деньги “в чулок” и за границей. Ясно, что деньги хранить нужно там, где они будут целее, а вкладывать в дело их лучше все-таки дома. Чтобы это понимать, не нужно быть профессиональным экономистом.

Возвращаясь к первому из моих предложений, хочу подчеркнуть, что если доверие человека труда к государству не будет восстановлено и укреплено (а это задача непростая), то пропаганда властями даже самой благородной и мудрой “национальной идеи” (если, конечно, ее удастся толком сформулировать) даст обратный эффект и может отбросить страну в смысле формирования здоровой трудовой психологии на много лет назад.

В современных условиях резко, но не неожиданно возросла важность пятой группы вопросов, связанных с *региональным развитием и размещением производства*. Что это за условия?

Во-первых, в связи с распадом СССР и последовавшим за ним разрушением единого народнохозяйственного комплекса некоторые промышленные районы, например, южнороссийский и западносибирский, являвшиеся ранее органической частью крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), включавших промышленность соответственно восточной Украины и северного Казахстана, оказались как бы “в одиночестве”. Произошло массовое разрушение и других привычных и налаженных производственно-сбытовых и коммуникационных сетей и двусторонних связей. Происходят и будут происходить далее структурные сдвиги, которые вызовут необходимость изменений в специализации производства и его размещении.

Во-вторых, произошли и, по-видимому, будут углубляться качественные изменения в политических и экономических взаимоотношениях центра и регионов, перераспределении властных полномочий. При этом влияние регионов и местного самоуправления на принятие решений о размещении производства будет расти, и даже если требования “удельных князей” и будут расхождаться с критерием народнохозяйственного оптимума, с ними нельзя будет не считаться. Ну, а о пренебрежении центром местными экологическими условиями нужно просто забыть.

В-третьих, сегодня происходят серьезные сдвиги и в мирохозяйственных связях. Пример: возникновение нового полюса экономической гравитации в Азии, что породило современные проекты так называемого нового шелкового пути. Безусловно, Россия не может остаться в

стороне от этих сдвигов и проектов и должна использовать свое участие в них с максимальной для себя выгодой.

В целом глобальные факторы и основные направления размещения производства в России не особенно изменились, изменилось лишь их взаимное соотношение по важности и актуальности. Из длинного перечня сегодня на первое место я бы вывел: дальнейшее наращивание экономического потенциала восточных районов; развитие экономически перспективных малых и средних городов, в том числе диверсификацию производства там, где “царствуют” так называемые градообразующие предприятия, являющиеся “костью в горле” рыночной экономики; наконец, рационализация транспортно-экономических связей с учетом изменившихся условий. В последнем из указанных аспектов представляются весьма интересными предложения об исследовании развития на территории России “эволюционных коридоров”. В том случае, если они будут привязаны к проектам коммуникаций общепериметрового значения, можно будет рассчитывать на приток зарубежных инвестиций.

По-видимому, жизнь заставит нас несколько сместить акценты в региональных исследованиях и усовершенствовать их методы, но важность этого научного направления в современных условиях не только не снижается, а, наоборот, растет. Более того, на этой тематике возможно будет возродить *физикалистское направление экономической теории*, основы которого в России были заложены на рубеже веков С.Ю. Витте и Д.И. Менделеевым и потом незаслуженно забыты. Развитие этого направления необходимо еще и потому, что оно является альтернативой монетаризму, который в российской экономической науке приобрел сегодня неоправданно широкие масштабы.

Шестая проблема – это *внешнеэкономические отношения* России, открытость ее экономики и включение в мирохозяйственные связи, без которых не может быть и речи об эффективном рыночном хозяйстве. Стремительный переход России от монополии на внешнеэкономические связи к либеральной системе их регулирования на тарифной основе наряду с очевидными успехами в развитии экспорта привел и к ряду существенных негативных моментов. Главным из них я считаю сохраняющиеся противоречия между интересами участников внешнеэкономической деятельности и интересами народного хозяйства. Поиск путей согласования и гармонизации этих интересов – важная задача экономической науки.

Особняком в этом ряду стоит проблема экономических взаимоотношений России со странами СНГ. Необходимость сохранения и восстановления взаимных хозяйственных связей, особенно тех, которые были эффективны, а зачастую и жизненно важны, несомненна, и осознание ее в последнее время усиливается. Однако, если не считать Белоруссии (хотя перспективы нашей двусторонней интеграции мне так до конца еще не ясны), процесс дезинтеграции зашел за последние годы так далеко, что взаимный обмен уже имеет все признаки именно внешней торговли, причем временами даже с более жесткими тарифными и нетарифными ограничениями, чем на традиционных внешних рынках. Конечно, можно сказать, что наш “развод” нельзя объяснить никакими

разумными экономическими аргументами, что он – следствие безответственных политических решений и некомпетентности новых республиканских лидеров. Но он – жестокая реальность, и сегодня никто не возьмется предсказать возможные пути и сроки нашей реинтеграции, да и вообще сказать с уверенностью, состоится она или нет. Вопросов здесь больше, чем ответов, а для экономической науки – чистое поле.

Седьмая проблема – это обеспечение *национальной безопасности*. Не будучи специалистом в области военного строительства и работы органов государственной безопасности и внутренних дел, не стану вдаваться в детали этого вопроса, однако замечу, что и он имеет свою экономическую специфику. Военная экономика – это самостоятельная отрасль знаний, и считается, что она – составная часть военной науки, изучающей взаимосвязи между войной и экономикой. Я не совсем согласен с такой классификацией и, более того, предлагаю с учетом современных условий ввести понятие *экономики национальной безопасности*, охватывающее более широкий комплекс взаимосвязей и предусматривающее исследование и расчеты по выбору форм и путей мобилизационной подготовки народного хозяйства в случае возникновения угрозы национальной безопасности, по использованию ограниченных ресурсов, направляемых на обеспечение национальной безопасности, и проч.

Существует, впрочем, и понятие собственно *экономической безопасности*, куда входят: критические пределы падения хозяйственной активности, за которыми начинается деградация экономического потенциала; критический уровень доли импорта в производственном потреблении и потреблении населения, по достижении которого жизнеспособность отечественной экономики попадает в зависимость от доброй или злой воли зарубежного поставщика, особенно, если он монопольный; наконец, предельные размеры иностранных займов, превышая которые, хозяйство страны начинает работать не на народное благосостояние, а на обеспечение выплаты процентов по кредитам. Думаю, что именно состояние экономической безопасности России – сегодня одна из актуальнейших тем для серьезного исследования.

Восьмая проблема – дальнейшее изучение и совершенствование *методологических вопросов* изучения экономики, в том числе методики различного рода расчетов: технико-экономических, планово-экономических, прогнозно-экономических и “всячески”-экономических. Не будучи противником здравого смысла как такового, я не согласен с тем, что он, как предлагают сегодня некоторые авторы, может заменить методы объективного количественного анализа экономических явлений и процессов.

Экономическая наука не имеет права останавливаться в деле совершенствования собственной методологии, в том числе и в развитии экономико-математических методов обоих классов: как макромоделей, так и методов решения конкретных хозяйственных задач. Не теряют сегодня и не потеряют никогда свою актуальность методы математической статистики, позволяющие извлечь из кажущейся хаотичности информации основные тенденции и закономерности. Безусловно,

требуют дальнейшего развития многие разделы прикладной математики, используемой в экономических исследованиях и управлении производством, в том числе оптимальное программирование, комбинаторные методы, теория игр, теория массового обслуживания, теория расписаний, теория управления запасами, теория износа и замены оборудования, имитационное моделирование и деловые игры. Глубоко заблуждается тот, кто считает, что перечисленное является рудиментом планового хозяйства. Большинство этих методов было разработано для рыночной экономики и в полной мере может и должно быть использовано в России именно сегодня. В связи с этим развитие теории СОФЭ необходимо продолжать.

Если подходы к решению названных выше восьми проблем мне еще как-то видятся – одни яснее, другие менее отчетливо, то, хотя в этом и стыдно признаваться, что делать с девятой, я пока еще себе не представляю. Имеется в виду проблема *пропаганды научных идей и взаимоотношений науки и государственной власти*.

Многие люди, я бы сказал, большинство людей, объясняют наши сегодняшние беды неумением руководителей и происками заокеанских сил. Новому правительству досталось тяжелое наследие, однако и оно не нашло лучшего выхода. О его ошибках я уже говорил. Здесь же хочу заметить одно: мне понятно, почему большевики подлаживали абстрактные конструкции К. Маркса под свою практику, отвергая идеи выдающихся российских экономистов П. Струве и М. Туган-Барановского, но чего я никак не возьму в толк, зачем нужно сегодня мусолить пальцы в заграничных евангелиях от А. Аслунда, Л. Бальцеровича, Дж. Сакса и др.?

Ну, не нравятся наработки создателей системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), явившейся плодом многолетнего поиска большого коллектива ученых, где можно найти многие ответы на актуальные вопросы экономических реформ, так обратите внимание на то, как справились с аналогичными, а в их время еще более серьезными, чем сейчас, проблемами превращения фактически разрушенного до основания хозяйства в эффективную и конкурентоспособную экономику такие люди, как Н. Кондратьев и Г. Сокольников – “отцы нэпа”!

Думаю, собака зарыта здесь не в том, что “несть пророков в своем отечестве”, а Кондратьева нынешние реформаторы, которым не откажешь в образованности, наверное, читали. (Кстати, я очень горжусь тем, что в свое время мне была присуждена академическая премия имени этого выдающегося русского ученого-экономиста.) Монетаристов-гайдаровцев скорее всего не устроило в наследии Н. Кондратьева указание на обязательную необходимость оптимального сочетания государственного регулирования (так называемого дирижизма) со свободой рынка. Но ведь об этом же пишет и уважаемый ими западный “евангелист” Кейнс! Хотя он и принципиальный противник Фридмана, но все ж западный, а значит, по известной логике, умный.

Могли бы молодые реформаторы, взявшиеся за ломку отечественной экономики со скоростью, как говорят англичане, “смазанной жиром молнии”, воспринять уроки того же Кейнса, указывавшего на необходи-

мость постепенности в проведении реформ, того же Дэн Сяопина, считавшего, что настоящий социализм сможет быть построен в Китае только к 2500 г., а также великого Сенеки, утверждавшего, что “все истинно великое осуществляется медленным и незаметным ростом”. Может быть их мог бы вразумить мой дедушка – запорожский землелепец, утверждавший, что “торопливость нужна только при ловле блох”?

Не могу также не отметить, что современные реформаторы, подобно своим предшественникам, почему-то никак не хотят учиться на ошибках своих предшественников. Спрашивается, ну зачем они снова поскользнулись в водочной луже, отменив государственную винную монополию и оголив государственный бюджет? Проблема водки в истории России стала прямо-таки сакраментальной! Ни одно из наших правительств, причастных к “винно-водочным реформам”, долго не выживало. Николая II, введшего сухой закон, вскорости расстреляли. Летом того же 1918 г. стреляли и в Ленина, противившегося отмене этого закона, после чего он тоже прожил недолго. Про “подвиги” последнего времени я уже говорил. А знаете, что первым сделал И.В. Сталин, когда пришел к власти? Развернул общегосударственную систему производства и продажи водки! И преуспевал долго. Вот и делайте выводы...

Кстати, наблюдая, как в центре Москвы с лотка продается самогонный аппарат заводского производства с приложением великолепно изданного рецептурного сборника и как этот сборник без малейшего стеснения листает милиционер, я представляю себе эту картину как некий символ российской современности.

Из сказанного следует, что, развивая и углубляя экономические исследования на рубеже третьего тысячелетия от Р.Х., нашим ученым нужно не только смотреть вперед и по сторонам, но иногда очень полезно заглядывать и в наши отечественные святцы, а также не лениться указывать на них нашим государственным деятелям.

Будучи самокритичным, скажу, что мои собственные попытки на этом поприще в свое время зачастую оканчивались неудачей. Но это не значит, что от попыток такого рода следует отказываться. Ученые-экономисты сегодня имеют несравненно более широкие возможности для пропаганды своих достижений и разъяснения своих идей, для убеждения и споров с правительством, чем два-три десятилетия назад. Для этого не нужно жалеть времени и усилий. Законы физики и химии действуют без участия человека, действие же законов социально-экономического развития может притормаживаться под влиянием субъективных факторов. Чтобы преодолеть это влияние, следует нести передовые идеи в массовое сознание, и только при этом условии, как говорил В.И. Ленин, эти идеи смогут материализоваться.

Думаю, точнее всего на этот счет высказался Д.И. Менделеев, замечавший следующее: “Справедливо считать творцом научной идеи того, кто не только признал философскую, но и реальную стороны идеи, который сумел осветить вопрос так, что каждый может убедиться в его справедливости, и тем самым сделал идею общим достоянием...”<sup>2</sup>

<sup>2</sup> Менделеев Д.И. Избр. соч. Л., 1934. Т. 1. С. 287.

## ОТ “ЛАТАНИЯ ДЫР” К ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ

Выше изложены направления исследований, которым, на мой взгляд, следует уделить главное внимание нашей экономической науке. Естественно, для проведения этих исследований и приложения их результатов потребуется время. Однако народное хозяйство находится в состоянии кризиса уже сегодня. Что же нужно предпринять для выхода из нынешней весьма трудной ситуации?

Разговор на эту тему начну с напоминания об одном событии начала января 1998 г. Первый день Святков в этом году ознаменовался в России событием настолько долгожданным, что с трудом верится в его правдоподобие. Многие в него просто не поверили, поскольку ощутить его реальность смог далеко не каждый, более того, единицы. Наверное поэтому и средства массовой информации, занятые, по привычке, рекетирами, палестинцами, проститутками и транспортными инцидентами, обошли вниманием это событие, которое, по своим внешним признакам, должно бы было стать для России поистине эпохальным. О чем я веду речь?

Дело в том, что на заседании правительства 8 января было объявлено, что в ушедшем 1997 г. валовой внутренний продукт России вырос на 1%, промышленное производство – на 3,1, реальные доходы населения – на 2,5 и розничный товарооборот – на 3,9%, безработица сократилась на 5%, инфляция уменьшилась вдвое и составила 11%. Так почему же мы все не радуемся, не поем и не пляшем? Так где же Великий Праздник, которого все так долго и с таким нетерпением ждали? Ведь, по словам премьер-министра, которые, правда, как все мы видели на телеэкране, он произносил с весьма унылым видом, вышло, что *в России наконец начался экономический рост!*

Праздника не было потому, что простые люди этого роста в собственном кармане не ощутили, да и не могли ощутить, поскольку любой мало мальски грамотный экономист скажет, что цифры этого роста находятся в пределах допустимой погрешности в расчетах и поэтому считаться достоверными не могут. Как говорится, одна монетка в кармане не звенит; чтобы там зазвенело, монеток нужно минимум две, а не 1,01.

Тем более скромно эти цифры выглядят на фоне общих итогов проводимой реформы, результатом которой явилось, например, снижение продукции машиностроения на две трети, легкой промышленности на 80%, сокращение реальной зарплаты вдвое, а инвестиций – на три четверти. Тут уже не до спора о размерах допустимых погрешностей, а тот факт, что “рост” объема инвестиций в предыдущем году составил 0,00%, как раз и наводит на мысль о том, что достигнутое нашим правительством стабильное положение экономики сродни стабильному положению корабля, опустившегося на дно, ибо дальше опуститься некуда.

Провальные итоги рыночных реформ описаны множеством специалистов и неспециалистов многократно и многоаспектно, и я не хочу

еще раз братья за их интерпретацию, тем более углубляться в критику текущей экономической политики и готовить очередное из обвинительных заключений, которых сегодня пруд пруди и которые, честно говоря, начали поднадоедать. Я далек от мысли, что так все и было задумано с самого начала, поскольку уверен, что цели перемен, начатых в 1985 г., были благородными: переориентировать экономику на человека, повысить ее эффективность на основе ускорения технического прогресса и структурных усовершенствований и т.п. Более того, я считаю, что эти цели были бы в общем достижимы, если бы с самого начала был выбран правильный путь, верный метод движения к поставленным ориентирам, а сами ориентиры были бы установлены точно и определенно.

Следует признать, что известную долю упреков должна принять на себя здесь и отечественная общественная наука, по понятным причинам не разрабатывавшая универсальной теории социально-экономических трансформаций и изучавшая только одно известное всем направление переходных процессов, указанное еще И.В. Сталиным. Правда, некоторые ученые, в том числе и в моем родном ЦЭМИ, в течение многих лет пытались внести в существовавшую хозяйственную систему живительные элементы саморегулирования, буквально с боем преодолевая при этом нагромождения идеологических предрассудков. Однако яичка к светлому Христову дню на столе не оказалось, т.е. к моменту радикальных демократических преобразований законченной стройной концепции преобразования социально-экономической системы страны так и не было создано. Главное: отсутствовало руководство к действию или, иными словами, не было научно обоснованной *комплексной целевой программы реформ*.

Ни одна из доброго десятка программ реформы *советской* экономики, обсуждавшихся в 1989–1990 гг. (о более ранних я не говорю), не обладала качествами комплексной целевой программы, в том числе наиболее известные: Л.И. Абалкина и его ученика Г.А. Явлинского. Первая из них (Радикальная экономическая реформа: первоочередные шаги и долговременные меры), предлагавшая путь взвешенного и кропотливого перехода к рыночной экономике, встретила мощное сопротивление консервативных сил и так и не была утверждена. Вторая (500 дней) в экономическом смысле страдала утопизмом, а политически, хотя в тот момент и казалась полезной, так и не сыграв предназначавшуюся ей роль, стала преддверием последовавшей смуты 1990–1991 гг. Основным недостаток, который объединял все эти документы, в том, что они носили декларативный характер и были не программами, а концепциями. А главное в том, что мы ни тогда не знали и до сих пор так и не знаем точных координат цели, к которой стремимся. Не детерминированный количественными параметрами лозунг “перехода к рынку” – это такая же цель для экономики и общества, как “море вообще” для береговых батарей.

Была ли учтена эта ошибка, когда принялись за реформирование уже *российской* экономики? Нет. Более того, сегодня даже не видно попыток создать что-либо подобное уже упомянутым программам. Вместо этого господствует способ “латания дырок”, одна из постоянно пра-

ктикуемых разновидностей которого – выезды руководителей в места возникновения кризисных ситуаций с небольшим запасом занятых за рубежом денег для смазывания клапанов социальной напряженности.

Справедливости ради следует отметить, что ни у одной из оппозиционных партий, подвергающих острейшей критике (временами вполне справедливо) экономическую политику нынешнего правительства, либо нет позитивных программ вывода России из кризиса, либо они очень тщательно их скрывают. Лидер фракции НДР в Госдуме А.Н. Шохин в своем радиоинтервью 18 января прямо заявил, что сегодня ни в Думе, ни в правительстве, ни у кого вообще нет программы продолжения реформ.

Еще можно понять коммунистов, которым, по-видимому, неловко и политически невыгодно повторять сегодня зады о преимуществах административно-плановой системы, уже полностью себя дискредитировавшей. Но где программа “Яблока”, где программы других партий и фракций? Невольно создается впечатление, что они считают, что их победа на очередных выборах автоматически приведет Россию к выходу из экономического кризиса. Как было бы хорошо, если бы все было так просто, если бы Декарт ошибался, говоря, что истину нельзя достичь голосованием! Конечно, нет ничего опаснее и вреднее подобного самообольщения. Думается, всем нам давно пора понять, что для того, чтобы наладить экономику, потребуется много тяжелого и кропотливого труда, терпения и времени.

Не втягиваясь в спор о достоинствах различных экономических моделей, в том числе внедряемой сегодня в России (это тема отдельного разговора), хочу напомнить важнейшее правило из шахматного учебника гроссмейстера А.А. Котова: “лучше играть по плохому плану, чем вообще без плана!”. Не надо бояться того, что будет избран не лучший способ действий, это все равно будет лучше, чем действовать без программы! Ее отсутствие губительно во всем, особенно в экономике – не имея программы действий, обязательно попадаешь в критическое положение. Временные тактические успехи возможны, в какие-то моменты может помочь благоприятно складывающаяся рыночная конъюнктура, но научно обоснованная целевая программа вывода отечественной экономики из кризисно-тупикового состояния сегодня необходима жизненно и абсолютно. В этом я совершенно уверен. Так какая же программа нужна, в чем ее суть, каковы особенности и есть ли примеры?

Суть такой программы определяется пятью признаками:

четкое определение поставленной цели; с самого начала должно быть ясно, какая социально-экономическая проблема должна быть решена, какие параметры должны быть достигнуты;

специально организуемый орган для управления реализацией программы;

строгое определение конечных сроков, в рамках которых должна быть достигнута поставленная цель (5, 10, 15 лет);

жесткая увязка с имеющимися ресурсами;

межотраслевой и межрегиональный характер.

Упрощенно говоря, в программе должно найти ясные и четкие от-

веты на пять вопросов: “что?”, “кто?”, “когда?”, “где?”, “какова эффективность (экономическая, социальная и др.)?”. В условиях экономической неопределенности (в рыночной экономике) важную роль играет и разработка документов, отвечающих на вопрос: “что будет, если...?”. Эти документы именуются прогнозами, и их составление должно сопровождать разработку и реализацию целевых программ.

В любой экономике, а тем более в современной российской, тип которой определяется как “дефицитный”, возникают проблемы, для решения которых требуется временная аккумуляция значительных ресурсов, объем которых обычно ограничен. По правде говоря, на Земле сегодня осталось только три вида неограниченных ресурсов: мутнеющие воды Мирового океана, загрязненный воздух и неумолимо растущая армия коррумпированных чиновников.

Для решения отдельных крупномасштабных проблем в условиях ограниченности ресурсов требуются особые инструменты управления, позволяющие достичь определенной народнохозяйственной цели на основе специальной программы. История мировой экономики знает примеры разработки так называемых *целевых комплексных программ* (ЦКП) в энергетике, военном деле и других областях.

В рыночном секторе мирового хозяйства экономическое программирование (индикативное планирование), зародившееся в ряде стран Западной Европы и Японии после Второй мировой войны, получило широкое распространение в 60-х годах в Швеции, Финляндии, Великобритании, Италии, Бельгии, ФРГ, Испании; в 70-х годах – в США, Канаде, а также в рамках ЕЭС. Следует признать, что в ряде случаев применение экономического программирования позволило там, с одной стороны, направить и ускорить преобразование материально-технической и финансово-стоимостной структуры экономики, с другой – смягчить противоречия и неравномерность экономического роста, ослабить кризисы и цикличность производства, способствовать достижению умеренного роста цен и интенсивного роста занятости рабочей силы. Во многих странах оно послужило задаче преодоления экономического отставания и повышения конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке.

В странах с централизованным плановым хозяйством к экономическому программированию обратились примерно в то же время. В СССР и странах Восточной Европы (и даже в рамках СЭВ) эти программы, как правило, разрабатывались и реализовывались на эмпирической основе и зачастую становились “возмущающим” фактором, нарушающим обычный ход экономических процессов.

Еще в конце 60-х годов ЦЭМИ выступил инициатором подведения под эту практику научной базы и в конце концов разработал не только идею и методологию, но и методический инструментарий составления ЦКП. Институт обратился к этой тематике, учитывая ее высокую актуальность. Дело в том, что целый ряд накопившихся к тем годам народнохозяйственных проблем уже не мог решаться привычными традиционными методами и требовал согласованных усилий многих отраслей и экономических районов, осуществления целой *системы* различных мероприятий, которые могли быть осуществлены только в рамках ЦКП.

Примером здесь может служить программа решения жилищной проблемы, которая не могла ограничиться только планами строительства жилья и развития строительной базы. Нужно было предусмотреть решение вопросов эксплуатации, ремонта и реконструкции наличного жилого фонда, развития производства мебели, бытовой техники, улучшения окружающей среды, подготовки кадров, развития исследовательских и проектных работ в области жилищно-коммунальных услуг, создания системы распределения и обмена жилья и других сопряженных вопросов и, таким образом, на программной основе обеспечить объединение деятельности разнообразных экономических субъектов в едином процессе совместного выполнения определенной функции – в данном случае в решении жилищной проблемы.

Одной из основных особенностей ЦКП является то, что они не должны “стягивать на себя одеяло” и нарушать отвлечением ресурсов нормальный ход воспроизводственного процесса во всех звеньях народного хозяйства, сужать возможности маневра в будущем, с учетом возникающих новых задач. Следовательно, ресурсы, выделяемые на реализацию принятых программ, должны быть четко и заранее определены. Таким образом, программа – это руководящий документ, который определяет законченный во времени и пространстве комплекс социальных, технических, производственных, организационных, научно-исследовательских и других мероприятий, направленных на реализацию одной или нескольких целей.

Иными словами, программа охватывает совокупность материальных, трудовых и финансовых ресурсов, сгруппированных по признаку их целевого назначения. Она характеризуется четко выраженными конечными результатами (определенным набором конечных программных показателей), которые должны быть сопоставимы с целевыми нормативами и показателями. Необходимо четко определить и требования программы к ресурсам – по объему, номенклатуре и качеству. Следовательно, программа позволяет увязать цели с ресурсами, т.е. определить необходимое количество ресурсов на ряде стадий их преобразования в “конечный” (целевой) продукт.

Еще одной важной особенностью ЦКП является определение сферы применимости программно-целевого подхода к различным общественно-экономическим системам. Ведь некоторые из них развиваются исключительно под воздействием собственных, присущих только им закономерностей, и на процессы, происходящие в них, трудно повлиять, скажем, за счет привлечения дополнительных ресурсов или управленческих воздействий. Примером здесь, в известной мере, могут служить демографические процессы, развивающиеся в основном под действием внутренних стимулов и не всегда адекватно реагирующие на изменение капиталовложений в эту сферу.

Наиболее существенное отличие программ от обычно составлявшихся планов заключается в том, что *программы ориентированы не на выпуск какой-либо продукции, а на выполнение определенной общественно необходимой функции, сформулированной в виде цели*. Эта цель может быть достигнута различными способами, в том числе и путем выпуска определенного рода продукции. Например, устранение де-

фицита в удовлетворении какой-либо потребности может быть осуществлено за счет импорта, за счет развития собственного производства, наконец, за счет изменения способа удовлетворения или сокращения или даже ликвидации самой потребности. К примеру, потребность в увеличении объема перевозок может быть удовлетворена по отдельности и в комплексе за счет: наращивания парка перевозочных средств (путем увеличения собственного производства или импорта), изменения структуры транспорта (автомобильный, железнодорожный, водный, воздушный и т.п.), введения технических новшеств (контейнерные перевозки, суда на воздушной подушке и т.п.), строительства современной дорожной сети, наконец, рационализации размещения производства (приближение мест добычи сырья и предприятий по его переработке, уменьшение “встречных” грузопотоков, что сокращает саму потребность в перевозках).

Ключевым вопросом разработки программ, таким образом, является выбор способа их реализации, для чего в большей степени, чем обычно используется сопоставление затрат и результатов по каждому из этих способов. В программах большую роль играет социальный аспект. Процедура разработки программ построена таким образом, что социальные факторы развития общества, социальные последствия реализации программ оцениваются и учитываются наравне с экономическими и производственно-технологическими изменениями. В зависимости от задач и способов их решения, заложенных в программы, они могут существенно отличаться по содержанию, форме представления, масштабам, временным параметрам, специфике разработки и другим признакам. Для результативности программ принципиально важно, чтобы их общая доля в ресурсно-хозяйственном комплексе была не очень велика и составляла не более 5–10%, дабы не стать помехой для развития народного хозяйства в целом.

Если наличных ресурсов для реализации программ недостаточно и время этой реализации вынужденно растягивается, возникает задача выбора приоритетов в ресурсном обеспечении. Логическая структура программы определяется прежде всего тем, что программа является переходным звеном между целями и ресурсами.

Необходимость сочетания целевого и ресурсного аспектов в программе создает ряд методологических проблем. Дело в том, что цели и целевые нормативы носят функциональный характер; они выражают индивидуальные и общественные потребности в удовлетворении тех или иных функций (в питании, познании, отдыхе, безопасности и т.д.). Обеспечивающие же эти потребности ресурсы носят предметный или вещный характер; определенные продукты и услуги способны удовлетворять различные функциональные потребности благодаря наличию конкретных полезных свойств. Связь между функциональными потребностями и средствами их удовлетворения, как правило, неоднозначна. Существует взаимозаменяемость ресурсов в производственном и конечном потреблении, и ее рамки резко расширяет научно-технический прогресс. Поэтому неизбежен известный логический разрыв при переходе от целей к ресурсам, обуславливающий принципиальные трудности в формировании и оценке программ.

Комплексные программы – это один из эффективных способов управления экономическими объектами, задействованными в конкретном комплексе. Они позволяют усилить внимание и стимулировать выделение ресурсов для гарантированного и строго определенного по срокам осуществления целей, которым уделяется повышенное внимание. Разработка комплексных программ позволяет конкретизировать и усилить директивное воздействие на исполнителей в сфере государственного подчинения либо организовать более эффективное экономическое давление на частные и акционерные организации, работающие в пределах комплекса или косвенно на его нужды.

При сложившемся в России кризисном состоянии экономики естественно возникает стремление любой участок экономики страны “заковать” в рамки комплексной программы, чтобы обеспечить лучшее снабжение дефицитными ресурсами. Однако именно степень дефицитности прежде всего и ограничивает возможность предпочтительного, внеочередного снабжения каждой из поставленных целей. На каждом этапе развития приходится урезать конечные и промежуточные цели соответственно наличию ресурсов. Потребности (целевые нормативы) возрастают постоянно, так сказать, от достигнутого уровня, и не только от достигнутого в России, но и с ориентиром на лучшие показатели в мире. А ресурсы растут в меру технического уровня производства, организованности и умения работников, совершенства управления. Приходится ранжировать промежуточные цели и осуществлять оптимизацию с поправками на значимость, придаваемую каждой цели.

Лучший способ для этого – комплексные программы. Опыт последних десятилетий в России (и последних лет тоже) свидетельствует, что ни одна из объявленных комплексных программ полностью по поставленным целям и в срок не выполнялась. Наиболее существенной причиной неудач служило несовпадение целевой установки программ с народнохозяйственным критерием, завышенные претензии на несуществующие ресурсы. Программы каждый раз не соответствовали возможностям экономики, так как при их выполнении не выдерживался “коэффициент предпочтения”.

Поиск механизмов концентрации ресурсов для сравнительно быстрого, энергичного и эффективного достижения поставленных целей, каким и должно было стать программно-целевое планирование, исключительно актуален и сегодня. Разработанный 30 лет тому назад инструментарий программного планирования и управления хорошо вписывается в действующие условия управления экономикой. К моему большому сожалению и недоумению, многие сегодняшние беды как раз и происходят от того, что его не хотят в них вписывать. Это тем более непонятно потому, что в отличие от советской государственной системы сегодня для решения любой проблемы необходимо искать ресурсы из частных источников, и здесь программные методы объединения разнородных ресурсов для достижения единой цели, разработанные в свое время в ЦЭМИ, могли бы стать незаменимым подспорьем.

Впрочем, в последнее время я замечаю и некоторые обнадеживающие проявления. В частности, мне было весьма приятно и интересно услышать одно недавнее публичное высказывание московского мэра

Ю. Лужкова, заслуженно пользующегося в России репутацией незаурядного хозяйственника. Отвечая на вопрос одного из журналистов: “В чем сегодня заключается секрет экономического успеха?”, Юрий Михайлович ответил лапидарно и афористично (и, на мой взгляд, очень точно): “Секрет прост. Нужна цель, а под эту цель – программа!”

Сказанное вселяет надежду на то, что понимание необходимости разработки общенациональной научно обоснованной комплексной целевой программы социально-экономического развития России распространится на круги, от которых зависит принятие решения по этому вопросу, и мы, наконец, засучим рукава и возьмемся за дело.

Каким требованиям должна соответствовать эта программа? Во-первых, требованию перспективной ориентации общественного производства, т.е. охватывать не отдельные экономические процессы, а воспроизводство в целом. Во-вторых, приоритет должен быть отдан долгосрочным стратегическим вопросам, а не решению технических задач. В-третьих, сама программа и механизм ее воплощения должны быть достаточно гибкими, дабы позволить осуществление итераций и экономического маневра в зависимости от меняющихся внешних и внутренних условий, поскольку реализация программы заведомо будет проходить в условиях неопределенности многих не только экономических, но и политических факторов. В-четвертых, программа, безусловно, должна быть “многоэтажной”, т.е. включать в себя федеральные и региональные подпрограммы (промышленность, АПК, наука и техника и т.п.).

Об одной из таких подпрограмм, жизненно необходимых для сегодняшней России, хочу сказать особо. Я бы назвал ее “Чистые руки”. Речь идет не только и не просто об усилении борьбы с коррупцией, а о том, чтобы подрубить питающие ее корни, заложенные в нынешней системе хозяйствования. Чтобы Россия не превратилась, по удачному, на мой взгляд, выражению академика Н.Я. Петракова, “из империи зла в империю воровства”, нужно вывести чиновничество из механизма функционирования рынка, в котором оно сделало себя сегодня едва ли не главным элементом.

Для разработки общероссийской целевой антикризисной программы, на мой взгляд, следовало бы создать специальный орган, включающий в себя представителей правительства (в том числе отраслевых и функциональных министерств и ведомств), бизнеса и науки и тесно сотрудничающий с государственной администрацией, деловыми и научно-исследовательскими кругами. Не должны быть обойдены и законодательные органы, поскольку реализация программы наверняка потребует корректив и дополнений в хозяйственном праве. Следует продумать и вопрос об участии в этой работе профсоюзов.

Наверное сейчас было бы преждевременным давать рекомендации по составу этого органа и структуре программ, но все же возглавить его должен премьер-министр с министром экономики и вице-президентом Российской Академии наук в качестве заместителей.

Задача “штаба”, который будет формировать саму программу и вести вопросами ее воплощения и который, на мой взгляд, должен состоять из ведущих чиновников Минэкономики и ученых Секции обще-

ственных наук (главным образом Отделения экономики) РАН, – формулирование самой цели, выбор показателей, определяющих ее достижение, расчет количественных ориентиров (на базе национальной статистики, бюджетно-финансовых отчетов и специальных обследований), проведение анализа с помощью макроэкономических моделей, отображающих поведение отдельных экономических агентов и экономической системы в целом.

Работа предстоит большая и сложная, однако браться за нее не просто нужно, но жизненно необходимо. Думается, что ученые экономических и других институтов Академии наук смогут с ней справиться, поскольку научно-методологический задел накоплен не малый и еще в строю многие из тех, кто приобрел бесценный (исследовательский и организационный) опыт в чем-то аналогичной работы при подготовке общенациональной Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий.

Надеюсь, что разработка предлагаемой программы кроме основных целей будет содействовать решению еще двух важных проблем: более тесному сближению науки и власти, связь между которыми в последние годы несколько ослабла, а также активизации исследований учеными-экономистами, научный энтузиазм которых явно требует поощрения большей востребованностью их знаний и достижений.

В заключение хочу обратить внимание, на первый взгляд, на не самый существенный, но на самом деле весьма важный вопрос: как назвать предлагаемую программу? Здесь не все так просто, поскольку этот вопрос связан с определением *цели* движения. И не зря его старательно обходит стороной большинство сегодняшних ученых и политиков, до сих пор так и не объяснивших народу, куда же мы все-таки идем, что мы строим сегодня? Люди устали ждать ответа на вопрос о том, к чему мы стремимся: к некоему непонятному “цивилизованному обществу” или “социально ориентированному капитализму”, а может быть, к авторитарному капитализму латино-американского или африканского типа? Некоторые определяют цель как “народный капитализм” или “посткапитализм”... Несомненно одно – нам необходимо правовое гражданское общество, способное дать свободу и простор естественным творческим силам людей, направить их усилия на созидательный труд во имя собственного благополучия и процветания Отчизны. Для этого нужно ясно и четко определить, чего же мы хотим, ибо *тот, кто не знает, куда идет, приходит в никуда.*

Думаю, что название программы возникнет, когда мы определим сущность процесса дальнейшего развития и его цели, а отсюда – методы. Наверное, здесь не обойтись простым определением: “капитализм” или “коммунизм”. История показала, что нет какого-то одного коммунизма или капитализма, а также, что методы и результаты в условиях противоположных по своей сути формаций могут быть одинаковыми.

В этом смысле о многом заставляет задуматься следующая цитата из трудов Л.Н. Гумилева: «“Это было, было...”», – как поется в песенке. Например, еще китайский император Ван Ман установил в I в. н.э. своеобразный “коммунистический” строй. Была введена госсобственность на землю, а крестьянам выделялись в аренду равные наделы. Су-

ществовало подобие монополии на внешнеэкономические связи. В руках государства были сосредоточены торговля солью, вином, железом. Правитель запретил частным лицам иметь золото, собрав его в казну. Хозяйственная жизнь была зарегулирована. И что же? Эксперимент был оборван восстанием “краснобровых”, то есть крестьян, убивших реформатора в двадцать пятом году н.э.»<sup>3</sup>.

Большевики, наверное, не ведали об экспериментах Ван Мана. Они, непрестанно ссылавшиеся на Маркса, во многом переняли свои методы из писаний С.Г. Нечаева, предлагавшего “производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше” под руководством одному Нечаеву известного “нашего комитета”. Конечно, эти идеи с реальным марксизмом ничего общего не имеют, и сам Маркс оценивал нечаевский “казарменный коммунизм” как апологию вероломства, лжи и насилия, как доведенную до предела безнравственность. Так разве отрицание коммунизма и апологетика капитализма освободят нас от насилия, лжи и безнравственности? Конечно, нет!

Так же как отрицание коммунистами частной собственности через ее упразднение, а не подлинное освоение ведет к абстрактному отрицанию всего мира культуры и цивилизации, к возврату “к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос до нее”<sup>4</sup>, так и происходящее сегодня грубое упразднение, предложенное Чубайсом, а не продуманное подлинное освоение государственной собственности приводит к тому же результату. Получается “нечаевщина наоборот”, но с одним и тем же результатом. “Чикагскому мудрецу” Милтону Фридману, наверное, и в голову не приходили термины “казарменный монетаризм” или “казарменный капитализм”, которые насаждаются сегодня в России молодыми реформаторами и представляются обществу в качестве единственной верной идеи.

Перед российским обществом сегодня нет другой альтернативы, как, объединившись новой общенациональной идеей, которая может быть выработана совместными усилиями лучших представителей власти, науки и бизнеса, упорно двигаться вперед по пути, как говорил Н. Бердяев, “материального технического развития”.

“В старый рай под старый дуб нет возврата. Более элементарного и менее мучительного прошлого не вернешь... Россия переживает сейчас очень ответственный момент, она стоит на перепутье. Ей предстоит еще жертвенно отречься от своего материального органического прошлого, от старого своего хозяйствования, от старого своего государственствования, которое многим еще представляется органическим, но которое уже подгнило в своей основе и разлагается... Если Россия хочет быть великой... и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадает в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина”<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> Гумилев Л.Н. Черная легенда. М., 1994. С. 272.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 115.

<sup>5</sup> Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 240.

Признаюсь, что я не готов сегодня к ответу на вопрос, куда мы все-таки “переходим”. Наверное, никто на него сегодня однозначно ответить не может. Дело, в конце концов, не в сочинении названий, не в поиске новых терминов и “измов”. В этом смысле “народный капитализм” не лучше “развитого социализма”.

Думается, однако, что новый взгляд должен иметь под собой достаточно широкую теоретическую “подкладку”. Дело в том, что на рубеже веков или тысячелетий (скорее всего, во второй половине или последней трети XX в.) произошли качественные сдвиги в развитии общества, человеческой цивилизации в целом. Если воспользоваться образным сравнением, то этот сдвиг подобен переходу от черно-белого телевидения к цветному.

История в своем неумолимом движении сняла вопрос о превосходстве одной формы собственности над другой, о несовместимости рынка и государственного регулирования, экономической рациональности и социальных ценностей. Движение идет к поиску синтеза, гармонии противоречивых и, казалось бы, несовместимых начал. Поиск решений в рамках черно-белых контрастов – это мышление стереотипами вчерашнего дня, новое переиздание хорошо знакомого догматизма.

Сегодня мы стоим перед необходимостью теоретического прорыва, выработки качественно новой парадигмы, переосмысления всего накопленного знания.

Не беря на себя смелость решить эту задачу в целом, хочу предложить следующие четыре тезиса, в правильности которых я убежден.

Ответ на вопрос “куда мы идем и какое общество строим” в принципе не может быть дан в рамках существующей парадигмы, системы понятий и категорий.

Цель в данном случае выступает не как некое конечное состояние (к чему мы привыкли), а лишь как направляющий вектор изменений.

Слагаемые этого вектора должны не “сочиняться”, а отражать ведущие глобальные тенденции мирового развития (переход к постиндустриальным технологиям, общемировая информационно-коммуникационная революция, становление институтов гражданского общества, формирование многоукладной и открытой экономики, гибкое сочетание регулирующих начал и механизмов самонастройки, рождение мощного и подвижного среднего класса и т.д.).

Новый облик общества складывается не в виде универсальной схемы, а как растущее многообразие, многоцветие моделей, отражающих исторические тенденции, своеобразие культуры, духовный склад населения той или иной страны.

На мой взгляд, любые преобразования и реформы, не учитывающие данных обстоятельств, носят тупиковый характер. Поэтому важен не сам ответ, а призыв к теоретической смелости, к необходимости серьезных, фундаментальных обобщений, к борьбе против плоского примитивизма и поверхностности, скороспелости суждений, против попыток дать ответ на уровне дешевой публицистики.

В предыдущей главе я, цитируя Спинозу, обещал не проявлять эмоций, однако читатель, наверное, почувствовал в моих словах некоторое

раздражение. Прошу меня простить, но это было неизбежно. Ведь прав был Блез Паскаль, говоривший: “Отчего это хромой человек нас не раздражает, а умственно хромающий раздражает? Оттого, что хромой сознает, что мы ходим прямо, а умственно хромающий утверждает, что не он, а мы хромаем; если бы не это, то мы питали бы к нему сожаление, а не гнев”<sup>6</sup>.

Я долго размышлял, чем закончить книгу. Поскольку это книга воспоминаний, наверное, нужно сказать о времени и о временах, о жизни человеческой.

Я прожил на свете больше восьмидесяти лет и очень люблю жизнь. Были в ней трудные и даже критические минуты, но я никогда не опускал рук. Любить жизнь – это значит непрерывно учиться, трудиться и не унывать, а возненавидеть ее можно только вследствие апатии и лени. Я не ждал от жизни подарков и сам делал ее. Думаю, кое-что получилось, и мне есть, что вспомнить.

Тем же, кто жалуется на дурные времена, хочу, основываясь на собственном многолетнем опыте, сказать: нет хороших или плохих времен, время едино. Меняются только люди и обстоятельства, причем последние во многом зависят от самих людей и их отношения к этим обстоятельствам. Поверьте, были на моей памяти такие тяжелые минуты, которые и вспоминать не хочется и которые нынешнему молодому поколению и не снились. И это были не те минуты, когда на столе не было куска хлеба, а в кармане ни гроша. Это было не во время войны и не тогда, когда у меня перед глазами была тюремная решетка. Особенно было трудно, когда чувствовал, что хочешь и можешь что-то сделать, но “нельзя”. Сегодня наш народ находится перед выбором подобно тигру в зоопарке, перед которым открыли клетку и говорят: выходи и кормись как знаешь, но ежедневного куска лежалого мяса, которое мы тебе можем дать, а можем и не дать, ты лишишься. Я бы, наверное, этому тигру все же посоветовал выбрать свободу, а нынешней молодежи завидую не потому, что она будет жить после меня, а потому, что у нее есть свобода выбора.

И молодым, и пожилым нытикам хочу сказать словами любимого мной Томаса Карлейля: “Человек не должен жаловаться на времена; из этого ничего не выходит. Время дурное: ну что ж, на то и человек, чтобы улучшить его”<sup>7</sup>.

Есть много мнений по поводу того, что такое счастье. Не оспаривая ни одно из них, добавлю от себя: чтобы чувствовать себя счастливым к концу своего жизненного пути, нужно сознавать, что ты не остался в долгу ни перед родителями, ни перед своей семьей, ни перед своими товарищами и коллегами по Московскому институту тонкой химической технологии (МИТХТ) им. М.В. Ломоносова и, конечно, по моему любимому детищу – Центральному экономико-математическому институту (ЦЭМИ) Российской Академии наук, ни перед своей Родиной.

<sup>6</sup> Паскаль Б. Мысли. 2-е изд. М., 1899. С. 81.

<sup>7</sup> Карлейль Т. Этика жизни. СПб., 1906. С. 34.



Н. П. ФЕДОРЕНКО ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ, ЗАГЛЯДЫВАЮ В БУДУЩЕЕ